

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1 (23)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1948 • ЛЕНИНГРАД

РЕДАКТОР ПРОФ. А. В. МИШУЛИН

ПРОТИВ НИЗКОПОКЛОНСТВА ПЕРЕД ИНОСТРАНЩИНОЙ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Советское государство может гордиться своими успехами во всех областях народного хозяйства, своими громадными достижениями в развитии социалистической культуры. Подводя итоги советским достижениям за тридцать лет, В. М. Молотов сказал: «Следует признать, что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов. Это относится ко всем советским народам, как к городу, так и к деревне, как к людям физического труда, так и к людям умственного труда. В этом заключается, действительно, величайший успех Октябрьской революции, который имеет всемирно-историческое значение»¹. Советские ученые—работники идеологического фронта—особенно должны учитывать это положение В. М. Молотова и в соответствии с этим предъявлять более высокие требования к своей продукции, к выпускаемым книгам, статьям, к своим лекциям и докладам. Идейный рост советских людей заставляет наших ученых критически подходить к своей работе, глубже вникать в ее содержание, обеспечивать постоянное движение и рост науки в своей области.

В советской стране созданы все условия для беспримерного в истории человечества развития науки, однако это развитие не может быть сплошным и ровным. Иногда ее поступательное движение встречает на своем пути препятствия и в частности некоторое сопротивление со стороны людей, в сознании которых еще живучи пережитки капитализма. В. М. Молотов отметил: «У нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой. Недаром господствующие классы старой России были нередко в большой духовной зависимости от более развитых в капиталистическом отношении государств Европы. Это позволяло культивировать среди некоторых кругов старой интеллигенции рабское сознание неполноценности и духовной зависимости от буржуазных стран Европы. Не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином»². Между тем среди некоторых советских ученых эти позорные пережитки еще имеют место.

Широкое обсуждение книги Г. Ф. Александрова «История западно-европейской философии» на специально организованной для этого дискуссии показало, что наука отсутствует там, где нет развернутого наступления на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеоло-

¹ «Большевик», 1947, № 21, стр. 10—11.

² Там же, стр. 16.

гии в сознании советских людей. Наука не движется вперед там, где отсутствует единый фронт ученых в борьбе за торжество марксистской методологии, за учение Ленина—Сталина, самое передовое и единственно прогрессивное во всей современной науке. Философский фронт оказался не на уровне современной марксистско-ленинской науки, он отстал от него; причины этого отставания вскрыл т. Жданов в своем выступлении на философской дискуссии. Он указал на то, что наши философы «не замечают фактов беспринципности и безыдейности в философской работе, фактов пренебрежения современной тематикой, фактов раболепия, низкопоклонства перед буржуазной философией. Они, видимо, считают, что поворот на идеологическом фронте их не касается. Теперь всем видно, что этот поворот необходим»¹.

Все сказанное тт. Молотовым и Ждановым целиком относится и к историческому фронту и обязывает советских историков древнего мира просмотреть свой научный багаж, серьезнее проверить его и сильнее вооружить идейным содержанием. Успехи, достигнутые советской историографией в области древней истории², свидетельствуют о движении вперед; однако для дальнейшего движения нужно навсегда освободиться от недостатков и пороков, указанных тт. Молотовым и Ждановым, и проникающих иногда и в нашу область исторической науки. Советская наука по древней истории выросла и сложилась в борьбе против буржуазных историков-модернизаторов, в борьбе против антиленинской социологической школы Покровского и прочно стала на марксистско-ленинский творческий путь развития. Часто там, где буржуазные историки видели только отдельные, разрозненные факты и явления, там советские ученые вскрывали закономерный процесс исторического развития. Вооруженные передовой марксистской методологией, советские историки древнего мира по-новому объяснили не только целый ряд исторических категорий, но дали, например, принципиально отличное от буржуазного представления понятие древневосточного общества, характеристику рабства, причин падения римской республики и империи, показали роль классовой борьбы в истории древности, движения рабов и т. д. Вместе с тем, несмотря на явное преимущество нашей науки перед западноевропейской, некоторые наши ученые не совсем еще свободны от зарубежного влияния. Оно проникает еще и в нашу область и порой выражается в рабепном признании западноевропейских авторитетов, в стремлении всякий раз сослаться на имя иностранного, пусть даже малозначимого ученого, процитировать его работу, подчеркнуть его приоритет в разработке того или иного, часто весьма мало важного, вопроса, щегольнуть знанием множества фамилий иностранных авторов независимо от их научной ценности. С другой стороны, зарубежное влияние выражается и в том, что достижения нашей русской и советской науки остаются многими авторами незамеченными, недооцениваются, имена русских ученых мало популяризируются, затушевываются или совсем забываются, а приоритет русской науки недостаточно оберегается. Под этим, в значительной мере внешним, проявлением зарубежного влияния может скрываться и более серьезная опасность, выражающаяся в проникновении таким образом идеологического буржуазного влияния на отдельных наших советских ученых, в проникновении буржуазных концепций в науку, в нашу область истории. Вот почему наша партия и призывает советских ученых развернуть беспощадную критику всех и всяких возможных проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой, бороться за авторитет советской науки и обес-

¹ «Большевик», 1947, № 16, стр. 20.

² Об этом см. ВДИ, 1947, № 3, стр. 1—94.

печить ее идейный рост. Именно с этих позиций мы должны подходить сейчас к трудам наших авторов и развернуть критику работ советских историков.

Последней новинкой литературы по древней истории является работа профессора Ленинградского университета С. Я. Лурье «Геродот», выпущенная в научно-популярной серии Академии Наук СССР (М.—Л., 1947 г.). Ко всякой работе, изданной Академией Наук СССР, и к ее автору необходимо предъявлять большие требования, в особенности же это относится к данной работе, ибо она рассчитана на значительно более широкий круг читателей, чем узко-специальная литература. Между тем книга представляет собой, по существу, своеобразную трибуну для многочисленных западноевропейских авторов, высказываниям которых С. Я. Лурье без должной критики предоставил страницы своего труда. Автор как будто даже поставил своей целью рассказать в этой книге советскому читателю о взглядах на Геродота всех буржуазных западноевропейских историков. Он часто прибегает к характеристике Геродота словами Эд. Мейера, Якоби, Кери, Эренберга и других зарубежных исследователей, цитируя подряд целые страницы текста их работ. Например, стр. 81—82 представляют сплошную цитату из работы Якоби, на стр. 38 автор пишет, что довольствуется передачей слов Эд. Мейера, так как целиком стоит в разбираемом вопросе на точке зрения последнего. Понятно, что от такого приема автора пострадало не только самое исследование, но и правильность данной С. Я. Лурье характеристики «отца истории» — Геродота. Вся работа изобилует многочисленными, большей частью совершенно немотивированными ссылками на иностранные работы о Геродоте, а в указанной автором библиографии приводится только девять русских работ рядом с огромным, растянувшимся на три страницы списком иностранной литературы, к которой автор так охотно отсылает своих читателей. Чем можно объяснить подобный факт? Неужели у советского ученого, каким является С. Я. Лурье, нехватило русских слов для характеристики известного историка древности и он был вынужден прибегнуть к переводу с немецкого? Или он решил прикрыться именами западноевропейских авторитетов, давая характеристику Геродота? Нужно отметить, что для автора этот прием не является совсем новым. В другой своей работе «Очерки по истории античной науки» (М.—Л., 1947 г.), автор сам говорит: «вслед за Баконом и Галилеем, вслед за Левенгеймом я стремлюсь показать, что Платон и Аристотель только по недоразумению попали в число творческих деятелей античного естествознания» (предисловие, стр. 6). Автор идет вслед за Левенгеймом, но не хочет останавливаться на оценке Аристотеля Марксом и Энгельсом. Взгляды Маркса о Демокрите С. Я. Лурье приводит только в приложениях к своей книге, петитом, после примечаний и указателя литературы. Вот это постоянное стремление автора идти вслед за различными буржуазными учеными, стоящими на чуждых нам идеалистических позициях, и приводит его к отходу от марксизма-ленинизма, не дает ему возможности овладеть методом материалистической диалектики и сделать свои работы подлинно научными.

Другим примером из числа новых книг по древней истории является работа профессора С. Ф. Кечекияна «Учение Аристотеля о государстве и праве» (М.—Л., 1947 г.)

Бросается в глаза то обстоятельство, что, принимая взгляды целого ряда зарубежных авторов, С. Ф. Кечекиян явно опускает русские работы, посвященные исследованию тех же проблем. Автор охотно прибегает к ссылкам даже на очень старые западноевропейские работы, неоднократно указывает на разработку каждого отдельного вопроса зарубежными авторами (Schneider, 1825 г., Jourdain, 1843 г. Oncken, 1875 г., Pöhlmann,

Zeller, Hirzel, П. Жане и другими), но забывает назвать работы широко известных русских ученых в области истории государства и права, каким являлся, например, Б. Чичерин. С. Ф. Кечекьян не упустил даже возможности привести высказывания некоего немецкого переводчика «Политики» Аристотеля—Рольфеса, который находит у Аристотеля одобрительную оценку монархии (стр. 110, прим. 5), безоговорочно принимает взгляды Newman'a (стр. 14, 81, 83 и др.) и только указал на то, что русская работа А. Бронзова, посвященная учению Аристотеля о нравственности, является идеалистической (стр. 80, прим. 1). Наряду с замечанием об идеалистической концепции Бронзова, автору следовало бы дать серьезную критику буржуазных зарубежных работ по этому вопросу, чего он не сделал. На стр. 83 (прим. 2) С. Ф. Кечекьян пишет: «Rehm сводит аристотелевскую концепцию государства к абстрактной, ничего не говорящей формуле, в которой исчезает всякий намек на рабовладельческий характер государства, о котором писал Аристотель». Автор в данном случае сам оказался в плену у буржуазного ученого и не видит, что если Rehm отрицает рабовладельческий характер государства, то это вовсе не «абстрактная» и «ничего не говорящая формула», а типичная буржуазная формула, выхолащивающая классовую сущность государства.

Назвав во введении буржуазных ученых Рема и Пельмана модернистами (стр. 5), С. Ф. Кечекьян счел, что достаточно обезопасил себя и читателей от их влияния, и в дальнейшем тексте свободно прибегает к использованию работ этих авторов, к цитированию и ссылкам на них (стр. 25, 59, 70, 132 и многие другие).

Почему автор прибегнул к такому методу передачи материала? Разве так необходимо для советского ученого подкреплять свою точку зрения высказываниями различных буржуазных ученых и стремиться установить их приоритет в каждом отдельном вопросе? Такие методы работы привели автора к явно немарксистской, некритической оценке взглядов отдельных буржуазных ученых.

Другой советский ученый в области античной философии, профессор А. О. Маковельский, последняя работа которого («Древнегреческие атомисты», Баку, 1946 г.) чрезвычайно засорена многочисленными ссылками на работы буржуазных западноевропейских «авторитетов», настолько увлекся изложением взглядов зарубежных авторов по каждому отдельному вопросу, что даже К. Маркса поставил в один ряд с буржуазным ученым Д. Тидеманом. На стр. 34, излагая существующие взгляды по вопросу о том, что первичное движение атомов у Левкиппа и Демокрита не обусловлено их тяжестью, А. О. Маковельский пишет: «Из более ранних авторов этого взгляда придерживались Д. Тидеман и Карл Маркс». Таким образом гениальный основоположник научного социализма, К. Маркс, оказался у А. О. Маковельского только «более ранним автором» в разработке этого вопроса.

Явное преклонение перед буржуазной наукой сказалось у автора перевода книги Ш. Дилия «Основные проблемы византийской истории» Б. Т. Горянова. Он сразу же, с первых слов своего вступления к переводу этой книги, поспешил провозгласить приоритет французских ученых в разработке проблем византиноведения, хотя всем хорошо известно, что именно русское византиноведение всегда занимало и занимает ведущее место и именно русские византинисты получили мировое признание, а зарубежные исследователи должны были прислушиваться к ним и считаться с их мнением. Положение Б. Т. Горянова: «Франция заслуженно завоевала себе авторитет классической страны научного византиноведения» является просто клеветой на русскую науку. Вышедший в свет, после большого перерыва в издании, том I (XXVI) «Византийского временника» также

не свободен от влияния буржуазной науки и преклонения перед ней. В предпосланном этому сборнику введении прямо говорится, что издатели ставят своей задачей п р о д о л ж и т ь русские традиции и держать своих читателей в курсе последних достижений «мирового византиноведения». Эта ошибочная позиция издателей механически «продолжать» старые традиции да еще инструктироваться у «мирового» византиноведения (очевидно, авторы имели в виду византиноведение в буржуазных странах) уводит от задачи создать свое, с о в е т с к о е византиноведение, основанное на марксистской методологии. Признавая огромные заслуги русского византиноведения, советские ученые не могут все же остановиться на уровне и позициях буржуазной науки, они не могут быть только продолжателями традиций русского и какого-то «мирового» византиноведения, а призваны создать свое, марксистское, самое передовое и правильное мировоззрение в этой области исторической науки. Вышедший номер «Византийского временника», отказавшегося от критики современных буржуазных взглядов на историю Византии и проповедующего даже содружество с мировым, а значит, и буржуазным, византиноведением, оказался на ошибочных, не на марксистских позициях.

Все эти примеры свидетельствуют об имеющихся еще фактах притупления политической бдительности среди некоторых наших ученых-антиковедов, в то время как современное состояние буржуазной науки в области древней истории требует от советского историка острой, боевой критики. Значительная часть признанных западноевропейских «авторитетов» древней истории стала сейчас открытыми апологетами капитализма, а работы их являются проповедью капиталистического строя. Буржуазные ученые все чаще обращают свой взор в далекое прошлое. Они стремятся оправдать существование капитализма искусственно созданными аналогиями из истории античного мира, стремятся таким путем доказать жизнеспособность капиталистического строя, возможность его дальнейшего существования. В этом состоит истинный политический смысл модернизации истории древнего мира на современном этапе. Поэтому не случайно, что «выдающиеся» и «знаменитые» на Западе историки античного мира оказались в стане правящей клики реакционеров и мракобесов. Как известно, «прославленный» историк античности Э. Паис стал, в конце концов, сенатором при Муссолини, а фашиствующий историк Ж. Каркопино сумел даже занять пост министра просвещения в «правительстве» Виши. Выполняя социальный заказ своих господ, эти, с позволения сказать, «маститые ученые» создавали свои труды по древней истории в тоне и духе, требуемом их хозяевами. Незадолго перед второй мировой войной Паис вполне откровенно проповедывал, что современная внешняя политика Италии должна восстановить древнеримские завоевательные традиции, а Каркопино, писавший во времена расцвета режима Муссолини, создал откровенно фашистское, цезаристское построение римской истории.

Все известно, что американский исследователь Тенней Франк был подголоском реакционера Гувера. Этот ученый в своих статьях и исследованиях пропагандировал мысль, что крестьянское движение в Риме в эпоху Гракхов имело место и потерпело неудачу потому, что там не оказалось «крепкого» класса фермеров, который существует сейчас в Америке. По мысли Т. Франка, Америке удалось себя обезопасить от крестьянских движений, поскольку там есть такие фермеры. Вот с какой позиции «маститый» ученый пытался «американизировать» древнюю историю Рима.

Следует ли говорить о том, что советские историки должны пойти в наступление против подобных реакционных буржуазных теорий, к каким бы проблемам истории они ни относились? Советские историки должны кри-

тически относиться к каждому слову, написанному подобными авторами, должны снять с них оболочку «большой учености» и показать, что эти «ученые» являются типичными буржуазными политиками, а иногда даже и прямыми агентами фашизма. Однако не все наши историки это понимают. Отдельные научные работники, часто без всякой необходимости, «украшают» свои труды многочисленными ссылками на иностранные работы, хотя бы и не оригинальные и не представляющие большой научной ценности. «Отдельные научные доклады и диссертации, — как указано в передовой статье газеты «Правда» (23/IX 1947 г.), — пересыпаны цитатами из заграничных журналов, научная ценность и авторитетность которых равна нулю. Некоторые местные научные работники в погоне за сомнительной «популярностью» стремятся печатать свои труды в такого рода журнальчиках, забывая о достоинстве и гордости советского гражданина, советского ученого».

Стремление получить мнимую «популярность» свойственно и некоторым советским историкам древнего мира. Нельзя, например, пройти мимо того факта, что знаменитый математический папирус, хранящийся в московском Музее изобразительных искусств и являющийся достоянием русской исторической науки, был опубликован русскими учеными (акад. В. В. Струве), но в Берлине и на немецком языке, а на русском языке он до сих пор не появлялся. Некоторые советские историки античности, как, например, С. Я. Лурье, неоднократно публиковали свои специальные, не выходявшие на русском языке работы в иностранных журналах. Уже в 1947 г. проф. И. Н. Бороздин поместил свою статью «*Turkmenia at the dawn of History*» в лондонском журнале «*Asiatic review*», Jan., vol. 43, № 153.

Чем другим, как не низкопоклонством и угодничеством перед иностранщиной можно объяснить подобные факты?

С другой стороны, достаточно известен тот факт, что отношение зарубежных историков к достижениям советской науки далеко не объективное. В то время как некоторые советские ученые охотно, а часто даже и незаслуженно признают приоритет буржуазных исследователей в разработке отдельных проблем, буржуазные авторы игнорируют, замалчивают, не замечают достижений русской науки в прошлом, а роль советской науки умышленно принижается. В самое последнее время так получилось, например, с опубликованной в журнале «*Antiquity*» (№ 78, июнь 1946 г.) статьей широко известного советского исследователя С. П. Толстова «Ранняя культура Хорезма». Поместив эту статью, редакция «*Antiquity*» сочла необходимым сделать свои примечания, порочащие честь советского ученого и советской науки. Вместо того чтобы признать большие достижения советской науки в области изучения истории Хорезма, как это в действительности имеет место, приписка редакции свелась к указанию на плохой язык этой статьи, вызвавший необходимость переработки ее редакцией для опубликования в «*Antiquity*», а затем к сдержанному пожеланию, чтобы дальнейшие работы С. П. Толстова подтвердили высказанные им в статье положения. Вместо того, чтобы отметить большую научную ценность исследований советского ученого, редакция «*Antiquity*» принизила, умалила значение археологических открытий проф. Толстова и, по существу, ошельмовала советскую науку.

Мы знаем, что за рубежом есть много демократически настроенных историков, обращающих свои взоры на Советский Союз. Известно стремление передовых ученых стран новой демократии стать на путь правильного осмысливания закономерностей исторического процесса и понять самое передовое учение о развитии общества, основанное на методе диалектического материализма. Именно такое стремление болгарских ученых ярко выраже-

но в журнале «Исторически преглед». Нам близки имена таких прогрессивных историков, каким является, например, английский археолог Г. Чайлд. Мы охотно поможем им в прогрессивном развитии науки, но мы решительно отмечаем всякое угодничество и преклонение перед иностранщиной.

Недостойное советских ученых угодничество и преклонение перед иностранными «авторитетами», к сожалению, сумело проникнуть и в наш журнал, и редакция журнала не смогла довести до конца борьбу с этим явлением. Наши рецензии на иностранную литературу часто носят библиографический характер, не вскрывают идеологической направленности рецензируемой работы и не стали еще нашим острым, действенным оружием в борьбе с буржуазной наукой за торжество марксистской методологии. Огромный, но голый фактический материал, которым часто оперируют буржуазные историки, иногда подавляет наших рецензентов, и они видят образец «учености» там, где на самом деле проводятся самые отсталые, самые реакционные, требующие разоблачения, буржуазные взгляды. Наши обзоры иностранных журналов неправильно ставили своей целью, главным образом, ознакомление читателей с выходящей за рубежом литературой и не всегда обеспечивали критический подход к ней. Некоторые статьи наших авторов испещрены ненужными и даже вредными ссылками на иностранные работы, нисколько не повышающими научную ценность этих статей и снижающими роль советской исторической мысли в области древней истории. Так, например, в статье о социальных идеях сатурналий автор неоднократно ссылается на ряд иностранных авторов (Вендланд, Фрезер, Ф. Кюмон, В. Рошер, Дун) и не указал ни одного русского ученого, занимавшегося проблемами социальных идей античности.

В статье о борьбе политических партий в Риме весьма подробно излагаются взгляды всех буржуазных историков по вопросу о популярах и оптиматах, устанавливается приоритет англичан в постановке этого вопроса и разбираются тончайшие нюансы в огромном хоре, состоящем из множества иностранных фамилий (Hegewisch, Gelzer, Syme, Strasburger, Last, J. Vogt и E. Kornemann, Piganiol, Carcopino и др.), среди которых совершенно затерялись два имени из числа русских исследователей (Р. Ю. Виппер и С. И. Протасова), взглядам которых отводится в исследовании ровно шесть строк. Брошенная автором мысль о том, что в русской историографии уделялось большое внимание разбираемому вопросу, выглядит поэтому абсолютно голословной и совершенно неубедительной. Автор ссылается на имя Пиганьоля только потому, что последний говорит «о партии популяров, выступающих с определенными методами борьбы» (стр. 129), в то время как в любой советской книге и самом популярном курсе древней истории, читаемом в многочисленных советских университетах и педагогических институтах, неизбежно говорится о партии популяров. Еще в работе Р. Ю. Виппера «Очерки истории Римской империи» говорилось о популярах (стр. 47), а в «Очерках по истории древнего Рима» В. С. Сергеева изучению вопроса о партиях популяров и оптиматов отводится специальное место (ч. 1, стр. 173—177). Понятно, что такая манера всякий раз обращаться к иностранным авторам по вопросам, достаточно разработанным в русской науке, дезориентирует нашего читателя и принимает роль советской науки.

Русская историческая мысль внесла значительный вклад в развитие науки по древней истории. В разработке многих вопросов истории античного мира именно русским ученым принадлежит приоритет. Так, всемирное признание получила в свое время работа В. И. Модестова «Введение в Римскую историю»; появлению пятого тома «Римской истории» Моммзена предшествовала работа русского ученого С. В. Ешевского «Центр римского

мира и его провинции», опередившая пятый том Моммзена лет на 30—40, положившая, таким образом, начало изучению истории римских провинций и свободная от недостатков труда прославленного немецкого историка; значительно ранее работ Олло известный русский исследователь акад. С. А. Жебелев первый дал новое освещение римским войнам на Востоке в своей работе «Первый год второй Македонской войны». Выдающееся значение имели работы Ф. Ф. Соколова, В. П. Бузескула, Б. А. Тураева, В. В. Латышева, Н. Я. Марра, Р. Ю. Виппера и многих других русских исследователей.

В методологическом отношении русские ученые всегда стояли выше и шли впереди зарубежных исследователей. Следует отметить, что влияние марксизма на русскую историческую мысль проявлялось еще в дореволюционные годы. Однако у некоторых наших историков отсутствует стремление бороться за свой авторитет и отстаивать честь русской исторической науки в разработке тех или иных проблем. Они охотнее обращаются к работам Моммзена, Олло, Т. Франка и других иностранных исследователей, а наши отечественные труды в той же области забываются. Так, забыты работы Куторги (об аттической общине), Кулаковского (к вопросу о начале Рима), Крюкова (о происхождении плебеев в Риме), работа Аландского по древнему периоду истории Рима и истории Греции, целый ряд интересных статей Нетушила, опубликованных в ЖМНП, и многие другие. Наши отечественные труды по древней истории не переиздаются, в то время как заграничные работы выходили по несколько раз (например, работа Моммзена). Нашей насущной задачей поэтому является воскресить важнейшие работы русских историков и доказать приоритет русской исторической мысли в разработке многих исторических проблем древней истории.

В сравнении со старой русской наукой советские ученые значительно продвинулись вперед, ибо они строят свои исследования на марксистско-ленинской основе. Огромный вклад в нашу советскую науку по древней истории был сделан советскими историками за 30 лет развития советского общества. Работы акад. В. П. Волгина по истории социализма, акад. В. В. Струве и акад. Н. М. Никольского в области истории древнего Востока, акад. А. И. Тюменева по социально-экономической истории древней Греции, профессоров В. С. Сергеева, А. В. Мишулина, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева в области изучения проблем социальной борьбы, гражданских войн и истории цезаризма, проф. А. Б. Рановича по истории эллинизма и других советских историков являются серьезным вкладом в историческую науку по древней истории, так же как и археологические исследования, проводимые проф. С. П. Толстовым, С. В. Киселевым, В. Ф. Гайдукевичем, В. Д. Блаватским, П. Н. Шульцем и рядом других советских археологов.

Советская наука может гордиться своими достижениями, и ей не к лицу уступать свой приоритет буржуазным ученым. Дальнейшее развитие нашей науки ставит перед историками ряд новых задач, главной из которых является развитие критики и самокритики в науке. Беспринципность и либерализм, боязнь резкой критикой обидеть автора приводят к ошибкам, к извращению исторической перспективы, к торможению развития нашей советской исторической науки. Слова т. Жданова о том, что «отсутствие творческих дискуссий, критики и самокритики не могло не отразиться пагубным образом на состоянии научной философской работы», целиком относятся и к нашей науке.

Разве не ясно, что критические статьи и обзоры современной литературы по древней истории должны стать принципиальными, острыми, проникнутыми духом воинствующего материализма. Нельзя дальше допускать «академической объективности», под флагом которой часто скрывают-

ся беспринципность и аполитичность. Наша критика должна играть руководящую идейную роль в развитии нашей науки. Разработка теоретических проблем истории древнего мира невозможна без решительного разгрома всех идейных противников марксистско-ленинской теории.

Задачей советских историков является не продолжение старых традиций, а создание принципиально новой, своей, марксистско-ленинской науки в области древней истории. Указание И. В. Сталина на то, что, в отличие от буржуазной науки, история, созданная советскими учеными, должна быть историей непосредственных производителей, а не историей царей и полководцев, еще не выполнено нашими учеными. Мы мало занимаемся изучением непосредственных производителей в истории древнего мира. До сих пор общее построение и структура наших учебников и курсов по древней истории во многом еще следуют за схемой, разработанной и принятой в свое время буржуазной наукой. Наши советские ученые много занимались изучением отдельных проблем и вопросов древней истории, достигли значительных успехов в этой области, но они до сих пор не освободились еще от власти общей схемы истории древнего мира, созданной буржуазной наукой. Великое ленинско-сталинское учение дает нам возможность полностью преодолеть буржуазное влияние и дать свое, самое передовое, принципиально отличное от буржуазного, построение истории древнего мира, создать действительную историю непосредственных производителей.

Наши советские ученые свободны от узких рамок капиталистического строя, мы живем и работаем в условиях самого передового общественного и государственного строя, который открывает широчайшие творческие перспективы для движения нашей науки. «Последний советский гражданин,—говорит товарищ Сталин,—свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства». Советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией, стоят неизмеримо выше любого самого прославленного буржуазного авторитета.

Советская историческая наука достигла немаловажных результатов. Советские историки имеют законные основания гордиться своими успехами. И есть все основания полагать, что мы в самое ближайшее время изживем недостатки тех немногих историков из нашей среды, которые еще не освободились от низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина всесильно, потому что оно верно.

Акад. А. И. Тюменев

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЕРСОНАЛ ХРАМА БАУ В ЛАГАШЕ ВРЕМЕНИ УРУКАГИНЫ

Документы хозяйственной отчетности храма Бау в Лагаше, относящиеся приблизительно к середине III тысячелетия до н. э., для исследования хозяйственной системы древнего Шумера имеют исключительное значение. Буржуазную концепцию господства феодальных отношений на древнем Востоке, легшую в основу насковзь реакционной теории циклического развития, можно признать окончательно опровергнутой советской наукой. Работы академика В. В. Струве и других советских историков доказали рабовладельческий характер общественного строя древнего Востока. Но рабовладельческий строй древнего Востока имел своеобразные черты. Для раннего периода древневосточных обществ характерно не только централизованное руководство ирригационными и крупными строительными работами, но и существование больших храмовых и патесиальных или царских хозяйств. «Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного лица, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвешения единства—отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа—бога» (К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 11). Этот коллективный труд превращается во все более тяжелую форму эксплуатации трудящихся, приближающуюся к настоящему рабству. Для определения состава и положения персонала патесиальных и храмовых хозяйств документы архива Бау и содержат как раз богатейший материал.

В Лагаше времени Лугальанды и Урукагины (конец XXV и первая половина XXIV ст. до н. э.) в центре хозяйственной системы стояло хозяйство двора патеси и членов его семьи, обслуживаемое обширным административным и рабочим персоналом, рядом с которым существовали хозяйства храмов. О том, в какой мере такая хозяйственная централизация охватывала территорию и население страны, прямых указаний в наших источниках не встречается, однако, на основании некоторых данных, можно полагать, что в патесиальное и храмовые хозяйства была втянута значительная, быть может, и большая часть населения области Лагаша. Наиболее обширным было хозяйство патеси (царя), затем хозяйства жены и детей патеси. Хозяйства отдельных храмов также располагали каждое собственным хозяйственно-административным и рабочим персоналом. Связующим звеном между всеми этими отдельными хозяйственными коллективами служило не только верховное руководство со стороны централь-

ной власти патеси (царя), но также и выполнение ряда работ, имевших общегосударственное значение, прежде всего ирригационных, также строительных.

Для суждения о хозяйственном строе и об эксплуатации рабочей силы в эту эпоху мы располагаем только данными архива одного из названных хозяйственных коллективов, именно хозяйства жен патеси Энатарси и Лугальанды и «царя» Урукагины¹. То обстоятельство, что при Урукагине хозяйство царской супруги Шаг-Шаг поставлено было в связь с храмом богини Бау, равно как хозяйство самого Урукагины—с храмом главного божества покровителя города Нингирсу², мало меняет дело, так как возглавлялись эти хозяйства самим патеси (царем) и его женой в лице их управляющих—нубанд.

Не только вся территория, эксплуатировавшаяся в хозяйстве жены патеси (царя), но и все люди, составлявшие непосредственный служебный и рабочий персонал этого хозяйства, рассматривались как прямая и безусловная собственность, как принадлежность (*ú-gum*) жены правителя (геср. богини Бау). В документах времени Энатарси и Лугальанды люди, занятые в хозяйстве их жен Лугунутур и Барнамтарры, обозначались как непосредственно им принадлежавшие; при Урукагине эта формула пополнена была упоминанием богини Бау и писалась так: «Люди, принадлежащие богине Бау, Шаг-Шаг, супруге Урукагины царя Ширпурлы (Лагаша)»³.

Содержание архива Бау свидетельствует о развитии к этому времени самой тщательной и детальной хозяйственной отчетности. Документы архива касаются прежде всего, с одной стороны, регистрации и описания полей и угодий и переписи и учета рабочей силы; с другой же стороны, учета всех поступлений и выдач, в частности, выдачи натурального довольствия персоналу патесиального (храмового) хозяйства. Именно документы

¹ Документы этого архива, рассеянные по различным музеям мира, публиковались в ряде изданий и тем не менее издана лишь незначительная их часть, см. F. Thureau-Dangin, *Recueil des tablettes chaldéennes*, Paris, 1903; М. В. Никольский, *Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи*, I, СПб, 1908 (*Древности восточные*, III, 2); Allotte de la Fuye, *Documents présargoniques*, fascicules 1—5, Paris, 1908—1920; H. Genouillac, *Tablettes sumériennes archaïques*, Paris, 1909; M. J. Hussey, *Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum*, I, Cambridge (Leipzig), 1912; W. Förtsch, *Altassyrische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalandas und Urukaginas*, Leipzig, 1916; 2-я часть того же издания в транскрипции помещена Деймелем в «*Orientalia*» (последнего издания не было в моем распоряжении). Хозяйственная жизнь Лагаша на основании документов архива Бау была обстоятельно исследована Деймелем в ряде статей, помещавшихся в «*Orientalia*» за 1920 и следующие годы; к сожалению, это издание не имеется в ленинградских библиотеках, и потому я мог пользоваться лишь сводной, подводящей итоги предшествовавшим исследованиям работой Деймеля, *Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger, Abschluss der Einzelstudien und Zusammenfassung d. Hauptresultate*, Roma, 1931 («*Analecta Orientalia*», II).

² См. Конус В-С Урукагины, столбец IX, строка 7 сл.; Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, Leipzig, 1907 («*Vorderasiatische Bibliothek*», I, стр. 50).

³ Такая терминология применяется не только в списках рабынь (гим) и в списках «шинуду...», охватывавших более тесный персонал хозяйства Бау, но одинаково также и по отношению *šublugal* и *lú kúr-dab₅-ba*, под которыми, несомненно, имеются в виду более широкие круги населения, см., например, STN, № 7; М. В. Никольский, № 3; DP, № 120 и др. То же обозначение *ú-gum d. Ba-u* употребляется и в общих списках, охватывавших людей различных категорий от гим до *šublugalei*, например, в документе о выдаче шерсти, см. DP, № 171, оборот, столбец X, строка 2. В 6-й год правления Урукагины, при новом управляющем Эншуги и эта формула сменяется новой — *é dingir Ba-u*, т. е. дом (хозяйство) богини Бау Шаг-Шаг и т. д., притом одинаково как в отношении рабынь—гим, так и в отношении списков *lú kúr-dab₅-ba*, см. STN, №№ 3, 24; DP № 121.

последнего рода, как содержащие данные о рабочей силе патесиальных хозяйств, представляют для нас особый интерес.

Поскольку люди, занятые в хозяйстве Бау, составляли «собственность» богини (царицы), этой «собственности» велся, как и другим видам собственности, самый тщательный учет. В архивах храма Бау сохранилось немало списков рабочего персонала храма. Одни из этих списков охватывали более широкие круги зависимого от храма Бау населения. Такие списки составлялись, например, в целях военного призыва¹, так же как и в целях учета рабочей силы². Рядом с такими общими списками имеются и меньшие списки более частного характера, преследовавшие какую-либо специальную хозяйственную цель³, наконец, списки, включающие людей различных профессий и положений и составленные по неизвестным поводам⁴. Встречаются даже и документы чисто демографического характера, отмечающие передвижение, прирост и убыль населения⁵.

Все эти записи, несмотря на интерес, который они представляют для характеристики системы учета рабочей силы в Лагаше, носят все же более или менее случайный характер, и потому содержат слишком мало данных для суждения о рабочей силе, эксплуатировавшейся в патесиальных хозяйствах этой эпохи. Более полное представление относительно персонала патесиального и храмовых хозяйств дают документы, содержащие запись выдач довольствия, производившихся ежемесячно, иногда также в праздничные дни. Поскольку документы этого рода охватывают различные группы хозяйственного персонала храма Бау, поскольку они в то же время составлялись периодически из месяца в месяц и сохранились за целый ряд лет, начиная с правления патеси Энтарси и кончая последним годом правления Урукагины, они содержат в себе не только более полные, но и, как можно полагать, исчерпывающие данные по интересующему нас вопросу о рабочей силе, занятой в хозяйстве храма Бау. На основании этих данных мы можем судить не только о составе персонала хозяйства Бау, но и о происходивших в нем изменениях. Составленные по одному и тому же типу и повторявшиеся, как сказано, из месяца в месяц и из года в год, документы эти заключают в себе частью поименные, частью групповые (с указанием имен лиц, возглавлявших каждую данную группу) записи людей, получавших довольствие. Выдачи довольствия производились по отдельным определенным группам храмового персонала, на каждую из которых и составлялись специальные документы. Группы,

¹ М. В. Никольский, № 3; DP, №№ 135, 136.

² М. В. Никольский, № 4.

³ Таковы списки рыбаков, моряков, судостроителей (см. Никольский, №№ 12, 366; STN, 28, 29; TSA, №№ 19, 47), списки pu-sig («сирот»? м. и ж. пола; Никольский, № 15), списки храмовых и дворцовых служащих (lù igi-lagab; DP, №№ 132, 133), списки «носильщиков» (il; там же, № 505), списки игинуду, принадлежавших дочерям Урукагины (там же, № 339), записи числа людей, занятых на огородах (там же, №№ 375, 394, 395, 398, 402 сл.; Никольский, №№ 46, сл.; TSA, № 40), список людей назначенных на полевые работы (DP, № 602).

⁴ Никольский, №№ 5, 11; DP, №№ 140, 141, 334 сл.

⁵ Таковы, например, запись семи человек, поселившихся в одной из частей города Лагаша—Нина-ки (Никольский, № 10), поименные списки с указанием людей, находящихся в наличии и умерших (Никольский, № 14); из 39 названных лиц 8 значатся умершими (ср. DP, № 602: список работников на поле, также с указанием умерших), специальные списки умерших с указанием имен надзирателей, от которых они находились в зависимости (Никольский, № 7), аналогичные списки умерших с указанием числа умерших без наследников и оставивших после себя сыновей или иных заместителей (DP, № 136). Наконец, к этому же типу документов относится также документ, содержащий перепись членов нескольких семей, причем в списке людей, принадлежавших Бау, отнесены одинаково и взрослые члены семей (в том числе не только отцы семейства, но и их жены и вдовы), и малолетние члены семьи, и принадлежавшие этим семьям рабы и рабыни (Никольский, № 19).

по которым производились выдачи довольствия, в соответствующих документах обозначались как 1) gim dumu («рабыни и [их] дети»), 2) igi-nu-du (il)šag-dub-aš-aš («игинуду, носильщики, люди, получающие по отдельным табличкам»), 3) lú kúr₆-dab₆-ba («люди, получающие кормление»)¹.

Ближайшее рассмотрение содержания всех этих документов даст нам возможность определить положение различных групп рабочего персонала храма Бау. Начнем с документов типа gim dumu, содержание которых не внушает никаких сомнений. Значение термина gim ясно: он может означать только «рабыня», чему соответствует и его идеографическое написание, состоящее из двух идеограмм: «женщины» и «горной (восточной) страны». Помимо собственно рабынь, в эти списки попадали лишь единичные мужчины. Это были либо лица, возглавлявшие отдельные партии рабынь, например, пивовары, свиноводы, либо люди, обозначавшиеся не вполне ясным термином nu-sig («сирота»). Женщины списков gim dumu—это никоим образом не рабыни гарема². Женщины этих списков выполняли различные хозяйственные функции при дворе царицы. В большинстве они были заняты обработкой и пряжей шерсти, затем помолом зерна, работали на пивоварне, на кухне, на них возложен был, наконец, уход за свиньями и другим мелким содержащимся при дворе скотом³.

Много труднее определить состав персонала, получавшего довольствие по спискам второго рода. Начать с того, что эти списки, в отличие от списков рабынь, отличались сложностью своего состава. Здесь мы имеем дело не с однородной группой людей, но с тремя группами, выделяемыми и в итоговых строках самих документов. Это—«игинуду», «носильщики» и «люди, получающие по отдельным табличкам». Необходимо, поэтому, рассматривать все эти три группы отдельно. Это тем более необходимо, что самые термины, употребляемые для обозначения этих групп, не содержат в себе никаких прямых указаний относительно их социального положения и роли в хозяйстве. Термин igi-nu-du обозначает собственно «не поднимающий глаз» (его переводят также как «слепой»), термин il—«носильщик» имеет в виду, вероятно, людей неквалифицированного труда. Термин šag-dub-aš-aš относится к людям, которые, в отличие от игинуду, представляемых возглавляющими их лицами, получают довольствие индивидуально и перечисляются в документе поименно.

В «игинуду» большинство исследователей, исходя прежде всего из указанного значения самого термина, склонны видеть рабов⁴.

¹ Встречаются еще списки lú TUR-TUR-la-ne- («люди детей [патеси]»). Списки эти, однако, не представляют перечень особой группы в хозяйстве Бау и не обозначаются как «собственность» богини. Это не дополнительные, а параллельные списки, включавшие полностью весь персонал, обслуживавший хозяйство детей царя (патеси). О том, что документы трех названных в тексте типов охватывают весь персонал хозяйства храма Бау, свидетельствуют и краткие итоговые записи всего выданного за месяц на содержание людей и на корм скота верна, в которых значится только количества зерна, выданного по названным спискам, а также на корм быкам и овцам, см. TSA, № 22; DP, № 154; STH, №№ 3—4. В записи правдичных выдач верна и хлеба, равно как при выдаче шерсти, в которых не проводилось разделение на группы, нередко включался весь храмовый персонал от хозяйственной администрации до рабынь и игинуду. Люди, которым производятся эти выдачи, в соответствующих документах или не называются никак, или же обозначаются по получаемому продукту: lú ninda-ba, lú sig-ba, lú tug-ba, lú nindu-tug-ba («люди, получающие хлеб, шерсть, одежду, хлеб и одежду»).

² Не говоря уже о том, что женщины этих списков составляли часть персонала не царя, а царицы, самое существование гарема в Лагаше, как и в других городах Двуречья, в эту эпоху не засвидетельствовано.

³ Относительно роли в хозяйстве женщин-рабынь ср. В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока. Рабство в древнейшем Сумпире (Известия ГАИМК, вып. 97, М.-Л., 1934, стр. 23—24).

⁴ A l l o t t e d e l a F u y e (RA, XVI, стр. 7 сл.) видит в игинуду всенноплённых, работающих с завязанными глазами (?—А. Т.), и сопоставляет их с животными, дви-

Вопрос, однако, не решается так просто. Игинуду в документах всегда фигурируют наряду с садовыми работниками—«дуатар» и вместе с этими последними образуют партии, подчиненные садовникам—«нусар». Они работают исключительно на садовых плантациях, не участвуя в то же время ни в каких других общественных работах¹. Имеется несколько документов, в которых игинуду являются объектом купли-продажи, причем в качестве покупателей во всех известных случаях выступают жены патеси² или их садовники³, из чего также можно сделать заключение, что приобретались эти игинуду для работы на садовых плантациях патесиального хозяйства. Все это показывает, что термин «игинуду» применялся не столько для обозначения социального положения, сколько для определения профессии, что относился он не к рабам в собственном смысле, но прежде всего именно к садовым работникам⁴. Характерно, что и в документе о покупке игинуду названы именно люди, приобретаемые садовниками, тогда как человек, приобретаемый одновременно по тому же документу пастухом, обозначен просто как человек-мужчина (nitah).

Основную функцию игинуду, повидимому, составляла подача воды из каналов и колодцев для орошения садовых плантаций⁵. В пользу этого говорит и отмечаемый в известной надписи конуса Урукагины факт появления (в предшествовавшее его реформе время) игинуду близ колодца, сооружаемого на своем поле шублугалем⁶. Обобщать этот факт и приписывать всем игинуду только выполнение этой функции было бы, однако,

гающими колесо пригационной машины. Рабами игинуду признает также А. Шнейдер («Die sumerische Tempelstadt», стр. 35). Хотя Деймель и переводит термин «игинуду» как Blinder, Gartenarbeiter и точнее как Wasserträger (SL, 449, 59; ср. он же, Die Sumerische Tempelstadt, стр. 21), но он же называет игинуду рабами (там же, стр. 37). Более обстоятельно на вопросе об игинуду Деймель останавливается в «Orientalia», 34—35, стр. 4 сл., в статье, которая, к сожалению, как уже было отмечено выше, осталась для меня недоступной. Как рабов определял игинуду акад. Струве («Проблема зарождения развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока», Известия ГАИМК, выпуск 77, М.—Л, 1934 г. стр. 38 и примечание 23), расширительно толкуя и весь список, возглавляемый партиями игинуду, как список рабского персонала, принадлежавшего храму Бау. Н. М. Никольский, определяющий функцию игинуду как «подавальщиков воды», также склонен видеть в них рабов («Рабство в древнем Двуречье», ВДИ, 1941, № 1, стр. 51). Совершенно оригинальную позицию в этом вопросе занимает Женульяк, отождествляющий игинуду с евнухами на том единственном основании, что они иногда противопоставляются мужским рабам (см. «Inventaire des tablettes de Telloh», предисловие, стр. 21).

¹ TSA, № 25. Несмотря на обилие документов, касающихся распределения общественных землепашных и других работ (см. TSA, №№ 23—24; DP, №№ 622—658), мы ни разу не встречаем занятых на этих работах партий игинуду.

² Förtsch, Altbabylonische Wirtschaftstexte, №№ 41 и 44 (цитировано по В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 30).

³ М. В. Никольский, № 293. Видеть в этом документе акт покупки рабов частными лицами (см. В. В. Струве, там же) вряд ли правильно. Правда, покупатели-садовники не названы прямо садовниками хозяйства жен патеси, однако, поскольку их имена тождественны с именами садовников, возглавлявших партии игинуду в патесиальном хозяйстве, мы имеем все основания полагать, что они приобретали игинуду в качестве садовых работников именно для этого последнего. К тому же и самый документ представляет собою не акт регистрации покупок, но запись расходов, произведенных, очевидно, из средств хозяйства жен патеси и при посредстве торговых агентов двора—дамкаров.

⁴ Такой именно перевод этого термина дает, как мы видели, и Деймель (SL, 449, 59), причем, уточняя свой перевод, он замечает: «Die 3 Arten von Gartenarbeitern: iginudu, duatar und nusar werden zusammengefasst als iginudu giš-me (sicher nicht alle blind)».

⁵ Так именно определяют функцию игинуду, как мы видели, Аллотт де ля Фуа, Деймель, Н. М. Никольский. Существует предположение, что именно в связи с выполнением такой чисто механической работы игинуду ослеплялись, чем и объясняется их название. Деймель и переводит термин «игинуду» как «слепой» (blinder), оговариваясь, однако, что не все игинуду были слепыми, см. цит. выше место.

⁶ Конус В—С Урукагины, VII, 17 сл.

неправильно. С одной стороны, из документов нам известно, что игинуду были заняты и на землекопных работах¹. С другой стороны, среди игинуду мы встречаем *igi-nu-du giš-me* и *igi-nu-du giš-kin-ti-me* (игинуду-ремесленников). Конечно, в них нельзя видеть ремесленников в собственном смысле. Как и остальные игинуду, они связаны прежде всего с садовыми плантациями², но в то же время *igi-nu-du giš-kin-ti-me*, несомненно, представляли какую-то специальную квалифицированную рабочую силу³.

Были ли игинуду рабами? Несомненно, в их числе были рабы, о чем свидетельствует факт покупки игинуду. Возможно, что число рабов игинуду было даже значительно. Можно ли, однако, из факта покупки отдельных игинуду делать обобщающий вывод, что все игинуду были рабами? На основании имеющихся данных дать определенно положительный ответ на этот вопрос не представляется возможным⁴.

Во всяком случае, положение игинуду, включая и заведомых рабов, — и это чрезвычайно характерно для хозяйственной жизни не только Двуречья, но и стран древнего Востока (Египта) вообще, — мало чем отличалось от положения остального рабочего персонала храмового (патесиального) хозяйства⁵. Наравне с остальным персоналом они получают то же довольствие (и даже по высшей норме)⁶: игинуду получали по 80 и даже по 160 ка зерна (по счету гур сагалъ, что соответствует 29—58 кг) в месяц⁷, при обычной норме, получавшейся другими служащими и рабочими по тем же спискам, в 60 ка (около 21½ кг)⁸. Если такие повышенные нормы довольствия игинуду можно было бы до известной степени объяснять тяжестью выполняемого ими труда⁹, то факт получения игинуду шерсти (по общим спискам, включавшим все группы храмового персонала) по высшей норме в 4 мины¹⁰ наравне с укуушами, по норме, равной возглавлявшим их нусар и превышавшей норму дуатар¹¹, этим обстоятельством уже объяснить нельзя. Мы имеем ряд показателей, что и в других отно-

¹ TSA, № 25.

² См., например, STH, № 17, II, 10; III, 3 и другие документы этого рода.

³ Из ряда документов известно, что плантации, на которых работали *igi-nu-du giš-kin-ti-me*, поставляли не только продукты собственно садоводства — финики, гранаты и пр., но также и дерево, частично обработанное (см. TSA, №№ 42, 43; DP, №№ 105 сл., 410 сл.). Поскольку это так, возможно, что такой первоначальной обработкой дерева и занимались как раз *igi-nu-du giš-kin-ti-me*.

⁴ Сомнение в этом высказывал и акад. Струве, см. там же, стр. 39, примечание 178а.

⁵ Во время правления Лугальанды в хозяйстве жены его Барнамтарры, той самой, с именем которой сохранился документ о покупке игинуду, игинуду, повидимому, не выделялись еще в особые списки, но помещались в общих списках, обозначавшихся как списки *lú kúr-dab₃-ba*, наравне с остальными получателями, включая шублугалей и укуушей (см. KTS, № 54, 111, 7 сл.). Хотя они здесь и не названы игинуду, но просто *lú* («люди»), однако поскольку они указаны рядом с дуатарами и подчинены тем же нусарам, как и в позднейших документах времени Уруккины, в них можно видеть только игинуду.

⁶ Правда, игинуду получали довольствие не поименно, но группами, через возглавлявших их лиц, но тем же порядком довольствие выдавалось и другим группам храмового персонала, в том числе шублугалам.

⁷ См. Никольский, № 9; STH, №№ 15—17; TSA, № 14, 15. Только в 6-й год Уруккины довольствие игинуду зерном снижено было до обычной нормы в 60 ка, см. TSA, № 17; STH, № 18.

⁸ Размеры довольствия по спискам *lú kúr-dab₃-ba* были вдвое выше и составляли 120 ка, но следует заметить, что по этим спискам выдачи производились не ежемесячно, но реже (см. об этом ниже).

⁹ См., например, В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 18.

¹⁰ Это приблизительно соответствует количеству шерсти, получаемой с одной овцы за год, ср. Deimel, назв. сочинение, стр. 67.

¹¹ DP, № 171, VII, 4 сл.; 175, I, 4.

шениях игинуду не стояли ниже остальных членов храмового персонала¹. Отдельные игинуду наряду с *lú kúr₆-dab₆-ba* обладают земельными наделами².

Общее число игинуду, занятых в хозяйстве храма Бау в различные годы, колебалось от 85 до 100, за исключением последнего, 6-го года правления Урукагины, когда в связи с началом военных действий против Уммы вообще значительно сократилась общая численность мужского персонала храма. Сопоставляя эти цифры с общим количеством всего занятого в хозяйстве Бау персонала³, мы находим, что процент игинуду равнялся приблизительно 8—10.

«Носильщики» (*il*), образующие вторую группу в списках «игинуду...», представляли собой, повидимому, подсобную малоквалифицированную рабочую силу, применявшуюся по преимуществу для переноски тяжестей, при наполнении амбаров зерном и т. п. В состав этой группы входили как мужчины, так и женщины. При общей численности группы, колебавшейся за различные годы от 35 до 40 человек, более устойчивым было число женщин—20—22⁴. Как и игинуду, «носильщики» делились на партии, возглавляемые специальными начальниками, причем в каждую партию одинаково входили как мужчины, так и женщины. В отличие от игинуду, документы содержат не групповые, а поименные списки «носильщиков». Обычная норма получения зерна «носильщиками» была ниже нормы, получавшейся игинуду, и составляла (одинаково для мужчин и для женщин) 60 ка и лишь в отдельных исключительных случаях—90—100 ка.

Можно, конечно, предполагать, что и среди носильщиков, как неквалифицированной рабочей силы, были рабы и, особенно, рабыни. Однако прямых указаний на это в документах не встречается. Следует, напротив, заметить, что имена почти всех людей этой группы как мужские, так и женские—шумерские. В то же время и входящие в нее женщины и в тексте документа и при подведении итоговых данных обозначены не как рабыни—*gim*, но просто как женщины—*SAL-me*. Женщины-рабыни, как известно, выделены были в специальные списки, и любопытно, что в документах последнего года правления Урукагины, в которых списки «игинуду...» объединены были со списками «рабынь и детей», «носильщицы» в противоположность рабыням обозначаются точно так же просто как «женщины»⁵.

Обращаясь к третьей группе тех же документов *šag-dub-aš-aš*—«получающих по отдельным табличкам», мы прежде всего должны отметить, что, в отличие от группы игинуду, дуатар и нусар, объединяющей садовых работников различной квалификации, и от *il*—«носильщиков», представлявших неквалифицированную рабочую силу, группа «получаю-

¹ Так, в числе получателей хлеба в общем списке храмового персонала (наряду с шубдугалями, укушами и пр.) мы встречаем трех игинуду, отнесенных при этом к группе «ремесленников» (см. DP, № 130, IV, 13—3-й год Урукагины). Игинуду фигурируют в поименных списках наряду с лицами других профессий (DP, № 334, II, 3—4: «Икиуду—игинуду»); получают непосредственно на руки зерно (DP, №№ 231, X, 3—4, ср. оборот, VI, 2—4; № 544, II, 5—6).

² Земельные наделы игинуду получают по средней обычной норме (см., например, TSA, № 7, оборот, VII, 3—игинуду Ур дингир Бау получает $\frac{3}{18}$ ган (бур), т. е. около 1 га; № 592 II, 3—4—игинуду Икику... получает $\frac{2}{18}$ ган = $\frac{2}{3}$ га; М. В. Н и к о л ь с к и й, № 41, III, 2—3—игинуду Урбилл получает $\frac{1}{36}$ и $\frac{1}{72}$ ган—около $\frac{1}{4}$ га). Обращают на себя внимание чисто шумерские имена игинуду.

³ Расчет общего числа людей, обслуживавших хозяйство храма Бау, см. ниже.

⁴ См. М. В. Н и к о л ь с к и й, №№ 2 и 9; TSA, №№ 13 сл.; S'ГН, № 15 сл.; DP, № 113 сл. Общему числу «носильщиков» в документах выдачи довольствия вполне соответствует и цифра 37 человек, даваемая в специальном документе, содержащем сводные данные о числе «носильщиков» (DP, № 505).

⁵ TSA, № 13; STH, № 24. Только при подведении итогов все женщины сводятся воедино и обозначены общим термином *gim*.

щих по отдельным табличкам» не только не является столь же однородной, но, напротив, отличается крайней сложностью своего состава. В эту группу прежде всего входил персонал, непосредственно обслуживавший царицу (слуги—ka-šu-du, служанки—har-tu SAL-me, парикмахеры—šu-i, пекаря и повара—hatim (MU), привратники—ni-du), затем административный персонал, начиная от писцов и кончая высшими чиновниками (dub-sar, sukal, nim). Рядом со всеми этими людьми, образовавшими собственно придворный штат, в группу šag-dub-aš-aš входили также и занятые в хозяйстве люди различных профессий и квалификаций, пастухи различных видов скота, судовщики, наконец, объединенные общим термином giš-kin-ti-me «ремесленники», квалифицированные работники различных специальностей—кузнецы, плотники, кожевники, портные¹. Среди ремесленников числился и такой высококвалифицированный мастер, как изготовитель статуй—lú alan².

Уже факт включения в списки «игинуду...» лиц высшей администрации и наличие в этих списках высококвалифицированных ремесленников и художников не дает нам возможности согласиться с выводами академика Струве, противопоставлявшего документы этого рода как специальные списки рабов документам типа lú kúr₆-dab₆-ba, в которых он видел общинников³. С другой стороны, и положение людей списков «игинуду...» и «людей кормления», как увидим, далеко не настолько различно, чтобы можно было так определенно противопоставлять их одни другим. Место, занимавшееся в хозяйстве Бау людьми списков «игинуду...», мы сможем определить точнее лишь после того, как ознакомимся ближе с документами третьего типа, охватывавшими lú kúr₆-dab₆-ba.

Термин lú kúr₆-dab₆-ba⁴ означает «люди, получающие кормление». Построение документов типа lú kúr₆-dab₆-ba в общем аналогично с документами типа «игинуду...» И эти документы точно так же начинаются с перечня безыменных групп людей, называемых «шублугаль» и «укууш», с указанием лишь числа входивших в эти группы людей и имен возглавлявших их лиц. Далее, как и в списках «игинуду...», следуют частью групповые, частью поименные записи самых различных профессий и положений. Здесь мы встречаем и лиц храмового персонала (как giš-tu-Pl-kar-ra, šangu), и представителей администрации, начиная с писцов и кончая самим заведующим хозяйством храма нубандой, получавшим также по этим спискам, саг-энгаров, заведывавших обработкой полей, садовников, пастухов, ремесленников различных специальностей, рыбаков и пр. Как видим, в большинстве это люди того же положения и в значительной мере тех же профессий, как и «получающие по отдельным табличкам» документов типа «игинуду...»⁵. Различие между обоими этими видами списков заключалось, таким образом, не в персональном их составе. Различие это заключалось прежде всего в сроках выдачи зернового продовольствия: в то время как по спискам «игинуду...» довольствие выдавалось ежеме-

¹ См. документы, указанные в прим. 4 на стр. 18.

² STN, № 17, оборот, 1, 8; № 18, VIII, 4; № 24, III, 13; TSA, № 13, IV, 1; № 14, IX, 2; № 15, оборот, 1, 5.

³ В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 19; ср. Проблема..., стр. 50 сл. Против возможности в документах типа игинуду... видеть списки рабов, тем более рабов, обслуживающих «рядовых свободных» (ср. Проблема... цит. место) говорят и устанавливаемый самим акад. Струве факт перечисления в эти списки отдельных лиц из списков, которые он признает за списки свободных общинников. Особенно необычен в этом отношении факт зачисления в «рабы» нескольких принадлежавших, очевидно, к административному персоналу писцов, см. «Рабство в древнейшем Сумире», стр. 19 сл.

⁴ Термин этот читается так же как lú šU-KU-ku-ba. Идеограмму ŠUKU, означающую «кормление», «средства существования», иногда передают так же, как PAD.

⁵ Значение такого определения этой группы людей выясняется ниже.

сячно, $lú\ kúr_6-dab_5-ba$ получали зерно реже, раз в 2—3 месяца (не более четырех раз в год)¹. Только на 6-й год правления Урукагины мы встречаем и в документах этого рода пометки о выдачах в 6-й раз (DP, № 121), в 10-й раз (STH, № 13) и даже в 11-й раз (STH, № 12). Такое изменение сроков выдач находилось, повидимому, в связи как с переменной заведующего хозяйством², так и с реформой всей системы выдач. Дело в том, что с увеличением числа выдач одновременно сокращался их размер. Обычная норма получения зерна $lú\ kúr_6-dab_5-ba$ до реформы равнялась 120 ка, т. е. ровно вдвое превышала среднюю норму «носильщиков» и людей, «получавших по отдельным табличкам» (норма игинуду, как отмечалось выше, была больше). Теперь и $lú\ kúr_6-dab_5-ba$ переведены были на ежемесячное получение довольствия, но одновременно было снижено до обычной нормы (60—80 ка) и количество выдававшегося им зерна.

Учитывая то обстоятельство, что двойная норма зерна, получавшаяся $lú\ kúr_6-dab_5-ba$, приходилась не на два, а на три месяца, мы видим, что количество выдававшегося им довольствия было в полтора раза менее по сравнению с людьми списков «игинуду»... Этим, повидимому, и объясняется, почему в дополнение к натуральному довольствию люди этих списков получали еще земельные наделы³. Повидимому, и самый термин $lú\ kúr_6-dab_5-ba$ —«люди, получающие кормление», имеет в виду не получение этими людьми довольствия, но именно получавшиеся ими земельные наделы⁴. Участки, дававшиеся в надел, были обычно невелики—от $\frac{1}{18}$ до $\frac{3}{18}$ гана-бура (от $\frac{1}{3}$ до 1 га); реже давались участки в $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$ гана-бура (2—4 га), и лишь в виде исключения встречаются более значительные участки. Такие участки получали лишь более видные представители администрации, как, например, сам управляющий всем хозяйством храма Бау нубанда Эниггаль⁵, писец Игиму⁶, царские родственники⁷; но прежде всего и притом самые крупные наделы (все же не более 3 бур) получали начальники партий шублугалей и укуушей⁸, причем, очевидно, с этих наделов кормились и подчиненные им люди⁹.

Насколько недостаточны были даже более значительные наделы в $\frac{1}{3}$ бура (ок. 2 га), показывает то обстоятельство, что обладатели

¹ К такому выводу приходит ряд исследователей этих текстов (Фертч, Деймель, А. Шнейдер, см. A. D e i m e l, ST, стр. 107; ср. С т р у в е, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 13 и примечание 166. Документы, послужившие основанием для такого заключения, не были в моем распоряжении. Но этому заключению вполне соответствуют и датировки документов, в которых, помимо года правления царя или патеси, когда составлен документ, указывается также и порядковсе число производства выдачи за данный год: в то время как в отношении выдач по спискам рабынь и игинуду... встречаются и выдачи, производившиеся в 11-й и в 12-й раз, число выдач по спискам $lú\ kúr_6-dab_5-ba$ за первые пять лет правления Урукагины ни разу в дошедших до нас документах не превышает четырех.

² Место Эниггалля, хотя последний и продолжал числиться в списках, занял Эншугиги, не получивший, однако, при этом звания нубанды, но сохранивший, повидимому, свое прежнее звание *igi-dub*.

³ Сопоставляя документы о выдаче довольствия людям, получающим кормление, с документами относительно наделения земель, мы видим, что все получающие по этим спискам—и шублугали и остальные—как названные поименно, так и обозначенные группами по профессиям—получали вместе с этим и земельные наделы.

⁴ Ср. D e i m e l («Orientalia», 34—35, стр. 33 сл.) и он же, ST, стр. 21.

⁵ Эниггаль получает по одному документу (STH, № 40, оборот, II, 11) 2 $\frac{1}{3}$ бур (немного более 14 га) и по другому документу (DP, № 589, I, 1—3)—1 бур.

⁶ Насколько менее одного бура (DP, № 577, оборот, II, 6—7).

⁷ 1—1 $\frac{1}{3}$ бур (STH, № 40, оборот, II, 3—6; DP, № 577, оборот, I, 7; II, 1; № 883, обор. I, 1—3).

⁸ См., например, STH, № 40, IV, 2 сл.; TSA, № 7, I, 1 сл.; DP, № 589, I, 6 сл. О партиях шублугалей и укуушей см. ниже.

⁹ Ср. В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 16.

их нередко вынуждены были приарендовывать с того же храмового хозяйства и, по большей части, на том же самом поле соседние участки (такой же или меньшей величины¹). Такая явная недостаточность наделов может быть объяснена только тем обстоятельством, что, как сказано, они служили лишь дополнительным кормлением к основному довольствию натурой.

Для того чтобы выяснить, чем обуславливалось такое различие в способах обеспечения различных частей и групп персонала хозяйства Бау, необходимо предварительно рассмотреть положение и место в хозяйстве групп, получавших довольствие по спискам *lú kúr₆-dab₅-ba*. Пока же следует заметить лишь, что предположение, будто люди, выдачи которым производились не ежемесячно, но четыре раза в год, соответственно и заняты были в хозяйстве втрое менее², нельзя признать обоснованным. Дело заключалось, как показано выше, не столько в различии размеров довольствия (последнее, принимая во внимание дополнительное наделение *lú kúr₆-dab₅-ba* землей, было приблизительно одинаковым), сколько в различии сроков производства выдач. При этом выдачи, как можно установить на основании имеющихся документов, производились в течение всего года. От 3-го года правления Урукагины сохранились как раз четыре документа о выдаче довольствия зерном *lú kúr₆-dab₅-ba* (STH, №№ 8—11). Причем один из них помечен одним из летних месяцев³, другой осенним месяцем поступления шерсти (STH, №9) и, наконец, два—зимними месяцами (STH, №№ 10 и 11). Но если таким образом довольствие выдавалось, хотя и в более редкие сроки, в течение всего года, то, надо думать, и работы выполнялись ими в течение года. Среди людей этих списков находим, как уже отмечалось выше, представителей администрации, рыбаков, пастухов, ремесленников разного рода, деятельность которых не ограничивалась, да и не могла ограничиваться каким-либо временем. Точно так же и шублугали, которые, как увидим, представляли собой неквалифицированных работников, были заняты не только на определенных сезонных работах, но и на других работах, не связанных с каким-либо временем года.

После этих предварительных замечаний обращаемся к рассмотрению отдельных групп, входивших в списки *lú kúr₆-dab₅-ba*. Так же как списки «игинуду...», и эти списки начинаются с перечисления групповых выдач людям, обозначаемым термином «*šub-lugal*» и различаемым лишь по именам их начальников. Кто были эти шублугали? Обыкновенно их определяют как «воинов», «военных поселенцев» (*Militärkolonnen*)⁴. Такое определение, во всяком случае, требует уточнения, поскольку оно связывается с представлением о профессиональных воинах, чем шублугали никогда не были. Если шублугали и несли военную службу, то в документах времени Урукагины они гораздо чаще фигурируют в качестве простых работников, притом, судя по характеру выполнявшихся ими работ, именно в качестве малоквалифицированных работников⁵. Труд

¹ См., например, STH, № 40, VII, 2 сл. 6 сл., и др.; DP, № 583, II, 3 сл. и др.

² В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 25.

³ STH, № 8. От названия месяца, правда, сохранилось только окончание: ... *Nanše-ku* (оборот, VI, 1), но так как в другом документе от того же года выдача помечена зимним месяцем *itu Ezen-dim-kud, Nanše ku* (№ 11, оборот, VI, 1—2), то в данном случае речь может идти только об одном из летних месяцев с именем этой богини.

⁴ A. Deimel, SL, 313, 9; ST, стр. 39; В. В. Струве, назв. сочинение, стр. 16—17.

⁵ Много данных о положении шублугалей и выполнявшихся ими работах «на основании материала, предоставленного Деймелем», собрано в книге A. Schenfelder, «Die sumerische Tempelstadt», стр. 33 сл. Книги этой, к сожалению, не было в моем распоряжении (цитирую по В. В. Струве, Рабство..., примечание 133). Од-

их особенно широко использовался, повидимому, в земледельческом хозяйстве как на пахотных и посевных работах, так и при уборке урожая и доставке собранного зерна в житницы. Начальники шублугалей и даже укуушей обычно фигурируют в качестве саг-энгаров («главных земледельцев»), руководителей земледельческих работ, наряду с другими специальными саг-энгарами и энгарами. Они получают средства производства (плуги) и посевное зерно, доставляют и ссыпают собранное зерно. При этом в качестве саг-энгаров встречаются не отдельные, но почти все лица, возглавляющие партии шублугалей: Кака, Каманизи, Шешлудуг, Уршунирда, Энам, Эменесуд, также и начальник укуушей Дам дингир му¹. Обычную, и, повидимому, основную рабочую силу представляли шублугали и на ирригационных и других землекопных работах. В то время как остальные участники этих работ перечисляются по именам индивидуально, шублугали, большей частью, работают партиями². Шублугали постоянно заняты были далее на рубке тростника (DP, №№ 351—358, 360—361), на косье травы (DP, №№ 366, 368 сл.); начальники их доставляют деревья³. Укууши Дам дингир му привлекаются к транспорту тростника из одного города в другой (DP, № 503). Шублугали в качестве подсобной силы участвуют, наконец, и в строительных работах⁴.

Мы видим таким образом, что значение шублугалей как воинов совершенно отступает перед той ролью, какую они в качестве простой неквалифицированной рабочей силы играли в хозяйственной жизни, в частности, в хозяйстве храма Бау. Но в то же время и в военных действиях шублугали участвуют не в качестве профессиональных воинов, а на основании общего призыва, наравне с людьми, набираемыми из массы остального населения, в частности, в значительной мере из числа квалифицированных ремесленников и, наконец, даже из числа людей, значившихся в списках «игинуду...»⁵.

нако и того материала, которым я располагал, вполне достаточно для того, чтобы охарактеризовать их положение и место в хозяйстве Бау.

¹ См. RTS, № 74.; TSA, № 21; М. В. Никольский, №№ 80 сл., 96; DP, №№ 484, 492—495, 498, 499, 501, 532, 534, 537, 589, 545, 546, 549, 551, 561. 1602 (люди Шешлудуга, Энама, Каманизи, Дам дингир му, с указанием умерших, обозначены как люди, участвовавшие в работах на храмовом поле: lú-nig-en-na še-kin-še-kin da-kam); ср. STH, №№ 12 и 13, где два начальника шублугалей Кака и Каманизи значатся одинаково и как саг-энгары. В качестве саг-энгаров Кака, Каманизи и Энам наряду с другими саг-энгарами возвращают плуги по окончании работ на государственные склады, см. Никольский, № 287.

² См. TSA, № 23; DP, №№ 623, 632—635, 637, 644, 649—652.

³ М. В. Никольский, №№ 281, 284; DP, №№ 491, 503.

⁴ DP, № 123; 69 шублугалей работают вместе со строителями—dim.

⁵ От 5-го года правления Урукагины мы имеем поименный список шублугалей наравне с так же поименно названными лицами, не принадлежащими к числу шублугалей. Те и другие распределены на группы в 20—25 человек, с указанием имен возглавлявших их лиц (PA). Хотя в большинстве эти последние тождественны с начальниками партий шублугалей по спискам выдач довольствия, однако люди, входившие в партии этих последних списков, в названном документе разбиты и подчинены частично другим начальникам (DP, № 136). Все эти люди, как шублугали, так и люди остальных партий, обозначены просто как «люди, принадлежащие богине Бау» ú-rum dingir Ba-u). От того же года сохранился другой, почти тождественный, но в значительной мере расширенный список (вместо 100 человек в этот список внесено 184 человека, Никольский, № 3). Вместе с этим самый список изменил свое значение и назначение. Это уже не только список людей, принадлежащих богине Бау, но в то же время и прежде всего список воинов—lú ama-eren-kam (ср. Deimel, SL, 237, 47: ama eripna=umannaatum), поступающих в распоряжение царя Урукагины, причем имя фактической владелицы их, царицы Шаг-Шаг, упоминаемое в ранее названном документе, здесь опущено (там же, оборот IX, 1. gu-an-šu 184 lú 2. ama-eren-kam 3. ú-rum 4. d. Ba-u 5. Uru-ka-gi-na 6. lugal 7. Šir-pur-la-ki-ka 8. Zag-ne-uš. 5 [год]). И характерно, что и в этот список воинов вошли не только шублугали, но включено было также и много людей различных профессий и специальностей (в числе 42 человек)

Положение шублугалей довольно близко напоминало положение гуруш (каль) в Шуруппаке предшествовавшего времени, где гуруш в качестве массы общинников представляли одновременно и рабочую и военную силу. Забегая вперед, мы можем сопоставить их также и с гуруш(каль), точнее с эрен, последующей эпохи III династии Ура и с šabê времени I-ой вавилонской династии, термином, по своему написанию соответствовавшим идеограмме «эрен» и применявшимся одинаково в отношении и военных отрядов и рабочих партий.

Только в группе укуушей можно с большим основанием видеть профессиональных воинов, поскольку по своему значению и по своему написанию термин «укууш» соответствовал семитическому термину *ridû*¹. Однако, как мы видели, и укууши не были свободны от физического труда. Так, укууши, возглавляемые Дам дингир му, выполняли все те же работы, как и шублугали. Они числятся среди людей, участвовавших в работах на храмовых полях (DP, № 602). Не менее широко, чем шублугали, заняты были они на землекопных² работах. Труд их использовался также на рубке тростника³, на поставке деревьев⁴, наконец, на транспорте⁵. И укууши, таким образом, не были собственно профессиональными воинами и в мирное время представляли такую же неквалифицированную рабочую силу, как и шублугали.

Остальной персонал, включенный в одни списки с шублугалами и укуушами, образуют, как уже сказано, с одной стороны, представители хозяйственной администрации, с другой—люди различных профессий и специальностей: пастухи, рыбаки и судовщики (эти последние две группы, как увидим, лишь в незначительной своей части включены в данные списки), наконец, ремесленники различного рода. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в этих списках собственно обслуживающего царя и вообще придворного персонала.

Теперь, когда мы рассмотрели последовательно все основные входившие в различные списки группы хозяйственного персонала Бау и когда вместе с этим у нас сложилось более полное представление об организации хозяйства храма Бау в его целом, мы имеем возможность точнее опреде-

под общим обозначением *giš kin-ti-me*—«ремесленники» (там же, оборот, V, 3—4), причем в число этих людей включены были также и несколько людей списков игинуду (Например, У-куш—*sukal é-gal*: Н и к о л ь с к и й, № 3, оборот, V, 1—2, ср. STH, № 17, оборот, VI, 1; Наммах-ni-du: Н и к о л ь с к и й, 13, оборот, VI, 4; ср. STH, № 15, VIII, 3; № 16, VIII, 8; Шагнугаль—*ad-ge*: Н и к о л ь с к и й, № 3, оборот, III, 4; ср. STH, № 18, оборот, I, 1). Не менее характерным представляется и то обстоятельство, что только с образованием военных отрядов, включающих не только шублугалей, но и многочисленных ремесленников и лиц других профессий, те и другие, и не только шублугали, начинают обозначаться как воины. При этом шублугали не всегда даже образуют особые отряды, и, например, в отряде, начальником которого является Урсиг, мы одновременно встречаем и шублугалей («людей» самого Урсага, Кака, Шешлудуга, Энама) и несколько энгаров, пастухов, птичников, составляющих в общем более половины всего отряда (13 человек из 23, см. Н и к о л ь с к и й, № 3, столбцы I и II). От следующего, 6-го года Урукагины, года разыгравшихся военных действий против Уммы, сохранился еще один, аналогичный, но параллельный двум, приведенным выше, список (DP, № 135; список параллельный, поскольку как состав партий, так и имена возглавивших их лиц здесь были иные). Список составлен совершенно по тому же образцу и с таким же заключением. 155 человек, извошедших в этот список, обозначены как *egen-ku-ha-an* и 12 как *ama-egen-kam*. Число шублугалей и соотношение их числа с остальной массой «воинов» в этом списке были еще меньше, чем в списке 5-го года Урукагины.

¹ Ср. Deimel, SL, 447, 28: *ukuš-riduu ša šabêmeš*.

² TSA, № 23, II, 8—III, 1; №№ 622, оборот, I, 8; 623, оборот, III, 4; 624, III, 4; 632, II, 4; 633, III, 3—4; 637, I, 6; 644, оборот, II, 7.

³ Там же, № 360, II, 7—8.

⁴ М. В. Н и к о л ь с к и й, №№ 281, III, 1—3; 294, столбцы I—II.

⁵ DP, № 503, столбец III.

лечь положение и место, занимаемое этими группами в общей хозяйственной организации.

Сопоставляя положение и функции, выполняемые в хозяйстве Бау людьми различных списков, мы без труда можем прийти к выводу, что в первые два списка «рабынь» и «игинуду...» вносились люди, образовавшие более тесный придворный штат, обслуживавший непосредственно царицу и ее двор (так же как люди списков *lú-TUR-TUR-la-ne* обслуживали царских детей); списки же *lú kúr₆-dab₆-ba* заключали в себе рабочий персонал, эксплуатировавшийся хозяйством Бау в его целом. Этому до некоторой степени соответствовал и характер эксплуатации. Поскольку, например, труд рабынь использовался прежде всего для удовлетворения непосредственных нужд царицы и ее двора, эксплуатация его сохраняла еще известные черты домашнего патриархального рабства. Более половины рабынь занято было обработкой и прядением шерсти (около 55%)¹. Из остальных, как уже отмечалось выше, часть занята была помолом, часть на кухне, часть на пивоварне, наконец, часть уходом за свиньями и козами. Люди, входившие в списки «игинуду...», также непосредственно связаны были, как мы имели возможность в этом убедиться, с двором царицы. Игинуду и другие садовые работники обслуживали прежде всего именно потребности этого двора, и мы видели, что не кто другой, как именно жены патеси фигурировали обычно в качестве покупателей игинуду. Мы видели далее, что именно в этих списках значился многочисленный собственно служебный персонал двора. Наконец, и группа «ремесленников», включенная в списки «игинуду...», кончая изготовителем статуй—*lú alan*, очевидно, также предназначалась для обслуживания более непосредственных потребностей царицы и ее двора. Пастухи также прежде всего были пастухами упряжного и мелкого убойного содержания при дворе скота.

Если списки рабынь и «игинуду...» охватывали персонал, более непосредственно связанный с двором царицы, то в списки *lú kúr₆-dab₆-ba* включались люди, обслуживавшие более общие и широкие потребности хозяйства Бау. Возглавлявшие эти списки партии шублугалей выполняли прежде всего различные земледельческие работы, а также и другие работы общехозяйственного значения. Среди остального персонала этих списков, как выше уже обращалось внимание, совершенно отсутствуют кашуду и носители других должностей и званий, связанных с непосредственным обслуживанием царицы и ее двора. Повидимому, и более квалифицированные работники этих списков также удовлетворяли более общим нуждам и потребностям хозяйства Бау и не стояли так близко ко двору царицы, как те, которые включены были в списки игинуду. В еще большей степени это должно относиться к рыбакам, судоходам, пастухам крупного скота, содержавшегося на пастбищах.

Повидимому, именно этим различием в положении и выполняемых хозяйственных функциях следует объяснять и отмеченное выше различие в системе обеспечения людей списков игинуду... и *lú kúr₆-dab₆-ba*. Первые, как ближе стоявшие ко двору царицы и более непосредственно связанные со службой при дворе, получали довольствие ежемесячно; шублугали же и другие люди тех же списков, как более удаленные от двора, получали довольствие через более длительные сроки, причем часть довольствия возмещалась им дачей земельных наделов.

Основу хозяйственной жизни времени Лугальанды и Урукагины составляла эксплуатация вовлеченных в патесияльное (храмовое) хозяй-

¹ Во втором году Урукагины при общем числе рабынь 143, 79 было занято обработкой и прядением шерсти (см. DP, № 112); в 5-й год, когда число рабынь сократилось до 128, обработкой шерсти занята была 71 рабыня; (см. STN, № 22).

ство широких масс местного производящего населения. Реформы Уруккины, как об этом свидетельствует его известная надпись, касались прежде всего различных групп населения, занятых в общественном хозяйстве, — судовщиков, пастухов, рыбаков, земледельцев, ремесленников (*giš-kin-ti-me*), неквалифицированных рабочих (*KAL—min-me*). Устранив некоторые злоупотребления и повысив нормы довольствия, реформа Уруккины, однако, не внесла никаких существенных изменений в самую организацию хозяйства¹. Эксплуатация собственно рабского труда (за исключением, как мы видели, женского труда) отражена в наших источниках более или менее случайно, поскольку рабы, занятые в патесиальном хозяйстве, не обособлялись и ничем не выделялись из остальной массы вовлеченного в это хозяйство населения. Самый термин *uru(arad)*, означающий собственно раба-чужеземца, в официальных документах не встречается, хотя он уже в это время применяется для обозначения частных рабов². Те относительно немногочисленные рабы, о которых мы узнаем из документов, приобретались во всех известных нам случаях путем покупки единичных рабов. В одном случае при покупке жреца-гала названо имя продавца, причем последний оказывается отцом продаваемого гала (*RTS*, № 17). По этому поводу можно указать, что продажа детей широко практиковалась в области Двуречья и во все последующие эпохи³. О захвате военнопленных в эту эпоху в наших источниках не имеется никаких упоминаний⁴.

Соответственно с этим мы ничего не узнаем и о пожертвованиях военнопленных в храмы (первое известие такого рода относится ко времени царя аккадской династии Римуша). Напротив, факты передачи в распоряжение храмов и вместе с тем непосредственное вовлечение в храмовое хозяйство целых групп общинников представляли в Лагаше обычное явление. Так, Гудеа в одной из своих надписей сообщает, что он набрал партию судовщиков и вместе с их нубандой (начальником) передал храму Нингирсу⁵. В обширной посвященной построению храма надписи

¹ Конус Уруккины В—С, II, 2 сл., VI, 28 сл. столбцы, VIII, XI.

² См., например, Никольский, № 19.

³ От кого приобретались остальные рабы, из документов не видно. Можно лишь указать, что приобретение их совершается при посредстве дамкаров—торговых агентов двора, производивших торговые операции с иноземными странами, в том числе прежде всего с Эламом.

⁴ В сообщениях о войнах, которые вел город Лагаш при предшественниках Лугальанды, отсутствуют какие-либо упоминания о взятии военнопленных. Яркий пример в этом отношении представляет известная «Стела коршунов» с изображением и описанием победы правителя Лагаша Эаннатума над соседним городом Уммой. Несмотря на то, что описание победы составлено в самых хвастливых выражениях, о военнопленных при этом ничего не говорится и в то же время сообщается о 3600 убитых в бою неприятелях и о дальнейшем избиении врагов под стенами Уммы. Мало того, сопровождающее надпись изображение специально представляет сцену такого избиения военнопленных (*Thureau-Dangin*, *Die sumerischen und akkadischen Königs-inschriften*, стр. 10 сл., столбцы VII—VIII). Совершенно так же, повидимому, поступили в свою очередь и «люди Гишху» (Уммы), овладев Лагашем. Небольшая табличка, повествующая о падении и разграблении Лагаша, полна сообщений об избиении жителей Лагаша, укрывшихся в дворцовых и храмовых зданиях (*Thureau-Dangin*, там же, стр. 36—38). Уже из одного свидетельства «Стелы коршунов» можно видеть насколько произвольно, например, утверждение проф. В. И. Авдиева, будто «важнейшим источником рабства» в области Двуречья служили именно войны между соседними городскими общинами и что именно эти войны приводили к широкому распространению и развитию рабства (см. В. Авдиев, *История древнего Востока*, лекции 1—7, стр. 12 сл., цитирую по изданию 1943 г.). Аналогичное утверждение находим и в популярной книге Н. Д. Флиттнер, *На берегах Евфрата и Тигра*, 1938, стр. 113, где также говорится, что именно внешние междугородские войны поставляли главным образом рабочую силу для обширного строительства шумерских царей.

⁵ *Thureau-Dangin*, там же, стр. 76, d. III, 8—12. От несколько позднейшего времени из надписи Маништусу мы также узнаем о пожертвовании им в храм бога

он же говорит о посвящении Нингирсу ряда поселений с их населением¹.

Все это свидетельствует о широкой эксплуатации труда общинников, тормозившей развитие собственно рабовладельческих отношений.

Обращаемся к вопросу о численности персонала храма Бау. Сводя данные различных списков, получаем следующую таблицу:

Списки		Численность храмового персонала по годам правления Урукагины					
		1	2	3	4	5	6
lú kúr ₆ -dab ₅ -ba	муж.	162 ¹	260 ²	271 ³	—	—	224 ⁴
igi-nu-du il	{ муж.	112	178	164	147	154	136
šag-dab-aš-aš	{ жен.	19 ⁵	30 ⁶	32 ⁷	32 ⁸	31 ⁹	31 ¹⁰
gim	{ муж.	6	4	5	7	7	7
	{ жен.	93 ¹¹	143 ¹²	141 ¹³	128 ¹⁴	128 ¹⁵	173 ¹⁶
dumu	{ муж.	17	33	28	23	26	21
	{ жен.	25 ¹¹	53 ¹²	37 ¹³	34 ¹⁴	34 ¹⁵	27 ¹⁶

¹ STH, № 6.

² Никольский, № 13; приблизительно такую же цифру дает STH, 259 ± 2; TSA, № 20 дает значительно меньшую цифру: 196.

³ STH, 9; ср. там же, №№ 10—11.

⁴ Шестая выдача (DP, № 121)—244 чел.; десятая выдача (STH, № 13)—226; однанадцатая выдача (там же, № 12)—234.

⁵ STH, № 15; ср. № 16.

⁶ DP, № 113.

⁷ STH, № 17.

⁸ TSA, № 14.

⁹ DP, № 114.

¹⁰ DP, № 115. В дальнейшем число людей в связи с войной быстро падает. Восьмая выдача (TSA, № 16): 129 муж. и 23 жен.; двенадцатая выдача (STH, № 18): 109 муж. и 23 жен.

¹¹ STH, № 20.

¹² STH, № 21; ср. DP, № 112; Никольский, № 1.

¹³ DP, № 229.

¹⁴ Никольский, № 6.

¹⁵ STH, № 22; ср. TSA, № 12.

¹⁶ STH, № 23.

Из этой таблицы мы видим, что численность храмового персонала не оставалась неизменной. Во 2-й год правления Урукагины, в связи с принятием им царского титула, численность персонала по всем трем видам списков резко повышается. В 3-м году дальнейшая тенденция к некоторому росту наблюдается только в отношении числа людей lú kúr₆-dab₅-ba, но затем рост численности и этой группы, повидимому, приостанавливается (хотя данных по этим спискам за 4-й и 5-й годы не сохранилось, но даже максимальная цифра 6-го года значительно ниже). Численность списков игинуду..., напротив, после повышения во 2-й год, за следующие два года, снова постепенно понижается, после чего более или менее стабилизируется. Та же тенденция к снижению и затем к стабилизации наблюдается и в отношении числа рабынь. В 6-м году численность людей первых двух видов списков снижается при одновременном возрастании числа рабынь. Факт снижения численности людей обоих мужских списков при одновременном повышении числа женщин-рабынь стоял, очевидно, в связи с обстоятельствами военного времени, когда мужчины были взяты на войну и труд их замещен трудом женщин².

Шамаша в Сиппаре восьми селений (ST, XXX. 11, plates 1—4. столбец V, строка 3 сл.; перевод и транскрипцию см. RA, IX (1912), стр. 97.

¹ Thureau-Dangin, там же, стр. 104, m. XIV, 9 сл.

² За последние месяцы (11-й и 12-й, 6-го года правления Урукагины имеются еще объединенные списки gim dumu igi-nu-du (см. TSA, № 13; STH, № 24); однако списки эти представляют собой простые слагаемые одновременных им обособленных списков игинуду и рабынь. В отличие от этих последних, содержащих в себе пойменные

Изменения, происходившие в численности списков рабынь, ввиду однородности их состава не нуждаются в специальных комментариях. Напротив, изменения численности персонала других двух видов списков ввиду сложности их состава необходимо проследить по отдельным входившим в них группам. В списках *lú-kúr₆-dab₆-ba* различаются три группы: шублугали, укууши и остальной храмовый и рабочий персонал. Изменения в численности этих групп в отдельности представлены в следующей таблице¹:

Группы	Численность по годам правления Урукагины					
	1	2	3	6-я выдача:		
				6-я	10-я	11-я
шублугали	36	83	77	{ 70	60	56
укууши	12	34	35			
остальной персонал:	114	143	159	174	166	178

Из данных этой таблицы мы видим, что в первые годы рост числа шублугалей и укуушей значительно обгоняет рост численности остального персонала. Но затем, в 6-й год (год войны с Уммой) число первой группы резко падает, причем укууши не обособляются более от шублугалей. Напротив, численность остального персонала продолжает, хотя и медленно, расти, а в год военных действий остается в общем стабильной. Означает ли это, однако, что в военных действиях принимают участие только шублугали? Ближайший анализ данных документов показывает, что подобный вывод был бы слишком поспешным и неправильным. Сопоставляя списки 3-го и 6-го годов, мы видим, что многие имена списков 3-го года исчезают и, напротив, в списках 6-го года появляются многие новые имена. Исчезают целые группы, например, группа в 7 EDIN (охотников) с Идмут'ом во главе². Все это свидетельствует о замене людей, взятых на войну, новыми кадрами³.

Обращаемся к спискам «игинуду...» и располагаем их также по годам и по основным группам¹:

Группы	Численность по годам правления Урукагины:						
	1	2	3	4	5	6	конец 6-го года
igi-nu-du, du-a-far, nu-sar	53	98	87	83	84	73	50
il	{ муж. 17 } 33	{ 22 } 43	{ 16 } 38	{ 15 } 37	{ 13 } 34	{ 14 } 36	{ 14 } 29
	{ жен. 16 }	{ 21 }	{ 22 }	{ 22 }	{ 21 }	{ 22 }	{ 15 }
šag-dub-aš-aš	{ муж. 42 } 45	{ 58 } 67	{ 61 } 71	{ 49 } 59	{ 57 } 67	{ 49 } 58	{ 44 } 53
	{ жен. 3 }	{ 9 }	{ 10 }	{ 10 }	{ 10 }	{ 9 }	{ 9 }
всего:	131	208	196	179	185	167 ²	132 ³

¹ Таблица составлена на основании тех же документов, как и таблица № 1.

² DP. № 115, без указания порядкового числа выдачи.

³ STH, № 18 (12-я выдача). Среднюю цифру (129 м. и 23 ж.) дает TSA, № 16 (8-я выдача).

перечни получателей зерна, объединенные списки дают лишь итоговые числовые данные. С какой целью составлялись эти сводные документы, неизвестно. Возможно, составление этих списков стояло в связи с назначением нового заведующего хозяйством Бау.

¹ Таблица составлена по данным документов STH, №№ 6—13.

² STH, № 8, об., III, 13; № 9, об., IV, 8; № 10, об., IV, 10; № 11, об., III, 13.

³ Правда, за предшествовавшие два года списков *lú kúr₆-dab₆-ba* не сохранилось. Но так как упоминавшийся выше список людей, включенных в военные отряды, относится к 5-му году, причем там встречаются имена, исчезнувшие из списков *lú kúr₆-dab₆-ba* 3-го года, то мы и имеем основание связывать изменение в составе второй группы этих списков именно с составлением этих списков.

При значительных колебаниях из года в год общей численности людей списков игинуду... колебания эти, как видим, не в одинаковой степени коснулись отдельных групп этих списков. Во 2-й год сильно возросли все группы: особенно значительно повысилось число игинуду, увеличившееся почти вдвое (на 85%); число *il* поднялось на 30%, число *šag-dub-aš-aš*—на 50%. Но уже в следующем году происходит сокращение первых двух групп, очевидно, в связи с перераспределением рабочей силы. Напротив, последняя группа за этот год даже несколько возросла. В дальнейшем число игинуду в течение трех, а число «носильщиков» в течение четырех последующих лет, изменилось очень мало. Напротив, численность персонала *šag-dub-aš-aš* за это время, особенно в его мужской половине, постоянно колебалась, что, повидимому, стояло в связи с переводом людей из непосредственного штата царицы в состав хозяйственного персонала Бау и обратно¹, факт, уже отмечавшийся выше. В течение 6-го года в связи с военными действиями сократилась численность всех трех групп. Более всего (почти в полтора раза) сократилось число игинуду, что должно быть поставлено в связь с их участием в той или иной форме в военных действиях или же с переводом их на другую работу в замену людей, взятых на войну. Сокращение численности игинуду происходило при этом не путем исключения отдельных игинуду, но в результате отчисления целых партий: из восьми партий игинуду, значившихся в списках еще в начале 6-го года, в документе последнего месяца того же года осталось только четыре².

Посмотрим теперь, как велико было общее число людей, составлявших хозяйственный персонал храма Бау. Слагая данные отдельных списков за второй год (год, когда численность персонала Бау достигало наивысшей цифры), мы получаем: 260 «людей кормления»+208 игинуду и получающих по отдельным табличкам+233 рабынь и детей=701. Приблизительно такую же, но несколько большую цифру дает документ (от того же года) о выдаче шерсти всем людям храма Бау без разделения на группы, именно 763 человек³. Штат, обслуживавший детей царицы, насчитывал до 80 человек (54 мужчины и 26 женщин)⁴.

Хотя документы о выдаче довольствия и охватывали основные кадры хозяйственного персонала Бау, все же не все люди, «принадлежавшие Бау», вошли в списки этих документов. Так, в эти документы вошла лишь часть принадлежавших Бау рыбаков. Имеются специальные документы о выдаче зернового довольствия «рыбакам моря» (*šu-ḥa-a ab-ba*) за 4-й год Урукагины (в 1-й и в 4-й раз) в числе 44—42 человек⁵. Не меньше было число пресноводных рыбаков⁶. К этому надо добавить еще многочисленных судовщиков и матросов, судостроительных рабочих и пр.

¹ См выше, стр. 19, прим. 3.

² Объяснять сокращение численности игинуду фактом их предполагаемого бегства (В. Струве, Проблема..., стр. 51) у нас нет оснований. С одной стороны, положение игинуду не было, как показано выше, хуже остального персонала Бау; с другой стороны, из списков игинуду исключались, как видим, не отдельные игинуду, но целые партии их с начальниками во главе.

³ DP, 117.

⁴ DP, № 117.

⁵ TSA, № 19; STN, № 29; ср. № 28. Названные в этих документах имена не повторяются в общих списках.

⁶ В одном документе, содержащем список морских и пресноводных рыбаков (TSA, № 47), даны меньшие цифры (20 морских и 23 пресноводных рыбака). Документ помечен 4-м годом без указания имени правителя. Поскольку в нем отсутствует обычное для документов Бау окончание, можно думать, что он относится еще ко времени предшественника Урукагины Лугальанды, чем, вероятно, и объясняется указанное в нем меньшее число рыбаков.

Общая численность всех этих людей достигала 200, а может быть, и более¹. Возможно, были и еще люди Бау, не вошедшие в известные документы².

Сопоставляя все эти данные, мы приходим к заключению, что непосредственный персонал, обслуживавший двор царицы и царских детей, составлял не менее 1000 человек³. Во время военных действий храм Бау, по данным рассмотренных нами документов, поставлял не менее 360 человек⁴. Сюда следует еще добавить игинуду и, быть может, других не вошедших в списки⁵.

Хозяйство храма Бау располагало, таким образом, многочисленным собственным персоналом. Однако и этого персонала не всегда оказывалось достаточно. В экстренных случаях, когда собственной рабочей силы храма не хватало, храмовая администрация прибегала к приглашению людей других храмов, выплачивая им хлебом и другими продуктами из расчета проработанных дней. Мы имеем, например, документ о привлечении для каких-то, повидимому, строительных, работ *šub-lugal* и *dīm* (строителей) храмов Нингирсу и Эпарпар (DP, № 123). В другом случае в работах по сбору урожая наряду с людьми Бау участвуют также люди храмов богов Дуншагга, Галь Алима и др. (DP, № 564).

Рассмотренное нами хозяйство Бау занимало относительно скромное место в хозяйстве всей области Лагаша. Помимо него, в Лагаше существовало еще до 20 других храмовых коллективов, и прежде всего хозяйство бога Нингирсу, возглавлявшееся самим Урукагиной и обслуживавшее не только двор царя, но и три крупнейших посвященных Нингирсу храма: Эннину, Антасурра, Эгипшура и дворец Тирааш⁶. Но и среди остальных храмовых хозяйств были более крупные, как, например, хозяйства храмов богов Думузи, Нинмарки, богини Нанше.

Если мы не располагаем данными о внутренней организации этих хозяйств (о чем можно делать заключения лишь по аналогии с хозяйством Бау), то о размерах их на основании некоторых случайных данных можно составить хотя бы приблизительное представление. От года патесиата Урукагины сохранилась запись общего количества зерна (682 гур 140 ка), выданного шублугалам Нингирсу в 4-й раз (Никольский, № 38). Исходя из обычной нормы шублугалей в 120 ка, можно определить число шублугалей Нингирсу в 1365 человек (682 $\frac{1}{2}$: $\frac{1}{2}$) или даже несколько больше, так как в числе шублугалей были и получавшие зерно по низшей

¹ В архиве Бау сохранились два документа о выдаче хлебов судовщикам, судостроительным рабочим, рыбакам (Никольский, №№ 12 и 306). Документы сильно фрагментированы. В сохранившейся части значится от 150 до 200 человек. Конец документа не сохранился, нет поэтому ни итоговых чисел, ни обычного указания на принадлежность людей богине Бау. Значительность чисел этого документа послужила основанием сомневаться в принадлежности этих людей Бау (В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 42, прим. 236). Однако указанное здесь число рыбаков (31) в общем соответствует данным других документов.

² Имеется еще два документа, содержащих распоряжение царицы Шаг-Шаг о выдаче хлебов большому числу жрецов-гала, плакальщикам—*dam-ab-ba* и *gim* за службу при могиле Барнамтарры (TSA, № 9; Förtsch, № 137 (цит. по A. D. Eitel, ST, стр. 130). В одном документе речь идет о 72 гала, 70 плакальщиках и 148 рабынях (в том числе 112 рабынь Нингирсу и 36 Бау), во втором—о 92 гала, 49 плакальщиках и 177 рабынях. В обоих случаях мы имеем дело, однако, повидимому, не с постоянным персоналом при могиле Барнамтарры, но с жрецами и плакальщиками, специально приглашенными, вероятно, в связи с погребением Барнамтарры и дважды получавшими определенные нормы хлеба.

³ Деймель (назв. соч., стр. 78) определяет *Betriebspersonal* храма Бау в 1200 человек.

⁴ Никольский, № 3—184 чел. и DP, № 135—177 человек

⁵ Деймель (назв. соч., стр. 112—113) предполагает общее число выставленных храмом Бау воинов равным 500—600 человек.

⁶ Thureau-Dangin, Die sum. u. akk. Königsinschriften, стр. 42 и др.

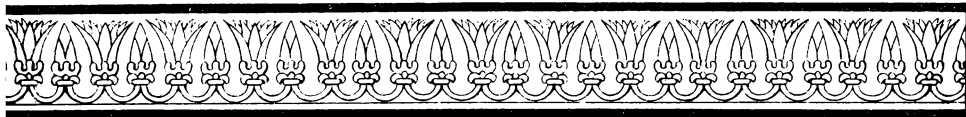
норме. Достаточно сопоставить это число с числом шублугалей храма Бау в этом же году—36 (только в следующие годы число шублугалей Бау возросло до 75—80 человек), чтобы видеть, насколько несоизмеримы были оба эти хозяйства. Поскольку в документе речь идет именно о шублугалях, мы должны рассматривать их прежде всего как рабочую силу, но не как воинов (для обозначения людей, включенных в военные отряды, применялись, как мы видели, совсем другие термины). Другой документ (DP, № 123) содержит данные относительно храмов Нинмарки и Эпарпар. В этом документе указывается вознаграждение за работу, выполненную для храма Бау шублугалями и строителями (*dim*) обоих этих храмов, причем даны числа тех и других, именно 44 шублугаля и 7 строителей храма Нинмарки и 25 шублугалей и 5 строителей храма Эпарпар. Возможно, что не все шублугали названных храмов были заняты на этих работах.

Далее, в одном документе о выдаче хлебов и напитков жрецам-гала и *gim* различных местечек по случаю какого-то праздника названы числа рабынь нескольких храмов, именно 104 рабыни и 51 детей богини Нанше, 10 гим и 3 детей Ниндар, 16 и 7 Думузи, 14 и 7 Нинмарки (DP, № 159). Документ этот относится к 5-му году Урукагины, когда число рабынь в хозяйстве Бау равнялось 128, а число детей при них—60. Таким образом, мы видим, что некоторые храмы, как, например, храм богини Нанше по числу рабынь немного лишь уступал хозяйству храма Бау (Шаг-Шаг). Относительно остальных храмов мы не знаем, все ли принадлежавшие им рабыни—гим участвовали в получении хлеба в данном случае.

Наконец, мы имеем еще документ о выдаче довольствия персоналу храма бога Галь Алим (Никольский, № 18). Общее число людей Галь Алим определяется цифрой 61 (60?), из них 25 женщин. Из известных нам категорий мы находим здесь игинуду и дуатар (15 чел.), людей, «получающих по особым табличкам» (18 м. и 5 ж.), 15 женщин, занятых обработкой шерсти, и еще 3 женщины других профессий, при них 5 детей (эта последняя группа женщин соответствовала категории *gim dumu* списков Бау). В списке людей бога Галь Алим отсутствуют шублугали, представлявшие основную рабочую силу, и ремесленники; поэтому есть основание думать, что этот список не охватывает всех людей Галь Алим. Следует также иметь в виду, что документ этот относится к 1-му году Урукагины, когда и персонал храма Бау был относительно меньше, чем в дальнейшем.

Исходя из приведенных данных, из факта многочисленности храмовых хозяйств, с одной стороны, и из того факта, что численность персонала некоторых из этих хозяйств лишь немного уступала численности персонала храма Бау, а численность персонала хозяйства Нингирсу во много раз превосходила ее, с другой,—мы можем предположительно определить количество населения, вовлеченного в храмовые хозяйства, не менее 10—15 тысяч человек (а возможно, и более). Если принять общее количество населения Лагаша, согласно данным надписей Урукагины, в 36 000 человек, это составит 30—40%. Следует заметить, что и остальное, не входившее непосредственно в патесиальное хозяйство, население также должно было принимать участие в общегосударственном хозяйстве, выполняя в порядке принудительной повинности канализационные и различные строительные работы (по сооружению храмов, дворцов, городских стен).

И. М. Дьяконов

ЕЩЕ О ТЕРМИНЕ GURUŠ (KAL) В ШУМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Во 2 (16) номере ВДИ за 1946 г. акад. А. И. Тюменев вновь поднял вопрос о социальном значении шумерского термина KAL (чтение «гуруш»), которым обозначаются непосредственные производители и который в начале 30-х годов стоял в центре известной дискуссии о рабстве на древнем Востоке.

Акад. Тюменев привел ряд данных, согласно которым термин «гуруш» нельзя рассматривать как равнозначный понятию «раб». Вполне соглашаясь с этим мнением акад. А. И. Тюменева, я хотел бы привести несколько дополнительных данных, которые, как мне кажется, должны внести окончательную ясность в этот вопрос.

При изучении шумерского языка мы отталкиваемся прежде всего от ассирио-вавилонских лексикологических материалов, ибо только через них и мог быть раскрыт строй и словарь шумерского языка. Как же переводят термин «гуруш» и идеограмму «KAL» ассирио-вавилонские словари?

Если эта идеограмма читается «кала(г)», то она переводится как «данну», т. е. «сильный», «мгучий»; если она читается «гуруш», то она переводится как «этлу», т. е. «муж», «бсец», «герой». Данные об этом приведены в статье акад. А. И. Тюменева.

Есть ли основание считать, что в шумерский период это слово имело другое значение по сравнению с тем, которое дают словари?

В текстах из Шуруппака (приблизительно XXVII—XXVIII вв. до н. э.) мы встречаем обозначение воинов как *guruš-me-gin*, т. е. «гуруш, ходящий на битву»¹.

В текстах из Лагаша (XXV—XXVI вв. до н. э.) встречается характеристика продаваемого раба как «гуруша» («Лугальэдинни, певчего, гуруша, за цену 18 гин серебра» купила Барнамтарра, жена Лугальбанды, энси Лагаша)².

Двухязычная надпись Саргона Древнего (XXIV в. до н. э.) сообщает, что у этого царя «5400 мужей едят хлеб»³. В аккадском варианте

¹ A. D e i m e l, *Wirtschaftstexte aus Fara* (№№ 94, 101 и др.). У акад. А. И. Тюменева термин читается «Каль-ме-ду».

² М. В. Никольский. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халден, I, № 17. В противоположность этому случаю, в совершенно аналогичном тексте у A. D e i m e l (в «*Sumerische Grammatik*») певчий—повидимому, несовершеннолетний,—не назван «гурушем».

³ A. R o e b e l, «*Publ. of the Bab. Section of the Museum, University of Pennsylvania*», IV, 173, текст «С».

употреблена идеограмма KAL (= «гуруш»), в шумерском—слово «эрен» (= «ерин» у А. И. Тюменева, указ. соч., стр. 17, прим. 5; исследователи согласны в том, что «эрен»—не рабы). О том же говорит текст вавилонской хроники и параллельные тексты предсказаний, когда они сообщают, что Саргон «сыновей дворца своего поселил на 5 «беру» (30—50 километров) вокруг; сильные стояли (вокруг) него, говорили: «куда пойти нам?»¹.

В то же время тексты из Гасура и других городов, современные династии Аккада, обозначают словом «гуруш» непосредственных производителей, точно так же как и тексты III династии Ура².

При династии Ура непосредственные производители-мужчины обозначаются термином «гуруш», а женщины—термином «гим», что обозначает «рабыня»³. Однако имеются и такие обозначения, как «гуруш-хунга»⁴, т. е. «гуруш наемный» и т. п.

В послешумерское время идеограмма KAL в хозяйственных текстах не употребительна; в других же текстах она означает слово «этлу»—«муж-боец, герой». Так, похваляясь после убийства небесного быка, Гильгамеш говорит «получающим кормление г. Урука» (ana mutabbilāti ša Uruk):

*«Кто же красив среди бойцов?
Гильгамеш красив среди бойцов,
Кто же горд среди мужей?
Энкиду горд среди мужей!»*

*Mannumma bani ina KAL^{plur.?}
Gilgames' bani ina KAL^{plur.}
Mannumma šaruḥ ina zikkari?
[Enkidu šaruḥ ina zikkari⁵*

Во всех этих случаях подойдет только значение «взрослый муж, боец, мужчина-работник». Если же мы будем придавать термину «гуруш» социальное значение («раб», «общинник»), то попадем в сеть неразрешимых противоречий.

Необходимо лишь объяснить, почему в хозяйственных текстах III династии Ура мужчинам-«гуруш» соответствуют женщины-«гим», т. е. «рабыни». Объяснение это чрезвычайно простое. Производя учет произведенной работы по затрате рабочих дней, писец далеко не всегда считал нужным разделять рабочую силу по ее социальному происхождению, что значительно осложнило бы его работу. Взрослые работники («гуруш») могли быть и рабами и свободными (например, наемными работниками). Свободные же женщины к работам на царское хозяйство не привлекались, поэтому всегда были «гим», т. е. «рабынями».

Таким образом, термин «гуруш» (KAL) сам по себе не раскрывает нам социального положения непосредственного производителя; если он работал на хозяина круглый год, то он—раб, ибо не мог поддерживать собственное хозяйство; если только часть времени, то он—не раб⁶.

¹ L. W. King, Chronicles concerning Early Babylonian Kings, стр. 3 сл., стр. 133 сл. и варианты.

² См. ссылки у акад. А. И. Тюменева, указ. соч., стр. 14, прим. 6.

³ Вопросы терминологии хозяйственных текстов III династии Ура см. у акад. В. В. Струве в «Сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга», в Известиях ГАИМК, № 77 и в «Проблемах истории докапиталистического общества», № 7—8, стр. 211 сл.

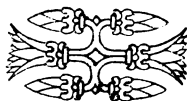
⁴ В чтении А. И. Тюменева—«каль-шу-га».

⁵ K. Campbell Thompson, The Epic of Gilgamesh, VI, 182—185.

⁶ Столь же неопределен, повидимому, и термин erēn, акк. sābu, ummānu. Засвидетельствовано и значение «воин» (наиболее обычное), и «пленный-раб» (включая и женщин—у E. Ebeling, Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts, № 180: «sābē—добыча»),—но в этом значении, кажется, только для более позднего времени.

При этом я не могу согласиться с акад. А. И. Тюменевым¹, когда он считает, что только те из непосредственных производителей времен III династии Ура—рабы, которые обозначены как arad-ensi-ka (ARAD.PA-TE-SI-ka). Так обозначаются именно рабы энси (патеси), который в это время, как известно, был лишь наместником царя, а не владельцем хозяйства; поэтому, когда его личные рабы участвовали в работах, то это специально отмечалось².

Таким образом, полностью соглашаясь со словами акад. А. И. Тюменева: «первоначальное значение термина «каль», не вызывающее вообще сомнений, никакого отношения ни к рабству, ни к рабскому положению не имело», мы можем прибавить: не имело и впоследствии и вообще не было социальным термином.

¹ Указ. соч., стр. 17.

² Параллельный термину «гим»—«рабыня» (идеогр. «женщина чужой страны») термин «раб» (идеогр. «мужчина чужой страны») читался «эре», «уру» или «арад»—повидимому, в зависимости от диалекта и эпохи. Иногда относимый сюда же термин «ú-gum (или Û.AŠ) бэгини Бау», применяемый к людям в досаргоновских документах из Лагаша, не имеет сюда отношения, ибо применяется также и к земле (М. В. Никольский, ук. соч., №№ 31, 32, 33, 35, 39, 43, 47 и др.), к скоту (там же, №№ 155, 156 и др.), к зерну (там же, № 79 и др.). По-аккадски термину «эре» («арад») соответствует термин wardum, ardu—букв. «низведенный». Вне зависимости от палеографического развития, этот термин бесспорно означает «раба» во все эпохи.

Проф. С. И. Ковалев

ЗАГОВОР «ПАЖЕЙ»

Решительным шагом в сторону ориентализации придворного македонского церемониала во время восточного похода Александра была попытка введения «проскинесиса» (προσκύνησις — падение ниц¹). А р р и а н IV, 99,—12, 5) и П л у т а р х (Al., 54) рассказывают об этом непосредственно за смертью Клита², но без точного указания временной последовательности³. Ю с т и н (XII, 7, 1) и особенно К у р ц и й (VIII, 4, 1) дают более точные указания. Во всяком случае, попытка проскинесиса имела место несколько месяцев спустя после инцидента в Самарканде, весной 327 г., незадолго до вторжения в Индию (P l u t., 57; C u r t., VIII, 5, 1; I u s t., XII, 7, 4; D i o d., XVII, argum.). В рассказе о том, при каких обстоятельствах партия Александра пыталась ввести проскинесис, наши источники расходятся. У Арриана мы находим два варианта. Первый (IV, 9,9; 12,2) излагается в косвенной речи без упоминания источника (λόγος κατέχευε). Александра толкает на введение поклонения мысль о том, что его отцом является Аммон, и восхищение персидскими обычаями. Не малую роль в этом играют льстивые уговоры окружающих, особенно философа Анаксарха и поэта Агиса Аргивянина. Каллисфен всего этого не одобряет. Александр заранее условился с греческими философами и знатнейшими из персов и мидян, что на пиру они внесут предложение о проскинесисе. С речью об этом выступил Анаксарх. Те, кто был посвящен в план, выразили одобрение словам Анаксарха и хотели начать обряд поклонения. Но большинство македонян, недовольное предложением, молчало. Слово взял Каллисфен, протестовавший

¹ Спорный вопрос о том, служил ли проскинесис, в действительности, знаком божеского почитания монарха (K a e r s t, I, 443 отрицает это; греки и македоняне, во всяком случае, считали его таким знаком: A r r., IV, 10, 6—7; 11, 2—5; C u r t., VIII, 5, 5—18; I u s t., XII, 7, 1, 3; ср. K a e r s t, Studien, 49), мы оставляем без рассмотрения, ибо его решение не является существенным для нашей задачи. Важно то, что поклонение ниц служило высшим выражением покорности и в качестве такового было в достаточной степени чуждо и грекам и македонянам.

² У Диодора в оглавл. XVII кн. описание смерти Каллисфена следует тотчас же за рассказом о гибели Клита. Так же в «Итинерарии» (гл. 92).

³ А р р и а н (IV, 14, 4), описывая заговор пажей, непосредственно связанный у него с проскинесисом, заканчивает свой рассказ так: «Это случилось немного позднее, но я рассказал об этом вместе с делом Клита, так как мне казалось, что оба инцидента больше подходят друг к другу».

против того, чтобы смертному, хотя бы этим смертным и был сам Александр, оказывать божеские почести. Это подходит варварам, но не грекам и македонянам. Александр был сильно раздражен речью Каллисфена, но македонянам она пришлась очень по душе. Почувствовав их настроение, Александр запретил больше упоминать о проскинесисе. «Однако,— говорит Арриан,— среди наступившего молчания старейшие из персов, встав, по очереди совершили чин поклонения». Когда один из этеров, Леоннат, стал смеяться над поклонами, Александр на него рассердился, но затем простил его.

Согласно другому варианту¹, Александр на пиру обратился с тостом к тем, с кем было заранее условлено. Первый из них выпил чашу, встал, поклонился царю и получил от него поцелуй. То же самое проделали и остальные. Когда очередь дошла до Каллисфена, он выпил чашу и, подойдя к Александру, хотел поцеловать его, не поклонившись. Царь в это время разговаривал с Гефестионом и не заметил, что Каллисфен отклонился от проскинесиса. Но один из этеров Деметрий, сын Питонака, обратил на это внимание Александра, и тот не позволил себя поцеловать.

У П л у т а р х а (Al., 54) соответствующий рассказ, который он передает со слов Хареса, по содержанию очень близок ко второму варианту Арриана. Разница только в том, что у Плутарха вместо Деметрия, сына Питонака, фигурирует Фейдон. Но любопытно, что непосредственно перед изложением Хареса у Плутарха есть место, которое, очевидно, соответствует первому варианту Арриана. Плутарх говорит: «Твердо, как истинный философ, отвергнув проскинесис, Каллисфен один только открыто высказал то, на что молча негодовали лучшие и старшие из македонян. Греков он спас от большого позора, но еще от большего— Александра, отговорив его от введения поклонения». Ясно, что это место совершенно не вяжется с дальнейшим, т. е. с рассказом Хареса, и представляет собой краткое изложение того, что у Арриана весьма подробно описано в его первом варианте.

Изложение К у р ц и я (VIII, 5, 5—8) проникнуто резкой антиалександровской тенденцией. В основном оно совпадает с первым вариантом Арриана. Разница в именах и в деталях. Так, у Курция лицами, которые лестью подстрекают Александра на введение проскинесиса, названы поэт Агис Аргивянин и сицилиец Клео. Александр уходит с пира в самом начале, так что все дальнейшие разговоры происходят в его отсутствие (у Арриана этот момент не вполне ясен). С речью выступает Клео, а не Анаксарх, как у Арриана. У Курция ясно сказано, что Александр, узнав о настроении македонян, приказал окончить разговор, но разрешил, чтобы персам было позволено совершить поклонение, тогда как текст Арриана не дает возможности сказать, кому, собственно, был запрещен проскинесис. Смеется над персами не Леоннат, а Полиперхон, причем у Курция этот последний инцидент изложен с различными драматическими подробностями.

Ю с т и н (XII, 7, 1—2) не сообщает никаких подробностей: *Dein, quod primo distulerat, ne omnia pariter invidiosiora essent, ex Persico superbiae regiae more non salutari, sed adorari se iubet. Acerrimus inter recusantes Callisthenes fuit... Retentus tamen est a Macedonibus mos salutandi regis explosa adoratione.* Начало фразы напоминает Курция, а конец—первый вариант Плутарха. В «Итинерарии» (92) скорее видно влияние той традиции, которая отразилась в первых вариантах Арриана и Плутарха, а также у Курция.

¹ Его, очевидно, Арриан заимствовал у Хареса, так как рассказ Плутарха (см. ниже) очень близок ко второму варианту Арриана.

Таким образом, в наших источниках совершенно ясно выступают две традиции в рассказе о введении проскинесиса. Обе они настолько резко отличаются одна от другой, что не могут быть приведены к одному первоисточнику. Первая особенно полно представлена первым вариантом Арриана и Курцием, а в более сжатой форме ее дает первый вариант Плутарха. Отголоски ее находим у Юстина и в «Итинерарии». Эта традиция риторична, проникнута антиалександровской тенденцией и уделяет очень много внимания Каллисфену, как мужественному и благородному защитнику греко-македонской свободы. Согласно ей, попытка введения проскинесиса среди македонян и греков не удалась Александру. Первоисточник ее неизвестен. Вторая традиция почти в неизменной форме отразилась во вторых вариантах Арриана и Плутарха. Она диаметрально противоположна первой. В ней нет никаких следов риторики, и Каллисфен играет в ней довольно второстепенную и отнюдь не героическую роль. В поклонении принимают участие не исключительно только персы, но вообще друзья Александра. Эта традиция восходит к Харесу, как своему первоисточнику. Для историка, конечно, не может быть сомнения, какой традиции отдать предпочтение. Рассказ Хареса своей безыскусственностью производит впечатление полной достоверности и должен быть положен в основу нашего представления о том, как в действительности обстояло дело с введением обряда поклонения.

Тотчас же за описанием проскинесиса наши источники рассказывают о заговоре «пажей» (Агг., IV, 12, 7—14, 4; Плут., Ал., 55; Курт., VIII, 6, 2—8, 23; «Itiner.», 93—94; Юст., XII, 7, 2). Отсюда можно заключить, что он был организован также весной 327 г. Институт «пажей» был создан еще Филиппом. «Пажи» («дети», или «царские дети» — βασιλικὸι παῖδες — по официальной терминологии) набирались из детей служилой македонской знати¹, достигших юношеского возраста (Агг., IV, 13, 1). Их обязанностью являлась личная служба царю, «не многим отличавшаяся от обязанностей рабов», замечает Курций, со свойственным ему подчеркиванием «тиранических» стремлений Александра и приниженного положения при нем македонской знати. Впрочем, тот же Курций указывает, что пажи имели право есть за одним столом с царем. Среди этой-то привилегированной молодежи и возник заговор на жизнь Александра. Состав участников его в источниках рисуется следующим образом:

у Арриана:	у Курция	в Итинерарии ²
1. Гермонай, сын Сополида	1. Гермонай, сын Сополида	1. Гермонай
2. Сострат, сын Аминты	2. Сострат	2. Сострат
3. Антипатр, сын Асклепиодора, б. сатрапа Сирии	3. Антипатр	3. Антипатр, сын Асклепиодора
4. Эпимен, сын Арсея	4. Эпимен	4. Эпимен
5. Антикл, сын Феокрита	5. Антикл	5. Антикл
6. Филота, сын Карсида фракийца	6. Филота	6. Филота
	7. Никострат	7. Аминта
	8. Асклепиодор	
	9. Элаптоний	

Шесть первых имен звучат одинаково. Сам по себе этот факт был бы еще недостаточен для доказательства их историчности, так как все три источника в рассказе о заговоре обнаруживают большую близость (Арриан в своей основной части) и могут зависеть от одного первоисточника. Более серьезным доказательством является точное указание происхождения

¹ Aelian. v. h. XIV, 48; Curt., VIII, 6, 2; «Itiner.», 93.

² Из других источников только Плутарх называет одного Гермоная.

каждого из заговорщиков у Арриана. Правда, не во всех случаях можно проверить это происхождение. Но, по крайней мере, по отношению к отцам двух пажей это сделать возможно: Сополид и Асклепиодор неоднократно упоминаются в других местах в качестве верных слуг Александра¹. Что касается трех последних имен у Курция и последнего имени в «Итинерарии», то три из них довольно подозрительны. Асклепиодора Курций, по всей вероятности, спутал с отцом Антипатра. Элаптоний, надо думать, имя испорченное, а Аминта в «Итинерарии», вероятно, тождественен с отцом Сострата. Имя Никострата прямых подозрений не внушает, но встречается только в одном месте у Курция.

Помимо лиц, прямо указанных в источниках в качестве, так сказать, «инициативной группы», можно предположить, что они имели сообщников среди других пажей. По крайней мере, А р р и а н (IV, 13, 7) говорит, что обвиняемые «под пыткой признались сами в заговоре, а также назвали и некоторых других».

Таким образом, заговор, надо думать, охватывал довольно большое число лиц и организован был, несмотря на молодость участников, неплохо, если верить Курцию. Этот последний подробно и с чрезвычайно характерными деталями, заставляющими, хотя бы частично, допустить их историчность, рассказывает (VIII, 6, 9—20), как в течение 32 дней готовили заговорщики осуществление своего плана, сколько усилий должны были употребить, чтобы подобрать однородный состав дежурных пажей, как они радовались, что из их среды не нашлось предателей, и как, наконец, по чистой случайности, сорвалось столь хорошо налаженное дело.

Причинами заговора наши источники, как всегда, считают личный мотив. Гермолай на охоте слишком поторопился и лишил Александра хорошего выстрела. За это царь приказал его высечь (по Арриану, в присутствии товарищей, а кроме того, отнять еще и коня). Он один, по словам Курция, имел право применять телесные наказания по отношению к пажам (VIII, 6, 5; ср. также 8, 3). Гермолай решил отомстить и для этого подговорил своих товарищей убить царя. По Курцию, инициатором заговора был Сострат, возлюбленный Гермолая, который, видя избитое тело своего друга, «а, быть может,—говорит Курций,—и раньше по какой-нибудь причине питая злобу на царя», подбил Гермолая на заговор. Уже априори мотивация заговора кажется весьма подозрительной. Идея столь серьезного акта, как убийство Александра, даже принимая во внимание молодость заговорщиков, не могла принять определенные и довольно широкие организационные формы без соответствующих общественных предпосылок. Случай на охоте можно допустить лишь в качестве повода к заговору, но отнюдь не как его причину. В дальнейшем это станет для нас еще яснее.

О том, что собирались делать заговорщики после убийства царя, ничего не известно. Возможно, что они и сами этого хорошо не знали. Психологически здесь нет ничего невероятного, тем более, что это была действительно незрелая молодежь, не отдававшая себе, быть может, вполне ясного отчета в последствиях своего поступка. Возможно, что у них и имелся в виду какой-нибудь кандидат в качестве преемника Александру. Кто это мог быть, сказать очень трудно, так как после смерти Пармениона в армии едва ли можно было найти достаточно подходящее лицо. Бесспорно, на всем предприятии лежал известный налет юношеского легкомыслия. Но это, конечно, отнюдь не уничтожает его политической значимости.

¹ Сополид: А г р., I, 2, 5; III, 11, 8; IV, 18, 3; Асклепиодор: А г р., IIIз, 5, 1; 6, 8; IV, 7, 2.

Заговор не удался. В ту ночь, в которую было назначено убийство, Александр пировал с друзьями до утра, и, когда он пошел спать, заговорщики были автоматически сменены новыми дежурными, не посвященными в заговор¹. О раскрытии заговора и Арриан и Курций передают со слов какого-то одного источника. На следующий день один из участников, Эпимен, рассказал о заговоре своему возлюбленному Хариклу, сыну Менандра². Харикл передал обо всем Эврилоху, брату Эпимена, а этот последний сообщил Птолемею. Птолемей тотчас поставил в известность Александра, который приказал арестовать заговорщиков. Последние под пыткой во всем сознались, и, кроме этого, назвали несколько соучастников (Агг., IV, 13, 7). У Курция (VIII, 6, 20 сл.) Эпимен рассказывает о заговоре непосредственно Эврилоху. Этот последний идет к Птолемею вместе с братом. Описание Курция полно различными деталями, не дающими, впрочем, ничего существенного для понимания дела.

После признания заговорщики были судимы в собрании македонян и побиты камнями (Plut., Al., 55; Агг., IV, 14, 3; ср. Curt., VII, 8, 20; Iust., XII, 7, 2)³. Различные подробности этого суда, сообщаемые Курцием (VIII, 6, 28—8, 19), не свободны от противоречий и мало достоверны. Но на одной детали необходимо остановиться. У Курция Гермолай произносит длинную речь, которую можно было бы назвать программой македонской оппозиции. Эта же речь в краткой форме есть у Арриана (IV, 14, 2): «Некоторые историки рассказывают, что Гермолай, приведенный в собрание македонян, подтвердил, что он действительно устроил заговор, ибо свободному человеку невозможно было снести деспотизм Александра. А затем он выложил все: и незаконную смерть Филоты, и еще более незаконную гибель его отца Пармениона и других, которые тогда расстались с жизнью, и убийство Клита в пьяной ссоре, и персидскую одежду, и еще не оставленное намерение ввести проскинесис, и беспросыпное пьянство Александра. Не будучи в силах снести все это, он решил освободить себя и других македонян». Александр не только терпеливо выслушивает эту вызывающую речь, но у Курция даже отвечает на нее столь же пространной речью. В ней есть один любопытный момент. Возражая против обвинения в том, что персы у него пользуются большим уважением, чем македоняне, Александр дает замечательное обоснование своей восточной политики: «Я пришел в Азию не для того, чтобы искоренять народы и половину мира превратить в пустыню, но и для того, чтобы и побежденные не тяготились моей победой. Поэтому они служат вместе с вами и за вашу власть проливают свою кровь. В противном случае они восстали бы. Не долговременно владение, которое вводят мечом, а признательность за благодеяния вечна. Если мы хотим владеть Азией, а не только пройти через нее, нам нужно оказывать им благоволение... Однако ведь я переношу в Македонию их нравы и обычай. У многих народов я нахожу то, чему нам нестыдно было бы подражать. Нельзя управлять таким государством без взаимного обмена культурными ценностями».

Весь этот обмен программными речами на военной сходке мало вероятен. Едва ли Александр мог позволить обвиняемому перейти на роль об-

¹ Вариант Аристула (Агг., IV, 13, 5; Curt., VIII, 6, 16—17) о сирийской пророчице, убедившей якобы царя остаться на пирушке, является, конечно, выдумкой.

² Возможно, что отец Харикла тождествен с тем Менандром, о котором неоднократно упоминает Арриан (III, 6, 7; 6, 8; VII, 23, 1; 24, 1).

³ Суровая расправа с ними (пытки, казни) объясняется тем, что Александр повзв заговора видел всю ту же старую политическую оппозицию.

винителя, да еще в такой форме. Речи интересны для нас с другой точки зрения, именно как показатель отношения к событиям античной историографии. Речь Гермолая (в сжатой ли форме у Арриана или в расширенной у Курция) представляет яркий образец той враждебной к Александру традиции, которая неоднократно выступает в наших источниках (особенно у Юстина, а также у Курция). Каково бы ни было ее происхождение, речь Гермолая удачно выражает настроение македонской оппозиции¹. Что же касается речи Александра, то и она чрезвычайно четко формулирует его программу, в некоторых пунктах, быть может, яснее, чем мог формулировать ее он сам! Во всяком случае, любопытно, что уже античная историография, вложив в уста Александра эту речь, обнаружила большое понимание существа его восточной политики.

Перейдем теперь к последнему вопросу, который еще больше должен выяснить нам характер заговора пажей,—к вопросу о роли в нем Каллисфена. Здесь в источниках много неясностей и противоречий. Пл у т а р х (Al., 55), вероятно, продолжая излагать Хареса, рассказывает, что после того, как Каллисфен отказался принять участие в проскинесисе, Александр стал его чуждаться. Большую роль в этом сыграл Гефестион, который сообщил царю, что Каллисфен первоначально согласился на проскинесис, а потом не сдержал своего обещания. Затем разные «Лизимахи и Гагноны» стали напештывать Александру, «что софист ходит с гордым видом и хвастается, что он-де уничтожил тиранию, а мальчишки бегают за ним, считая его одного свободным человеком среди стольких тысяч». Эти обвинения получили основание после того, как был открыт заговор пажей. Теперь Каллисфена стали обвинять в том, что он прямо подстрекал Гермолая на убийство царя, «хотя,—говорит Плутарх,—никто из сообщников Гермолая, даже среди страшных мук, не выдал Каллисфена». Сам Александр в письмах, тогда же отправленных им Кратеру, Атталу и Алкете, говорит, что пажи под пыткой сознались, что они организовали все сами без помощи кого-нибудь другого. Но впоследствии, в письме к Антипатру, он обвиняет и Каллисфена: «Пажей,—пишет он,—побили камнями македоняне; а софиста я сам накажу, равно как и тех, кто послал его и кто принимает в городе лиц, устраивающих против меня заговоры». Относительно смерти Каллисфена Плутарх сообщает несколько вариантов. «Одни говорят, что Александр приказал его повесить, а другие,— что он заболел в темнице. По словам Хареса, Каллисфена после ареста семь месяцев держали в заключении, чтобы судить в совете в присутствии Аристотеля, но, когда Александр был ранен в Индии, он умер от ожирения и чесотки».

А р р и а н, после рассказа о проскинесисе, продолжает (IV, 12, 7): «Я полагаю, что не без основания Александр возненавидел Каллисфена из-за его неуместной откровенности и крайней бестактности. Отсюда я заключаю, что не трудно было поверить тем, которые обвиняли Каллисфена в том, что он принимал участие в заговоре пажей против Александра или даже (как утверждали другие), что он подстрекал их». Ниже, передав историю заговора, А р р и а н излагает мнения своих источников о виновности Каллисфена (IV, 14, 1). «Аристобул говорит, что (пажи) признались в том, что Каллисфен подбил их на заговор. И. Птолемей утверждает то же самое. Большинство же полагает, что Александр потому легко поверил худшему о Каллисфене, что он уже раньше ненавидел его и что Гермолай был в высшей степени ему предан». О смерти Каллисфена

¹ Очень характерна, например, такая фраза Гермолая (C u r t., VIII, 7, 4): «Много ли македонян успело от твоей свирепости? Кто пережил ее, если он только человек не подлой крови?».

А р р и а н передает свидетельства Аристобула и Птолемея (IV, 13, 3): «Аристобул говорит, что Каллисфена в окопах возили вместе с войском, а затем он умер от болезни. По утверждению же Птолемея, сына Лага, его повесили после пытки».

Точно так же К у р ц и й после описания проскинесиса говорит, что Александр разгневался на Каллисфена, «и прежде внушавшего подозрения своей оппозиционностью (*contumacia*)». «Скоро царю представился удобный случай для сведения счетов с Каллисфеном» (VIII, 6, 1). Далее излагается история заговора. Рассказывая о том, как Эпимен все подробно объяснил царю и назвал имена заговорщиков, К у р ц и й замечает (IV, 6, 24—25): «О Каллисфене было известно, что он не назван в качестве участника преступления, но что он обычно охотно слушал речи юношей, бранящих царя. Некоторые прибавляют, что, когда Гермолай жаловался ему по поводу наказания, Каллисфен сказал: «Вам нужно помнить, что вы уже не дети». Эту фразу можно было понимать двояко: либо она сказана была в утешение, либо с той целью, чтобы больше возбудить негодование в юношах». Когда заговорщики были схвачены, вместе с ними был арестован и Каллисфен (6, 27). Но его не привели на суд вместе с другими (6, 29). Царь в своей речи трижды называет Каллисфена «учителем» заговорщиков (7, 3; 8, 1, 19). Но Гермолай категорически отверг это обвинение: «Вот здесь, говорит он, стоят те, которые вместе со мною задумали это благородное дело. Среди них нет никого, кто бы сказал, что Каллисфен был нашим соучастником, хотя уже давно он осужден на смерть справедливейшим и кротчайшим государем» (7, 10). По Курцию, Каллисфен погиб после пыток (*tortus interiit*), погиб потому, что, хотя он и был невиновен в заговоре на жизнь царя, но не подходил к придворным нравам (8, 21).

Ю с т и н (XII, 7, 2) кратко замечает, что Каллисфен и многие знатные македоняне были убиты под предлогом их участия в заговоре (*sub specie insidiarum*). В «Итинерарии» Гермолай изображен в виде ревностного последователя Каллисфена, почему на этого последнего также пало подозрение. Но Гермолай даже под пыткой утверждал, что не было иной причины заговора, кроме наказания, наложенного на него царем¹.

Для того чтобы разобраться в этих противоречивых показаниях источников, от которых еще античные историки приходили в отчаяние², необходимо выбрать какой-нибудь отправной пункт, меньше всего внушающий подозрения. Таким исходным пунктом, конечно, не могут быть свидетельства Птолемея и Аристобула, приводимые Аррианом. Этим авторам очень мало можно верить в тех вопросах, которые так или иначе могли бы бросить тень морального осуждения на царя. Гораздо надежнее в данном случае рассказ Плутарха. Во-первых, весь отрывок его, начиная с изложения второго варианта истории с проскинесисом и кончая смертью Каллисфена, позволяет допустить широкое использование Хареса, о высоких качествах которого, как историка, мы уже говорили выше. Плутарх в этом отрывке два раза упоминает его имя, да и начало IV главы хорошо увязывается с концом предыдущей³. Во-вторых, у Плутарха мы встречаем также использование писем Александра, в подлинности

¹ Известное место Ю с т и н а (XV, 3, 3—6), где рассказывается, что Каллисфен умер от яда, данного ему Лизимахом, который таким путем хотел избавить его от мучений, равно как и бесчисленное количество известий о его смерти позднейших античных писателей являются (там, где они не зависят от основных источников) чистой фантазией.

² А р р., IV, 14, 3—4.

³ De Al. M. epistolarum comm., 64—69.

которых, как убедительно показал Pridik, нет оснований сомневаться. Наконец, и внутреннее правдоподобие рассказа Плутарха, как увидим сейчас, весьма велико.

Если, таким образом, мы возьмем за отправной пункт Плутарха, картина сразу же проясняется. После того, как Каллисфен выступил в качестве противника проскинесиса¹, он сразу же оказался в центре внимания оппозиции, с которой до сих пор у него отношения вовсе не были особенно близкими, если судить по его позиции в деле Филоты Пармениона² и убийстве Клита, где он, судя по некоторым источникам³, выступил в роли утешителя Александра. Его положение знаменитого писателя, до сих пор безоговорочно стоявшего на стороне Александра и сверх всякой меры его восхвалявшего⁴, а теперь также очутившегося в оппозиции, должно было привлечь к нему македонскую аристократическую молодежь, полную своеобразного «демократизма», в данную минуту особенно обострившегося благодаря истории с проскинесисом.

«Мальчишки», действительно, за ним бегали, а он вещал громкие слова о свободе и тирании. Эти речи, в которых, вероятно, не содержалось прямого призыва к убийству Александра, падали на весьма благодарную почву. Таким образом, Каллисфен стал на одно мгновение как бы идеологом оппозиции⁵, чем и объясняется суровая расправа Александра со своим недавним панегиристом⁶. Участия в заговоре Гермолая Каллисфен, конечно, не принимал. В пользу этого, помимо писем Александра⁷, говорят и соображения психологического порядка. Самый характер этого полуребяческого заговора не допускал участия в нем взрослых, хотя бы этим взрослым и был сам Каллисфен. Психология незрелой молодежи, к тому же проникнутой аристократическо-корпоративным духом, в этом отношении достаточно известна⁸.

¹ Роль Каллисфена в 1-м варианте, как мы видели выше, преувеличена. Слишком мягко выражается Kroll (Kallisthenes, 1680): «Возможно, что роль Каллисфена в вопросе о введении проскинесиса несколько преувеличена». Его поведение вовсе не было таким принципиальным и мужественным, как это изобразила позднейшая перипатетическая традиция. Очень характерна, например, деталь, сообщаемая Плутархом—Харесом, что Каллисфен хотел избежать проскинесиса, так сказать, «под шумок» и что он обещал Гестииону свое участие в обряде поклонения, а в решительный момент не сдержал слова. Все это отнюдь не свидетельствует в пользу Каллисфена и мало вяжется с его образом, нарисованным Плутархом в 53 и начале 54 гл. под влиянием вульгарной традиции (1-й вариант).

² Чистой выдумкой, конечно, является место А р р и а н а (IV, 10, 3—4), где описывается совершенно фантастический разговор Каллисфена с Филотой о тираноубийстве. Упоминаемый здесь Филота, без сомнения, сын Пармениона, а не участник заговора пажей, как ошибочно думает Droysen, II, 93, прим. 1.

³ Plut., Al, 52; Iust., XII, 6, 17; ср. Curt., VIII, 8, 22.

⁴ См. знаменитые фрагменты 7 и 16.

⁵ W. Kroll, 1680, неправ, думая, что подход македонской знати к вопросу о проскинесисе был совершенно иным, чем подход Каллисфена, и что поэтому Каллисфен не мог стать вождем македонской оппозиции. Принципиальной разницы в подходе не было, и Каллисфен вовсе не до конца стоял на стороне царя против знати.

⁶ При каких обстоятельствах погиб Каллисфен, является вопросом второстепенным. Мне кажется, что правы Харес и Аристул, а не Птолемей. Ср. Strab., XI, 517; Pridik, 65, прим. 1. Возможно компромиссное решение, которое отчасти примирило бы равногласия источников: Каллисфен был казнен после того, как он некоторое время пробыл в заключении.

⁷ Письмо к Антипатру вовсе не служит доказательством участия Каллисфена в заговоре. Царь в нем не говорит, за что именно он накажет философа. Очевидно, речь идет о наказании за идейное вдохновительство.

⁸ Отрицанию участия Каллисфена в заговоре, строго говоря, не противоречат и свидетельства Птолемея и Аристула. По их словам, пажи сознались, что Кал-

Но почему грек Каллисфен оказался в оппозиции? Это особый вопрос, относящийся к особой теме о характере греческой оппозиции Александру, в подробное рассмотрение которого мы сейчас входить не можем. Говоря кратко, та часть чисто греческой оппозиции, которую представлял Каллисфен, выросла из тех же корней, что и македонская: она выражала собой противодействие ориентальной политике Александра во имя эллинской программы покорения Востока. Выступила она, естественно, гораздо позднее, чем македонская, носившая менее принципиальный и более «практический» характер. Проскинесис служил здесь прекрасным предлогом, будучи ярким символом нового самодержавия Александра. Каллисфен, как мы видели, был далеко не идеальным представителем этой оппозиции, но все-таки он им был¹. Раз выступив, греческая оппозиция, идеологически гораздо более сильная, оказалась не только в контакте с македонской, но и на короткое время возглавила ее. Однако было уже поздно: оппозиция знати умирала, и заговор пажей был ее последним скольконибудь широким проявлением.

Таким образом, Александру в конце концов удалось сломить сопротивление непокорной части своей знати. Сначала, опираясь на широкую группу новой филипповской служилой знати, он раздавил оппозицию старых родовых элементов². Затем, во время азиатского похода, среди этой группы, в свою очередь, начинается расслоение. Одна часть ее, во главе с самим Александром, становится на точку зрения «универсальной» монархии с резко выраженными чертами восточного абсолютизма и начинает проводить политику сближения с персами. Другая часть остается на старой филипповской программе македонского или, в лучшем случае, греко-македонского государства типа «патриархальной» монархии. Между обеими группами начинается борьба, окончившаяся победой Александра. Но македонская оппозиция на этом не прекращается. В дальнейшем ее носительницей становится масса македонской пехоты, т. е. македонское крестьянство.

Каллисфен подстрекнул их на заговор. Возможно, что они в этом сознались под пыткой. Но что значит «подстрекнул»? Идеиное вдохновительство также подходит под это понятие, и отсюда вовсе не следует, что Каллисфен был действительным участником предпринятия (Pridik, 65).

¹ Нет никакого противоречия между панегирическим тоном исторического труда Каллисфена и выступлением на стороне оппозиции. До определенного момента Каллисфен был панегиристом Александра, потому что этот последний воплощал для него эллинскую программу. Но впоследствии, когда он понял, что программа Александра — не его программа, он отошел от царя.

² Само собой разумеется, провести резкую грань между «родовой» македонской и «служилой» знатью невозможно. Поэтому и позднее в составе оппозиции Александру было, конечно, не мало старых родовых элементов.

Акад. Р. Ю. Виппер

ЭТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЕНЕКИ

Римская рабовладельческая аристократия I в. н. э.

Судьба и мировоззрение Сенеки неотделимы от образа жизни и кругозора понятий римской аристократии первого века империи.

Для того чтобы раскрыть содержание литературной деятельности Сенеки, необходимо в немногих словах отметить характерные черты мироощущения того умирающего социального слоя, который представляла в то время верхушка римского рабовладельческого общества.

В руках эпигонов великой завоевательной эпохи, внуков и правнуков поколений Помпея, Цезаря и Августа, скопились крупнейшие богатства, награбленные и привезенные в Италию со всех концов Средиземноморского мира.

У Тацита есть мрачно-сатирический гротеск, где из уст Тиберия, умнейшего тирана, взявшего на себя роль цензора, блюстителя нравов, озабоченного восстановлением старинной римской доблести, упадочная, впадшая в полуидиотство аристократия выслушивает укоры за неумение справиться с сокровищами, доставшимися в наследство от знаменитых предков. Император называет три разряда богатств: *villae, fenus, servi*. У Сенеки те же категории появляются в других комбинациях: один раз он говорит о *mancipia, possessiones, dignitates* (в этой формуле замечательно, что обладание рабами поставлено на первое место), в другой раз он называет *praedia, horti, alieno colono rura pretiosa* (разумеются, повидимому, латифундии в провинциях), *grande in foro fenus*.

Поссесоры огромную долю богатств, которыми они так кичились, растрачивали самым нелепым образом: в роскошном убранстве дворцов, в званных праздничных приемах и пиршествах, в накоплении дорогих игрушек. Их ни в какой мере нельзя назвать предпринимателями в подлинном смысле этого слова. Свои несметные богатства они пытались увеличивать в основном посредством ростовщичества, спекуляцией на денежном рынке. *Fenus*—это своего рода сундук Гарпагона либо конторка ростовщика, из которой тот делает выдачи с тем, чтобы новой лихвой увеличить основной фонд своего казнохранилища.

Архибогатые поссесоры не составляли сплоченной группы, не жили в согласии между собой, а дико, нелепо враждовали, изводили друг друга. Бездельники в смысле уклонения от каких-либо хозяйственных забот, они проявляли суетливую деятельность (*maxime occupati*, по выражению

Сенеки) в кляузнических процессах по наследствам, завещаниям, брачным договорам, посредством которых представители знатнейших и богатейших домов старались разорить друг друга, отхватить от латифундий, от ростовщических сумм своего соседа или соперника новые куски в прибавку к своим несчитанным сокровищам. Это была оргия того порока, который римляне включали в термин *avaritia*.

Самым излюбленным средством извести противника становится политический донос, обвинение в оскорблении величества верховного правителя Рима; таким образом принцепсы, и без того склонные к тирании, втягивались в эту жестокую кампанию истребления старинного римского нобилитета, последних отпрысков блиставших когда-то Эмилиев-Лепидов, Скрибониев-Либонов, Кальпурниев-Пизонов.

В одном отношении, однако, аристократия сознавала свое единство, ощущала почти физически свою классовую солидарность и целостность, а именно видя себя маленькой группой господ, окруженной подавляющей массой бесправных рабов. Счастливые обладатели величайших богатств мира жили в вечной тревоге, не только под страхом больших восстаний невольников, но и в повседневной опасливой оглядке на свою домашнюю челядь. У посессоров существовала поговорка: сколько у тебя рабов, столько врагов! Тацит, рассказывая под 62 г. об убийстве префекта города, сенатора Педания Секунда одним из рабов его челяди, которых было 400 человек, и излагая прения по этому поводу в сенате, влагает в уста консерватора Кая Кассия, требовавшего применения самых суровых мер коллективного террора, следующие слова: «теперь не то, что в старину, когда рабов было сравнительно немного и когда они вырастали в доме, на полях господина, вместе с его семьей; мы окружены сейчас толпами инородцев (*nationes*), и притом людей, у которых совершенно не похожие на наши обряды, чуждые нашим религиозные верования или и вовсе никаких нет (*quibus diversi ritus, externa sacra aut nulla sunt*). Этим сбродом (*colluvies*) нельзя управлять иначе, как наводя на них страх».

Мы невольно задаем вопрос: неужели в среде этой упадочной, разлагающейся аристократии, у отдельных ее представителей так и не возникало мысли искать выхода из заколдованного круга рабовладельческих отношений, искать средства для облегчения боли в этой вечно зияющей ране?

Каково могло быть настроение лучших, наиболее совестливых людей высокоаристократической среды?—Тацит отвечает нам на этот вопрос, рассказывая о трагической кончине Кокцея Нервы в 20-х г. I в. н. э.

Этот выдающийся по уму, высокообразованный юрист не только не был противником императора, но, напротив, принадлежал к числу близких и постоянных советников Тиберия. Он принял решение умереть посредством голодовки—способа особенно мучительного, будучи, как говорит Тацит, вполне здоровым телесно и находясь в прекрасном материальном положении. Тиберий, узнав о том, что творится в доме Нервы, бросился к нему, стал усиленно добиваться выяснения причин и побуждений, умолять Нерву прекратить голодовку, указывая на то, что добровольная смерть одного из ближайших друзей императора должна повредить репутации его самого—римского государя.

Нерва остался непреклонен. Люди, хорошо его знавшие, говорили, что самоубийство его объясняется политическими причинами, что Нерва ясно сознавал грозящее разложение великого государства римского, что, охваченный чувствами гнева и ужаса, он спешил уйти из этого мира, пока еще не был сам затронут ядом гниения, пока можно было умереть с незапятнанной честью.

Поступок Нервы будет нам понятен, если мы представим себе круг идей, в которых он вырос. В традициях своего сословия—римского нобилитета—

он не находил никаких указаний на возможность излечения от смертельной болезни, поразившей общество и государство римское, но там было отмечено огненными знаками одно индивидуальное средство спасения—при поражении умереть с честью на поле битвы.

Самоубийства принимают в аристократической среде характер почти эпидемический. К добровольной смерти прибегают те, кто, опасаясь политического обвинения, надеется еще, по крайней мере, спасти свое имущество для детей, для близких родственников, для друзей, иным это удается сделать во-время, другие опаздывают, не успевают предупредить смертный приговор, тогда самоубийство становится вынужденным. Такова была судьба Тразеа Пэта и Сенеки при Нероне.

Кокцей Нерва умирал атеистом, без какого-либо религиозного утешения; при готовившемся к смерти Тразеа Пэте находился, как бы в качестве духовника, киник Деметрий, который вел с ним таинственные беседы, вероятно, о судьбе души после смерти.

Мораль римского стоицизма

Самоубийство Кокцея Нервы и столь же трагичная кончина Тразеа Пэта—вот две даты, между которыми приходится жизнь и деятельность Л. Аннея Сенеки младшего, оставившего потомству, пожалуй, единственную в мировой литературе апологию и прославление самоубийства. У Сенеки мы найдем не только обличительную сатиру на римское высшее общество, не только надгробное слово гибнущей римской аристократии, но также попытку открыть пути к возрождению морали и построить новую практическую философию.

Его моральные идеи можно признать новыми только по отношению к римскому обществу: они давно уже разрабатывались на почве Греции и эллинистического Востока. В лице Сенеки греческий стоицизм вступает в новую, римскую фазу, греческая гуманность применяется к более суровой римской действительности, где, с образованием империи, водворилось беспощадное военное право: послышался первый, пока еще робкий, призыв к реформе, к смягчению рабовладельческого строя.

Характеристику мировоззрения Сенеки я бы хотел начать с указания на несколько типичных для него предрассудков.

Остановлюсь на двух особенно ярких моментах отрицательного свойства, присущих его мировоззрению.

1. В письме к Луцилию (Ер., 50) Сенека жалуется на общий порок сознания массы людей, который состоит в том, что они бродят, точно слепые, воспринимая только тупые внешние толчки от окружающей их действительности, совершенно не видя света и не проникая в глубины мироздания. Чтобы сделать свою мысль более наглядной, он берет сравнение из фактов своей домашней обстановки.

«Ты знаешь, у меня в доме живет дурочка (*fatua*) Гарпаста, доставшаяся по наследству моей жене. Сам я, как тебе известно, не охотник до таких уродов (*prodigia*), но зато, если захочется посмеяться над шутом, так недалеко ходить. Ты не поверишь, как она нас потешает: она слепая, но не сознает этого, своего поводыря (*paedagogus*) она все теребит и тянет увести ее из этого темного дома, где ничего не видно».

Для нас поразительно, что человек высокообразованный, занятый разрешением вопросов философии, обнаруживает такую грубость и нечувствительность, доходящую до издевательства над увечным и слабоумным. Кажется, это—чисто римская черта, тогдашний Восток мог бы научить иначе относиться к несчастным больным и дефективным особям рода человеческого.

Замечу кстати, что Сенека, применяя ту же специально римскую холодно-рассудительную манеру стоицизма, вооружается против милосердия (*miser cordia*). В его глазах эта слезливая сострадательность не есть добродетель, мудрец должен оставаться на высоте разумного, спокойного наблюдателя человеческих болезней и страданий; нужна только *clementia*, милостивое отношение к тем, кого поразила боль и страдание.

2. Укажу еще на другую непривлекательную черту в моральном облике Сенеки, которую приходится отнести на счет политического упадка, переживаемого римским обществом того времени. В трактате *de clementia*, который был написан при вступлении во власть молодого Нерона, мы находим такую десть, такое низкопоклонство и раболепство перед царем и земным богом, какое редко встретишь во всемирной литературе.

Прежде всего поражает контраст между государем и народом. «Как приятно владыке вселенной обратиться к своей доброй совести, а потом кинуть взгляд на распростертую у его ног громадную толпу, раздираемую несогласиями, мятежную и бессильную, готовую с диким ревом встречать чужую гибель, да и свою собственную».

Государю Сенека влагает в уста следующие слова: «Из всех смертных мне одному выпало счастье быть на земле наместником богов. Я один, верховный судья народов, имею право жизни и смерти над ними: в моих руках участь и положение всех и каждого; из моих уст узнают смертные, что кому предрекла судьба, от милостивого слова моего сияют радостью города и народы... Только миролюбие мое сдерживает многие тысячи мечей, которые, по одному моему мановению, могут быть обнажены, чтобы одни народы с корнем истреблять, другие переселять, чтобы одних царей низвергать в рабство, других увенчивать короной, мой приговор решает, какие города разрушать, какие вновь создавать. Я держу оружие в ножнах, и пощада вам всем до ничтожнейшего человека исходит от безмерной моей милости. Быть строгим или милостивым—мое личное дело,—я даю отчет только перед самим собой..., если я прощаю там, где нет основания для милосердия, я делаю это для своего удовлетворения».

От себя автор преподносит монарху такой ухищренный комплимент. «Никогда и никому один человек не был так дорог, как ты народу римскому... под скипетром твоим раскрывается светлейший образ правления, где свобода людей находит себе предел только в запрещении губить самого себя».

Прибавим к этому только один совет усерднейшего раболепства, который Сенека подает своим сотоварищам по придворной службе: «Несправедливости и обиды со стороны сильных мира сего (*potentiorum*) надо сносить не только терпеливо, но и с приятной улыбкой».

Если вспомнишь, что со времени водворения монархии в Риме в 46 г. до н. э. (диктатура Цезаря) прошло до написания *de clementia* в 54 г. н. э. ровно столет, то придется признать, что век династии Юлиев-Клавдиев начисто истребил в сознании руководящих кругов римского общества представление о чести, что за это время совершилось падение политического сознания до полного ничтожества. Правда, в глазах Сенеки, Катон, который не мог пережить гибель республики,—святой мученик, *sanctus, sacrum caput*, но он как нельзя более ясно сознает, что этот героизм принадлежит безвозвратному прошлому, что на очереди теперь рабское смирение, безусловное преклонение перед сильными, и среди них перед самым властным и могучим—самодержцем Рима.

Сенека жил в тяжелую пору политического и социального растления Рима, он должен был служить системе безграничного деспотизма. В этих унижающих человеческое достоинство условиях он старался провести свою жизненную задачу—проповедывать величие разума человеческого, его

устремления ввысь, независимости от мелочей, суеты, пошлости и низости обыденной жизни, чистоты помыслов и соревнования с богами бессмертными.

Присмотримся теперь несколько ближе к социальному положению Сенеки. Он лишь под конец жизни вошел в круг высшей аристократии, стал одним из крупнейших possessоров империи. По происхождению своему он был из всаднического сословия, второго разряда служащей знати, сохранявшей более деловой, практический характер, больше бережливости и расчета сравнительно с безграничностью прихотей, расточительностью, ленью и барской спесью высшей сенаторской аристократии. Сенека был провинциалом, родом из испанской Кордубы (или Кордовы) в Андалузии. В его роду не было знаменитых предков, прославленных, отмеченных в летописях и фаестах республики консулов, преторов, цензоров. В семье его упрочились другие традиции: труда, образованности, упорной работы над своими талантами, отец Сенеки был ритором, профессором красноречия, сам он приобрел громкую известность как адвокат.

От вырождающегося нобилитета этих римлян второй очереди отличала складка рассудительности, порядка и стройности в расположении бытовой жизни, но им отнюдь не было свойственно отречение от материальных благ, у них не было ни малейшей склонности к аскетизму. К понятиям и вкусам этого общественного слоя зажиточных людей наиболее подходила практическая философия стоицизма, далеко отстоявшая от учения и проповеди киников, этих апостолов нищеты и пророков бедности, предшественников христианского монашества.

В критике общественных нравов у Сенеки нет ничего революционного, есть только пожелания реформы, исходящие от взглядов и привычек зажиточного, интеллигентного класса, нет ни отрицания богатства, ни отрицания рабовладения, есть только программа сдерживания страстей и похотей, разумной умеренности, смягчения грубых порывов. В принципиальном смысле Сенека не возмещает ничего нового по сравнению с учителями своими, греческими стоиками, он только направляет как бы прожектор философского освещения на суровую римскую действительность, ищет выхода из тупика затянувшегося пиршества упадочников.

Сенеку глубоко удручает пустота и пошлость окружающей его жизни, этот вечный праздник, толчея и безделье, соединенное с суетливостью, жадностью, корыстолюбием, чванством и жестокостью людей, осчастливленных всеми материальными благами. Богачи живут, отдаваясь низким похотям, преходящим минутным влечениям, заглушают заложенные в человеке склонности к добру и истине, руководясь лишь чувствами зависти и страха, подкапываясь друг против друга.

От имени стоической философии Сенека напоминает основной принцип, которым должны были бы руководиться люди: «высшее благо заключено в разуме, а не в чувствах» (*summum bonum in intellectu, non in sensu comprehendit*).

«Что в человеке самое лучшее? Разум. Силой разума он превосходит животных и идет вровень с богами. Итак, разум в его совершенстве есть благо, присущее человеку, тогда как все остальные свойства у него общие с животными» (*ad Luc. ep. 76*).

Та же мысль в другой формулировке: «В борьбе за существование животные, вооруженные зубами и когтями, кажутся сильнее человека, но природа одарила человека двумя свойствами, которые делают его, слабое существо, сильнее на свете: разумом и общительностью» (*rationem et societatem, de beneficiis, IV, 18*).

Из этого верховного принципа делается ряд практических выводов.

Программу моральных реформ, предлагаемых Сенекой, можно прочитать в заглавиях его работ. 1) *de brevitae vitae* (о краткости жизни, ничтожестве мелочей, в которых погрязает человек, о забвении им высших целей существования); 2) *de ira* (о ярости); проповедь борьбы со страстями, разумной сдержанности, самовоспитания; 3) *de tranquillitate animi* (о спокойствии, равновесии духа); 4) *de vita beata* (о блаженной жизни), т. е. об истинном, внутреннем счастье, не имеющем ничего общего с суетой, наслаждениями, показными золотыми игрушками; 5) *de otio aut secessu sapientis* (о досуге или уединении мудреца), т. е. об уходе мудреца и праведника от забот, утех, интриг, беготни, похотливости повседневной жизни; 6) *de beneficiis* (о благодеяниях); под этим термином Сенека разумеет благотворительную помощь, подарки, дружеские услуги—выражения бескорыстной любви и преданности: это—первые проблески того направления, которое в следующем поколении получило название филантропии.

Что же предлагает Сенека взамен той бестолковой порочной суеты, которая его окружает? Что должны делать *virī boni et sapientes*—в противоположность *vulgo, turbae*, в противоположность *stultis, vitiosis*?

Заметим прежде всего, что Сенека не помышляет ни о какой широкой социальной реформе. Империя как государство, как система владычества страшит его воображение. У него нет воинственного патриотизма, нет увлечения блеском римских завоеваний. Говорить прямо о ненужности побед Цезаря и Августа он не решается, но косвенно этим покорителям мира жестоко достается, когда он громит Александра Македонского, который в его изображении—не что иное, как ненасытный, высокомерный, пустозвонный хвастун.

Сенека—последовательный пацифист. Под влиянием страха войны, столкновений, кровопролития, с чувством отвращения к звону мечей, треску триумфов он пишет трактат *de ira*. Я предложил бы переводить этот термин не «гнев», а «ярость», речь идет о том, чтобы найти способы обуздания диких порывов человеческой натуры; между прочим, варваров, как то германцев и скифов, Сенека считает от природы *irascundos*, порывистыми, раздражительными, не сдержанными в своих страстях.

Не только о завоеваниях, но и о каких-либо переменах внутри империи, в строении государства Сенека не хочет и думать. Больше того. Он внушает настойчиво своему другу сторониться всяких общественных дел. Нет ничего хуже, как бегать по учреждениям, писать прошения, вести процессы, хлопотать на суде, принимать участие в интригах, клаязничать, сплетничать и т. п. Нет, *viro bono et sapienti* надо уйти подальше: у него только один путь, одна линия поведения—уйти в самого себя, отдаться самоусовершенствованию, вести жизнь по преимуществу тихую, созерцательную, найти настоящий досуг (*otium*), досуг и простор для чистых, возвышенных мыслей.

Моральная проповедь Сенеки донельзя индивидуалистична: она ограничена кругом его дома, его близких друзей. Практические меры, которые он предлагает,—умеренность в еде и питье, отмена парадных приемов и обедов, простота и скромность обстановки, сокращение числа рабов.

У него нигде нет осуждения богатства в самом принципе, в существе. Порок современных богатей, во-первых, в том, что они жадничают, хлопочут все о новых и новых захватах добычи и сокровищ; во-вторых, в том, что у них накапливается много лишнего добра, тщеславного, смехотворного; в-третьих, в том, что они не умеют пользоваться тем, что у них есть ценного, растрачивают свои богатства. Но Сенека вовсе не хочет отказываться от своих *possessions*, от своего *fenus*.

Он только настаивает на том, что его имущество приобретено честным,

правовым путем; не было в его прошлом ни грабительства, ни подлости, обмана, ни интриги против своих соседей или конкурентов. А раз *possessio* обосновано на началах строгой законности, *vir sapiens* может управлять своим имуществом с невозмутимой совестью и будет делать это бесконечно разумнее, плодотворнее и нравственно чище, чем *stulti*, вульгарные толстосумы и лежебоки.

Правда, у Сенеки можно найти прославление бедности, как такого состояния, в котором человек свободен от излишних забот, далек от всяких соблазнов, не обуреваем похотями корысти и наслаждений,—но мы сразу видим, что это декламации издали, мечты и вздохи о блаженстве нищих человека, который поглядывает на толпу с балкона своего великолепного дворца.

В одном из писем к Луцилию (Ер., 49) Сенека называет коренные добродетели, которые должен воспитывать в себе *vir sapiens*; это—*iustitia* (справедливость), *pietas* (чувство долга), *frugalitas* (воздержанность, простота), *rudicitia* (целомудрие, скромность).

Все эти житейские советы и правила домашнего поведения не поднимаются над уровнем рассудительного и честно-задуманного домостроя. В них нет ничего нового, оригинального, ничего такого, что могло бы дать Сенеке славу моралиста-реформатора. Читателю произведений Сенеки его говорливая непринужденно-светская беседа доставит большое эстетическое удовлетворение своей красивой стилистикой, интересными сравнениями, наглядными примерами, юмористическими картинками, четкими формулами и антитезами.

Новое и оригинальное появляется у Сенеки незаметно, хочется сказать, неожиданно для него самого.

Когда Сенека ставит проблему *de otio aut de secessu sapientis*, он вовсе не предполагает удаления мудреца в одиночество, перехода его к безделью и чистому созерцанию; здесь нет ничего похожего на проповедь буддийской нирваны. Нет, он хочет действенного проявления прекрасных, многообещающих дарований, заложенных в человеке; он требует самой энергической деятельности, но только деятельности бескорыстной, беззаветной, без расчета на выгоду, внушаемой свободным выбором, сердечным влечением человека, и притом в такой среде, где нет рангов и отличий, где нет ни принуждения, ни ухаживания, нет официальной службы.

Чтобы дать выражение этой мысли, которая его очень волнует, он пишет большой трактат *de beneficiis*. Много страниц посвящены ей также в сочинении *de vita beata*.

Творить добро, помогать нуждающимся, выручать друзей из беды, оказывать материальную и моральную поддержку, ссужать без лихвы и ожидания отплаты—вот чему *vir bonus et sapiens* может и должен отдавать свое внимание, свой досуг.

Разрабатывая эту тему, он невольно замечает, что под таким углом зрения люди представляются равными, одинаково ценными. «Все люди одинаковы по существу, все одинаковы по рождению, знатнее тот, кто честнее по природе». У всех нас общий родитель—мир; к нему восходит род каждого из нас, прошел ли он по блестящим или по грязным ступеням общественной лестницы.

«Природа велит нам приносить пользу всем людям, все равно—рабы они или свободные, свободнорожденные или вольноотпущенные; получена ли свобода официальным путем или она дарована в кругу друзей,—какое это имеет значение? Где ты встретил человека, там твори добро (*de vita beata*, с. 24).

В трактате *de beneficiis* Сенека ставит такой вопрос: «Может ли раб быть благодетелем господина?» и отвечает: «да, может, как человек

помогает человеку (*quid ergo? Beneficium dominus a servo accipit sicut homo ab homine*).

Этот тезис он старается обстоятельно доказать и осветить примерами. Он предвидит такое возражение: «Ведь раб, в силу своего подчиненного положения, должен совершать не иное, как только то, что приносит пользу или добро господину; если раб не выполняет своих обязанностей, он — неверный раб; а если он верен господину, то где же тут место благоденствию? Нет здесь места и добродетели». На это Сенека отвечает: да, такова внешняя, официальная сторона дела; но могут быть такие случаи, где раб выходит за пределы этой своей принудительной повинности, и есть такие рабы, которые поднимаются выше своей повседневной службы; например, когда раб жертвует своим достоинством, своей жизнью для спасения нуждающегося или гибнущего господина. Это и есть те случаи, когда в натуре раба пробуждаются свойства человека, качества и склонности благородного духа человеческого.

Весь ход рассуждения Сенеки направлен к тому, чтобы доказать основное положение: раб есть человек, равный по натуре другим людям; в душе раба заложены те же начала гордости, чести, мужества, великодушия, какие дарованы и другим человеческим существам, каково бы ни было их общественное положение. *Potest servus iustus esse, potest fortis, potest magnanimus*.

Оценить в достаточной мере оригинальность этих опровержений Сенеки можно только при сравнении их с господствовавшей в то время моралью рабовладельцев, так ярко выраженной в ходячей поговорке: есть три вида орудий (*instrumenta*): немые (*muta*), как то плуги, мотыги, заступы, полугласные (*semivocalia*) — рабочий скот, лошади, волы, и обладающие голосом (*vocalia*) — рабы. Сенека предлагает признать в *instrumentum vocale* наличие чего-то иного, высшего, натуры человеческой, способности к добру, обладания умом и талантом, гордостью и мужеством.

Сенека не ограничивается кабинетными размышлениями, а делает прямую попытку завести иные повадки в обращении с рабами, попытку, правда, еще очень робкую, в своем домашнем быту и в кругу близких друзей. Свои пожелания он обстоятельно обосновал и с горячей настойчивостью изложил в знаменитом (47-м) письме к Луцилию.

«Приятно мне было узнать от посетивших тебя друзей, что ты запросто (*familiariter*) обращаешься со своими рабами; в этом сказывается твоя житейская мудрость (*prudentia*) и твоя образованность (*eruditio*). Тебе скажут: ведь это — рабы? Да, но и люди — человеки. Ведь они рабы? Да, но они твои сожители (*contubernales*). Ведь они рабы? Да, но также друзья смиренные (*humiles amici*). Ведь они рабы? Да, они сотоварищи тебе по рабству (*conservi*), если подумать, что и они и мы одинаково находимся во власти судьбы».

«Мне смешны те, кто считает позором для себя обедать за одним столом с рабом своим. А почему же нет? Разве лучше эта чванная привычка обедать барину одному, окруженному толпой почтительно стоящих на вытяжку рабов, объедаться, давиться от непомерной жадности, набивать себе живот больше, чем он может вместить, причем рабам несчастным (*infelicissimis*) велено молчать, не смея слова пикнуть; за всякую нехватку — уронил посуду — сейчас же розги, палки, да что говорить о провинностях, нельзя кашлянуть, чихнуть, пошевелиться! И опять ночью наголодавшиеся, измученные рабы должны соблюдать величайшую тишину, чтобы не беспокоить священного сна своего господина».

Напоминая поговорку «сколько рабов, столько врагов!», Сенека с возмущением восклицает: «Так ведь это мы же и делаем рабов врагами своими (*non habemus illos hostes, sed facimus*)... господа обходятся с че-

лядью не как с людьми, а как со скотиной... такие господа считают оскорблением величества своей особы сесть за стол вместе со своим рабом... А не хочешь ли ты, спесивец, подумать, что раб одного с тобой происхождения, ходит под тем же небом, дышит тем же воздухом, равен тебе в жизни и смерти. Судьба может опрокинуть участь каждого из вас: его сделать свободным, а тебя его рабом; бывало, что человека знатнейшего рода с расчетами на блестящую карьеру она сбрасывала, а потом его видели пастухом или ночным сторожем... Почему же презирать обиженного судьбой человека, в положение которого ты сам можешь легко попасть... Не хочу сейчас поднимать великий спор о пользовании трудом рабов, скажу только, что мы доводим до крайности высокомерие, жестокость, корыстолюбие и издевательство» (*nolo ingentem me immittere locum de usu servorum disputare in quos superbissimi et crudelissimi et contumeliosissimi sumus*).

От гневного обличения бесчеловечных господ Сенека возвращается к счастливой новой повадке, которую завел в своем доме его друг Луцилий.

«Обходись с рабами своими милостиво (*clementer*—то же выражение он применяет в советах государю), ласково, входи с ними в искренние разговоры, допускай в совещания по домашним делам. На это мне скажут брезгливые господчики (*delicati*): ничего нет более позорного и унижительного, как поведение подобного рода... А я напомним мудрость наших предков, которая не давала рабам проникаться ненавистью к господам, а господам оскорблять рабов. Они придавали главе дома почетное имя отца семьи (*pater familias*), а рабов называли, как это до сих пор осталось в комедиях, «домочадцами» (*familiares*). Они установили особый праздничный день, когда не только обедали вместе с рабами, но также позволяли им облекаться в почетное звание (*honores gerere*), творить суд в своей среде, воспроизводить таким образом нечто вроде малой республики (*pusilla respublica*).

Как же это, неужели я посажу за стол всех рабов? Да, совершенно так же, как я соберу к обеду всех свободных. И ты ошибешься, если вообразишь, что я сделаю какое-нибудь исключение из-за чересчур грязного дела, например не допущу пастуха или погонщика мулов. Не по роду занятий я буду разбирать, а по нравственному достоинству. Характер зависит от самого человека, род занятий зависит от случая (*sibi quisque dat mores, ministeria casus adsignat*).

Одних зову к обеду, потому что они пристойны, других для того, чтобы они привыкли к приличию; если у кого в разговоре обнаружатся грубые повадки от грязного его занятия, они исчезнут от общения с людьми благородного звания (*honestiores*).

И не ищи ты, дорогой Луцилий, друзей на суде, при дворе, на денежном рынке; оглянись внимательно в твоей ближней среде, в своем доме. Часто благородный материал пропадает даром за отсутствием мастера; надо вникать и разysкивать... Если глуп тот, кто, покупая лошадь, смотрит на красоту узда или вожжей, то уже совсем дурак тот, кто разбирает людей по одежде и по тому, как она на ком сидит.

Мне скажут: да ведь они рабы. Так,—но вот этот раб обладает свободным духом (*libero animo servus est*).

Мне говорят: это—раб. А покажите, мне, кто не рабствует в том или другом смысле? Этот вот—раб похоти, тот—корыстной жадности, а тот—честолюбия; я назову тебе консуляра, пресмыкающегося у ног любовницы, богача под башмаком своей служанки, знатнейших юношей, подлизывающихся к паяцам. Нет рабства более позорного, чем рабство добровольное. Пускай же не мешают тебе крикуны обходиться с твоими рабами при-

ветливо, вместо того, чтобы показывать им высокомерно надутый вид, пускай лучше почитают тебя, чем боятся.

Мне, пожалуй, скажут: своими словами я призываю рабов к свободе, а господ сбрасываю вниз; не довольно ли, чтобы господина чтили приветствиями, как встречают его клиенты и поздравители? Кто так говорит, забывает, что ведь господа не могут желать большего и лучшего, чем достаточно для богов, которых мы почитаем и любим. А любовь не уживается со страхом».

В заключение своих советов к мягкому обращению с рабами, Сенека предостерегает своих ровней, рабовладельцев: «Мы не должны впадать в порок, которому так легко поддаются цари; эти деспоты забывают о великой силе своей и о ничтожестве подданных; малейший промах раба они воспринимают как опасность для жизни своей, тогда как сами они поставлены судьбой на недостижимую высоту».

Теософия и богоискательство

Стойческая школа переживала в начале Римской империи своеобразную фазу своего развития: в примыкавших к ней кружках появилось направление, которое можно назвать тягой к религии, стремление к выработке теософской системы. Сами кружки, в которых живо обсуждались философские вопросы, приобрели характер сектантских группировок. Сенека так и называет своих единомышленников—*nostri, secta stoicorum*, как будто речь идет о членах религиозной общины определенного толка.

Свою школу, свою как бы церковную общину, Сенека глубоко почитает: основателя стоицизма Зенона он называет *vir maximus, huius sectae fortissimae ac sanctissimae conditor* («великий вождь, создатель высоко-мужественной и святой секты», *ad Luc.*, 33). У стоической секты, от имени которой он проповедует новую мораль и новое богопонимание, есть свои мученики—*clarissima sancta capita*, которым воздается вечная память в молитвенных обращениях: Сократ, Катон, Рутилий, Кай Юлиан (одна из жертв цезарева безумия Калигулы); есть свои святые (*viri sancti*), образец высшей непоколебимой добродетели; есть провидение (*providentia*), правящее миром, благодетельное к людям, воспитывающее их; есть священнодействия (*sacramenta*) в смысле обязывающих человека таинств (*sacramentum* буквально значит «присяга», «заклятие»; у Сенеки появляется в такой связи: *sapiens velut sacramento rogatus hoc quod vivit stipendio putat*, «мудрец, как бы связанный священной клятвой, видит в жизни своей исполнение служебного долга» (*ad Luc. ep.* 65).

Стоическая теософия относится к народным верованиям очень бережно, не осмеивает, не критикует их, но старается внести в миропонимание принципы высшего разума. Сенека постоянно и почтительно упоминает о *dii immortales*, но понимает под этим традиционным обозначением божественную силу вообще: они сливаются в одно совокупное целое или понимаются как святые, блаженные, чистые духовные существа. Гораздо важнее для стоика понятие о *Deus*, едином верховном божестве. Унаследованное от старины наивное многобожие вполне покрывается обоснованными философскими аргументами монотеизма.

Творческая разумно организующая сила высшего божества—вот тема, к которой Сенека любит возвращаться по разным поводам: говорит ли он о величии мироздания в *Naturales quaestiones*; старается ли утешить Марцию, потерявшую дорогого ей сына, верой в соединение души умершего со светлым небесным миром, или ищет твердой основы для мужественного и независимого поведения мудреца среди соблазнов

и угроз земной жизни. Каких только нет у него титулов и прославлений в этом восторженном панегирике высшего единого бога. У него *Deus—formator universi* (*Consol. ad Helviam*, 8), *Deus omnium conditor ac rector* (*de provid.*, 5), *Deus custes mundi operis* (*ibid.*, 1), *Deus auctor universae materiae* (*Natur. quaest.*, *praefatio*), *Deus magnus artifex* (*ibid.*)

Отношение бога к материи определяется так: мир состоит из материи и бога; бог приводит в равновесие те разбросанные вокруг элементы, которые следуют за ним, как за правителем и вождем; могущественнее тот, кто творит, он сильнее, чем материя, повинующаяся богу.

В *Natur. quaest.*, II, 1, 45 находим теодицею в виде риторических вопросов. «Захочешь ли назвать (Бога) Судьбой? не ошибешься; ведь от него все в мире зависит, он причина всех причин. Хочешь назвать его Провидением? Верно будет сказано; ведь его мудростью все направляется, чтобы не было в мире беспорядка, и все получило разумный смысл и объяснение. Назовешь ли его Природой? не согрешишь против истины; ибо от него все рождается, его дыханием мы живем. Назовешь ли его Миром? не обманешься; ведь он и есть то целое, что ты видишь, совершенный во всех составляющих его частях, сам сохраняющий себя своей силой».

В глазах Сенеки *Deus* представляет собой абсолютно мудрое и доброе начало. Он есть воплощение разума (*ratio*), все в мире устроено целесообразно и ведет к общему благу всего, что есть в нем живого. Мудрое и благое начало царит безраздельно. Нет в мире противостоящего богу воплощения злого начала, нет ничего похожего на иудейского Сатану или иранского Ангроманью; нет никакой опоры для дуализма в мировой жизни. Отсюда нет понятия о грехопадении человека как результате внушения злой, враждебной богу силы. Пороки, дурные похоти, разврат и подлость составляют признаки и проявления умственной и моральной недоразвитости; это та степень животной отсталости, в которой коснеет глупец; *malum* происходит от *stultitia*, одно с другим совпадает так же, как *bonum* происходит от *sapientia*.

Неограниченно правящее миром божество не чуждо судьбам рода человеческого. Бог глубоко расположен к людям, крепчайше любит их (*de provid.*, 2).

Он любит их, как отец детей, следит заботливо за их участью, направляет их к добру. От него, от мироправителя, от верховного Разума и абсолютного Добра исходят ценнейшие сокровища души, дарование качеств и склонностей к развитию ума и доброй природы человека.

Как, однако, объяснить несправедливость в распределении богатств, торжество насильников и злодеев, несчастья и обиды, испытываемые мудрыми и праведными людьми? Сенека подробно останавливается на этом возражении противников, отрицающих существование мудрого и благодетельного промысла божия. Он доказывает, что все те драгоценности, из-за которых дерутся и воюют, подличают и обманывают, грабят и убивают друг друга,—мнимые сокровища, пустые, развевающиеся, как прах, по ветру, унижающие благородную природу человека; мудрец должен их сторониться; он должен искать совершенно иных ценностей и богатств, нетленных, вечных, которые даются лишь свободному полету духа человеческого. Когда судьба наносит ему удары, подвергает его в бедственные условия жизни, заставляет терпеть обиды, оскорбления и страдания, это вовсе не значит, что его покинул бог, что о нем не печется Провидение,—напротив: бог посылает ему испытание, бог дает ему случай и возможность закалить свою добродетель, обнаружить мужество и бесстрашие; бог любит подвижников, гордится ими.

Мудрец-праведник должен стремиться к тому, чтобы стать равным богу. Что это значит? «Денежное богатство не сделает тебя равным

богу; у бога ведь нет имущества; высокий сан, отмеченный пурпурной каймой, не сделан равным богу, ведь бог нагой (*Deus nudus est*); громкая слава, трескучие восхваления, распространяемые среди народов, не сделают равным богу; ведь бога настоящего никто не знает, многие оскорбительно о нем отзываются и притом безнаказанно» (*ad Luc. ep. 31*).

Образ «нагого бога», заставляющий нас невольно вспоминать любимую тему Франциска Ассизского, его проповедь о «нагом Христе», весьма занимал воображение Сенеки. К этому сравнению он возвращается в трактате *de beneficiis*: истинные благодеяния должны быть совершаемы людьми бескорыстно, подобно тем дарам, которыми осыпают нас боги, существа, располагающие всеми благами мира, но сами ничего не имеющие. Также в *de tranquillitate animi*, с. 8: *respice mundum-nudos vides deos, omnia dantes nihil habentes*.

Бескорыстие, бесстрашие, порывы любви к человечеству—все эти моральные заветы, поставленные мудрецу, составляют вместе с тем его религиозные обязанности. «Первый долг в почитании богов—верить в богов; затем воздавать честь их величию, наконец, творить во имя них добро, так как в благодетельности и состоит их величие, надо чтить в них правителей мира (*qui praesident mundo*), которые руководят всем на свете, не только оберегают своей опекой весь род человеческий, но также заботятся об отдельных его членах (*qui humani generis tutelam gerunt, interdum curiosi singulorum*, *ad Luc. ep. 95*).

В сочинении под характерным заглавием *De otio aut secessu sapientis* Сенека говорит о том, каков религиозный долг мудреца и каков круг религиозной общины, в состав которой входят мудрецы как воспитатели человечества.

Нужно внимательно вслушаться в эти речи римлянина, живущего в обстановке грандиозного наследства, полученного от завоевателей, от создателей империи. Поразительно видеть, как быстро у эпигонов, сыновей и внуков неутолимо жадных покорителей мира, наступило пресыщение, разочарование и даже отвращение к предшествующей блестящей эпопее создания империи. К падению воинственного патриотизма присоединилось полное исчезновение гражданских чувств—результат крушения республики.

Сенека, представитель римской группы стоической школы, находит у греческих философов—как у Зенона, родоначальника его секты, так и у противника стоицизма, Эпикура—одну общую черту: оба настойчиво советуют мудрецу уйти от политики, уклониться от участия в суетных общественных делах: борьба партий, столкновение честолюбий, порывы жадности, все это вредные условия, препятствующие выработке высоких душевных качеств. Это говорилось в Греции, а в Риме? Да ведь тут прибавляется еще один мотив: общество находится в состоянии упадка и разложения; а если государство более испорчено, чем можно ему в какой-либо мере помочь, если оно задавлено злыми пороками, мудрецу незачем истощать свои силы в безнадежной борьбе, так же как безрассудно ввиду неминуемой бури пускаться в мореплавание.

Уход от политики Сенека никоим образом не хочет понимать в смысле приятного отдыха, бездельного досуга. Нет, у мудреца-праведника есть свой великий долг, своя многотрудная, многострадальная деятельность. «Его единомышленники-стоики скажут: до последнего предела жизни нашей мы будем действовать, мы не перестанем стараться для общего блага, мы будем спасать отдельных людей, даже врагов наших, неизменно протягивать руку помощи».

Мудрец должен своим примером воспитывать к добродетельной жизни окружающих его людей: это также как бы религиозная служба. Здесь

Сенека прибегает к любопытной параллели: он сравнивает жизненный путь мудреца с самоотречением весталок, которые в первую половину своего служения учатся совершать жертвоприношения, а во вторую половину учат служить вновь подрастающих жриц.

Далее начинает обрисовываться образ всесветной религиозной общины. Сенека набрасывает очертания двух республик, двух государств, идеального и реального, в пределах которых вращается жизнь рода человеческого.

«Мы должны представить в воображении своем две республики: одну, которая включает в себе богов и людей; в ней взор наш не ограничен тем или другим углом земли, границы нашего государства мы измеряем движением солнца (*terminos civitatis nostrae cum sole metimur*); другая, это та, к которой нас приписала случайность. Эта вторая может быть афинской или карфагенской, или связанной еще с каким-нибудь городом; она касается не всех людей, а только одной определенной группы их. Есть люди, которые в одно и то же время служат и большому и малому государству (*reipublicae maiori et minori*), есть такие, которые служат только большому, и такие, которые служат только малому».

Все эти определения Сенеки в высокой мере интересны и заслуживают величайшего внимания. О римском имперском патриотизме тут нет ни звука, есть упоминание о патриотизме местном, об отечестве узком, ограниченном, и к этой *respublica minor* отношение холодное, пренебрежительное, это не больше как *angulus*, уголок. Все симпатии философа — к *respublica maior*, которую он также называет *civitas nostra*, наша община, община святых, праведников, соединяющая в себе мир божий и человеческий. Ясно, что Сенека проповедует аполитизм, уход от политики; вместо гражданских чувств и понятий он предлагает религиозный космополитизм.

Этот идеал становится потом программой христианской церкви, теоретической и практической целью христиан: уйти от государства, от внешнематериальных светских задач и устремлений, жить помыслами о вечном и нетленном, находиться в общении со святыми, с праведниками на небе и на земле, сознавать себя членом вселенской общины. *Civitas nostra*, т. е., в понятиях Сенеки, община, секта стойков, становится потом *Civitas Dei*.

Сенеку можно назвать римским предшественником идеи вселенской церкви. Он еще в другом отношении предвосхищает религиозное учение христианства, — в определении характера и роли человеческого духа, в понятии о его бессмертии.

В одном письме к Луцилию (ep. 38) есть такая сжато выраженная формула: «Ты спрашиваешь, где искать местопребывания высшего блага? Отвечаю: в духе человеческом, и только чистый, святой дух способен воспринимать бога». К теме о величии духа человеческого Сенека постоянно возвращается. «Пусть спросят меня, что есть на свете такого, с чем не может сладить никакая внешняя сила, такого, чего лучше желать нельзя? Ну, что это такое? — Дух человеческий, но только, когда он прямой, благодетельный и великий; можно ли его тогда назвать иначе, как богом, обитающим в человеческом теле» (*Deum in humano corpore hospitantem*, ad Luc. ep. 31). «Поймите: кроме духа нет ничего более достойного удивления; перед величием его ничто не может быть названо великим» (ad Luc. ep. 7).

В глазах Сенеки «тело — бремя и казнь духа» (*corpus hoc animi pondus ac poena est*); «Я рожден для высших устремлений, и я выше того, чтобы быть рабом моего тела; в теле своем я вижу не что иное, как цепи, сковывающие мою свободу» (ad Luc. ep. 65). В *Consolatio ad Helviam* говорится

еще резче: «Ничтожное тело, это—темница и оковы духа, дух же свят и вечен».

Для того чтобы выделить все своеобразие этих утверждений Сенеки, вступающего на путь религиозных исканий и чаяний, я считаю полезным вспомнить круг воззрений на религию, отраженных в великой материалистической поэме Лукреция, современника Цицерона и Цезаря.

У Лукреция, как он заявляет это на первых же страницах своего произведения, религия выступает в жизни человечества в роли отрицательной, противной разуму и морали. Воображение свирепого первобытного человека было подавлено мрачной религией (*gravi sub religione*). Гомеровским героям религия внушала преступные и нечестивые помыслы; как пример приводится убийство Агамемноном своей дочери, выманенной из дому под обманным предлогом для принесения в жертву. *Religiones* во множественном числе называет Лукреций нелепые рассказы, которые вбивают людям в голову пророки.

Своей просветительной задачей Лукреций ставит освободить умы от страхов, вызываемых религией, от невежества, поддерживаемого суевериями, от предрассудка, будто все живое на свете произошло из ничего и сотворено божеством, показать, какова творческая сила природы, показать, как произошли и развились все элементы жизни, все вещи и явления без участия или помощи богов.

Лукреций приводит 22 доказательства в пользу того научного вывода, что тело и дух неразрывно связаны, составляют одно жизненное целое, вместе зарождаются и умирают.

Достаточно этих немногих ссылок, чтобы видеть, какая разительная перемена в умонастроении римского общества произошла за те 100—120 лет, которые отделяют от *De rerum natura* Лукреция сочинения Сенеки, поскольку мы могли бы каждого из них назвать выразителем дум своего времени.

Укажу сейчас на одну из причин, которые привели к замене спокойного научного мировоззрения, опирающегося на гордое сознание независимости личности, тревожным богоискательством, призывом к помощи религии: она состоит в исчезновении политической свободы, в снижении широкой гражданственности до обывательской мелочности, в разоружении всех классов общества, в принудительном смирении, в покорном молчании, на которое были обречены все подданные деспотической монархии, в сокращении интересов и возможностей проявления энергии, в повседневном и повсеместном умалении человеческого достоинства.

Отсюда сознание беспомощности; отсюда искание утешений и утешителя; отсюда стремление к какому-то лучшему, потустороннему, нездешнему миру; отсюда богоискательство.

Самое главное различие между двумя мировоззрениями—Лукрецием и Сенекой, эпикурейством и стоицизмом, направлением мысли интеллигенции I в. до н. э. и сознанием интеллигентных кругов I в. н. э.—можно было бы так формулировать: Лукреций говорит мыслящему человеку: пойми закономерность явлений мира, пойми свое положение в мироздании, будь свободен от страха перед непонятым, потому что нет ничего сверхъестественного. Сенека говорит: да, правда, в мире все разумно, все представляется в причинной связи, все подчиняется законам,—и все же мы ищем утешителя; человеку нужна опора, поддержка со стороны высшей силы, человек боится остаться одиноким в мире.

Различие состоит в том, что у эпикурейца-материалиста философия есть наука и только наука; у стоика-идеалиста философия есть наука, осложненная богословием, она превращается в теософию.

Не случайно среди философских сочинений Сенеки мы встречаем

три *consolationes*: *Consolatio ad Polybium, ad Helviam, ad Marciam*. Заглавия здесь характерны для самого оборота мысли: научно-философские разъяснения являются вместе с тем утешениями, которые произносит духовник, состоящий при умирающем или при оставшемся в живых родственнике или друге, тоскующем по умершему близкому человеку. Сенека развивает в *consolationes* те мысли, которые звучали, по всей вероятности, в беседах киника Деметрия с приготовлявшимся к смерти Тразеа Петом.

Сенека настойчиво советует своему другу Луцилию (ep. 14): *philosophandum est*. Как бы ни объяснять строение мира и положение в нем человека—господствует ли судьба с ее неумолимым законом (*inexorabili lege fata*), или все устроено богом, как верховным решителем (*arbiter deus universi*), или дела человеческие зависят от случая,—все равно философия должна служить нам защитой (*philosophia nos tueri debet*). Но из трех упомянутых возможностей он тотчас же выбирает вторую, богословски звучащую. Философия внушит нам, что «богу мы должны охотно повиноваться, а судьбе подчиняться поневоле» (*deo libenter, fato contumaciter*); она научит тебя, как следовать во всем богу, как переносить превратности.

Таким образом, Сенека определенно отводит философии роль утешителя, задачу религиозного успокоения человека. Соответственно этой основной цели его философские рассуждения постоянно сбиваются на проповедь, принимают характер богословских поучений. «Мы рождены под единодержавной властью (*in regno*): повиноваться богу—вот в чем свобода наша» (*de vita beata*, 15). Или еще: «Философия научила нас почитать божество, любить людей, верить, что у богов власть, а среди людей тесное сообщество (*penes deos imperium esse et inter homines consortium*, *ad Luc.* ep. 90).

В письме 41 к Луцилию мы встречаем разъяснение о том, как надо молиться, всегда помня, что божество в нас обитает. «Не надо поднимать руки к небесам, не надо упрасивать служителя храма, чтобы он тебя допустил помолиться поближе к образу божества (*simulacrum*) в надежде, что так скорее дойдет твоя мольба. Вот что я тебе скажу, Луцилий,—внутри нас находится дух святой, который следит за нами и направляет нас среди добра и зла (*sacer intra nos spiritus sedet malorum bonorumque observator et custos*); смотря по тому, как мы его лелеем, он блюдет и нас; без бога нельзя стать праведником (*bonus vir sine Deo nemo est*)».

Понятие «святости» Сенека переносит на великих руководителей философской мысли, видя в них как бы основателей вселенской общины, мудрецов-праведников. Он называет их *professores virtutis, praeceptores generis humani*, но также более специальным теософским термином—*clarissimi sacrorum opinionum conditores*. Главные имена в этих святцах: *Marcus Cato uterque Laelius sapiens, Socrates cum Platone, Zeno, Cleanthus* (*ad Luc.* ep. 64). В *De vita beata* им посвящены следующие слова: «Доверьтесь тем, кто долго следовал по пути добродетели, кто вам настойчиво внушает, что в ней благо неопенимое, с каждым днем все более возрастающее; преклоняйтесь перед ней, как перед божеством, почитайте ее учителей, как служителей храма, и всякий раз, когда наступает торжественная минута провозглашения святого завета чтения их сочинений, соблюдайте благоговейное молчание» (*quoties mentio sacra litterarum interverit, favete linguae*). *Mentio sacra litterarum* звучит как высший момент богослужения.

Все эти способы выражения соответствуют богоискательской цели философа; все его приемы и аналогии служат основной задаче—найти утешение для чистой души, для мудреца-праведника. Наиболее внимания

в этой *consolatio*, обращенной к себе и к другим, Сенека отдает вопросу о бессмертии духа, об его загробном, бестелесном существовании. Здесь Сенека вступает на новый путь сравнительно со своими предшественниками, греческими стоиками. Но у него еще нет в этой области полной ясности, происходят колебания, высказываются не столько отчетливые решения, сколько догадки, гипотезы, чаяния, надежды.

Свои утешения Сенека начинает со ссылки на краткость земного существования человека — результат бренности его тела. Все в мире непрочно, все рождается на краткий срок, все предназначено к гибели. Такова участь человека. В короткий промежуток времени, данный ему, он должен развить все заложенные в нем прекрасные качества, счастливые дарования и способности, не бояться смерти, умереть честно и достойно, как это совершил Катон. Этот «живой образ добродетели» (*virtutis viva imago*) заслужил в полной мере бессмертия. Но как понимать это бессмертие? «Он живет уже более 100 лет и будет жить века»... в воображении потомства, в памяти его почитателей и подражателей, в умах лучших представителей человечества.

Такого рода вечность есть бессмертие славы, бессмертие героя, исключительной личности, бессмертие не реальное, а лишь мысленное. Это утешение Сенека не считает возможным применять к огромной массе обыкновенных, средних людей, какими бы добродетелями они ни обладали. Сенека и не думал подступаться с такой аргументацией бессмертия к матери, тоскующей по умершем в юных годах сыне. Он пытается утешить ее тем, что мальчик умер еще чистым, непорочным, не испытав ни дурных страстей, ни страданий, не узнав ни злобы, ни подлости человеческой, но он чувствует, что это утешение недостаточно.

И Сенека в *Consolatio ad Marciam* решает на построение новой догадки: «Ты ведь не знала истинного образа своего сына; тело, скелет, окутанный мускулами и закрытый кожей, лицо, движущиеся руки — все это давило, затемняло, отравляло жизнь духа, который все время бился и враждовал с этой плотью (*cum hac carne*). Он теперь устремился туда, откуда был отпущен; там его ждет вечное успокоение, там он испытает, вместо смуты и грубости, одни чистые и светлые видения... Не ходи плакать на могиле сына: тут остались кости и прах, такая же внешняя оболочка, какой была одежда. А он сам, непорочный (*integer*), ничего не оставив на земле, исчез, целиком весь (*totus*) вознесся; недолго побыв над нами, пока не совершилось полное очищение его от телесных пороков, поднялся в высшую сферу; его дух пробегает теперь в рядах блаженных (*inter felices currit animus*), его принимает в свою среду сонм священный (*coetus sacer*) Сципионов и Катонов, которые презрели жизнь и смертью приобрели свободу... Там и отец твой, Марция, встречает внука, вводит его в тайны небесного мира, о которых мы здесь на земле только строим случайные домыслы».

Эти мечтания заставляют Сенеку вспомнить учение греческих стоиков о конце мира в катастрофе всеобщего пожара. Этот традиционный в его школе образ он развивает в картину столкновения светил, разрушения и распада элементов старого мира и перерождения его в новый, светлый град. Новизной в этой картине является участие душ человеческих, вознесшихся на небо. «И мы, души счастливые, предназначенные к вечной жизни, в тот момент, когда Богу угодно будет возобновить свое творение, мы также, среди всеобщего распада, составим небольшую частицу массы перерождающихся элементов... А сын твой, Марция, уже посвящен в эту тайну...»

Мысль о том, что дух умершего, освобожденный из темницы тела, вступает в новый, светлый мир вечности, развивается также в *Consolatio*

ad Polybium, где речь идет о скончавшемся брате вельможи. *Fruitur nunc aperto et libero coelo; ex humili atque depresso in eum emicuit locum quisquis ille est, qui solutas vinculis animas beato recipit sinu* (с. 28). В данном случае оговорка «где бы ни было местопребывание душ блаженных» показывает, что у Сенеки по сравнению с последующими христианскими писателями представление о заоблачном мире смутно.

В *de otio* (с. 32) высказывается такая догадка: «Я спрашиваю, быть может, верно предположение, которое служит иным философам сильнейшим подтверждением божественности природы человека (*hominem divini spiritus esse*) и которое состоит в том, что души суть искорки (*scintillae*), оторвавшиеся от высших святых (*sacra*), упавшие и приставшие на земле к чуждому им элементу».

В письме 65 к Луцилию Сенека признается, что в вопросе о существовании и судьбе души он еще не нашел ясного решения. «Разве я могу остаться при незнании того, откуда я произошел? Суждено ли мне увидеть только одну жизнь или несколько раз родиться (*saepe nascentem*)? Куда мне предстоит пойти дальше? Где найдет успокоение душа моя, освобожденная от закона рабского подчинения человеческого?—Что такое смерть? Конец всему или переход в иной мир?»

Ввиду этих религиозных исканий римского стоика историк может поставить такой вопрос: дала ли самому Сенеке утешение его философия? Оказала ли она ему помощь, защиту в жизненной борьбе? На этот вопрос, несомненно, придется ответить отрицательно. И жизнь, и теория Сенеки обрываются трагически.

В письме 91 к Луцилию он дает своему другу завет быть мужественным: *vivere, mi Lucili, est militare*. Все время утверждал он, что надо жить согласно природе (*secundum naturam*), а природа требует от мудреца-праведника неуклонной героической честности. Но как совместить соблюдение моральной чистоты независимой личности с неумолимым практическим требованием уступать безусловно «сильным» и «могучим»?

Нельзя не поразиться тому противоречию, которое существует между оптимизмом Сенеки в вопросе о строении мира и пессимизмом в вопросе о человеческой и особенно ближайшей римской жизни. В мире нет проявления злого начала, все направлено к благу живых существ. В социальной среде, окружающей мудреца-праведника, напротив, все исковеркано, противно рассудку и чести, нет предела разврату, насилию и обману. Отсюда мрачный вывод, что смерть является великой избавительницей; не только не надо ее бояться, но должно ее приветствовать, призывать всеми силами души.

Пусть *vir sapiens et bonus* вдохновляется примерами великих мучеников. Слава Сократу, осужденному принять отраву: он выпил лекарство бессмертия (*medicamentum immortalitatis, de provid., 3*). Катону несколько мгновений лютой боли дали вечную славу.

Сенека идет еще дальше: он предлагает, как выход на свободу, добровольную смерть (*mortem voluntariam*), он дает апологию самоубийства.

В письме 77 к Луцилию он рассказывает, с любопытными подробностями, о самоубийстве, посредством голодовки, молодого Марцеллина, пораженного тягостной, хотя и не безнадежно неизлечимой болезнью. Сначала он зовет друзей на совещание (*deliberare de morte*); все они, по разным побуждениям, отговаривают его от этого решения. Но Марцеллину «нужен был не советчик, а пособник» (*non opus erat suasore, sed adiutore*). Таковым оказался «друг наш, стоик, человек выдающегося мужества и твердости духа» (*egregius, fortis et strenuus*): он убедил рабов, которые отказывались повиноваться господину в подготовке его смерти, что на них не падет вина в причинении ему смерти, что, напротив, своим отказом

они нарушат его волю; он посоветовал сделать плачущим рабам подарки, как это водится по окончании трапезы, когда одевают всех стоящих кругом, что охотно исполняет Марцеллин, человек благодущный и щедрый (*facilis animi et liberalis*).

Дальше рассказывается о юноше-спартанце, который, будучи захвачен в плен, крикнул на своем мужицком наречии: «не стану я рабом!», после чего при первом же требовании от него рабской услуги, сопряженной с унижением, ударом об стену размоzzил себе голову.

Приведя этот пример, Сенека спрашивает: «Если так близка возможность выйти на свободу, неужели найдется еще человек, который согласится идти в рабство? (*Tam prope libertas est, et serviet quis*). Разве не пожелал бы я, чтобы сын твой погиб таким образом молодым, лучше чем безвольно (*per inertiam*) дожить до старости? Ведь жизнь-то сама будет не чем иным, как рабством, если нет у человека мужества встретить смерть» (*nam vita, si moriendi virtus abest, servitus est*).

Советы свои Сенека заканчивает саркастической насмешкой. «О чем тебе жалеть, что оплакивать? Вкус вина, меда, устриц ты знаешь до пресыщения. Что еще? Жалко покидать друзей, отечество? Да так ли они дороги тебе, чтобы из-за них стоило еще затягивать ужин?»

Религия у Сенеки не воспрещает самоубийства. В *de Providentia*, с. 6 богу вложены в уста такие слова: «Презрите бедность, презрите страдания, презрите смерть, которая либо приканчивает вас, либо переносит в иной мир. Прежде всего я позаботился о том, чтобы никто не удерживал вас против воли: выход открыт (*ante omnia cavi, ne quis vos teneret invitos, patet exitus*). Если не хотите сражаться, вам позволено бежать. Из всего, что я считал нужным предоставить вам, ничто я не облегчил в такой степени, как возможность умереть» (*ex omnibus rebus, quas esse vobis necessaria volui, nihil feci facilius quam mori*). — «Подождите немного, и вы увидите, как краток путь к свободе и какая эта легкая дорога!» «Самый момент, который называется смертью, так краток, что нет даже возможности почувствовать его скороспешность!» «Сдавить ли себе петлей горло, утопиться ли в воде, размоzzить себе голову о каменную скалу, проглотить горящие уголья—все равно, смерть уж тут, она пришла мгновенно». — «Чего вы смущаетесь? Как можете вы так долго бояться того, что совершается так быстро?»

Этим усиленным внушением самоубийства с перечислением отдельных его способов заканчивается трактат «О провидении».

Моральное и религиозное учение Сенеки теснейше связано с социальной средой, в которой оно сложилось и к которой обращены его советы, его наставления и требования. В его сочинениях в блестящей форме, в интересных комбинациях, в чеканенных изречениях собраны и изложены мысли, возникшие в высшем господствующем классе, в обществе людей, пресыщенных богатством, причем богатство это находилось в непрерывной опасности снизу, от подчиненной рабской массы. Проповедь воздержания, чистоты нравов и помыслов, гуманности возникает прежде всего под давлением принудительных мотивов: предохранить, спасти от гибели свою личность, свое достояние. Заслугой мыслителя-моралиста было то, что к этим чисто практическим побуждениям он сумел присоединить протест во имя человеческой чести и достоинства.

Внесенные им новые мотивы—прославление бедности, совет дружить с рабами—вовсе не составляли, однако, программы социальной реформы. Это были только темы бесед между друзьями; это была своеобразная форма проповеди самовоспитания, самоусовершенствования, без отказа от своего привилегированного социального положения.

Для плебейства, для вольноотпущенных, для рабов моральные советы

и теософские искания Сенеки едва ли могли иметь какую-нибудь притягательную силу: в речах рассудительного, благожелательного рабовладельца, каким был этот представитель стоической школы, простолюдины, бедняки, носители физического труда слышали лишь очень мало утешительного для себя.

Один момент в теософии Сенеки является особенно показательным для определения социальной основы римского стоицизма его времени: это—превознесение величия духа, приравнение подвига праведника к деяниям богов. Такая моральная гордыня является чертой, характерной для образа мышления римской аристократии. Для плебейства, для широких народных масс, для всей громады нахлывавших в Рим иноплеменных призывы Сенеки к подвижничеству, исходившие от воспоминаний о староримской гордости (Катон—великий мученик!), не могли быть особенно привлекательны, не могли зажечь энтузиазма.

Сенека—философ упадочной римской аристократии. Но он вместе с тем возвеститель предстоящего раскола рабовладельческого общества Римской империи. Ведь он определенно и отчетливо дал клич к отказу от политики, к отречению от имперских забот и интересов, к уходу в неуловимое пространство и невидимые границы великой республики, идеального божьего царства, которое назвали потом вселенской церковью. Этой организации Сенека завещал свою новую для его времени терминологию, дал аргументы для ее оправдания.

Стоицизм и христианство

У христианских отцов церкви Сенека был в большом почете. Тертуллиан называет его *saepe noster*, т. е. часто высказывающим согласные с христианами мысли, примыкающим к христианской школе. Сложилась легенда, что Сенека был знаком с сочинениями апостола Павла, а позднее появилась фальсификация переписки между двумя выдающимися теософами, языческим и христианским.

Для историка наших дней дело обстоит иначе. «Послания апостола Павла» отнесены критической наукой, более или менее согласно, к 30-м гг. II в., т. е. на 70—80 лет позднее литературной деятельности Сенеки. Таким образом, сходство идей «апостола Павла» с идеями Сенеки может быть объяснимо влиянием римского теософа на автора иудео-греческих «Посланий», начитанностью последнего в стоической литературе. Возможно, однако, что сходство является результатом аналогичного развития иудео-греческой и греко-римской теософской мысли.

Так или иначе, при изучении новозаветного христианства, которое представляет соединение иудейского сектантства с греко-римской религиозной мыслью, Сенеку необходимо взять во внимание в качестве важнейшего предшественника христианства. Стоицизм отчасти подготовил христианство, отчасти выступил параллельно, противником христианства, защитником традиций античности против нападений христианства (Марк Аврелий).

Нам важно отметить элементы сходства и расхождения между стоицизмом и иудейским сектантством, поскольку они обнаружилились за сто лет до столкновения двух теософских течений, и провести это сравнение на анализе сочинений Сенеки. Поставим вопрос таким образом: что могло дать религиозное учение Сенеки последующей теософии христианства и в чем последнее решительно разошлось с греко-римским стоицизмом I в. н. э., не вдаваясь в данном случае в изучение тех исторических причин, которые обусловили это различие.

Черты сходства и совпадения между стоицизмом и христианством

1. У Сенеки мы встречаемся со стройно выработанным монотеизмом с идеей *Deus—conditor mundi, rector et custos universi*. Встречаемся и с настойчиво внушаемым представлением о *providentia Dei*, промысле-божием, от которого зависит как направление судеб мира, так и руководство поведением человеческих личностей, воспитание их к добру и истине.

2. Стоицизм на римской почве в лице Сенеки выдвигает космополитическую идею вселенской общины, соединяющей в себе небо и землю, одухотворенные существа святых и праведников прошлого с их последователями в настоящем и будущем. В этом смысле *respublica maior* и *civitas nostra*, о которых говорит Сенека, представляет аналогию или предвосхищение идеи вселенской церкви.

3. Различие природы тела и духа, представление о бренности, порочности тела и о нетленности, бессмертии духа человеческого, представление о том, что тело есть темница, бремя и наказание духа, представление о том, что смерть есть освобождение, переход духа к вечному существованию.

4. Идея «святости», присущей духу праведника, мысль о том, что в человеке обитает или посещает его божественная сила, *spiritus sanctus*,—представление, аналогичное проповеди Христа о том, что «царство божие не вне, а внутри нас», или той мысли, что святой дух вдохновляет пророков и апостолов. Здесь поразительно совпадение терминов: *πνεῦμα ἅγιον* Нового завета—буквальный перевод *spiritus sanctus*.

5. Общий практический совет: уйти от политики, от мирской суеты, отдаться самоусовершенствованию, жизни созерцательной, мысли благочестивой, знать только свое идеальное сообщество, где *omnia communia inter amicos* (*κοινωνία*).

6. Понятие о равенстве людей от природы, признание за всеми людьми независимо от звания и социального положения одинакового человеческого достоинства. Впервые на римской почве, в момент высшего напряжения рабовладельческого права высказывается мысль о том, что и раб—человек, что и рабу открыт путь к совершенствованию и к достижению величия духа (в современном Сенеке «Учении 12 апостолов» упоминается: «Над тобою и рабом твоим один бог»; в Посланиях апостола Павла говорится: «Нет ни иудея, ни эллина, ни свободного, ни раба, а все едины во Христе»).

Черты отличия стоицизма Сенеки от христианства¹

1. Представление об абсолютном господстве в мире доброго и разумного начала. Богу, согласно стоической философии, не противостоит противник в виде иудейского Сатаны или иранского Ангроманью. Богу не приписывается роль грозного, карающего судьи в отношении человека; его провидение содействует человеку в достижении совершенства, в одолении зла, которое ограничивается мелочностью, порочностью, ничтожеством преходящей земной жизни.

Строго проведенный монизм стоиков как нельзя более заметно отличается от уступчивости христианства в отношении дуализма, так сильно выраженного в иранской теософии.

¹ Имея в виду, что христианство принесло с собой иудейско-иранское направление теософии.

2. В стоицизме совершенно не сходное с христианством понятие о природе и назначении человека. У Сенеки нет ни малейшего намека на грехопадение или вообще на элемент греховности в человеке. Встречается глагол *peccare*, но он значит «делать ошибки». Нет понятия о грехе как нарушении заветов божиих, как вине перед божеством. Поступки человеческие различаются как *honesta* и *turpia*: моральный завет требует соблюдения чести, исполнения долга, совершения подвига; человеческая подлость, низость, похотливость рассматриваются как результат неразумия (*stultitia*), недостаточного развития ума и воли.

3. Стоицизму свойственно совершенно иное, чем христианству, понятие об отношении между человеком и богом. Согласно стоическому учению не должно быть страха перед богом, *timor Dei* есть лишь знак неразвитости. Смирению, сознанию своего ничтожества нет места в мыслях мудреца-праведника; напротив, ему внушается подражание божеству, соревнование с божеством, человек должен стремиться к тому, чтобы стать «равным богу». И человек может стать таковым.

У Сенеки это гордое возвеличение духа человеческого доходит до того, что он считает возможным превознести подвиг мудреца-праведника выше морального состояния божества, ввиду того, что богу совершенство, чистота и бескорыстие даны сами собой, тогда как человек достигает их путем героической борьбы («Юпитер не может быть дурным, мудрец не хочет быть таковым», — *ad Luc. ep. 73*).

В этом прославлении человеческой воли, объявляющем мудреца-праведника равным богу, заключается наиболее резкое отличие стоицизма от христианства; последнее, напротив, главнейшей добродетелью считает смирение, безусловное подчинение неисповедимой, подавляющей воле бога.

К этому тезису расхождения естественно примыкает признание права человека располагать своей жизнью, права на самоубийство — нечто, совершенно недопустимое с точки зрения христианства, которое объявляет самоубийство тяжким грехом, актом отчаяния и отказа от веры в бога и провидение.

Различие и сходство стоицизма и христианства показательны каждое по своему: различие происходит от того, что первое учение возникло в греко-римском, второе в иудео-иранском культурном мире; сходство объясняется тем, что в той и другой среде, прежде чем оба учения встретились в центральных областях империи, вырабатывались аналогичные религиозные течения. В дальнейшем различие проявилось как разница социального схвата: стоицизм остался мировоззрением официальных привилегированных слоев общества, христианство обращалось к широким массам отодвинутых от власти и богатства бедных и презираемых классов общества.

Проф. А. В. Мишулин

ИБЕРИЙСКИЙ РОД И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В ДРЕВНЕЙ ИСПАНИИ

В буржуазной историографии, особенно в литературе англосаксонских стран появилось немалое количество работ, различных статей, популярных очерков, которые иногда тонко, а чаще всего грубо фальсифицируют историю. В особенности это относится к древним эпохам, где труднее докопаться до реального факта, где более свободно можно держать себя по отношению к фактам и создавать свои фальсифицирующие историю фантастические теории.

Фантастическими и совершенно антиисторическими следует признать суждения некоего Luis Araguistain'a, написавшего в журнале «Man» (март—апрель 1945 г.) статью «Некоторые пережитки древней Иберии в современной Испании» («Some survivals of ancient Iberia in modern Spain»).

Автор считает, что в современной Испании уцелели многие черты иберийского человека древности. Если пещеры Альтамиры являются «Сикстинской часовней» четвертичной эпохи (Дешелет), а Испания (как и юг Франции)—«Ривьерой четвертичного человека», то в общем, по мнению автора, вся Испания служит для нас как бы «обширным и живым Британским музеем, где обычаи, привычки и институты, датируемые самыми древними временами, все еще продолжают существовать и поныне» (стр. 30).

Автор недалек от истины в том смысле, что современный политический режим фашизма в Испании свергнул страну во власть средневековых пережитков и не сулит народу никакого прогресса.

Однако Luis Araguistain пытается использовать эти «пережитки» для того, чтобы отвлечь народ Испании от борьбы против франкистского режима, объяснить нищету народных масс не классовой эксплуатацией, а господством... «иберийского духа». Так, например, по точной статистике известно, что немалый процент населения в Испании живет в пещерах. В городе Милагро—35% всех жителей; в Вальтьерре—27%; в Аргуэда—30%; в Андасилье—10%; в Перальте—20%; в Азагре—20%; в Мендавии и Капаррозо—20%. Luis Araguistain делает отсюда свои выводы и полагает, что эта «любовь» к пещерам является проявлением национального духа иберов, которые-де в древности еще любили жить в пещерах. «Бессознательно,—пишет автор,—современные жители этих провинций продолжают пещерные традиции, восходящие к людям Альтамиры, Гафсы и Сахары».

Отсутствие чувства юмора не позволяет автору поставить вопрос, почему ни один состоятельный испанец, как бы он ни был преисполнен

«иберийским духом», не живет в пещерах, которые являются уделом лишь бедняков.

Автор жалуется также на то, что в Испании развит анархизм и бандитизм. По мысли автора, анархистами и бандитами являются, очевидно, героические партизаны, борющиеся против франкистского фашистского режима. И тут, оказывается, во всем виноваты, по мнению автора, доисторические нравы древних иберов. «Как анархизм, так и бандитизм,— пишет автор,— являются пережитками доисторической древней борьбы и чувства затаенной обиды среди бесчисленных рас, оспаривавших территорию и господство в Испании». Вряд ли автор настолько наивен и политически неграмотен, что действительно считает борьбу испанского народа против поработителей, против фашистского господства проявлением какого-то врожденного иберийского духа. Им просто руководит ненависть и презрение к народу и демократии. Если бы он писал о борьбе греческих партизан против фашистов, он, надо полагать, и здесь ухитрился бы найти какой-то «греческий дух» для объяснения стойкой борьбы греческого народа против фашистской клики.

Не только бой быков и гинекократия у басков, но и революции—две в XIX в. и «одна большая в XX столетии»—объясняются по предлагаемому автором шаблону—любовью испанцев к древним нравам, к войнам, борьбе, насилиям и т. п.

В общем все тяжелые стороны жизни испанского народа, по мысли автора, коренятся в чем угодно, но только не в действующих в Испании силах и порядках, не в современном уровне жизни народа, вынужденного жить в пещерах, бороться против строя эксплуатации, организовывать партизанские отряды против фашистских наймитов, требовать революционного свержения фашистского режима Франко, проявлять другие «пережитки древних иберов».

Предложенная автором концепция уводит читателя от реального объяснения причин отсталости быта Испании. Обращаясь к древности, Luis Araguistain просто фальсифицирует древнюю историю Испании, которая проходила вовсе не так, как рисует себе автор. Автор, в желании увести читателя от злободневных вопросов политической жизни испанцев в настоящее время, хотел бы, чтобы современная история быта и борьбы испанцев была похожа на древнюю и только из нее происходила. Мы постараемся ниже показать, что история древних иберов являлась во многом типичной историей и для других народов древности, а отсталость современной Испании объясняется не «нравами иберов», а засильем того режима реакции и порабощения, который ныне возглавляется фашизмом Франко.

* * *

Как свидетельствуют греко-римские авторы, на территории Пиренейского полуострова жило много различных племен. Географические условия Испании изолировали отдельные районы, замыкали население их горами, течением рек или морскими границами. Замкнутость испанских племен создавала преграды для этнической и культурной нивелировки племен полуострова в доримскую эпоху. Ни кельтская волна передвижений, ни колонизация финикийцев, карфагенян и греков не могли привести к этнической унификации Испании. Распространение культуры иберов из области Альмерия, с одной стороны, и возникновение новых культурных центров в виде финикийско-карфагенских и греческих колоний—с другой, по-разному воспринимались в разных областях полуострова. Отступление иберийской культуры с юго-востока в глубь полуострова и наступление на юговосточное побережье так называемой «классической» культуры античных государств (финикийцев, греков и др.) осложнили процесс этни-

ческой, социальной и культурной консолидации на полуострове. На севере, западе, на юго-востоке и в горных районах Пиренейских гор этот сложный и скрытый еще до сих пор от взоров историков и этнологов процесс повлек за собой совершенно новые явления в жизни племен. Наступали изменения в языке, религиозных представлениях, в быте и строе жизни и, быть может, изменения прежних границ племен, которые или дробились на ряд новых в новых условиях, или совершенно исчезали и трансформировались в новое племя под влиянием процесса этнических смешений, что сыграло не последнюю роль в этногенезе народов Испании. Весь этот процесс смущал греко-римских авторов, которые часто терялись в описании племенного состава полуострова, ибо динамизм этнической консолидации был настолько силен, что придать всем племенам строго определенные границы, названия и культурную характеристику было еще невозможно.

Так, например, Страбон указывает, что в одной только западной части полуострова можно было насчитать свыше 30 различных племен. Плиний Старший по всей Испании насчитывал 513 общин или племен. Столь пестрая этнографическая картина не всегда могла быть оправдана реальными фактами. Некоторые названия являлись не чем иным, как перефразировкой названия одного и того же племени (например, кантабры и артабры, лузоны и лузитаны, бастетаны и мастиены, турдетаны и турдулы, ядетаны и авзетаны и т. д.). Однако пестрота этнического состава населения древней Испании не подлежит сомнению.

Из свидетельств древних авторов можно сделать вывод о следующих основных племенах полуострова. На юге полуострова, между реками Бетисом и Анасом жили турдетаны¹, в центральной Испании—кельтиберы, на западе полуострова—лузитаны, к северо-востоку от Эбро—илергеты, к югу от плоскогорья—карпетаны, к западу от него—вакцей и ветоны, на северо-западе Испании—кантабры, астуры и галаики (в Галисии). Таковы главнейшие племена, указываемые в наших источниках. Культурный уровень даже этих основных племен был весьма различен, не говоря уже о мелких этнических группах в горах, на плоскогорье и на северо-западе Испании.

Наиболее культурными древние считали турдетанов, тогда как горцев выделяли и всегда характеризовали примитивными чертами жизни и быта. Остановимся кратко на характеристике общего уровня культурного развития испанских племен до эпохи греческой колонизации.

Турдетаны представляли собой носителей наиболее высокой культуры среди всех иберийских племен. Смещение центров наиболее развитой так называемой «альмерийской культуры» бронзы к югу, к области Турдетании связано, очевидно, с большим размахом добычи металла, вывоза его, а также и обработки как для внутренних потребностей, так и для торговли.

Турдетаны рано начали разрабатывать залежи серебра и меди Сьерры-Морены, что, естественно, привлекло к себе мореплавателей и купцов Средиземноморья. Шультен положил немало труда для доказательства того, что турдетаны-тартессийцы сумели создать в устье Бетиса город Тартесс, являвшийся центром царства Аргантония². Увлечения Шультена привели

¹ У Ливия (XXI, 61) они называются Turdetani; А п и а н (Iberica, 10) употребляет для этого племени другое название—*сир:олт:си*. Страбон называет их турдетанами (III, 1, 6—8; 13—15; IV, 3), но одновременно говорит также и о турдулах (II, 11—15; III, 5).

² «Hispania», RE (A. Schulten.) VIII (1912). Мы здесь не будем рассматривать, в какой степени мифологические сведения подтверждаются археологическими данными. Только археологические раскопки и новые более солидные находки, чем отдельные вещи случайного порядка, могут пролить свет на остающуюся еще не разрешенной проблему Тартесса.

к тому, что он считал, что это было самое древнее царство Запада, которое существовало наряду с великими деспотиями древнего Востока. Несомненно лишь то, что тартессийцы, или турдетаны, были более известны античному миру, и писатели древности оставили о них немало сведений.

Рядом с горным делом у турдетанов (или у более древних тартессиев царства Аргантония) было развито и ремесло, работа по металлу. Искусное оружие из Альмединыльи¹ (около Кордовы) свидетельствует о наличии развитого ремесла.

О богатствах турдетанской земли Страбон отзывается весьма высоко: «Так до настоящего времени нигде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком большом количестве и такого достоинства, как здесь» (S t r., III, 2, 8). Посидоний, по словам Страбона, «восхваляя изобилие и достоинство иберийских металлов, не только не воздерживается от обычных цветистых форм красноречия, но в энтузиазме впадает в преувеличения. Так, например, он не говорит, что не верит той сказке, будто, когда однажды загорелись густые леса, то земля расплавилась, так как содержала серебряную и золотую руду, и будто бы металл вытек на поверхность,—ведь, по его словам, каждая гора и каждый холм представляют кучи денег, насыпанные щедрой судьбой. Одним словом, говорит он, всякий видевший эти местности должен согласиться, что здесь находятся неиссякаемые сокровища природы или неиссякаемые казнохранилища какого-нибудь царства» (S t r., III, 2, 9). Страбон говорит и о развитом морском и кораблестроительном деле: «Действительно, среди самых разнообразных кораблей, которые приходят в Дикеархию и римскую гавань Остию, самые большие корабли—турдетанов» (S t r., III, 12, 6). Рядом с горным делом здесь рано появилось земледелие и насаждение олив и винограда. «Из Турдетании вывозят хлеб, много вина, а масла не только большое количество, но и превосходное» (S t r., III, 2, 6). Большую роль в жизни турдетанов играло разведение овец и выделка шерсти и шерстяных материй. «К нам,—говорит С т р а б о н,—прежде приходило от них много тканей и материй, а в настоящее время шерсть их считается выше коракской (что в Колхиде), и действительно это верх красоты» (III, 2, 6). В «Географии» Страбона отмечается духовное процветание Турдетании, которая обладала своей письменностью и литературой². Литературная традиция была весьма сильной, ибо она сказалась и в позднее время. Из Испании вышли грамматик Асклепиад, поэт Лукан, оба Сенеки, Марциал и др.³. Сравнительно поздние сведения Страбона и Плиния позволяют заключать о высокой культуре турдетанов и в более древнее время.

Не подлежит сомнению, что культурное влияние этой области далее на юго-восток было значительным. Если альмерийская культура эпохи расцвета бронзы сильно влияла на соседние районы и потом сместила свой центр на юг, в район Андалусии, т. е. в области, где развивался турдетанский народ, то уже позднее, после расцвета Тартесса, эта альмерийская область стала сама объектом культурного воздействия со стороны турдетанов. Не малую роль сыграла здесь и греческая колонизация, распространившаяся на всем юго-востоке испанского побережья. Такие памятники, как «Дама из Эльче», т. н. «Благородная дама» («Дама № 3500»), золотые украшения

¹ См. об этом M e l i d a (Arqueologia Española, 246), где дается описание оружия оригинальной формы у древних иберов.

² Так, согласно С т р а б о н у, турдетаны имели свою письменность (γραμμική), свою записанную историю (συγγράμματα), поэзию (ποίηματα) и законы, изложенные в метрической форме (νόμοις ἐμμέτροις) (III, 1, 6).

³ A. Schulten, Hispania, RE, VIII, 2017. Следует заметить, что факт выхода из Испании ряда виднейших представителей литературы римской эпохи не дает, однако, права делать какие-либо выводы о процветании литературы и поэзии в древнейшее, «тартессийское» время.

из Хавей, расписные вазы, различные хозяйственные изделия из эспарто дают в руки историка материал не только для суждения об искусстве и ремесле иберов VI—IV вв. до н. э., но и косвенные указания о социальной и хозяйственной организации иберийских племен в этот период.

Этим наиболее культурным областям Пиренейского полуострова противопоставляются лежащие к северу области карпетанов и оретанов. О них Аппиан свидетельствует¹, что ко времени Вириата они знали земледельческую культуру. Последняя, повидимому, являлась главным видом хозяйственной деятельности, ибо ни о каких других основных производствах у этих племен нам не известно. А это, повидимому, определялось менее высоким уровнем их общей социальной и культурной жизни в сравнении с племенами, жившими вдоль юговосточного побережья Испании.

Высказанное о карпетанах и оретанах еще в большей степени относится к жителям более удаленных к северу областей ареваков и вакцеев, которые, повидимому, вообще ограничивались только хлебной культурой, тогда как у оретанов и карпетанов имело место возделывание культур оливы и винограда. Наряду с земледелием у ареваков Диодор (V, 34) отмечает также и скотоводство, ибо мясо—их главная пища. Повидимому, эти племена возделывали позднее и лен, заимствуя его культуру с юга, ибо известно, что кельтиберские племена выделывали свои грубые плащи,—*sagum*. Добыча серебра и железа и изготовление из него оружия доказываются как археологическими памятниками, так и фактами наложения на эти племена большой дани в денежной и в натуральной форме². Всякого рода вазы с примитивными и греческими орнаментами показывают, что изготовление керамики на гончарном круге было в ходу. Несколько дальше ушли кельтиберийские племена по сю сторону рек Халона и Хилоки. Они имели более развитую оружейную промышленность, что между прочим говорит и об их воинственном характере и беспрестанной борьбе их как между собой, так и в особенности против чужеземцев. Эти данные о материальной культуре кельтиберийских племен также подводят историка к некоторым выводам о социальной организации или о социальной ступени в развитии кельтиберов. На этом ниже придется остановиться специально.

В какой мере культурный уровень племен древней Испании был неодинаковым, показывает характер жизни древних племен, обитавших на периферии полуострова. Сюда относятся, главным образом, горные племена астуров, галлаиков, кантабров—на северо-западе и лузитанов—на западе полуострова. Следующими примитивными чертами жизни характеризует Страбон эти племена³. «Все горцы,—говорит он,—отличаются простотой жизни, пьют воду, спят на голой земле и, подобно женщинам, носят очень длинные волосы». «Живущие в глубине страны заменяют употребление денег меною, или же дают за товар отрубленную серебряную пластину».

¹ «Вторгнувшись в Карпетанию, очень плодородную область, Вириат без жалости опустошал ее». «Вириат, проходя по всей стране, требовал у владельцев определенного налога злаками и от кого не получал, поля тех уничтожал» (Iberica, 64).

² «Территория кельтиберов изобиловала различными металлами. Здесь находились серебряные рудники, известные в древности не менее, чем знаменитые рудники Сиерры-Морены. Золото добывалось в реках Дуэро (Дуриуса) и Ялоне (см. Mart., IV, 55; Sil. Ital., I, 231). Не в малом количестве добывалось железо, которое разрабатывалось у горы Caius (ныне гора Монсауо). Обработка металла производилась в Бильбилизе и Турнасе. Эти города находились у подножия упомянутой горы (Mart., I, 49).

Кельтиберийские богатства металлами являлись предметом вожделений со стороны римлян на протяжении долгого времени. Аппиан (Iberica, 48—79) сообщает нам о большом количестве вывозившегося металла (золота, серебра и др.) в результате походов римских полководцев.

³ Strabo, III, 3, 3 (о лузитанах), III, 3, 5 (об кантабрах-артабрах) и далее III, 3, 6—8.

«В течение двух частей года они питаются одними дубовыми жолудями, из которых готовят себе хлеб, высушив их и размолотив... «Козье мясо они любят больше всего». Есть и «другие особенности, быть может, не доказывающие цивилизацию, но по крайней мере не зверские: так, например, у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают брачные дары женщинам, дочери объявляются наследницами и женят братьев, женщине здесь предоставлена некоторая власть» (S t r., III, 4, 18). «Таков образ жизни горцев, я разумею тех, которые занимают северную границу Иберии—галлаиков, астури и кантабров, живущих до пределов васконов и гор Пиренейских; образ жизни всех этих народов одинаков». Страбон имеет в виду здесь и другие мелкие племена, которые он далеко не все называет, ибо «никому не будет приятно слышать название плептавров, бардиетов, аллотригов и другие их имена, еще более скверно звучащие и непонятные» (S t r., III, 3, 7).

Таковы в грубых чертах различия в социальных и культурных условиях жизни испанских племен; сами древние уже вносили определенные различия в описание племен, строя их жизни и общих условий их развития. Эта картина различий в уровне культуры могла бы быть еще более подчеркнута, если бы мы сослались на обитателей Балеарских островов, живших в первобытных условиях пещерных жилищ, матриархата, презрения к металлам и т. п. (D i o d., V, 17).

При всем этом различии в культурном уровне, древние иберы и иберизовавшиеся племена имели и некоторые общие черты народного характера, который складывался у них как в борьбе между собой, так и в особенности в борьбе с вторгавшимися в пределы Испании чужеземцами.

Так, в первую голову необходимо отметить фанатизм и упорство этих племен, проявленные ими при ведении войн, защите городов и в критические моменты их столкновений с врагами. У многих авторов¹, от Горация до Сидония Аполлинария, отмечается *ferocitas* или *feritas* (дикость или суровость) древних иберов. П л и н и й С т а р ш и й (NH, XXXVII, 203) подчеркивает *vehementia cordis* (гнев сердца), а С т р а б о н (III, 3, 8; III, 4, 13; III, 4, 18) τὸ ἀγριώδες (дикость). Об этих чертах фанатизма и дикости прекрасно сказано у А п п и а н а при изложении последних дней Нуманции (Iberica, 97, 74). Черты фанатизма и ненависть ко всему чужеземному² общи почти всем иберийским племенам и особенно выражены были в борьбе за свою самобытность и независимость с римлянами на протяжении столетий. В то время как юг и юговосточное побережье полуострова поддавались в какой-то степени воздействию римской цивилизации, племена северо-запада и в римское время продолжали сохранять старые черты фанатизма, ненависти ко всему чужеземному. Эта упорная борьба за самобытность, нравы и обычаи своих общин, ревнивая охрана сложившихся традиций отражали у иберов линию своего собственного исторического развития, которая противостояла римской культуре, пытавшейся оборвать этот процесс, воздействовать на иберов и цивилизовать их. Отсюда проистекало и мужество иберов, терпение и презрение к жизни. Эти черты лучше всего проявились в защите ими Сагунта и Нуманции³, когда героические защитники предпочитали кончать жизнь самоубийством, не желая сдаваться в плен или отдавать свое оружие врагу⁴. Юстин и

¹ Horat., Carm., IV, 5, 28; Val. Maxim., III, 2, 7; Mart., X, 73; Lucan., II, 549; Oros., VI, 21; Sid. Apol., IX, 13, 116.

² См. Strabo, III, 4, 13; Dio d., V, 18, 2; App., Iberica, 74, Iustin., XLIV, 2, 4; Tacit., Annal., IV, 45.

³ См. об этом App., Iberica, I, 2, 97; Liv., XXVIII, 22; epit., 57; Val. Maxim., III, 2, 7; Seneca, De ira, I, 11; Flor., II, 33.

⁴ Strabo, III; App., Iberica, 74—77; Liv., XXXIV, 17; Iustin., XLIV, 2; Sil. Ital., III, 330.

Тацит передают наиболее характерные черты мужественного поведения иберов на пытке, когда последние предпочли смерть на кресте под собственные песни выдаче тайны, что могло бы им сохранить жизнь. Иберский воин всегда носил при себе яд, чтобы избежать плена. «*Prodiga gens animi et prope facillima mortem*», — пишет по этому поводу С и л и й И т а л и к¹.

Наконец, древние иберы среди других народов древности прославились и теми благородными чертами своего характера, которые ставят их в ряд воспетых Гомером персонажей Троянской эпопеи. Великодушные, благодарные и верность всюду сопровождали ибера². Так иберы перенесли благодарность Тиберию Гракху за то, что он дал им выгодный мир, на его сыновей (P l u t., Tib. Gracch., 5), а благодарность к Эмилию Павлу — на его приемного сына Сципиона (А р р ., Iberica, 54). Данное слово с клятвой или слово, скрепленное договором, исполнялось благородно и до конца, несмотря на неблагоприятные иногда условия или изменившуюся ситуацию. По этому вопросу В а л е р и й М а к с и м ввел в свое историческое повествование термин *fides celtiberica* (II, 6, 11), и это не было случайным понятием. Сагунт за свою верность Риму получает прозвище *fide nobilis* (S a l l., Hist., II, 64; М е л а, II, 92; P l i n., III, 20). Все эти черты гостеприимства (D i o d., V, 34), благодарности и верности не раз использовались римлянами в коварных и вероломных целях³. Такие особенности народного характера создавались в самобытных условиях общественного развития древних иберов. Каковы были эти условия, как конкретно проявлен был этот характер иберов в жизни, их собственном быту, каковы имена иберийских героев и насколько выразительна эта героика, — обо всем этом мы знаем из прозаических записей греко-римских писателей, которые далеко не были воодушевляемы доблестями героев испанских племен, поэтому не стремились опозитизировать эту героику, подобно тому, как это сделал Гомер в своих бессмертных произведениях, увековечивших героев Троянской войны.

Однако не будет неосторожным сравнение строя жизни древних иберов VI—III вв. и греков гомеровской эпохи. Уровень материальной культуры был приблизительно один и тот же, даже, быть может, у иберов он был выше, чем у некоторых греческих племен, участвовавших в походе под Трою. Так, например, разработка металлических руд — золота, серебра, меди и даже железа стояла на более высокой ступени. И, наоборот, в другом отношении отдельные, как, например, горные, племена находились на уровне более низком, о чем свидетельствуют остатки примитивных брачных отношений, значительная роль женщин и т. п.

Хозяйство, ремесло, быт членов рода или общины и племени в целом напоминают картину именно гомеровского общества. Изготовление великолезного оружия мы находим и в Турдетании и особенно у кельтиберов, меч которых позднее в римскую эпоху был заимствован в Италии. Ткацкое ремесло не представлено у иберов картинами Пенелопы у ткацкого станка или работой невольниц в доме Одиссея, но оно было; в прозаических записях проскользнули о нем сведения, и, очевидно, это ремесло находилось не на низкой ступени развития. На основании сообщений Эфора Н и к о л а й Д а м а с к и н⁴ рисует картину того, как решали суды, какие женщины изготовили лучшую ткань. Полотняные кафтаны были в большом, по видимому, ходу, если иберы, служившие в ганнибаловом войске, все носили такие кафтаны. На юго-востоке культура льна занимала не последнее

¹ Sil. Ital., I, 225. См. также Iust., XLIV, 2, 1.

² Об этом прекрасные примеры приводят древние писатели: Val. Maxim., III, 2, 24; IV, 3, 1; V, 1, 5; Liv., XXVI, 50; Polyb., X, 19; Plut., Tib. Gracch., 5; App., Iberica, 54; Front., IV, 5, 22.

³ См. об этом подробно A. Schulten, Hispania, RE, VIII, 2027.

⁴ Nicol. Damaskin, fr. 102.

место. Население прибрежных областей изготовляло пестрые, многоцветные ткани, что было отмечено Афинеем и Филархом¹. Несколько иная, правда, была картина на плоскогорье и в горных районах. Но мы уже видели там разведение овец, дававших богатую шерсть, не уступавшую по качеству колхидской. Именно из этой шерсти изготовляли знаменитые кельтиберийские плащи (*sagum*), которые также заимствовались римлянами. Жители древней Испании носили особые костюмы, что придавало их одежде национальный характер. Одежда в горных местностях была преимущественно черного цвета, и только женщины носили цветные ткани. Тело горцы покрывали туникой, частью полосатой, частью однотонной. Голову покрывали войлочной шапкой, и только лузитанцы носили длинные непокрытые волосы². Не менее значительное место, чем это было у гомеровских греков, в хозяйстве иберов занимало керамическое производство. Известно, например, что нумантийцы, как это хорошо показали раскопки, изготовляли не только вазы или различные фигурки из глины, но также и керамические трубы³.

Ту же мысль об особенностях иберийских племен можно провести, пользуясь данными о быте иберов, их домашнем устройстве. Рассматривая древнеиберские предметы быта, мы как бы вводимся в мир раннегреческих древностей, представленный, однако, в менее красочном антураже, без поэзии, без отпечатка их на сосудах, без мифологических прикрас, которые так оживляют описание памятников быта у древних греков.

Дома у иберов были различной формы. На юговосточном побережье они были прямоугольной формы, как это показывают остатки городов в провинции Альбасете, Puig Castellar под Барселоной или остатки жилищ Calaceite у Теруэля. Несколько иную форму имели жилища у нумантийцев. Это были продолговатые дома длиной в 11 м, шириной в 2—3 м. Делались они из кирпича на каменном цоколе, внутренность их делилась на три комнаты. Как правило, передняя имела погреб, который служил и для жилья, в особенности для хранения, в средней был очаг, задняя служила спальней. Это, конечно, не дворец греческого басилея, но зато это было не единичное явление, какими безусловно являлись воспетые Гомером дворцы греческих вождей У лузитанцев мы встречаем главным образом круглые хижины из плетня или глины на каменном цоколе, столь выразительно описанные еще Мартином Сарментом при изучении ситаний Sabroso и Briteiros⁴. Приводимая у Мелиды фототипия ниш дома из ситаний Sabroso показывает на спиральный и веревочный орнамент украшений в отделке этих ниш, напоминающих некоторыми деталями критские украшения.

Иберы употребляли в пищу те же самые яства, что и гомеровские греки. Мучная пища была во всем употреблении, мясо главным образом у горных племен. Однако до самого римского времени сохранилось еще пита-

¹ Athen., 523, 13; Phylarch, frg. 13. Следует отметить, что для воинов изготовлялась также цветная (красная) ткань, из которой и были изготовлены кафтаны для иберийских солдат карфагенской армии Ганнибала. См. Polyb., III, 144; Liv., XXII, 46.

² Diodor., V, 33; Strabo, III, 3, 7. Страбон говорит, что лузитанцы изготовляли также полотняные панцири (III, 3, 6). На рельефе из Осуны туника полосатого цвета. В этой связи см. App., Iberica, 48, 67; Strabo, III, 3, 6; Mart., X, 67, 7.

³ См. A. Schulten, Hispania, RE, VIII, 2021; его же Numantia, II—IV (результаты археологических раскопок).

⁴ См. Melidá, Arqueología Española, 76—77 (там же воспроизведение памятников).

ние жолудями (P l i n., NH, XVI, 15; S t r., III, 3, 7). На юговосточном побережье в ходу было растительное масло, тогда как у племен плоскогорья—животное (S t r., III, 3, 7).

Иберы умели готовить различные напитки. Д и о д о р (V, 34) сообщает нам об употреблении вина и медового напитка у посясторонних иберов. С т р а б о н же (III, 3, 7; O r o s., V, 7, 13) говорит о пиве (ξύδος), которое употреблялось у горных племен Испании. Картина пиршеств. общественных трапез, при которых все размещаются «на скамейках, вдоль стен, по возрасту и достоинству», народные гулянья, когда «под звуки флейт и труб танцуют» (S t r., III, 3, 7), наконец, организация гимнастических состязаний «в тяжелом вооружении на лошадях, в кулачном бою, в беге, в борьбе и в сражении отрядами»—все это живо воскрешает в нашем представлении жизнь и быт раннегреческих общин. При этом следует заметить, что эти характерные моменты Страбон отмечает для горцев, далеких от культурных юговосточных центров античной Испании. С другой стороны, при описании лузитанцев сквозят те же самые черты, которые С т р а б о н отмечает как «лаконский образ жизни» (III, 3, 6). Лузитанцы «дважды натирают себя маслом, ходят в бани, нагреваются раскаленными камнями, моются в холодных водах, едят один раз в день, их пища простая и здоровая». Фигуры их стройны и красивы.

Иберские монеты представляют часто головы с курчавыми волосами; таково изображение охотника на одной иберской вазе с побережья¹. Это вполне совпадает с литературными описаниями типа иберов². Женщины также в описании греко-римских писателей совпадают с их изображениями в древнеиберийском искусстве. Они носят черное покрывало, прообраз мантии (S t r., III, 4, 17), ожерелье (S t r., III, 4, 17) на шее, головные украшения «наподобие круглого тимпана» (S t r., II, 4, 17). И это поразительно совпадает с некоторыми деталями иберийских и кельтиберийских скульптур (раскопки Cerro de los Santos, раскопки Серальбо у кельтиберов).

Мы очень мало, к сожалению, знаем об идеологических представлениях древних иберов, чтобы позволить себе провести хоть какие-нибудь параллели с греческим пантеоном богов. Сохраняя своеобразие во всем, иберы однако, в своих религиозных представлениях были безусловно в общем близки к уровню религиозного мышления архаических греков.

Иберская религия носила характер культа природы и ее стихий³. Общим у иберов, кельтиберов и турдетанов был культ луны; на северо-западе во время полнолуния исполнялись обрядовые пляски за городом. Турдетаны почитали луну как «Светило ночи»⁴ или как «Светоносную богиню»⁵. Найденные в Испании надписи также подчеркивают этот культ⁶. Так, из одной надписи мы узнаем, что в Лузитании на мысе Рока (Roca) распространен был культ солища и луны (CIL, II, № 258—259); это говорит

¹ См. это изображение в «Bull. Hispan.», 1911, Tab. I. Собрание монет см. A. Vives, Moneda Hispanica.

² См., например, T a c i t., Agricola, 11.

³ М е л и д а (ук. соч., 156—157) подчеркивает натуралистический характер религии и идет в этой характеристике на прямое сопоставление религии иберов с карфагенской и греческой. «Религиозная практика и религиозные верования тех и других не были чужды друг другу в целом ряде случаев». Однако автор не объясняет сходства этих религиозных верований.

⁴ См. A v i e n, Ora maritima, 429—430 (Noctiluae alincolis sacrata pridem, FNA, I, стр. 70).

⁵ S t r., III, 1, 9. Ш у л ь т е н (Hispania, 2023) подчеркивает почитание Φάσφρος, которая у местных жителей называлась еще «Луцемдублей».

⁶ См. ссылки на эти надписи у A. Schulten (Hispania, 2023).

о широте распространения лунного культа по всей почти Испании. Вполне возможно, что культ луны пришел вместе с ранними потоками населения из Африки, ибо известно, что в религии родственного иберам племени берберов этот культ также занимал большое место. У турдетанов, кроме культа луны, прослеживается и культ солнца, бога Нетона, о чем мы узнаем как из надписей (CIL, II, № 365, 5278), так и из литературных свидетельств (Магроб., I, 19, 15). Насколько распространен был культ небесных светил даже в римскую эпоху, свидетельствуют изображения солнца и других светил на монетах южной Испании¹, где вообще натуралистический характер религии прослеживается отчетливее.

Вера в бога неба, или божество, подобное греческому Зевсу, порождала у кельтиберов, ваккеев обычай выставлять мертвых на растерзание коршунам, дабы последние смогли души умерших снести на небо, к Зевсу². О культах Зевса-Юпитера свидетельствуют и римские надписи (CIL, II, № 2525, 2695, 5809). У иберов были, однако, не только главные божества, но и мелкие местные божества, олицетворявшие различные явления природы и напоминающие нам греческих дриад и нимф или римских гениев и ларов. Следующими словами старого испанского археолога Хозе Мелиды можно было бы кратко охарактеризовать культы древних иберов: «Религиозные верования туземцев удержались вплоть до римского владычества. Местными божествами являются в Лузитании Эндовелих, бог лечения и гор; Атекина—богиня земли—производительница, отождествляемая с греческой Прозерпиной; Нетон—бог войны, местная форма римского Марса; этому богу племена долины Тахо (Tagus) приносили в жертву, согласно Страбону, лошадей и пленников. В Лузитании имеются также свидетельства о культе ларов, гениев, нимф. Поклонялись также богине, отождествляемой с Венерой. Культ Геракла должен был как-то натурализоваться в Испании, поскольку изображение греческого героя появляется на бронзе и на иберских монетах, чеканенных перед началом римского владычества»³.

Иберская религия содержала в себе, кроме астральных, также и аграрные культы. В системе аграрных культов древних иберов последнее место занимало почитание богини земли (Атекина) и культ быка-производителя. Испания изобилует изображениями быка, скульптурными и на рисунках. Легенда о священных быках Гериона получила распространение на плоскогорье и в горных районах. Во всяком случае о живучести этого культа быка можно судить даже по сообщению Диодора (IV, 18), что еще в его время быки Гериона чтились иберами в качестве священных животных.

Мы не ставим своей задачей обозревать все детали религиозного мышления иберов и исследовать их в сравнительно-историческом плане. Сказанного вполне достаточно для вывода о том, что иберы стояли на пороге формирования своего пантеона богов, что культ некоторых божеств позволяет провести параллель с религией архаических греков и что уровень религиозного мышления иберов является во многом общим с тем, что мы знаем из гомеровских песен⁴.

Не только общий уровень материальной культуры и характер идеологических представлений иберов вызывает у нас само собой сравнение

¹ Vives, Moneda Hispanica; Delgado, Nueva Metodo, I, таб. V, 49, 59.

² Aelian, Hist. an., X, 22; также Sil. Ital. III, 340; Mart, I, 49, 6. Греческие и римские авторы, как обычно, дают варварским богам греческие и римские имена.

³ Málida, ук. соч., 157.

⁴ О почитании мелких божеств у иберов (дриад, гениев, ларов) см. кратко у Шульте-на (Hispania, 2024).

с жизнью древних греков эпохи базилисов. Социальные институты, внутриобщинные отношения, характер племенной организации иберийских народов во всех почти областях Испании, кроме разве отдаленных округов на севере и северо-западе,—все это позволяет нам характеризовать общественный строй иберов как «военную демократию»—термин, принятый Марксом и Энгельсом и метко схватывающий ту ступень социального развития людей, которая раскрывает нам историческую эпоху распада родового строя, вступления общества на порог цивилизации и формирования своей государственности.

Если мы обратимся к изучению социальных институтов у древних иберов, то перед нами будет вырисовываться следующая картина, которая сохраняет свое своеобразие и отличается от того, что наблюдается у греков героического периода. Прежде всего необходимо отметить наличие племенных союзов с центром в какой-то одной общине, которая становится в данном племени главной и является его материальной и военной опорой в борьбе с врагами. Маркс указал¹, что подобные военные союзы племен могут складываться либо по родам, либо по территориям². Не приходится говорить, что подобная племенная организация населения Испании в доримскую эпоху, будь то по «родам, либо по территориям», предполагала уже наличие дифференциации среди общин, поскольку известно, что «племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды³. О выделившихся общинах испанских племен, об их руководящем положении в системе племенной организации или союза мы хорошо знаем из текстов греко-римских авторов, а также из монет и надписей. Таких общин, существовавших и как военная организация около укрепленных поселений (типа *castellum*, *turris*, или бургов), было не мало, и сами писатели древности спорили, что называть государством-городом, городом или просто укрепленным местом, деревней. «Посидоний смеется,—говорит Страбон,—над заявлением Полибия, будто Тиберий Грахх разрушил 300 городов-государств (*πόλεις*) в Кельтиберии, и говорит, что Полибий хотел польстить Грахху, называя сторожевые башни так же, как это бывает в триумфальных шествиях» (*Str.*, III, 4, 13). Характерно также другое свидетельство Страбона о трудностях, стоявших перед древним писателем в отношении определения количества иберийских руководящих общин среди различных племен Испании. «Когда писатели утверждают, что иберийских городов было более тысячи, то мне,—пишет Страбон,—кажется, что они впадают в ошибку, принимая большие деревни за города» (*ib.*). Подобная неясность не может, однако, служить основанием для деления испанских городов на «мелкие политические общины» и так называемые «народные бурги» типа Нуманции, Терманции и др., как это делает А. Шульцен⁴. Племенной строй допускает высшие

¹ Энгельс в своем произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см. изд. 1937 г., Партиздат) цитирует Маркса: «выражение *basileia*, которое греческие писатели употребляли для обозначения гомеровского так называемого царства (потому что его главный отличительный признак—военное предводительство), наряду с советом и народным собранием означает только «военную демократию» (стр. 139). «Так же как и у греков в героическую эпоху, у римлян во время так называемых царей была военная демократия» (там же, стр. 168). В последнем случае выражение показательно в том отношении, что Энгельс уже принимает выражение «военная демократия» как *terminus technicus* для определения стадии общественного развития древних народов. Этот термин употребляется Энгельсом и в приложении к строю древних германцев (стр. 146). См. также К. Маркс, Конспект на книгу Л. Моргана, Архив Маркса и Энгельса, т. XI, стр. 145.

² К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 156. Подчеркнуто в тексте.

³ Там же, стр. 153—134.

⁴ См. статью «Hispania», 2021.

и низшие роды, высшие и низшие общины. В период распада первобытно-общинных отношений процесс общественного развития слишком динамичен, чтобы подходить к нему с готовыми мерками городов, деревень или бургов больших и малых. Они, повидимому, только начинают возникать, складываться, проявлять себя в борьбе друг с другом или чужеземцами, и по мере этого они фиксировались в понятиях у греко-римских писателей. Отсюда и некоторая сбивчивость сведений о количестве общин или укрепленных поселений на полуострове. Так, по одним сведениям (GGM, II, 226) их было тысяча, а на трофее Помпея значилось, что он от Альп до Столпов Геракла покорил 876 городов (P l i n., NH, III, 27). Плиний дифференцировал общее количество испанских общин по провинциям. Так, в Бетике он насчитывал 175 общин, в Таррагоне 179 и в Лузитании 46. В это количество не вошли мелкие укрепления, высоты и башни типа *castellum*, *turris* и т. п. Формирование общин вокруг укрепленных городов, несомненно, отражало собой значение войны, военных столкновений в жизни этих общин, борьбы их за свои земли, стада и появившиеся общинные и индивидуальные богатства. Неудивительно поэтому, что в военных столкновениях города выступают самостоятельно. Столь же самостоятельно они выступают в чеканке монеты или в надписях¹. Всякое укрепленное поселение типа ситаний античные писатели называли городом.

Что собой представляли иберийские города? На этот вопрос частично отвечают остатки древнейших поселений. Здесь будет совершенно достаточно сказать, что иберские города были сильно укреплены. Большие укрепления нам известны в Тарраконе, Героне, Олердоле, в Нуманции и др. Греческое влияние в строительстве укреплений иберов ныне не подлежит сомнению. Это главным образом стенные сооружения из обтесанного камня, иногда они снабжены башнями и воротами, как в Тарраконе. В Нуманции, однако, стенные сооружения сделаны из кирпичей и стоят на цоколе из грубого камня. Искусные укрепления имеет *citania de Briteiros* в Лузитании. Нуманция, Каласейте, Пуиг Кастельяр имеют вокруг верхнего города пригороды, расположенные на склонах-террасах. Из городов-укреплений Нуманция поражает своей правильной планировкой улиц, из которых две большие и 10 поперечных пересекались под прямым углом. Близкую к этому картину наблюдаем мы в Пуиг Кастельяр и Каласейте. Даже в далекой Лузитании в упомянутом *Citania de Briteiros* планировка улиц довольно правильная.

Больше всего мы имеем данных о крупных центрах населения кельтиберийских племен. Кроме Нуманции, П л и н и й (NH, III, 27) называет Сегонтию, Укзаму, Терманцию и Клунию, Аппиан² — Луцию, Малию, Оцилис, Сегеду, Л и в и й (XV, 33) — Контребию, М а р ц и а л (I, 49) — Бильбилис. Названия этих городов встречаются и у других авторов, что свидетельствует о том, что эти города были известными и крупными центрами античной Испании. Вокруг этих городов существовали объединения кельтиберских и иберских общин, которые использовали эти города и как политические центры, и как укрытия в случае военной опасности. Так, известно из сообщений А п п и а н а (II, 43—44), что Контребия, центр племени лузонов, явилась в 181 г. укрытием кельтиберов, потерпевших поражение от Гракха. Аппиан далее свидетельствует, что таким же укреплением у племени беллов был город Сегеда (там же), который имел целое кольцо укреплений в окружности 40 стадий. Строились такие города-укрепления в местах мало доступных, окруженных горами, как Нуманция, к которой

¹ A. Schulten, Hispania, 2021.

² App., Iberica, 94 (Lucia); 77 (Malia); 48 (Ocilis).

доступ был только со стороны Дуэро (Дуриус), или в местах скалистых, как, например, Сегонтия, Указама, Бильбилис, где их окружали укрепления, созданные самой природой. Такие укрепленные города древнеиспанского населения создавали немалые затруднения для римлян во временах завоевательной политики на полуострове. Вокруг таких центров объединялись нередко и различные племена, союз которых был представлен, таким образом, определенным городом. Одна иберийская надпись, тщательно исследованная Шультеном¹, свидетельствует о существовании союза десяти кельтиберийских общин во главе с городом Ареграда. Аппиан говорит (Iberica, 44) также и о союзах городов в целях координации своих усилий в борьбе с римлянами. Так, Сегеда объединялась с Нуманцией в 153 г., а также Нуманция с Малией и Луцией (Арр., Ib., 77, 94). Во всех вышеназванных союзах этой части Испании фигурирует Нуманция, что указывает на первенство этого города во всех союзах и значение его в борьбе с римской оккупацией.

Древние авторы называют, кроме того, и менее значительные укрепленные пункты или поселения иберских и кельтиберских племен. Так, например, Страбо́н (III, 4, 13) у одних только кельтиберов называет не менее 300 мелких городов-общин. Следует особо отметить, что подобная организация иберских общин вокруг укрепленных пунктов отражала общее положение в развитии иберских племен. Дело в том, что в связи с распадом первобытнородовых отношений создавались условия для столкновения образовавшихся общин между собой. «... Численность населения возрастала вместе с ростом стад, расширением земледелия и появлением ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней первобытной демократии»². Этот процесс распада старых первобытнородовых отношений и образования общин наподобие греческих демов вызывает не только внутренние столкновения на почве имущественного неравенства, но часто и столкновения самих общин между собой. И это исторически было совершенно неизбежным. Сельская община, будучи собственницей земли и стад скота, в своей эволюции наталкивалась на препятствия, заключавшиеся в наличии таких общин. Как остроумно замечено было Марксом, создавалось такое положение в развитии общин, что они «либо уже раньше захватили земли, либо тревожат общину в захваченных ею землях»³. «Поэтому война,—говорит далее Маркс,—является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить. Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственницы»⁴. Это положение целиком может быть отнесено не только к греческим демам и римским общинам, но и к иберским общинам. Ливий, Страбон, Аппиан приводят немало фактов внутренней борьбы между испанскими племенами, процветавшей среди них системы грабежа, внезапных нападений, захватов и опустошений. Так, для 195 г. Ливий (XXXIV, 20) говорит, как сравнительно небольшое племя лацетан на востоке у склонов Пиренеев напало на жившее по соседству племя авзетанов. Еще раньше в этом районе происходила внутренняя борьба между илергетами и лацетанами, с одной стороны, и свессетанами

¹ A. Schulten, Ein keltiberischer Städtebund, «Hermes», Bd. 50, 1915.

² Энгельс, «Происхождение семьи ...», указ. изд., стр. 136.

³ К. Маркс, «Формы, предшествующие капиталистическому производству. Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 153.

⁴ Ibidem, 153.

и седетанами—с другой. Так, в 205 г. под руководством илергетских вождей было совершено нападение на свесетанов и седетанов (L i v., XXVIII, 24). Наиболее сгущаются краски у древних писателей, когда последние описывают грабежи лузитанских и кантабрийских племен. Так, по мнению С т р а б о н а (III, 3, 5) лузитаны всю свою жизнь проводили в грабежах и непрерывных мелких войнах с соседями. И целью этих непрерывных нападений является захват добычи. «Вместо того, чтобы обрабатывать землю, они стали вести войны. Вся страна, таким образом, оставаясь без ухода и лишенная собственных продуктов, заселялась только разбойниками» (S t r., III, 3, 5). Аппиан¹ приводит два случая нападения лузитанцев на соседние иберские племена с целью захвата добычи. Воинственное племя лузитанцев своими набегами беспокоило даже богатую Турдетанию, хотя она не была столь близка для совершения нападений. Л и в и й (XXXV, 1) говорит, что в 194 г. лузитанцам удалось проникнуть в Турдетанию и возвратиться обратно с огромной и богатой добычей. В числе этой добычи было немалое количество уведенного скота.

Мы привели лишь некоторые примеры внутренних столкновений среди испанских племен. Количество их несравненно больше, и здесь не место все их перечислять. Приведенных примеров будет вполне достаточно для доказательства той простой, хотя до сих пор еще недостаточно доказанной мысли, что иберские племена для данной эпохи (до периода колонизации карфагенян, греков и римских завоеваний) уже не представляли собой аморфной, первобытнородовой массы с эпическим тоном своей жизни. Иберские племена уже пришли в движение, распадались на общины, образовывали города, накапливали богатства и таким образом подготавливали скачок на новую ступень, к цивилизации. Энгельс указывал, что в тех исторических условиях переход к новой прогрессивной ступени развития совершался варварски, путем порабощения пленных, применения системы рабовладельческой эксплуатации и ведения постоянных грабительских войн с целью захвата богатств, имущества, земель, скота и хлеба. Не только греки и римляне, но, как мы выше убедились, и иберы также не представляли исключения в этом развитии, хотя последнее, конечно, совершалось в конкретных условиях, было полно своеобразных форм и специфичности. Путь иберов был более трудным и медлительным.

Следует ли особо подчеркивать здесь военный характер организации иберийских (и кельтиберийских) племен, а также значение войны в хозяйственных и социальных условиях их жизни?² «Военное дело,—как это заметил А. Шульцен,—является самой яркой чертой иберского народа, также его способность к военному делу и фанатизм в защите своей страны»³. Это действительно так. И отсталые племена лузитанов и кантабров и культурные—турдетанов и бастетанов одинаково сумели это показать и доказать. Именно эти черты пробуждавшихся к культуре, к борьбе за самостоятельность и независимость своего развития иберийских племен заставили немало «поработать» как карфагенян, так и римлян. Вступавшие на порог

¹ А р р., Iberica, 56. Лузитанский вождь, по имени Цезарь, разгромил римского полководца Муммия и сохранил всю ранее приобретенную в грабежах добычу. *καὶ τὴν τε Λέιν τὴν ἡρκαμένην καὶ τὸ σικεῖον στρατόπεδον ἀνεσώατο* (56, 20—23). Другое сообщение о награбленной лузитанами добыче, которую Муммий удалось перехватить и разделить среди воинов, см. там же, 57, 15—20.

² О значении войны и «военного производства» в условиях древности см. А. В. Мишулин, Проблема воспроизводства в античной общественной формации, ГАИМК, 1932, также статью-предисловие А. В. Мишулина к изданию греческих полиоркетиков в «Вестнике древней истории», 1940, № 3—4.

³ См. статью Hispania, 2014.

своей государственности эти племена встали мощной стеной против вступивших на Иберийский полуостров чужеземцев и свои военные способности иберы лучше всего показали тем долгим сроком, в течение которого сопротивлялись они римлянам от Сципионов до Августа. В то время как Цезарь подчинил себе всю Галлию в десять лет, покорение Испании римлянами длилось двести лет (с 218 г. до 18 г. до н. э.).

Условия военной демократии создали у иберских племен военные способности, сплоченную организацию, выносливость, тактику «малой» или партизанской войны, которой они прославились не менее, чем древние скифы¹. «Знаменитая мужами и оружием» (*Viris armisque nobilem*) (F 1 o r., I, 22, 38)—столь краткой фразой, словно точной формулой, дал Флор характеристику Испании в древности.

Типичным оружием иберов были два копья, кинжал или короткий меч, маленький щит, которые были весьма портативны. Это являлось весьма важным моментом в маневренной войне.

Образец знаменитого испанского меча (*gladius Hispaniensis*) был найден на месте древнего кельтского города Терманции², и такой меч был принадлежностью каждого воина тяжеловооруженной пехоты. Почти все иберийские (и кельтиберийские) племена вооружены были подобным мечом (*D i o d., V, 34*). Не менее знаменитыми считались у испанцев кривые мечи (*falcatus ensis*), о которых сообщают нам древние писатели, и которые, как мы видели, фигурируют в археологических находках. Существовал еще тип коротких испанских кинжалов, которые длиной были в два раза меньше, чем *gladius Hispaniensis*³. Разновидности мечей и кинжалов указывают на достаточно развитое ремесло по изготовлению этого вооружения, а также на достаточно хорошее военное оснащение иберийских воинов.

Столь же различного рода были у иберов и копья. Длинные копья (*falarica*)—как наполовину из железа, наполовину из дерева, так и целиком железные (*soliferrium*—*δολοσίηρον*)—предназначались для непосредственного поражения врага. Копье в этом случае не выпускалось из рук воина. Другой тип копий—*lancea*—называют Л и в и й (XXV, 34, 14) и Ф р о н т и н (Strateg., II, 1, 3). Это были иберийские метательные копья. А в л Г е л л и й (Noctes Att., 307) говорит, что само название *lancea* слово не латинское, а иберийское (*lanceam quoque dixit non latinum, sed Hispanicum esse*).

Древние писатели дают довольно подробное описание иберийского щита. Щит этот был меньше римского и греческого. На это прямо указывает П о л и б и й (VI, 222), но более подробное описание оставили нам Диодор и Страбон. Так, автор «Географии» сообщает, что иберы вооружены небольшим, фута два в диаметре, щитом, выгнутым вперед и висящим на ремне, так как он не имеет ни поручней, ни рукоятки (S t r., III, 3, 6). «Это—маленький щит, переплетенный весь сухожилиями; щит этот вследствие своей прочности хорошо защищает тело воинов»,—говорит Д и о д о р (D i o d., V, 39) в своем экскурсе об иберийских военных древностях. Страбон рисует нам далее вооружение ибера, которое своими деталями напоминает нам во многом древнего грека. «Большинство носит полотняные панцири, и только немногие имеют кольчуги и треугольные шлемы из железных колец с тремя гребнями, все же прочие носят шлемы из ремней. Пешие носят

¹ См. об этом сопоставлении Str., III, 4, 17 («Все эти нравы общи им (иберам) с народами кельтскими, фракийскими и скифскими; общим свойством всех этих народов является также мужество не только мужчин, но и женщин»).

² A. S c h u l t e n, Numantia, I, 211 («Die Waffen»).

³ О кинжалах подобного типа см. D i o d., V, 33; также A p p i a n, Hannibal, 20, где они находятся на вооружении иберов в войсках Ганнибала.

поножи; каждый имеет с собой много дротиков, а некоторые вооружены копьями с медными наконечниками» (S t g., III, 3, 6).

Необычайно славились у иберов и конница, которая могла бы послужить сюжетом для эпических сказаний не в меньшей степени, чем известные из гомеровских песен эпизоды, в которых фигурируют греческие кони, их красивая сбруя, колесницы и храбрые воины. П о л и б и й (fr. 95), С т р а б о н (III, 4, 15 и 18) и Д и о д о р (V, 33) свидетельствуют об иберийской кавалерии с дрессированными лошадьми. Как говорит С т р а б о н (III, 4, 18), иберийский всадник мог брать себе на лошадь пехотинца, а по П о л и б и ю (fr. 95), иберийский всадник мог сражаться то пешим, то конным. Интересно, что при войнах иберов часто практиковался вызов на поединок, это особенно наблюдалось у племен восточного побережья, а также у кельтиберийских племен на плоскогорье¹. Бой иногда просто начинался таким поединком², а у лузитанов и карпетанов танцами, с которыми эти племена и шли в битву³. Этими танцами иногда справляли также и конец битвы, когда организовывалась тризна по павшим воинам (D i o d., XXXIII, 21a; XXV, 17, 5).

Строй «военной демократии» Энгельс характеризует следующими чертами: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни... Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества»⁴. Эту характеристику можно приложить также и к древним иберам. Здесь мы натолкнемся и на власть военачальника, и на функции совета, и на общее собрание воинов.

Как свидетельствуют наши источники и надписи в том числе, иберские племена и городские общины управлялись военачальниками. Последние выступают в источниках под различными названиями. Так, например, П о л и б и й⁵ вождя племени илергетов Индибила называет царем (βασιλεύς); таким же титулом величает Д и о д о р (XXV, 12) того царя иберов, на дочери которого женился Гасдрубал. В другом месте Диодора фигурирует с титулом царя и вождь племени ориссов, сыгравший своим выступлением роковую в судьбе Гамилькара роль. Объединив свое племя и притворно присоединившись с ним к Гамилькарару, царь ориссов (ὁ δρισῶν βασιλεύς), выбрав удачный момент, напал на Гамилькара и предпринял его судьбу (D i o d., XXV, 10; FNA, III, 10). Из греческих названий вождей племен, управителей иберийских общин, следует еще упомянуть στρατηγός и δυναστής. В рассказе о борьбе с Гамилькаром Д и о д о р (XXV, 10) упоминает одного из вождей иберских племен Истолатия, который фигурирует в качестве στρατηγός. У Полибия⁶ князь эдетанов Эдако называется δυναστής ('Εδεκῶνα τῶν 'Εδετανῶν δυναστήν). Латинская терминология для обозначения титулатуры иберийских князей является, естественно, другой. Так, Л и в и й, сообщая о переговорах Гасдрубала в 211 г. с военачальниками кельтиберов, называет последних principes (cum celtiberorum principibus — XXXVII, 25, 9; principi Celtibe-

¹ См. об этом S c h a l t e n (Hispania, 2016).

² См. A p p i a n, Iberica 53; P o l y b., XXXV, 5; V a l. M a x i m., III, 2, 7.

³ D i o d., V, 39; также L i v., XXIII, 26, 6.; S i l. I t a l., III, 347.

⁴ Энгельс, Происхождение семьи ..., указ. изд., стр. 216—17.

⁵ P o l y b., X, 18, 3. Аппиан также употребляет подобный термин для обозначения иберийских князей: (Iberica, 5); см. также L i v., XXVI, 49—50.

⁶ P o l y b., X, 34. Аппиан δυναστής употребляет и в применении к Индибилу, который фигурирует у Полибия в качестве βασιλεύς—так, например, (Iberica, 37) Ἰνδιβίλῳ δὲ τῶν συσθεμένων τῆς αὐτοῦ δυναστῶν. У Полибия—князь.

rorum—XXVI, 50; Celtiberi, qui principes regionis suae miserant legatos—XXII, 21,7), хотя он употребляет название «царьки» (reguli)¹, вождя Индибила называет «regulus» (Индибил. «qui antea Ilergetum regulus fuerat») и другого их вождя Билистага называет подобным же титулом (ab Ilergetum regulo Bilistage). Ливий употреблял также и титул царя (rex). Так, взятого в плен известного вождя иберов Коррибиллона Л и в и й называет rex (nobilem regem Corribilonem cepit)². Такое разнообразие номенклатуры говорит за то, что сама власть иберийских князей прочно еще не устоялась, и единый адекватный термин греческим и латинским авторам подобрать было трудно. Иберы, как и греки гомеровского, т. е. переходного от родового строя к государству, периода, имели своих руководителей прежде всего как военачальников, хотя последние, по видимому, имели уже прерогативы не только военной, но и гражданской власти. Это были вожди, одновременно военачальники и судьи. В такой только форме и могли выступать «цари», «царьки», «князья» и «предводители-вожди» в условиях военной демократии. Подобно тому, как Агамемнон выступал не как монарх или верховный царь греков, а как «владыка мужей», т. е. верховный предводитель войска союзных городов и общин, так и иберские «басилеи» и вожди (reguli, reges) были всего лишь вождями племени, военачальниками в военных предприятиях. Недаром все наши источники упоминают этих иберских вождей в связи с военными кампаниями. Нам известны имена многих иберийских вождей или военачальников. Особенно А п п и а н указывает нам на большое количество предводителей иберских племен. Так, он называет Ретогена (Ib., 94), вождя нумантинцев, Литеннона (Ib., 50) у кельтиберов, Каруса (Ib., 45) у общины Сегеда, Амбона и Лейкона у ареваков (Ib., 46), Индибила у илергетов (Ib., 37. 38), Вириата у лузитанцев, у которых потом после Вириата был Тавтал (Ib., 60—67). А п п и а н называет также и других вождей³, о которых, как и о прежде названных, имеются сведения у многих других авторов, писавших! о древней Испании или о войнах иберов с римлянами⁴.

Вторым важным органом власти у иберов был совет старейшин, что у Энгельса отмечается как весьма важный институт в условиях военной демократии. В наших источниках об этом институте засвидетельствовано достаточное количество различных сведений, как и об его функциях. Л и в и й⁵ говорит о senatores у иберов. Ш у л ь т е н в своей «Нуманции»⁶ остановился на значении «сената» у иберов и считает его функцию в военных условиях весьма важной. Диодор называет у иберов старейшин презбѳтеры (XXXI, 39). Именно с этими старейшинами племени, которые, по видимому, образовывали нечто вроде «совета старейшин» или «сената», римляне вели переговоры по всем вопросам войны и мира. Как было выше уже сказано, Ливий описывает, как по приглашению Катона собраны были все senatores племен, живших у Эбро⁷. Диодор рассказывает, как Презбѳтеры, собравшись на совет в Сегеде в 181 г., избрали из своей среды

¹ Liv., XXXVII, 25, 9 (см. коммент. в FHA, III, стр. 199); XXII, 21 (FHA, III, стр. 68); XXXIV, 11 (FHA, III, стр. 182).

² Liv., XXXV, 22, 5 (см. коммент., FHA, III, стр. 197). См. тексты и комментарии к встречающимся титулам иберских вождей в FHA, III, стр. 37, 120, 126, 147, 175, 197, 199, 214.

³ Ibidem, 56 (так, например, Пуник у лузитанцев).

⁴ Сведения этих авторов сконцентрированы в FHA. К сожалению, в этом издании индексы имен составлены небрежно, и по ним собрать эти сведения представляется иногда невозможным.

⁵ Liv., XXXIV, 17 (senatores omnium civitatum). См. коммент. в FHA, III, стр. 37, 185.

⁶ A. Schulten, Numantia, I, 229.

⁷ Liv., XXXIV, 17; senatores omnium civitatum ad se vocari iussit.

предводителя для войны с римлянами¹. Следовательно, функции такого совета старейшин являлись прежде всего военными или связанными с организацией племени для войны. При этом совет был связан с народом и должен был выполнять его волю. В Луции был совет старейшин, который выступил, однако, против народа и донес Сципиону о готовившемся наступлении молодежи племени ареваков². В Белгеде имелся также совет старейшин, который имел даже особое помещение; этот совет, повидимому, потерял связь с народом, колебался в борьбе с римлянами и за это был уничтожен народом вместе с помещением совета³. Такое поведение совета старейшин было редким явлением, ибо, как правило, эти старейшины являлись пока еще полномочными представителями своей общины или племени. Известно, что, когда римские послы пытались привлечь на свою сторону племя вольцианов (*volcians*), жившее у подножья Пиренеев, то от имени общины переговоры вели представители племени — старейшины (*maximus natu*)⁴. Также было и у племени лузонов; по сообщению Ливия (XV, 47) уполномоченный народом старейшина выступал перед Гракхом в переговорах по вопросам мира и войны для своего племени (*tum maximus natu ex iis missi sumus, inquit, a gente nostra*). Таковы кратко наши сведения об институте старейшин у иберских племен. Это не были военачальники или вожди племени. Они, очевидно, не представляли собой и судей или представителей гражданской власти. Они существовали наряду с вождями или военачальниками, в выборе которых они сами принимают участие и которым они помогают в качестве первых советников и помощников. Авторитет и полнота власти в иберийской общине имеет прежде всего вождь (*regulus*, *rex*, βασιλεύς), а на следующей ступени по значению находится совет старейшин или просто старейшины. Эти старейшины преданы своему вождю или военачальнику. Они нередко входили в свиту (*soldurii*) своего вождя, давали ему клятву не переживать своего предводителя⁵ и умирали вместе с ним в походе. Все это говорит о том, что в период военной демократии, хотя старые первобытные устои и уходили в прошлое, а общество вступало теперь на порог своей новой общественной организации, в которой в зародыше уже были будущие институты публично-правовой власти или аппарата государственной организации, тем не менее и военачальник, и старейшины и сам народ продолжали оставаться еще тесно друг с другом связанными, а органы власти непротивостояли еще народу. «Когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена»⁶. В наших источниках нет прямых сведений о народном собрании у иберов. В качестве регулярно действовавшего института такого народного собрания у иберов, возможно, и не было. Но совершенно очевидно, что всякое избрание вождей, военачальников, а также старейшин и послов для переговоров во время войны производилось на собрании всех воинов племени и общин. Так, вольцианы (Liv., XXI, 19, 6) выделили от своего племени старейшин, которые и вели переговоры

¹ Dio d., XXXI, 39. О совете старейшин сообщает нам также Appian, Iberica, 94, 100.

² Appian, Iberica, 94; о старейшинах (πρεσβύτεροι) у ареваков, см. Appian, Iberica, 52.

³ О сожжении совета и его помещения см. Appian, Iberica, 100.

⁴ Liv., XXI, 19, 6. Шультен утверждает (см. FNA, III, стр. 43—44), что наличие такого *maximus natu* у вольцианов есть доказательство того, что у этого племени господствовали патриархальные порядки; см. его же Numantia, I, 225—255.

⁵ См. об этом Caesar, De bello Gallico, III, 22; Plut., Sert., 14; Cass., Dio, III, 20, 2; см. также Schulten, Hispania, 2046.

⁶ Энгельс. Происхождение семьи..., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 84.

с римскими послами от имени всех воинов своего племени. О послых кельтиберийских племен к Марцеллу в период войны с кельтиберами и выделенных, естественно, только от имени войска, или войсковой организации этих племен, сообщает нам А п п и а н (Iberica, 50).

Как проводились выборы, когда и кто собирался в народном собрании? Обратимся к тексту «Iberica» Аппиана, чтобы составить себе об этом приблизительную картину. «Когда Нобилиор подошел к Нуманции,—говорит А п п и а н,—ареваки той же ночью должны были собраться в Нуманции, как в их самом сильном городе, и там избрали себе вождами Амбона и Левкона» (Iberica, 46). Из этого сообщения следует, что такое собрание имело место в момент опасности для племени. Во-вторых, центром для такого рода собрания явилась Нуманция, которая была и самым сильным городом—столицей ареваков. Совершенно естественно отсюда вытекает, что на такое собрание в главный город племени в минуту опасности направлялись только воины племени, вооруженные бойцы, готовые с вновь избранными военачальниками во главе выступить против римских оккупантов, захватчиков иберийской земли. Возможно, что не случайно такое собрание воинов происходило именно ночью. Нам известно из истории других народов древности, что собрания воинов или старейшин по вопросам войны и мира нередко происходили именно по ночам.

Подобное же собрание воинов напоминает нам выступление Вириата (A p p., Iberica, 62), который произносил речь среди загнанной Ветилием группы лузитанских войск, оказавшихся в безвыходном положении. Именно на этом-то собрании и был избран Вириат в качестве военачальника. На собрании он произносит зажигательную речь, полную надежд на спасение, за что воины и избирают его вождем. После убийства Вириата в результате такого же собрания воинов смогло осуществиться избрание нового полководца—Тавтала, который явился преемником Вириата (A p p., Iberica, 72). Аппиан сообщает нам и об избрании делегации послов к Сципиону, во главе с Аваром от нумантийцев (Iberica, 95). Все эти свидетельства Аппиана могут быть подкреплены и другими сообщениями античных авторов¹.

Несомненно, сведения, дошедшие до нас об иберском народном собрании, менее полны, чем это мы имеем в отношении греков или римлян. Они не дают нам полной картины, но они позволяют нам все-таки судить о наличии такого института у древних иберов и вместе с тем позволяют уловить и своеобразие этого института в отличие от того, что нам удастся наблюдать у греков и римлян. Главный отличительный момент заключается в том, что у иберов народные собрания—еще не устоявшийся и не регулярно работавший институт, тогда как у греков, а в военной организации римлян в особенности, это было регулярно действовавшее учреждение (центурии). Такое различие, очевидно, объясняется еще недостаточностью как общего социального, так и военного развития у древних иберов. Войсковая организация солдат, командиров и вождей показывает на более низкий уровень иберов, что являлось отражением общего социального развития иберийских племен. Однако формировавшиеся институты «военной демократии»—военачальник, совет старейшин и народное собрание,—свидетельствуют о социальном сдвиге, о происшедшем переломе в политическом развитии иберийских племен задолго до римского завоевания. Это показывают археологические открытия, а также памятники материальной культуры, своеобразие стиля которых говорит о возникновении и формировании новой цивилизации на крайнем западе Средиземноморья². Однако формирование новой

¹ Все тексты по Вириату и лузитанской войне собраны в четвертом томе «*Fontes Hispaniae Antiquae*», который вышел в 1940 г., но остается нам недоступным.

² См. А. В. М и ш у л и н, Испания в памятниках античности, ВДИ, 1939, № 2,

цивилизации проходило медленно в силу внешнего фактора, выразившегося во вторжениях чужеземцев (финикийцы, карфагеняне, римляне), которые своим вмешательством как бы прерывали слагавшийся на почве самобытного развития путь самостоятельной эволюции иберийской культуры.

Формирование иберийской культуры тормозилось также отсталостью многих, особенно горных, племен. Родовой строй у многих племен был еще в полной силе. Мы можем из свидетельств Страбона установить, что у кантабров в раннюю эпоху сохранялись еще черты матриархата. Женщины обрабатывают сами землю... «часто за работами они моют детей и пеленают, удаляясь к какому-нибудь источнику... После родов они укладывают в постель вместо себя своих мужей и ухаживают за ними»¹. «Подобные случаи,—говорит Страбон,—доказывают, конечно, значительную дикость их нравов. Но другие особенности, быть может не доказывающие цивилизацию, по крайней мере не зверские; так, например, у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают брачные дары женщинам, дочери объявляются наследницами и женят братьев; следовательно, женщины здесь предоставлены некоторая власть, что несогласно с гражданственностью» (III, 3, 18). У некоторых племен на полуострове существовали еще человеческие жертвоприношения (Str., III, 3, 6). Вся третья глава иберийской книги Страбона посвящена описанию нравов отсталых иберийских племен. Шультен считает², что соблюдение за трапезой порядка по рангу и возрасту, как об этом свидетельствует Страбон (Str., III, 3, 7), является показателем того, что «жительство рода было всеместным». Диодор (V, 34) сообщает, что у вакеев господствовала общинная собственность на землю и даже общность потребления. Пашня переделывалась каждый год, а урожай делился поровну членами общины.

Между племенем и индивидуумом стоял род (gentilitas) или родня. Римская надпись³ звучит так: *gentilitas Desoncorum ex gente Zoelarum*. Связь с родом видна и также из того, что у иберов, особенно у кельтиберов, каждый отдельный человек к своему имени прибавляет и родовое, притом в родительном падеже с окончанием на «*cum*», что видно из надписей⁴. «Что имена на «*cum*»,—говорит Шультен,—обозначали роды или родство, доказывается происхождением их от личных имен. Многократно эти родовые имена являются одновременно и названиями местностей (*Maganicum*, нынешнее *Magán*, около Толедо). Это может указывать, повидимому, на то, что маленькие местечки обитаемы были каждое только одним родом, а большие—несколькими близкими между собой».⁵ Родовые отношения, очевидно, были еще сильными в быту и нравах иберийских общин. Несмотря на то, что род, как господствовавшая ранее форма социальных отношений, уже распался и из рода выделялась аристократия с ее *clari illustres* (Liv., XXVIII, 21) в противовес тем «*obscuri homines*», которые напоминают нам гомеровских *μεταυῆσταί*, первобытнородовые рудименты еще продолжали стоять на пути развития иберийской цивилизации значительным препятствием и, в известной мере, даже тормозом.

Социальная борьба внутри иберийских общин озаменовала собой распадение рода. Ливий рисует драматическую картину ожесточенной борьбы за власть над общиной Идес (*Ides*) между двумя претендентами на руководство общиной. Это были те самые выделившиеся из общины *clari*

¹ Strabo, III, 4, 17. О предоставлении полевых работ женщинам см. также 3, 7 и III, 350.

² A. Schulten, *Hispania*, 2023.

³ CIL, II, 2633, цит. по Шультену, *Hispania*, 2022.

⁴ CIL, II, 27, 29 (*Flavinus Comenesiquum Flavi f. Camensis*); CIL, II, 6294 (*Attia Abboicum Rectugeni f. Uxamensis*).

⁵ A. Schulten, *Hispania*, 2022.

illustres, которые и противопоставляются Ливием «незаметным людям» (*obscuri homines*).

Чтобы подчеркнуть своеобразные индивидуальные особенности развития «военной демократии» на Пиренейском полуострове, следует, однако, заметить, что социальная дифференциация и распад рода в Иберии не проходили в той форме и на том социальном уровне, какой наблюдаем мы в гомеровской Греции или в Риме периода царей. Социальная борьба, которая в Греции и в Риме привела к законодательствам Солона и реформе Сервия Туллия, у иберских народов не достигала значительных масштабов. Именно это обстоятельство и явилось одним из выражений отсталости иберской общины и медленности процесса формирования «военной демократии», а вместе с ней и начатков государственности у иберских племен Испании.

Весьма важным условием медленного изживания первобытных рудиментов в иберской общине являлось отсутствие не только политического, но и этнического единства племен. География Испании также не могла в нужный исторический момент помочь иберским общинам достичь единства. Эта география скорее была против единства племен. Юго-восток и восточное побережье не были связаны с западным побережьем Испании в доримскую эпоху. Побережье было оторвано от горных областей и центра Испании. Племена древней Испании разделялись как бы внутренними перегородками, и это затрудняло их объединение. Племенной партикуляризм в данных условиях социального развития создавал не только этнографическую мозаику, но иногда и внутреннюю борьбу между племенами и общинами на полуострове. Враждебные отношения между племенами, согласно Страбону, являются причиной их незащитности против чужеземного вторжения (III, 4, 5). В ходе долгой борьбы с Римом не могло сложиться единства даже между лузитанами и кельтиберами. А п и н (Iberica, 56) считал, что «гордость» лузитанов препятствовала объединению с ними других племен, в частности кельтиберов. В истории античной Испании мы не наблюдаем такого объединения или союза, какой гомеровскому «владыке мужей» Агамемнону удалось организовать для похода под Трои. Однако источники свидетельствуют нам, что в области Турдетании, более развитой в социальном отношении, чем другие районы Испании, создавались политические союзы иберийских племен. Так, например, там существовали долгое время политические федерации турдетанских общин Кармоны во главе с базилевсом Луксинием, союзы турдетанских общин во главе с базилевсом Кулхасом. Именно в Турдетании социальное развитие шло и по линии расслоения внутри общин, возникновения и роста зависимости слабой общины от сильной. Анализ надписи Эмилия Павла от 189 г. до н. э. показывает, что иберийский город Гаста управлялся царем и имел все черты греческого полиса, державшего в своей зависимости общину Ласкутану¹. Рост политических объединений среди иберов наблюдался и позднее. Индибилу² посчастливилось объединить некоторые племена на Эбро, да в поздний период вождю лузитанов—Вирпату, а потом и Серторию (в отношении лузитанов и кельтиберов) удалось добиться успехов в деле объединения хотя и без решительных результатов для борьбы с Римом. В данных исторических условиях иберы древней Испании не смогли подняться до классической формы государственности древних греков. Специфические условия развития иберийского рода наряду с моментами сходства predeterminedелили в сравнении с греческим родом и черты различия. Но иберы уверенно вступали на путь государственности.

¹ См. А. В. Мишулин, К интерпретации надписи Эмилия Павла от 189 г. до н. э., ИАН, ОИФ, т. III, № 4,

² См. об этом у Polyb., III, 76; Liv., XXVII, 17, 3.

Мы старались выше установить, на каком уровне социального развития находились иберы Пиренейского полуострова. Изучение литературных свидетельств и характер материальной культуры иберов, в особенности в юговосточной части Испании, показывают, что наиболее культурные племена Пиренейского полуострова в VI—III вв. до н. э. находились в условиях «военной демократии» и осуществляли переход к цивилизации. Народы Испании подходили к итогу всего предшествующего развития. У них загоралась заря цивилизации, свет новой иберийской культуры. Литературные источники находятся в этом пункте в полном согласии с памятниками материальной культуры.

Иберийский род, первобытная организация племени уже изживали себя. Иберийская община, возникающая из распада старой племенной первобытной организации, а также племенные союзы или объединения некоторых общин вокруг более значительной, имевшей укрепленный город; наконец, рост этих городов, выделение военных вождей, первоначальных институтов управления общиной—все это свидетельствовало о вступлении иберов в новую полосу социального развития.

Обычно социальная характеристика такой переходной эпохи представляет немало трудностей. Известно, что в свое время «гомеровская эпоха» в истории Греции также являлась камнем преткновения. В исторической науке конца XIX в. и начала XX в. имело место не мало различных теорий. Одна группа ученых¹ (Виоле, Лавеле, Риджвей и др.) признавала в гомеровской Греции общинный строй, наличие сельской общины. Другая (Э. Мейер, Пельман, М. Вебер, Петрушевский)² отрицала сельскую и признавала домашнюю общину, земля которой выступала на правах частной собственности с самых древних времен³. Энгельс нанес сокрушительный удар старым теориям тем, что гомеровскую Грецию он утверждал как переходную эпоху от родовых отношений к государству. Накопление новых качеств в общественном строе этой эпохи, диалектический процесс изменений, зарождение нового строя и возникновение начальной стадии государственности в виде «военной демократии»—таковы основные черты общественных отношений гомеровской эпохи.

На этой стороне вопроса мы могли бы и не останавливаться, если бы в советской исторической литературе не замечалась в этом пункте некоторой вульгаризации. Так, в первой части истории Греции («История древнего мира», т. II, ч. 1, изд. ГИИМ) в главах о гомеровской Греции и крито-микенской эпохе, да и в практике учебной работы в гуманитарных вузах, проводилась мысль, что в период «военной демократии» господствуют родовые отношения и что ни о каких элементах слагавшейся государственности и речи быть не может. При этом обычно ссылались на главу «Греческий род» в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Однако такая столь наивная трактовка вытекала из непонимания того, почему Энгельс должен был отвести столь значительное место анализу греческого рода. Не понималось также и то, что эта глава есть, в сущности, полемика с Гротом. Последний выводил греческое государство не из распада родового строя, а утверждал его как нечто данное. Самый же род у греков Грот выводил из религии и мифологии. Энгельсу предстояло разрушить эту идеалистическую теорию. Вопреки Гроту, Энгельс рисует нам род не как ступень религиозного или мифологического сознания греков, а как ступень социального развития людей. В доказательство этого положения Энгельс приводит ряд этнографи-

¹ См. об этих теориях прекрасный обзор в работе Кулишера, Очерки экономической истории древней Греции, Ленинград, 1926.

² Ibid., глава об аграрном строе.

³ Ibid., главы о земледелии и аграрном строе древних греков.

ческих справок (ирокезы, аттеки и т. д.). Отсюда понятно, почему Энгельс отводил так много места родовым порядкам и их характеристике.

Далее, для опровержения теории Грота о греческом государстве Энгельсу предстояло опять остановиться на родовом строе и показать, что именно распад этого строя и порождает государство. Поэтому возникновение классового общества и государства в результате распада родового строя—основной тезис Энгельса против Грота в главе «Греческий род». Путем анализа гомеровского периода автор «Происхождения семьи...» сумел показать, как еще живет родовой строй, как этот родовой строй распадается и как в результате этого процесса возникает государство. Таким образом, род занимал Энгельса не потому, что он господствовал в эпоху Гомера, а потому, что возникновение государства нельзя было понять без изучения распада рода.

Иберийская община полна своеобразия, но благодаря своим типическим чертам она может быть поставлена в один ряд с греческим или римским родом. Эта община не первобытная, а сельская, с укрепленным поселением. Будучи собственницей земли и этим самым создавая предпосылки для развития собственности своих членов, эта община встречает в своей дальнейшей эволюции препятствия, заключающиеся в наличии таких же общин. Эти общины, как это было в Греции или в Риме, либо уже раньше захватили земли, либо тревожат общину в «захваченных ею землях» (Маркс). Отсюда и все значение войны, войсковой или военной организации общины, поскольку война и военная организация являются условием существования и развития такой общины, как собственницы. Такие условия в формировании «военной демократии» мы проследили и у древних иберов. Институты социальной власти в виде военачальника-басилея, совета старейшин и собрания воинов вводили древних иберов на порог формирования их государственности.

Однако это не значит, что «военная демократия» в Испании нигде не перерастала в определенные формы государственности. Античные свидетельства, правда, весьма фрагментарные и сбивчивые, дают все же нам понятие о первом иберийском государстве, именно о царстве Тартесса, которому суждено было стать отправным и вместе с тем и заключительным пунктом древнеиспанской цивилизации.

Но дальнейшее развитие было «ненормальным», прерванным вторгнувшимся на иберийский полуостров чужеземцем, римским завоевателем. Вот почему, может быть, мы так мало знаем о возникновении древнеиспанского государства, о древнем Тартессе, которому суждено существовать больше в области мифологии, чем реальной истории.

* * *

Изучение древней иберийской культуры Испании опровергает ложную теорию об «иберийском духе». Прежде всего не оказывается никакого «духа», вызвать который собирался автор этой теории. Испания в древности прошла обычный путь развития, весьма близкий к тому, как это было у древних греков и римлян. Luis Araguistain своей теорией о «древних пережитках в современной Испании» пытался отвлечь читателя от современной борьбы испанского народа против франкистского режима. Именно для этого ему потребовалось свести героическую борьбу за современную, подлинно народную демократию к пережиткам некоего «иберийского духа».

Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская

ЭФИОПИЯ И ХИМЬЯР В ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

В качестве крупнейшего мирового торгового рынка Константинополь, занимавший положение «золотого моста между востоком и западом»¹, имел преимущество морского пути в Индию, которая, в свою очередь, сближала его с Индокитаем и южным Китаем. Византийским купцам случалось бывать на западном побережье Индии, на острове Цейлоне (Тапробан), но они часто перекупали товары, привезенные оттуда на эфиопских кораблях.

Караванный путь из Сирии в Счастливую Аравию был известен с древнейших времен; преимущественно использовали его арабы и иудеи. Под ударами римского оружия пала в 106 г. Петра, в 270 г. Пальмира, лишь тогда часть караванного пути в Аравию оказалась в пределах границ империи. Но попрежнему арабские племена контролировали его на всем протяжении, были главными водителями караванов, составляли их охрану, были участниками торговых соглашений и операций.

Если из Китая через Среднюю Азию и Иран в Византию доставлялся главным образом шелк, то путь вдоль западного побережья Аравийского полуострова был известен как «путь благовоний». Он хорошо знаком по библейским книгам и сообщениям античных писателей. Во всяком случае, в VIII в. до н. э. был известен путь морем в Индию, а южная Аравия и Эфиопия были втянуты в торговый обмен. Золотые россыпи восточного побережья Африки были известны еще царям Палестины. В эпоху господства Рима все, чем располагали эллинистические государства, перешло в поле зрения этой мощной державы. Римские авторы оставили ученые труды, сообщающие существенные данные о восточных государствах.

На юге Аравии государство Саба, Катабан, Минеев (Μαύαῖοι) со столицей в Карна, известны не только на основании многочисленных надписей, но и сведений Эратосфена (умершего в 196 г. до н. э.), римских историков и такого памятника, как Перипл Эритрейского моря, составленный около 89 г. н. э.²

Химьяриты сравнительно поздно стали играть роль в Аравии. Их имя появляется в надписях, когда титул «царя Саба и господина Райдана»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 441.

² H e n n i n g, *Terrae incognitae*, Leiden, 1936, т. I, стр. 321; O' L e a r y d e L a s y, *Arabia before Muhammad*, London, 1927, стр. 93, 105; N a l l i n o, *Raccolta di Scritti editi e inediti*, III, Roma, 1941, стр. 19.

становится титулом «царь Саба и Химьяра». Плиний Старший помещает племена химьяритов между царством Саба и морем. Химьяриты последовательно подчинили Катабан, Сабу, Райдан и называют себя царями Хадрамаута и Иеманата, т. е. всего Иемена. Это событие относится к середине III в. н. э.¹ Около 350 г. н. э. южная Аравия оказалась в подчинении у аксумитов, т. е. эфиопского государства, центром которого был Аксум². Завоевания эфиопов на Аравийском полуострове стали возможны только после того, как перестало существовать Набатейское государство, разбитое Римом в начале II в.³ От Левке Кома, гавани Аравийского полуострова на Красном море, и до южного мыса полуострова прибрежная полоса была захвачена эфиопами. Повторный натиск стало возможно осуществить с новой силой после объединения берегового государства эфиопов, с центром в Адулисе, с эфиопским государством аксумитов⁴. Активная политика аксумитов дала им в руки государство, центром которого был Адулис, и привела в дальнейшем к укреплению их могущества на Аравийском полуострове. Айзан, царь Аксума, положил конец государству «царей Саба и Райдана», о чем говорит двуязычная греко-сабейская надпись его времени. Имена Айзана и его брата Шазана засвидетельствованы письмом императора Констанция 356 г., как об этом говорит в своей «Апологии» Афанасий Великий⁵. Надпись Айзана написана хорошим, классическим греческим языком, как классическим сабейским написана ее вторая часть⁶.

Об отношениях между Аксумом и Аравией можно судить на основании данных эпиграфических. Формы подчинения были таковы, что местные князья сохраняли свои титулы в качестве правителей, поставленных эфиопами. Но титул этот повторялся и для царя Аксума, который называл себя царем Саба, Райдана, Хадрамаута и Иеманата. В этом отношении заслуживают внимания наименования, которые дает византийская дипломатия этим царям. Филосторгий, сообщая о посольстве, с которым ездил Феофил в Эфиопию, называет царя аксумитов Айзана *τράχυνος*. В Аравии, у химьяритов, он дает их правителю лишь звание этнарха (*ἑθναρχος*). Время этого посольства следует отнести между 340 и 346 гг., между ссылкой Анастасия Великого и его возвращением в Александрию⁷.

С перенесением столицы в Константинополь Римская империя еще с большими основаниями стала стремиться связать себя с Востоком. Ориентация ее дипломатии на Восток находилась в глубокой внутренней связи со всей предшествующей политикой Римской империи. В IV в. христианская церковь все больше становилась опорой государства, выполняющая ряд функций как внутренней, так и внешней политики. В сферу ее влияния неизбежно должна была быть привлечена и Эфиопия, которая играла выдающуюся роль в торговле того времени. Христианизация была одним из мощных факторов укрепления дипломатических и торговых связей с империей. Для середины IV в. обращение Эфиопии засвидетельствовано рассказом Руфина и многочисленными вариантами в изложении Сократа, Созомена, Феодорита, Никифора Каллиста. Фрументий, современник Анастасия Великого, был направлен этим последним в качестве

¹ Mordtmann und Mittwoch, *Sabäische Inschriften*, Hamburg, 1931, стр. 10; Hitti, *History of the arabs*, 3-th ed., 1946, стр. 55.

² O'Leary de Lacy, стр. 102.

³ Brünow u. Domaschewsky, *Die Provincia Arabia*.

⁴ Winkler, *Zur alten Geschichte Jemens und Abbesiniens*, «*Orientalische Skizzen*», I, стр. 312.

⁵ A. Kammerer, *Essai sur l'histoire antique d'Abyssinie*, Paris, 1926, стр. 106.

⁶ Winkler, *op. cit.*, I, стр. 312—314.

⁷ Winkler, *op. cit.*, I, стр. 312.

епископа Эфиопии продолжать там дело внедрения новой религии¹. Возможно, однако, что обращение царя и его семьи не имело еще места. Во всяком случае один из предшественников Элесбоа (Калеба), отправляясь на войну против химьяритов, обещал обратиться в христианство².

Наиболее существенным в сообщениях о Фрументии является подтверждение живых торговых связей между империей и африканской державой, сведения об ее приобщении к новой идеологии и о мощном влиянии греческого языка, о чем свидетельствуют и двуязычные надписи эфиопских царей.

У Константинополя была еще специальная причина интересоваться Эфиопией, как победительницей химьяритов: морской путь в Индию. Достаточно упомянуть Перипл Эритрейского моря, источник, который лег в основу прекрасной русской монографии Хвостова, использованной в английской монографии Вармингтона³. Индия была не только поставщиком благовоний, пряностей, текстильных изделий, но и шелка, на который был особенно большой спрос в Византии. Получать его через Иран было сложно и дорого, и империя постоянно повторяла попытки приобрести его иным путем.

Торговый путь вдоль восточного берега Красного моря был не только «путем благовоний». Здесь провозили и другие товары, доставляемые из Индии на кораблях, в числе которых были шелк-сырец и шелковые изделия. Укажу на текст, который до настоящего времени не привлекал к себе внимания.

Ибн-Халдун утверждает, что при химьяритском царе Зу-иле были впервые введены шелк и парча⁴. Хронологически Зу-ил был одним из предшественников Ахмада (Хамада), современника сасанидского царя Шапура II (309—379 гг.). Между ними приходится царствование четырех царей, из которых время царствования двух составляло вместе 14 лет. В таком случае царствование Зу-ила можно отнести с относительной вероятностью ко второй половине III в., так как длительность царствования двух других царей неизвестна. Знаменательно не только то, что Зу-ил ввел впервые шелк и парчу (шелковую материю или одежду, тканную серебром и золотом), но что он же вел, первый из царей Йемена, войну с Римом⁵. Принимая во внимание, что Ибн Халдун—поздний автор, считать его сообщение безоговорочно правильным было бы неосторожным, если бы не было других свидетельств, которые заставляют предполагать полную вероятность такого сообщения о столкновениях за гавани и города бассейна Красного моря. Попытки Рима захватить в свои руки торговые пути на востоке общеизвестны. Торговля шелком через эфиопов, в обход персов была одним из замыслов дипломатии времени Юстиниана

¹ D i l l m a n n, Zur Geschichte des Axumitischen Reichs im vierten bis zum sechsten Jahrhundert, Berlin, 1880, стр. 6—13; G l a s e r, Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens, Berlin, 1890, II, стр. 528—532.

² Об этом упоминается в известиях Иоанна Малалы и Иоанна Эфесского, подвергнутых разбору ниже. Сведения о предшествующих походах слуганы с походами Элесбоа (Калеба), который был насадителем христианства в Химьяре, как об этом свидетельствует «Книга химьяритов», сирийский памятник, известный в единственной рукописи X в. (A. M o b e r g, The book of Himyarites, Lund., 1924; в дальнейшем ссылка дается сокращенно ВН).

³ Х в о с т о в, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907.

⁴ См. M o r d t m a n n, Miszellen zur himjarischen Altertumskunde, ZDMG, Bd. 31, стр. 71, 80,

⁵ I b n H a l d u n. там же, стр. 71.

К IV в. относятся попытки сасанидского Ирана подчинить себе химьяритов, которые играли роль в торговле. Тот же Ибн Халдун сообщает, что царь Namad (Ahmad) bar Bed'il вел войну с Шапуром II¹. Если сопоставить эти сведения с тем, что известно о христианизации Эфиопии в середине IV в., и, следовательно, об ее сближении с Византией и активной политике на Аравийском побережье, то более чем вероятными делаются и попытки со стороны Ирана сделать Химьяр областью своего влияния.

Также на 200 лет до химьяро-эфиопских войн Византия и Иран вели скрытую борьбу между собой за преобладание на морском и караванном пути в Индию.

Торговля персов по Индийскому океану сталкивала их интересы с интересами химьяритов и кушитов. На колонизацию Аравии и внедрение своих торговцев Иран рассчитывать не мог. Слишком сильны были здесь набатеи и иудеи, а позднее и эфиопы. Торговля более северных областей Передней Азии была в руках арамеоязычных княжеств—Пальмиры и Осроены, а затем она оказалась в руках Римской империи. Но персы имели возможность связать себя с иудейскими колониями и поддерживать их торговлю в противовес ромейским купцам. В конце VI в. они смогли осуществить с оружием в руках захват южной Аравии².

Византия, связавшая себя с Эфиопией дипломатически, видела в христианизации один из способов укрепления своего влияния и стала выдвигать государство Аксума на роль соперника Ирана в индийских водах.

Со времени критической работы Мордтмана, который подверг глубокому сравнительному анализу греческие источники о кушито-химьяритских войнах, эти свидетельства считаются противоречивыми³. Из них не может быть сделано никаких решающих выводов, так как они, по мнению самых авторитетных ученых, смешивают различные и разновременные факты, как посольство к эфиопам при Юстине I и при Юстиниане, походы 522, 525 гг. и более ранние походы эфиопов против Химьяра и т.д. Мордтман свел мнения Дильмана, Фелля и Нельдеке, а позднее анализ греческих источников был повторно дан в работе Галеви⁴. Появившаяся после них история негранных мучеников Перейра и работы Глазера с успехом опровергли скептические положения Галеви, который считал, что иудейского царя никогда в Химьяре не было, а что его впервые выдумал Симеон Бетаршамский⁵. Однако следует согласиться с отдельными критическими замечаниями Галеви, справедливость которых несомненна. Сирийская «Книга химьяритов», изданная впервые в 1924 г., хотя и не дошедшая до нас полностью, дает совершенно новые основания как для критики известных греческих авторов, так и для установления отдельных фактов. С ее данными положения целого ряда источников приобретают новый смысл, и даже трудный вопрос о хронологии может быть разрешен с большей вероятностью.

Государства эфиопские и восточного побережья Африки представляли собой отдельные мелкие владения. «Три индусских и четыре эфиопских» государства известны не только у Малалы,⁶ но об этом говорят и предше-

¹ Ibn Haldun, там же, стр. 77—80.

² Tabari—Nöldeke, стр. 230, 327.; Tabari, textus arab., стр. 956.

³ Mordtmann, Die himjarisch-äthiopische Kriege noch einmal, ZDMG, 35 (1881), стр. 693—710.

⁴ Halévy, Examen critique des sources, relatives à la persécution des chrétiens de Nedjran par le roi juif des Himyarites, REJ, 185 (1889), стр. 16—42, 161—178.

⁵ Halévy, op. cit., стр. 178; Pereira, Historia dos martyres de Negrán, Lisboa, 1899; Glaser, Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens, Berlin, 1890, стр. 532—538.

⁶ Ioannes Malalas, Bonn, 1831, стр. 433 (далее цитируется: Malalas).

ствующие писатели, как Козьма Индикоплов¹. Борьба двух эфиопских государств (государств индов) между собой закончилась победой царя Аксума, города, расположенного в глубине материка. Царь его присоединил к себе владения царя Адулиса, находившегося в прибрежной полосе. Эти сведения сообщены Иоанном Эфесским и дошли в тексте Дионисия Тельмахрского. «Царь индусов, имя которого было Аксундон», следует читать 'Εξουριτω, т. е. аксумитов, испорченное в сирийском из «аксундон». Другая поправка того же Галеви представляется весьма удачной, он читает «индут» как «адул», Адул, что вполне возможно по палеографическим данным сирийского текста². В такой интерпретации текст вполне понятен, он говорит о захвате Адула, небольшого самостоятельного государства кушитов. Известная надпись Адула свидетельствует о том, что он стал частью государства Аксума. Для Козьмы Индикоплова в 522 г. Адулис уже не был центром самостоятельного государства, а портовым городом государства аксумитов (Cosmas Ind., стр. 72; P. Gr., 88, col. 101). Царь Адула был язычником, как утверждает тот же Иоанн Эфесский³. Но никак невозможно поддержать гипотезу Галеви об иудаизме—арианстве царя Аксума⁴. Испорченный текст Феофана следует исправить по Никифору Каллисту и читать: в четвертый год царствования (императора Юстиниана) царь аксумитов индов эллиниствующих повел борьбу с химьяритами индов иудействующих. Причина войны была связана с ромеями⁵. Следовательно, не только сопоставление это неверно, но и относится к более позднему сообщению, к борьбе аксумитов с химьяритами. После объединения государств кушитов и консолидации их сил мог быть произведен натиск и на юг Аравийского полуострова. Испорченные и непонятные греческие тексты Малалы, Феофана, Иоанна Эфесского относительно более отдаленного расположения аксумитов от Египта, чем химьяритов, говорят не только о том, что сухой путь через верховья Нила не использовался, но и о том, что авторы имели неясное представление о караванном пути, который вел из Сирии в государство химьяритов. Что касается пути в Аксум из Египта и Фиваиды, упоминаемых в текстах (Malalas, стр. 433; Ps.-Dionysius, стр. 54), то это, повидимому, ошибка, которая объясняется движением в эти области из Египта морем, именно потому, что дорога по Африканскому матерiku представляла слишком большие трудности. Наиболее вероятно, что эта ошибка родилась из совершенно верного положения, что «ромейские торговцы проезжают через химьяритов в Аксум и во внутренние государства индов» (Malalas, стр. 433). Одним из источников Малалы были донесения Нонна (Nonnosus), на основании которых написаны стр. 432—433, 456²⁴ сл., 459 сл. этой хроники (FHG, IV, стр. 178—179). Об этом самом говорит и параллельный текст Иоанна Эфесского—«торговцы ромейские прибывали в области химьяритов внутренние, называемые Аузелис индусский, а затем в расположенные дальше от них области индусов и кушитов» (Ps.-Dionysius, стр. 54—55). Но название Аузелис индусский (или индусов) никак не может быть связано с именем какого-либо из известных химьяритских городов, и весьма возможно, что это несколько видоизмененное название Адулиса, куда, как в портовый город, прибывали

¹ Cosmas Indicopleustes, *Christiana topographia*, ed. Winstedt, Cambridge, 1909, стр. 69—70; *Patrologia Graeca*, v. 88, col. 97—98.

² Halévy, *op. cit.*, стр. 169.

³ *Chronicon ps. Dionysianum*, ed. Chabot, CSCO, *Scriptores Syri*, Series tertia. Paris, 1933, Textus, t. III, стр. 54.

⁴ К возможности распространения арианства, а не иудейства, отрицательно относятся и Margoulouth («The relations between Arabs and Israelites prior to the Rise of Islam», London, 1924, стр. 66).

⁵ Mordtmann. *Die himjarisch-äthiopische Kriege noch einmal*, стр. 703.

ромейские купцы, Следующее объяснение сирийского писателя более отчетливо: «Царств индийских и кушитских семь, три индийских и четыре кушитских. Они находятся во внешних и внутренних (областях) южных земель и по берегам великого моря, что окружает всю вселенную и называется великим океаном» (Ps.-Dionysius, стр. 55). Кушитскими царствами считалось не только государство Аксума, но и известные Козьме Индикоплову Барбария, Ладоносная земля и земля Сасу (Cosmas Indicopleustes, стр. 69—70; P. Gr., 88, col. 100; Malalas, стр. 433). Три индусских царства, вероятно, находятся в собственно Индии, за океаном, «в южных землях и по берегам великого моря».

Географическое положение химьяритского государства в южной Аравии ставило в зависимость от него торговые связи кушитов с Византией. «Ромейские купцы» ездили в Аксум «через химьяритов». Но Димн (Δίμνος), царь химьяритов (τῶν Ἀμεριτῶν), убил их и отобрал все, что у них было. Действия эти повторялись, поэтому «были убиты многие, так что объял ужас многих и они воздерживались ездить, и прекратилась торговля царств внутренних индусских и кушитских» (Ps.-Dionysius, стр. 55). Падение торговли, ослабление торговых сношений не могли не отразиться на выгодах и прибылях, которые получали от торговли эфиопские цари. Царь аксумитов (Малала) или кушитов (Иоанн Эфесский у псевдо-Дионисия) послал сказать царю химьяритов: «Ты плохо сделал, что убивал торговцев-христиан ромейских, ты прекратил торговлю и задержал пошлины моего царства и других царств. Особенно же ты повредил моему царству» (Ps.-Dionysius, стр. 55; Malalas, стр. 433). Эта экономическая причина породила «большую вражду» между Аксумом и Химьяром, которая затем обратилась в «войну друг против друга» (Malalas, стр. 434). На вопрос—как мог царь химьяритов, т. е. южных и юго-западных областей Аравии, через которые проходили караванные пути из ромейских пределов, прекратить торговлю, которая приносила ему богатые доходы, источники дают исчерпывающий ответ. У византийских купцов в государстве химьяритов были конкуренты и соперники, в пользу которых клонились эти меры,—это были иудейские купцы, за которыми стояла мощная Персия Сасанидов.

Колонизация областей Аравии, лежащих вдоль караванного пути, по ее западному побережью, была тесно связана с торговыми интересами Палестины. Наряду с набатейскими колониями иудейские издревле были известны в Аравии. Иудейские колонии, о которых говорит Коран, имели вековую давность, они распространялись на отдельные острова Персидского залива и Красного моря, как например, остров Йотабу¹.

Характерная черта истории древнего и средневекового периода может быть отмечена и в этом случае. С товарами по наземным и водным путям привозили новую религию. Подобно общему языку, общая вера делала экономические отношения более тесными, связывала участников обмена, купли и продажи новыми крепкими узами. Иудейские колонии и иудейские купцы были известны государству Саба, и традиционные связи с ними перешли и к государству химьяритов. О приобщении химьяритов к иудейской религии говорит ряд источников, в которых не может быть никакого сомнения. Прежде всего, это сабейские и химьяритские надписи, принадлежащие к серии монотеистических надписей, список которых, характеристика и хронология были установлены Мордтманном и Митвохом².

¹ Excerpta de legationibus Constantini Porphyrog., ed C. de Boor, Berolini, 1903, pars II, Excerpta e Malcho, стр. 568—569; Abel, L'île de Iotabé, «Revue biblique», 1938 и рецензия P. Peters'a в Analecta bollandiana, v. 58, 1939.

² G. Ruyckmans, Inscriptions sud-arabes, «Le Muséon», 45 (1932), стр. 290; Mordehman u. Mittwoch, Sabäische Inschriften, стр. 3, прим. 2; Ditlef

Для примера можно привести надпись из Катабана, высеченную на скале близ Низаба, сообщающую о больших работах, произведенных авторами надписи, завершленную указанием на помощь «милостивого господина неба и земли» (строка 11)¹.

Слова эти, несомненно, принадлежат монотеисту как и надпись, упоминающая Rahman — «Милостивого»². Можно привести и другой пример. Постройка, возведенная Абдкулалом «с помощью Милостивого» (строка 3-я надписи № 153), отмечена надписью, датированной 537 г. по эре химьяритов, она относится, следовательно, к 458 г. н. э. Формула эта монотеистическая, но отнюдь не христианская. Издатели надписи отмечают, что Абдкулал II переписывался с пророком и был тайно обращен в христианство³. Еще блестящий ученый своего времени Коссэн де Персеваль, а через 80 лет наш современник Ламменс, вооруженный новыми аргументами, бесспорно установили наличие большого количества иудеев в городах югозападной Аравии. В Ятрибе более половины населения было иудейским, а рабы-язычники рода Аус и Хазрадж вели с ними борьбу, стремясь занять господствующее положение⁴. Их колонии имели стройную организацию, которая среди разрозненных арабских племен и общей анархии имела несомненные преимущества⁵. В Таифе большая иудейская колония была связана с земледельческим трудом. Виноделие и продажа вина были в руках иудеев⁶.

Следует указать еще на некоторые данные, в связи с которыми наличие иудаизма в верхах химьяритского общества можно отнести ко временам, значительно более ранним, чем кушито-химьяритские войны первой четверти VI в. Как и монотеистические надписи, эти данные свидетельствуют о предшествующих столетиях. Арабские историки позднего времени Абульфедя и Хамза Испатанский располагали списками царей Йемена⁷. Относительно одного из царей сообщается, что он обратился в иудейство задолго до Зу-Нуваса, царя химьяритов, при котором происходила борьба с эфиопским царем. В таблице царей Химьяра у Абульфеды Зу-Нувас занимает восьмое место после царя Харита ибн Амру, который царствовал в качестве племянника своего предшественника, «сына сестры... и обратился в иудейство Харит»⁸. Обращение царя химьяритов в иудейство могло осуществиться лишь при достаточном распространении этой религии в высших слоях химьяритского общества; таким образом иудейство у химьяритов засвидетельствовано задолго до царствования Зу-Нуваса. Но обращение Харита не прошло безболезненно для государства химьяритов. После царствования его преемника Мортида ибн Келали «разделилось после него царство Химьяр»⁹, т. е. распалось, что следует отнести за счет внутренней неустойчивости и борьбы, быть может, и на почве решительного внед-

Nielson, *Der dreieinige Gott in religionsgeschichtlicher Beleuchtung*, II, Copenhagen, 1942; рецензия E. Davidson, JRAS, 1945, 1—2, стр. 103—104.

¹ G. Ryckmans, *op. cit.*, стр. 290, 295.

² Mordtmann und Müller, *Eine monotheistische Sabäische Inschrift*, WZKM, 1896, X, стр. 285—292.

³ Mordtmann und Mittwoch, *Sabäische Inschriften*, Hamburg, 1934, стр. 192—193.

⁴ Caussin de Perceval, *Essai sur l'histoire des arabes*, Paris, 1847, стр. 122.

⁵ Lammen s. *L'Arabie occidentale avant l'hégire*, Beyrouth, 1928, стр. 53, Leszynsky, *Juden in Arabien...*; Nallino, *Scritti*, III, стр. 96.

⁶ Lammen s, *op. cit.*, стр. 55; Lammen s, *La Mecque à la veille de l'hégire*, Beyrouth, 1924, стр. 23 (119).

⁷ Abulfeda, *Historia anteislamica arabice* edid. c. versione latina, H. Fleischer, Lipsiae, 1831, стр. 114—121.

⁸ Ibidem, стр. 118.

⁹ Ibidem.

рения иудаизма. Распадение на отдельные мелкие княжества могло произойти как следствие несогласий с царем, очевидно покровительствовавшим иудейской торговле, а транзитная, караванная торговля была главным источником доходов этих государств. Нувас, царствование которого относится к первой четверти VI в., занимает восьмое место после Харита ибн Амру, управление которого может быть, следовательно, отнесено к середине V в. с большой вероятностью. Ко всем этим сведениям следует присоединить сообщения «Книги химьяритов», первая и вторая главы которой посвящены вопросу о проникновении в Химьяр иудейства и христианства. Главы эти до нас не дошли, но сохранилось их оглавление¹: «1. Краткий рассказ сообщений об иудеях и зле их веры... 2. Рассказ сообщений о химьяритах, кто они и как они первоначально приняли иудейство. 3. Объяснение, сообщающее о том, как начало сеяться христианство в земле химьяритов». Таким образом, и памятник, который стоит всецело на христианской точке зрения, признает первоначальное распространение иудаизма в Химьяре.

Кроме того, «Книга химьяритов» утверждает, что при Масруке Зу-Нувасе, царе-гонимеле, состояли лица, бывшие «иудейскими священниками из Тивериады»². Эти связи городов Аравии с Тивериадой, центром иудеев после разрушения Иерусалима, отмечены и Симеоном Бетаршамским. Последний, однако, со свойственным ему темпераментом жалуется на то, что «иудеи, которые живут в Тивериаде, посылают от себя священников из года в год и от времени до времени и поднимают мятеж (смущение) с христианским народом химьяритов»³. Связи религиозные возникли на почве торговых и экономических сношений. И не случайно талмудический памятник Midrasch Bereschit, толкование на книгу Бытия 10,30, знает столицу Химьяра Джафар, греческое Ταφαρ, лишний раз подтверждая эти связи, наличие которых отвергать теперь, как это делали раньше, невозможно⁴.

Иудейская торговля имела опору в Иране, о чем говорит целый ряд положений; ей, несомненно, покровительствовали Сасаниды и в Южной Аравии. Персидская дипломатия и международная политика Византии пришли здесь к очередному столкновению, как это и отмечали Нельдеке, Преториус, Глазер и др.⁵. Эта борьба имела много эпизодов на протяжении многих веков и не только в Аравии, но и в Месопотамии, на Кавказе, в Средней Азии.

В этом аспекте следует отметить данные, не привлекавшиеся еще исследователями. Химьяритский царь Масрук Зу-Нувас направляет послов к ал-Мундару в Хирту, настаивая на том, чтобы он уничтожил христиан в своем государстве. Масрук обещал ему за гонение дать «вес 3 тысяч динаров»⁶. Иначе говоря, Масрук был экономически заинтересован в ослаблении арабов-христиан Хирты. Казалось, все представители христиан, особенно клирики, должны были быть единодушны в поддержке своих единоверцев. Между тем несторианство, христианское течение, упрочив-

¹ Fragm. 1, transl. стр. 1.

² Ibidem, стр. 7-а, transl. стр. CV. Этот факт опровергает взгляд Наллино, предлагающего, что именские иудеи представляли антиталмудическое течение», ук. соч., III, стр. 96.

³ I. Guidi, La lettera di Simeone vescovo di Beth Aršam, Reale accademia dei Lincei, Memorie d. cl. scienze morali, Series 3, VII, Roma, 1881, стр. 14; дальше цитируется Sim. Betharš.

⁴ Halévy, Examen critique, стр. 163; Pereira, Historia dos martyres de Negrin, стр. 29.

⁵ Ed. Glaser, Die Abessinier in Arabien und Afrika, München, 1895, стр. 181; Nallino, ук. соч., III, стр. 108, 111—114.

⁶ Martyrium Arethae, «Acta Sanctorum», Octobris, X, стр. 742 (далее цитируется: Mart. Arethae).

шее свое положение в Иране, заняло позицию защиты интересов Ирана. «Сила, епископ несториан Персии», полемизировал «с православными из ромеев и персов, желая задобрить язычников и иудеев» (Mart. Arethae, стр. 742).

Действия Силы лишний раз говорят о группировке сил в соответствии с политическими интересами.

В западную и южную Аравию христианство проникло позднее иудаизма, как об этом говорит «Книга химьяритов». Базировались христианские круги химьяритов на поддержке со стороны Абиссинии, как на это неоднократно указывалось (ВН, стр. LII). Наличие христианского влияния в Мекке также связывается Ламменсом с большими и многовековыми колониями эфиопов¹. Это совершенно справедливо для VI и VII вв. Можно спорить о том, откуда впервые было принесено христианство в Аравию. На основании данных арабских, сирийских и греческих источников намечаются два направления христианских связей Аравии, кроме Абиссинии, — Сирия приморская и Хирта Нааманова.

Возникновение христианства у химьяритов связано с рассказами, имеющими явно выраженный легендарный характер. Таков агиологический христианский памятник, использованный Табари. Фемион (испорченное *ṭimūn*), христианин из приморской Сирии, ремеслом которого было возведение глинобитных стен, привлек своим образом жизни одного человека, родом из Аравии, который стал его учеником. Фемион попал с караваном купцов в области химьяритов, где его взяли в плен, а затем его купил знатный человек. Он-то и насадил там новое учение². Распространение христианского учения в Негране на основании «Книги химьяритов» связано с именем предка мученицы Хабсы (ВН, стр. XXXIa). Хайан старший имел торговые сношения, которые уводили его далеко от родного города. Утерянная часть памятника не дает возможности располагать подробностями; но христианская арабская Хроника Сеерта почерпнула свои сведения о Негране в той же «Книге химьяритов» (ВН, стр. XLIX). Она дает возможность восстановить недостающие данные.

Хайан старший ездил по торговым делам в Константинополь, вернулся на родину, затем вновь отправился в Иран и оставался в Хирте Наамановой, где вращался среди христиан. Здесь он был крещен, возвратился домой и склонил к принятию христианства свою семью, а затем и других химьяритов. К нему прилепились и другие лица, принявшие христианство, из «народа страны химьяритов» и пролежавших по пути в Абиссинию областей³. В Константинополе Хайан был «в дни Яздегерда», т. е. первого из сасанидских царей, носящих это имя, и царствовавшего с 399—420 г. Через сто лет происходившая из его рода Хабса оказалась мученицей. Нет никакой необходимости считать ее внучкой Хайана, как это делает Мoberg. Она только происходила из его рода, или из его колена, как говорится в тексте о ней и ее отце (ВН, стр. L).

Нет сомнения в том, что со времени христианизации высших слоев общества Неграна и других химьяритских городов, как например, Джафара (Тафара), усилилось влияние и оживились торговые сношения с Византией и эфиопами. Неизбежен был и антагонизм между химьяритами одной ориентации и другой, ставшей языческой и иудейской; антагонизм, приводивший к неоднократным вспышкам. За столетие, протекавшее между деятельностью Хайана и кушито-химьяритскими войнами (от

¹ L a m m e n s. L'Arabie occidentale avant l'hégire. Beyrouth, 1928, стр. 10—11.

² Tabari—Nöldeke, стр. 178, 181.

³ Chronique de Séert, publ. et trad. par Addai Scher, Patrologia orientalis, t. 4, стр. 218, в тексте имя Hannan было исправлено Захау на Наууан (APAW, 1919, Ph.-Hist. Kl. I, 1).

420-х до 520-х гг.) произошел ряд столкновений. Хайан, отец Хабсы, из рода Хайана старшего, сжег в свое время синагогу в Негране (ВН, стр. XXXIIв). Табари утверждает, что царь Зу-Нувас мстил за убийство иудея в Негране¹. Торговле и проезду купцов-ромеев препятствовали химьяриты и убивали некоторых из них (Malalas, стр. 433).

Эти явления следует поставить в связь с внешнеполитическим положением Химьяра. Иудейство занимало господствующее положение среди химьяритов, прозелиты представляли торговые интересы иудеев, в то же время они стремились избавиться от господства кушитов, которые опирались на христианские группы. Если православное и монофизитское христианство у химьяритов было связано с сиро-арабскими влияниями, которые шли вместе с торговыми караванами из Сирии и Месопотамии, Эдессы и Хирты, то не меньшее значение имела Эфиопия (ВН, стр. XXXIX, XL, XXV). Организационно эфиопская церковь была подчинена александрийскому патриарху, который ставил ей клириков. Тем самым эта другая струя влияния в южных областях Аравии исходила из Александрии—Аксума. Все эти данные и возможности учитывались и использовались Константинополем, дипломатия которого стремилась здесь укрепить византийские торговые базы (Malalas, стр. 434). Опорой кушитов и ромеев были христианские группировки высших слоев общества в Химьяре. Языческие и иудейские группы химьяритов стремились освободиться от влияния эфиопов, что находило активную поддержку со стороны Ирана, стремившегося стать твердой ногой на Аравийском полуострове.

Необходимо принять во внимание, что экономические и политические интересы Ирана поддерживались христианской несторианской группировкой. В этом отношении показательно, что Масрук, полемизируя с Арефой и его товарищами, утверждал, что «нашими отцами в Иерусалиме» был казнен, как известно, «не Бог, а человек», так как его можно было подвергнуть всяческому насилию. Человек не стоит ни споров, ни страданий. «Вы не лучше несториан, которые находятся с нами поныне и которые говорят, что мы не имеем самого Бога, но пророка Божия» (Mart. Arethae, стр. 728). Как монотеист Масрук Зу-Нувас не требует отречения от Бога—творца мира, а от Иисуса.

Эта же точка зрения развита и в словах несторианского епископа Силы—«ибо мы, воспитанные в божественных писаниях патриарха Нестория, полагаем и думаем, что распятый был могущественный человек, а не Бог» (Mart. Arethae, стр. 742). Несторианин Сила и другие персы-несториане «и поныне» находились в дружбе с теми химьяритами, которых поддерживал Иран. Монофизит Симеон Бетаршамский ожесточенно бранит несториан и называет их «христианами по имени».

Когда по распоряжению императора Юстина и константинопольского патриарха Иоанна был издан приказ арестовать еретиков-монофизитов, они бежали в Сирию и в Хирту Нааманову. Но упомянутый Сила поставил им условием переход в несторианство или изгнание. Монофизитов поддерживал «Хаджадж ибн Кайс хиртский, еретик и сподвижник Мундара ибн Наамана, царя арабов». Тем не менее Мундару пришлось выполнить требование царя Юстина и рассеять монофизитов. Некоторые из них бежали в Неджран (Негран), где проповедывали «учение Юлиана учителя Севера» Антиохийского².

Таким образом, борьба политических группировок разыгрывалась на всем Ближнем Востоке.

¹ Tabari—Nöldeke, стр. 175—178.

² Chronique de Séert, Patrol. Orient., vol. 7, стр. 142—144.

События в Иемене и борьба из-за него являются эпизодом общей экономической и политической ситуации. Стремление Восточно-римской империи получить преобладание и контролировать торговые пути на Средний и Дальний Восток неизменно встречало противодействие мощного Ирана. Касался ли вопрос дипломатического представительства в государствах «шелковой дороги» в Хотан и Китай, сохранения Черного моря на правах внутреннего бассейна, влияния на государства Кавказа—Грузию и Армению, контроля «пути благовоний» и дружбы с Эфиопией и Иеменом, морского господства, чтобы достигать беспрепятственно Цейлона и Индии,—повсюду их интересы сталкивались. Борьба за ориентацию Иемена, за направление торговых связей химьяритов привела к ряду острых столкновений. В этот период истории южной Аравии особенно отчетливо видно, насколько вопрос ориентации был связан с идеологией. Воздействовало иудейство мощных и древних иудейских колоний от Тивериады до Неграна и островов Красного моря, как Иотаба и др. Христианство имело своих представителей в Иемене из Эфиопии, Византии, Хирты и Ирана, в их числе были монофизиты, несториане, православные. Наконец, широко была распространена монотеистическая религия «Милостивого», независимо развивавшаяся в южной Аравии. Но только Ислам, почерпнувший в каждом из этих источников, сумел не только идеологически, но и политически объединить арабов и открыть новый период в истории Ближнего Востока.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В «УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ» УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

В послевоенные годы значительно оживилась научно-исследовательская работа наших высших учебных заведений. Многие научные работники, которые в годы Великой отечественной войны были в силу различных обстоятельств оторваны от непосредственной научной работы и не могли завершить своих начатых работ, использовали возвращение к мирному созидательному труду для окончательной отделки и публикации своих исследований.

Ряд таких исследований публикуется в печатных органах наших вузов, в первую очередь в «Ученых записках» и «Трудах» университетов и институтов.

В связи с этим отраздно отметить возобновление печатанием ряда прерванных войной «Ученых записок» (ЛГУ, МГУ, Саратовский, Томский и другие университеты, МГПИ им. Ленина, Ярославский и другие пединституты) и появление «Ученых записок» тех институтов, которые не выпускали их в довоенное время.

Вестник Ленинградского университета, 1947, № 4.

Проф. С. И. К о в а л е в, Две проблемы римской истории, стр. 86—99. В своей статье проф. С. И. Ковалев анализирует два узловых вопроса истории Рима: 1) о происхождении патрициев и плебеев, и 2) кризис римской республики в I в. до н. э.

Автор кратко излагает развитие взглядов крупнейших буржуазных историков на вопрос о происхождении патрициев и плебеев и делит их на три группы: н и б у р и а н ц е в, считающих патрициев (и связанных с ними клиентов) коренным римским населением, а плебеев—пришлым элементом, иностранцами; а н т и н и б у р и а н ц е в, доказывающих, что «патриции с самого возникновения римской общины были знатью, а плебеи представляли народную массу» (стр. 88); и, наконец, сторонников теории этнической двойственности (Селль, Крюков, Марр), предполагававших, что патриции и плебеи происходили от различных этнических групп. Проф. С. И. Ковалев считает возможным объединить все три точки зрения и объяснить противоположные высказывания источников по вопросу о патрициях и плебеях тем, что наиболее древние данные характеризуют состояние римской общины VII—VI вв.;—они то и послужили базой для нибурианской концепции; вторая, более поздняя группа источников характеризует, по мнению автора, социальное положение Рима более позднего времени (антинибурианцы). Наконец, думает автор, «права в известной мере и теория этнической двойственности» (стр. 91). Здесь автор особенно подчеркивает роль «протоэтрусков».

Вторая проблема, рассматриваемая автором,—это вопрос исторической оценки гражданских войн конца республики. Автор полагает, что неправильным будет считать этот период первым этапом революции рабов, так как в то время отсутствуют основные признаки «настоящей революции». В ту пору не произошло смены способа производства, рабы не являлись классом-гегемоном, политическая власть нигде не перешла на длительное время в руки рабов. Кроме того, в I в. до н. э. не возникли еще предпосылки для перехода рабовладельческой формации в феодальную. В силу всего

этого автор считает неправильным применять к гражданским войнам конца республики определение «революция рабов» и полагает, что под «революцией рабов» надлежит понимать только кризис III в. и события последующих двух столетий.

Статья проф. С. И. Ковалева, посвященная двум узловым проблемам тысячелетней истории Рима, не может претендовать на подробное освещение вопроса и исчерпывающее доказательство точки зрения автора. Автор стремился только изложить в стиле тезисов свою точку зрения на некоторые основные вопросы римской истории. Не вдаваясь в оценку взглядов С. И. Ковалева по существу изложенных проблем, следует все же заметить, что предлагаемое автором решение проблемы происхождения патрициев и плебеев грешит эклектизмом, и объединение в рамках единой концепции диаметрально противоположных точек зрения вряд ли приближает нас к решению вопроса. К тому же стремление автора объединить все три концепции вынуждает его ставить фактически знак равенства между взглядами нибурианцев и сторонников теории этнической двойственности.

Соображения, выдвигаемые проф. С. И. Ковалевым против определения гражданских войн конца республики, как первой фазы революции рабов, во многом обоснованы и часто звучат весьма убедительно. К сожалению, заключительная часть статьи, где автор рассматривает революционные события III—V вв. н. э., не отличается той простотой и ясностью, которая характеризует анализ кризиса римской республики. В частности большие сомнения вызывает общая оценка особенностей революции рабов, данная проф. С. И. Ковалевым.

Ученые записки Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского, т. XVII, вып. исторический,
Саратов, 1947, 281 стр., тираж 2000 экз.

В данном, довольно объемистом сборнике вопросам древней истории и археологии посвящены три статьи: И. В. Синицына, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья (стр. 3—134); е го же, Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1928—1939 гг. (стр. 135—156) и Э. К. Путныня, Политика императоров династии Юлиев-Клавдиев в области землевладения (стр. 247—270).

В «Археологических раскопках...» дана публикация материалов, найденных во время раскопок 1928—29, а также 1939 гг. на территории Саратовской и Сталинградской областей в Заволжье. Исследованные памятники хронологически делятся на две группы: памятники бронзовой эпохи и скифо-сарматского времени. Особое значение приобретают добытые раскопками материалы сарматской культуры, послужившей основой, на базе которой развивались многочисленные последующие культуры народов Нижнего Поволжья. В данную публикацию включены материалы сарматских курганных погребений из раскопок 1928 года. Данные раскопок 1929 и 1939 гг. публикуются почти полностью. Исследование богато иллюстрировано 80 отдельными рисунками и планами. Кроме того к статье приложено 9 таблиц (образцы местной керамики и прочие предметы бытового обихода).

Вторая статья И. В. Синицына является предварительным сообщением об итогах последних раскопок предвоенного периода в бассейне Большого и Малого Иргизов. В отличие от обычных археологических исследований, которые сводились в районе Нижнего Поволжья «к накоплению вещей из курганных погребений или могильников» (стр. 135), инициаторы раскопок 1938—39 гг. ставили своей целью обследование целых поселений бронзовой эпохи и последующего времени. В процессе работ были раскопаны 2 большие землянки в районе села Максютново и 3 аналогичные землянки в районе гор. Пугачева. Было обнаружено значительное количество керамики и остеологических материалов (в основном крупного рогатого скота). Кроме того экспедицией было раскопано несколько курганов в тех же районах. Как показали исследования, поселения имели незначительные размеры, в среднем 80×80 м, и насчитывали от 3 до 6 жилых сооружений с населением от 50 до 70 человек. «Население таких небольших

поселков составляло в целом ту патриархально-семейную общину, или большую патриархальную семью, которая сложилась здесь в ее ярко выраженных формах» (стр. 153).

В статье Э. К. Путныня делается попытка дать анализ состояния крупного землевладения и аграрной политики первых римских императоров до Нерона включительно. Автор доказывает ошибочность утверждения немецкого ученого Дессау о том, что процесс концентрации земельной собственности прекратился в начале империи, и показывает, что в I в. н. э. имеет место дальнейший рост крупного землевладения, как сенаторского так и императорского. Постоянные конфискации имущества отдельных представителей сенаторского сословия императорской властью следует расценивать не как показатель борьбы императоров с сенаторским землевладением, а только как перераспределение земельных угодий в руках одного и того же класса крупных землевладельцев. В связи с этим автор резко полемизирует с точкой зрения И. М. Гревса, усматривающего в империи «представительницу угнетенных классов» и защитницу «прав провинциалов против исключительного преобладания старых коренных граждан».

В статье используются в основном литературные памятники, характеризующие царствования Тиберия и Нерона. Автор обращает свое внимание почти исключительно на Италию, причем занимается только вопросом о концентрации земельной собственности. Э. К. Путныня убедительно доказывает на конкретных исторических фактах правильность своего основного тезиса об отсутствии противоречий между императорской властью и сенаторским сословием. Но все-таки, как нам кажется, автору необходимо было отметить, что политика императоров в отношении провинциальных рабовладельцев значительно отличалась от политики республики. Революционный кризис который поставил на место республики империю, вынудил ведущие круги римских рабовладельцев не только перестроить государственный аппарат для лучшей эксплуатации провинций, но и постепенно расширять социальную базу императорской власти путем постепенного включения в состав господствующего класса крупнейших провинциальных рабовладельцев.

Картина процессов, происходивших в землевладении империи в I в. н. э., была бы значительно более полной, если бы автор не ограничился только литературными памятниками, относящимися к Италии, но привлек бы эпиграфические данные, а также и материалы о земельных отношениях в провинциях. К сожалению, вне поля зрения Э. К. Путныня остались важные процессы, происходившие внутри крупного землевладения—намечающийся уже в это время переход от интенсивного к экстенсивному землепользованию, начало колонатных отношений.

Среди мелких недочетов необходимо отметить прежде всего очень большое количество опечаток, особенно в иностранных текстах. Кроме того, весьма сомнительно, так ли уж «близко к истине» сообщение Петрония о богатстве Трималхона, как это кажется автору (стр. 250), тем более, что на следующей странице сам он выражает сомнение в достоверности именно этого сообщения римского сатирика.

Ученые записки Львовского государственного университета им. Ив. Франко, Историческая серия, т. 1, вып. 2

И. И. Вейцковский, К истории восстания рабов в 198 г. до н. э. в Лациуме, стр. 142—176 (на украинском языке). Статья И. И. Вейцковского представляет собой довольно значительное по размерам исследование, посвященное мало освещенному в источниках и почти совершенно забытому в историографии важному событию из истории Рима—восстанию рабов в 198 г. до н. э. Автор анализирует краткие сообщения Ливия (XXXII, 26) и Зонары (IX, 16, 8—13) об этом движении и ставит его в связь с внутренним и международным положением Римской республики непосредственно после II Пунической войны.

Статья состоит из трех различных по размерам и достоинству частей. Первая часть (13 страниц) является общим источниковедческим обзором (пожалуй, даже

чересчур обстоятельным, учитывая узкую тему исследования) труда Ливия и его источников. Автор приходит к выводу, что сведения Зонары в данном случае заслуживают большего доверия, чем изложение Ливия.

Второй раздел статьи (14 страниц) излагает ход событий и дает общую оценку движения. Эта часть статьи наиболее интересна и во многих местах дополняет наши сведения об одном из первых восстаний рабов на территории Италии. Автор подчеркивает значительность территории, охваченной движением рабов, и относительно большой размах восстания, а также его классовый характер, причем отмечает, что в движении принимали участие только рабы, а свободное население относилось к нему враждебно. Вопреки свидетельствам и Ливия и Зонары, единственных наших источников по данному вопросу, автор категорически (как нам кажется, без достаточных оснований) отвергает возможность не только руководства, но и участия карфагенских заложников в движении 198 г.

В конце статьи дан на 7 страницах обзор взаимоотношений Рима и Карфагена в первом десятилетии II в. Эта часть статьи, почти не связанная с предыдущим изложением, да и с самой темой исследования, не дает ничего нового ни для выяснения вопроса о движении 198 г., ни для истории взаимоотношений между Карфагеном и Римом. От сокращения этой части статья И. И. Вейцковского только бы выиграла.

Необходимо отметить, что вся работа перегружена излишними многократными повторениями. Автор трижды повторяет, что восстание было подавлено не Корнелием Лентулом, а Л. Корнелием Метулой. Около десятка раз повторяется далеко не новая мысль о том, что Ливий пользовался данными Валерия Анциата и т. д.

Автор дает совершенно произвольную оценку социальной группировки рабовладельцев, руководившей политикой Рима в начале II в. до н. э., заявляя, что «в дальнейшем, особенно же в 80 годах II в. до н. э., финансисты и ростовщики имели решающее влияние на ход политической жизни Рима», причем выразителем интересов этих кругов он считает Марка Порция Катона (стр. 163). Эта и аналогичные формулировки неоднократно повторяются в дальнейшем. Нам думается, что в этом выражается не столько самостоятельное мнение автора, сколько влияние буржуазных ученых модернизаторов, авторитету которых автор чрезмерно доверяет. Так, например, автор ссылается сразу на целый том, даже без указания страниц, французского ученого Гзелла только для того, чтобы доказать не нуждающееся вообще в доказательстве положение, что в сельском хозяйстве Карфагена было занято немало рабов (стр. 164, прим. 67). Н. И. Вейцковский цитирует полностью даже изречение немецкого националиста Эгельгафа о «настоящей фабрике лжи, очернявшей все карфагенское», хотя Эгельгаф снабжает свои слова комментарием, направленным на оправдание политики современного германского империализма.

Надо отметить, что, несмотря на указанные нами недочеты, статью И. И. Вейцковского мы расцениваем как положительное явление в советской историографии античности. Уже сам факт выбора в качестве темы для исследования одного из эпизодов движения рабов заслуживает всяческого одобрения. Автор собрал все данные об этом движении, глубоко их проанализировал и пришел к самостоятельным выводам, исправляя ряд ошибочных положений даже таких столпов буржуазной науки, как энциклопедия Паули-Виссова (стр. 165—6). Наша критика недочетов конструкции статьи и отдельных положений автора никоим образом не умаляет достоинств труда И. И. Вейцковского в целом.

Ученые записки Томского государственного университета
им. В. В. Куйбышева, вып. 4, 1946, 97 стр., тираж 1000 экз.

К. Э. Гриневич, Солон, ч. 1 (до 594 г. до н. э.) стр. 54—74. Рецензируемая статья представляет собой лишь первую часть, примерно $\frac{1}{3}$ всей работы, она дает анализ социально-политической обстановки в Аттике и охватывает биографию Солона вплоть до избрания его айсимнетом. Во второй части автор обещает нам дать обзор самих реформ Солона, а в третьей—рассказать о деятельности Писистрата.

Автор отмечает в подзаголовке, что его труд является «исследовательским этюдом из истории Афин VI в. до н. э.». Это не совсем точно. Статья написана далеко не в обычном для принятого в «Ученых записках» стиле. Это, повидимому, переработанная стенограмма нескольких университетских лекций, рассчитанная в основном на преподавателей средних школ и студентов. Исследовательского элемента в работе К. Э. Гриневича немного. Все произведение написано хорошим, ярким языком, не лишенным элементов пафоса: «Солон... это имя должно быть знакомо каждому человеку еще со школьной скамьи!» «Так как нашей главной задачей является показать во весь рост деятельность Солона и его личность,— мы решили это сделать так, чтобы читатель почувствовал аромат эпохи». Действительно, надо в этом отношении отдать должное К. Э. Гриневичу, он вполне достиг цели. Благодаря введению в статью многочисленных, пожалуй, иногда даже чересчур длинных цитат и полных текстов соловых элегий, «аромат эпохи» ярко ощущается на протяжении всей статьи.

Иногда увлечение формой изложения заводит автора даже дальше, чем он желает. Так, у него еще в досолоновской Аттике появляются вдруг «капиталисты» (стр. 63); процесс классового расслоения явно преувеличен, государство в Аттике существует задолго до Солона(!). «Солону предстояло... прекратить(!) классовую борьбу» (стр. 74) и т. д. Определенно чувствуется, что автор не вполне избавился от фразеологии немецких модернизаторов типа Пельмана, которого, кстати говоря, К. Э. Гриневич часто цитирует без слова критики.

Через всю работу К. Э. Гриневича красной нитью проходит мысль о революционности Солона. Он подчеркивает, что «Солон не был человеком компромиссов, был своего рода революционером, каким после него в истории Аттики не был почти никто» (стр. 71), причем ссылается здесь на авторитет Энгельса. Энгельс, насколько нам известно, нигде не называл Солона революционером и только указывал, что Солон открыл ряд политических революций со вторжением в отношения собственности. От этой формулировки Энгельса еще очень далеко до утверждения автора о революционности самого Солона. К тому же под давлением фактов сам К. Э. Гриневич вынужден в последующем признать, что Солон «не пошел до конца с крайними демократами, которые добивались... коренного передела земли и даже отмены долгов» (стр. 74). Мысль о расхождении Солона с демосом вполне правильная, несмотря на то, что солонова сисахфия означала именно не что иное, как отмену долгов. Однако остается несомненным фактом, что Солон во всей своей деятельности стремился предотвратить революционный взрыв недовольства широких масс Аттики и сохранить сколько возможно из привилегий эпатридской знати. Странно все же, как советский ученый может объяснять эту примирческую, компромиссную политику Солона тем, что «так или иначе он не сделал этого: может быть, потому, что был слишком честен и мудр». Какими же словами в таком случае определить позицию настоящих революционных вождей аттического демоса?

К статье приложена подробная, почти исчерпывающая русская и иностранная библиография о Солоне. К сожалению, «этюд» К. Э. Гриневича не лишен досадных ошибок и опечаток. Так, например, Белох относят Килонову смуту несомненно не к 480—71 гг., а к 580—70 гг. (стр. 64).

Ученые записки Томского государственного пединститута, том III, 1946

Доц. А. В. Маракоев, Фрагмент китайского бронзового зеркала в Археологическом музее Томского университета, стр. 145—152. Этот небольшой этюд посвящен описанию и анализу китайского бронзового зеркала, найденного в конце прошлого века на территории бывшего Минусинского уезда. Автор датирует объект своего исследования VIII—XII вв. н. э. и считает наличие нескольких аналогичных китайских зеркал в районе Минусинска доказательством оживленных сношений хакасов с Китаем.

Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, том XXXV, ист. фак., выпуск III, М., 1946, 240 стр., тираж 700 экз.

Д. И. Нудельман, Древнегреческое поселение на Северном Причерноморье, стр. 21—42. Под этим немного интригующим и не совсем точным заглавием автор печатает свое исследование об истории острова Березани (в 12 км юго-западнее Очакова) в древности. Работа состоит из трех глав, в которых последовательно рассматриваются: история археологических раскопок острова, сообщения древних авторов о Березани и судьбы древнейшего поселения на острове. Исходя из того, что ведущиеся в конце XIX и начале XX в. раскопки Левитского, Скадовского и, прежде всего, Штерна дали большое количество исключительно чернолаковой и чернофигурной керамики, датируемой VII—V вв. до н. э., а березанский некрополь, насчитывающий 800 могил, тоже следует датировать тем же периодом, автор подчеркивает значение Березани, как первого греческого поселения в Северном Причерноморье. В результате анализа свидетельств античных писателей об островах северозападного Причерноморья Д. И. Нудельман приходит к выводу, что Геродот, говоря о знаменитом «Торжище Борисфенитов», имеет в виду именно Березань. Одновременно автор считает вполне возможным, что столь часто упоминаемый у Диона Хрисостома, Дионисия Периегета и Птолемея Ахиллов остров и Левка локализируются именно на Березани, а не в устье Дуная, как это предполагали академики В. В. Латышев и И. И. Толстой.

Наиболее ценной частью исследования является III глава, где дано систематическое изложение итогов раскопок Березани, из которого явствует, что остров был населен не только во время раннегреческой колонизации в VII—V вв. до н. э., но и в императорскую эпоху.

Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. XXXII, кафедры классической филологии и всеобщей литературы, вып. VI, М., 1946, 87 стр., тираж 700 экз.

Данный выпуск подвергся в печати справедливой критике (См. «Новый мир», 1947, № 10, стр. 272 сл.). Особенно резкую отрицательную оценку получили статьи проф. Нушинова и доц. Ивашевой по вопросам новой литературы, а также ниже рецензируемая статья проф. Дератани.

В данном выпуске помещены две работы по древней истории: проф. Н. Ф. Дератани, Борьба за свободу, патриотизм и героика в поэме Лукана «О гражданской войне» (стр. 5—16), и доц. Н. А. Тимофеевой, Патриотические мотивы в творчестве Эврипида (стр. 16—32).

В первом исследовании Н. Ф. Дератани останавливается прежде всего на вопросе о цельности поэмы Лукана. Вопреки мнению большинства западноевропейских ученых, в частности Буассье, считающих, что Лукан в первых трех книгах своей поэмы показывает себя только противником Цезаря, но не высказывает сожаления о гибели республики, и что поэт только после разрыва с Нероном сделался республиканцем, автор приходит к выводу, что «та и другая часть поэмы имеют одну и ту же политическую тенденцию... и что республиканцем показывает себя Лукан уже в первой части» (стр. 13). Н. Ф. Дератани видит разницу между первой и второй частью лишь в том, что Лукан «чрезвычайно сдержанно и дипломатически-осторожно» проявляет свои идеи в первых трех книгах, в то время как в последующих частях произведения он «прокламирует свои идеи с нарастающей смелостью и радикализмом». Выводы автора вызывают сомнение, так как его аргументация малоубедительна. Кроме того, прямое сопоставление патриотических выступлений древних с героическими подвигами советских людей привело автора к ряду вульгаризмов.

Доц. Н. А. Тимофеева в своей работе анализирует «Патриотические мотивы в творчестве Эврипида» на примерах основных трагедий этого классика. Автор совершенно правильно отмечает, что во всех произведениях Эврипида наряду с восхвалением и превозношением демократических порядков Афинского полиса очень сильно

выступают и чисто патриотические мотивы, в частности мотив самопожертвования ради блага родины. Эту мысль Н. А. Тимофеева иллюстрирует рядом примеров из «Медее», «Гераклидов», «Просительниц», «Финикиянок» и, особенно, «Ифигении в Авлиде». Интересна характеристика политических тенденций отдельных трагедий Эврипида в связи с военно-политическим положением Афин на различных этапах Пелопоннесской войны.

На фоне обстоятельного анализа произведений великого греческого классика вызывает чувство неудовлетворенности небрежная и не совсем правильная оценка характера Пелопоннесской войны. Правильно характеризуя эту войну как несправедливую с обеих сторон, автор, стоящий на проафинской точке зрения, все же считает эту войну прогрессивной со стороны афинян, «так как они вносили в покоренные области принципы демократии» (стр. 17). Прогрессивность афинской позиции автор видит и в том, что в случае победы «Афины предвосхитили бы ту роль, которая потом была выполнена Римом» (там же). Таким образом, не говоря уже о вызывающей большие сомнения оценке Пелопоннесской войны, автор повидимому считает, что Рим воплотил в жизнь те идеалы «демократии», за которые боролись Афины в 431—404 гг. до н. э. Эти в корне неправильные общеисторические суждения автора в начале статьи в значительной степени портят приятное впечатление от всего труда Н. А. Тимофеевой.

Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, вып. VII, история, Ярославль, 1945, тираж 250 экз.

В VII выпуске уделено немало места вопросам древней истории. В нем напечатаны (с постатейной нумерацией страниц) статья Н. Н. П и к у с а, Номовый эконо́м в эллинистическом Египте (стр. 1—11) и исследование А. С. Б а ш к и р о в а, Антисейсизм древней архитектуры. Египет (одна из глав докторской диссертации (стр. 1—25), и, кроме того, полностью даны тезисы докторской диссертации А. С. Башкирова (стр. 1—17).

В работе Н. Н. П и к у с а исследуются функции номового эконо́ма в эллинистическом Египте в III и II вв. до н. э. Как известно, должность номового эконо́ма играла очень большую роль в общей системе финансовой администрации Птолемеев. Ему подчинялся весь сложный финансовый аппарат в номе, эконо́мы топархий и сел. Функции и полномочия номового эконо́ма отличались, как это подчеркивает автор, замечательным многообразием, охватывая все области экономической жизни но́ма от сдачи в откуп отдельных налогов и сборов вплоть до контроля над весьма многочисленными царскими монополиями. В круг обязанностей номового эконо́ма входил также «надзор за хозяйствованием царских земледельцев и за общим состоянием сельского хозяйства в номе» (стр. 5). Выбор темы исследования весьма удачен, и работа должна заполнить весьма существенный пробел в русской историографии древнего Египта.

Что особенно ценно,—это то, что автор обращает немало внимания на эволюцию функций номового эконо́ма и на изменение круга его обязанностей на грани III и II вв. «Находясь при Филадельфе на третьем месте в ряду номовой администрации, а при Эвергете I—на втором после управления стратега, достигнув в конце III в. до н. э. своей кульминационной точки, эта должность в своем развитии имела тенденцию слиться с должностью начальника но́ма—стратега» (стр. 10), что таило в себе причины упадка должности эконо́ма во II в. до н. э., когда вместо эконо́ма, главы финансового управления но́ма, появились два чиновника, подчиненных ἐπὶ τῶν περὶ οὐδὲν, не возглавлявших отдельного ведомства. Н. Н. Пикус ставит это в связь с общей тенденцией развития государства Птолемеев, с тем, что «финансовая администрация постепенно вбирала в себя общегосударственную» (стр. 9).

Необходимо все же отметить некоторые, весьма существенные недочеты в рецензируемом исследовании. Автор в значительной степени идет на поводу буржуазных

ученых. Занимающая большую часть работы Н. Н. Пикуса критика устаревшей работы Штейнера о птолемеевском фиске (изд. 1913 г.),—кстати единственная, критикуемая работа,—ведется исключительно с точки зрения Ростовцева, выводы которого автор зачастую цитирует даже и тогда, когда необходимо было обратиться непосредственно к источникам. Так, например, очень существенный для марксистского исследователя вопрос о злоупотреблениях местной финансовой администрации и о жалобах на нее населения—хотя и принадлежащий к компетенции номового эконома,—автором самостоятельно вовсе не разбирается и указывается только ссылка на мнение Ростовцева. Это же касается важнейшей натуральной повинности населения—ирригационных работ (прим. 12 и 13).

Кроме того автором не учтены, хоть и немногочисленные, но все же существующие исследования п высказывания русских ученых по вопросам экономики птолемеевского Египта, в частности работы М. Хвостова, где, хоть мимоходом, но все же идет речь о номовых экономах (Текстильная промышленность в греко-римском Египте, стр. 61, 64, 68 и др., а также его рецензия на «Tebtunis papyri» в ЖМНП, № 355 (1904), стр. 192). И, наконец, еще одно замечание. Громадное количество корректорских ошибок и в иностранном и в русском тексте таково, что зачастую делает невозможным пользоваться научным аппаратом.

В заключение еще один весьма серьезный и важный упрек автору. В данном исследовании один раз дана цитата из классиков марксизма, да и то неточно. Вместо «финансы (грабеж внутри страны)» должно быть «финансовое (ограбление собственного населения)». Автор, повидимому, взял цитату не из XXI тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, на который он ссылается, но из сборника писем К. Маркса и Ф. Энгельса, изданного значительно раньше. Однако в этом случае так и следовало указать в примечании.

В рецензируемом выпуске ученых записок Ярославского ГПИ помещен очерк из докторской диссертации А. С. Башкирова «Антисейсмизм древней архитектуры». В этом очерке, посвященном Египту, а равно, как и в приложенных к нему тезисах диссертации, автор рассматривает монументальные оборонные и жилые конструкции древнего мира с точки зрения их антисейсмизма. Очерк иллюстрирован снимками и планами наиболее характерных конструкций. Монография А. С. Башкирова является несомненно оригинальным исследованием. Автор приложил немало труда, чтобы выявить в постройках древности интересные его моменты. Правда, представляется довольно сомнительным, действительно ли все приписываемые автором, скажем, древним египетским зодчим антисейсмические соображения лежали в основе их практической деятельности. Несомненно преувеличено также утверждение автора о «сугубо практическом значении, тесно связанном с интересами хозяйственного и оборонного строительства СССР, которое представляет для архитектуры наших дней изучение антисейсмизма древней архитектуры» (Тезисы, стр. 2). Но эти преувеличения вполне понятны и простительны в устах выступающего *pro domo sua* автора.

Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР.

Материалы юбилейной сессии ученого совета, 1931—1946, Петро-
заводск, 1947. 110 стр., тираж 1000 экз.

А. Я. Брюсов. Краткий обзор археологических работ Карело-Финской ССР, стр. 37—50. В своем докладе автор после краткого обзора истории археологического изучения Карелии в дореволюционное время подробно анализирует итоги изучения древностей КФССР за последние десятилетия перед Великой отечественной войной и отмечает исключительно плодотворную работу А. М. Линевского и В. И. Равдоникаса над петроглифами Карелии, несмотря на различную оценку этих памятников, данную указанными исследователями. Произведенные В. И. Равдоникасом раскопки Оленеостровского могильника дали, как отмечает А. Я. Брюсов, исключительные по богатству памятников неолита материалы, которые позволяют «не только в подро-

ностях представить себе облик и быт древнего населения Карелии, но и в значительной степени его верования, а также дают возможность установить антропологический тип населявших Карелию в это время племен» (стр. 40). Автор обстоятельно полемизирует с теорией так называемого «арктического палеолита» и в частности резко возражает против предположений скандинавских археологов, считающих, что заселение Севера шло в то время с запада вдоль свободного от ледника Норвежского побережья. А. Я. Брюсов подчеркивает произвольный характер датировки стоянок «арктического палеолита» и считает, что заселение севера происходило в III тысячелетии до н. э., когда в связи с развитием скотоводства и междуплеменных путей сообщения «часть населения Окской долины, двигаясь к северу, заселяет сначала район озер Вожа и Лаца, а затем продвигается на запад, на территорию нынешней КФСР».

Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 4, М., 1946, тираж 1000 экз.

В. Д. Блаватский, О датировке псевдопанафинейских скифосов, стр. 17—20, 3 рис. Примыкая к исследованию А. Н. Шварца (о так называемых панафинейских скифосах, М., 1890) автор называет данную группу скифосов псевдопанафинейскими и останавливается в данной статье исключительно на вопросах их датировки. Вопреки мнению большинства западноевропейских ученых, датирующих их неопределенно в пределах V и IV вв. до н. э., автор, исходя из исторического анализа «изображения спокойно стоящей совы со сложенными крыльями», считает возможным уточнить датировку, по крайней мере, значительной части этой группы сосудов и относит их к более раннему периоду, а именно к первой половине V в.

Статья иллюстрирована фотографиями одной котилы и двух скифосов из материалов Государственного музея изобразительных искусств.

Е. Г. Пчелина, Древнебуддийский монастырь в Кара-Тепе (Термез), стр. 52—56. В данной статье автор, участник раскопок в Термезском оазисе, рассказывает о своем методе археологической разведки, весьма успешно применявшемся ею в районе Кара-Тепе. Раскопки трех холмов на возвышенности Кара-Тепе дали возможность вскрыть развалины трех буддийских храмов. Древнейший из них датируется по найденным монетам царя Канишки I в. н. э. В храмах сохранилась бытовая утварь и предметы буддийского искусства. Характерна специфическая архитектура построек, обусловленная своеобразием буддийского религиозного культа. Автор подчеркивает особое значение раскопок в Кара-Тепе, приведших к открытию первого древнебуддийского монастыря на территории СССР.

Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, выпуск 1, М., 1946, 84 стр., тираж 1000 экз.

С. И. Радциг, Миф о дочерях Даная и связанные с ним мифы в свете современной науки, стр. 65—66. В небольшой заметке С. И. Радциг дает перечень античных авторов, принимавших участие в разработке мифа о Данаидах, и выделяет основные элементы, из которых сложился миф. В частности автор отмечает значение мифа в зарождении понятия о кровосмесительстве и в дальнейшем образовании моногамной семьи, а также подчеркивает наличие активных связей между Грецией и Египтом уже в VII в. до н. э.

Вестник Ленинградского университета, № 4—5, Л., 1946, 244 стр., тираж 2050 экз.

В разделе «Personalia» журнала даны сведения о вновь избранных академиках и членах-корреспондентах АН СССР, научных работниках ЛГУ. Заметка об академике И. И. Толстом принадлежит перу проф. И. М. Тронского (стр. 205), о чле-

не—корреспонденте АН СССР П. В. Е р н ш т е д т е академику В. В. Струве (стр. 212), он же пишет и о члене-корреспонденте АН СССР Н. В. П и г у л е в с к о й (стр. 218—219); о члене-корреспонденте АН СССР В. И. Р а в д о н и к а с е пишут проф. В. В. Мавродин и доц. П. И. Б о р и с к о в с к и й (стр. 219—221).

В разделе «Хроника» опубликована информация М. А. о работе Южно-Подольской археологической экспедиции ЛОИИМК в 1944 г. (стр. 236—237). Экспедиция, работавшая в районе Немирова, Винницы и Могилева-Подольского, нашла довольно много предметов поздней трипольской керамики, связывающих трипольскую культуру со скифской. Материалы, собранные экспедицией, позволяют «поставить вопрос не только о хронологическом, но и о территориальном расчленении» собственно трипольской культуры.

Я. А. Ленцман

СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В «ИЗВЕСТИЯХ АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР» 1944—1947 гг.

«Известия Академии Наук Армянской ССР», издаваемые с января 1944 г., являются прямым продолжением «Известий Армянского Филиала Академии Наук СССР». Журнал этот, имеющий две серии—серию общественных наук и серию естественных наук, состоит из 12 выпусков в год; в нем печатаются статьи по-армянски или по-русски, и к большинству из них приложены резюме на русском, армянском или же на одном из иностранных языков. В «Известиях Академии Наук Армянской ССР» (серия общественных наук) напечатан ряд статей по древней истории. Эти статьи разбирают вопросы археологии Кавказа, истории древнего Востока и образования армянского народа.

Древнейшему этапу человеческой культуры в Закавказье посвящена статья С. Н. З а м я т н и н а «Находки нижнего палеолита в Армении» (1947, вып. 1, стр. 15—25, на русск. языке). В этой статье публикуются результаты разведочных работ 1946 г. у сел. Арани, на реке Занге и у горы Богутлю (Арагац). С. Н. Замятнин издает прекрасные образцы орудий (ручных рубил) из обсидиана, относящихся к Ашельскому периоду палеолита и дает характеристику сопровождающего их археологического материала. Автор приходит к заключению, что территория Армении была населена еще в первую половину четвертичного периода, и, таким образом, опубликованные орудия «наряду с находками черноморского побережья Кавказа являются наиболее ранними следами человеческой культуры, обнаруженными на сегодня в СССР».

Археологический материал следующего этапа человеческой культуры—неолита разобран в статье М. З. П а н и ч к и н о й «Находки каменных орудий на Арагаце» (1945, вып. 5, стр. 55—60, на русск. языке). В этой работе дается подробное описание и датировка обсидиановых орудий, собранных С. Сардаряном на г. Богутлю (юго-зап. склон Арагаца).

Вопросам древнейшей истории Кавказа по археологическим данным посвящена статья чл.-корресп. АН Арм. ССР Б. Б. П и о т р о в с к о г о «Древнейшие этапы истории и культуры Армении» (1944, вып. 3—4, стр. 3—26 на арм. языке). В статье автор обрисовывает состояние археологического изучения древнейших эпох истории Закавказья, знакомит читателей с новыми материалами, открытыми раскопками последних лет, и дает общую характеристику процесса развития первобытнообщинного строя на территории Армении с энеолита и до периода начального освоения железа.

Другая группа статей, посвященных древней истории, касается вопросов истории материальной культуры, литературы и языка древневосточных государств—Хеттского царства и Урарту.

Две статьи действительного члена АН Арм. ССР Г. А. К а п а н ц я н а посвящены древнехеттской литературе. В работе «Об одном хеттском мифе в связи с журавлем и божеством весны» (1944, вып. 1—2, стр. 61—72, на русск. языке) автор под-

робно разбирает хеттский миф о божестве весны Телипину и птице Харан и приводит ряд примеров существования подобного же божества и у других народов, в частности у армян. Во второй статье—«О происхождении латинского слова *mālum* «яблоко» (1945, вып. 1—2, стр. 9, на русск. языке) Г. А. Капанцян связывает греческое слово *mālon* «яблоко» и латинское *mālum*, обозначающие «культивированное яблоко», с хеттским термином *maḥla* того же значения, встречающимся в хеттском судебнике XIV в. до н. э.

Несколько статей посвящены культуре Урарту. Две из них касаются материала, добытого раскопками на Кармир-блуре. В статье «Культурные растения урартского периода в Армянской ССР» (1944, вып. 1—2, стр. 73—78, на русск. языке) действительный член Академии Наук Арм. ССР М. Г. Туманян подробно описывает и анализирует остатки культурных растений, добытых раскопками Б. Б. Пиотровского (несколько сортов пшениц, ячменя, обыкновенного и итальянского проса, бобовых и масличных растений). М. Г. Туманян приходит к выводу, что климат на территории Армении в урартский период по сравнению с эпохой медного века (конец III—нач. II тысячелетия до н.э.) был значительно суше. Весьма интересный материал приведен в статье А. В. Сивкова «Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении» (1944, вып. 1—2, стр. 83—88, на русск. языке). На основании ряда обмеров урартских строительных памятников на Кармир-блуре автору удалось установить древнюю единицу измерения, равнявшуюся 52 см. Эта мера длины—«локоть», совпадавшая с ассирийской мерой (51,8 см), продолжала применяться армянской архитектурой раннего средневековья.

В своей статье «Арифметика в Урарту по урартским клинописям» (1945, вып. 3—4, стр. 55—72, на арм. языке) Г. Б. Петросян рассматривает числовые данные урартских текстов с точки зрения общей истории математики.

Двум божествам урартского пантеона (по культовой надписи конца IX в. до н. э. на «Двери Мгера» в Ване) посвящены две статьи Г. А. Капанцяна «Об урартском божестве *Adaruthā*» (1944, вып. 6—7, стр. 25—32, на русск. языке) и «Об урартском божестве Шебиту» (1946, вып. 11—12, стр. 9—18, на русск. языке). Г. А. Капанцян полагает, что урартская богиня Адарута принадлежит к сирийскому (семито-арамейскому) миру и связана с сабейской *Athar*, арабско-арамейской *Atar*, с первой частью сложного имени сирийской богини *Atargat (is)*, или Деркетто, а также с богиней *Aštar*. Божество Шебиту сопоставляется с именем вавилонской богини Сабиту, известной по эпосу Гильгамеша. В самом эпосе это имя выступает как придаток к основному имени богини Сидури.

В 5-м выпуске 1944 г. напечатана большая рецензия академика В. В. Струве на книгу Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту», изданную Институтом истории Академии Наук Армянской ССР. В этой рецензии подробно разбираются все основные вопросы, выдвинутые в книге Б. Б. Пиотровского.

Периоду падения Ванского царства посвящены две статьи.

В своей статье «Путь вторжения киммеров в Закавказье» (1947, вып. 1, стр. 3—4, на арм. языке) С. Д. Лисициан считает, что вопрос вторжения киммеров в Закавказье освещался в науке до сих пор неправильно. Автор утверждает, что киммеры проникли в Закавказье не через западное побережье Кавказа, т. е. по берегу Черного моря, а через восточное, по Каспийскому побережью, пройдя Дербентские ворота. С. Д. Лисициан считает также неправильным прежнюю локализацию древней страны Гуриани и относит ее к бассейну оз. Севан, в окрестностях Шахдагских гор. Однако утверждение С. Д. Лисициана как относительно пути киммеров, так и локализации страны Гуриани не могут быть признаны убедительными, так как автор совершенно игнорирует определенные данные древневосточных источников.

Большое значение для истории Древнего Востока имеет статья академика В. В. Струве «Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью» (1946, вып. 8, стр. 31—38, на русск. языке.). В. В. Струве дает новую датировку событиям, упомянутым в надписи, и отмечает ранее незамеченный факт, что против Дария в стране Армина восстало не коренное население страны,

а племена, которые лишь недавно вторглись в Армяну, а именно скифы-саки, повидимому, среднеазиатского происхождения. Этот вывод работы В. В. Струве подчеркивает то обстоятельство, что население страны Армины во времена Дария I не представляло еще единого народа.

Несколько статей «Известий» посвящено вопросу происхождения армянского народа. Б. Б. П и о т р о в с к и й в статье «К вопросу о происхождении армянского народа» (1945, вып. 6, стр. 7—38, на арм. языке) доказывает, что армянский народ образовался на Армянском нагорье и не является пришлым из Европы. Прежнее представление о миграции армян (арменов) было основано на устаревших в настоящее время положениях индоевропейской теории и не оправдывается новым материалом. Наличный материал по древнейшей истории армян показывает, что этот народ теснейшим образом связан с древним Ванским царством (Урарту). В частности, названия основных областей Армении, игравших большую роль в ее исторической жизни (Цопк, Тайк, Алзник, Андзет и др.), восходят к названиям отдельных стран, упоминаемым урартскими клинообразными надписями. В летописи урартского царя Сардура (VIII в. до н. э.) упоминается страна Арме (Армини), находившаяся около пределов Ассирии, давшая позднее название стране Армина и народу (армены). Таким образом, армены, составлявшие первоначальное ядро армянского народа, входили в состав Ванского царства. В конце VII в. до н. э. в политической жизни Передней Азии произошли крупные события. В результате войны Мидии и Вавилонии с Ассирией пало Ассирийское государство, а Урарту потеряло свое прежнее значение. Страны западной части Армянского нагорья, отделившиеся от Урарту, объединились в два союза, что отражено в политической жизни Армении на всем протяжении второй половины I тысячелетия до н. э. В югозападной части нагорья образовался союз, во главе которого стала страна Арме (Армини), поэтому персы называли его Армина, греки—Армения, но вавилоняне продолжали называть его старым термином Урашту (Урарту). В северо-западной части Армянского нагорья образовался другой союз, во главе с племенем хаев, которых упоминают и античные писатели. Хетты еще в XIV в. до н. э. называли северную часть Армении Хайаса. При слиянии этих двух союзов и образовании нового государства название племени хаев стало самоназванием нового народа, в то время как соседние государства продолжали называть его по югозападному союзу—армянами. Исторические материалы Передней Азии времени упадка и гибели государств Древнего Востока (Ассирии, Урарту, Вавилонии) показывают, что возникновение новых народов, в частности армян, следует рассматривать как процесс качественного переоформления отдельных этнических групп Передней Азии. Армянский народ, таким образом, глубокими корнями связан с Передней Азией, а не является случайным, пришлым элементом.

Большая статья Г. А. Ка п а н ц я н а «К происхождению армянского языка» (1946, вып. 7, стр. 3—30, на русск. языке) доказывает, что «армянский язык вышел из малоазийского (азиатического) языкового субстрата, с первичным бытованием где-то между хеттским, хурро-урартским и грузинским этническим миром и языками». По мнению Г. А. Капанцяна, количество точно установленных слов индоевропейского происхождения в армянском языке составляет не более десяти процентов (713 корней из общего числа 10772 слов), остальная же масса слов должна считаться местными, азиатическими по происхождению; таким образом, индоевропейский слой, армянского языка, установившийся преимущественно в связи, быть может, с киммеро-скифским, кельтским (галатским), ахейским (греческим) вторжением, есть побочный, хотя и важный, генетический вклад. Г. А. Капанцян полагает, что история армянского языка и его происхождение не могут быть изучены и обоснованы без учета исторической обстановки восточной части Малой Азии, начиная с половины II тысячелетия до н. э.; с этой стороны особое значение приобретает страна Хайаса, о которой рассказывают древнехеттские источники.

С темой происхождения армянского народа связан и ряд других статей, а именно: Г. А. Ка п а н ц я н «Ассиро-вавилонские слова в армянском языке» (1945, вып.

3—4, стр. 7—46, на арм. языке); е г о же «Армянский Ара и славянский Яр (Ярило)» 1946, вып. 10, стр. 25—31, на русск. языке) и статья А. С. Г а р и б я н а «Начальный период истории армянского народа (1946, вып. 9, стр. 3—26, на арм. языке).

Г. А. Капанцян считает армянского Ара богом весны, плодородия и воды (этому вопросу посвящена также отдельная книга Г. А. Капанцяна «Культ Ара Прекрасного», (1944, Ереван). Автор подробно останавливается на связях армянского божества Ара со славянским Яром, или Ярилом, имевшим то же значение и, быть может, заимствованным славянами из Малой Азии. Связи народов Закавказья, в частности древних армян, со скифо-славянами зародились, по мнению Г. А. Капанцяна, на заре подлинной армянской истории.

Вопросы древней истории затрагиваются также в статьях чл.-корр. Академии Наук СССР К. В. Т р е в е р «Н. Я. Марр и вопросы исторической науки» (1944, вып. 5, стр. 3—24, на русск. языке) и Б. Б. П и о т р о в с к о г о «Яфетическая теория и археология» (1945, вып. 1—2, стр. 12—33, на русск. языке).

Р. М. Джанполадян

Н. БЕРДЗЕНИШВИЛИ, И. ДЖАВАХИШВИЛИ, С. ДЖАНАШИА.
История Грузии. Часть 1. — С древнейших времен до начала XIX века. Под редакцией С. Джанашиа. Учебник для старших классов средней школы. Тбилиси, Гос. изд. Грузинской ССР, 1946, 460 стр.

Выход в свет учебника истории Грузии, написанного видными историками, имеет большое значение, выходящее за пределы школьного преподавания. Широкие читательские круги и специалисты, интересующиеся прошлыми судьбами грузинского народа, получили научно разработанную историю Грузии в систематическом изложении. Коллективный труд академиков Бердзенишвили, Джавахишвили и Джанашиа получил высокую оценку и увенчан Сталинской премией.

Не касаясь учебника в целом, мы остановимся на тех разделах, которые трактуют о древней истории Грузии. Они написаны акад. С. Н. Джанашиа. В первых трех параграфах «Введения» говорится о первобытном обществе на территории Грузии, о первобытнообщинном строе у грузинских племен и о распаде первобытнообщинного строя, возникновении общественных классов и государства. Все поставленные вопросы изложены отчетливо и конкретно, причем автором привлечены и археологический, и языковой, и этнографический материал. Акад. Джанашиа отмечает следы пребывания первобытного человека в Грузии, обнаруженные в Верхней и Нижней Имеретии, Мегрелии, Абхазии и Триалети, подчеркивая, что стоянки, открытые в районе Сухуми, принадлежат к самым древним в Советском Союзе. Характеризуя первобытнообщинный строй у грузинских племен, автор довольно подробно останавливается на его пережитках, пользуясь этнографическими данными Вольной Сванетии. Говоря о грузинской нации, акад. Джанашиа указывает, что она сложилась из нескольких родственных племен. Основные из них: карты, мегрело-чаны (лазы) и сваны. Эти племена, в свою очередь, делились на отдельные кланы, «теми». При характеристике постепенного образования грузинской нации С. Н. Джанашиа исходит из классических высказываний И. В. Сталина. Параграф четвертый «Введения» посвящен вопросу о происхождении грузинских племен и хетто-иберийской группе народов. Здесь автору приходится разбираться в очень сложных и запутанных вопросах этногенеза и древнейшей этнической географии народов Передней Азии и Европы. В противоположность столь модным в зарубежной науке миграционным теориям автор правильно указывает, что грузины могут вести свое происхождение от древнего коренного населения Передней Азии. Характеризуя этнический субстрат Передней Азии, акад. Джанашиа считает, что «в глубокой древности, пять—шесть тысяч лет тому назад, родственные между собой народы хетто-иберийской группы занимали обширную территорию в Передней Азии, а также распространившись отсюда на запад—в северной

прибрежной полосе Африки и в Южной Европе» (стр. 16). Обосновывая свое наименование этой группы народов, Джанашиа считает ее главными представителями: хеттов—в Малой Азии, иберов—в Европе, иберов-субаров—в области от Месопотамии до Кавказа. Автор указывает, что в науке еще не достигнуто полного единодушия в отношении названия этой группы народов. Говоря, что акад. Н. Я. Марр называл ее яфетической (в первом варианте, если так можно выразиться, яфетической теории), акад. Джанашиа неожиданно заявляет, что Марр «впоследствии впал в заблуждение, признав яфетическими все языки мира на определенной, древней ступени их развития» (стр. 17). Здесь, конечно, приходится говорить не о «заблуждении» акад. Марра, а о новом этапе развития нового учения об языке (яфетической теории). В работе, преследующей цели широкой популяризации, акад. Джанашиа не мог остановиться на всех спорных и часто недоуменных вопросах, связанных с хеттами, хурритами (о них он совсем не упоминает), субарами и др. в их взаимоотношениях. Автор, не пускаясь в детали, дал краткую характеристику хетто-субарской культуры и государственности. Вопрос о «гуманности» хеттских законов (стр. 22) теперь, после исследования акад. В. В. Струве, (см. ВДИ, № 4 за 1947 г.), приходится серьезно пересмотреть. Хеттское законодательство было гуманным лишь по отношению к знатым, но никак не к рабам.

Следующая за «Введением» глава I носит название «Грузия и Кавказ в период бронзы и раннего железа». В § 5 дано описание бронзового века в Грузии. Здесь автор оперирует интереснейшими данными новейших раскопок в Мцхете, Колхидской низменности и Триалети. В Триалети (раскопки 1936—1939 гг. проф. Б. А. Куфтина) было обнаружено много могильников разных эпох. Весьма любопытными здесь являются курганные погребения последних веков II тысячелетия до н. э. В огромных могилах были погребены знатные люди, возможно—князья и члены их семей. Вместе с покойниками в могилы были положены драгоценные золотые, серебряные и бронзовые предметы—посуда, оружие, украшения, а также расписная керамика. Металлические изделия и керамика наглядно свидетельствуют о высоком уровне художественного ремесла у насельников древней Грузии того времени. К началу I тысячелетия на территории Грузии определились две большие области бронзовой культуры—восточная и западная. Западная область охватывала Западную Грузию, нагорную часть Северного Кавказа западнее р. Терека, бассейн р. Чорохи и значительную часть южного побережья Черного моря. Впоследствии эта территория известна под названием Колхиды. Древняя культура Колхиды представлена в раскопках богатым и примечательным инвентарем. Здесь найдены и сельскохозяйственные орудия (мотыги, топоры, серпы, ремесленные инструменты и т. п.) и много оружия (кинжалы, наконечники копий и стрел, булавы и боевые топоры). Восточная культурная область включала Восточную Грузию с прилегающей частью Азербайджана, на юге захватывая район озера Севан и часть долины р. Аракса. Акад. Джанашиа пишет: «Нынешняя Картли являлась, повидимому, и тогда центральным районом, где обменивались своим опытом и продуктами труда жители Западной и Восточной Грузии. Здесь находят памятники как восточногрузинской, так и западногрузинской культуры» (стр. 25). В Восточной Грузии археологические раскопки также дали интереснейшие материалы. Найдены сельскохозяйственные орудия и орудия домашнего промысла: молотильная доска, различного вида топоры, ножи, прясла, иглы, шилья и т. п. Из оружия особенно следует отметить характерные мечи с усеченным острием, плоские наконечники стрел, секиры с полукруглым лезвием, длинные наконечники копий. Памятники материальной культуры свидетельствуют о высоком уровне развития тогдашней Грузии. Население в основном занималось земледелием (пшеница, ячмень, просо). Обитатели страны занимались также виноградарством и животноводством (овцы, коровы, свиньи, лошади). Ремесла, как уже отмечалось, стояли на высоком уровне. Древнейшими памятниками водчества на территории Грузии являются мегалитические (циклопические) сооружения, представляемые крепостями, городищами, долменами и менгирами. В эпоху бронзы насельники Грузии вели обмен с отдаленными странами на Средиземном море, с Малой Азией, Месопотамией и даже с Египтом. В этот период на равнине имела место

социальная дифференциация; были богатые и бедные, князья и рабы. Особенно же усилилось различие между богатством и бедностью, между знатью и простым народом после появления железа. Закрывающий первую главу § 6 посвящен хетто-субарским государствам в первой половине I тысячелетия до н. э. Автор здесь останавливается на росте военного могущества ассирийской державы и ее борьбе с хетто-субарскими народами, раздробившимися на много мелких княжеств. Автор кратко упоминает из ряда хетто-субарских народов, боровшихся с ассирийской агрессией, мусков (позднейших месхов) и тубалов, не устанавливая, однако, взаимоотношений между ними. Акад. Джанашиа указывает, что субарские племена ввели в употребление железо еще в середине II тысячелетия, но распространение железные орудия и оружие получили лишь в первые века I тысячелетия. Этот хозяйственный и технический прогресс способствовал созданию хетто-субарскими народами в IX—VIII вв. до н. э. могущественного государства—Урарту. На последующих страницах автор кратко характеризует культуру Урарту, представляющую огромный интерес, особенно в свете новых выдающихся археологических открытий на территории СССР. Говоря о населении Урарту, автор считает одним из основных племен Урарту халдов. Акад. Джанашиа настаивает на самом термине «халд», хотя это наименование урартов встречает возражения со стороны ряда исследователей¹. Слишком категорично звучит утверждение автора: «Этническая принадлежность халдов бесспорна; они составляли часть грузинской народности» (стр. 38). В кратком экскурсе в учебнике акад. Джанашиа не смог, очевидно, развернуть всей документации в защиту своих положений, и спорные вопросы требуют еще дальнейшей исследовательской работы.

Центральной частью разделов, посвященных древней истории Грузии, является глава II «Рабовладельческие государства Грузии античного периода». В ряде параграфов (§§ 7—21) акад. Джанашиа с большим мастерством рисует основные моменты истории Грузии с VII в. до н. э. до III в. н. э. Автор останавливается на событиях в соседних с Грузией странах после разгрома ассирийской державы—на временном возвышении Мидии, персидском завоевании и образовании Ахеменидского царства, Ионийской колонизации, на скифах и сарматах, греческих колониях на Черноморском побережье. Далее автор переходит к древнегреческим сообщениям о Грузии (стр. 42—50). Здесь, наряду с описательными сообщениями греческих авторов VI—IV вв. до н. э., широко использованы сказания и предания о Грузии (сказания о Прометее и об аргонавтах). У греческих авторов мы находим ряд преданий о происхождении кавказских народов и об образовании их государств. Особой популярностью пользовались легенды о вожде аргонавтов Язоне, которого сасперы-иберы считали своим родоначальником. Анализируя значение греческих сообщений и преданий, акад. Джанашиа указывает, что они помогают осветить богатый и разнообразный археологический материал, добытый на территории Грузии. На основании перекрестных свидетельских показаний письменных источников и памятников материальной культуры можно получить полное представление об уровне развития страны в VI—V вв. до н. э. Так, мы имеем сведения об естественных богатствах (золото, серебро, медь, железо и другие металлы) и развитии металлургии, о развитии земледелия, о способах обработки и т. п. К VI в. до н. э. автор относит образование царства Иберии и Колхиды. Акад. Джанашиа приводит известное описание Геродота, который повествует о четырех народах, обитавших от моря (Черного) и до моря (Персидского залива)—колхах, сасперах, мидийцах и персах. Но здесь говорится о племенах и народах, а не о государствах. Надо сказать, что вопрос об образовании государств на территории Грузии недостаточно освещен в источниках и точные датировки не могут быть документально обоснованы. Сасперы занимали обширную область от Кавказского хребта до Тавра и от Колхиды до гор, граничивших с Северным Ираном. Автор замечает, что о культурном уровне тогдашнего населения Картли можно судить по заме-

¹ Б. Б. Piotrovskiy, История и культура Урарту, Е., 1944, стр. 325—334.

чательным предметам Ахал-Горийского клада. В Западной Грузии (Колхида) возникло, по мнению автора, государство колхов, о котором античные авторы упоминают с VI в. до н. э. Колхидское царство занимало также обширную территорию, начиная от современной Абхазии далеко на юг по Черноморскому побережью. Ряд прославленных в древности городов принадлежал Колхиде. Колхи находились в оживленных торговых сношениях с греческими колониями. Археологическая документация Западной Грузии представлена богатым инвентарем погребений (золотые, серебряные и бронзовые украшения—пояса, ожерелья, кольца, серьги, фибулы, поясные бляхи и т. п.). Колхидские погребения определенно делятся на богатые и бедные, что лишний раз свидетельствует об имущественном и общественном неравенстве.

Завоевательная экспансия Ахеменидской державы захлестнула и Кавказ; персы установили свое господство в грузинских областях, расположенных южнее нынешнего Закавказья, а затем проникли и в Закавказье. Разгром Персидской монархии Александром Македонским, образование эллинистических монархий, распространение эллинизма отразились в Грузии и в культурном и политическом отношениях. Начиная с эллинистической эпохи, греки Восточную Грузию называют Иберией, а народ— иберами. Столицей Иберии стал город Мцхета. Акад. Джанашиа приводит любопытное древнегрузинское предание, по которому Мцхета стала престольным городом при царевиче Азо, сыне царя ариан-картвелов (арианских грузин), прибывшего в Закавказье из южных областей. Акад. Джанашиа полагал, что Ариано-Картли—это страна Харри (южные районы Субарти) и что Азо соответствует легендарному Язону. Мцхета оставалась столицей Восточной Грузии до VI в. н. э. Говоря о Мцхете, автор упоминает о замечательных археологических раскопках, которые с 1937 г. с огромным успехом ведутся на территории самой столицы и ее пригородов. Руководителем раскопок являлся сам акад. Джанашиа. Уже в начале I тысячелетия Мцхета представляла значительный населенный пункт. Много погребений тех времен обнаружено на пригородном участке—в Самтавро. В эллинистическую эпоху Мцхета представляет уже город с многочисленным населением. Наряду с могильником в Самтавро были обнаружены богатейшие погребения в другом пригороде Мцхета, у Армазис-хеви. Здесь найдены любопытнейшие гробницы высших сановников (питиахшей или эриставов) грузинских царей и членов их семей. Что касается до Колхидского царства, то к концу II в. до н. э. оно стало клониться к упадку, разбившись на ряд мелких владений—«скептухий». В период мощного расцвета Понтийского царства при Митридатe Эвпаторе¹ Колхида входит в состав его владений. Акад. Джанашиа подробно останавливается на завоевательных войнах Рима на Востоке и на роли Грузии в этих войнах.

Большой интерес представляют §§ 15 и 16, в которых говорится о хозяйственном состоянии и общественном строе Грузии в начале I в. до н. э. Здесь даны обстоятельные описания путей и средств сообщения, сельского хозяйства, торговли (особо отмечается великий транзитный путь, по которому товары из Индии шли в западные страны), городской жизни и культуры. Характеризуя общественный строй Грузии к началу I в. до н. э., автор отмечает наличие первобытнообщинного строя у горцев и отличный от них общественный строй на равнине, где сложилось классовое рабовладельческое государство. Известия Страбона и другие источники свидетельствуют, что в Картли народ делился на четыре сословно-кастовые группы: 1) царь и его родичи, 2) жрецы—служители храмов, владевшие обширными землями и большими сокровищами, 3) свободные люди (эри), 4) простолюдины, обслуживавшее царский дом (гелхи). В Картли I в. до н. э. было много рабов, причем крупнейшими рабовладельцами были цари и жрецы, являвшиеся истинными хозяевами и властителями страны. Что касается государственного строя, то Картли было сильным, хорошо организованным государством, возглавляемым верховным владыкой—царем, который титуловался «царь Грузии, царь великий». Царя окружало много сановников и должностных

¹ В учебнике он почему-то именуется «Митридат IV» вместо «Митридата VI».

лиц. Таким же рабовладельческим государством была и древняя Колхида¹. Как уже отмечено было выше, акад. Джанашиа видное место уделяет римско-грузинским отношениям. Он описывает различие в поведении римлян по отношению к Картли и к Колхиде. В Колхиде римляне после похода Помпея поставили своего правителя, в Картли же сохранилась национальная династия, и римляне обязали Картлийского царя «дружбой». Эта дружба выражалась главным образом, в военном союзе (симмахии), обуславливавшем военную помощь со стороны Грузии. Акад. Джанашиа очень хорошо показывает значение перевальных дорог, игравших роль и в торговых сношениях и в деле защиты от воинственных набегов севернокавказских скотоводческих племен. Для охраны этих перевальных дорог и требовалась «дружба» с грузинскими царями, в руках которых находился Дариал, укрепленный неприступной стеной. В I и II вв. н. э. мы видим значительное политическое и территориальное усиление Картлийского (Иберийского) царства, сумевшего искусно использовать дружбу с Римом, особенно в условиях обострившейся борьбы Римской империи с Парфянским царством. В 39 г. картлийский царь Фарсман, союзник Рима, нанес большое поражение парфянам, вторгшимся в Армению. Во II в. Картлийское царство стало еще более могущественным. Иначе складывалось положение дел в Колхиде. Здесь население находилось под суровым гнетом римского господства. Однако свободолюбивый народ не хотел мириться с завоевателями и с оружием в руках выступил в защиту своих поправных прав. Одним из выступлений такого рода акад. Джанашиа считает восстание в Понте, руководимое Аникетом. К концу I в. на территории Колхиды образовался ряд мелких княжеств. Акад. Джанашиа пишет: «Захирение Колхидского царства явилось следствием распада рабовладельческого уклада в стране. Конец его существованию положили Понт и Рим. Новая государственность складывалась здесь в дальнейшем уже на новой основе» (стр. 83). Здесь не совсем ясно, почему распад рабовладельческого уклада в Колхиде отнесен к столь раннему времени и когда, по мнению автора, начала конкретно складываться новая государственность на новой основе. Заканчивает вторую главу небольшой § 21, трактующий о возникновении державы Сасанидов и о борьбе Рима с персами.

Глава III, озаглавленная «Раннефеодальные отношения в Грузии», частично выходит за пределы древней истории, касаясь событий раннего средневековья. Вопрос о происхождении феодальных отношений и их ранней форме является весьма сложным. Точно так же и хронологические датировки требуют ясности. Акад. Джанашиа устанавливает, что «новое общественное устройство приняло более определенные формы в Картли к началу IV века» (стр. 90), тем самым относя его начало к более раннему периоду. Точные датировки, однако, не даны.

В параграфе 23 рассказывается об утверждении христианства в Картли в качестве государственной религии. Акад. Джанашиа подчеркивает, наряду с другими причинами принятия христианства, усиленную борьбу грузинских царей с жрецами. Храмы к этому времени обросли огромными земельными угодьями и накопленными богатствами. На это храмово-жреческое имущество и претендовали картлийские

¹ Вопрос об общественно-экономическом строе Грузинского государства вызывает разногласия в советской исторической литературе. В недавно вышедшем 2-м издании (1947 г.) учебнике для юридических институтов «История государства и права СССР», ч. I, проф. С. В. Юшков высказывается против существования рабовладельческого строя в Грузии, считая, что до установления феодализма Грузия была дофеодальным государством (стр. 40). Но понятие дофеодального государства у С. В. Юшкова слишком широко и расплывчато. Более убедительны доводы историков, признающих наличие рабовладельческого государства в Грузии. Любопытно, что сам проф. Юшков в 1-м издании своего учебника (1940 г.) говорит о развитии рабовладельческого общества в Грузии (проф. С. В. Юшков, «История государства и права СССР, Часть I, М., 1940, стр. 18—19). В новом издании учебника для вузов «История СССР», т. I (1947 г.) нет определенной и отчетливой характеристики общественного строя древней Грузии (стр. 28—29).

пари. Последующие два параграфа трактуют о вопросах грузинской культуры. Очень интересные данные приведены о развитии грузинской письменности. Ярким и богатым содержанием насыщен § 25, где подробно рассказывается о древнегрузинских языческих верованиях и сказаниях. Здесь автор, между прочим, видное внимание уделяет известному сказанию о легендарном герое Амиране, отмечая сходство этого сказания с мифом о Прометее. Нам представляется, что с точки зрения расположения учебного материала сказание об Амиране, относящееся к древним временам, лучше было бы поместить вместе со сказанием о Прометее. В последующих параграфах III главы автор прослеживает исторические судьбы Картли и Колхиды за период IV—VI вв. н. э. Подробно рассказывается о тяжелых моментах истории Картлийского царства, попавшего между двух огней—Римом и Сасанидской Персией, ведшими между собой ожесточенную борьбу. Картли приходилось быть ареной военных действий и подвергнуться натиску воинствующего иранизма. В V в. Картлийское царство стало данником Персии, впервые испытав горечь зависимости от иноземной державы. По-другому складывалось положение дел в Западной Грузии, где в VI в. царству Лазике (возникшему в Колхиде в IV в.) удалось, в конечном счете, отстоять свою независимость от иранских захватчиков и от двусмысленных поползновений Восточно-римской империи.

Глава IV—«Победа феодализма в Грузии» относится уже к истории средневековой Грузии.

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что главы учебника, посвященные древней истории Грузии, стоят на высоком уровне. В доступном изложении обобщен огромный материал, причем приняты во внимание все новейшие достижения грузинской исторической науки. Акад. Джанашиа сам непосредственно принимал активнейшее участие в изучении прошлого своей родины, как историк и археолог. Его знание первоисточников и большая эрудиция чувствуются на каждом шагу. Ему пришлось затрагивать ряд спорных и окончательно еще не решенных наукой вопросов, и он высказал свое мнение, с которым надо считаться. В большую заслугу автору нужно поставить его четкое определение рабовладельческого общества античной Грузии. Менее выяснен вопрос о генезисе феодализма и процессе феодализации (особенно в Колхиде).

Достоинством учебника надо считать и то, что древняя история Грузии дана в тесной связи с историей других народов Передней Азии и включается в единый исторический процесс. Все же было бы желательно в учебнике, предназначенном для средней школы, более четко выделить историю собственно Грузии, которую учащийся не всегда сумеет отделить от истории окружавших ее народов.

Автор везде большое внимание уделяет производственным процессам, социально-экономическим отношениям. Удачно и интересно интерпретированы им археологические материалы, особенно результаты замечательных раскопок на территории Грузинской ССР за последние годы. Прекрасно подобраны многочисленные иллюстрации, украшающие и поясняющие текст.

Проф. И. Н. Бороздин

Я. А. МАНАНДЯН, Критический обзор истории армянского народа, т. I, Ереван, Армгиз, 1945 (на армянском языке).

Академик Я. А. Манандян является одним из видных ученых старшего поколения арменоведов. Своими ценными трудами он известен в широких кругах исторической науки. Его перу принадлежат капитальные труды: «Феодализм в древней Армении» (на армянском языке), «Грекофильская школа и этапы ее развития» (на армянском языке), «Города Армении в связи с мировой торговлей древних времен» (на русском языке), «Тигран II и Рим» (на армянском и русском языках) и десятки других. Одним из объемистых трудов заслуженного ученого является рецензируемая нами книга «Критический обзор истории армянского народа», опубликованная в последние годы.

В этой книге академик Манандян ставил себе целью составить научный курс истории армянского народа с древнейших времен до XVI в. в трех томах. Первый опубликованный том трехтомника — «История армянского народа» с древнейших времен до утверждения династии Арташидов в Армении (66 г. н.э.). Второй том должен охватить исторические события до падения Багратидской династии (XII в.), третий том — со времени падения Багратидов до утверждения Сефевидов в Иране (XVI в.).

Рецензируемый том «Истории армянского народа», как видно из предисловия, представляет собой значительно расширенный и переработанный на основе новых исследований курс лекций, прочитанный в Ереванском государственном университете им В. М. Молотова в 1920—1930 гг. Цель труда, по представлению автора, — «послужить пособием для специалистов, преподавателей и студентов, но этот труд может оказаться полезным также для широких кругов образованных и осведомленных читателей, которые захотят познакомиться с историей армянского народа путем самостоятельного чтения» (стр. 6).

Настоящий труд академика Манандяна не является первым по истории древнего периода армянского народа. По древней истории армянского народа имеется ряд трудов: «История Армении» М. Чамчяна (изд. в Венеции в 1784 г. на древнеармянском языке), «Критическая история Армении» Гарашяна (изд. в Тбилиси в 1395 г. на арм. языке), «Очерк истории Армении» Г. Халатинца (изд. в Москве в 1910 г. на русском языке), «История Армении» Лео (I том, изд. в Тбилиси в 1917 г. на армянском языке) и др. Однако ни в одной из этих работ первоисточники и арменоведческие исследования не использованы так широко и научно, как в работе акад. Манандяна. Пользуясь в совершенстве древнеармянскими, древнегреческими и латинскими источниками, он старался поставить историю армянского народа на действительно научную основу.

Академик Манандян начинает настоящий курс по истории армянского народа с этногенеза армянского народа, т. е. с VII—VI вв. до н. э. Он не отрицает существования родового общества в Армении, но не останавливается на этом вопросе, так как не считает себя в нем компетентным: «Вполне, конечно, ясно, — пишет он, — что для выяснения дальнего прошлого Армянского нагорья важной и необходимой задачей является исследование материальной культуры не только исторического, но и доисторического периода. Но это очередная задача, которую должны разрешить археологи» (стр. 6). Академик Манандян с тем же основанием не остановился также на истории Урарту. Этот пробел частично восполняет труд проф. Б. Б. Piotrowsкого «История и культура Урарту», однако родовое общество в Армении, особенно палеолит и неолит, у нас очень плохо разработано. Этим должны заняться наши археологи.

Одним из основных вопросов, поставленных акад. Манандяном в первом томе «Истории армянского народа», является вопрос этногенеза армянского народа; этому вопросу посвящены три первые главы его труда: «Переселение арменов и древняя их история», «Пути переселения арменов и древнейшие их колонии» и «Армены как союзники мидийцев». Несмотря на то, что автор приводит множество цитат для разрешения сложного и запутанного вопроса истории армянского народа, однако по нашему мнению, ему не удалось разрешить этого вопроса, так как сам он примыкает к индоевропейской лингвистической школе.

В вопросе о том, кто являлся предком армян, акад. Манандян противоречит сам себе. В одном месте он пишет: «Предками нынешних армян являлись не только индоевропейские армены, но и халды и другие местные древнейшие племена Урарту» (стр. 3). А в другом месте утверждает: «В связи с научными исследованиями XIX века и большими открытиями уже бесспорно выяснено, что предками нынешних армян являлись индоевропейские армены, которые из Малой Азии переселились в Армению» (стр. 7). Вообще в вопросе этногенеза армянского народа акад. Манандян делает упор на теорию миграции.

Эта концепция акад. Манандяна не является новой,—она соответствует устаревшей концепции индоевропейской лингвистической школы и имела хождение до оформления новой теории акад. Н. Я. Марра по вопросу этногенеза. Акад. Марр опровергает существование некоего индоевропейского народа в Средней Азии, который вышел оттуда и распался на мелкие народы. Советской исторической наукой теперь уже выяснено, что все народы, в том числе и армянский, зарю своей истории начали с родоплеменных союзов. И когда мы говорим об индоевропейцах, мы разумеем не группу народов, связанных между собой кровным родством, а стадию развития языка. Народы в прошлом жили не обособленно; они находились в известных взаимосвязях, поэтому неудивительно сходство отдельных терминов и бытовых черт у разных народов.

Армянский народ, как один из древнейших народов Востока, образовался из родоплеменных соединений. В нем ассимилировались субарейцы, митанийцы, часть хеттов и киммерийцев, урартийцы и десятки других племен. Можно уверенно сказать, что сведения греческих историков—Геродота, Страбона и др.—о переселении Армениоса Фессалийца в Армению и образовании армянского народа—такая же легенда, как местная армянская легенда о Гайке, сыне Торгома, приводимая Мовсесом Хоренаци (Моисей Хоренский, V в.) и Себеосом (VII в.). Акад. Я. Манандян прошел мимо одного достоверного факта, опровергающего его концепцию; на трехязычной Бисутунской надписи (в Иране, недалеко от Керманшаха) «Армены» в персидской надписи обозначены в форме «Армен», на вавилонской же сходной надписи этот термин заменен термином «Урасту» (что соответствует «Урарту»). Из всего этого видно, что в VI в. до н. э. (519—518 гг. до н. э.) армены назывались урартами.

Армянский народ является исконным, автохтонным народом своей страны¹. Он родственен кавказским народностям. Совершенно прав Н. Я. Марр, когда в своем письме, посланном ученому арменисту Тер-Мкртчяну, подчеркивает: «Армянские и грузинские языки одно время являлись родственными языками... давнишнее родство армян и грузин—большой вопрос, которым я намерен заняться отдельно»².

С вопросом образования армянского народа тесно связан вопрос истории древних обитателей Армении. Акад. Манандян пишет, что он не остановился на этом вопросе, так как им должны заниматься археологи и халдоведы (стр. 6). Эта оговорка непонятна, так как из дальнейшего изложения видно, что причина, по которой он обошел этот вопрос, совершенно иная. По утверждению Я. Манандяна, «История армянского народа начинается с VII—VI в. до н. э.», но если Армения является «новой родиной» пришедших арменов, то не следовало останавливаться на древних обитателях Армении. С концепцией акад. Манандяна нельзя согласиться, так как специальными исследованиями уже доказано, что история армянского народа органически связана с историей древнейших обитателей Армении, что эти обитатели образовали армянский народ и созданная ими культура являлась зачатком местной армянской культуры.

В последующих главах своего труда акад. Я. Манандян подробно остановился на истории армянского народа в период мидийцев, Ахеменидов и Селевкидов. Здесь он особо подчеркнул факты освободительных движений армянского народа на заре его истории. Он привел надпись Бисутунской скалы, в которой сообщается о пяти походах персидского царя Дария в Армению для завоевания страны. Армянский народ героически сражался против врагов-захватчиков и не раз громил армии Дария. «Армены были воинственным народом, стремились к свободе и независимости и, пользуясь благоприятными условиями, систематически восставали и старались сбросить ярмо

¹ См. работы: Б. Б. П и о т р о в с к о г о. О происхождении армянского народа, Ереван, 1936; Г. К а п а н ц я н, К вопросу об армянах и образовании армянского языка, «Советакан граканутюн», 1941, № 1.

² «Сборник трудов кабинета Марра Ереванского Гос. универс.», I, Ереван. 1945, стр. 53.

чужеземного господства»,—пишет автор (стр. 44). Для иллюстрации свободолюбия армянского народа характерным фактом может послужить приведенный Манандяном из «Киропедии» Ксенофонта полулегендарный диалог между мидийским военачальником Киром и армянским царем. Кир спрашивает у армянского царя, почему он строит крепости и не выполняет своего вассального обязательства перед мидийским царем—не платит дани. Царь арменов смело отвечает: «Так как я стремлюсь к свободе, мне кажется, что будет хорошо, если я буду свободным и детям моим оставлю свободу» (стр. 48). Свободолюбие армянского народа красной нитью проходит через всю книгу акад. Я. Манандяна.

Большое место в этом труде уделено периоду Арташидов. Акад. Манандян постарался обобщить здесь свои исследования, опубликованные в разные времена. В этой части истории особенно ценны те характеристики, которые он дает тем или иным историческим личностям. Так, например, об Арташесе I (189—160 гг. до н. э.), который до сих пор оставался в тени, акад. Манандян с помощью исторических фактов доказывает, что «Арташес I, который собрал,¹ объединил и² культурно благоустроил великую Армению, является³ крупной исторической личностью...» (стр. 130).⁴

В⁵ противовес тенденциозным сведениям римско-греческих источников и толкованиям европейских ученых, акад. Манандян считает армянского царя Тиграна Великого (95—55 гг. до н. э.) преобразователем, а его царствование—периодом политической мощи армянского государства. Автор характеризует Тиграна Великого следующим образом: «Период царствования Тиграна Великого является исключительным периодом политической мощи и культурного и экономического развития» (стр. 175).

В противоположность отрицательной характеристике, данной Артавазду II (55—33 гг. до н. э.) отдельными историками, акад. Манандян, анализируя первоисточники, показывает, что Артавазд II вел самостоятельную политическую линию. «Артавазд II не хотел быть бессловесным исполнителем воли своих соседей и старался вести самостоятельную и независимую политику, учитывая интересы своей страны и своего народа» (стр. 280).

Почти все видные исторические лица получили исчерпывающую характеристику у Я. Манандяна.

Надо иметь в виду, что академик Манандян в равной мере беспощаден как к шовинистическим историкам, приукрашивающим, преувеличивающим исторические факты, так и к тем, которые недооценивают роль и значение отдельных исторических личностей.

В противовес некоторым европейским ученым (Моммзен и др.), старавшимся тенденциозно подчеркнуть передовую роль римской экспансии на Востоке, якобы являющейся там проводником западноевропейской культуры, акад. Манандян на основе конкретных фактов доказывает, что политика Рима на Востоке была регрессивной и гибельной. «Вступление Рима на Восток,—пишет Я. Манандян,—является началом тех разрушений и несчастий, которые по своим последствиям были грозными и гибельными для дальнейшего экономического и культурного развития эллинистического Востока» (стр. 138). В плачевном состоянии находился Восток особенно в период Римской республики в I в. до н. э.: «Первый век господства Римской республики (до нашей эры) являлся плачевным периодом для восточных стран. экономическим и культурным регрессом, перенесением с Востока на Запад бесчисленного богатства и многочисленных рабов и вообще периодом ограбления и разорения местных эллинистических государств и городов» (стр. 38).

Говоря об Арташидском периоде, акад. Я. Манандян в своей работе совершенно правильно уделяет большое место сведениям отца армянской истории Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского). Критически разобрав народные сказания и легенды, приведенные Хоренацем, автор использует их как исторический источник. Однако желательно было бы, чтобы акад. Манандян на основе новых данных, опубликованных недавно, пересмотрел свою точку зрения о жизни и деятельности Мовсеса Хоренаци, который, по этим данным, является писателем V в. Сейчас является бесспорным то, что «Армянская география», которая приписывалась Мовсесу Хоренаци, принадле-

жит армянскому ученому VII в. Анании Паракаци¹, поэтому факты, приведенные отдельными источниковедами против установленной даты жизни Хоренаци, оглашают. Что касается отдельных анахронизмов в «Истории Армении» Хоренаци, то их можно объяснить интерполяцией. Нам удалось в Матендаране обнаружить фрагмент «Истории армянского народа», его оглавление, из которого можно заключить, что кое-какие главы, в принадлежности которых к Истории Хоренаци сомневались некоторые источниковеды, не имелись в первоначальном списке.

Акад. Я. Манандян проделал большую работу по изучению общественно-экономического положения древней Армении. Он старался на основе дошедших до нас скудных и отрывочных сведений древнесармянских, древнегреческих и латинских источников определить общественный строй в Армении. По мнению автора, период Тиграна Великого, когда Армении достигла апогея своего политического могущества, являлся переходным периодом, которому были свойственны лишь «присущие феодальной организации зачатки и отдельные основы» (стр. 162).

Эта концепция Я. А. Манандяна, развитая им и в других его трудах, нам кажется необоснованной. Мы не можем здесь заниматься разбором тех фактов, на которых Я. Манандян основал свою концепцию (об этом мы намерены написать отдельную статью), скажем лишь, что дошедшие до нас скудные сведения об общественно-экономической формации дают больше оснований считать древний период Армении рабовладельческим, чем переходным или феодальным. Тигран Великий являлся типичным восточным деспотом, города Армении являлись типичными эллинистическими городами, приведенные Тиграном и его последователями сотни тысяч пленных не являлись торговцами и ремесленниками, как обычно смотрят в традиционной армяноведческой литературе, а были рабами, поэтому надо основательно пересмотреть вопрос об общественно-экономической формации в древней Армении.

С вопросом формации в древней Армении связан и вопрос периодизации, который, надо сказать, не совсем ясно поставлен в «Критическом обзоре истории армянского народа» акад. Манандяна. Так, например, ак. Манандяном не сказано, из чего он исходил при разграничении отдельных томов, которое, по нашему мнению, ничем не обосновано.

Первый том курса истории акад. Манандяна кончается воцарением Арташидов в Армении (66 г. н. э.).

В конце своей книги автор приводит список использованных им источников и литературы, очень ценный не только для читателя истории армянского народа, но и для научных работников. Следует пожалеть, что ряд сочинений в этом списке указан в устарелых изданиях. Так, например, «История» Себеоса указана в изд. 1879 г., в то время как в 1939 г. в издании Арм. филиала Академии наук СССР вышел новый научный текст Себеоса, составленный С. Малхасяном, История Кориана указана в изд. 1894 г., в то время как в 1941 г. проф. М. Абегианом составлен и опубликован новый научный текст Кориана, и т. д. Возможно, что акад. Манандян написал свой труд до переиздания этих источников, но он все же должен был пересмотреть его накануне набора своей книги.

Указанные недостатки, однако, не умаляют ценности «Критического обзора истории армянского народа» акад. Я. Манандяна. Он дает очень много ценного по изучению истории армянского народа и является большим вкладом в арменоведение. Желательно как можно скорее увидеть издание второго и третьего томов «Критического обзора истории армянского народа».

Проф. А. Абрамян

¹ «Армянская география VII в., приписывавшаяся М. Хоренаци», М., 1877 («Предисловие Патканова, стр. XVII—XXIV»), Малхасянц, К вопросу загадки Хоренаци, Ереван, 1940, стр. 24.

ПРОФ. И. М. ТРОНСКИЙ. *История античной литературы.* Ленинград, Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1946, 496 стр. Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для филологических факультетов и педагогических институтов. Тираж 15 000 экз., ц. 21 р.

Книга И. М. Тронского обнимает и греческую и римскую литературу. Это составляет удобство для студентов, обычно слушающих античную литературу в целом (я не говорю о специальных «классических» отделениях).

Материал книги значительно выходит из рамок утвержденной программы по античной литературе, тем более в настоящее время, когда в педагогических институтах количество часов на эту дисциплину урезано до 36. Такое расширение материала вполне нормально. Вузовский учебник должен дать студентам дополнительные сведения по тем разделам, которые в лекционном курсе излагаются лишь кратко или вовсе не затрагиваются.

Книга проф. Тронского построена по четкому плану. Это хорошо отвечает ее целям как учебника. Изложение начинается с «Введения» (стр. 1—14), в котором выясняется историческое место античной греко-римской литературы в мировой литературе, ее влияние на западноевропейскую и русскую литературу, дается понятие об античном обществе и определяются источники для изучения греческой и римской литературы. Исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, автор разъясняет специфику экономической основы греческого полиса и анализирует причины его распада, повлекшие и распад всей «полисной идеологии»; при этом он правильно замечает (стр. 11), что «античное художественное творчество никогда не порывало со своими народными, фольклорными истоками». Действительно, даже сюжеты «бытовых комедий», как подмечает в дальнейшем автор, напоминают мотивы волшебной сказки (см. стр. 202 и сл.).

Обзор истории греческой литературы начинается с «Архаического периода». Здесь анализ греческого фольклора и археологического материала о крито-микенской эпохе хорошо подводит к «Древнейшим литературным памятникам» и прежде всего к Гомеровскому эпосу. Довольно подробно излагается история «Гомеровского вопроса» и четко формулируется современное его состояние (стр. 44—51). В этой же главе рассматривается Гесиод и приписанные ему поэмы. Следующая глава посвящена «Развитию греческой литературы в период становления классового общества и государства». После предварительной характеристики греческого общества и культуры VII—VI вв. речь идет о послегомеровском эпосе, и далее следует раздел лирики (стр. 73—93). Глава завершается материалом о зарождении литературной прозы.

Большой раздел II назван «Аттический период греческой литературы». Этот раздел охватывает V—IV вв. до н. э. и включает в себе: 1) обзор развития афинской демократии и распада полисной системы; 2) две основные части: развитие драмы (краткая заметка, посвящена также «средней комедии») и прозу этого периода, включающую «Поэтику» Аристотеля. Об организации греческого театра проф. Тронский считает более целесообразным говорить до анализа творчества главных драматургов (стр. 111—115).

Раздел III—«Эллинистический и римский периоды греческой литературы». Этот раздел и в отношении поэзии и в отношении прозы охватывает гораздо более обширный литературный материал, чем полагающийся по программе.

Вполне правильно автор греческую «бытовую комедию» относит к началу эллинистического периода, потому что она «в соответствии с типичным для эллинистического общества интересом к частному быту, разрабатывает темы любви и семейных отношений» (стр. 201). Менандр—«прямой наследник драмы V в. И вместе с тем Менандр уже типичный эллинистический поэт» (стр. 203).

В этом разделе дается характеристика философских учений этого периода. Много внимания уделяется прозе этой эпохи; особенно ценно, что глубоко анализируется

греческий «роман» как образец поздней чисто художественной прозы, причем устанавливается его связь с христианской ареталогией (стр. 263).

Литература Рима открывается вводной главой, где хорошо показывается историческое значение римской литературы и дается ее периодизация. Изложение самой литературы распадается на два больших раздела:

I. Литература эпохи республики (до 30-х гг. до н. э.): а) долитературный период (до середины III в.); б) первый век римской литературы (до середины II в.; время роста рабовладельческой республики); в) литература последнего века республики (период гражданских войн с конца II в. до 30-х гг. до н. э.).

II. Эпоха империи (30-е годы до н. э.—476 г. н. э.): а) литература времени перехода от республики к империи («век Августа», до 14 г. н. э.); б) литература императорского Рима; 1) I в. н. э. (серебряный век); 2) позднейшая римская литература (II—V вв.)

И в римской части материал, особенно в позднем периоде, выходит за рамки программы. В конце книги приложены полезные указатели: 1) авторов и заглавий анонимных произведений; 2) образов мифа и литературных персонажей; 3) специальных терминов. Наконец, перечисляются переводы и важнейшие пособия.

Бросая общий взгляд на эту солидную книгу, можно отметить ряд ее бесспорных положительных сторон.

Первая трудность при составлении одним автором общей истории всякой литературы заключается в том, что автор не может интересоваться всеми писателями и разделами литературы в одинаковой степени; поэтому в таких книгах часто не все разделы бывают выполнены с одинаковой научной самостоятельностью. Книга проф. Тронского, как видно, написана на основании самостоятельного анализа источников и дает часто новое освещение давно известным произведениям и писателям. Эта работа, очевидно, — результат многолетней лекционной практики, выражавшейся еще до войны во многих статьях автора по античной литературе в «Литературной энциклопедии».

Вторая трудность, касающаяся специально античной литературы, состоит в том, что, вследствие фрагментарности или утраты большинства литературных произведений древней Греции и Рима, трудно дать развернутую систематическую историю литературы. В рецензируемой книге по возможности изложена все же *история* греческой и римской литературы, а не дана сумма характеристик отдельных писателей, как это получается в некоторых пособиях. При этом материал освещается не только с узкофилологических, но и с литературоведческих позиций, с учетом всего комплекса смежных идеологических надстроек — философии, искусства, права.

В идейно-теоретическом отношении учебник проф. Тронского несравненно выше других учебников по греческой и римской литературе и особенно выше истории греческой литературы в академическом издании. Эта книга — шаг вперед в марксистском изучении истории античной литературы. Все явления литературы даются по возможности в их развитии, взаимной связи и взаимной обусловленности; везде, иногда очень точно, анализируется своеобразие творчества писателя (ср., например, анализ чувств любви у Катутла, Горация и Тибулла). Удачны общие характеристики эпох, предпосланные большим разделам. Все развитие литературы правильно рассматривается в связи с образованием, расцветом и разложением «полисной системы» и ее идеологии не только в Греции, но и в Риме, где тот же процесс естественно усложнялся новыми особенностями и где творческая переработка греческого литературного наследия стояла в зависимости прежде всего от сходства в стадиях общественного развития, которые пережили Греция и Рим.

Освещение литературного процесса в известной мере заострено против буржуазных концепций. Автор не один раз полемизирует с буржуазным пониманием реализма (об этом мы подробнее будем говорить позже); он видит причину отставания римской литературы от темпов социального и политического развития римской общины «не в какой-либо «неспособности» римлян к художественному творчеству (как иногда утверждают буржуазные ученые), а в специфических условиях ранней римской истории» (стр. 277). В двух других случаях идет полемика тоже в сущности против буржуазных точек зрения, не учитывающих социальных причин:

возрождения литературной прозы (стр. 94) и признающих античную трагедию вообще как «трагедию рока», между тем как проблема рока разрабатывается в греческой трагедии сравнительно редко (стр. 132).

Помимо этих разногласий, спорных вопросов автор почти не касается. Сравнительно углубленно разработан лишь «Гомеровский вопрос», который нельзя обойти ни в каком пособии по греческой литературе. История этого вопроса поучительна методически: она знакомит с филологической критикой, касающейся возникновения, подлинности и композиции всякого литературного памятника.

Из других спорных вопросов вкратце освещен не вполне ясный до сих пор вопрос о том, где в греческом театре в V в. играли актеры (стр. 114).

В книге учтены папирусные находки (см. стр. 64, 74, 83, 200, 210, 211). Но самые последние открытия в папирусах (например, новые теперь нам известные фрагменты Алкея, Гиппонакта, Софрона, найденные в Оксиринхских папирусах)¹ могли быть еще не известны автору при написании этой книги.

Для иллюстрации теоретических положений в учебнике излагается содержание наиболее типичных произведений античных авторов. Следует по этому поводу заметить, что в некоторых пособиях по разным отделам всеобщей литературы изложение содержания произведений—одно из слабых мест: часто это изложение отличается сухостью, примитивностью, как бы либреттным характером, заставляющим забывать, что перед нами художественное произведение. В разбираемой книге содержание излагается очень живо и большей частью соединяется с серьезным анализом произведения.

Язык учебника в общем отличается ясностью и вместе с тем научностью.

Однако при этих весьма положительных качествах, на современном этапе изучения античной литературы мы должны предъявить к учебнику еще более высокие требования.

Предварительно несколько замечаний о периодизации античной литературы. Мы отмечали четкость плана в учебнике. Но непонятно, почему в конц. «Введения» к римской литературе дается общая схема ее периодизации (стр. 276), а предварительной схемы периодизации греческой литературы не приводится. Затем, если в основном можно признать правильной периодизацию римской литературы, то нельзя согласиться с чересчур уж точной хронологической фиксацией разных периодов; например, архаический период идет точно до 81 г. до н. э., «серебряный век»—до 117 г. н. э. и т. д. Что касается названий отдельных периодов, то, конечно, было бы лучше вместо формальных хронологических рамок (напр. «Литература последнего века республики» и т. д.) дать названия, отражающие особенность литературы данного периода. Едва ли век Августа до 14 г. весь можно назвать «временем перехода от республики к империи»; новая власть Августа после 31 г. знаменует уже начало империи; яснее было бы сказать: «Литература конца республики и начала империи».

Но самые существенные замечания приходится сделать с идейно-теоретической стороны.

Выступая на первом всесоюзном совещании работников высшей школы, В. М. Молотов указал, что вузовский учебник «должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи». В настоящее время эти задачи делаются особенно актуальными в свете исторических решений нашей партии по идеологическому фронту, а также в связи с результатами недавней философской дискуссии по поводу книги г. Г. Ф. Александрова. Вот этим-то задачам не в полной мере отвечает настоящий учебник. Студенты часто спрашивают: чем же ценны для нас античная художественная литература и античное искусство вообще? Было бы неверно утверждать, что указанный вопрос вовсе не освещается в учебнике, но автор с самого начала не концентрирует на этом внимания читателя, не показывает значения античного искусства

¹ См. о них в рецензии проф. С. Я. Л у р ь е, ВДЦ, 1947, № 1, стр. 107, а также статью акад. Н. Н. Т о л с т о г о о миме Софрона в юбилейном сборнике Ленинградского университета.

для нас—в чем его ограниченность, а в чем это искусство через толщу веков, при всем глубоком различии общественных отношений, вызывает интерес и в наши дни.

В связи с вопросом нашей оценки античной художественной литературы всегда необходимо суммировать, что было прогрессивного в искусстве данной эпохи и в творчестве античного писателя,—конечно, учитывая историческую обстановку этого творчества. Прогрессивные моменты не всегда достаточно ясно выделяются автором и не всегда на этом концентрируется внимание читателя. Интересно изложены мысли о прогрессивном значении эпохи V в. до н. э. (стр. 103). Очень хорошо суммированы те стороны эллинизма, «которые представляют собой прогресс по отношению к прошлому» (стр. 198). Отмечены моменты наследия античной мысли, получившие выражение в поэме Лукреция. Но, например, в анализе «Теогонии» (стр. 63) не подчеркивается, что это первая своего рода историческая поэма, проникнутая идеей прогресса, показывающая развитие из Хаоса. В итоге анализа «Поэтики» Аристотеля (стр. 190) необходимо было назвать те актуальные для нас моменты, которые развиты у Аристотеля: материалистическое определение искусства, различные художественные методы, проблемы реализма в искусстве, проблема формы и содержания и т. д.

В связи с тем, что автор мало останавливается на моментах античной литературы, вызывающих интерес в нашей современности, он заканчивает рассмотрение влияния античной литературы на западную XVIII век, а в русской останавливается только на Белинском (стр. 7). Последнего он связывает с западными «неогуманистами», между тем как у Белинского была своя концепция искусства. Но следовало еще указать на отношение Пушкина к античности, на созвучие его музы с античным эстетическим идеалом¹, остановиться на Ломоносове, Радищеве, Герцене, Добролюбова, Чернышевском, на образах античной литературы у Валерия Брюсова, Фета, Вересаева и др., наконец, на отношении Горького к античности и т. д.

Говоря о взглядах на античность Белинского, проф. Тронский правильно указывает на порочность модернизации античности (стр. 7 и сл.). Но этот вопрос следовало больше заострить; об этом надо было бы сказать несколько подробнее; указать на корни такой модернизации в буржуазном антимарксистском отождествлении античного общества с буржуазным, капиталистическим, предостеречь от модернизации в литературоведческом плане и, конечно, дать чрезвычайно важную цитату из «Философских тетрадей» В. И. Ленина полностью: «Превосходно за строгую историчность в истории философии, чтобы не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»².

Говоря о мифологии (стр. 22—25), почему было не указать на употребление мифологических образов В. И. Лениным³ и не напомнить миф об Антее, приведенный в известном выступлении И. В. Сталина.

Далее, как мы указывали, литературный процесс в книге ставится в связь со всем комплексом смежных идеологических надстроек, в том числе и с изобразительным искусством. Однако это не проводится последовательно. Если творчество Софокла ставится в связь с художественным идеалом демократических Афин (стр. 134 и сл.), то образы трагедий Эврипида следовало бы сблизить со скульптурами Скопаса, отобразившего на лицах душевное состояние человека и этим предвещавшего эллинистическое изобразительное искусство, характеристика которого, кстати сказать, в главе первой раздела III не дается автором.

Остановимся еще на вопросе об античном художественном реализме. Проф. Тронский, в отличие от буржуазных и некоторых советских историков античной литературы,

¹ См., например, мою статью «Пушкин и античность» в «Уч. Зап. Моск. гос. пед. института им. В. И. Ленина», вып. IV, М., 1938.

² «Философские тетради», изд. ЦК ВКП(б), 1938, стр. 258.

³ См., например, работу А. Це й т л и н а, «Литературные цитаты Ленина» ОГИЗ—ГИХЛ, 1934, стр. 20—26.

правильно видит в художественном реализме не просто «накопление характерных деталей быта и человеческого поведения», поэтому он не признает прямолинейного движения греческой литературы к реализму, якобы нашедшему свое наиболее яркое выражение в эллинистической литературе (стр. 199). Он полемизирует с буржуазными литературоведами, определяющими «новую» комедию как «реалистическую драму» (стр. 202). Или, говоря о Героде, которого критика объявила «античным реалистом», автор основательно замечает, что марксистское литературоведение не может, конечно, признать «реалистом писателя, который совершенно неспособен проникнуть в сущность изображаемой им действительности и для которого натуралистическая деталь является самоцелью» (стр. 227). Автор совершенно правильно называет уже Эсхила «творческим гением огромной реалистической силы, раскрывающим с помощью мифологических образов историческое содержание того великого переворота, современником которого он являлся» (стр. 115). Однако поставив проблему реализма, в частности реализма и мифологии, автор в дальнейшей истории греческой трагедии ясно ее не раскрывает, например, не определяет четко отношение к Эсхилловскому реализму реализма Софокла и Эврипида. Вопрос о реализме в античной литературе, и особенно в греческой трагедии с ее мифологией, очевидно требует дальнейшего специального исследования. Далее, полемизируя в некоторых случаях с буржуазными литературоведами, И. М. Тронский совершенно не критикует буржуазных истолкований образа Прометея.

В обширном материале разбираемой книги имеются некоторые неясности и в социальных характеристиках отдельных писателей. Приведем лишь некоторые случаи: на стр. 183 не вскрыты хотя бы вкратце аристократические корни философии Платона; на стр. 253 слишком неконкретно определение классовой позиции Лукиана: «Лукиан—один из идеологов этого класса», т. е. господствующего класса рабовладельцев. Не раскрыта противоречивая идеология Лукиана как мелкого собственника. Остановимся внимательно на Плавте. На стр. 304 автор хорошо указывает на «струю жизнерадостной энергии и оптимизма Плавта, на которую Менандр уже не был способен», но какова социальная база этого оптимизма, какие социальные сдвиги отражены в комедии Плавта, какова ее социальная направленность—все эти вопросы не достаточно освещены в разбираемой книге; только ли театр Плавта «имел установку на смешное, на карикатуру, буффонаду, фарс»? Ведь «умный раб» не случайно иногда издевается над своим господином, в некоторых комедиях явно видна морализующая тенденция; некоторые образы в современной Плавту римской обстановке приобретали злободневное значение, например образ «хвастливого воина» и др.

Еще один пример. На стр. 321 указано, что «для нарастающего в последние десятилетия республики общественного безразличия характерно распространение эпикуреизма, который получил блестящее выражение в философской поэме Лукреция». Однако поэма Лукреция отразила и прогрессивные моменты в стремлении объяснить мироздание, в превознесении разума человека, в особом заострении антирелигиозных тенденций.

Таким образом, идейно-теоретическая сторона книги требует дальнейшего совершенствования и углубления.

Перехожу к отдельным замечаниям, которые напрашиваются при чтении учебника.

В изложении Гомеровского вопроса недостаточно разъяснена «песенная теория» Лахмана (стр. 43); нет указаний на применение Лахманом сравнительного метода. В таком обширном учебнике можно было бы критически упомянуть и о теориях «неоунитаристов» и уже обязательно нужно было указать на труды нашего русского представителя «унитарной теории» проф. Ф. Ф. Соколова. Параллели «увещаний» гесиодовского жанра (стр. 60) можно найти в диссертации проф. Н. П. Гуля «Дидактическая афористика древнего Египта» (Л., 1941).

На стр. 78, 83 и 85 не указано на использование произведений Архилоха, Алкея и Сапфо у Горация и басен Эзопа у Федра. Лишь две строки посвящены замечанию о позднем театре эпохи эллинизма (стр. 115). В связи с этим не дается и план эллинистического и римского театра, хотя и имеется раздел «О театральном деле в Риме»

(стр. 313—315). На стр. 201 говорится: «Для комедии IV в. были характерны две линии: пародийно-мифологическая и бытовая; эта последняя возобладали к началу эллинистического периода. С другой стороны, путь к бытовой драме был намечен и в трагедии Эврипида. Из слияния этих двух линий и создавалась «новая» комедия». Но и в комедии Аристофана уже слагались бытовые элементы и создавались образы, предварявшие образы «новой» комедии (слуга, раб, хвастливый воин). Таким образом, прежде всего комедия Аристофана служила одним из истоков «новой» бытовой комедии. На стр. 218 не мешало бы указать на гипотезы происхождения патрициев и плебеев, и в дальнейшем едва ли удобно называть плебеев «плебсом». Это слово обозначает вообще «народ» в отличие от высших классов. На стр. 303 своеобразие Плавта определяется «сочетанием «новой» комедии с народным шутовским театром». Но сложная комедия Плавта впитала в себя и приемы комизма Аристофана, которому в целом ряде случаев Плавт несомненно подражал.

Недостаточно обрисована художественная сторона речей Циперона (стр. 336). *Carmen saeculare* Горация («Гимн столетия») неточно названо «Юбилейный гимн» (стр. 398). Императора Тиберия едва ли можно назвать «наследником престола» Августа (стр. 419). На стр. 453, как и раньше на стр. 37, имя греческого легендарного баснописца дается в форме Эзоп, но если в других случаях интервокальное S передается через «с» (Фесей, Волусий, Мусей и др.), то последовательнее было бы писать Эсоп. Наконец, гораздо больше внимания следовало бы уделить языку античных писателей.

Язык учебника, как мы указывали, отличается в общем ясностью и научностью. Отмечу лишь некоторые замеченные мною шероховатости. Стр. 402 (во времена Августа): «любовная склонность—становится маскировкой для оппозиции против официальной идеологии». Стр. 406: «Тибулл—мастер переходов, которые иногда получают видимость чисто ассоциативного грёзового скольжения...». Стр. 456: «Лукан ставил себе целью заместить Энеиду». Стр. 479: «Аполлоний узнает дочь в грубо оттолкнутой им было певиче...»

Вероятно, объем книги не позволил дать иллюстративный материал из области изобразительного искусства,—впрочем, он имеется в хрестоматиях. Но и стихотворные иллюстрации, вероятно, по той же причине, довольно скудны, между тем они значительно оживили бы изложение. Например, хорошо было бы привести стихотворную переписку Алкея и Сапфо, и процитировать на стр. 290 выпады Невия против римских государственных деятелей в защиту свободы; в книге приведен лишь как пример «Сатурнова стиха» только ответный стих Метеллов: «*Malum dabunt Metelli Naevio poetæ*» (стр. 284).

Что касается качества цитируемых стихотворных переводов, то совершенно неприемлем (стр. 396) перевод «Памятника» Горация с необычными ударениями:

*Гордость заслуженно
Утверди и мою голову дельфийским
Благосклонно венчай лавром, Мельпомена.*

Приводится очень туманный исполненный «размером подлинника» перевод первой пифийской оды Пиндара, принадлежащий Вячеславу Иванову (стр. 92). Уж лучше было бы дать помещенный в хрестоматии по античной литературе (т. I, Учпедгиз) гораздо более понятный перевод М. Е. Грабарь-Пассек, исполненный ритмической прозой, которая до некоторой степени передает сложную ритмическую структуру стиха Пиндара.

В заключение хотелось бы сделать замечание по поводу термина «классическая филология», о котором автор делает на стр. 14 в примечании следующую оговорку: «Термин «классическая филология» употребляется иногда и в более широком смысле, означая «науку о древности», т. е. комплекс научных дисциплин, предметом которых является культура античного общества во всех ее проявлениях». Конечно, классическая филология изучает всю культуру античного общества, но, в отличие от истории, она изучает ее путем интерпретации словесного материала. В этом отношении

разбираемый учебник проф. И. М. Тронского, основанный на изучении источников, несомненно, обогатил прежде всего классическую филологию, а своими обобщениями внес существенный вклад и в историю всеобщей литературы.

Все сделанные замечания, все указанные недостатки и пожелания могут быть учтены автором при следующем издании этого учебника,—а этого переиздания он вполне заслуживает. Недочеты же лишь выдвигают необходимость дальнейшего углубленного изучения античных писателей с марксистско-ленинских позиций.

Но и в настоящем виде мы рекомендуем и будем рекомендовать этот учебник и нашим студентам, и аспирантам, и всякому интересующемуся историей литературы советскому читателю.

Проф. Н. Ф. Дератани

А. В. МИШУЛИН, Спартак. Научно-популярный очерк. Москва: Учпедгиз, 1947, 140 стр. + 2 карты.

В серии «Школьная историческая библиотека» вышла книга проф. А. В. Мишулина «Спартак». Это начинание Учпедгиза заслуживает всемерного поощрения, так как школьная молодежь нашей страны в течение последних лет была совершенно лишена подобной литературы, потребность и необходимость в которой, несомненно, очень велика.

Рецензируемая книга представляет очерк по истории революционного движения рабов в Риме под руководством Спартака. Однако содержание книги значительно шире того, на что мог рассчитывать читатель, исходя из ее названия. Фактически книга освещает всю историю революционного движения рабов в древнем Риме, а не только революцию под руководством Спартака.

Исторические события излагаются не догматически, а путем научного анализа источников, ход которого показан здесь же, на страницах самой работы. Этот метод осуществляется разными путями. Автор широко использовал скудные свидетельства древних авторов (Диодор, Дионисий Галикарнасский, Ливий, Аристотель, Катон, Цицерон, Сенека, Светоний, Тацит, Плутарх, Аппиан и многие другие) относительно положения рабов и их выступлений в римском рабовладельческом обществе. Все изложение построено на строго отобранном историческом материале.

Автор никогда не скрывает своего источника, легшего в основу принимаемой им версии. Напротив, он приводит цитаты (стр. 25, 32, 93 и др.), часто сопоставляя данные своего источника с другими, менее достоверными, и показывает, почему он принимает ту или другую версию. Такой прием автора можно проследить на примере анализа обстоятельств гибели Спартака (стр. 91—100). А. В. Мишулин сначала указывает, что по этому поводу имеются самые разноречивые версии, приводит их так, как они изложены у древних авторов (Орозия, Евтропия, Плутарха, Аппиана), затем сопоставляет их между собой и показывает более достоверную, после этого привлекает дополнительный документ археологического происхождения,—найденный в 1927 г. фрагмент стеной живописи в Помпеях, интерпретирует его и только после этого уже приходит к определению обстоятельств гибели вождя рабов.

Нам кажется, что принятый автором способ изложения имеет серьезное воспитательное значение и заслуживает большого внимания. Именно таким путем школьник подготавливается к правильному восприятию и критическому осмысливанию исторических фактов и процессов, не говоря уже о том, что ему показываются источники наших знаний в области древней истории. Читатель убеждается в правдивости излагаемых автором исторических событий, но вместе с тем видит, что в истории народов далеко не все ясно и предстоит еще положить много труда для более полного ее изучения.

Книга начинается с общей характеристики рабовладельческого Рима, где показано, что могущество Римской державы покоилось на захвате чужих земель, богатств и множества рабов, которые стали основой развития рабовладельческой

экономики и богатства римской знати. В главе, предшествующей непосредственному описанию восстаний рабов, подробно рассказывается о видах и масштабах рабства в древнем Риме, способах жесточайшей эксплуатации рабов, об источниках рабства. Здесь же показываются первые формы борьбы рабов с рабовладельцами. Эта глава подготавливает читателя к пониманию постепенного нарастания революционного движения в рабовладельческом Риме, которое привело к грандиозной революции рабов. Дается описание движений рабов до выступления Спартака: первое и второе восстания рабов в Сицилии, выступление Аристоника, восстание рабов в Боспорском царстве (стр. 30—55). Таким образом, в изложении автора, революция рабов под руководством Спартака была подготовлена всем предшествующим ходом развития революционного движения в Риме.

В отличие от изданной ранее автором работы о Спартаке¹ в этой книге подробно разработан вопрос о происхождении Спартака (стр. 56—60).

Автор высказывает предположение, что «знаменитый фракияец Спартак, выступивший в качестве вождя всеиталийского восстания рабов, происходил, повидимому, из племени спартов, существование и мощь которого отражены в греческой мифологии. Соотношение в названиях «спарты» и «Спартак» такое же, как «римляне» и «Ромул» или «галлы» и «Галл». В имени Спартак отражена народная традиция о сказочном народе спарты, обитавшем в древности на родине Спартака» (стр. 58).

Автором тщательно разработан весь ход великого восстания Спартака и выразительно показаны причины его поражения. Основной из них являются постоянные разногласия среди восставших, объясняющиеся разнородным составом последних и, как следствие, различными целями, которые они ставили перед собой.

На основании данных Плутарха, Аппиана, Светония и Циперона А. В. Мишулин показывает, что разгром восстания не означал еще окончательного подавления его и что дело великого освободительного движения рабов продолжалось еще долгое время после гибели его вождя (стр. 100—115). Книга заканчивается историографической главой «Спартак в литературе веков», где дается исчерпывающий обзор литературы вопроса и показывается: 1) облик Спартака у греко-римских писателей, 2) Спартак в исторической литературе и 3) Спартак в художественной литературе (стр. 116—138).

Таким образом, в книге А. В. Мишулина исчерпывающе освещается история героической борьбы Спартака с Римом в общей связи со всем ходом развития римского рабовладельческого общества. Книга хорошо издана и богато иллюстрирована.

Следует отметить все же отдельные недочеты, особенно досадные в такой полезной книге. Автор не избежал некоторых повторений в изложении и излишне, как нам кажется, перегрузил книгу ссылками на имена древних авторов и современных исследователей. На стр. 101 говорится, что «Италия вынуждена была на борьбу с рабами вызвать с далекой чужбины, т. е. из Испании, Помпея, где тот, как известно, вел длительную борьбу с Серторием». Этот факт был уже ранее отмечен автором на стр. 89. Дважды повторена цитата из Плутарха, приводимая автором при анализе последнего боя восставших с Крассом (стр. 93—94). Можно было бы не упоминать имен Марквардта и Гиббона (стр. 16) для определения количества римского населения, Плавта—на стр. 28, Фемистия—на стр. 65, Посидония и Афинея—на стр. 53.

В книге имеются не совсем удачные выражения и грубые опечатки. На стр. 84 (третий абзац) непонятно употребление слова «громадного»; на стр. 85 неудачно выражение о том, что описанию войны Рима со Спартаком «древний историк Саллюстий посвятил даже две книги». Слово «книга» читатель вполне может воспринять в современном его значении. Грубая опечатка на стр. 43 извращает мысль автора о том, что «за Аристоника поднялось и большинство городов, которым была неизвестна власть римлян: Левки, Колофон, Миндос и др.» (должно быть — «ненавистна власть римлян»). Города Левки и Триокала, пожалуй, преувеличенно названы «неприступными» (стр. 44, 51). Моммзен неоднократно называется просто «немецким исто-

¹ А. В. Мишулин, Спартакосское восстание, Соцэкгиз, 1936.

риком», без какой-либо его характеристики. Это может создать извращенное представление об этом авторе у школьников.

При изложении первого сицилийского восстания рабов не указана продолжительность его, дается только одна дата начала восстания—137 г. до н. э. (стр. 30). Поэтому непонятно выражение автора на стр. 45: «назревало знаменитое второе восстание рабов в Сицилии, продолжавшееся также (подчеркнуто мной.—О. Ю.) около пяти лет». Описание же этого восстания следует за восстанием Аристоника, продолжавшемся, по мнению автора, только три года.

Тиберий Гракх характеризуется только как вождь италийских крестьян, что может создать не совсем правильное представление о нем (стр. 37—38).

Указанные недочеты являются частными и ни в какой мере не снижают общих достоинств книги.

Советская молодежь получила ценную книгу, имеющую большое воспитательное значение. Можно быть уверенным, что героическая самоотверженность Спартака его беззаветное служение революционному делу, настойчивость в достижении поставленной цели сделают образ Спартака, созданный автором, любимым у нашей молодежи.

О. Н. Юлкина

РАСКОПКИ В АРИКАМЕДУ

Impiger extremos curris mercator ad Indos
Horat., Ep., I, 1.45

В 1937 и в следующих годах Жуво-Дубрей собрал в районе в двух милях к югу от Пондишери на Коромандельском побережье Индии в местности, именуемой Арикамеду, коллекцию бус и гемм, найденных на поверхности детьми из окрестных деревень. Так как на одной гемме была изображена голова Августа, Жуво-Дубрей высказал предположение, что на этом месте было когда-то римское поселение (BEFEO, XL, (1941), 450, который остался для меня недоступным).

Раскопки в небольших масштабах, предпринятые в 1941 и в следующих годах Фоше и Сурло, не носили научного характера. Тем не менее удалось обнаружить керамику средиземноморского происхождения и драгоценный камень греко-римской работы с изображением Купидона и орла. В апреле—июне 1945 г. производили здесь интенсивные раскопки индийские археологи во главе с главным директором археологической службы Индии Уилером. Результаты раскопок изложены в отчете, который занимает почти весь июльский номер журнала «Древняя Индия» за 1946 г.¹

Работа хорошо иллюстрирована (41 таблица и 49 рисунков), снабжена картами (по секторам) и ценными приложениями (римские монеты до IV века н. э., найденные в Индии и на острове Цейлоне; дорогие камни, шедшие на экспорт в Рим).

Отчет состоит из 6 глав: местность и ее история (стр. 18—21), хронология (стр. 22—23), постройки (стр. 24—34), керамика (стр. 34—94), другие мелкие находки (стр. 95—115) и приложения (стр. 116—124).

К недостаткам отчета можно было бы отнести отсутствие данных об общей площади раскопок, объеме земляных работ, слабый архитектурный анализ. Но то, что дано в отчете, вполне позволяет уже сейчас признать большое значение открытия индийских археологов не только для античной истории Индии, но также для экономической истории древнего мира в целом.

В результате раскопок в северном секторе были обнаружены остатки продолговатой кирпичной постройки длиной в 45,75 м, с боковой комнатой с восточной стороны («товарный склад»), колодец из глиняных труб, а в южном—две мощёные площадки

¹ «Arikamedu: an Indo-Roman trading station on the east coast of India» by R. E. M. Wheeler, A. Ghosh and Krishna Deva, «Ancient India», 2, 1946, July, стр. 17—124.

(«резервуары» А и Б), которые трижды перестраивались, с остатками прилегающих построек, наружных стен и внутренней стены, а также кирпичные дренажные каналы. Постройки примыкают плотно к берегу лагуны, который в южном секторе возвышается над уровнем воды в нынешнем состоянии на 3,1 м. Плохая сохранность стен—результат хищения кирпичей жителями окрестных деревень. Кирпичи (длина 35,0—35,7 см; ширина 20,0—21,25 см; толщина 6,25—9,25 см.) в основном одного сорта, за исключением древнейшего слоя в южном секторе (32,5—33,75 × 22,5 × 6,75 см). Кроме того, найдена керамика, как импортная, так и местная, украшения и немногочисленные предметы из металла, камня и дерева. Импортная керамика состоит из арретинской *terra sigillata* (40 экз.) и амфор (116 экз.). Очень интересны изготовленные местными мастерами подражания арретинской (2 чашечки и 5 обломков амфор) и чернолаковой посуде, ввозной из Средиземноморья. Большинство керамических изделий, найденных в Арикамеде, местного происхождения (148 типов). Только небольшой процент местной керамики имеет орнамент. Всего 2 или 3 типа показывают какое-то сходство с керамикой Северной Индии (Ахичхатра). Кроме того, найдено больше 200 бус из различного материала (золото, фаянс, стекло, кость, терракота) и много дорогих камней (кварциты, содержащие агат и аметист), приготовленных, повидимому, для производства бус. Найдены также другие предметы: римская лампа и чаши из стекла; терракотовые фигурки людей, зверей и игрушки; железное лезвие, кольцо, гвозди и погремушка; каменные долота и куски дерева (игрушечная лодочка и рычаг). Многие черепки (20) покрыты письменами, которые ближе к древнедравидийским, чем к браманским (например, надписи Ашоки), на языке, сходном с древнетамильским, правда, с примесью праkrita.

Поскольку в Арикамеде не найдено римских монет (что очень странно), исходным моментом для датировки служит арретинская керамика. На трёх черепках сохранились клейма VIBII (№ 3) CAMVRI (№ 24) и IITA. Клеймо Вибиа и Гая Амурия встречается, между прочим, также на предметах, найденных в Ольвии¹. Так как только со времен Августа можно говорить о постоянных торговых связях Рима с Индией (S t r a b., II, V, 12; Monum. Ancyr., 34; S u e t., Aug., 24 и E u t r o p., VII, 10), а расцвет арретинской керамики имел место до 50 г. н. э., то Уилер возникновение римской торговой стоянки в Арикамеде относит к концу I в. до н. э. или к началу I в. н. э. Постройки, обнаруженные здесь, возникли, по его мнению, после 50 г. н. э. и существовали, повидимому, до начала III в.

Возможно, что Арикамеде—это древняя Подуке (P t o l., VII, 1, p. 14), которая лежала в 60 милях севернее Хабера (совр. Транквебар) и в 20 милях южнее Сопатмы (совр. Марканам). Само название Подуке представляет собой, повидимому, греческое искажение тамильского Пуду-ччери («Новый город»), как и французское Пондишери².

Трудно сказать, какой характер имело это поселение (только ли торговая стоянка?), какие были отношения римлян стусемцами и т. д. Несомненно, что здесь существовали какие-то отрасли производства, например бус и, вероятно, муслина. Дело в том, что каменные резервуары, похожие на те, которые нашли в Арикамеде, по сегодняшний день имеют применение в текстильном производстве Индии (Мадрасская провинция).

Раскопки Арикамеде, безусловно, привлекают к себе внимание изучающих историю экономики Римской империи как наглядная иллюстрация торговых сношений Рима с далекой Индией.

Б. И. Надаль

¹ T. N. Knipowitsch, Die Keramik römischer Zeit aus Olbia, Frankfurt a/M., 1929, 9, № 3, Abb. 2 и стр. 12 (Materialien zur römisch-germanischen Keramik, 4).

² M. P. Charlesworth (Trade—routes and commerce of the Roman empire, Cambr., 1926, стр. 293) высказал мнение, что Подуке—это совр. Паликат; E. H. Warmington (The commerce between the Roman empire and India, Cambr., 1928 г., стр. 62) допускает, что Подуке—это или совр. Пондишери или совр. Паликат.

TORGNY SÄVE—SÖDERBERGH, Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur altägyptischen Aussenpolitik, Lund, Hakan Ohlssons Boktryckeri, 1944, VIII + 276 стр.

История Нубии стала сравнительно недавно предметом научных изысканий, и при этом в большинстве случаев односторонних. Причиной этого является ограниченность буржуазной науки, проявляющаяся обычно в игнорировании истории целых стран и народов, в делении народов на «исторические» и «неисторические». Ни в «Кембриджской древней истории», ни в трудах Хэлла, Морэ и ряде других сводных изданий последнего времени нет ни одной главы, ни одного раздела, посвященных Нубии. О ней обычно упоминается только в связи с внешней политикой Египта или в связи с завоеваниями эфиопской династии, хотя и указывается тесная близость между культурой и населением архаического южного Египта с примыкающими к нему с юга областями. Терминологию и взгляды британской колониальной империи Хэлл переносит на глубокую древность, предполагая, что в конце Древнего царства территория туземных нубийских племен рассматривалась как «сфера влияния» политики фараонов¹.

Полностью, как правило, опускается внутренняя история Нубии, так же как и проблемы закономерности ее исторического развития. В интерпретации буржуазных ученых история Нубии представляется цепью более или менее случайных событий, функцией от истории Египта, от которого она, по их мнению, находилась в полной культурной и политической зависимости.

В последние десятилетия в египтологических журналах и в периодических изданиях всевозможных научных учреждений появились многочисленные статьи и публикации, относящиеся к археологии, хронологии, исторической географии и этнографии Нубии². Накопление огромного и разнообразного материала, прежде всего археологического, требует более тщательной и углубленной его разработки и систематизации.

Эту задачу пытается разрешить шведский египтолог Торгни Севе-Седерберг, но и его занимают лишь те проблемы истории Нубии, которые имеют отношение к истории ее северного соседа. «Настоящая работа имеет своей целью проследить экспансию и колониальную политику древнего Египта на юге. Таким образом, она не претендует на то, чтобы быть историей культуры Нубии. Чисто нубийский материал и связанные с ним проблемы приняты во внимание постольку, поскольку это имеет значение для суждения о взаимоотношениях между египтянами и их южными соседями»,—так формулирует в предисловии (стр. III) Севе-Седерберг свои интересы. «Высокоразвитый» Египет он противопоставляет отсталой и политически незначительной Нубии, совершенно не пытаясь объяснить причины расцвета первого и оскудение второй, ограничившись замечанием, что благодаря подобному стечению обстоятельств египтяне могли легко и удобно эксплуатировать южные земли (стр. 1—2). Собранный в книге огромный материал по существу является не чем иным, как хорошо систематизированной сводкой данных, характеризующей деятельность египтян за 1-м порогом: военную, административную, экономическую, культурную и т. д.

Севе-Седерберг располагает материал в хронологическом порядке, начиная изложение с тинитской эпохи и кончая XX династией, хотя, как известно, сношения Египта с Нубией не прерывались и позже. Находки в погребениях так называемой культуры А египетской керамики и каменных сосудов, а в захоронениях эпохи Менеса—предметов из эбенового дерева и слоновой кости позволяют отнести возникновение торговых сношений между обеими странами к очень отдаленному времени. Автор пытается опре-

¹ Н. R. Hall, The Ancient History of Near East, 8 Edition, London, 1932, стр. 95—96.

² Библиографию см. R. L. Hill, A Bibliography of Anglo-Egyptian Sudan from earliest times to 1937, London, 1937; H. W. B e c k e t t, A Summary of the Literature relating to the history of Nubia, «The Archaeological Survey of Nubia». Report for 1907/08, Cairo, 1910, II, стр. 343—370.

делить границу между ними и проследить пути, по которым проходили караваны. Период Древнего царства характеризуется торговыми экспедициями и грабительскими набегами египтян на Элефантину. Золото еще не служило тогда для них приманкой, золотые рудники стали разрабатываться позже. Ослабление Египта в конце правления VI династии и вторжение в Нубию племен—носителей культуры С временно сокращает, если не прекращает совершенно, связи между Нубией и Египтом. Новый период активизации политики фараонов на юге начался с воцарением XI династии и достиг апогея при правителях XII династии, которые закрепили завоеванные земли и от неупорядоченного грабежа во время набегов перешли к организованной эксплуатации местного населения. При них же впервые и началась добыча золота в районе Вади-Алаки, где преимущественно работали туземцы. За добычу отвечали племенные вожди. Походы Сенусерта III были вызваны необходимостью отразить вторгнувшиеся из Судана племена, скорее всего, кочевников. Этот фараон проник южнее 2-го порога. «Колонизация» египтян на юг не приняла широких размеров. Они жили в крепостях или в непосредственной близости последних. Это были военные, чиновники, возможно, их семья. С местным населением общего у них было мало. Культура С продолжала существовать рядом с египетской, мало подвергаясь ее влиянию.

События второго междоусобия не отразились на северной Нубии. Мирный период здесь продолжался, возможно, до нашествия гиксосов. Восстание на юге, которое пришлось подавлять Камосу, доказывает, что туземцы освободились от иноземного господства. Этот период характеризуется усилением южных влияний, так называемой культуры Кермы, усилением и обогащением местной знати, стремившейся во всем подражать египетским фараонам. Некоторые туземные племена проникают в Верхний Египет, где свидетельствам их пребывания служат так называемые «кастрюлеобразные» погребения (pangraves). Этническая принадлежность владельцев указанных погребений пока не поддается точному определению.

Новое усиление Египта при первых фараонах XVIII династии дало им возможность вновь овладеть северной Нубией. Огромное значение имел с точки зрения экономической и стратегической захват района Кермы, вероятно, при Тутмосе I. Попытки восстаний жестоко пресекались. Страна была поделена на пять областей, и в управлении ими, помимо чиновников, принимали участие местные вожди. Южнее всех проник Тутмос III, установивший свою государственную границу в районе Гебел-Баркала. Почти непреодолимый 4-й порог образовал естественный рубеж, далее которого власть Фив никогда не распространялась. Напата была первоначально не только пограничной крепостью, но и крупным торговым центром, игравшим значительную роль в обмене с Суданом. После Тутмоса III походы в Нубию имели целью не столько подавлять восставших нубийцев, сколько отражать набеги кочевых племен. Во внешней политике Египта первенствующее положение занимают его устремления в северные страны. В конце XVIII династии влияние египтян в Нубии слабеет. Возможно, поездка Хоремхеба была последней внушительной демонстрацией. Пышные надписи и рельефы правителей последующих династий, изображающие их мнимые успехи на юге, скорее всего носят символический характер и не передают реальных исторических событий. Длинные списки покоренных племен и стран—всего лишь копии подобного рода документов предшествующих царей. Северная Нубия в эпоху Нового царства перестала быть «провинцией» и превратилась в составную часть собственно Египта.

Затем Т. Севе-Седерберг останавливается на системе управления Нубией. Он пытается установить границы юрисдикции «царских сыновей Куша», должности, функции и титулы их подчиненных, а также роль туземных вождей в эксплуатации природных богатств страны и ее жителей. Специальная глава посвящена египетской колонизации, которая, по мнению автора, носила ограниченные размеры. На юг направлялись только солдаты и должностные лица. Отправка в Куш была даже наказанием. Ввоз рабов доказывает, что в самом Египте не было переизбытка населения. Исследуя экономику Нубии, автор приходит к выводу, что на север вывозилось первоначально только сырье, которое в эпоху Нового царства дополняется и некоторыми ремесленными изде-

лиями туземцев. Ремесленники подражали египетским образцам. Скот доставляли южные районы, ремесленные изделия и золото—северные. Здесь экономические условия были близки к египетским. В заключительной главе «Нубийцы в Египте» рассматривается, где и как применялся в Египте их труд и какова была роль нубийцев и «вице-королей» Нубии во внутренней его жизни, в частности в дворцовых интригах и заговорах, которыми так богата история XX династии.

В конце книги приложен обширный список литературы, но в нем отсутствует указание на известную работу русского ученого М. Х в о с т о в а (История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907), в вводном разделе которой целая глава уделяется затрагиваемым Т. Севе-Седербергом проблемам.

Т. Севе-Седерберг дает экскурсы по отдельным, частным вопросам политической и экономической истории Нубии, ее географии, этнографии, археологии и т. д. Интересны наблюдения над этническими сдвигами в Нубии, связанными с появлением так называемой культуры С, о значении Нубии во внутренней жизни Египта, о ввозе рабов.

Однако тщетно искать в книге шведского египтолога то, что является основой всякого подлинно исторического исследования, то, что служит его целью и смыслом—определение связи и закономерности явлений, объяснений причин политических событий и их значения. Автора интересует только прагматическая сторона, и все свои силы и знания он тратит на установление того или иного факта, что, конечно, очень важно, но отнюдь не может быть определено, как конечная задача работы историка.

В иных случаях сам материал наталкивает автора на ценные и интересные выводы, в других—эмпиризм и обычное среди буржуазных ученых ложное представление о «благодетельной» роли капиталистических держав по отношению к «некультурным» народам приводят к явно ошибочным толкованиям.

Уменьшение количества египетских привозных изделий в нубийских погребениях периода NA-3 может быть объяснено не столько снижением покупательной способности населения, как полагает Т. Севе-Седерберг, сколько характером политики фараонов V и VI династий по отношению к Нубии, часто просто грабивших местное население. Воспитание детей и родственников туземных вождей при фиванском дворе, где их стремились превратить в подлинных египтян и верных слуг фараонов, отнюдь не служит доказательством того, что «египтяне не проводили в нубийской провинции хищнической политики (Raubpolitik), а стремились к мирному сожительству с местным населением» (стр. 186). Подобное утверждение звучит по меньшей мере наивно и верно лишь в той степени, в какой действительно «мирное сожительство», т. е. периоды, когда были подавлены очередные мятежи или восстания, способствовали выкачиванию необходимых продуктов и более успешной эксплуатации туземцев. Соответствующее воспитание туземных князей именно и было одним из средств «хищнической политики».

Ничего невозможного, конечно, не содержит в себе предположение, что коалиция туземных племен, с которой столкнулся Хуефхор, вельможа эпохи VI династии, во время своего путешествия в Нубию, была направлена против Египта, ибо эксплуатация страны египтянами и постоянная угроза вторжения с их стороны могли сплотить отдельные племена. Однако нет никаких оснований полагать, что союз этих племен имел одни лишь враждебные и притом агрессивные по отношению к Египту намерения. Единственный документ—биография Хуефхора—подобных выводов не допускает. Три незначительных племени (между 1-м и 2-м порогами их обитало около десятка) не могли серьезно помышлять о борьбе со столь могущественным государством, тем более, что их непосредственные соседи, как например, Иам, были в явной оппозиции к союзу.

Хотя автор и ссылается на более правильную датировку так называемых «черепков проклятия», предложенную русскими египтологами—акад. В. В. Струве и Н. А. Мещерским на основании данных палеографии и подтвержденную недавно работой французского ученого Г. Позенера, тем не менее он пользуется старым определением

К. Зете, что значительно ограничивает и даже искажает его выводы. То же относится и к датировке Лейденского папируса № 344.

Таким образом, исследование Т. Севе-Седерберга является только пособием для дальнейшего изучения истории Нубии, в особенности ее отношений к Египту, и требует известной осторожности при пользовании.

Выводы автора нуждаются в существенных дополнениях и углублении.

Вместе с тем эта книга служит наглядным примером того, к чему приводит методологическая ограниченность буржуазной науки. Она не позволила автору раскрыть внутреннее положение Нубии в разные периоды ее исторического бытия и установить законы и особенности развития этой малоизученной страны.

И. С. Кацнельсон

Этруски и греки (Эллинизация Италии)

Ä. ÅKERSTRÖM, *Der Geometrische Stil in Italien (Archäologische Grundlagen der frühesten historischen Zeit Italiens)*. Lund—Lpz., 1943; I. SCOTT RYBERG, *An Archaeological Report of Rome, Parts I—II («Studies and Documents», XIII)*. London, 1940.

Первая из названных в заголовке книг старается выяснить происхождение геометрического стиля в Италии, не выходясь за тесные рамки главным образом керамического материала, имеющего на себе определенную орнаментику и происходящего с ограниченной территории.

Исследование делится на две неравные части, из которых первая, занимающая около двух третей книги, посвящена обзору геометрической и субгеометрической керамики сицилийских, южно-италийских, а также этруских некрополей (стр. 9—101). Оно перемежается экскурсами в область хронологии протокоринфского стиля и греческой керамики так называемого доколониального периода в Сицилии вообще (стр. 32—37).

Вторая часть исследования посвящена изучению геометрической орнаментики на бронзовых и керамических изделиях из Этрурии и из центра культуры Вилланова—Болоньи (стр. 101—144).

Заключает книгу небольшой раздел, суммирующий выводы предшествующего анализа в отношении времени и происхождения элементов культуры Вилланова, греческой колонизации, взаимоотношений греков и этрусков, греков и носителей культуры Вилланова, посвященный также оценке культурного значения греческой и финикийской торговли в Италии (стр. 153—165).

Шведский ученый Экерстрем, известный своей монографией об этруской погребальной архитектуре¹, предлагает новые ответы на вопросы происхождения культуры Вилланова и этрусков, а также времени проникновения греческого влияния в Италию, опираясь на данные типологии и хронологии геометрического стиля. Эта интересная по замыслу работа проделана, однако, с таким произвольным выбором материала и с таким отрывом его от общеоисторической перспективы, что книга Экерстрема должна быть названа одной из наиболее тенденциозных книг в области итальянской археологии.

Керамика геометрического стиля, характеризующая начальную стадию греческой культуры, представлена также и на итальянской почве. Среди сосудов геометрического стиля, найденных в Сицилии и Италии, имеется небольшое количество привозных, происходящих из тех или иных греческих центров, и значительное количество местных воспроизведений и подражаний.

При этом получается довольно любопытная картина, на которую еще до Экерстрема обратил внимание Блеквей в своих весьма важных работах, посвященных истории

¹ Ä. Åkerström, *Studien über die etruskischen Gräber*, 1934.

проникновения греческой геометрической керамики в Италию и эллинизации последней¹. Наиболее древние образцы геометрической и так наз. протокоринфской керамики сосредоточены в Этрурии (Тарквинии, Бизенцио, Вулчи, Кьюзи и некоторые др. пункты), тогда как южное побережье Италии и о. Сицилия или вовсе не дают образцов геометрической посуды, равноценных по древности этруским, или дают их чрезвычайно мало. Апулия знает лишь единичные фрагменты импортных геометрических сосудов (Тарент, Коппа Невигата), обладая в то же время богатой и стилистически многообразной местной геометрической керамикой, производство которой удерживается вплоть до эпохи эллинизма.

В Этрурии, равно как и в других местах Италии и Сицилии, большая часть сосудов должна быть признана изготовленной на месте, более или менее искусно, с большей или меньшей степенью приближения к греческим образцам, поэтому Блеквей считает необходимым подразделять геометрическую керамику на несколько групп: импортную, изготовленную на месте греческими мастерами, изготовленную местными керамистами и т. п.

В этом за ним неукоснительно следует и Экерстрем, опираясь на его исследования. Отступает он от своего предшественника в области изучения итальянского геометрического стиля и, очень резко,—в датировках.

Блеквей относит появление греческой керамики в Италии к концу IX ст. до н. э., имея в виду, в качестве древнейших ее образцов, сосуды развитого геометрического стиля. Экерстрем, сообразуясь, с одной стороны, с общей тенденцией к подтягиванию чрезмерно завышенных археологических дат доисторического и архаического периода Греции и Италии и основываясь на некоторых этруских и южноиталийских комплексах, в которых встречается геометрическая керамика (например, *tomba del Guerriero* в Тарквиниях) датирует появление геометрического стиля в Италии концом VIII—началом VII ст. до н. э. Так как геометрические сосуды, найденные у Мессинского пролива и в Сицилии, относятся к более позднему времени (по Экерстрему это по большей части позднейшие образцы геометрического стиля), то, по его мнению, древнейшая греческая колонизация Сицилии и юга Италии должна быть отнесена к середине VII ст. до н. э., что чуть ли не на стол лет расходится с традиционными датами (Сиракузы, по Фукидиду, основаны в 734 г. до н. э.).

Продолжая в этом критическом направлении свое исследование, во второй части книги, представляющей наибольший интерес с точки зрения обоснования последующих выводов, автор производит весьма детальную классификацию стилистических элементов геометрической орнаментики на предметах бронзового вооружения, поясных пряжках и других бронзовых украшениях стиля Вилланова, сопровождая этот анализ большим иллюстративным материалом, сопоставленным в целом ряде схематических и аналитических таблиц; в этом автор идет по стопам Сундвала, произведшего в свое время столь же детальный анализ керамических орнаментальных мотивов древней Болоньи (*Sundwall, Villanovastudien*, 1928).

Экерстрем обращается к геометрической орнаментике культуры Вилланова, встречающейся на керамике и на бронзовых изделиях; считая ее дериватом греческой геометрической орнаментики (меандровый орнамент урн типа Вилланова, орнаментика бронзовых щитов, происходящих из южной Этрурии, и т. п. сближается у него с геометрической орнаментикой раннеаттических сосудов), он датирует возникновение культуры Вилланова, древнейшую стадию которой находит в южной Этрурии, а не в Болонье, также VII ст. до н. э. При этом получается, что орнаментика Вилланова в такой же мере греческого происхождения, как геометрическая и ориентализирующая орнаментика этрусков.

Вот, в существенных чертах, результаты, к которым приходит Экерстрем в своей

¹ A. B l a k e w a y, *Prolegomena to the Study of Greek Commerce with Italy, Sicily and France in the 8-th and 7-th Centuries B. C.*, BSA, XXXIII (1932—33), стр. 170 сл.; он же, *Demaratus*, JRS, XXV (1935), Part 2, стр. 192 сл.

новой книге. Результаты эти могли быть в известной части очень интересны и важны для истории древней Италии, если бы они основывались на более прочных и более объективных данных. Те же соображения, на которых строит свои рассуждения Экерстрем, не могут не вызвать самых категорических возражений.

При рассмотрении вопроса о появлении греческой геометрической керамики и о возникновении геометрического стиля в Италии он совершенно опускает Апулию на том основании, что апулийская геометрическая керамика—местного, а не импортного происхождения, и потому, что исследователь ее М. Майер признает ее поздней и малоависимой от греческих образцов (*Åkerström*, стр. 37).

Если же читатель обратится к монументальному труду Майера¹, то он с удивлением принужден будет констатировать, что ни сам Майер, ни разработанный им материал не допускают высказанных Экерстромом суждений.

То, что геометрическая керамика Апулии прослеживается в ее поздних образцах до IV—III вв. до н. э., еще не свидетельствует об ее позднем возникновении: М. Майер, не устанавливающий по состоянию материала *terminus post quem*, связывает, однако, ее корни с субмикенской керамикой Крита, Пелопоннеса и Киклад. Делает он это с известной осторожностью, потому что в его время геометрическая и протокоринфская керамика, в особенности с Крита, была еще мало известна. Теперь же мы располагаем целым рядом публикаций², не оставляющих никаких сомнений в том, что критская геометрическая орнаментика оказала значительное влияние на апулийскую и этрусскую.

Однако Экерстрем не замечает вовсе влияния критской культуры в Италии и вместо того говорит о раннеаттических элементах в геометрической орнаментике Этрурии, что само по себе хотя и не исключено, но вряд ли может быть признано определяющим фактором в доархаическую эпоху³.

Геометрическая керамика не может служить критерием при определении времени возникновения греческих колоний в Сицилии и Италии. Могилы греческих некрополей Сиракуз, Гелы, Мегары-Гиблеи, Кум и т. д. вообще не содержат ее. Она происходит повсеместно из более древних и из более поздних погребений местного населения. Наиболее же древние греческие некрополи характеризуются наличием протокоринфской керамики, в частности сферической формы [гарибаллами, датируемыми обычно 2-й половиной VIII ст. до н. э. Их много в некрополе Кум (что и делает вероятным основание этой халкидской колонии в середине VIII ст. до н. э.) и весьма мало (только в древнейших погребениях) в Сиракузах.

Явления смены стилей, характерных для Греции, отмечаются и в Этрурии, но часто со значительным опозданием, иногда же (как, например, в орнаментике буккеро nero) древние стилистические признаки обнаруживают чрезвычайную цепкость и консерватизм.

Попав на итальянскую почву, геометрическая орнаментация развивалась там со значительной затяжкой—в Апулии значительно большей, чем в Этрурии. Но и в Этрурии имел место стилистический консерватизм, приводивший к тому, что вещи геометрического стиля встречаются в комплексах, относящихся уже к другой—ориентализирующей эпохе.

Все это свидетельствует о том, что суждения Экерстрема о более поздних датировках начала греческой колонизации на Западе, равно как и начале самой этрусской культуры ложны и неправильны.

¹ М. М а у е r, *Apulien vor und während der Hellenisierung*, 1914.

² Из них важнейшие: Н. Р а у н е, *BSA*, XXIX (1927), 226 сл.; М. H a r t l e y, *Early Greek Vases from Crete*, *BSA*, XXXI, (1930—31), стр. 56 сл.; D. L e v i, *Early Hellenic Pottery of Crete*, «*Hesperia*», XIV (1945), № 1, стр. 1 сл.

³ См. у В l a k e w a y, *JRS*, XXV (1935), P. II, стр. 147 сл., о преобладании критского и коринфского импорта в Италии в VIII—VII вв. до н. э. и о причинах этого явления.

То обстоятельство, что древние образцы геометрической керамики в сравнительном изобилии обнаружены в Этрурии и почти или вовсе отсутствуют на юге Италии и в Сицилии, не доказывает еще, как думает Экерстрем, того, что греки устремились прямо к этрусскому побережью, не заручившись никакими промежуточными опорными пунктами (например, в первую очередь на юго-востоке Италии и в Мессинском проливе). Во-первых, Экерстрем указывает далеко не весь материал¹, а во-вторых, изобилие геометрической керамики в Этрурии свидетельствует лишь о важных торговых интересах греков в этой стране, куда они устремлялись в погоне за металлом— бронзой и особенно железом, добывавшимся на о. Эльба. Недаром в Италии оказываются идущие всюду по пути греческой торговли Одиссей и Явон; последнего легенда связывает именно с о. Эльва.

Последний вопрос, на котором необходимо остановиться в связи с исследованием Экерстрема,—это вопрос о происхождении и хронологии культуры Вилланова.

Проблема происхождения культуры Вилланова на протяжении вот уже около 100 лет ее изучения ставилась неоднократно и разрешалась по-разному. Наиболее плодотворным результатом изучения культуры Вилланова следует признать установление на целом ряде археологических объектов преемственной связи между культурой террамар и культурой Вилланова (и родственных ей культур Голассека и Эсте) в долине р. По.

Вопрос о геометрической орнаментике урн Вилланова должен решаться в связи с общим вопросом происхождения среднеевропейской культуры раннего железа (так наз. галльштатской культуры), с которой у культуры Вилланова имеется немало точек соприкосновения.

Такого рода «общим достоянием» культуры раннего железа в Европе является и меандровый орнамент (в различных его модификациях), унаследованный от орнаментики эпохи бронзы. Наиболее богато и широко эти орнаментальные мотивы развились в Греции, в эпоху расцвета геометрического стиля, но и в других местах, в особенности же в бассейне Дуная, культура эпохи раннего железа знала свой геометрический стиль, подобный эгейскому, но выраженный в более примитивных формах, и «родиной» этого стиля должна быть признана вся та территория, на которой он представлен с начальной поры эпохи раннего железа. Неосновательно поэтому было бы, как делает Экерстрем, искать элементы раннеаттической меандровой орнаментики на урнах типа Вилланова, на южноэтрусских бронзовых чашах, флягах и мечах.

Экерстрем не находит никакой культурной преемственности между эпохой бронзы и эпохой раннего железа в Италии. Для него культура Вилланова возникает как бы из ничего, под действием эллинизации, начавшейся на рубеже VIII—VII ст. до н. э. в Южной Этрурии, где культуре эпохи железа—он оговаривает это специально (стр. 158 сл.)—ничто не предшествовало.

Те или иные стилистические признаки, взятые сами по себе, без связи с общим развитием культуры, не являются определяющими ни для ее генезиса, ни для ее хронологии.

Процесс эллинизации древней Италии отнюдь не определяет всего хода ее культурной истории. Тем более, что в разных местах процесс этот протекал различно, с неравной степенью интенсивности и глубины.

В процессе эллинизации средней и северной Италии Экерстрем отмечает лишь роль Этрурии и совершенно опускает роль Кум как проводника греческого влияния во внутренние области по сю и по ту сторону Апеннин. Между тем, применительно к бассейну р. Тибра, можно говорить об определяющем значении Кум в VII—VI в. до н. э.—определяющем первоначально лишь некоторые культурные явления, а к концу указанного периода также и политическое равновесие в среднеиталийских областях.

В оценке эллинизации допущена еще грубая ошибка: не отмечена борьба между довольно быстро и смело усвоившими элементы греческой культуры этрусками и греками—колонистами г. Кум.

¹ Он не упоминает находки импортных геометрических сосудов близ Тарента (См. Blackeaway, BSA, XXXIII (1932/33), стр. 178 сл.) и в Мессане (см. Vergard, La colonisation grecque de l'Italie (1941) стр. 298).

Некоторые результаты этой борьбы, так же как и значение Кум в процессе культурного развития среднеиталийских центров, выясняются более или менее отчетливо при рассмотрении второй из рецензируемых книг.

Книга Инессы Скотт Райбер представляет собой исследование археологических находок, сделанных на территории г. Рима эпохи царей и республики,—преимущественно керамики и терракоты,—с детальной публикацией материала. Она содержит весьма подробный обзор римского некрополя, классифицированного по периодам: 1) этрусский период VII—VI ст. до н. э., 2) определение границ и состава некрополя эпохи реакции на эллинско-этрусскую культуру (V в. до н. э.), 3) римский некрополь республиканско-эллинистического времени (IV—I вв. до н. э.)—стр. 1—100. Исследование некрополя завершается 2 главами, построенными преимущественно на материале римского погребального инвентаря и посвященными истории индустриальной и торговой активности Рима в эллинистическую эпоху (стр. 100—154). Несколько особняком стоят две заключительные главы, посвященные: 1) изделиям из терракоты, найденным при раскопках Рима (преимущественно греко-римские образцы эллинистического времени), и 2) специально терракотовым архитектурным украшениям (преимущественно фалисско-этрусского происхождения) архаической и эллинистической эпохи (стр. 154—202). Второй том книги Скотт Райбер содержит около 200 воспроизведений керамических и терракотовых изделий, найденных в Риме главным образом на протяжении трех последних десятилетий.

Потребность в таком издании назрела уже давно. Материал этот важен для понимания древнейших судеб Рима, его культурной истории в такое время, о котором сохранились лишь отрывочные и легендарные сведения у позднейших писателей.

Еще до начала политического верховенства этрусков в Риме, установление которого традиция относит к началу VI ст. до н. э., влияние южноэтрусских торговых центров и прежде всего Тарквиний, откуда затем и пришла в Рим этруская царская династия, было весьма велико. Об этом свидетельствуют находки керамики позднегеометрических образцов, производившихся в южной Этрурии и, верней всего, именно в Тарквиниях.

Но уже в VII в., наряду с Тарквиниями, в качестве пунктов, ремесленные изделия которых в значительном количестве попадали в Рим и оказывали влияние на его собственную продукцию, должны быть названы Фалерии, Капена и Вейи. В рецензируемой книге мы находим целый ряд интересных образцов южноэтрусской и фалисской керамики, извлеченных из римских некрополей, и подражания им, изготовленные римскими гончарами.

Наиболее показательны итало-геометрические сосуды (табл. 4, 5 и 6), сосуды в технике буккеро, с рельефным орнаментом (табл. 6 и 7), а также сосуды с красной облицовкой и процарапанным спиральным и геометризированным растительным орнаментом, типичным для фалисского производства (табл. 8, 9 и 10).

Особо необходимо сказать о роли Кум. Ранние Кумы являлись поставщиками в области Средней Италии продуктов греческого импорта; при этом некоторая часть попадавшей в Этрурию и в Лаций протокоринфской керамики производилась, судя по глине, в Кумах. Подобные сосуды найдены также и в Риме (табл. 2, фиг. 10).

Внедрение греческого искусства в быт и культ римлян происходило в гораздо более ограниченных размерах, чем в Этрурии. Не говоря уже о том, что в архаическом Риме вообще отсутствуют богатые камерные могилы с роскошным драгоценным инвентарем, погребения обычного типа очень редко содержат греческую керамику. О том, что она все же была в употреблении и при этом в достаточном количестве, свидетельствуют находки у храма Весты, у Lapis Niger и в Cloaca Maxima.

Находки эти—фрагменты аттических чернофигурных и (в меньшем количестве) коринфских сосудов VI в. до н. э.—не велики по размерам и не столь уже значительны в числе (табл. 11—14). Однако если представить себе каждый из них в виде целого сосуда, то число это покажется уже довольно внушительным, свидетельствующим,

во всяком случае, о том, что чернофигурная греческая керамика бытовала в Риме, так же как в Этрурии и Кампании.

Некоторые общие черты, отличающие римлян, фалисков и вейентов, служат признаком их своеобразия по отношению к этрусской культуре.

Фалиски, не имея возможности отстоять своей политической свободы в борьбе с этрусками, сохранили все же свой язык и отличный в некоторых отношениях от этрусского быт, на что указывает прежде всего фалисская керамика.

Вейи были и оставались до конца своего существования этруским городом, но и в их быту есть элементы, сближающие их с фалисками и отдаляющие от остальных этрусков, от которых их отличало весьма существенно еще и то, что они не усвоили этрусской письменности, ибо Вейи не дают эпиграфических документов на этруском языке.

В римском обществе всегда были очень сильны тенденции, противоборствовавшие этруснизации и эллинизации. Особенно остро эти тенденции сказались после освобождения Рима от этрусской зависимости. Реакция на все этруское и все эллинское была очень сильна. В V в. до н. э. греческие вазы и этрусские украшения почти вовсе, видимо, перестали появляться на римском рынке (отдельные фрагменты аттических, краснофигурных ваз на табл. 15).

До сих пор считалось, что римский некрополь V в. еще не разыскан. Дун предлагал его искать на нижних склонах Эсквилина¹. Рецензируемая книга содержит тщательный анализ состава некрополя на Эсквилине, показывающий, что могилы, относимые к VI и к IV вв. до н. э., представляют единый типологический ряд, внутри которого должны заключаться и погребения V в. Они не поддаются выделению благодаря отсутствию датирующего материала, каковым по преимуществу является греческая керамика.

Установление этого факта является важным результатом произведенного Инессой Скотт Райбер исследования, помогающего осознанию значения первого века римской республики как эпохи глубочайшей реакции против этрусско-эллинской культуры,—реакции, нашедшей, между прочим, свое выражение и в одном из законов XII таблиц, запрещающем употребление драгоценных вещей в качестве погребального инвентаря (табл. X, 8)².

Мы коснулись некоторых важных вопросов древнеиталийской истории, поднятых в рецензируемых книгах. Бросается в глаза спорность и сомнительность построенный Экерстрема в отношении происхождения и хронологии культуры раннего железа в Италии.

Тем, затронутых в книге Скотт Райбер, мы коснулись только лишь отчасти, оставив вне поля зрения археологический материал, относящийся к эпохе республики IV—III вв. до н. э. К достоинствам книги можно отнести лишь то, что она содержит первую детальную публикацию материала, малоизученного и фрагментарного в большинстве случаев, и сведения из области культурной истории древнейшего Рима.

Л. А. Ельницкий

¹ См. F. D u h n, *Italische Gräberkunde*, 1924, I, стр. 481.

² См. C. B r u n s, *Fontes Iuris Rom. Ant.*, стр. 37.

ХРОНИКА

Творческий путь Ф. Шамполлиона¹

(К 125-летию дешифровки египетских иероглифов)

Еще теперь, 125 лет после того, как Ф. Шамполлион вернул речь давно умолкнувшим камням и папирусам древнего Египта, еще не все за рубежом понимают в достаточной степени величие его славного открытия². Еще до сих пор раздаются голоса о том, что на тернистом пути дешифровки Шамполлион имел предшественника, который указал ему результатами своих работ на возможность решения столь долго мучившей его загадки. Еще до сих пор не все согласны видеть в Шамполлионе того, кто первый из представителей современной науки познал число замков святилища бога Тота, бога мудрости и бога письма древнего Египта³. К познанию числа замков святилища Тота стремились цари долины Нила, но оно даровалось лишь тем из царей, которые были выделены особой милостью богов Египта. «Чужеземным варварам», конечно, число

¹ См. исследование И. Г. Франк-Каменецкого, Гениальное открытие Шамполлиона, «Новый Восток», 1923, кн. 2, стр. 456 сл. В основу настоящей моей статьи лег неопубликованный мой доклад «Сущность открытия Шамполлиона», прочитанный на торжественном заседании Российской Академии Наук 22 сентября 1922 г., посвященном дню рождения египтологии. Следует также отметить и ценную работу Н. Д. Флиттнер, Как научились читать иероглифы, Петроград, 1923.

² См., например, Adolf Erman, Die Entzifferung der Hieroglyphen, «Sitzungsber. d. preuss. Akad. d. Wis.», 1922, стр. 1 сл. Эрман упрекает Шамполлиона в замалчивании заслуг Томаса Юнга (стр. 7—8). Все логически необходимые отклонения Шамполлиона от прямого пути дешифровки, созданной гениальным ученым в результате мучительного творческого процесса, рассматриваются Эрманом исключительно как ошибки (стр. 10 сл.). В конечном итоге А. Эрман не видит в Шамполлионе завершителя дешифровки египетского иероглифического письма. По его мнению, лишь в исследовании немецкого египтолога Р. Лепсуса «достигла дешифровка своего завершения» (стр. 17). Я полагаю, что подобная недооценка А. Эрманом значимости открытия Ф. Шамполлиона была обусловлена в конечном итоге отрицательным отношением немецкого ученого к той революционной эпохе, представителем которой оставался основоположник египтологии. Во всяком случае следует отметить осуждение Эрманом участия Шамполлиона в борьбе против реакционного правительства Бурбонов (стр. 11 и 12). Простым продолжателем Томаса Юнга представлен Фр. Шамполлион в брошюре «The Rosette stone», напечатанной по поручению дирекции Британского музея в 1913 г. Брошюра была перепечатана без изменения в 1922 г., в год столетнего юбилея открытия Ф. Шамполлиона.

³ Мотив о таинственном числе замков святилища или хранилища мы встречаем в известной сказке о царе Хеопсе и волхвах. См. Б. А. Турев, Египетская литература, 1920, стр. 84 сл.

замков святилища Тота должно было быть навеки сокрытым. Жреп Горাপоллон из Нилополиса создал вокруг египетского иероглифического письма плотную завесу мистицизма, столь характерную для эпохи разложения рабовладельческого общества. Совдае Горাপоллон в своей книге обегипетских иероглифах, дошедшей до нас в греческом переводе, сделанном в V или VI в. В своем труде египетский ученый позднего эллинизма интерпретировал значение изучаемых им знаков египетского письма исключительно путем анализа идеограммы, или символа, скрытого, якобы, в пиктографическом облике того или другого иероглифа. Так, например, Горাপоллон объяснял связь иероглифа, изображающего «гуся», со значением «сын» указанием на то, что, будто бы, гусь среди прочих живых существ больше всех любит своих детенышей, а связь иероглифа, изображающего «зайца», со значением «открывать» — утверждением, что заяц держит свои глаза всегда открытыми. При подобной интерпретации значения египетских иероглифов Горাপоллон отрицал в последних наличие какого-либо фонетического элемента. Поэтому труд египетского писателя IV в. н. э. должен был сыграть зловещую роль в будущей истории дешифровки египетского иероглифического письма, которое в существенной своей части являлось фонетическим. Тем самым Горাপоллон на многие века закрыл варварам далеких северных стран доступ к священным писаниям Египта. Он в крупнейших исследователях убивал всякую мысль о действенном подходе к дешифровке египетских иероглифов. Так, Афанасий Кирхер, безраздельно подпав под власть чар Горাপоллона¹. Ученые последующего XVIII столетия также не могли освободиться от методов интерпретации египетских текстов, предложенных Горাপоллоном. Тем не менее датчанин Карстен Нибур, открывший клинописные надписи Персеполя, смог оказать помощь исследованию иероглифического письма Египта. Во время своего пребывания в Египте с конца 1761 г. вплоть до середины 1762 г. Нибур познакомился с иероглифическим письмом и сделал замечательное наблюдение, что число его знаков, отличающихся друг от друга, сравнительно невелико и оно, следовательно, не может иметь исключительно идеографический характер. Наблюдение Нибура, несколько потрясавшего основы системы Горাপоллона, было подтверждено его соотечественником Георгом Соэгой в монументальном труде «*De origine et usu obeliscorum*», изданном в самом конце XVIII в.² Здесь же Соэга сделал на основании одного из указаний Климента Александрийского весьма вероятным предположение, что группы иероглифов, заключенные в овал, в так называемый «картуш», обозначали имена собственные древних царей Египта³. Это указание могло стать чрезвычайно важным в случае нахождения билингвы, необходимой предпосылки для успешной дешифровки не известного нам письма. В 1799 г. такая билингва была найдена — знаменитый Розеттский камень. Он содержит декрет жречества главнейших египетских храмов в честь Птолемея V Эпифана (204—181 гг. до н. э.) от девятого года правления последнего, т. е. от 196 г. до н. э. Греческий текст содержал около 10 имен собственных, а в последней его строке указывалось, что декрет должен был быть написан на твердом камне «*τοῖς τε ἱεροῖς καὶ ἐχθροῖς καὶ ἑλληνικοῖς γράμμασιν*», т. е. «священными и туземными и греческими письменами»⁴. Мы теперь знаем, что различие между иероглифическим письмом и демотическим курси-

¹ Литературу об Аф. Кирхере см. Б. А. Тураев, История Древнего Востока, т. 1, 1935, стр. 22.

² Согласно Арману, ц. с., стр. 3, наблюдение Карстена Нибура сохранил лишь его сын Б. Г. Нибур, известный историк Рима, но оно было известно, надо полагать, и его соотечественнику Соэге.

³ См. Б. А. Тураев, ц. с., 1, стр. 22.

⁴ Последние издания Розеттского камня см. у К. Sethe, *Urkunden des aegypt. Altertums*, II разд., вып. 3 (1916 г.), стр. 166 сл. и W. Spiegelberg, *Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus. u. Memphis (Rosettana) mit den hieroglyphischen u. griechischen Fassungen*. Гейдельберг, 1922 г., стр. 77 сл.

вом лишь чисто графическое. Тогда же исследователи видели между иероглифами и знаками демотического шрифта различие по существу: в первых они видели идеограммы, а во вторых фонемы-буквы. Предположительная характеристика знаков среднего текста алфавитными, а знаков верхнего текста символическими, находила свое подтверждение отчасти в намеках античных авторов. Так, Плутарх свидетельствовал о наличии в письме древних египтян 25 букв, отмечая еще то, что данное число «25» соответствует также числу лет жизни Аписа¹. Французский ориенталист Сильвестр де Саси, приступивший первым к изучению Росеттского камня, имел основание, опираясь на аналогию с персепольскими надписями, рассматривать иероглифы символами, а знаки «туземного» шрифта алфавитными. Обратившись в 1802 г. к исследованию демотического текста, он подошел к решению проблемы методом математической и установил в нем путем точных измерений группы знаков, соответствующие в греческой надписи именам Итолема, Вереники и Александра. Указанные группы Саси пытался, и в некоторых случаях удачно, разбить на отдельные буквы². Несколько позже, но в том же 1802 г., появилось исследование о демотическом тексте Росеттской плиты шведского ученого Давида Окерблада. Продолжая работу С. де Саси, Окерblad разлагает комплекс знаков, соответствующий тому или другому имени собственному греческого текста, на их фонетические элементы и составляет тем самым более или менее правильно демотический алфавит. С помощью его шведский исследователь прочитывает большинство из имен собственных демотического текста Росеттского камня, а благодаря своему знакомству с коптским языком, ему удается даже установить и несколько из слов текста³.

Преемником Окерблада выступил английский физик Томас Юнг. Он в 1814 г. возобновил исследование демотического текста Росеттского камня, начатое С. де Саси и Д. Окербладом. Он пополнил и исправил демотический алфавит своих предшественников. С его помощью он прочитал в основном правильно все имена собственные демотического текста, но дальше продвинуться в понимании самого текста он не смог. Демотическое письмо по существу столь же сложное, как и иероглифическое, не обладает вместе с тем той конкретностью своего графического образа, которое столь облегчает изучение иероглифического письма. В этом отношении демотический шрифт напоминает клинописный, ибо и здесь и там мало помогают при чтении текста наши обычные словари. Они должны быть заменены графически расположенными списками знаков, входящих в состав того и другого письма. К составлению подобного списка приступил впервые в конце прошлого века выдающийся русский ученый В. С. Голенищев⁴. Юнг, ознакомившись со сложностью демотического письма, мог легко, без колебаний и сомнений, отказаться от положения, что туземные письмена Росеттского камня были алфавитными⁵. Ознакомившись в 1814 г. с одним присланным ему демотическим папирусом и расширив тем самым свое знакомство с «туземными» письменами Египта, он высказывает догадку о какой-то связи между демотическими и иероглифическими письменами древнего Египта. Данная догадка высказывается им на основании

¹ Плутарх, Об Исиде и Осирисе, гл. 56.

² S. de Sacy, Lettre au citoyen Chaptal au sujet de l'Inscription Egyptienne. Paris, 1802.

³ D. Akerblad, Lettre sur l'Inscription égyptienne de Rosette, adressée au citoyen S. de Sacy. Париж, 1802.

⁴ Карточки этого графически расположенного списка демотических знаков хранятся в Восточном отделе Гос. Эрмитажа. Это ценное начинание В. С. Голенищева было отчасти завершено лишь в 1937 г. W. Erichsen в 3-м выпуске его «Demotische Lesestücke». В. С. Голенищеву принадлежит также слава авторства первой попытки создания подобного же списка клинописных знаков. См. его «Опыт графически расположенного ассирийского словаря», СПб., 1888. К сожалению, был издан лишь первый выпуск этого ценного труда.

⁵ Юнг был несомненно знаком с исследованиями, посвященными дешифровке персепольских надписей. Мы знаем, что он уже в 1796 г. заинтересовался алфавитами различных народов.

интуитивного чувства и не доказывается им по отношению к каждому отдельному знаку того и другого шрифта. Оба письма, правда, представляют звенья одной и той же графической цепи развития, но лишь ее крайние звенья, а среднее звено—так называемый иератический курсив, предшествовавший демотическому шрифту и сохранивший еще в облике своих знаков генетическую связь с иероглифами,—оставалось не установленным Юнгом. Не установив графического недостающего звена графической цепи, Юнг не мог замкнуть цепь развития системы письменности древнего Египта. Она оставалась для него разорванной, и таким образом утверждение Юнга о генетической связи между иероглифами и демотическим письмом имело исключительно декларативное значение.

Свою фонетическую интерпретацию иероглифов, включенных в картуш, Юнг начал с иероглифов, заполнявших тот картуш, который 5 раз встречается в верхнем тексте Росеттского камня. Декрет был составлен египетскими жрецами в честь царя Птолемея V, неоднократно упоминаемого и в греческом тексте камня и поэтому естественно было видеть в комплексе иероглифов картуша фонетический эквивалент царского имени Πτολεμαῖος. Юнг должен был бы теперь, действуя методически, устанавливать для каждого из иероглифов изучаемого им картуша соответствующий ему знак в демотическом написании имени «Птолемей». Но сделать это он не мог, вследствие своего незнания с иератическим письмом. Иероглифы с их ярко выраженной графической образностью ему должны были все же казаться более близкими идеографическому письму, нежели знаки демотического шрифта. Поэтому, установив разительное количественное расхождение между числом греческих букв имени Πτολεμαῖος (10 букв) и числом иероглифов картуша (7 иероглифов), Юнг должен был прийти к выводу о силлабо-идеографическом характере некоторых из этих иероглифов. Таковое значение им устанавливается по отношению к трем из иероглифов картуша. В четвертом Юнг видел лишь графический знак, лишенный фонетического значения, и только по отношению к трем иероглифам картуша Росеттского камня он угадал правильно их фонетическое значение, отождествив их с греческими буквами «π», «τ» и «ι».

Подобное же смешение истины и заблуждений являет собой чтение второго картуша, открытого им при изучении другого памятника. Данный картуш Юнг случайно правильно отождествил с именем царицы Βερενίκη. Основанием для отождествления послужил ему первый иероглиф картуша, похожий на изображение корзины¹. Юнг нашел для него фонетический эквивалент «β», ибо так звучало по-коптски, т. е. на языке египетских христиан, слово, обозначающее «корзину»². Подобное отнюдь не убедительное сближение иероглифа с коптским словом и послужило Юнгу главным основанием для отождествления указанного картуша с именем царицы Вереники. Правда, отождествление оказалось случайно соответствующим действительности, но на столь зыбком основании трудно было построить надежную интерпретацию иероглифов, входивших в состав изучаемого Юнгом картуша. Поэтому он мог правильно угадать фонетическое значение лишь одного из иероглифов картуша, сопоставив его с буквой «π». Столь своеобразно переплетались в дешифровке Юнга истина и заблуждение. Ему удалось в дальнейшем найти в одном из иероглифов еще одну букву древнеегипетского алфавита, а именно букву «/». Юнг довел таким образом число определенных им иероглифических букв до пяти—«/», «ι», «π», «ρ» и «τ»,—но с помощью этого жалкого охвостья подлинного алфавита древнего Египта он ничего прочесть не смог.

Открыть доступ к сокровищнице древней, казалось, навеки забытой культуры было суждено лишь Франсуа Шамполлиону, родившемуся во французском городе

¹ В действительности это чаша для воскурения с изображением дыма, поднимающегося из нее. См. A. N. Gardiner, *Egyptian Grammar*, Оксфорд, 1927, стр. 487, R. 7.

² В действительности этим иероглифом обозначалась в поздних текстах буква «β».

Фишак 23 декабря 1790 г.¹ Уже в детстве внимание Шамполлиона было приковано к Египту, и он жил надеждой, что ему удастся решить столь долго тяготевшую над сознанием ученых загадку иероглифов. Он готовился вполне сознательно к решению поставленной себе задачи. Все известные тогда языки Ближнего Востока изучаются им и на школьной скамье и в годы работы в Collège de France, чтобы с помощью их найти впоследствии путь к пониманию надписей древнего Египта. Особенное внимание он, еще будучи мальчиком, обратил на изучение родственника древнеегипетского языка—коптского языка, который ему в дальнейшем, действительно, оказал некоторую помощь. Шамполлион, конечно, познакомился и со свидетельствами античных авторов о письме египтян, и, подобно всем своим предшественникам, он подпал под власть роковых чар Горасполлона, хотя и не без некоторой борьбы.

Когда семнадцатилетний студент Шамполлион в 1808 г. стал самостоятельно изучать Росеттский камень, он, преклоняясь перед авторитетом Горасполлона, отказался от дешифровки символической иероглифической надписи и приступил, подобно своим предшественникам, к исследованию демотического текста. Ему удалось независимо от Окерבלада, с работой которого он познакомился лишь впоследствии, установить большую часть демотического алфавита. Все же тайна иероглифического письма привлекала к себе с непреодолимой силой пытливый ум молодого ученого, и он стремится поэтому найти, неутомимо трудясь, опровержение положений Горасполлона среди высказываний античных писателей, живших в то время, когда надписи Египта еще не умолкли навеки. Такой первой попыткой Шамполлиона преодолеть тяготевшие над ним чары Горасполлона был его доклад о системе письма Египта, с которым он выступил в 1810 г., будучи уже профессором Гренобльского университета, в Дельфинатской академии. В названной работе он пытался освободиться от тяжелого гнета учения Горасполлона с помощью свидетельства Порфирия, писателя III в. н. э. Вместе с Порфирием Шамполлион допускал существование 2 категорий иероглифов. Иероглифы первой из них могли быть фонетически читаемы, хотя не являлись алфавитными знаками в точном смысле этого слова. Лишь иероглифы второй разновидности имели аллегорическое значение и говорили языком загадок. Последние, названные Шамполлионом «анаглифами», были созданы, по его мнению, жрецами наряду с обычными фонетическими иероглифами в качестве своего сокровенного письма.

Столь резкое противопоставление анаглифического, или так называемого энигматического, письма иероглифическому является не совсем правильным, ибо между ними нет качественного отличия ни в фонетическом, ни в графическом отношениях. Все же предположение о существовании самостоятельного анаглифического письма, отличного от иероглифического, имело тогда для творческого пути Шамполлиона свое положительное значение. Оно послужило для него удобной рабочей гипотезой, которая на время освободила его от парализующих творческую мысль положений учения Горасполлона. Поэтому он мог уже тогда, в 1810 г., за 4 года до начала египтологических работ Юнга, высказать положение, что по крайней мере имена чужеземных царей и народов обозначались иероглифами, имевшими фонетическую значимость. Другим важнейшим достижением доклада Шамполлиона было открытие наряду с демотическим курсивом еще второго курсива, а именно так называемого иератического, на существование которого намекает из античных писателей один лишь Климент Александрийский. Открыв иератический курсив в некоторых изученных им папирусах, Шамполлион уже тогда высказал догадку, что установленный им третий вид египетского письма является посредствующим звеном между демотическим курсивом и иероглифическим письмом. Тем самым он пришел к выводу об единстве графической системы Египта, не осознав, правда, подлинной последовательности основных вех последней. Действительно, наибольшую древность Шамполлион приписал демотическому курсиву, возникшему, как

¹ О жизни и трудах Ф. Шамполлиона см. Hermine Hartleben, Champollion, sein Leben u. sein Werk, 2 тома, 1906. См. В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории Древнего мира, Петербург, 1923.

известно, лишь в I тысячелетии до н. э. Из демотического курсива возник, как ошибочно полагал тогда Шамполлион, иератический курсив, а из последнего уже иероглифическое письмо. Опираясь на свою гипотезу 1810 г. об особом анаглифическом письме, противоположном иероглифическому, Шамполлион пытается в 1813 г. впервые в истории дешифровки египетского письма, установить существование иероглифов-букв. Он нашел в иероглифическом тексте Росеттского камня указание на суффиксы личных местоимений и, сравнивая их с соответствующими 6 суффиксами коптского языка¹, полагал, что ему таким образом удастся установить первые 6 иероглифических букв. Может быть, уже тогда он установил с предельной точностью фонетическую значимость иероглифа, изображающего рогатую гадюку, сопоставив его с коптским суффиксом 3 лица муж. рода ед. числа «/»².

С 1814 г. политическая обстановка, сложившаяся во Франции, задерживала интенсивную исследовательскую работу молодого ученого. Совсем он и тогда не бросал своего изучения египетских надписей, и этот отрезок его творческого пути известный археолог А. Мори назвал временем, когда Шамполлион изготовлял себе всевозможные ключи, дабы с их помощью открыть, а не взломать плотно замкнутую дверь, закрывающую путь к науке о древнем Египте. Использовать эти ключи он тогда не мог, ибо не знал еще числа замков святилища бога письма древнего Египта. Его выводы покоились пока на шаткой основе догадок, обусловленных кратким и не совсем ясным свидетельством Порфирия о характере египетского письма. В конце 1818 г. основоположник египтологии отверг реальность свидетельства Порфирия и тем самым отказался от основного предположения своего доклада 1810 г. о резком различии между иероглифическим и «анаглифическим» письмом. Он понял, что иероглифы и «анаглифы» неотделимы друг от друга и входят в состав единого иероглифического письма.

Убедившись в единстве иероглифического письма, Шамполлион сделал из этого положения неверный вывод. Он подчеркивал теперь со всей последовательностью отсутствие в иероглифическом письме какого-либо фонетического элемента и пытался доказать справедливость данного положения и по отношению к именам собственным греческих и римских царей Египта. В иероглифическом написании последних, казалось, можно было предположить применение какого-то фонетического принципа. Шамполлион сам, как мы выше видели, высказал в 1810 г. подобное же предположение. Теперь, в начале 1819 г., он отказывается от этой мысли, ссылаясь на то обстоятельство, что картуш Птолемея, засвидетельствованный иероглифическим текстом Росеттского камня, был найден и на стенах фиванских храмов, которые тогда ошибочно рассматривались восходящими к глубокой древности. Из данного факта Шамполлион сделал вывод, что картуш Птолемея на Росеттском камне может иметь лишь идеографическое значение—«войнственный», подобно греческому Πτολεμαῖς, производному от слова πόλεμος—«война». «Действительно,—говорит он,—мы видим среди иероглифов картуша иероглиф, изображающий лежащего льва, который мог бы обозначать силу, воинственную мощь». «Иероглифы,—продолжает Шамполлион,—не выражают звуков. Египтяне брали иероглифы, близкие по идее, находя их в именах своих древних царей, которые украшали храмы Фив»³.

Вывод об идеографическом характере даже тех иероглифов, которые входили в состав царского имени Росеттского камня, Эрман назвал «авантюристической» мыслью⁴. Действительно, столь суровая оценка положения Шамполлиона начала 1819 г. является, на первый взгляд, обоснованной, поскольку вывод об идеографичности имен собственных царей эллинистического Египта казался шагом назад по сравнению с достижениями 1810 и 1813 гг. Тем не менее мы должны признать оценку Эрмана несправедливой,

¹ Т. е. с «i» (первое лицо), «k» (2 лицо муж. р.), «e» (2 лицо жен. р.), «f.» (3 лицо муж. р.), «s» (3 лицо жен. р.) и «ou» (3 лицо множ. ч.).

² Предположение А. Эрмана, цит. соч., стр. 10—11.

³ Н. Hartleben, цит. соч., 1, стр. 385.

⁴ Цит. соч., стр. 11.

ведь положение Шамполлиона 1810 и 1813 гг. о фонетической значимости иероглифов покоилось, как мы видели, на порочной предпосылке. Отвергнув ее, Шамполлион делал, несомненно, шаг вперед на извилистом пути разрешения поставленной перед ним задачи. Мысль об идеографическом характере даже царского имени иероглифического текста Росеттского камня таила в себе и возможность подлинного освобождения от мертвящих оков учения Гореполлона. Для достижения данной цели Шамполлион должен был обратить всю свою пытливость, все свое внимание на изучение иератического письма, существование которого им тогда, в 1810 г., было впервые предположено.

Новый материал—иератические папирусы Лионского музея, с которыми он знакомится в 1820 г., дает ему возможность доказать со всей неопровержимостью существование наряду с демотическим самостоятельного иератического курсива. Иератическое письмо приняло теперь для него вполне четкий, конкретный облик. Он может сопоставить каждый из его знаков с соответствующими знаками иероглифического и демотического письма. Теперь же Шамполлион мог установить подлинную последовательность в развитии графической системы Египта. Оказалось, что из иероглифов произошло иератическое письмо, являвшееся сокращенным написанием иероглифов, а из иератического уже развился демотический курсив, являвшийся, в свою очередь, сокращенным написанием иератического. Если же, действительно, иероглифы генетически связаны с иератическим курсивом, а последний связан, в свою очередь, генетически с демотическим, то из данных предпосылок следует с логической необходимостью вывод о генетической связи иероглифического письма с демотическим курсивом. Таким образом, Шамполлион доказал с математической точностью то положение об единстве графической системы Египта, которое Юнг мог лишь предположительно высказывать. Шамполлион вызвал из мира забвения неутомимым трудом и цепкой наблюдательностью иератическое письмо, не известное до него европейской науке. Тем самым он нашел выпавшее из цепи графического развития Египта среднее звено, и разорванная цепь снова и—теперь уже прочно—сомкнулась.

Из своего положения об единстве графической системы Египта и из аксиомы об идеографичности иероглифов, постулированной учением Гореполлона, Шамполлион должен был сделать вывод об идеографичности иератического и демотического курсивов. Сделав этот логически необходимый вывод и сопоставив его со своим наблюдением об идеографической значимости царского имени иероглифического текста Росеттского камня, Шамполлион должен был с той же логической необходимостью умозаключить, что и имена собственные в демотическом тексте имеют идеографическую, а не фонетическую значимость. Получив в конечном итоге своих умозаключений этот вывод, Шамполлион, конечно, надолго с ним примириться не мог. Дело в том, что непосредственным следствием его было лишение какой-либо научной ценности того демотического алфавита, который был установлен Окербладом путем сопоставления имен собственных греческого и демотического текстов Росеттского камня. Шамполлион сам работал когда-то над тем же демотическим текстом, исходя из предпосылки о фонетической значимости его знаков. Независимо от Окерблада, он пришел по существу к тем же результатам, что и его предшественник. Ему даже удалось дополнить и исправить алфавит, предложенный шведским ученым. Трудно было отказаться от достижений предшествующего времени ради вывода, невольно вызывавшего мысль о том, что предпосылки им доведены до абсурда. Поэтому Шамполлион должен был со всей тщательностью проверить положение об исключительно идеографическом характере демотического письма. Наряду с иератическим курсивом он приступил снова к изучению демотического текста Росеттского камня с привлечением всего доступного ему тогда материала. В своей большой работе 1821 г., объединившей его наблюдения 1820 г. над иератическим письмом, Шамполлион говорит и о демотическом курсиве и об иероглифах. Доказав здесь единство графической системы Египта и указав на идеографический характер ее, он тем не менее снова уже признавал применение в демотическом письме фонетических знаков для передачи чужеземных имен собственных. Еще более четко отметил он результат своих исследований, посвященных данному предмету,

в начале своего знаменитого письма к неперемемному секретарю Парижской Академии Наук Дасье: «Интерпретация демотического текста Росеттской надписи с помощью греческого текста, который его сопровождает, дала мне возможность установить, что египтяне пользовались известным количеством знаков, которым они присвоили свойство выражать звуки, чтобы ввести в свои идеографические тексты имена собственные и чужеземные слова на египетском языке»¹.

Добившись подобного результата при изучении демотического текста Росеттской надписи, Шамполлион должен был теперь проерить те две предпосылки, на основании которых он пришел на короткое время к выводу об исключительно идеографическом характере демотического письма. Содержанием первой предпосылки являлось положение самого основоположника египтологии об единстве графической системы Египта, а содержанием второй предпосылки служило положение Горасполлона об идеографичности иероглифического письма во всем его объеме. В истинности первой предпосылки Шамполлион сомневаться не мог, слишком точным было для этого доказательство его положения об единстве графической системы. Следовательно, оставалось искать ошибку во второй предпосылке, в порочности положения Горасполлона об исключительно идеографическом характере иероглифов. Авторитет Горасполлона, веками признававшийся учеными Европы, был, наконец, повергнут в прах. Шамполлион мог теперь отказаться от безоговорочного признания положений его учения.

Отказавшись же от учения Горасполлона и опираясь на установленное им самим единство графической системы Египта, Шамполлион должен был сделать следующий вывод о характере иероглифического письма: «Раз было установлено применение этих фонетических знаков в демотическом письме и если знаки этого народного письма были, как я это доказал, заимствованы из письма иератического, или жреческого, и если, со своей стороны, знаки этого иератического письма были, как я это установил в различных моих исследованиях, не чем иным, как сокращенным изображением, подлинной скорописью иероглифов, то я должен был естественным образом умозаключить, что этот третий род письма, настоящее иероглифическое письмо должно было иметь также известное количество своих знаков, наделенных способностью выражать звуки. Одним словом, я должен был умозаключить, что существовал равным образом ряд фонетических иероглифов»².

Правда, это рассуждение Шамполлиона мы находим в начале его знаменитого письма к Дасье от 22 сентября 1822 г., но мы находим его по существу уже в его вышеупомянутом труде об иератическом письме, написанном им в Гренобле в мае 1821 г. Здесь молодой гренобльский профессор, указав на применение в демотическом письме фонетических знаков для передачи иностранных имен собственных, допускает наличие таких же фонетических элементов в письме иератическом и иероглифическом³.

Со своим исследованием об иератическом письме Шамполлион приехал в июле того же 1821 г. в Париж, потеряв профессию в Гренобле из-за своей политической неблагонадежности. В середине августа он прочитал свою работу перед Академией, где его доклад вызвал всеобщее восхищение. Не давая себе отдыха, он продолжал работать над окончательным оформлением убедительного для всех доказательства своего вывода о существовании иероглифического алфавита. Он приступил теперь к транскрипции имен собственных демотического текста Росеттского камня их иерати-

¹ «Lettre à M. Dacier, relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques, employés par les Egyptiens pour inscrire sur leur monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains», Париж, 1822, стр. 3—4.

² Письмо к Дасье, стр. 5.

³ Таким образом труд Шамполлиона об иератическом письме древнего Египта таит в себе в зародыше его письмо к Дасье, подобно тому, как последнее является зародышем его «Précis du Système hiéroglyphique des anciens Egyptiens», 1824 г., а «Précis», в свою очередь,—зародышем его главного труда «Grammaire égyptienne», изданного уже после его смерти его старшим братом.

ческими эквивалентами, а затем к замене этих последних соответствующими иероглифами. Свою работу он начал с имени Птолемея, картуш которого, как было выше сказано, сохранился в иероглифической надписи Росеттского камня. Транскрипция Шамполлиона иероглифами демотического написания имени Птолемея совпала с начертанием подлинного иероглифического картуша Птолемея. Следовательно, ему удалось установить для каждого иероглифа его демотический эквивалент, а тем самым равнозначную ему греческую, или, точнее, коптскую, букву.

Картуш Птолемея Росеттского камня Шамполлион передавал в конечном итоге своих транскрипционных штудий семью коптскими буквами $\pi\tau\sigma\lambda\eta\gamma\varsigma$ ¹. То обстоятельство, что 10 буквам греческого написания этого имени $\pi\tau\sigma\lambda\epsilon\mu\alpha\iota\varsigma$ противостояли лишь 7 иероглифических букв, не могло смутить Шамполлиона. Такой несовершенный способ огласовки он встречал и в других письменных системах Востока. Продолжая транскрипцию имен собственных демотического текста Росеттского камня, Шамполлион установил существенную особенность позднего иероглифического письма, а именно тождество фонетической значимости многих графически различных иероглифов. Подобные иероглифы, различные по своему графическому образу, но тождественные в фонетическом отношении, Шамполлион назвал «гомофонами». Данное наблюдение, бесспорно правильное для письма позднего времени, помогло ему преодолеть в своем исследовании то затруднение, которое вставало перед ним в лице чрезвычайного обилия иероглифических букв. Все многочисленные иероглифические алфавитные знаки, установленные им, разбивались теперь на сравнительно небольшое количество фонем. В том же 1821 г., столь богатым достижениями на мучительном пути дешифровки египетского письма, Шамполлион получил известный демотический папирус из собрания Casati, снабженный греческим протоколом. В названном папирусе он впервые нашел, наряду с именем Птолемея, и демотическое написание имени Клеопатры. Упоминание последнего в названном демотическом документе имело большое значение ввиду общности многих букв в этом имени и в имени Птолемея. Написание имени Клеопатры в папирусе Casati лишний раз подтвердило правильность установленного им демотического алфавита, и Шамполлион, прочитав его, тотчас же транскрибировал данный комплекс демотических знаков соответствующими иероглифами. Ему оставалось теперь только ждать подтверждения своей иероглифической транскрипции имени Клеопатры со стороны иероглифической надписи, которая в бесспорном контексте содержала бы картуш Клеопатры. Он тогда уже слышал о существовании таковой надписи. Это была иероглифическая надпись на маленьком обелиске, найденном около храма Исиды на острове Филы. Надпись содержала 2 картуша, а греческая надпись на доколе обелиска упоминала наряду с именем Птолемея и имя Клеопатры. В январе 1822 г. Шамполлион получил, наконец, литографию иероглифической надписи обелиска; иероглифы картуша, не тождественного с картушем Росеттского камня, почти полностью совпали со знаками его иероглифической транскрипции демотического написания имени Клеопатры². То, что греческое «т» было передано в картуше обелиска с острова Филы иным иероглифом, нежели в картуше Птолемея Росеттского камня, не могло, конечно, служить препятствием для отождествления картуша Клеопатры с иероглифической транскрипцией Шамполлионом написания имени Клеопатры в демотическом папирусе Casati. Его теория гомофонов вполне удовлетворительно объяснила данное явление. Новый памятник окончательно подтвердил Шамполлиону его чтение картуша Птолемея и иероглифическую транскрипцию всех имен собственных демотического текста Росеттского камня. Он установил теперь иероглифический алфавит в полном его объеме и с его помощью прочитал все царские картуши доступных ему иероглифических надписей. К сожалению, они все относились к поздней эпохе и самыми древними из них являлись кар-

¹ За отсутствием коптского шрифта я передаю коптские буквы их греческими эквивалентами.

² Картуш обелиска из Фил отличается лишь несколько более полной огласовкой в передаче имени «Клеопатра».

туши персидских царей. В эту же эпоху египетская культура вошла уже в соприкосновение с греками, и поэтому можно было предположить, что египетский иероглифический алфавит, как нечто чуждое египетскому иероглифическому письму, был создан под воздействием греческого письма.

Шамполлион теперь не может согласиться со столь упрощенным решением вопроса о возникновении иероглифического алфавита, и он поэтому с лихорадочным напряжением просматривает весь материал надписей и папирусов, которым он тогда распластался, в надежде найти неоспоримое доказательство более древнего применения египетского алфавита. Наконец, 14 сентября 1822 г. его неутомимые поиски увенчались заслуженным успехом. В этот день он получил от путешественника Нуот копии с новых надписей египетских храмов. Среди них он нашел картуш, первый из иероглифов которого служил изображением солнца, читаемого по-коптски «*ꜥṯ*». Второй из иероглифов картуша оставался ему, правда, неизвестным, но зато тождественные друг другу третий и четвертый иероглиф соответствовали букве «*s*». Невольно возникла в его сознании догадка, что перед ним картуш великого царя Рамсеса, и эта догадка блестяще подтвердилась, когда он при дальнейшем просмотре нового материала встретил аналогичный по конструкции картуш, в котором иероглиф солнца был заменен иероглифом ибиса, посвященного богу письма¹, называвшегося по-коптски «*ꜥꜥꜥṯ*», а третий иероглиф соответствовал букве «*s*». Тогда он без колебания прочитал во втором картуше имя «Тутмес», а в первом — имя «Рамсес». Эти имена фараонов, судя по царским спискам египетского историка Манефсна, относились к XVIII и XIX династиям, т. е. к периоду столь древнему, когда о каком-либо греческом влиянии и речи быть не могло. Таким образом, было найдено Шамполлионом неопровержимое доказательство того, что иероглифический алфавит был создан египтянами задолго до появления греков в долине Нила и входил тем самым в качестве органической части в систему письма древней страны пирамид.

Великое открытие, доказавшее действительность на протяжении многих веков установленного им иероглифического алфавита, настолько потрясло существо Шамполлиона, что он, сообщив брату о последнем своем достижении, впал в глубокий обморок, длившийся несколько суток. Оправившись от него, он написал в несколько дней свое знаменитое «Письмо к господину Дасье относительно алфавита фонетических иероглифов, применяемых египтянами, чтобы вписывать на своих памятниках титулы, имена и названия государей греческих и римских». Правда, исследование с подобным названием Шамполлион мог написать уже давно, но только теперь он мог его закончить следующими замечательными словами: «Я имею уверенность, что те же самые иероглифическо-фонетические знаки, применяемые для того, чтобы представить звуки греческих и римских имен собственных, были применяемы также в идеографических текстах, увековеченных задолго до прихода греков в Египет, и что они имели уже тогда в известных случаях то же самое значение представления звуков, или произношения, что и в картушах при греках и при римлянах»². Шамполлион даже решился в этой связи высказать интереснейшую догадку о происхождении финикийского алфавита из иероглифического письма³.

Доклад произвел на всех присутствовавших, среди которых находился и Юнг, сильнейшее впечатление. Все почувствовали, что в этот пасмурный осенний день 27 сентября солнце Египта, столь долго пребывавшее в потустороннем мире забвения, снова взойшло и засияло над миром. Юнг понял, что загадка иероглифов, не решенная им, была, наконец, решена молодым французским ученым и что система наук обогатилась новой восточноведной дисциплиной — египтологией. Он, правда, пишет одному из дру-

¹ См. *Notar pollinis Niloi Hieroglyphica*, 1, 36.

² Письмо к Дасье, стр. 44.

³ Открытие так называемого синайского иероглифического письма подтверждает догадку Шамполлиона. См. В. В. Струве, Происхождение алфавита, изд. «Время», 1923.

зей своих, что ключ к прочтению иероглифов был заимствован Шамполлионом в Англии, т.е. у него, у Юнга. Подобная претензия Юнга, высказанная им ради самоутешения, доказывала, что он не вполне понял аргументацию Шамполлиона и не осознал различия между своими декларативными положениями и обоснованными выводами французского исследователя, покоящимися на громадном проработанном материале. Юнг сам должен был признать в том же самом письме, что он—Юнг—со своим пресловутым ключом ничего поделывать не мог, ибо «замок иероглифического письма был настолько заржавленным, что лишь мощная рука Шамполлиона была в состоянии повернуть ключ в замке»¹. Последнее утверждение Юнга также не соответствует действительности. Он не располагал подлинным знанием ни об одном из замков святилища бога Тота, мудрого бога письма. Он не мог установить неопровержимыми доводами ни единство графической системы Египта, ни объем иероглифического алфавита. Их установил без помощи кого-либо, а тем более Юнга, в мучительном процессе творческой мысли Франсуа Шамполлион.

27 сентября 1822 г. путь дешифровки был уже почти пройден Шамполлионом, уже был близок момент его завершения. В ближайшие месяцы он со всей бесспорностью доказал свое положение о существовании иероглифического алфавита задолго до прихода греков в Египет. Продолжая расширять свои знания в области иероглифических текстов, он скоро убедился в применении иероглифического алфавита и вне картушей, а из этого следовало, что установленные им фонетические иероглифы являлись, согласно его выражению, «душой» всей графической системы Египта.

Наряду с алфавитными иероглифами и подлинными идеограммами, называемыми Шамполлионом «*caractères symboliques*», он установил еще особую группу иероглифов, имеющих преимущественно графическое значение. Они назывались им «*caractères figuratifs*»—«фигуративными знаками» или «*déterminatifs*»—«определителями». Они писались после каждого фонетически написанного слова и определяли класс явлений, которые обозначались данным словом. Так, например, после мужского имени писался иероглиф, изображающий мужчину, после слова, обозначающего название какого-нибудь здания или строения, следовал иероглиф, изображающий дом, и т.п. Установлением детерминативов Шамполлион познал третий замок святилища бога Тота. Он оказал ему громадную помощь. Осознание значения «фигуративных знаков» как определителей детерминативов, а также знание коптского языка обусловили его сказочные успехи в понимании многочисленных изучаемых им древнеегипетских текстов. Все его достижения: и единство графической системы Египта, и глубокая древность алфавита, пронизывающего всю систему письма, и, наконец, определение содержания неизвестных слов «фигуративными знаками»—«детерминативами»—стали основой изложения знаменитого его «*Precis*», появившегося в своем первом издании в 1824 г. Данный труд содержал в зародыше не только последующие работы Шамполлиона, но и основные линии дальнейшего развития египтологии.

Лишь немного лет смог основоположник египтологии направлять науку, вызванную им к жизни. Его привели к преждевременной смерти не только непрерывный, не знавший отдыха исследовательский труд, но и неумолимая жестокость окружающего его буржуазного общества.

Мы, советские ученые, счастливы сознанием того, что в нашем отечестве были подлинные ученые, которые в свое время по достоинству оценили гениальное открытие Франсуа Шамполлиона². Самым выдающимся среди них был член Российской Академии Наук, директор Петербургской публичной библиотеки и впоследствии президент Академии Художеств Александр Николаевич Оленин, в гостеприимном доме которого Александр Сергеевич Пушкин был своим человеком. О подлинном интересе Оленина к достижениям дешифровки Шамполлиона свидетельствует их переписка,

¹ Hartleben, цит. соч., I, стр. 427.

² См. исследование Т. Н. Бороздиной, Развитие египтологии в России, «Новый Восток», 1923, кн. 3.

часть которой была издана советскими исследователями¹. Александр Николаевич Оленин, осознав все величие победы гениального ученого над мистицизмом лжеучения Горасполлона, несомненно, должен был повторить, подобно нам, слова столь близкого ему и нам гениального поэта:

*«Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным уми.
Да адревствует солнце, да скроется тьма!»*

Акад. В. В. Струве

Новые материалы к изучению статеров царя Аки

9 июля 1946 г., в кабинет нумизматики Государственного музея Грузии поступила очень интересная античная золотая монета, ценность которой значительно умножена имеющимися при ней сведениями об обстоятельствах и месте ее находки.

Передавая ее музею, бывший владелец В. Н. Кутателадзе сообщил, что, будучи в 1923 г. в селении Кинчха (Цулукидзеvский р-н Грузинской ССР), он был свидетелем находки этой монеты при прополке кукурузного поля и, заинтересовавшись находкой, приобрел ее. С тех пор монета находилась у него.

Селение Кинчха расположено в верховьях реки Цхенис Цкали, несколько севернее Горди, являвшегося в древности летней резиденцией владетельных князей Мегрелии Дадияни. Это селение, как сообщила мне специально работающая по археологии Колхиды Н. В. Хоштария, славится многочисленными мелкими, но очень интересными находками, которые редко попадают в наши музеи, так как большая их часть остается в руках местного населения.

Монета, приобретенная Музеем Грузии, по счастливой случайности избежала такой участи и, попав в руки специалистов, с самого же начала возбудила живейший интерес к себе.

На золотом статере (рис. 1), найденном в селе Кинчха, (№ 2 нашей таблицы, диаметр 17—18 мм, вес 8,45 г, каталог музея Грузии № 4872) изображены:

Av. Голова юного Александра Македонского вправо в диадеме и с рогом Амона. Конец диадемы свободно свисает с густых кудрей на спине.

Rv. Восседающая на троне богиня Афина левой рукой опирается на низкую спинку трона, к основанию которой прислонен круглый гладкий щит. Богиня изображена в профиль, влево на протянутой ее правой руке стоит Ника с распростертыми крыльями и лавровым венком в руке, тоже протянутой вперед. На Афине конический шлем с высоким гребнем. Непосредственно за ней располагается почти примыкающая к спине надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Перед богиней, под протянутой рукой Ники—Аκρο. Один из важнейших атрибутов Афины—копье—отсутствует. Под троном—горизонтальная черта, а еще ниже—трезубец, направленный влево.

Первые очень лаконичные сведения об аналогичном статере были почерпнуты у Head². Статер из селения Кинчха по выполнению чрезвычайно сходен с экземпляром, хранящимся в Париже (см. «Нумизматический сборник», II, стр. 41, рис. 14, в статье А. В. Орешникова).

Нашу монету относили первоначально к боспорским, которые напоминают внешним своим видом византийские выпуски статеров Лисимаха.

Статеры Лисимаха общеизвестны, потому что они неоднократно издавались, и здесь я не стану утомлять внимания читателя их описанием, но изображение одного

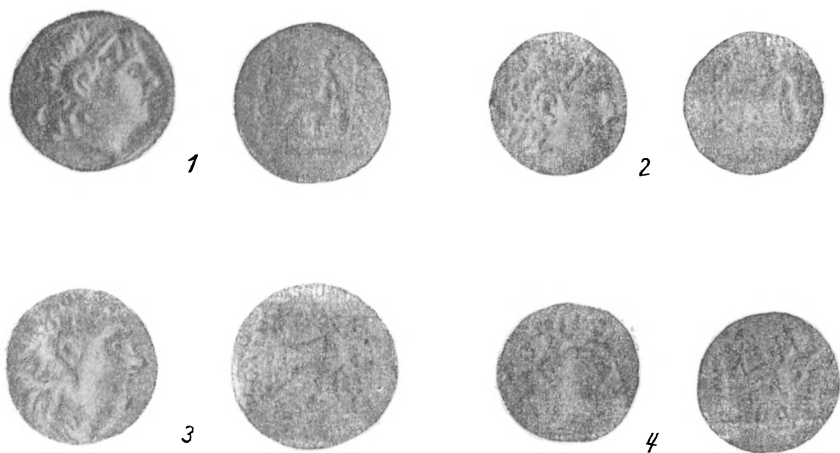
¹ См. исследование А. В. Мачинского, павшего смертью героя на фронте в 1942 г., «Переписка Ж. Ф. Шамполлиона с А. Н. Олениным» («Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 4) и И. С. Каднельсон, «Неизвестное письмо Франсуа Шамполлиона», ВЦИ, 1947, № 2, стр. 179 сл.

² Head, Historia Numorum, Oxford, 1911, с. р. 504.

такого статера—кстати, также найденного в пределах Западной Грузии (селение Эки, Миха Цхакаевский район)¹ для сравнения все же помещаю на приложенной таблице под № 1.

Описание статера из селения Кинчха с одинаковым успехом подошло бы и к статеру лисимаховского типа, изображенного на нашей таблице под № 1, не будь здесь бросающейся в глаза разницы,—надписи, сообщающей в одном случае имя Лисимаха, а в другом—Аки; заметно также и отсутствие копыя у Афины на экземпляре, изображенном на таблице под № 2.

Подробный разбор и анализ литературы, посвященной парижскому статеру, сильно перегрузил бы страницы этого краткого сообщения, а потому я коснусь лишь работы академика С. А. Жебелева, в которой вообще нумизматическим вопросам отведено сравнительно небольшое место, но интересующему нас статеру посвящено

специальное и пространное примечание². Здесь подведен итог всему, что было до этого сказано о парижском статере «боспорского» царя Аки.

Академик С. А. Жебелев прямо называет имя, отмеченное на этом статере, «загадочным» и сообщает, что хранящийся в Cabinet des Médailles экземпляр поступил в Париж от продавца-грека в 1865 г., что найден был он в окрестностях Трапезунда и считался единственным.

Трапезундский экземпляр вызвал широкий обмен мнений виднейших специалистов, и имена ученых, посвятивших ему свои труды, в указанной статье акад. С. А. Жебелева подробно перечислены: А. Chabouillet, Imhoof-Blumer, Head, В. В. Шкорпил, А. В. Орешников, Л. А. Бертье-Делагард, Minns, М. Н. Ростовцев и А. Н. Зограф.

Один лишь этот перечень свидетельствует о том интересе, который возбудила эта действительно редчайшая монета, вызвавшая различные толкования.

Шабуйе, например, считал царя Аку фракийским или скифским династом; Imhoof-Blumer признавал в нем предшественника или преемника одного из Перисадов; М. И. Ростовцев видел в Аке узурпатора и находил, что на статере он выглядит скифом или сарматом; В. В. Шкорпил допустил возможным сопоставлять Аку с женским именем Акиды, известным из боспорских надписей.

¹ Находка этого статера, попавшего в музей Колхиды в городе Потти (вес равен 8,48 г), зарегистрирована А. Н. Зографом («Находки античных монет на Кавказе». Труды «Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа», I, Ленинград, 1945, стр. 54).

² Акад. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ. 1938, № 3 (4), стр. 66—67.

Столь же разноречивыми оказались мнения ученых о датировке этой монеты: Imhoof-Blumer датировал ее II в. до н. э.; А. Л. Бертье-Делагард—серединой III в. до н. э.; Minns—второй половиной III в., а А. В. Орешников—концом III в. до н. э. Акад. С. А. Жебелев, имевший «большое искушение отнести статер к Савмаку» (скифу, выросшему при дворце Перисада), датировал монету последним десятилетием II в.; А. Н. Зограф относил статер к началу II в. до н. э.

Все это делает очевидным, что вопрос о происхождении и времени чеканки статера остался так и нерешенным, и поэтому «явно не греческое имя» Аки приходится искать более тщательно среди династов тогдашнего эллинистического мира.

Акад. С. А. Жебелев приводит даже примеры явно туземных имен из надписей Северного Причерноморья, в которых *აკის* или *აკი* служит конечной частью имени.

Анализу скифо-сарматских собственных имен и этнических наименований в связи с их более южным распространением среди народов и племен Причерноморья несколько позднее посвятил работу и акад. И. А. Джавахишвили; в ней упомянута значительная группа имен с составной частью —*აკის*¹. Но еще ранее этот вопрос был им же затронут и в «Истории грузинского народа», где наряду с другими, уже южнее распространенными именами упоминается царь тубалов Ки-ак-ки². Не вдаваясь в подробности этого вопроса, я ограничусь привлечением свидетельства Плиния о царях колхов Савмаке, «добывшего много золота и серебра в земле суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рунами» (NH, XXIII, 52). Это имя, сохранившееся и поныне среди жителей Западной Грузии, особенно в Мегрелии, можно тут встретить и в географических названиях³.

Однако выясняется, что прямыми сведениями о багилевсе Аке наука все же пока не располагает, и, чтобы установить его подлинную родину придется обращаться к сведениям или показателям косвенным.

Исключительная редкость избираемого нами статера лишает нас надежды на поступление дополнительных сведений о частых находках подобных монет; кроме того, сфера распространения монетных типов очень редко совпадает с нынешними политическими границами. Однако, кроме упомянутых двух уже прочно зафиксированных случаев находок статеров Аки на территории, соответствующей границам древней Колхиды—Трапезунд, Кинчха, я напомню еще об одном статере, который по характеру чеканки, несомненно, близок к двум вышеупомянутым.

В 1920 г. в сел. Реке (Зугдидский р-н Грузинской ССР), при рытье канавы на берегу р. Ингур, было обнаружено погребение с богатым инвентарем и монетами. Инвентарь был расхищен, а из монет в Музей Грузии были доставлены лишь две

¹ Акад. И. А. Джавахишвили, Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, ВДИ, 1939, 4 (9), стр. 30—49.

² Акад. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа (на грузинском языке), Тбилиси, 1913, стр. 42—43.

³ Упомяну лишь несколько примеров, свидетельствующих о распространении этого имени и в наше время. Примеры эти любезно сообщены мне сотрудниками АН Груз. ССР Т. И. Абрамишвили и А. Рогава: Аку Курдадзе (с. Итрия Хашурского р-на), Аки Макадария (с. Дидинадзе Зугдидского р-на), Аки Малания (с. Джвари Цаленджикского р-на), Аки Самушиа (с. Лиа Цаленджикского р-на). Список этот можно было бы при желании значительно расширить, но полагаю, что и привлеченных названий вполне достаточно. Из сохранившихся географических названий укажу на селение Аху-ти (в километрах 12-ти восточнее Зугдиди), крепость Аки, упоминаемую путешественником Н. Д. Языковым (М. А. Полиектов, Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тбилиси, 1936, стр. 73, о путешественнике Языкове Николае Давыдовиче); поселение и речка Аки, упоминаемые Арканджело Ламберти («Описание Мегрелии», перевод на груз. яз. А. Чкония, Тбилиси, 1938, см. прилож. карту).

золотые—статер Александра Македонского и подражание статеру Лисимаха (инв. каталог фонда «Клады» кабинета нумизматики Госуд. музея Грузии №№ 3066—3067).

Статер Александра не имеет непосредственного отношения к нашей теме, и потому останавливаться на нем мы не будем, но вторая монета близка по типу со статером сел. Кинча и о ней следует сказать подробнее (см. № 3 нашей таблицы).

Золото. Дdiam. 21—22 мм, вес 7, 78 г.¹

Ав. Голова Александра вправо в диадеме и с рогом Амона. Волосы царя трактованы иначе, чем на предыдущих монетах, в сравнении с которыми помещенное на этой монете изображение несколько грубее.

Рv. Еще грубее передано изображение Афины, которая, восседая в профиль, влево, левой рукой опирается на низкую спинку трона, к которой прислонен щит, изображенный тут уже в виде дуги. На правой, протянутой руке Афины стоит крылатая Ника, под рукой Афины знак, похожий на монограмму, на ее голове конический головной убор, а за ней, почти вплотную к спинке, искаженная греческая надпись, похожая на ΝΑΣΙΠΙΣ. Видимо тоже искаженная надпись расположена и перед Афиной (под Никой); она читается, как ΠΑΚΟΥ.

Копья, как естественного атрибута Афины, почти не видно. Оно едва намечено у колен богини, острия его у плеча уже нет. Под тронном—треугольник, направленный влево.

Теперь сравним два описанных статера: один—помеченный именем Аки, и второй—тоже лисимаховского типа, найденный в сел. Реке, и отметим те детали, которые указывают на разницу между ними.

Первое, на что бы я обратил внимание,—это еще высокий стиль художественного выполнения работы статера с именем Аки.

Первый статер чеканен из лучшего золота, и к тому же он тяжелее второго на 0,67 г.; вторая монета, особенно с оборотной стороны, выполнена значительно хуже и в сравнении с первой уже варваризована.

Заметна разница и в фактуре типа: в первом случае мы имеем плотный монетный кружок сравнительно малого диаметра, тогда как во втором несколько больший кружок уже расплюснут и к краям утончается.

«Едва ли может быть сомнение в том, что кружки для изготовления подражаний Лисимаху не просто отливались, как для классических статеров Александра и Лисимаха, а ковались, расплющивались молотом еще до чеканки»², а потому этот признак, помеченный А. Н. Зографом, является весьма существенным при датировке статера Аки.

Попытка академика С. А. Жебелева датировать этот статер концом II в. до н. э. неубедительна. Датировки Минипса (вторая половина III в. до н. э.) и А. В. Орешникова (конец III в. до н. э.) должны быть более близкими к истине; статер Аки, как и классические статеры, изготовлен из литого кружка; судя по этому признаку, он чеканен значительно раньше, чем второй, расплюснутый молотом.

Второй мастер, видимо, был настолько неумелым, что не мог даже правильно скопировать надписей. Трудно ответить на вопрос—какое имя он хотел передать: Лисимаха или Аки? Оба ответа были бы одинаково правдоподобными, так как надпись на монете одинаково похожа и на Ακω и на окончание имени Лисимаха. Но, с другой стороны, монетный мастер легко мог допустить ошибку, которую часто повторяют и сейчас, пытаясь разобрать имя на монете. Ακω большей частью принимают за окончание имени, а бледные и неясные детали руки Ники с лавровым венком почти постоянно принимают за несуществующие на самом деле буквы. Неграмотный мастер, исказив-

¹ С. И. Макалатия, впервые издавший эту монету в «Вестнике Грузинского музея» (1928, т. IV, стр. 164), дал неправильные сведения об искажениях и метрологических данных.

² А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа. Археологические работы на новостройках в 1932—33 гг. «Известия ГАИМК», вып. 110, стр. 182.

ший всю надпись, легко мог принять руки Ники за буквы и изобразил их двумя короткими вертикальными черточками, проставленными перед Ахш.

Монету, найденную в сел. Реке, А. Н. Зограф признал за «самый ранний образец подражания статерам Лисимаха»¹. Эти же подражания другой авторитетный исследователь Е. А. Пахомов совершенно справедливо считает «возникшими в Грузии»².

«Отличающий с самого начала все византийские выпуски лисимаховских статеров добавочный символ—трезубец—служит характерным признаком не только кавказских подражаний, но также и редких статеров боспорских правителей с их собственными именами»³.

Следует особо отметить, что этим добавочным символом снабжены не только оба сравниваемых статера, но и вообще все, в дальнейшем все более и более грубеющие, грузинские их подражания. Важно и утверждение А. Н. Зографа о том, что чеканка монет типа Александра Македонского и Лисимаха, продолжалась более двух столетий после смерти обоих монархов, что выпускались они в различных городах по всему пространству греческого мира», а тем более его ссылка на убедительные доказательства Ньюэлла о существовании монетных дворов Черноморья и, в частности, наличия «группы монет, чеканенных в Синопе»⁴. Для выяснения происхождения статера Аки все эти указания значительно расширяют территориальные границы места чеканки.

Под № 4 на нашей таблице дано изображение еще одного такого, но более огрубевшего экземпляра, относящегося к этой группе монет. По мнению А. Н. Зографа, подобный вариант примыкает «к сравнительно ранним подражаниям, тем, которые должны относиться еще к 3-й четверти I века до н. э. и которые выбиты из хорошего, чистого золота»⁵. Сравнительно с прототипами вес его хотя уже и снизился (=6,92 г), но все же еще достаточно высок.

К настоящему времени в картотеке кабинета нумизматики Государственного музея Грузии имеется 15 бланков с заполненными достоверными сведениями о находках 18 подобных колхских статеров, как назвал их акад. С. Н. Джанашиа⁶, видимо стремящийся окончательно установить их происхождение из Колхиды. Кроме упомянутых 15 случаев, я располагаю данными о наличии в разных коллекциях по Грузии еще нескольких, к сожалению, беспаспортных, но, несомненно, местного происхождения подобных же статеров.

Указанный материал дает богатейшую гамму всех переходов от монет, выполненных художественно и со вкусом, по виду и весу приближающихся к подлинным статерам Лисимаха, и до самой грубой и примитивной схемы, в четверть первоначального веса монеты. Так же разнообразен и состав металла, колеблющийся от чистого золота до серебра.

Связывая с кругом «кавказских» подражаний статер базилевса Аки, я руководствовался тем соображением, что по своей природе он является таким же подражанием, как и прочие его грузинские аналогии, с той лишь разницей, что в этой серии монет он является наиболее ранним.

¹ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе. «Труды Отдела нумизматики Государств. Эрмитажа, I, Ленинград, 1945, стр. 34.

² Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, Изд. О-ва обследован. и изучения Азербайджана. Баку, 1926, стр. 16.

³ А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа. Арх. работы на новостройках в 1932—33 гг., «Изв. ГАИМК», вып. 110, стр. 180.

⁴ А. Н. Зограф, Статеры Александра Македонского, Труды Отдела античного мира Гос. Эрмитажа, I, Ленинград, 1945, стр. 86 и 97.

⁵ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, Труды Отд. нумизматики, Гос. Эрмитажа, 1945, I, стр. 32—33.

⁶ «Опись грузинских музейных ценностей, вывезенных бывш. меньшевистским правительством за границу в 1921 г. и возвращенных из Парижа в Грузию в 1945 г., составленная приемочной Комиссией СНК СССР», изд. АН Груз. ССР под редакцией академика С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1945, стр. 17.

Основываясь на этом и учитывая сферу распространения этих монет, покрывающую пределы древней Колхиды, а также стилистические данные и главным образом имеющиеся достоверные сведения о сохранившихся в нынешней Западной Грузии географических названиях и собственных именах, дающих повод безоговорочно доверяться достоверности надписи, можно допустить, что на монете правильно воспроизводится действительное имя колхидского царя Акио.

Что же касается датировки статера Аки, то в этом вопросе наиболее решающим признаком следует считать подмеченные А. Н. Зографом особенности чеканки классических статеров, так резко их отличающие от более поздних выпусков. На основании этого признака мнения Миньва и А. В. Орешникова, приурочивающих статер Аки к III в. до н. э., следует считать наиболее близким к истине, тем более, что Колхида, которая начала клониться к упадку лишь к концу II в. до н. э.¹, имела до этого вековые традиции чеканки собственной серебряной монеты, в некоторых случаях не уступающей лучшим классическим образцам².

Весь этот материал еще далеко не приведен в ясность. Во всяком случае уже очевидно, что вряд ли где-либо в другом месте отыщется уголок, столь обильно насыщенный находками аналогичных монет. В результате же археологических работ в древней столице Грузии—Мцхета, открыто немало неизвестных грузинской истории имен и с этим придется считаться каждому, кто заинтересуется статером «загадочного Аки».

Зав. кабинетом нумизматики Гос. музея Грузии *Д. Г. Капанадзе*

Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи

1. Территория и топография

Полуостров, на котором находится Херсонес, представляет возвышенность, вытянутую в направлении с ЮЗ на СВ. Наибольшая ее высота в югозападном конце 30 м, на СВ она снижается до 12 м. Северо-западная сторона этой возвышенности пологим склоном опускается к морю, с юго-запада и юго-востока полуостров отделен от материка глубокими балками. Высокие и обрывистые их склоны определили естественные границы города: крепостные стены в общем следуют направлению балок. Лишь на берегу Карантинной бухты линия оборонительных стен образует большой выступ к юго-востоку, который был необходим для устройства порта и его защиты. Наибольшей величины городская территория достигает в V в. н. э.

Некрополь расположен к югу, юго-западу и юго-востоку от городских стен в виде широкого веера на расстояние до 1 км. Он относится к эллинистическому и римскому периодам и средневековой эпохе. Попытки же найти могилы более раннего времени долгое время оказывались тщетными. Отсутствие некрополя классической эпохи приводило исследователей к различным точкам зрения на вопрос об основании Херсонеса³.

Раскопками 1935—1937 гг. на северном берегу Херсонеса был открыт массовый некрополь конца V, начала IV в. до н. э.⁴. Некрополь оказался под городом, так как

¹ «История Грузии», ч. I, с древнейших времен до начала XIX в., под редакцией акад. С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1946, стр. 62.

² А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе. «Труды Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа», I, Ленинград, 1945, см. №№ 1—5, табл. I после стр. 50.

³ Литература по вопросу об основании Херсонеса указана у А. Л. Бертъе-Деллагарда, О Херсонесе, ИАК, вып. 21, стр. 202—203, а также у А. И. Тюменева, Херсонесские этюды, ВДИ, 1938, № 2/3.

⁴ Г. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Сям., 1938.

городская территория в конце IV и в III в. значительно увеличилась, как и предполагал К. Косцюшко-Валюжинич, производивший раскопки Херсонеса в течение 20 лет. Между территориями города живых и города мертвых существовала тесная зависимость: первый растет за счет второго, покрывает его собой и отодвигает все далее в степь. Вследствие этого некрополь эллинистического периода оказывается в другом месте. В конце IV—начале III в. до н. э. начинают хоронить за городскими стенами, которые в это время были уже сооружены. Эллинистический некрополь располагается на крутом склоне южной балки и узкой полосой тянется вдоль оборонительной стены к юго-востоку, вплоть до Карантинной бухты. Наибольшую площадь занимал некрополь римского периода, I—IV вв. Погребения совершались и вблизи стен (например, в периболе), и вдали от них. Могила I—IV вв. густой массой покрывают склоны так называемой Девичьей горы, западный берег Карантинной бухты, оба склона Карантинной и Песочной балок, перебрасываются на восточный берег Карантинной бухты, а отдельные склепы встречаются на расстоянии более километра от городской черты.

2. Состояние могил, архивных материалов и вещей из раскопок

Большая часть могил классической и эллинистической эпохи до нас не сохранилась. Многие из них были разрушены в древности. Например, некрополь классической эпохи на северном берегу при застройке его жилыми домами подвергся значительному разрушению, а в какой-то части и полному уничтожению. Территория эллинистического некрополя была использована для погребений в римский период, вследствие чего многие могилы были потревожены или перекопаны. Семейные склепы римского периода продолжали иногда служить для погребений в течение нескольких столетий, при этом ранние погребения, естественно, должны были уступить место последующим.

Но наибольшим злом было ограбление могил, совершавшееся еще в древности. Ограблению подвергались главным образом склепы, которые обнаружить и открыть было легче, чем простые грунтовые могилы. Вследствие этого самый большой процент ограбленных могил падает на римский некрополь, меньше на эллинистический и совсем незначительный на классический. Количество разграбленных могил эллинистической эпохи составляет всего лишь около 20% общего их числа.

Изучению некрополя мешает неудовлетворительное состояние архивных материалов о раскопках. Для многих могил отсутствуют их планы и описание, не указывается ориентация могил и костяков, положение остова, нет зарисовок и фотографий погребений и т. д. Положительной стороной раскопок К. Косцюшки является наличие общих погодных планов раскопок, на которых нанесены все могилы. Это дает возможность составить генеральный план всего раскопанного Косцюшкой некрополя, установить исследованные и неисследованные его участки, возможно определить ориентацию могил и т. д. В этом отношении состояние архивных материалов Р. Лепера, производившего раскопки в Херсонесе в 1908—1914 гг., значительно хуже: от него остались лишь черновые записные книжки с кратким перечнем найденных в могилах вещей, планы же и описание могил отсутствуют (или были утрачены со смертью чертежника М. Скубцова, после которого сохранились в Херсонесе черновые обмеры, не связанные с дневниками Лепера).

Особенно плачевно состояние вещевого материала, происходящего из могил: Косцюшко не шифровал предметы, они остались беспаспортными и, следовательно, значительно обедненными в научном отношении. Благополучнее положение вещей, хранящихся в Эрмитаже: на вещи, посылавшиеся в Археологическую комиссию и передававшиеся потом в Эрмитаж (отчасти в Исторический музей и др.), составлялись особые описи, в которых почти всегда указывалось место происхождения вещей, №№ могил и т. п. Поэтому вещи, хранящиеся в Эрмитаже, служат основным материалом при изучении погребального инвентаря херсонесского некрополя.

Другая беда, виновником коей была сама Археологическая комиссия, заключается в том, что комплексы из могил часто разрознивались: золотые, серебряные и лучшие в художественном отношении вещи посылались в Комиссию, остальные же предметы оставались на месте в Херсонесе. Вследствие этого многие погребальные комплексы не могут быть полностью выставлены и подвергнуты изучению ни в Херсонесе, ни в Эрмитаже.

Все же имеется достаточное количество сохранившихся комплексов с необходимыми данными об их раскопках. Для классического некрополя имеются почти все нужные сведения. Опираясь на эти целиком сохранившиеся погребальные комплексы, возможно составить в общем довольно полную картину херсонесского города мертвых.

3. Типы могил, их устройство и способ захоронения

Могилы классической эпохи, за несколькими исключениями, были устроены в земляной насыпи. Несколько из них было обложено мелкими камнями. В двух-трех могилах погребенные находились в деревянных гробах.

В эллинистический период преобладающим типом могил остаются земляные, они составляют около половины общего количества. Остатки или следы деревянных гробов встречаются очень редко.

К тому же типу принадлежат могилы, вырубленные в скале: верхняя часть могилы находится в земляном грунте, но, вследствие его незначительной глубины, приходилось делать выруб в скале, обычно глубиной 0,50—0,60 м. Форма выруба—неправильная: овальная или четырехугольная. Верхняя часть могилы иногда обкладывалась черепицами. На большинстве могил перекрытие не сохранилось, на некоторых из них лежали известняковые плиты, или черепицы, или деревянные доски. Деревянные гробы редки.

Около 25% могил, устроенных в насыпи, было обложено черепицами. Этот вид могил является характерным для эллинистического периода. Перекрытие их было горизонтальным, иногда же в виде двускатной крыши, несколько черепичных гробниц имело перекрытие из каменных плит. Подавляющее большинство черепиц происходит из Синопы, на это указывают их большие размеры (0,67×0,49 м), глина и клейма. На черепицах меньших размеров (0,54×0,40; 0,49×0,40) клейма отсутствуют.

Небольшое количество могил было обложено мелкими камнями или тесаными каменными плитами, причем в нескольких из них внутренние стенки были, кроме плит, обложены черепицами.

Для погребения младенцев употреблялись остродонные амфоры: в широкой части амфоры пробивалось отверстие, через которое клали внутрь трупик, обычно головой к горлу. Формы амфор, их глина и техника изготовления не одинаковы, что свидетельствует о происхождении их из различных центров производства. На одной из них оказалось синопское клеймо середины III в. до н. э. (погребение № 2811).

Характерной особенностью некрополя классической и эллинистической эпохи является отсутствие семейных гробниц. Только две гробницы, как исключение, были семейными: подстенный склеп № 1012 с семью погребениями, являющийся исключением во всех отношениях¹, и гробница с шестью урнами (№№ 1517—1522). Кроме них, по два погребения содержали еще несколько могил, все остальные погребения были одиночными. Объяснение этого, вероятно, можно видеть в том, что земляной покров, в котором обычно вырывались могилы, был сравнительно тонким и не позволял устраивать в нем обширные семейные гробницы или склепы. Последние стали характерным видом могилы лишь с I в. н. э.: они вырубались в скале и были рассчитаны на пользование ими в течение ряда поколений.

Преобладающим способом захоронения в классическую эпоху было трупоположение. На 120 погребений, открытых раскопками 1935—1937 гг., оказалась только

¹ К. Э. Гриневич, Подстенный склеп № 1012, «Херс. сб.»—I, Сев., 1926.

одна урна с сожженными костями и несколько кострищ. Из раскопок прежних лет известно несколько семейных гробниц, содержавших урны с сожженным прахом.

В эллинистическую эпоху количество трупосожжений увеличивается до 20—25%. Большинство из них находилось в урнах, несколько сожженных прахов лежало в насыпи, один в черепичной гробнице, один—в могиле, вырубленной в скале, один (детский)—в глиняной гробничке.

В качестве урн были использованы глиняные гидрии (29), двуручные (15) и одноручные сосуды (11), остродонные амфоры (6), одна чернолаковая гидрия (середины IV в.), два краснофигурных кратера (из них один, № 1517, редко встречающейся формы, относится к концу V—началу IV в.¹, 4 бронзовые гидрии (из них 3 из склепа 1012 датируются концом IV—серединой III в. до н. э).

4. Положение костяка и его ориентация

В большинстве могил классической эпохи костяки лежали на спине с вытянутыми вдоль туловища ногами и руками. Иногда та или другая рука лежала на тазе, в редких случаях на груди или на животе (поперек туловища).

Особую группу составляют скорченные погребения, открытые в 1936—37 гг. Скорченные костяки лежали чаще на правом, реже—на левом боку, руки до локтей вытянуты вдоль туловища, от локтей подняты к лицу. В некоторых погребениях руки были вытянуты по направлению к скорченным коленям или поперек туловища. В большинстве погребений скорченное положение очень сильно выражено: ноги поджаты к животу вплотную, а ниже колен они согнуты доотказа, руки вытянуты к подбородку. Но в ряде погребений в положении костяка можно было наблюдать переходные стадии от скорченного состояния к вытянутому: костяк лежит на спине, но со скорченными коленями, одна рука в локте согнута и лежит на плече или на груди, а другая вытянута и т. д.

В подавляющем большинстве погребений классической эпохи погребенные положены головой на восток. По данным раскопок 1936—37 гг., количество таких костяков составляло около 85%. Для большинства погребений, происходящих из раскопок старых лет, сведений об этом не имеется. На основании же тех погребений (свыше 100), относительно которых есть указания на их ориентацию, можно сделать вывод, что в эллинистическую эпоху более половины костяков лежало головой на восток, иногда с небольшими отклонениями к СВ и ЮВ. Аналогичную картину представляют, например, некрополи Ольвии и Пантикалея, в которых преобладающим направлением было также восточное².

5. Погребальный инвентарь

Количество погребений, включавших в себе какой-либо инвентарь, составляет около двух третей общего их числа. В классический период процент погребений с вещами меньше, чем в последующий. Чем позднее погребения, тем чаще и больше в них встречаются вещи. По своему составу погребальный инвентарь довольно однообразен.

Больше всего в могилах встречается посуды. Формы ее различны. В детских могилах обычными сосудами являются рожки для молока, чернолаковые чашечки, небольшие канфары, маленькие горшочки. При погребениях взрослых эллинистического времени чаще всего находится чернолаковая тарелка, это самая обычная принадлежность покойного. Далее встречаются килики или канфары—сосуды для питья, кувшины небольших размеров, маленькие краснофигурные лекифы, гуттусы, мегарские чашки и пр. Глиняная посуда в могилах помещалась в разных местах: в изголовье, в ногах и по бокам,—повидимому, не существовало определенного правила для ее размещения.

¹ Г. Д. Белов, Краснофигурный кратер из Херсонеса. «Труды Античного отдела Эрмитажа», I, Л., 1945.

² ИАК, вып. 8, стр. 17, вып. 13, стр. 113; вып. 9, стр. 75 сл.; вып. 35, стр. 12 сл.

Монеты, как плата Харону, являются самым обычным предметом при погребении. Правда, монеты почти совершенно отсутствуют в могилах классического времени, но это вполне естественно, так как чеканка монеты в Херсонесе начинается только с середины IV в. до н. э. Монета находилась обычно во рту, в изголовье или в руке умершего. Монеты, найденные в погребениях, относятся к IV—I вв. до н. э. Они имеют большое значение для датировки вещей, найденных вместе с ними в могилах, и для определения времени совершения погребений.

Украшения встречаются обычно в женских и детских погребениях и состоят из серег, ожерелий, браслетов, перстней, бус и пр. Находятся они при погребенных на тех местах, на каких носились при жизни. Следует отметить, что украшения погребенных классического периода значительно скромнее, чем украшения эллинистического времени. Перстни, браслеты и серьги в первый период обычно бронзовые, начиная же с III в. в могилах появляются украшения из драгоценных металлов. Золотые ожерелья, серьги, перстни и бляшки с III в. становятся нередкими принадлежностями покойников.

Характерными вещами эллинистического погребального инвентаря являются свинцовые трехчастные кисти, находимые обычно в изголовье могилы. Повидимому, это были шпильки для украшения и скрепления волос, причем они изготовлялись, несомненно, только для покойников. Насколько мне известно, подобные шпильки в некрополях других городов не встречаются.

Терракотовые статуэтки являются принадлежностью, чаще всего, детских и женских погребений. Погребальный обряд в отношении к детям был более тщательным: убитые горем родители проявляли к умершему ребенку особое внимание и любовно украшали его могилу, кладя в нее дорогие, красивые или любимые ребенком предметы и игрушки. Характерно, например, детское погребение, раскопанное в 1912 г. Вокруг урны с сожженным прахом были поставлены шесть изящных терракотовых статуэток конца IV—начала III в.¹, а внутри урны положены золотые украшения: ожерелье, серьга, перстень и подвеска в виде художественно исполненной фигурки Эрота. Среди херсонесских терракот наиболее распространенным мотивом является крылатый гений смерти. В могилах его фигурка часто встречается вместе с полуфигурой Деметры: таких случаев засвидетельствовано несколько. Фигурка гения найдена была на территории Греции только однажды². В Херсонесе она известна во многих экземплярах, являющихся при том репликами,—это дает основание предполагать, что тип гения может быть был местным, характерным для Херсонеса. Статуэтки гения, а также и Деметры, совершенно аналогичные, найдены в Евпатории—древней Керкинитиде, куда они были привезены, конечно, из Херсонеса. В Керчи и Ольвии подобных терракот гения найдено не было.

Большой интерес представляет комплект терракотовых вакхических масок и статуэток Эрота, найденных в детской могиле № 611 и являющихся произведениями местных коропластов: все они одинаковой техники, одного художественного уровня и относятся к III в.³ Как раз в то время в Херсонесе процветало производство терракот, хорошо известных нам по мастерской, открытой в 1888 г.⁴, и по многим формам, найденным в 1934—1937 гг.

Как единичные случаи встречаются в могилах: принадлежности юношей, занимавшихся гимнастикой—стриги́лы и арибаллы; оружие, свидетельствующее о том, что погребенный был военным человеком; различные инструменты, говорящие о профессии умерших, и пр.

¹ Изданы в моей работе «Терракоты Херсонеса» («Херс. сб.», III, стр. 225—229, рис. 8—14).

² Winter, Die Typen der figurlichen Terrakotten, II, стр. 246, рис. 5.

³ ОАК, 1896, рис. 546—550.

⁴ Мат. по арх. России, вып. 7.

Самым распространенным надгробным памятником в классическую и эллинистическую эпоху была каменная плита в виде головы, вставленная в простую горизонтальную плитку, лежавшую на земле. Лицевая сторона вертикальной плитки обычно плоская и гладкая, обратная же—выпуклой овальной формы, высота памятника в среднем около 0,30 м¹.

Надгробные памятники более крупных размеров имеют вид прямоугольной плиты, украшенной сверху небольшими акротериями, иногда фронтоном, на лицевой стороне—двумя розетками. Эти памятники выполнены просто и строго и относятся к IV—III вв. Более художественно исполненными являются мраморные стелы, украшенные сверху пыльным анфемием в виде акантового листа, происходят они из Аттики и датируются IV в.².

Надписи на стелах отличаются лаконичностью и содержат лишь имя и отчество умершего, при женских именах добавляется указание на то, чьей женой была покойная.

6. Значение некрополя для истории города

Для истории возникновения Херсонеса данные некрополя имеют решающее значение. Поэтому открытие в 1936—37 гг. скорченных погребений является большим, подлинным открытием. Наличие на северном берегу большого количества скорченных костяков свидетельствует о существовании на месте Херсонеса местного, догреческого поселения. Обычай погребать в скорченном положении, как известно, существовал в родовом обществе и не был свойственным грекам классической эпохи. Следовательно, скорченные погребения принадлежали не грекам—пришельцам, а местному населению. Какому именно?

Среди местного населения Крыма в то время были известны племена скифов и тавров. Скифы жили в степной части, а тавры в южной—в горах. Ближайшим к Херсонесу пристанищем тавров была бухта Символов (Балаклава, в 12 км от Херсонеса). Следы поселений и погребения тавров в каменных ящиках находятся недалеко от Херсонеса, в Байдарской долине и в других местах. Гераклейский полуостров, ближайшая область Херсонеса, отделенный от степной части Крыма горной грядой, в географическом отношении скорее относится к южной горной части, а не к степной, и мог быть заселенным, вероятнее всего, таврами.

Каменные орудия, находимые в глубочайших слоях Херсонеса, возможно, принадлежали киммерийцам, поселения которых на месте Херсонеса и в его окрестностях существовали в начале I тысячелетия до н. э. Тавры же, повидимому, являются остатками киммерийцев³. Таким образом, догреческое поселение в Херсонесе могло существовать в течение продолжительного времени, вплоть до основания колонии греками. Наличие лепной черноглиняной керамики местного производства подтверждает существование догреческого поселения.

То обстоятельство, что скорченные костяки находились вместе с вытянутыми греческими погребениями и с греческим инвентарем на одном общем кладбище, дает основание считать, что тавры в Херсонесе продолжали жить в течение некоторого времени вместе с греками. Почти полное отсутствие скорченных погребений в эллинистическом некрополе свидетельствует, что тавры смешались потом с греками. Однако некоторые памятники (клейма на амфорах *ταυριζόν*, мраморная стела с надписью *Γυνὴ ταυρικῆ*⁴) указывают на то, что тавры продолжали жить в Херсонесе вплоть до первых веков н. э.

Второй этап в истории Херсонеса—возникновение греческой колонии. Момент

¹ Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., стр. 192, рис. 41.

² Д. Г. Белов, Музей и раскопки Херсонеса, Симф., 1936, стр. 41, рис. 14.

³ «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», ч. I, стр. 216—218.

⁴ Е, I², № 528.

этот до сих пор не был твердо установленным. Как известно, литературные источники и эпиграфические памятники не освещают этот вопрос с достаточной полнотой. Вещественные материалы из раскопок были также скудны.

Открытие в 1936—37 гг. погребений классической эпохи с керамикой последней четверти V и IV в. позволяет с полным правом утверждать, что основание Херсонеса греками имело место в конце V в. до н. э. Основываясь на материалах некрополя раскопок последних лет, акад. А. И. Тюменев имел возможность установить, повидимому, прочную дату основания Херсонеса гераклейцами и делосцами¹. Некрополь имеет большое значение для истории Херсонеса как города: некрополь дает возможность определить и проследить постепенный рост территории города.

а) Наличие некрополя классического периода на северном берегу указывает, что первоначальное поселение занимало небольшую площадь и находилось на берегу Карантинной бухты и в нынешней восточной части города. К концу IV в. до н. э. городская территория достигла, примерно, VIII улицы и составляла около одной трети наибольшей его площади.

б) В конце IV в. до н. э. классический некрополь был застроен, и городская черта отодвинулась к западу. Около храма (раскопки 1897 г.) и базилики (раскопки 1889 г.) обнаружены остатки оборонительной стены. Это была первая городская стена, сооруженная в середине IV в. до н. э.

в) В раннеэллинистический период город расширяется к западу, занимая самую возвышенную его часть. Границей его с юга была глубокая балка, по высокому обрыву здесь шла крепостная стена, делавшая потом крутой поворот к северо-западу. Сразу же за городской стеной находился некрополь III в. до н. э.

В это время город растет и в юговосточном направлении: в его черту был включен берег Карантинной бухты в целях расширения торгового порта, прежние пределы которого стали тесными для сильно возросших торговых оборотов города в период его расцвета.

г) Последнее приращение площади города происходит в V в. н. э. *Terminus post quem* для определения времени этого приращения римский некрополь западной части, склепы IV в. н. э., вырубленные в скале. После постройки здесь крепостных стен склепы оказались внутри города, а частью—непосредственно под стенами.

В это же время был частично застроен эллинистический некрополь в юговосточной части: над ним была сооружена протейхизма.

4. По материалам некрополя можно проследить развитие торговых связей Херсонеса на протяжении целого ряда столетий.

а) Нахождение ионийской керамики в ранних погребениях на северном берегу говорит о торговых связях Херсонеса с ионийскими городами Малой Азии в конце V в. до н. э.

б) В ряде могил и насыпи некрополя найдены краснофигурные аттические вазы и их фрагменты, чернолаковые килики, канфары и другие сосуды, восходящие отчасти к рубежу V—VI вв., но главным образом—к IV в. н. э. Следовательно, в V—IV вв., устанавливаются оживленные торговые сношения с Афинами. Связи с последними не ограничиваются торговой сферой, но переходят в тесные культурные отношения. Ярким свидетельством этого служит бронзовая гидрия, из склепа № 1012, с надписью «Приз с праздника Анакий». Гидрия как приз была привезена из Афин, следовательно, херсонесцы участвовали в состязаниях на праздниках в Афинах.

в) В эллинистическую эпоху развиваются торговые связи, переходящие затем в длительные разносторонние сношения с городами Малой Азии; об этом свидетельствуют найденные в погребениях терракоты, керамика, монеты и др.

5. Погребальный инвентарь дает представление также о быте и хозяйстве, о культуре и социальном составе населения. Город мертвых до некоторой степени отражает

¹ ВДП. 1938. № 2, «Херсонесские этюды».

картину жизни города живых. Поскольку жилые дома античной эпохи сохранились мало и почти не имеют остатков внутреннего убранства и инвентаря, тем ценнее содержимое могил, позволяющее судить о том материальном окружении, среди которого находилось население города.

Наблюдение над инвентарем могил, относящихся к различным периодам, показывает, что в классический период погребальный обряд был скромнее: большинство погребений не содержит никаких вещей, если же они имеются, то не в большом количестве и состоят обычно из одного какого-либо сосуда (килик, тарелка, канфар) и мелких недорогих украшений (бронзовые перстни и серьги), золотые же вещи совершенно отсутствуют.

В эллинистический период по сравнению с предыдущим количество могил с вещами и набор вещей в отдельных могилах значительно увеличиваются. Появляются в погребениях комплекты керамики, украшений и терракот, монеты, наконец, частым явлением становятся золотые украшения. Забегая несколько вперед, за хронологические пределы нашей темы, следует отметить, что в римский период в I—III вв. погребальный инвентарь становится все богаче как количественно, так и качественно, а могильные сооружения делаются более крупными и дорогими.

На основании этого можно, повидимому, вывести заключение о том, что уклад жизни в классический период был проще и скромнее, а население города было более однородно по своему хозяйственному и социальному составу. В этот период нет дорогих грандиозных надгробных сооружений: простая грунтовая могила и самая обыкновенная вещь из обихода—таковы форма и содержание могилы.

В эллинистический период дифференциация общества увеличивается, из массы населения выделяется правящая богатая верхушка, пока еще, правда, не особенно значительная, а в частной жизни развивается роскошь. Ярким памятником этой эпохи является подстенный склеп № 1012. Здесь все характерно: и место склепа, и его устройство и богатый инвентарь с художественно исполненными украшениями из золота. Не в такой степени, но все же значительно богаче становятся и многие другие погребения этой эпохи. Более тщательным становится погребальный обряд, увеличивается количество вещей, сопровождающих покойного, могилы устраиваются более дорогими и прочными. Все эти явления говорят о некоторых изменениях, происходящих в экономике и быте населения, в результате чего погребальный обряд стал иным.

Сравнение погребений Херсонеса с погребениями Ольвии и Керчи (ближайших греческих городов) показывает, что херсонесский некрополь ближе стоит к некрополю Ольвии¹. Много сходства в типах и устройстве могил (некоторые отличия объясняются различными периодами материка, в Херсонесе—скала, в Ольвии—лёсс), в положении и ориентации костяков, в способах захоронения и погребальном инвентаре. Однако последний в классическую эпоху в Ольвии был значительно более обильным, чем в Херсонесе: керамика в ольвийских могилах встречается почти в каждой могиле и притом в количестве нескольких экземпляров, разнообразных по форме и назначению. То же самое можно наблюдать в отношении украшений.

Некрополь Пантикапея больше отличается от херсонесского. В Херсонесе совершенно отсутствуют такие формы погребальных сооружений, как керченские курганы с их монументальными склепами (Золотой, Царский, Мелекчесменский, Юз-оба и пр.) и замечательными деревянными саркофагами. Крупные краснофигурные и чернолаковые вазы, которыми так богаты керченские курганы и гробницы, в Херсонесе встречаются лишь как исключение. Еще разительнее контраст в золотых украшениях. В Херсонесе нет ничего и приблизительно похожего на то обилие золотых (а также и серебряных) вещей и украшений, которыми была так богато насыщена почва древнего Боспора.

Черты своеобразия в херсонесском некрополе, отличающие его от некрополей Ольвии и Босфора, свидетельствуют о том, что: 1) Херсонес в классическую и эллини-

¹ ИАК, вып. 8 и 13.

стическую эпохи жил более замкнуто и менее испытывал на себе влияние местного населения, чем это было на Боспоре и в Ольвии; 2) в экономическом отношении Херсонес никогда не достигал такого мощного развития как Боспор; 3) социальный состав населения Херсонеса был несколько иным, чем на Боспоре, в Херсонесе не было такой сильной дифференциации в обществе, как на Боспоре; 4) всеобразие экономики и взаимоотношений Херсонеса с местным населением придали населению Херсонеса иной, чем на Боспоре, культурный облик.

Г. Д. Белов

Клейменные черепицы древнегреческого Херсонеса

Как известно, в керамических центрах эллинистической эпохи наряду с производством различных хозяйственных сосудов изготавливались строительные материалы и в том числе кровельные черепицы. Производство кровельных черепиц в Синопе, Гераклея Понтийской и в Боспорском царстве стояло на высоком уровне.

Из Синопы черепица экспортировалась в другие районы Причерноморья.

Глиняные строительные материалы производились и в других городах. В Херсонесе Таврическом производились не только клейменные амфоры, но и черепицы.

Косцюшко-Валюжинич в отчете за 1900 г. писал: «Черепицы местного производства отличаются цветом и качеством глины, и, кроме того, при именах херсонесских астиномов на черепицах и амфорных ручках почти всегда отсутствуют всякие эмблемы»¹.

В настоящее время в фондах Херсонесского музея накопилось значительное количество клейменных и не клейменных черепиц (целых и фрагментов) местного производства.

Херсонесские черепицы представляют собой большие плоские плиты прямоугольной формы, с бортиками, выступающими по краям продольных сторон (см. рис. 1). По своему типу херсонесские черепицы ничем не отличаются от черепиц синопского происхождения. Длина черепиц 65—67 см, ширина 50—51 см, толщина 2—5 см, высота бортиков 2,5—3 см, ширина бортиков 2,5—3,5 см. Глина черепиц плотная, темно-красного или светлокрасного цвета с вкраплением белых известняковых и черных кристаллических частиц.

Большая часть черепицы покрыта желтовато-светлой обмавкой. Черепичные клейма Херсонеса в большинстве случаев с точностью совпадают с клеймами на херсонесских амфорах. Такое совпадение объясняется тем, что клеймение амфор и черепиц производилось одними и теми же штампами. Почти все клейма магистратов (за исключением единичных случаев) сопровождаются клеймами мастеров в виде монограммы или начальных букв их имен. Они врезаны или в штампе магистрата, или в существовавших для них отдельных небольших штампах, которые ставились рядом с клеймом магистрата.

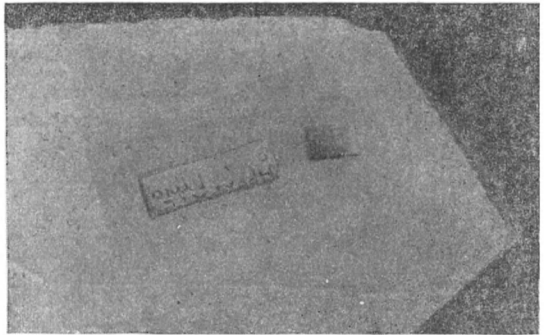

Рис. 1. Фрагмент черепицы с клеймом херсонесского астинома (№ 5860)

¹ ИАК, вып. 2, стр. 18.

На херсонесских черепицах и амфорах, кроме астиномных клейм, встречаются клейма агоранома (см. № 3; пока что единственное имя) и клейма, на которых название магистрата не указано (см. № 10).

№ 1
 ΥΟΡΔΙΝΑΞΕΛΑ
 ΥΟΜΟΙΥΤΖΑ

Фрагмент черепицы $\frac{2703}{10}$ найден на северном берегу Херсонеса. В фондах Херсонесского музея имеются горло и ручки амфор с клеймом этого же астинома. Клеймо как на этой черепице, так и на амфорных ручках всегда читается справа налево (см. Махов, № 7, ИТУАК, вып. 48).

№ 2
 ΑΓΟΛΛΑ
 ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Фрагмент черепицы найден в Херсонесе (см. ИТУАК, вып. 47, стр. 126) и аналогичный в Неаполисе (ИТУАК, вып. 7, стр. 48, рис. 3). Клеймо часто встречается на амфорных ручках херсонесского производства (см. Махов, там же, № 16).

№ 3
 ΑΓΟΜΛΛΝΙΟΣ
 ΓΑΣΙΑΔΑΑΓΟΡ[ΑΝΟΜΟΣ]

Фрагмент черепицы. 2 экземпляра (инв. 35272) В. Н. Ю р г е е в и ч, 300, т. XV, стр. 48; К. К. К о с ц ю ш к о - В а л ю ж и н и ч, ИАК, вып. 16, стр. 57; Г. Д. Б е л о в, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1934 г., стр. 11; встречается на амфорных ручках Херсонеса.

№ 4
 ΥΟΙΞΛΧΑ[ΗΡΑΚΛΕΙΟΥ]
 ΥΟΜΟΙΥΤ[ΖΑ]

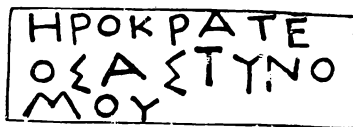
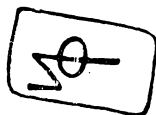
Фрагмент черепицы. 1 экземпляр (инв. 31556).

Буквы расположены справа налево. Встречается на амфорных ручках Херсонеса (см. Махов, № 35).

№ 5
 ΗΡΑ[ΚΛΕΙΟΥ]
 ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Фрагмент черепицы. 2 экземпляра. Один из них найден на северном берегу Херсонеса (инв. $\frac{2701}{2}$), другой у хутора Бермана (инв. $\frac{15}{35374}$ 1929 г.) на Гераклейском полуострове. Встречается на амфорных ручках Херсонеса (см. Махов, № 35).

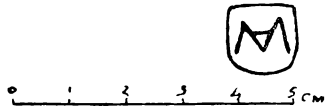
№ 6

Фрагмент черепицы (см. рис. 2). 3 экземпляра (инв. 31524 и 31536). ОАК за 1895 г. стр. 100.

Встречается на амфорных ручках Херсонеса.

№ 7

То же с монограммой другого мастера.

Фрагмент черепицы. 2 экземпляра (инв. 31524 и 31536).

№ 8

Фрагмент черепицы. 1 экземпляр (инв. 31533).

№ 9

ΗΡΟΝΙΚΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Фрагмент черепицы. 1 экземпляр. Из раскопок 1935 г. (инв. 634, 1935 г.).

Рис. 2. Клеймо астинома № 5673

Обломок черепицы с таким клеймом издан В. Н. Юргеевичем, ЗОУ, XV, стр. 51, № 16.

Встречается на амфорных ручках Херсонеса (см. Махов. № 45).

№ 10

ΚΟΥΤΥΤΙΛΝ[ΟΣ]
ΑΡΙΣΤΛΝΟ[Σ]

ΔΥ

- Фрагмент черепицы. 1 экземпляр (инв. 22237).
Встречается на амфорных ручках (Е. М. Придик, № 854).

Рис. 3. Черепица херсонесского производства № 5189

То же с клеймом другого мастера № 11

(рис. 3). 2 экземпляра

(инв. № 31515 и 22237).

№ 12 [ΜΗΝ]ΟΣ ΨΚΚ
[ΔΑΜΟ]ΚΛΕΟΣ
[ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥ

Фрагмент черепицы. 2 экземпляра (№ опис. 1231). Цельная черепица с таким клеймом найдена в Керчи (Е. М. Придик, стр. 128, № 17).

Это клеймо на амфорных ручках отсутствует.

№ 13 ΝΕ ΥΜΗΝΙΟΥ
ΦΙΛΙΣΤΙΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Фрагмент черепицы. 1 экземпляр (опис., № 1287).

Встречается на херсонесских амфорах (см. Махов, № 63).

№ 14 ΓΡΥΤΑΝΙΟΣ
ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΑΝΘΟΣ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ
ΑΣΚΛ

2 1 1 1 1 5 cm

Фрагмент черепицы. 3 экземпляра (опис., 1230). Внизу начальные буквы имени мастера АΣΚΛ.

Встречается на херсонесских амфорах.

№ 15 ΣΩΚΡΙΤΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

ОАК за 1895 г., стр. 111, гробница № 798.

Эта черепица в фондах Херсонесского музея пока не обнаружена. Встречается на херсонесских амфорных ручках (см. Махов, № 85).

№ 16

ΦΙΛΙΠΠΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Фрагмент черепицы. 2 экземпляра (инв. 31514).

Встречается на херсонесских амфорах (см. Махов, № 92).

№ 17 ΦΟΡΜΙΛΛΑ
ΑΓΟΛΛΑ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Фрагмент черепицы (рис. 4). 2 экземпляра (по описи 2975/10 и 35275/100). ИТУАК, вып. 47, стр. 126.

Рис. 4. Клеймо астинома № 5674

Встречается на херсонесских амфорах (см. Махов, № 94).

№ 18 [ΑΓΟΛΛΑΝΙΟΤ]

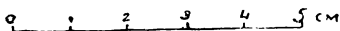
Фрагмент черепицы (инв. 31544).

№ 19

Фрагмент черепицы (инв. 31532).

№ 20

Фрагмент черепицы. 3 экземпляра (инв. № 31/506/2).

Таким образом, наличие производства клейменных черепиц в Херсонесе точно установлено. Следует отметить, что клейменные черепицы по сравнению с амфорными ручками Херсонеса составляют совершенно незначительную величину. В фондах Херсонесского музея находится около 2000 клейменных амфорных ручек местного производства, а клейменные черепицы не превышают 30 экземпляров. Такое ничтожное количество клейменных черепиц объясняется, очевидно, тем, что большой процент черепиц херсонесского производства не подвергался клеймению, что черепичное производство в Херсонесе не имело такого размаха, как это было в Синопе и Боспоре. С другой стороны, при раскопках они собирались недостаточно тщательно и аккуратно.

Эллинистический Херсонес в большом количестве импортировал черепицы из Синопы и частично из Гераклеи Понтийской. Многочисленные клейменные черепицы синопского и отчасти гераклейского происхождения, найденные при раскопках Херсонеса, являются вещественным доказательством этого. В период интенсивного строительства местное черепичное производство не покрывало его потребности.

Одновременно с импортом черепицы эллинистический Херсонес экспортировал продукты местного производства в отдельные районы горной и степной части Крыма. Черепицы херсонесского производства в большом количестве встречаются в развалинах древнегреческих поселений Гераклейского полуострова; клейменные черепицы херсонесского производства найдены при раскопках Неаполиса (см. № 2) и Пантикалея (см. № 12). Вывоз херсонесских черепиц в Керкинитиду, в Неаполис, Гераклейский полуостров едва ли может вызывать какие-либо сомнения. Но этот вывоз носил ограниченный характер и в экономике Херсонеса не играл существенного значения, как это имело место в Синопе.

Наивысший расцвет производства строительных материалов относится к периоду интенсивного строительства в древнегреческих поселениях. Чаще всего клейменные черепицы синопского происхождения относятся ко времени с конца IV и до конца III в. до н. э.¹ Период наибольшего подъема черепичного производства на Боспоре относится ко второй половине IV и первой половине III в. до н. э.² Со второй поло-

¹ Б. Н. Г р а к о в, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, РАНИОН, 1929, стр. 121.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Строительные керамические материалы Боспора, «Известия ГАИМК», вып. 104 (1934), стр. 266.

вины III в. до н. э. производство черепиц как в Синопе, так и на Боспоре постепенно замирает и почти совсем исчезает. Большинство черепичных клейм Херсонеса по характеру букв, по эпиграфическим данным и археологическим комплексам можно отнести ко времени от конца IV и до конца III в. до н. э. Следовательно, черепичное производство в Херсонесе возникает еще в IV в. до н. э., но интенсивная деятельность его относится к концу IV и середине III в. до н. э.

С конца III в. до н. э. производство черепиц в Херсонесе постепенно замирает и в середине II в. до н. э. оно, очевидно, прекращается.

Р. Б. Азмеров

К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири

Пути формирования современного населения Евразии еще многие годы будут волновать исследователей различных специальностей.

За последнее время немало нового в этом вопросе принесли археологические и палеоантропологические исследования. В частности, антропологом Г. Ф. Дебецом была установлена локализация расселения монголоидного и европеоидного населения. Оказалось, что уже с палеолитических времен таежные зоны Сибири к востоку от Енисея и к северу, примерно, от линии Сибирской магистрали были заняты племенами явно монголоидными, близкими по типу тунгусам. Наоборот, степная зона Сибири, начиная с Минусинской котловины на востоке, через Алтай и пространства Западной Сибири и Казахстана была издавна занята населением палеоевропейского типа, которое, повидимому, явилось производным от кроманьонцев палеолитической эпохи. Палеоантропологические остатки представителей этих сибирских «палеоевропеоидов» восходят к большой древности—к концу неолита Сибири в III тысячелетии до н. э.

Раскопками советского периода установлено, что древнейшие из известных палеоевропейских племен сибирских степей были носителями так называемой афанасьевской культуры. Впервые афанасьевские могильники были открыты в Минусинской котловине еще в 1922 г. За двадцать пять лет число их неуклонно увеличивается. Сейчас уже довольно подробно известны оставившие их люди. Это были первые скотоводы Южной Сибири, разводившие коров, лошадей, овец и коз, но еще не отставшие от более древних промыслов—рыболовства и, конечно, охоты. Они ознакомились с медью, из которой выделывали украшения—спиралевидные серьги, обоймы, пояса, оковки деревянной посуды, а главное—листовидные ножи, а позже и кинжалчики копьевидной формы. Однако основной набор орудий афанасьевцев среднего Енисея выделялся из камня—прекрасные клиновидные топоры, долота, колотушки для руды, боевые секиры, песты и, конечно, наконечники стрел. Кость также служила материалом для различных изделий—игельников и иглол, шильев и украшений. Шел в дело и рог.

Весьма своеобразна глиняная посуда афанасьевского Енисея. Главную массу составляют круглодонные, яйцевидные и сферические горшки, емкостью в 2—4 литра. Обычно они украшены «елочным» чеканным орнаментом, а изнутри тщательно вытерты зубчатой лопаточкой или комком травы. По своей форме и орнаментации эти сосуды напоминают неолитические лесной зоны Восточной Европы, но особенно близки к горшкам из энеолитических так называемых древнеянных погребений степей Причерноморья. Однако вместе с такой архаической афанасьевской посудой найдены своеобразные вазочки на конической ножке, служившие курильницами. Они весьма близки к курильницам из нижневолжских и северокавказских так называемых катакомбных погребений первой половины II тысячелетия до н. э. Что это сходство не случайно, подчеркивают и другие совпадения—каменные колотушки и песты, медные

копьевидные кинжальчики и листовидные ножи, также характерные для катакомбного инвентаря.

Особый интерес представляет изредка встречающаяся окраска афанасьевской посуды. Обычно это однотонная красная окраска курильниц, но однажды встретилась разноцветная роспись протянутыми сверху вниз по горшку «лесенками», окруженными треугольными городками. Эта роспись имеет аналогии в культурах «крашеной керамики» на Западе и на Юге. В Триполье, например, встречаются и лесенки и городки¹. Близкое применение этих узоров встречаем также и в Сузах и в Анау². Для расписной керамики Триполья и Средней Азии характерно деление поверхности сосуда на части протянутыми сверху вниз лесенками, змейками, гирляндами ромбов и линиями, иногда обрамленными такими же треугольными городками, как и на афанасьевском сосуде.

Облик культур, разделяющих Сибирь от Триполья, едва ли позволяет видеть в афанасьевской росписи отражение каких-то связей с далеким Западом. Иное дело Средняя Азия, тем более, что здесь роспись оказывается не единственным показателем связей афанасьевского населения Минусинской котловины с юго-западом, с Приаралем. В афанасьевских погребениях на среднем Енисее были найдены просверленные раковины *Corbicula fluminalis*, украшавшие ожерелья. Эти раковины могли попасть на Енисей только при наличии у афанасьевцев каких-то связей с племенами, обитавшими на Аму-Дарье, наиболее близкой из всех рек, в которых водится этот пресноводный моллюск.

В связи с этим особо следует упомянуть об одном афанасьевском сосуде из Сыды, который имеет резные фестоны и полукруглые вдавления, не характерные для Енисея, но близкие к орнаменту керамики энеолита Аму-Дарьи (так называемая кельтеминарская культура³).

Подытоживая, можно сказать, что «афанасьевцы» среднего Енисея, отличаясь в физическом отношении от соседних таяжских племен, были тем первым пастушеским населением Сибири, которое к началу II тысячелетия уже выделялось «из остальной массы варваров», продолжавших жить охотниче-рыболовческим, неолитическим бытом. Все культурные связи «афанасьевцев» были направлены на запад и юго-запад, о чем говорит импорт и совпадения в инвентаре с ямно-катакомбными и среднеазиатскими формами.

Невольно встает вопрос о том, в силу каких причин могло возникнуть и этническое своеобразие афанасьевцев и их западные и юго-западные связи.

К сожалению, неизученность минусинского неолита сильно затрудняет объяснение этих явлений.

Однако едва ли прав А. П. Окладников, отрицая самую возможность связи между неолитическим населением Енисея и «афанасьевцами»⁴. Он аргументирует сравнением афанасьевской керамики с байкальской. Слов нет, здесь сходства мало, но это ничего не доказывает. С Байкала и не выводятся черты, родственные афанасьевской культуре.

Если же приглядеться к более близким параллелям—к керамике древнейших культурных слоев Красноярского района, имеющей к тому же немало аналогий в недатированном подъемном материале с минусинских дон, то обнаруживается определенное сходство с афанасьевскими. Это отметил еще В. Г. Карцев и в форме, и в орна-

¹ «Труды XIII Арх. съезда», табл. VIII, 10, VII, 7, IV, II; Г. Осборн, Человек древнего каменного века, рис. 134, 8.

² G. Contenau, Manuel d'Archéologie orientale depuis les origines jusqu'à l'époque d'Alexandre, т. I, Paris, 1927, стр. 284 сл.; Ars Islamica, V, 1938, рис. 3.

³ С. В. Киселев, Афанасьевские курганы около с. Сыды и Теси, СА, вып., II.

⁴ Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, стр. 13—14.

менте, и в характерной «вытертости» стенок зубчатой лопаткой или травой¹. Предполагать, что это сходство является результатом влияния «афанасьевцев» (с которыми частично одновременны красноярские памятники)—затруднительно. Ряд фактов говорит о весьма позднем, лишь к концу II тысячелетия до н. э., проявлении культурного воздействия минусинского юга на красноярцев.

Это сходство в керамике поддерживается и другими фактами. Общеизвестно, что в погребениях таежного неолита Сибири, в том числе и в красноярских, распространеннейшим видом украшений являются ожерелья из зубов различных животных и сверленного перламутра. В 1940 г. в афанасьевском кургане около с. Копен мы нашли богатейшее ожерелье этого же типа. Нельзя также пройти мимо находок в «афанасьевских» курганах костяных кинжалов и кинжаловидных привесок², находящихся себе аналогию в орудиях и украшениях позднего таежного неолита³.

Таким образом, что касается археологических материалов, то в них мы не видим оснований для отрицания связи между сибирским неолитом и афанасьевской культурой на Енисее. Вполне возможно также допустить наличие в Минусинской котловине в афанасьевское время культурных комплексов, близких к одновременным неолитическим тайги. Но кто были носители этой культуры—монголоиды тайги, вытесненные в афанасьевское время европеоидами, как это получается у А. П. Окладникова, или предки «афанасьевцев»? Для решения этого вопроса недостаточно одних археологических материалов, хотя их показания и нужно учесть. Необходим палеоантропологический материал. Между тем он представлен пока одним черепом из доафанасьевского погребения, найденного в Батенях (Минусинская котловина).

По словам Г. Ф. Дебеца, череп этот весьма своеобразен. Он не похож на мужские афанасьевские, среди женских же может рассматриваться как их крайняя вариация. С монголоидами таежного неолита он не связывается.

Таким образом, эта находка не противоречит тем связям с доафанасьевским неолитом, которые обнаруживаются в афанасьевских комплексах. Это же обстоятельство позволяет видеть в формировании афанасьевской культуры на среднем Енисее длительный процесс, в котором местные элементы играли не малую роль наряду с новыми, проникшими со стороны. Такая длительность начинающегося из неолита сложения афанасьевской культуры объясняет и ту поразительную чистоту афанасьевского европеоидного типа, которую Г. Ф. Дебец считает одним из основных аргументов против тезиса А. П. Окладникова о независимости афанасьевской культуры от местного развития⁴. Имелось достаточно время для того, чтобы даже на окраинах степного мира четко была проведена грань между афанасьевцами-европеоидами и оставшимися в неолите монголоидами тайги. Эти выводы подтверждаются и теми открытиями, которые сделали археологи на Алтае.

Здесь уже давно известны три древних погребения на Чудацкой горе около Барнаула и два на р. Ян-Улаган в горном Алтае. Особенно архаично погребение на Чудацкой горе, относящееся, судя по наличию в нем типично китайских сложных рыболовных крючков, к концу сибирского таежного неолита, близкому по времени к афанасьевским. Архаизм погребения подчеркнут и тем, что оно находилось на территории стоянки—обычай, характерный для неолитического погребения. Погребения на р. Ян-Улаган объединяет с Чудацкими отсутствие керамики, но их отличием является курганный насыпь и окраска скелетов красной охрой. Последние особенности сближают

¹ В. Г. Карцев, Материалы к археологии Красноярского района, Красноярск, 1929, табл. V, стр. 38—39.

² С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край 1928 г., Минусинск, 1929, т. I.

³ А. П. Окладников, Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья, ВДИ, 1938, № 1, стр. 252, рис. 7—13.

⁴ Г. Ф. Дебец, Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, стр. 15.

Ян-Улаган и аналогичное погребение, открытое в 1927 г. на р. Урсуле, со ставшими известными с 1932 г. афанасьевскими курганами Алтая. Таким образом, типично афанасьевские курганы Алтая находятся на одной территории с более архаичными, что выгодно отличает их от минусинских.

Отметим здесь же, что костяки из ян-улаганских архаических погребений (чуждацкий скелет сохранился очень плохо) принадлежат тому же палеоевропейскому типу, что и остальные афанасьевские Алтая и Минусинска. Таким образом, на Алтае, как и на Среднем Енисее, обнаружилась традиционная связь афанасьевской культуры с неолитом и глубокая древность обитания палеоевропейцев.

Это нашло подтверждение в дальнейших находках. В 1932 г. ойротским музеем было исследовано первое типично афанасьевское погребение на урочище Куюм на р. Катунь. В 1936 г. работы были продолжены Г. П. Сосновским¹. Всего в Куюме исследовано 11 погребений под невысокими курганчиками из камней, пересыпанных землей. Частых на Енисее погребений мужчины с женщиной здесь не встречено. Лишь в двух случаях вместе со взрослыми погребен ребенок и подросток. Любопытно, что ребенок лежал сбоку женщины, но голова его, по видимому, отчлененная, была положена у нее между ног. Большинство костяков лежало на спине с согнутыми ногами, которые первоначально могли стоять коленками вверх (в двух случаях это

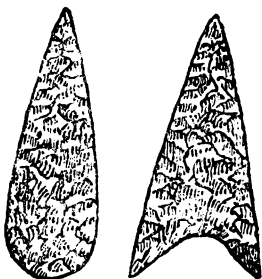

Рис. 1 б. Наконечники стрел. Верхний слой стоянки Куюм (Алтай). Н. в.

Рис. 1а. Медный нож из афанасьевского кургана в урочище Куюм (Алтай). Н. в.

и было доказано). Один человек оказался лежащим на груди, лицом вниз, в вытянутом положении. Лишь в четырех могилах покойники были окрашены охрой. В 6 погребениях были обнаружены различные вещи. Прежде всего отметим три находки костей барана, что говорит, очевидно, о наличии и на Алтае в афанасьевскую эпоху скотоводства. Найдена также посуда—9 яйцевидных горшков, так же как и афанасьевские Енисея, украшенных елочным орнаментом или «вытертых» зубчатой лопаточкой или комком травы. Некоторые из них несколько отличает наличие довольно высокой прямой или даже расширенной кверху шейки. Очевидно,—это местная особенность, так же, как и наличие у двух сосудов ушков. Кроме того, найдено костяное шило и рукоятка для пластинчатого медного ножа. Последний отличается и от афанасьевских Енисея и от близких к ним катакомбных из восточноевропейских степей. Он имеет для скрепления с рукояткой черенок, выступающий не по середине верха клинка, а с одного края на одной линии с клинковой спинкой (рис. 1а). Эта особенность, а также округлость нижней части клинковой пластины сближает куюмский нож с так называемым «казахстанским» конца бронзового века Западной Сибири². Может быть, подобные ножи были в свое время предшественниками «казахстанских». Во всяком случае в этой форме ножа можно видеть еще одно указание на юго-западные связи афанасьевцев Саяно-Алтайского нагорья.

Большой удачей Г. П. Сосновского следует считать открытие на территории Куюмских курганов остатков древнего поселения.

¹ «Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг.», Л., 1941, стр. 304—306.

² А. И. Г р я з н о в, Казахстанский очаг бронзової культуры, сб. «Казахи», вып. III, 1930, рис. 3, стр. 155.

Верхний слой этого поселка близок курганам. Он содержит типично афанасьевскую керамику, кремневые пластинки, наконечники стрел и кости животных (рис 16).

Нижний слой, отделенный от верхнего 20-см стерильного наноса, содержит более архаичные остатки: каменные скребки, нуклевидные орудия, ножевидные пластинки с ретушью по краю, фрагмент костяного оружия, сделанного вкладышевой техникой, (в его желобке оказалась кремневая пластинка). Керамика отличалась и по орнаменту и по технике. Особенно показателен в этом отношении большой сосуд, украшенный вертикальной елочкой. Стенки его, в отличие от афанасьевских, тщательно заглажены. «Вытертости» нет и следа. Эту керамику, присоединяя к ней некоторые случайные находки, можно сближать с открытой в 1939 г. С. П. Толстовым посудой так называемой кельтоминарской культуры дометаллического Хорезма. С Кельтоминаром нижний слой куюмской стоянки сближают и совпадения в кремневой индустрии, особенно ножевидная пластинка с боковой ретушью, нуклевидные орудия и скребки¹.

Таким образом, на Алтае доафанасьевский неолитический период представляется весьма сложным. С одной стороны, его культура обладает чертами сибирского неолита (Чудакская гора), а с другой—обнаруживает связи с юго-западом, со Средней Азией. Эти связи не прекращаются и позднее.

В горном Алтае, на восточном берегу реки Куроты, в 15 километрах от ее впадения в р. Урсул, нам удалось обнаружить афанасьевские курганы, отображающие продолжение того развития, которое зафиксировали исследования в Куюме.

Здесь все 9 курганов земляные, но на них выложены из камня круги. В одном случае было два концентрических круга (кург. № 2). Кроме курганов, здесь же расположены 3 каменных кольцевых выкладки. Мы раскопали 7 курганов и 2 кольца.

В кургане № 1 на горизонте было обнаружено своеобразное сооружение из лиственничных бревен и палок. Центр его составлял сильно сгнивший, провалившийся вниз накат, покрывавший могильную яму. Пространство с могилой в центре было огорожено рамой из длинных бревен, лежавших, образуя прямые углы друг к другу, на северной, восточной и южной сторонах. Западная сторона огорожки не была прямой, но состояла из двух бревен, сходящихся друг с другом под тупым углом, обращенным вершиной к западу. Таким образом, все сооружение имело пятиугольный план. Следует также отметить, что в вершине тупого угла лежал очень большой камень, притащенный с горы.

Наличие в первом кургане многоугольной ограды из бревен должно привлечь к себе внимание. Как и накат над могилой, ограда указывает на конструктивное использование дерева. Погребальные сооружения часто воспроизводят формы жилища. Позднее в майемирское и пазырыкское время деревянные дома-склепы были широко распространены. Может быть, здесь мы имеем их первичную форму.

Другие курганы не имели подобных сооружений. Только в № 9 были замечены остатки наката. Могильная яма № 7 была плотно закрыта массивными плитами. Могильные ямы в плане были четырехугольные со скругленными углами². Остатков сооружений внутри могильной ямы наблюдается не было.

¹ Некоторые вещи Кельтоминара см. С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция 1939 г., «Краткие сообщения ИИМК», вып. VI, рис. 14, стр. 71, а также ВДИ, 1941, № 1.

² Размеры ям:

к. № 1—дл.	с З.	на В.	2,3 м,	шир.	16 м,	гл.	1,1 м,
к. № 2— »	с С.	» Ю.	2,6 м,	»	2,2 м,	»	1,1 м,
к. № 3— »	с З.	» В.	1,9 м,	»	1,15 м,	»	1,6 м,
к. № 4— »	с ЮЗ	» ВСВ	2,5 м,	»	1,6 м,	»	1,5 м,
к. № 5— »	с »	» »	2,5 м,	»	1,5 м,	»	1,5 м,
к. № 6— »	с З.	» В.	2,8 м,	»	1,5 м,	»	2 м,
к. № 7— »	с ЗСЗ	» ВЮВ	2,25 м,	»	1,7 м,	»	1,25 м,
к. № 8— »	с »	» »	1,3 м,	»	0,75 м,	»	1 м,
к. № 9— »	с З.	» В.	2,2 м,	»	1,5 м,	»	1,4 м.

На грунтовом полу ямы обычно можно было усмотреть тончайшую гуммированную прослойку, возможно, остаток какой-нибудь подстилки. Во многих случаях пол был окрашен красной краской, которой обсыпали покойника.

В большинстве курганов покойники лежали по одному. В одном (№ 9) их оказалось два, в другом (№ 2)—три. Скелеты лежали на спине. Руки были вытянуты вдоль тела,

Рис. 2. Вид погребения в кургане № 4. Урочище Курота (Алтай)

иногда наблюдался сгиб в кистях, которые как бы были подсунуты под таз. Ноги у пяти покойников были согнуты в коленях и лежали на левом боку. У остальных ноги были также согнуты, но первоначально лежали коленями вверх. Лишь со временем кости упали. Иногда они приняли ромбическое положение, иногда берцовые и бедренные перекрыли друг друга. Кости стопы в большинстве случаев сохранили первоначальное прямое положение (рис. 2). Ориентировка головы была предпочтительно восточная (6 чел. на В. и 1 на ВСВ, на 3.—2 чел. на ЗСЗ—2). В парном погребении ориентировка была одина—головой на В., в тройном—два на В. и одно на З. Большинство костяков оказалось окрашенным в интенсивный красный цвет. Краска—тонко растер-

тый минеральный порошок кучками и «брызгами», находилась возле покойников (чаще у левого плеча).

Из вещей отмечу каменную колотушку, лежавшую под коленями покойника из № 3 (рис. 3) и прекрасный пест из № 2 (рис. 4). Оба предмета находят ближайшую аналогию среди «афанасьевских» Минусинской котловины. Остатки медных проволочных височных колец были встречены в ряде случаев, по цельных оказалось только 2 (№ 5). Из рога искусно выточен перстень, найденный на пальце правой руки покойника в кургане № 3. Костяные предметы вроде ложечек или лопаточек, возможно, служившие для плетения, оказались в нижней части грабительского хода в кургане № 6. Кости животных весьма редки. В кургане № 6 были найдены кости нижней части ног (копыта и обломки фаланги, повидимому, яка). Кроме того, в том же кургане было встречено 8 костей беркута. Особый интерес представляет глиняная посуда. Обычное место сосудов в могиле—у плеча или против середины плечевой кости (в Куюме—в ногах и однажды у локтя). Два сосуда оказались яйцевидными. Один из них—типично афанасьевский остродонный (курган № 2—рис. 5); другой же—с плоским дном (курган № 7—рис. 6). Два сосуда—бомбовидных (курган № 2 и № 7—рис. 7). Кроме того, найдены типично афанасьевская вазочка-курильница (курган № 2—рис. 8). Из ограбленных погребений дошли лишь обломки горшков. Все сосуды имеют на стенках характерную афанасьевскую «вытертость». Орнаментация обычно елочная афанасьевская. Кроме того, встретился узор из квадратных вдавлений и полукруглые резные фестоны. Последние два узора необычны для афанасьевской керамики, но мы видим их на кельтоминарской. Особо следует остановиться на баночном плоскодонном сосуде, украшенном елочным орнаментом из кургана № 4 (рис. 9). Он живо напоминает баночные древнеандроновские горшки из Минусинска, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э.¹ Это сближение не случайно. Обращает на себя внимание обломок сосуда из кургана № 1. На нем геометрический орнамент, нанесенный зубчатым чеканом, также живо напоминающий древнеандроновские образцы.

Эти особенности керамики, наряду с наличием (в противоположность Куюму) парных погребений, являются аргументом в пользу большей молодости куротинских афанасьевских курганов. Они особенно интересны тем, что демонстрируют зарождение в афанасьевском комплексе Алтая новых андроновских черт. На Енисее в раннеандроновских погребениях можно видеть продолжение этой связи.

К сожалению, очень ограничены наши сведения о распространении афанасьевских памятников на запад от горного Алтая. Обломки афанасьевских сосудов прослежены лишь по Оби до Барнаула и на Иртыше под Семипалатинском².

Однако можно предполагать и более западное ее распространение. За это говорит, во-первых, наличие в афанасьевском инвентаре признаков связи с ямной и катакомбной культурой, во-вторых—широкое распространение на западе Сибири андроновской культуры, на Алтае очень близко связанной с афанасьевской, и, в-третьих, следы импорта даже на Енисей из Аральского бассейна. Для того чтобы такой импорт был осуществлен, нужно предположить какую-то культурную близость промежуточных звеньев. Вероятнее всего эта близость подкреплялась и близостью физического типа. Вполне возможно и более южное распространение к югу от Семипалатинска. Может быть, за это говорит и родство афанасьевской посуды с керамикой, украшенной сложным орнаментом, которую А. Стейн нашел в низовьях Яркенд-Дарья³.

Подведем итоги. Есть все основания предполагать, а для Саяно-Алтая и утверждать, распространение в степях Западной Сибири, вплоть до Енисея на востоке, в самом начале бронзового века весьма однородной афанасьевской культуры, носите-

¹ СА, № 9, 1947.

² С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, в. 2, Л., 1927, табл. III.

³ За предоставление этих сведений приношу глубокую благодарность С. П. Толстову.

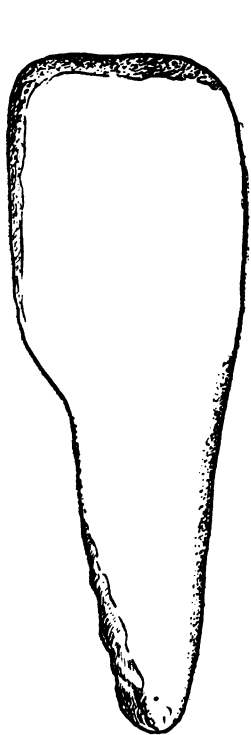

Рис. 3. Каменная колес-
тушка. Курота (Алтай);
1/2 н. в.

Рис. 4. Камен-
ный пест. Ку-
рота (Алтай).
1/2 н. в.

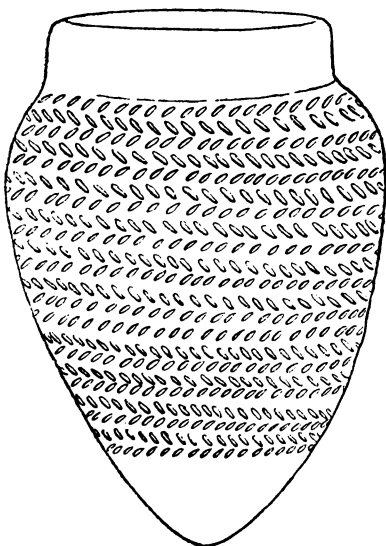

Рис. 5. Сосуд из кургана № 2. Ку-
рота (Алтай). 1/3 н. в.

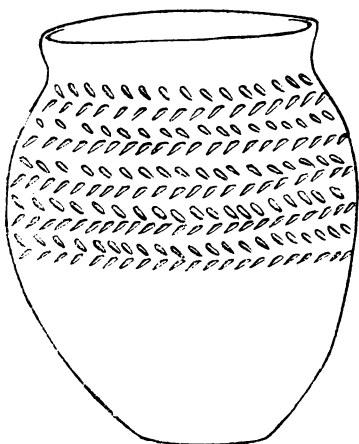

Рис. 6. Сосуд из кургана № 7.
Курота (Алтай). 1/3 н. в.

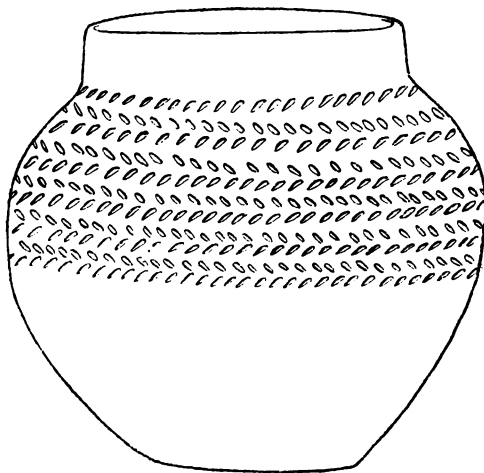

Рис. 7. Сосуд из кургана № 7. Курота
(Алтай). 1/3 н. в.

лями которой были племена палеоевропейского типа, знавшие уже, в противоположность таежным охотникам, скотоводство. При самом возникновении афанасьевской культуры заметны отдаленные, главным образом западные, связи, доходившие до Поволжья, может быть, даже до Причерноморья, население которого к тому же было очень близко к афанасьевскому по своему физическому облику.

В формировании афанасьевского комплекса заметно участие и местных поздне-неолитических культур. Однако чистота афанасьевского типа и глубокая древность его не позволяют предполагать, что носителями этой поздне-неолитической культуры Минусинской котловины и долин Алтая было население, резко отличное от поздней-

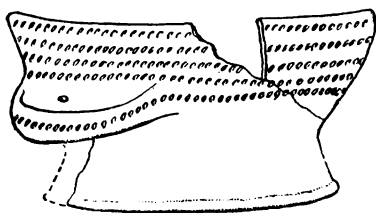

Рис. 8. Сосуд из кургана № 2. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

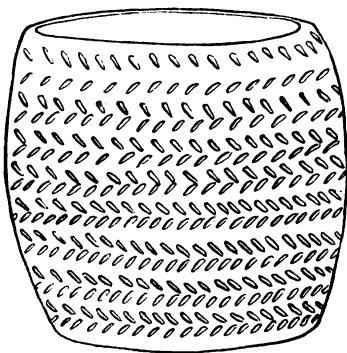

Рис. 9. Сосуд из кургана № 4. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

шего (скажем, таежные охотники-монголоиды). Вместе с тем необходимо отметить, что при изучении афанасьевских памятников обнаруживаются связи с югозападом — с энеолитом Средней Азии времени Анау и Суз, который предшествовал афанасьевскому. Такая пережиточность в «Афанасьеве» влияния среднеазиатского энеолита подтверждается обнаруженными в доафанасьевском слое Кукума (Алтай) признаками близости со Средней Азией через кельтоминарскую культуру, в свою очередь связанную с энеолитом типа Анау... Эти факты уводят нас уже в очень отдаленное время, к сожалению, еще очень мало обеспеченное источниками. Указывают ли эти связи со Средней Азией на какие-то этногенетические пути, или европеоиды сибирских степей эпохи позднего неолита и энеолита являются, наряду с населением степей Восточной Европы, потомками охотников кроманьонцев, широко распространившихся здесь еще в очень древние времена, — можно будет решить только после новых археологических работ, главным образом в области неолита Сибири и Средней Азии.

Проф. С. В. Киселев

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Исторический научно-исследовательский институт ЛГУ

Еще в марте 1946 года состоялось решение правительства об организации при Ленинградском университете 4-х научно-исследовательских гуманитарных институтов: исторического, филологического, восточного и института философии, экономики и права. Около года шла подготовительная работа, и в тот момент, когда пишутся эти строки (конец июня 1947 г.), два института: Исторический и Философии—Экономики—Права уже организованы и приступили к работе; два других находятся еще в процессе организации.

Выделение научной работы гуманитарных факультетов и перенесение ее в самостоятельные институты продиктовано стремлением усилить эту работу, так как до сих пор она в общем, стояла на втором плане по сравнению с учебной. С другой стороны, сам принцип существования научно-исследовательских институтов на базе университета является в высшей степени плодотворным, так как единство науки и школы, единство научной и учебно-воспитательной работы чрезвычайно стимулирует и ту и другую. Это показывает практика, это показывает вся история высшей школы.

Исторический институт был полностью сформирован к июню и приступил к работе. Его организационная структура в основных чертах такова. Институт делится на 5 отделов: истории СССР, всеобщей истории, археологии, истории искусств и отдел аспирантуры. Два первых отдела, в свою очередь, распадаются на секторы: истории СССР до XX в., истории СССР XX в. (включая историю партии), древней истории, истории средних веков (включая историю Византии), новой истории (включая историю стран Востока) и истории южных и западных славян. Остальные отделы секторов не имеют. В рамках отделов и секторов образуются временные группы по принципу объединения работников вокруг крупных проблем: группа происхождения славян, группа истории военно-морского флота, группа международных отношений, группа истории Ленинградской партийной организации и др.

В институт входят все штатные работники исторического факультета, поскольку они ведут научную работу. Кроме работников факультета, институт имеет еще некоторое количество старших и младших научных сотрудников, как правило, не ведущих педагогической работы.

Директор института для обсуждения наиболее важных научных и организационных вопросов созывает ученую коллегию, состоящую из ведущих работников института. Ученая коллегия выделяет из своей среды редакционную коллегию. Ученый совет института—общий с советом факультета.

Задачи и перспективы Исторического института на ближайшие годы определяются наиболее актуальными проблемами, которые стоят перед советской исторической наукой. К числу их относятся: разработка истории СССР советского периода истории славян, новой истории Западной Европы, Америки и стран Востока, истории массовых народных движений, марксистского искусствознания и др.

Одним из слабых участков исторического фронта является отсутствие в планах наших научно-исследовательских учреждений больших коллективных и комплексных тем. Там же, где они существуют, они носят внешний характер, являясь, в сущности, не коллективными темами, а крупными отделами истории. В нашем институте мы стремимся построить основную работу на принципе реальной коллективной и комплексной тематики, которая будет осуществляться, как было сказано выше, группами научных работников.

В связи с этим находится другое: полное отсутствие координации в работе научно-исследовательских исторических учреждений. В Ленинграде, кроме нашего института, историческую работу ведут ЛОИИ, ЛОИИМК, Эрмитаж, Академия Художеств, а также ряд вузов, музеев и архивов. Работа эта никак не координирована, в результате чего получается параллелизм тем, невозможность постановки крупных коллективных работ и др. Было бы целесообразно, если бы какое-нибудь из крупных исторических учреждений Ленинграда взяло на себя инициативу координации исторической работы в городском масштабе. Быть может, удобнее всего было бы это сделать Историческому институту Ленинградского университета, объединившему всех крупных ленинградских историков. При выработке плана научно-исследовательской работы на 1948 г., мы, во всяком случае, предполагали такую попытку сделать.

Что потребность объединения у ленинградских историков существует, показали первые шаги нового института. В течение июня месяца было организовано несколько открытых заседаний, привлечших многочисленных гостей. Из таких заседаний, нужно отметить обсуждение книги проф. В. В. Мавродина «Образование древнерусского государства» (сектор истории СССР до XX в.), доклад проф. Н. П. Полетика «Формирование первых империалистических блоков» (сектор новой истории) и доклад

доц. К. М. Колобовой «Дафны и Навкратис» (сектор древней истории). Особенно большой интерес среди историков Ленинграда вызвало первое общее собрание института состоявшееся 21 июня, на котором стояли доклады директора института «Задачи и перспективы научно-исследовательской работы института в 1946—1950 гг.», проф. В. В. Мавродина «Формирование русской нации» и проф. Н. А. Корнатовского «Курская битва».

Проф. С. И. Ковалев

Сектор древней истории Института истории АН СССР

В соответствии с пятилетним планом Института истории АН СССР сектор древней истории продолжает исследование проблем истории эллинизма и восточных и западных провинций Римской империи. При изучении этих проблем особое внимание обращается на решение важнейших теоретических вопросов: вопроса о социально-экономической природе эллинизма и вопроса о значении местных особенностей в развитии римских провинций для истории античного мира в целом. В ходе этой исследовательской работы сотрудники Сектора обращают особое внимание на вопросы борьбы против антинаучных концепций буржуазной историографии; в ряде случаев новая интерпретация первоисточников позволила сотрудникам сектора нанести решительные удары по общепризнанным в западной науке буржуазным концепциям, например, решение вопроса о характере земельной собственности на эллинистическом Востоке, данное А. Б. Рановичем, представляет собой окончательное опровержение теории о существовании феодальной зависимости в странах эллинизма. Две монографии сектора, посвященные этим проблемам, были закончены в предшествующем году (А. Б. Рановича и А. В. Мишулина). В 1947 году А. В. Мишулин начал работу над монографией: «Античная Испания под властью Рима» и к концу года заканчивает работу над первой главой этой работы: «Источники по истории Кельтиберийских войн 197—179 гг. до н. э.».

Работа А. В. Мишулина ставит себе целью исследовать процесс завоевания Испании Римом, развития в ней провинциального римского управления, введения режима порабощения туземного населения и историю борьбы этого населения против римских завоевателей.

А. Б. Ранович закончил работу над новой монографией—«История эллинизма». В этой работе А. Б. Ранович стремился вскрыть социально-экономические основы эллинизма, как нового важного этапа в истории рабовладельческого общества, дать картину классовой борьбы в эллинистических странах, показать роль эллинизма в истории культуры. В частности, большое внимание уделяется истории общественных идей, возникших в этот период.

Н. А. Машкин, продолжая работу над обширной монографией—«Северная Африка в римское время», закончил работу над двумя первыми главами: «Природные условия» и «Римская Африка накануне римского завоевания». В настоящее время Н. А. Машкиным подготовлено около половины его монографии (18 п. л.). Эта часть работы включает следующие главы: 1) Предмет исследования и обзор источников, 2) Распространение римского гражданства в африканских провинциях, 3) Городской строй Римской Африки во II и III вв., 4) Кризис III в. в Римской Африке, 5) Социальные движения эпохи поздней Империи, и две главы, упомянутые выше.

О. И. Севастьянова в текущем году закончила работу над монографией «Греческие города и социальные движения во время Митридатовых войн». Эта монография, посвященная малоисследованным вопросам истории восточной периферии Римского государства, затрагивает ряд проблем, имеющих важное значение для решения вопроса о причинах возникновения «мировой» Римской империи, а также для истории Боспорского царства. О. И. Севастьянова показала в этой работе, что основное содержание социальной борьбы в малоазийских городах составляла борьба рабовладельческой демократии и олигархии, переплетающаяся с антиримским движением. Одной из при-

чин поражения Митридата, использовавшего это движение в своих целях, было то обстоятельство, что в конце концов его политика вышла за рамки интересов рабовладельческой демократии этих городов, которая, таким образом, перестала его поддерживать.

В текущем, 1948 году А. В. Мишулин и Н. А. Машкин продолжают работу над монографиями, названными выше. А. Б. Ранович в 1948 году приступил к работе над третьей монографией пятилетнего плана—«Восточно-римская империя и изменение ее социальной структуры».

О. И. Севастьянова также начнет работу над новым исследованием: «Дипломатические отношения Рима с восточными странами со времен III Пунической войны до конца III Митридатовой войны».

В начале 1947 г. на Ученом совете института Истории успешно прошли защиты диссертаций П. Н. Таркова, Т. В. Блаватский и Н. М. Постовской.

Работа членов и аспирантов Сектора над плановыми работами подвергалась обсуждению на заседаниях сектора, привлекавших обширную аудиторию московских ученых.

А. В. Мишулин прочел доклад «Кельтиберийские войны», А. Б. Ранович сделал доклад «Синойкизм в эллинистический период», О. И. Севастьянова прочла два доклада: «Хиос во время первой Митридатовой войны» и «Источники по истории греческих городов во время I Митридатовой войны». С. Л. Утченко—также два доклада: «Воззрения Саллюстия на идеальное государственное устройство» (доклад опубликован в этом номере ВДИ) и «Политическая фразеология Саллюстия и Цицерона». Аспирант Я. А. Ленцман прочел доклад по материалам третьей главы своей диссертации. Кроме докладов по темам монографий и диссертаций на заседании сектора был заслушан также критический обзор Н. А. Машкина—«Вопросы Римской истории в иностранных журналах за последние годы».

В текущем году была также возобновлена работа по редактированию томов «Всемирной истории». Работа по редактированию III тома («История Греции»), порученная Н. А. Машкину и А. В. Мишулину, доведена к концу года до половины и будет закончена в 1948 году.

На заседаниях сектора выступили с докладами также академик Р. Ю. Виппер «Моральная философия Авла Геллия» (доклад будет опубликован во 2-м номере ВДИ за 1948 г.); проф. В. Д. Блаватский «Киммерийский вопрос и Пантикапей», Т. В. Блаватская «Греки и скифы в западном Причерноморье» (см., ниже, стр. 206 сл.) и Е. М. Штаерман—«Африканские восстания III века» (будет опубликован в ВДИ, № 2 за 1948 г.).

При обсуждении доклада Р. Ю. Виппера выступившие в прениях А. Б. Ранович, Н. А. Машкин и А. В. Мишулин отметили, что докладчик дал совершенно новое освещение давно известных положений о воззрениях Авла Геллия и выдвинул правильное обобщение об универсализации римского мировоззрения во II в. н. э. В ходе обсуждения была высказана мысль о необходимости исследовать вопрос о формировании в этот период двух резко противоположных систем мировоззрения: философии высших классов римского общества и идейных течений низших слоев населения Римской империи, находивших свое выражение в христианстве.

В докладе В. Д. Блаватского, носившем характер предварительного сообщения, был поставлен один из сложных вопросов древней истории нашей Родины. Докладчик выдвинул предположение, что в догреческий период население северо-восточной части Причерноморья было киммерийским и что г. Киммерик был построен киммерийцами. С возражениями против положений докладчика выступил Л. А. Ельницкий, считающий, что скудость археологических данных не позволяет делать тех выводов, к которым приходит В. Д. Блаватский.

Н. М. Постовская

Кафедра истории древнего мира МГУ

Работа кафедры истории древнего мира Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова протекала в направлении реализации тех решений, которые кафедра вынесла при обсуждении постановлений ЦК ВКП(б) об идеологической работе. Было обращено большое внимание на постановку общих исторических проблем, на выяснение основных закономерностей развития рабовладельческого общества, уделено надлежащее место изучению древней истории СССР. Кроме того, в научно-исследовательской работе кафедры значительное место заняли критика и библиография, критический разбор русской и западной литературы в области древней истории.

Коренному вопросу истории древнего Востока—вопросу о характере эксплуатации в странах древнейших восточных цивилизаций—был посвящен доклад академика В. В. Струве «Новейшие данные о социально-экономическом строе Шумера в III тысячелетии до н. э.». Основываясь на изучении документов хозяйственной отчетности эпохи III династии Ура, академик В. В. Струве защищает наличие уже значительно развитого рабовладельческого производства в царском и храмовом хозяйстве древнего Шумера.

Дальнейшее развитие рабовладельческого общества на территории стран древнего Востока уже в эллинистическую эпоху послужило темой доклада доцента Н. Н. Пикуса «Рабы в хозяйстве диоикета Аполлония». На основании папирусов Зенона докладчик пришел к интересным выводам об удельном весе рабского труда в сельскохозяйственном производстве птолемеевского Египта. Доклад вызвал оживленную дискуссию, затронувшую преимущественно общую проблему, которой коснулся докладчик,—вопрос об эллинизме, как о новом этапе развития античного рабовладельческого общества.

Вопросы политической истории государств древнего мира также нашли свое место в работе кафедры. Профессор Н. А. Машкин сделал доклад «Римские политические партии II—I вв. до н. э.»¹, в котором он, подвергнув критическому разбору теории западноевропейских ученых, отметил научную реакционность просопографического направления (Мюнцер, Гельцер) и доказал наличие в Риме политических партий оптиматов и популяров во II—I вв. до н. э., подчеркнув, вместе с тем, коренное своеобразие политической жизни античного мира.

Одна из важнейших проблем древней истории—вопрос о падении античного мира—была затронута в докладе аспирантки Н. И. Голубцовой «Политические события в Риме 395—410 гг.». Основываясь на изучении многообразного литературного наследия эпохи, докладчица показала, как внутреннее разложение империи открыло дорогу варварским нашествиям, первый акт которых завершился падением Рима в 410 г.—событием, потрясшим весь римский мир и вызвавшим значительные сдвиги в мирозавершении современников.

По вопросам военной истории древнего мира в связи с письмом Иосифа Виссарионовича Сталина полковнику Разину были поставлены два доклада, посвященные битве при Каррах и парфянской тактике контрнаступления. Военно-стратегическая оценка поражения Красса и тактических приемов Сурены, которые обычно не находят освещения в общих курсах истории военного искусства, игнорирующих изучение стратегий и тактики народов Востока, была дана доцентом А. Г. Бокщаниным; профессор С. П. Толстов показал происхождение основной тактической единицы, конного лучника—катафрактария, успешно примененной парфянами в борьбе против римской тяжело-вооруженной пехоты. Очагом возникновения этого типа вооружения является Хорезм, один из древнейших культурных центров на территории СССР, в земледельческих оазисах которого в обстановке борьбы с легкой конницей кочевников и развивался этот тип вооружения.

¹ ВДИ, 1947, № 3 (21), стр. 126—139.

В ознаменование двухтысячелетнего юбилея великого римского поэта и философа Лукреция проф. Н. А. Машкин прочел доклад «Время Лукреция», в котором он, дав характеристику римского общества накануне диктатуры Цезаря и мировоззрения одного из последних эпикурейцев, поставил общетеоретический вопрос о соотношении политики и философия, указав, что неправильно считать римский эпикуреизм специфической идеологией всадничества.

Академик Р. Ю. Виппер прочел доклад «Просветительный век Римской империи»¹, в котором, давая картину умонастроения, господствовавшего в римском обществе в эпоху Антонинов, и общественной среды, его питавшей, он выдвигает положение о наличии одинаковых черт в язычестве и христианстве II в.

Проблемы источниковедения были затронуты в докладе доцента О. И. Севастьяновой «О сочинении Аппиана «Митридатовы войны», в котором дана характеристика источников Аппиана и его историографических приемов, причем особенно подробно рассмотрены гипотезы о едином источнике и вопрос о пользовании Аппиана Ливием.

Крупное место в работе кафедры занимала критическая оценка исторической литературы по древней истории. Доцент К. К. Зельин прочел рецензию на книгу Ehrenderg'a «The People of Aristophanes», 1943, в которой он показывал, что, хотя автор и пытается бороться с модернизацией, тем не менее его книга написана с точки зрения поверхностного социологизма, оторванного от подлинно исторической оценки эпохи, что характерно для целого ряда новейших англо-американских работ. Старший преподаватель И. С. Кацнельсон прочел рецензию на «Ученые записки МГУ», вып. 78, 1941². Доцент А. Г. Бокщанин сделал доклад «К вопросу о новейших советских популярных монографиях по древней истории», в котором он дал рецензии на книги С. Я. Лурье «Архимед», 1945³, и И. М. Гревса «Тацит», 1946. Докладчик отметил своеобразную оценку эллинистической науки автором первой монографии, но признал освещение политической обстановки эпохи, характеризующееся необоснованной идеализацией Карфагена, совершенно неудовлетворительным. Книга И. М. Гревса получила более благоприятный отзыв, хотя она, по мнению докладчика, и страдает известной идеализацией Тацита. На пленуме кафедры был заслушан доклад проф. А. В. Мишулина—«XXX лет марксистской разработки древней истории (1917—1947)».

Методическая работа кафедры выразилась в подготовке учебников и учебных пособий по истории древнего мира. Обсуждались учебники проф. В. К. Никольского по истории первобытного общества (рецензенты—проф. М. О. Косвен, С. А. Токарев, Г. Ф. Дебец, доц. М. В. Воеводский) и проф. В. И. Авдиева по истории древнего Востока (рецензенты—проф. А. Б. Ранович и доц. К. К. Зельин). Доцент Н. Н. Пикус прочел рецензию на «Методические указания для заочников (История древнего мира и средних веков)», 1946; пожелания, высказанные в рецензии и в последовавшем за ней обмене мнений, решено принять во внимание при переиздании методических указаний.

За истекший учебный год были защищены диссертации на степень кандидата исторических наук старшим преподавателем И. С. Кацнельсоном на тему «Проблемы возникновения государства в древней Нубии» и доцентом Рижского университета Н. Б. Гурвичем на тему «Античное предание о заговоре Катилины». Число аспирантов (считая и прием 1947 г.) увеличилось до одиннадцати. Аспирантам II и I курсов утверждены следующие темы: А. И. Немировский—«Римское всадничество от Гракхов до Августа», А. М. Ременников—«Борьба римлян с варварами на дунайской границе в III в. н. э.», Р. А. Острая—«Египетский вопрос в римской политике конца республики». В истекшем учебном году по кафедре окончили шесть студентов. Значительно более тщательное, чем прежде, изучение греческого языка, хорошо поставленное преподавание гре-

¹ ВДИ, 1947, № 1 (19), стр. 46—59.

² См. рецензию И. С. Кацнельсона и Д. Г. Редера, ВДИ, 1947, № 1 (18), стр. 78—82.

³ См. рецензию А. Г. Бокщанина и М. Я. Выгодского, ВДИ, 1947, № 3 (21), стр. 151—159.

ческой и латинской эпиграфии и папирологии, обязанное в первую очередь трудам доц. К. К. Зельина и проф. А. Б. Рановича, позволило студентам-выпускникам записать дипломные работы по истории греческих колоний на юге СССР: «Афины и Боспорское царство в IV в. до н. э.»—Н. Б. Бреговская, «Ольвия в III в. до н. э. по надписи в честь Протогена»—Л. И. Казаманова, по классической Греции—«Речь Исократа о мире как источник социально-экономической истории Греции IV в.»—Е. Ф. Соколова, «Политическая борьба в Афинах IV в. до н. э.»—Н. Б. Гуревич и по истории эллинизма—«Работы в Фаюмском оазисе при Птолемеях II Филадельфе по папирусам»—А. И. Павловская. Кроме того, студентами-выпускниками разрабатывались вопросы римской истории: «Союзнический вопрос во Второй Пунической войне»—Р. А. Острая, «Аграрные отношения второй половины I в. до н. э.»—А. Л. Гелияк.

О. В. Кудрявец

Кафедра истории древнего мира МГПИ им. В. И. Ленина

Научно-исследовательская работа кафедры древней истории МГПИ им. Ленина строится преимущественно в направлении изучения античного мира в его отношении к истории нашей родины и соседних с ней славянских стран. Вопросам истории всего Причерноморья и примыкающих к нему стран в античную эпоху, социальной и культурной истории восточных окраин эллинистического мира и восточных римских провинций посвящены монографии, доклады и статьи большинства членов кафедры. Руководитель кафедры проф. В. Н. Дьяков работает над монографией «Античная культура на западном и южном побережье Понта в эпоху римского господства», из которой подготовлена к печати глава «История городов Западного Понта в римскую эпоху». Доцент Д. И. Нудельман подготовила статьи «Древнегреческое поселение на острове Березань», помещенную в выпуск «Ученых трудов исторического факультета» за 1946 г. и «Значение рыболовства для торговли в Северном Причерноморье в античную эпоху». Доцент О. А. Ротберг работает над темой «Культура городов македонской Фракии в эпоху римского господства». Проблема взаимоотношения древних народов на территории СССР с греко-римским миром ставится и в аспирантских работах. Аспирант кафедры Тер Израелян в июне 1947 г. защитил диссертацию на тему «Парфянский поход Антония и борьба армянского народа за свою независимость»¹. Аспирант Косыке приступила к работе над темой «Восточный поход Нерона».

Аспирант Мишина работает над темой «Выступление Максимиана и позиция римского сената». Тема освещает моменты социальной борьбы в Римской империи, в частности в ее восточных провинциях, в период кризиса III в.

Истории народов юга России и античных городов Причерноморья посвящены специальные семинарии на III и IV курсах исторического факультета под руководством доцента Нудельман. Под ее же руководством работает научный студенческий кружок, в котором принимают участие студенты исторического и литературного факультетов. Тематика кружка также связана с изучением древних городов на юге СССР. Члены кружка прошли специальный курс полевой археологии и приняли участие в Керченской и Ольвийской археологических экспедициях летом 1946 и 1947 гг. В начале нового учебного года на собрании кружка был заслушан отчет участников экспедиции с демонстрацией находок и планов раскопок. Интерес кафедры к проблемам истории Причерноморья заставил ее выйти за узкие рамки своего состава и привлечь к своей работе археологов. На расширенных заседаниях кафедры, совместно со студентами, членами кружка, были заслушаны доклады научного сотрудника Государственного исторического музея Е. В. Веймарна «Тавро-скифская экспедиция в Крым в 1946 г.», научного сотрудника Украинской Академии Наук Г. А. Смирнова «Археологическая разведка древних городищ в Молдавии летом 1946 г.», сооб-

¹ См. ВДИ, 1947, № 4 (22), стр. 138-139.

шение старшего научного сотрудника Ленинградского отделения ГАИМК С. И. Капониной о раскопках в Ольвии летом 1947 г.

Кроме перечисленных работ членами кафедры написаны следующие статьи и рецензии. Доцентом О. А. Ротберг обработана для печати глава из ее кандидатской диссертации «Сицилийский лагерь Секста Помпея», освещающая ряд эпизодов социальной борьбы в Риме в эпоху второго триумvirата. Доцент Х. И. Пеклер закончил работу над статьями «Изобразительные памятники палеолита как исторический источник» и «Комментарии к иллюстрациям в учебнике А. В. Мишулина по истории древнего мира». Последняя статья напечатана в журнале «История в средней школе». Кафедра ведет также большую работу по подготовке учебных и методических пособий. Профессором Дьяковым уже сданы в печать две части пособия для студентов исторических факультетов «История римского народа». Отдельные главы этой книги, как, например, глава «Завершение революции в Риме в половине IV в. н. э.», обсуждались на общем заседании кафедры. В ближайшее время выходит из печати методическое пособие, разработанное доцентом Пеклером «Опыт ведения практикума по истории древнего мира», критическому разбору которого также было посвящено заседание кафедры. Кроме того, весь коллектив кафедры под руководством проф. Дьякова по заданию Учпедгиза приступил к составлению учебника по древней истории для учительских институтов.

Большое внимание уделяется кафедрой руководству учебным процессом. На заседаниях заслушиваются и обсуждаются отчеты и сообщения преподавателей о проводимых ими лекционных курсах, практических записях и специальных семинарах. Особое внимание обращено на методику проведения практических занятий и семинаров.

Большим событием в работе кафедры явились решения ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии. Им было посвящено расширенное заседание кафедры с докладом проф. Дьякова «Задачи науки истории древнего мира в свете последних решений ЦК ВКП(б)»; были заслушаны сообщения членов кафедры об их работе над трудами классиков марксизма-ленинизма. Результатом углубленного изучения работ классиков марксизма явился доклад доцента Х. И. Пеклера на научной конференции исторического факультета «Высказывания т. Сталина по вопросам истории древнего мира».

З. Мишина

Кафедра классической филологии МГПИ им. В. И. Ленина

Кафедра классической филологии Педагогического института им. В. И. Ленина образовалась в 1939 г. на основе кафедры древних языков, созданной после введения латинского языка на литературном и историческом факультетах. Работа кафедры стала особенно расширяться с тех пор, как в 1944/45 уч. году в институте было открыто отделение классической филологии, имеющее своей целью подготовку молодых кадров преподавателей греческого и латинского языков. В настоящее время укомплектованы уже все четыре курса этого отделения, и в 1948 г. будет первый выпуск молодых специалистов по классической филологии. Кафедра имеет в своем составе трех докторов наук, пять доцентов-кандидатов наук и двух старших преподавателей.

Особенно важным моментом в жизни кафедры в 1946/47 уч. году было заседание с докладом зав. кафедрой проф. Н. Ф. Дератани о направлении и характере деятельности кафедры, в связи с историческим постановлением ЦК ВКП(б) об идеологической работе. При этом вскрылась необходимость поднять всю научно-учебную работу кафедры на большую идейно-теоретическую высоту.

На заседании кафедры, посвященном 2000-летию со дня смерти Лукреция, были прочтены доклады: проф. Н. Ф. Дератани—«Лукреций—поэт-философ», проф. А. Ф. Лосева—«Мировоззрение Лукреция», доц. Н. М. Черемухиной—«Лукреций и изобразительное искусство», доц. Ф. А. Петровского—«Русский перевод поэмы Лукреция».

К 30-летию Великого Октября кафедра поставила ряд тем по проблеме «Русская литература и античность», а в пятилетнем плане научной работы намечена как основная проблема—«Основоположники марксизма-ленинизма об античной мифологии, литературе, искусстве и языке». Поставлены и отдельные темы, например, проф. Н. Ф. Дератани—«О происхождении и характере» «*Res gestae divi Augusti*», проф. А. Ф. Лосева—«Жанры у Гомера» (критика буржуазных концепций), доц. С. П. Кондратьева—«Письмо как жанр в античной литературе» и др. Доц. Н. М. Черемухина закончила докторскую диссертацию на тему «Крито-микенское искусство и Гомер».

Кроме того, проф. Н. Ф. Дератани и доц. А. Н. Тимофеева обработали 5-е издание первого тома хрестоматии по античной литературе. Одновременно с этим готовится к печати четвертое, расширенное издание второго тома этой хрестоматии.

При кафедре состояло шесть аспирантов. Из них И. Н. Альтман закончил диссертацию на тему «Идейная направленность творчества Софокла как критерий для хронологии его трагедий». В. С. Гусятинская пишет диссертацию по Феокриту, А. А. Тахо-Годи написала диссертацию на тему «Тропы у Гомера», М. И. Аккерман пишет работу по Саллюстию.

Оживленно работал научный студенческий кружок. Необходимо особенно отметить доклады студентов Шарыпова—«Русские мыслители об античной философии», Дебасова—«Поэтика Аристотеля», Комянова—«Медия Эврипида, Овидия, Сенеки».

Проф. Н. Ф. Дератани

Керченский государственный историко-археологический музей им. А. С. Пушкина

Керченский государственный историко-археологический музей им. А. С. Пушкина сильно пострадал от немецко-фашистских захватчиков. 45 ящиков с экспонатами музея были вывезены в Германию. Музей лишился почти полностью своей коллекции чернолаковой и расписной керамики, деревянных резных саркофагов, изделий из серебра и золота, в том числе знаменитого Марфовского клада, а также значительной части коллекции терракот, стеклянных сосудов, монет и некоторых ценных мраморных скульптур, как, например, замечательного рельефа местной работы с изображением Силена, найденного в 1935 на горе Митридат и мраморной статуэтки Кибелы. Потери музея не поддаются точному учету, так как все инвентарные книги также погибли.

Сохранившиеся коллекции музея были приведены в состояние полного хаоса. Фонды музея представляли собой совершенно беспорядочную свалку керамических черепков, обломков терракот, гипсов, штукатурки, бронзовых, железных и других изделий. В этой свалке были перемешаны вещи из самых разнообразных раскопочных коллекций, наряду с беспаспортным материалом. Лapidарий, крупная керамика, в значительной части разбитые и поврежденные, были свалены в подвале, во дворе музея и на Царском кургане.

Сильно пострадала библиотека музея. Многие ценные книги были вывезены, сохранившиеся почти все сильно порваны и повреждены, недостает многих отдельных страниц и таблиц.

Почти полностью погиб археологический архив музея.

Планомерная работа по восстановлению Керченского музея началась с 1945 г., т. е. почти через год после освобождения Керчи от немецко-фашистских захватчиков.

За два года своей восстановительной работы музее удалось пополнить свои коллекции. К числу наиболее ценных приобретений музея относится купленный в сентябре 1946 г. фрагмент монументальной скульптуры из крепкого известняка (так называемый дикарный камень)—часть головы в коринфском шлеме, которая может быть датирована первой половиной V в. до н. э.

Интересен фрагмент надгробия из раковистого известняка, найденный в районе некрополя Нимфея. Сохранилось крайне суммарное изображение головы в нише, обрамленной неправильной формы аркой. Такой тип надгробного памятника, хорошо известный в Херсонесе, является не совсем обычным для Боспора.

Ценным пополнением музея явилась археологическая коллекция из музея в г. Иваново, в которой богато представлена местная боспорская керамика. Она дала ряд ценных пополнений чернолаковой и расписной керамики, стекла, терракот, остродонных амфор. Прекрасно представлены в ивановской коллекции гипсовые прилепы деревянных саркофагов—маски Медуз, трагические маски, женские бюсты, бюсты силенов, эроты на дельфинах и т. п. Многие из них отличаются хорошо сохранившейся раскраской.

Источником систематического пополнения коллекции Керченского музея является работа двух основных археологических экспедиций, в которых принимает участие научный коллектив музея—Керченской экспедиции ИИМК АН СССР и Гос. музея изобразительных искусств под руководством проф. В. Д. Блаватского и Боспорской экспедиции ЛОИИМК АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича, а также самостоятельные разведки, проводимые музеем. Ряд интересных комплексов погребений римского времени дали работы, проведенные главным хранителем музея Е. М. Линде на некрополе Карантинного шоссе весной 1946 г. В районе деревни Куль-Тепе на берегу Азовского моря, в северной части Керченского полуострова был случайно обнаружен пифос римского времени. Проведенная в связи с этой находкой работниками музея небольшая разведка имела своим результатом обнаружение до сих пор никем не обследованного греко-меотского городища первых веков нашей эры.

Наряду с работой в области разборки фондов и инвентаризации основных коллекций, уже в 1945 г. Керченский музей открыл свои двери для посетителей. Была развернута выставка археологических фондов музея, на базе которой в настоящее время строится стационарная экспозиция по истории и культуре Боспорского царства, а также была организована выставка «Керчь в Великой Отечественной войне».

Сильно пострадали в результате немецкой оккупации Керчи также филиалы музея—монументальные памятники Керчи. Разрушено и находится под угрозой полной гибели старое здание музея на г. Митридат. Очередной задачей является приведение в порядок раскопа Думберга на горе Митридат и восстановление его как филиала музея.

Сильно пострадал и требует капитального ремонта замечательный памятник ранне-средневековой архитектуры в Керчи—церковь Иоанна Предтечи. До сих пор этот памятник находился в ведении главного архитектора г. Керчи, но в начале 1947 г. он был передан в ведение музея. Музей предполагает использовать здание церкви Иоанна Предтечи в качестве лапидария. Древняя часть здания может быть использована для экспозиции раннесредневековых памятников, близких по времени к церкви Иоанна Предтечи.

Мелек-Чесменский курган был использован немецко-фашистскими захватчиками как блиндаж. Дромос и склеп были сильно засорены и захламлены, сильно пострадала насыпь, были разрушены ограда и сторожка.

Все сторожки при Керченских памятниках были разрушены в период немецкой оккупации. В настоящее время восстановлены сторожки при склепе Деметры и Царском кургане и ведутся работы по восстановлению сторожки на раскопе Думберга.

Коллектив работников музея в 1945 г. проделал большую и трудоемкую работу по приведению в порядок Мелек-Чесменского кургана. Были построены опорные стенки с целью предотвращения дальнейшего расположения насыпи, восстановлена ограда, в 1946 г. на Мелек-Чесменский курган были перевезены отдельные надгробия, близкие по времени к самому кургану (IV—III вв. до н. э.), экспонированные в дромосе и склепе кургана.

Сильно пострадал во время военных действий Царский курган. Насыпь его изрыта, разрушены ограда и лапидарий. Хранившиеся в лапидарии стелы разбросаны в беспорядке среди завала камней разрушенного здания. Многие из них разбиты

или повреждены осколками снарядов. Все без исключения сильно пострадали от сырости. Значительная часть стел и плит с надписями, которые до войны хранились в дромосе Царского кургана, были сложены тут же, в дромосе, на полу. Стоящие при входе большие мраморные саркофаги, один из них с надписью Антимаха¹, сильно повреждены пулями и осколками снарядов.

Летом 1945 г. был проведен ряд работ по приведению в порядок Царского кургана. При этом обнаружены значительные повреждения памятников. Многие из них испорчены современными надписями, как, например, известный агонистический каталог из Гор-гиппи². Погибли расписные плиты из склепа, открытого В. В. Шкорпилом в 1902 г. близ Керченского вокзала—плита с изображением головы Медузы³ и стенка саркофага с изображением виноградной лозы. От сырости штукатурка с краской совершенно осыпалась. Сохранилась только нижняя часть головы Медузы. Виноградная лоза погибла полностью.

Наиболее тяжело немецкая оккупация отразилась на состоянии так называемого Зайцевского склепа 1895 г. с изображением Деметры, который был использован немецко-фашистскими захватчиками в качестве офицерского госпиталя. Раненые немецкие офицеры развлекались стрельбой из револьверов—в стенах были обнаружены следы револьверных пуль, местами осыпалась штукатурка с краской. Особенно сильно пострадал люнет южной стены с изображением сцены похищения Коры, полностью утрачена фигурка Коры, нижняя часть фигуры Эрота и плащ за спиной Плутона.

В сентябре 1945 г. ученым реставратором Е. А. Домбровской была проведена работа по укреплению живописи, утраченной, по ее определению, на 80%.

Расписные склепы северного склона г. Митридата до войны оставались, как правило, засыпанными. В период военных действий они были открыты самим населением г. Керчи, использовавшим их как места укрытия. Немцы перед отступлением засыпали их, опасаясь того, что в них могут скрываться советские партизаны.

Очередной задачей Керченского музея является последовательное вскрытие всех расписных склепов северного склона г. Митридат с той целью, чтобы проверить их состояние и не засыпать их в дальнейшем, а сделать доступными для осмотра. Первым опытом в этом направлении была работа, проведенная над склепом 1891 г. После тщательной расчистки склепа был устроен вход в него, дающий возможность беспрепятственного посещения и осмотра. Роспись склепа 1891 г. сильно пострадала за время войны, почти совершенно утрачена фигура Ἀγαθή τέχνη на северной стене, сохранилась только нижняя часть фигуры с веслом.

Восстановление Керченского музея должно явиться одновременно и его реконструкцией, подъемом его работы на более высокую ступень. Керчь должна стать городом-музеем мирового значения. Одним из первых шагов в этом направлении может послужить открытие для осмотра расписных склепов северного склона г. Митридат.

А. Иванова

¹ IOSPE, II, 124.

² В. В. Латышев, «Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895—98 гг.», МАР, 23, стр. 64 сл.

³ ИАК, вып. 19, стр. 150 сл.

Симон Николаевич Джанашиа

15 ноября 1947 г. скончался выдающийся советский историк, крупнейший специалист по истории древней Грузии, член ВКП(б) видный общественный деятель, вице-президент Грузинской Академии Наук академик С. Н. Джанашиа.

Окончив историческое и лингвистическое отделения философского факультета Тбилисского государственного университета, С. Н. Джанашиа был прекрасно подготовлен к серьезной исследовательской работе в области изучения древней истории Грузии, а также древних и современных языков Кавказа. Отдавая себе ясный отчет в том, что историю древней Грузии можно восстанавливать лишь на основе глубокого и подлинно критического изучения всех сохранившихся источников, как письменных, так и материальных, а также языковых пережитков, С. Н. Джанашиа сумел стать не только первоклассным историком, но также крупным лингвистом и видным археологом. В своих многочисленных и разнообразных научных трудах С. Н. Джанашиа ясно показал, что настоящий историк древности должен полностью владеть не только всем наличным документальным, но также лингвистическим и археологическим материалом.

Много труда положил С. Н. Джанашиа на изучение и издание источников по истории Грузии. Под его редакцией вышло несколько томов «Материалов по истории Грузии и Кавказа». Еще в 1926 г. он издал сборник древнегрузинских грамот, а незадолго до своей смерти в 1946 г. издал «Описание грузинских рукописей Государственного музея Грузии». Посвятив себя специальному изучению древнейшей истории Грузии, он не смог пройти мимо важного источника по истории древней Грузии «Картлис Цховреба» и, наконец, посвятил особый труд критическому изучению Моисея Хоренского («К критике Моисея Хоренского», Тбилиси, 1937). В этом ценном научном труде автор, основываясь на грузинских, армянских и арабских источниках, подвергает тщательному критическому анализу грузинский термин «сепе-цули» (высший слой феодальной аристократии в Грузии VI-IX вв.), а также термин «остан», служивший в эту эпоху для обозначения соответствующего слоя армянской аристократии. Глубокое изучение источников позволило С. Н. Джанашиа дать новую датировку труда Моисея Хоренского (ближе к IX в.).

Прекрасная подготовка в области кавказского языкознания дала возможность С. Н. Джанашиа использовать свои глубокие лингвистические знания для изучения

древней истории Грузии, в частности при исследовании топонимики. Специальные работы С. Н. Джанашиа посвятил сравнительному изучению сванского и адыгейского языков, изучению адыгейского элемента в топонимике Грузии (1940), наконец, исследованию вопроса о древнейших этнических терминах, служивших для обозначения древнейшего населения Грузии. В особой статье «Тубал-Табал, Тибарен-Ибер» С. Н. Джанашиа доказывает «связь иберов-грузин через тибар-табаров с табалами ассирийских источников, с одной стороны, и тубалами Библии—с другой». По мнению С. Н. Джанашиа, «через культурное содержание табало-тубальской эпохи и при помощи самих этнических терминов табал-тубал» исследователь восходит к более ранним ступеням развития (субарам и шумерам). Наконец, изучение языковых материалов дало возможность С. Н. Джанашиа посвятить особую работу древнейшей хронологии истории Грузии (1942 г.).

Внимание С. Н. Джанашиа всегда привлекала проблема изучения древней Грузии в эпоху расцвета рабовладельческого общества и связей ее с античным миром. Этой проблеме посвящена статья «Античная схема кавказских этнархов и эпонимов» (1943 г.), а также работа, посвященная изучению древнего города Фасид (Фазис). Ценные специальные работы С. Н. Джанашиа посвятил изучению древнейших культурно-политических центров восточногрузинского государства (1943 г.), политической географии Иберского (Картлийского) царства в древнейший период (1942 г.) и происхождению царства Лазики (1936 г.). Углубленное изучение целого ряда проблем древнейшей и древней истории Грузии подвело С. Н. Джанашиа к постановке и изучению важнейшей проблемы о феодализации Грузии в специальной монографии «Грузия на пути ранней феодализации».

Все эти ценные труды С. Н. Джанашиа основываются на прекрасном знании письменных источников, кавказских языков и археологического материала. Придавая огромное значение археологическим работам, С. Н. Джанашиа в течение последних лет руководил археологическими раскопками на месте древней столицы Грузии — Мцхета, где в Самтавро и Армазис-хеви были обнаружены в большом количестве погребения бронзово- и более поздней эпохи с богатейшим могильным инвентарем. В районе Багинети этой же экспедицией были найдены остатки древнего некрополя.

Многолетние глубокие и разносторонние труды в области изучения древней и средневековой истории Грузии дали возможность С. Н. Джанашиа в сотрудничестве с акад. И. Джавахишвили и Н. Бердзенишвили создать ценнейший научный труд «История Грузии. Часть I. С древнейших времен до начала XIX века» (Тбилиси, 1946), который был удостоен Сталинской премии. В этом труде, который явился обобщением всей предшествующей исследовательской работы, С. Н. Джанашиа дает яркий очерк древней истории Грузии, указывая на ту тесную связь, которая соединяла историю Грузии с историей соседних древневосточных государств, а позднее с историей и культурой античной Греции и Рима. Наконец, в этом труде С. Н. Джанашиа показывает, что история древней Грузии развивалась в силу исторической закономерности, установленной марксистско-ленинской исторической наукой. Древняя Грузия знала эпоху первобытно-общинного строя, а в первые века до н. э. рабовладельческие отношения получили в Грузии довольно значительное развитие.

С. Н. Джанашиа был не только крупнейшим специалистом в области древней и средневековой истории Грузии, талантливым историком, лингвистом и археологом, блестящим представителем советской исторической школы. С. Н. Джанашиа был также выдающимся общественным деятелем и научным организатором. Крупную организационную роль он сыграл в жизни научных учреждений Тбилиси, являясь директором Института истории Грузинской Академии Наук, учредителем Грузинского Лингвистического общества, наконец, вице-президентом Академии Наук Грузинской ССР и депутатом Верховного Совета СССР. В его лице советская историческая наука потеряла крупнейшего и талантливого специалиста, советская научная общественность видного общественного деятеля, а советский народ — честного и преданного патриота. С. Н. Джанашиа пользовался заслуженной любовью и популярностью не только в своей родной Грузии, но и во всем Советском Союзе.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ВОЗЗРЕНИЯ САЛЛЮСТИЯ НА ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

(Доклад прочитанный в секторе древней истории Института
истории АН СССР 13 января 1947 г.).

Гай Саллюстий Крисп был современником одного из самых бурных и напряженных периодов римской истории. На его глазах рушился обветшалый строй римской республики, и в пламени гражданской войны создавались новые политические формы. Саллюстий был не только свидетелем выдающихся событий эпохи, но и их непосредственным участником. По собственному признанию, он еще в молодости решил посвятить себя политической деятельности («Cat.», 3, 3). Однако его политическая карьера сложилась неудачно, и Саллюстий, испытав глубокое «разочарование» (ib.), отошел от непосредственного участия в политической жизни, но продолжал в качестве историка и публициста служить своей партии. Недаром он так высоко оценивал гражданский долг историка (ib., 3, 2) и, отводя возможные упреки в бездеятельности, не без гордости заявлял: *maiusque commodum ex otio meo quam ex aliorum negotiis rei publicae venturum* («Jug.», 4, 4).

Поэтому облик Саллюстия приобретает чрезвычайный интерес. Его мировоззрение, его политические убеждения и симпатии—все это должно в какой-то мере отражать идеологическую жизнь эпохи, борьбу политических партий, классовые позиции определенных прослоек римского общества.

Энгельс говорил, что «римская республика была действительна, но так же действительна была сменявшая ее римская империя»¹. Контекст этой фразы не оставляет сомнений в том, что Энгельс говорил о действительности римской империи в смысле ее исторической необходимости. Но, конечно, нельзя принимать это высказывание Энгельса как свидетельство того, что римская империя появилась на свет без борьбы. Наоборот, утверждающаяся военная диктатура встречала упорное и многостороннее сопротивление. Оно проявлялось в самых разнообразных формах, начиная от вооруженной борьбы (гражданская война) и вплоть до «мирных» форм широкого оппозиционного движения, захватившего различные слои римского общества и богатого своеобразными оттенками.

Общезвестно по крайней мере одно направление этой оппозиции—оппозиционное движение, исходившее из сенатских кругов, из среды римского нобилигета. Изучение политических и философских воззрений Саллюстия, не принадлежавшего к упомянутой группировке, может дать некоторое понятие о других оттенках оппозиционных настроений в римском обществе, среди иных общественных группировок.

Все вышесказанное обусловило повышение интереса к Саллюстию в современной буржуазной историографии. За последние десятилетия появился ряд трудов о Саллюстии, которые пытаются выяснить его мировоззрение и партийные позиции. Но подавляющее большинство работ, посвященных Саллюстию, имеет один общий и чрезвычайно характерный недостаток. Если в этих исследованиях уделяется достаточно внимания Саллюстию, как стилисту, историку и практическому политику²,

¹ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 636.

² См., например, W. A. Baehrens, Sallust als Historiker, Politiker und Tendenzschriftsteller, «Neue Wege zur Antike», IV (1926); O. See l, Sallust von den

то общие теоретические воззрения Саллюстия, которые, несомненно, служили основой его исторической концепции, его политических симпатий, до сих пор почти не подвергались специальному изучению. Это, несомненно, явление не случайное, ибо буржуазные историки, особенно в последнее время, всячески избегают крупных теоретических проблем, предпочитая лишь поверхностные и вульгаризаторские аналогии между античностью и современностью.

Отнюдь не ставя себе задачей выяснение философских воззрений Саллюстия в целом, мы ограничимся лишь рассмотрением его взглядов на идеальное государственное устройство, т. е. на лучшую форму правления и на облик идеального государственного деятеля. Притом объектами нашего изучения будут воззрения «раннего» Саллюстия, эпохи «Писем к Цезарю» и «Заговора Катилины».

Уже при изучении воззрений Саллюстия, относящихся к идеальному государственному устройству, вскрывается непосредственное и чрезвычайно плодотворное влияние Платона на римского историка. Влияние представителей средней Стои и, в частности, Посидония на Саллюстия и других его современников общеизвестно¹. Но вопрос о влиянии Платона ускользнул из поля зрения большинства исследователей. Автору известна лишь одна работа, в которой подчеркивается зависимость теоретических построений Саллюстия от Платона², однако и она ограничивается поверхностными и чисто формальными аналогиями³, тогда как факт плодотворного влияния Платона на Саллюстия может быть доказан на гораздо более обширном материале.

Прежде всего следует рассмотреть, как представлял себе Саллюстий закономерность, обуславливающую смену государственных форм. Если обратить внимание на тематику исторических произведений Саллюстия, то можно заметить, что все они по существу написаны на одну тему. Это тема распада, разложения римской республики вплоть до окончательного ее краха. Саллюстий в своих произведениях хронологически не продвинулся далее той эпохи, которой он посвятил свой первый исторический труд — «Заговор Катилины». В его более поздних произведениях («Югуртинская война» и «Истории») трактуются события, предшествующие движению Катилины. Таким образом, получается, что события 63 г. знаменуют собой «конечный пункт» разложения республики и вырождения ее в тиранию, персонификацией же самого вырождения является Катилина. Бесспорно, прав Egermann⁴, когда он говорит, что портрет Катилины, изображенный Саллюстием, есть портрет тирана.

Это общее воззрение Саллюстия относительно вырождения римской республики в «тиранию» объединяет все его исторические произведения. Впервые и наиболее полно

Briefen ad Caesarem bis zur Coniuratio Catilinae, Stuttg., 1930; W. S c h u r, Sallust als Historiker, Stuttg., 1934; K. L a t t e, Sallust, «Neue Wege zur Antike», т II, R., H. 4 (1935); H. O p p e r m a n n, Das heutige Sallustbild, NJWJ, H. 1, 1935, а также соответствующие главы Ed. Meyer'a, Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius, Brl., 1922, («Sallusts erste Schrift an Caesar», стр. 357—364; «Sallusts zweite Schrift an Caesar, стр. 388—399).

¹ См. многочисленные, но противоречивые высказывания на этот счет: Ed. S c h w a r t z, Die Berichte über die Catilinarische Verschwörung, «Hermes», XXXII (1897), стр. 561, 565; C. W a g n e r, De Sallustii prooemiorum fontibus, Diss., Lips., 1910, стр. 13 сл.; J. M o r r, Die Entstehung der Einleitungen von Sallust. Jahresber. der K. K. Staatgymn. Troppau. 1913/14; F u n a i o l i, Sallustius; RE. Bonpoc o зависимости исторической концепции Саллюстия и его теории упадка нравов (metus punicus от Посидония подробно рассмотрен у W. S c h u r, op. cit., стр. 62—101.

² F. E g e r m a n n, Die Prooemien zu den Werken des Sallust, Wien, 1932.

³ Например, параллель между «Cat.», 3 (о разочаровании Саллюстия в политической деятельности) и P l a t o, Ep., 7, двумя письмами Саллюстия к Цезарю и двумя политическими посланиями Платона. Приводится также ряд текстуальных реминисценций («Cat.»—Ep., 7, «Jug.»—Ep., 7, «Cat.»—«Menex.», «Phaedon.»). См. op. cit., стр. 24—27.

⁴ F. E g e r m a n n, op. cit., стр. 46—48.

тема вырождения развита в историческом экскурсе «Заговора Катилины», где Саллюстий иллюстрирует данный тезис на материале римской истории («Cat.», 6—12).

Излагая в этом экскурсе историю римского государства, Саллюстий подразделяет ее как бы на три больших периода.

К первому периоду относится основание Рима троянцами, которые, слившись воедино с аборигенами, образовали общину, жившую еще без законов, но согласно и свободно («Cat.», 6, 1—2). Преуспевающая община, как это обычно и бывает, стала вызывать по отношению к себе зависть, соседние цари и народы начали делать попытки нападений. Римляне мужественно и согласно отражали опасность, защищая родину, свободу, семью (6, 3—5). Власть в этот период принадлежала царям, причем государственные дела обсуждались старейшинами или «отцами» (*patres*). Когда царская власть начала вырождаться в тиранию, римляне изменили государственное устройство и поставили во главе государства двух выборных и ежегодно сменявшихся правителей (*consules*) (6, 6—7). На этом и оканчивается первый период римской истории.

Второй период, для которого характерны выборная власть, свобода и высоко-нравственная жизнь общества, Саллюстий описывает более подробно, ибо это лучшая пора, «золотой век» римской истории. У всех граждан наблюдается необычайный подъем чувства собственного достоинства, стремление к славе овладевает всем обществом (7, 1), люди заботятся не о накоплении денег, но о накоплении героических подвигов и доблестных деяний, ибо только они и считались тогда истинным богатством (7, 4—6). В обществе и в мирную эпоху, и в военное время культивируются добрые нравы, царит согласие, приращенная порядочность заменяет писанные законы (9, 1). Неустрашимость на войне и строгая, неподкупная справедливость в мирное время—вот какими двумя средствами охраняют римляне свое государство. Этот лучший период римской истории, период «золотого века», продолжается вплоть до разрушения Карфагена (1,10).

Третий период римской истории—это эпоха смут и раздоров, начало упадка государства. Прежде всего в обществе развивается стремление к власти, затем страсть к деньгам (10, 3; 11, 1). Честолюбие и корыстолюбие—вот те гибельные страсти, которые явились источником и первопричиной всех зол в римском государстве (10, 3). Снова верховная власть вырождается из самой справедливой в самую несправедливую—в тиранию (10, 6). Первым человеком, который олицетворил в себе эту тираническую власть, был Сулла (11, 4). Захват власти Суллой приводит к дальнейшему разложению общества: армия развращается, изнеживается, привыкает к роскоши (11, 5—7), начинаются грабежи и разбои (11, 4), молодежь стремится лишь к роскоши, забывает всякий стыд и скромность (12, 1—2), бросается в разврат и излишества (13, 2—3). Происходит, наконец, полное разложение нравов граждан и вырождение общества. Олицетворением этого окончательного разложения, олицетворением тирании является теперь Катилина и его достойные приспешники («свита из пороков и преступлений»)¹. Заговор Катилины—вполне закономерное следствие, логический продукт вышеизложенных причин (14, 2—7). Этим заканчивается описание третьего и последнего периода римской истории, периода, который приводит римское общество к полному разложению, нравственность граждан—к окончательному упадку, государственные формы—к вырождению в тиранию. Такова в общих чертах концепция римской истории в экскурсе «Заговора Катилины».

Зависимость этого экскурса от Платона может быть показана достаточно наглядно.

Периодизация (трехчленное деление), установленная Саллюстием для римской истории, заимствована в общих чертах у Платона. Как известно, Платон, излагая в «Законах» историю развития государственных форм, отмечает некоторые периоды, или «циклы», общественного и культурного развития человечества. Эти «циклы»

¹ «Cat.», 14, 1: *...omnium flagitiorum atque facinorum circum se tamquam stipulatorum catervas habebat.*

Платона и легли, на наш взгляд, в основу саллюстиевой периодизации римской истории.

Как характеризует Платон свой первый цикл? Эта государственная или, вернее, общественная форма, которую Платон называет «дюнастией» (*δυναστεία*), характеризуется первобытным строем жизни, чистотой нравов, отсутствием развитого государственного аппарата и писаных законов. Власть в этот период осуществляется царями («Leg», 677E—680E). Нетрудно убедиться, что древнейший период римской истории в изображении Саллюстия в основном соответствует этой картине «патриархального быта» в «Законах» Платона.

Как характеризует Платон свой второй цикл? Эта государственная форма, которую Платон называет «аристократией», или «царством» (*ἀριστοκρατία, βασιλεία*), характеризуется возникновением законодательства и установлением выборной власти (680E—681D). Но второй период римской истории, в изложении Саллюстия,—период блестящего расцвета, «золотой век», как раз и характерен установлением выборной и ежегодно сменяемой власти. Результатом этого мудрого государственного устройства явилось то процветание общества, о котором столь подробно распространяется Саллюстий. Таким образом, основные черты второго «цикла» Платона также перенесены Саллюстием в описание «золотого века» римской истории.

Как же, наконец, характеризует Платон свой третий цикл? Эта государственная форма, которую Платон в «Законах» никак не называет (демократия? *δημοκρατία*?), характеризуется, с одной стороны, ростом культуры и могущества государства, но, с другой стороны—это период смут и раздоров, начало упадка, разложения государственных форм (681E—682E; 701A—702A). Нетрудно убедиться, что последний период римской истории в интерпретации Саллюстия сконструирован на основе главнейших характерных черт третьего «цикла» Платона.

Таким образом, трехчленная периодизация римской истории, примененная в историческом экскурсе «Заговора Катилины», воспроизводит учение Платона о «циклах» общественного и культурного развития человечества. Что касается картины морального разложения римского общества, разложения, наступающего в «третий период» римской истории, то схема Саллюстия, по которой это разложение обусловлено развитием сначала честолюбия (*ambitio*), а затем корыстолюбия и роскоши (*avaritia et luxuria*, «Cat.», 11, 1—6), воспроизводит этапы постепенного ухудшения «совершенного государства» Платона, как они даны в VIII кн. «Политии». У Платона первым этапом дегенерации оказывается тимократия со свойственной ей *φιλοτιμία*, затем олигархия, для которой характерны *φιλοουχιστίαι*, а затем—в демократии рождаются *ἀναλυσίαι ἐκβολαί*, последняя же ступень вырождения—появление *τυραννικός ἀνὴρ*, образ которого, как уже указывалось выше, использован Саллюстием для характеристики Катилины.

Таково влияние Платона на концепцию римской истории, изложенную в экскурсе «Заговора Катилины». Что же касается общей манеры, в которой написан экскурс, то на ней бесспорно сказалось влияние исторического экскурса «Менексена»¹. Но это влияние, на наш взгляд, скорее формальное и стилистическое, чем принципиальное или «конструктивное»².

Зависимость воззрений Саллюстия от государствоведческой мысли Платона может быть показана еще на одной характерной детали.

Причины разложения республиканских форм Саллюстий ставит в прямую зависимость от нравственного уровня общества. Еще в начале своей монографии («Cat.»,

¹ F. Egermann, op. cit., стр. 41 сл.

² Несомненно, на историческую концепцию Саллюстия оказали влияние теоретические построения Посидония и, в частности, его учение о *metus punicus*. Но это влияние Посидония прослеживается в более поздний период литературной деятельности Саллюстия, главным образом в «Югуртинской войне», где разложение нравов римского общества уже поставлено Саллюстием в прямую причинную связь с разрушением Карфагена и уничтожением *metus hostilis*.

3, 3—5) Саллюстий говорит о том, что всеобщая коррупция и упадок нравственности привели к такому положению, когда все руководящие посты в государстве оказались заняты людьми недостойными и развратными. Но это, в свою очередь, ведет к компрометации самих республиканских должностей и органов, а следовательно, и к вырождению республиканско-демократических форм. Итак, Саллюстий считает, что вырождение республики в тиранию происходит в результате разложения самих республиканских форм. Эти воззрения Саллюстия также вытекают из учения Платона о государстве. Как известно, и для Платона «конечным пунктом» разложения государственных форм была тирания¹. Но Платон с его явно аристократическими симпатиями не только говорил о вырождении государственных форм в тиранию, он выводил тиранию именно из демократии: Ἄρ οὐν τρόπον τινα τὸν αὐτὸν ἐκ τῆς ἀλιταρχίας δημοκρατία γίγνεται καὶ ἐκ δημοκρατίας τυραννίς; («Pol.», VIII, 562A). Эти теоретические выводы Платона были для Саллюстия практически и реально воплощены в событиях римской истории².

Чем отличается представление Саллюстия о смене государственных форм от взглядов Цицерона, изложенных в «De republica»? Цицерон, как известно, сам признавался в том, что учение о смене государственных форм заимствовано им у Платона («De div.», II, 2, 6). В таком случае, может быть, влияние Платона на Саллюстия шло через Цицерона?

Однако это не так. Можно отметить одно расхождение Цицерона с Платоном, расхождение, которого у Саллюстия мы не обнаруживаем, что и свидетельствует о непосредственном влиянии Платона на Саллюстия.

Основной причиной вырождения и смены государственных форм, по мнению Цицерона, является доведение до крайности (т. е. до степени злоупотребления) основного принципа каждой из форм, и как тираны погибают вследствие злоупотребления своей властью, так и чрезмерная свобода при демократическом строе порождает тиранию и рабство («De rep.», I, 44). Платон, не отрицая вовсе значения фактора злоупотреблений, не довольствуется им и смотрит на вопрос более глубоко, ставя, как мы видели, изменение форм правления в тесную связь с социальными переворотами, с нравственным уровнем граждан³; тимократии, по его мнению, предшествует развитие в гражданах честолюбия, олигархии—развитие корыстолюбия и т. д.

Но и Саллюстий, как мы только что убедились, тоже подчеркивает тесную связь между нравственным уровнем граждан и процветанием государства, говорит о развитии честолюбия и корыстолюбия⁴, примыкая таким образом непосредственно к Платону.

Что же касается Цицерона, то он скорее следует воззрениям Полибия (VI, 10), заимствуя у Платона лишь частности. Учение о смене государственных форм вследствие доведения до крайности основного принципа каждой данной формы и господства его над остальными, привело как Полибия, так вслед за ним и Цицерона к само собой напрашивающемуся выводу. Прочность государственного строя может быть достигнута лишь в том случае, если полновластие одного принципа будет умеряться действием других, т. е. в условиях смешанной формы правления⁵.

Этот вывод и это построение Платону чужды, если не считать одного, и то довольно глухого, упоминания о том, что τρίτον τοῖον εἶσμεν ἐπὶ πολιτείας οὐχ ἡμῶν γιγνόμενον ἐν ᾧ δὴ πάντες εἰδὼ καὶ παθόντες πολιτεῖαν καὶ ἀπὸ πόλεως συμπίπτει γίγνεσθαι («Legg.», III, 681D). Также чуждо подобное воззрение и Саллюстию. Саллюстий, в отличие от Цицерона, примыкает к Платону непосредственно и самым тесным образом.

Перейдем к рассмотрению воззрений Саллюстия на лучшую государственную форму.

¹ Plat., Pol., IV, 445C—E; VIII, 543—562; IX, 571—580.

² Но это отнюдь не означает, что Саллюстий, подобно Платону, отрицательно относился к демократии как форме государственного устройства.

³ Plat., Pol., VIII, 545; VIII, 562, 565.

⁴ См. выше, стр. 193.

⁵ Cic., De rep., I, 29, 45; Polyb., VI, 3, 11.

Еще в раннем «Письме к Цезарю» дан первоначальный набросок учения Саллюстия о лучшей государственной форме. В гл. V этого письма Саллюстий устанавливает основное, исконное деление римского общества на *patres* и *plebs*. У *patres*—*summa auctoritas*, у *plebs*—*vis*. Затем идет упоминание о борьбе сословий, о *secessio*. Все эти события привели к тому, что могущество нобилитета уменьшилось, а права народа возросли¹. Тогда создается некое прочное и устойчивое равновесие. Это и была лучшая пора, «золотой век» республики, когда народ пользовался свободой и никто не мог злоупотреблять своей властью, попирая законы, когда знатный превосходил незнатного не богатством или надменностью, но доброй славой и отважными поступками («Ер.», II, 5).

Итак, даже на основании раннего «Письма к Цезарю» можно установить, что, по мнению Саллюстия, государственной формой, соответствовавшей периоду «золотого века», было некое равновесие между *patres* и *plebs*.

В прооёмии к «Заговору Катилины» представление Саллюстия о лучшей государственной форме не только выражено более четко, но здесь оно получает теоретическое обоснование. Этим обоснованием является учение Саллюстия о дуализме человеческой природы. Мысль о подобном дуализме проскальзывает впервые в том же «Письме к Цезарю», когда Саллюстий говорит, что народ должен повиноваться сенату, как телу душе: *igitur ubi plebes senatui sicuti corpus animo oboedit* («Ер.», II, 10).

Еще более определенно мысль о взаимоотношениях души и тела высказана в позднем «Письме» по поводу печальной участи тех, кто проводит жизнь в низменных наслаждениях, и, таким образом, подчиняет дух, которому подобает господствовать, телу («Ер.», I, 8). В прооёмии к «Заговору Катилины» эти отдельные мысли и высказывания развиты значительно полнее. Саллюстий начинает с того, что чрезвычайно четко устанавливает двойственный характер человеческой природы: *sed nostra omnis vis in animo et corpore sita est* («Cat.», 1, 2). Но если человек складывается из души и тела, какому же из этих двух начал принадлежит приоритет? На этот вопрос Саллюстий отвечает тоже совершенно четко и недвусмысленно: *animi imperio, corporis servitio magis utimur* (ib.). Иначе не может и не должно быть, ибо: *alterum nobis cum dis, alterum cum belluis commune est* (ib.).

Но понятия *animus* и *corpus* не являются для Саллюстия только отвлеченными философскими категориями. Они сразу же проицируются им в сферу государственной жизни. Уже сама формула *animi imperio, corporis servitio magis utimur* чрезвычайно напоминает нам с внешней стороны уже упоминавшуюся и более раннюю формулу Саллюстия: *plebes senatui, sicuti corpus animo oboedit* («Ер.», II, 10) и, несомненно, находится с ней в более тесной внутренней связи. Это—не что иное, как обоснование двойственной природы государства дуализмом человеческой природы.

Начав прооёмии к «Заговору Катилины» с общих теоретических положений, Саллюстий переходит к рассуждению: *vine corporis an virtute animi, res militaris magis procederet* («Cat.», 1, 5). Здесь мы можем наблюдать перенесение философских понятий «душа» и «тело» в сферу государственной жизни, где они выступают, как *virtus animi* и *vis corporis*. Государственный организм конструируется Саллюстием по образу и подобию организма человеческого.

Но в этой схеме Саллюстия душа и тело, несмотря на безусловный приоритет души, отнюдь не противопоставлены друг другу как враждебные категории. Наоборот, речь идет о некоем сочетании этих двух элементов человеческого существа, взаимно дополняющих друг друга.

Эта точка зрения характерна для Саллюстия, ибо уже в ней достаточно ясно выступает тенденция примирения, тенденция компромисса, типичная для Саллюстия на данном этапе его литературной деятельности.

Но если для Саллюстия в сфере государственной жизни *animus* выступает, как *virtus animi*, а *vis*, как *vis corporis*, то каковы должны быть взаимоотношения между ними, дабы обусловить наилучший государственный строй и процветание общества?

¹ «Ер.», II, 5... *nobilitatis opes deminutae sunt et ius populi amplificatum*.

Саллюстий дает на этот вопрос чрезвычайно любопытный ответ: между людьми, говорит он, долго шел большой спор о том—преуспевает ли более военное дело от физической силы, или же от духовной доблести (*vine corporis, an virtute animi, res militaris magis procederet*); но прежде чем что-либо предпринимать, следует поразмыслить, а по размышлении действовать во-время; следовательно, оба качества, будучи сами по себе недостаточны, нуждаются во взаимном пополнении (*ita utrumque, per se indigens, alterum alterius auxilio eget*, «Cat.», 1, 5—7).

Теперь мы располагаем достаточным материалом для обобщения. В раннем «Письме» Саллюстий говорит о состоянии равновесия между сенатом и народом, что и выражено формулой: *patres (summa auctoritas)—plebs (vis)*. Но совершенно очевидно, что эта формула находится в тесной связи с формулой *virtus animi—vis corporis*. Эта последняя—не что иное, как теоретическое обоснование формулы из «Письма».

Мы проследили тенденцию к примирению, к объединению в некоем синтезе элементов схемы *virtus animi—vis corporis*, при несомненном приоритете первого члена схемы. Равным образом мы можем отметить тенденцию к примирению, к объединению в некоем синтезе элементов схемы: сенат (с его *auctoritas*)—народ (с его *vis*), при несомненном приоритете первого члена схемы.

Следовательно, общая, принципиальная тенденция Саллюстия заключается в примирении *auctoritas (-virtus animi)* с *vis (-vis corporis)*. Сенат—«душа», народ—«тело». Но *plebes senatui, sicuti corpus animo oboedit* («Ер.», II, 10), и тогда искомая государственная форма, идеал политического устройства, должна удовлетворять следующему условию: сдерживать *vis*, значением *auctoritas* примирять в некоем синтезе то и другое. Идеалом для Саллюстия является республика, руководимая сенатом¹, который и обладает *summa auctoritas*. Эта государственная форма была уже дана в истории Рима, в прошлом (ср. «золотой век»), к ней должно стремиться и в будущем.

Несомненно, что на формирование этих взглядов Саллюстия также оказал глубокое влияние Платон. Глубина и принципиальность этого влияния может быть подчеркнута тем, что понятия *animus* и *corpus* сразу проецируются Саллюстием в сферу государственной жизни, и саллюстиево представление о лучшей государственной форме выжидается на этих двух элементах схемы и взаимоотношениях между ними. Государственный организм конструируется Саллюстием по образцу и подобию организма человеческого. И это снова говорит нам о влиянии Платона. Платон неоднократно подчеркивал ту мысль, что взаимоотношения в государстве воспроизводит взаимоотношения между отдельными частями человеческого существа, что справедливый человек подобен справедливому государству, что государство есть собирательный образ человека и потому в природе государства есть все то, что имеется в природе человеческой, и нет ничего такого, чего бы не было в человеке².

На этой-то теоретической основе, заимствованной у Платона, Саллюстий и строит свое учение о лучшей государственной форме, т. е. о республике, руководимой сенатом. Но даже это конкретное выражение политического идеала Саллюстия находит себе явную параллель в Платоновом «Менексене». В «Менексене» развивается мысль о том, что во времена предков существовала прекрасная форма правления, которая была настолько хороша, что сама оказывала благотворное влияние на граждан. Что же это за форма правления? Одни называют ее демократией, другие аристократией, по существу же это—аристократия, как бы соединенная с одобрением народа³. Но и идеальная государственная форма Саллюстия тоже представляет собой не что иное, как «аристо-

¹ Конечно, Саллюстий имеет в виду «идеальный» сенат, а не тот сенат, из которого он был исключен и который он сам аттестует весьма нелестно. См., например, «Iug.», 4. сл.

² P l a t., Pol., II, 368E; IV, 435B, 435E, 445C; V, 462C; Leg., VIII, 828D.

³ P l a t., Menex., 238B—D... ἔστιν δὲ τῇ ἀληθείᾳ μετ' εὐδοξίας πλήθους ἀριστοκρατία.

кратию, соединенную с одобрением народа» (или в интерпретации Саллюстия—сенат + народ). Любопытно, что историческое воплощение этой идеальной формы Саллюстием также отнесено к временам предков, к раннему периоду римской истории («Ер.», II, 5; «Cat.», 7, 1—7; 9, 1—5).

На примере учения Саллюстия о лучшей государственной форме еще раз можно показать отличие его взглядов от концепции Полибия—Цицерона.

Несмотря на то, что Цицерон заимствует основные представления о душе и о государстве у Платона («De rep.», 38), он затем, как мы в этом убедились выше, развивает свое учение о государственных формах по совсем иному пути. Этот путь приводит Цицерона к представлению о смешанной форме правления, как об идеале государственного устройства (концепция Полибия).

Но для Саллюстия идеалом государственного устройства отнюдь не является смешанная форма правления. Идя своим путем, Саллюстий делает вывод о том, что идеалом государственного устройства является «аристократия, соединенная с одобрением народа» (концепция Платона).

Таким образом, мы имеем возможность еще раз подчеркнуть непосредственную связь Саллюстия с Платоном.

Перейдем, наконец, к рассмотрению учения Саллюстия о лучшем государственном деятеле.

Черновой набросок облика государственного деятеля тоже дан впервые в более раннем «Письме к Цезарю». Но он дан еще в самой общей форме. Саллюстий наделяет своего идеального государственного деятеля следующими чертами: *magna cura* по отношению к *res publica*, *virtus*, затем *multipliciter animus curis et laboribus fatigatur* и, наконец, он *omnibus locis adest; festinat*. («Ер.», II, 10). Этот портрет вполне может быть дополнен теми чертами, которые придает Саллюстий непосредственно Цезарю («Ер.», II, 1; I, 1, 7), ибо в период написания «Писем к Цезарю», как мы еще убедимся в этом ниже, последний и был для Саллюстия образцом государственного деятеля.

Саллюстий в этот период еще верил в то, что может найтись такой человек, такой правитель, который будет в состоянии пресечь разгул пороков в римском обществе, возродить республиканские учреждения и мудрой законодательной деятельностью направить государственный корабль по должному пути. Саллюстий верил в то, что может найтись такой человек, который государство, выродившееся в тиранию, превратит в государство закона. Более того, Саллюстий знал такого человека и возлагал на него свои надежды. Этим человеком и был для Саллюстия в эпоху написания «Писем»—Цезарь.

Какие же черты придает Саллюстий облику Цезаря в «Письмах»? Саллюстий, прежде всего, подчеркивает величие Цезаря, его могущество, огромную власть, сосредоточенную им в своих руках в результате успехов и побед над врагами («Ер.», II, 1—2; I, 1). Затем Саллюстий особо отмечает высокую интеллектуальность Цезаря, для ума которого нет ничего недоступного, ум которого всеобъемлющ и гениален («Ер.», II, 2; I, 7). И, наконец, Саллюстий говорит о добродетели и высоконравственном образе действий Цезаря. Цезарь может служить образцом поведения для прочих государственных деятелей и для всех граждан («Ер.», II, 2; I, 1).

Таковы основные черты, из которых складывается облик идеального государственного деятеля в «Письмах». Наличие подобных качеств у правителя, по мнению Саллюстия, обеспечивает установление желательного равновесия между сенатом и народом, между *patres* и *plebs*, а следовательно, и процветание государства. На примере же римской истории можно убедиться в том, что наличие подобных качеств у *maiores* обеспечило в свое время римскому государству его могущество и величие («Ер.», II, 10).

Так же как и другие разделы теории Саллюстия, его учение о лучшем государственном деятеле находится в тесной связи с соответствующими взглядами Платона. Здесь, прежде всего, следует иметь в виду мнение Платона о том, что государство закона легче всего и вероятнее всего может возникнуть из тирании, при наличии выдающегося законодателя, или, как называет его Платон, благопристойного, порядочного

(*xóσιος*) тирана. Это учение развито Платоном в «Законах», в книге, которая оказала большое влияние на государствоведческую мысль Саллюстия (P l a t., Leg., 710D—E).

Считая Цезаря способным! восстановить республиканские формы, а тем самым и римское государство, Саллюстий, несомненно, находился под влиянием учения Платона о возникновении государств закона из тирании и о «благопристойном тиране». Это тем более вероятно, что, если присмотреться внимательнее к качествам и свойствам Цезаря, которыми он награжден еще в раннем «Письме», то бросается в глаза изумительное сходство этих черт с характерными чертами «благопристойного тирана» Платона. У этого «порядочного» тирана, выдающегося законодателя, который и создает государство закона, величайшая власть должна сочетаться с разумом и здравомыслием (ib., 712A). Затем его образ жизни и поведение должны служить образцом для всех граждан, ибо таким путем могут быть изменены нравы самого общества, так как граждане будут подражать своему властителю, ибо его собственное поведение будет для них как бы предписанием, потому что за одни поступки он будет хвалить и оказывать почет, за другие—порицать (ib., 711B—C). Но ведь эти же самые свойства, как мы убедились выше, приписываются Саллюстием Цезарю (конечно, в достаточно преувеличенном виде), который таким образом и оказывается вполне подходящим для выполнения исторической миссии по возрождению римского государства.

Однако все вышеприведенные высказывания Саллюстия являются лишь первоначальным наброском облика государственного деятеля. Знаменитая [сравнительная характеристика Цезаря и Катона в] «Заговоре Катилины» интересна именно тем, что она дает нам возможность проследить дальнейшее развитие взглядов Саллюстия на идеал государственного деятеля.

Уже сама мотивировка введения этих характеристик в повествование представляет значительный интерес. Именно здесь Саллюстий подчеркивает роль личности в истории, именно здесь он утверждает: *paucorum civium egregiam virtutem cuncta patravisse* («Cat.», 53, 4).

Затем Саллюстий в характеристиках Цезаря и Катона дает мастерски выполненный набросок облика идеального государственного деятеля. Основные характерные черты, определяющие этот облик, строго и по определенному принципу отбрасываются между Цезарем и Катоном. Характеристика Цезаря дает образ «деятеля», в ней акцентированы именно моменты деятельности. Вот основные черты характеристики Цезаря: *beneficia, munificentia, misericordia, perfugium miseris, facilitas laborare, vigilare, sibi magnum imperium, exercitum novum bellum exoptabat, ubi virtus enitescere posset* («Cat.», 54).

Характеристика Катона дает образ «морального героя», в ней акцентированы прежде всего моменты нравственного совершенства. Вот основные черты характеристики Катона: *integritas vitae, severitas, pernicies malis, constantia, studium modestiae, decoris, non divitiis cum divite, neque factione cum factioso, sed cum strenuo virtute, cum modesto pudore, cum innocente abstinencia certabat* (ib.).

Кому же из этих двух героев отдает Саллюстий предпочтение? Кто теперь является для него идеалом государственного мужа—«деятель» Цезарь или «нравственный герой» Катон?

Этот вопрос, кстати сказать, неоднократно дебатировался в литературе. Так, например, Ed. Schwartz, рассматривая «Заговор Катилины» как апологию Цезаря, считал, конечно, что истинным героем является Цезарь, а Катон—«слишком непрактичен»¹. Новейшие исследователи Саллюстия, как, например, Scard, Schur², наоборот, признают эти характеристики доказательством антицезарянской позиции Саллюстия, которому якобы больше импонирует образ «нравственного героя» и «стойка-мыслителя» Катона.

¹ Ed. S c h w a r t z, op. cit., стр. 572.

² W. S c h u r, op. cit., стр. 147. О точке зрения Scard'a сужу на основании рецензии в «Klio», XXIX (1936).

И, наконец, О. Seel¹ считает, что ни Цезарь, ни Катон не могут быть героями Саллюстия, ибо они оба не являюся обновителями государства.

Анализ учения Саллюстия о лучшей государственной форме, направление и тенденции государствоведческой теории Саллюстия в целом—все это убеждает нас, что ни один из вышеприведенных взглядов не может считаться правильным. Нам кажется более вероятным, что идеал государственного деятеля для Саллюстия уже не в Цезаре с его качествами и атрибутами или в Катоне с его качествами и атрибутами, а в некоем синтезе обоих героев, в сочетании качеств и атрибутов как одного, так и другого. Это предположение легко подтверждается тем, что характеристики построены таким образом, что, по существу говоря, сливаются в единую характеристику некоего синтезированного деятеля и героя. И, действительно, характеристики не расположены одна вслед за другой, а слиты воедино: определенный ряд качеств Цезаря сразу же дополняется рядом соответственных качеств Катона, затем идет новый «слой» качеств Цезаря, его дополняет соответственный «слой» Катона и т. д. и т. д. («Cat.», 54). Недаром Саллюстий предваряет свои характеристики весьма знаменательными, с этой точки зрения, словами: *sed memoria mea, ingenti virtute, divorsi moribus fuere viri duo M. Cato et C. Caesar* («Cat.», 53, 6).

Итак, идеал государственного деятеля в «Заговоре Катилины» конструируется уже на основе синтеза атрибутов Цезаря и Катона. Цезаревых атрибутов самих по себе недостаточно, как недостаточно и Катоновых, взятых отдельно. Дело заключается в том, что они нуждаются во взаимном пополнении: *per se indigens, alterum alterius auxilio eget* («Cat.», 1, 7).

Следует отметить, что представление Саллюстия о лучшем государственном деятеле в основных своих чертах совпадает с обликом правителя государства (*rector rei publicae*) у Цицерона. Как известно, вопросу о правителе государства в «De republica» уделено достаточно места и внимания, но из всего, что говорит Цицерон о правителе государства, до нас дошли лишь отдельные фрагменты. Однако и на основании знакомства с дошедшими до нас высказываниями, можно судить о том, что Цицерон близко примыкал в этом вопросе к Платону, а следовательно, и к Саллюстию. Цицерон требует от своего *rector rei publicae* прежде всего определенных нравственных и гражданских достоинств, благоразумия («De rep.», II, 40), требует, чтобы в таком человеке разум торжествовал над низкими страстями (*ib.* II, 46), ибо если это необходимо для каждого человека, то для правителя государства необходимо вдвойне («De rep.», II, 41; «De off.», I, 23, 73). Помимо этого, Цицерон требовал от правителя мужества, осмотрительности, воздержанности («De rep.», II, 41; V, 8), и, наконец, трудолюбия, без которого правитель не может удовлетворять своему высокому положению и задачам (*ib.*, V, 7).

Все эти качества, приписываемые Цицероном своему государственному деятелю, лежат всецело в плане качеств и атрибутов идеального государственного деятеля Платона—Саллюстия.

Некоторые исследователи, как, например, Ферреро², считают, что Цицерон в «De republica» дал апологию монархии, принципата. Еще более определенно по этому поводу высказывается Вишпер, который считает, что *rector rei publicae* Цицерона есть не что иное, как «монархический президент»³. О монархических тенденциях Цицерона говорят и Reitzenstein⁴, который находит, что Цицерон вносит свой корректив в полибеву схему смешанного устройства Рима, подставляя на место «парского элемента»

¹ О. Seel, *op. cit.*, стр. 38—43.

² Г. Ферреро, Величие и падение Рима, II, стр. 75—76, 156.

³ Ф. Вишпер, Очерки истории Римской империи, стр. 271.

⁴ Reitzenstein, Die Idee des Prinzipats bei Cic. und Aug., «Gött. Nachr.», 1917.

в этом устройстве (т. е. консулов)—своего *rector rei publicae*. Ed. Meyer¹ говорит о том, что образцом для Цицерона была «идеальная аристократия» под руководством принцепса, т. е. некая конституционная монархия. К этой же точке зрения примыкает еще ряд исследователей.

Однако она была основательно поколеблена работой R. Heinze². Он обращает внимание на то, что государственный деятель у Цицерона везде называется *rector rei publicae*, но не принцепс (за исключением нескольких неточных эксцерптов). Это определение не имеет никакого монархического оттенка, являясь лишь латинским эквивалентом греческого *ἀνὴρ πολιτικός*. И действительно, в VI книге «De re publica», где приводятся образцы этих *rectores rei publicae*, мы имеем дело исключительно с аристократами-республиканцами старого закала, как, например, Сципион, Л. Эм. Павел, Катон, Гракх-отец, Лелий, Сципион Навика. А так как Цицерон, повидимому, примеряет и самого себя к идеалу этого *rector rei publicae* («Ad Att.», VI, 2, 9; VII, 3, 2), то немонархический характер этого термина совершенно ясен. «De re publica» — апология традиционной конституции, и идеальный *rector* Цицерона — аристократический деятель. Таким образом, определения государственного деятеля Платона — Саллюстия, с одной стороны, и Цицерона, с другой, в основных своих чертах, совпадают.

Попытаемся теперь ответить на поставленный в начале данной статьи вопрос о связи этих воззрений Саллюстия с окружающей общественно-политической обстановкой³.

Период, в который складывались проследженные нами воззрения Саллюстия, был одним из наиболее напряженных и драматических периодов римской истории. Трехлетие гражданской войны, единодержавие Цезаря и его гибель, крушение старореспубликанских форм и становление *imperium Romanum* в его мировом значении и границах — таково историческое содержание этого периода. В каком же соотношении с этими крупнейшими событиями находился политический идеал Саллюстия? Как отразилась на нем партийная борьба, кипевшая в эту эпоху в римском обществе? И, наконец, с другой стороны, интересы и чаяния каких общественных группировок были выражены в этом идеале?

Политический идеал Саллюстия, как мы установили, включал в себя представление о лучшей форме правления. Эта последняя определялась формулой, данной самим Саллюстием: сенат + народ, при соответствующем разграничении функций между обоими членами формулы (т. е. сенат управляет, а народ под его мудрым руководством занимается полезной деятельностью). Как это явствует из исторического экскурса «Заговора Катилины» (10,1) подобный образ правления не только был исторически дан (период «золотого века»), но даже довольно точно локализован во времени: он продолжался вплоть до разрушения Карфагена, до проникновения римлян «во все моря и земли», т. е. до превращения Рима в *imperium Romanum*, в мировое государство. Уже вышесказанное дает нам основание охарактеризовать политический идеал Саллюстия как консервативно-республиканский.

Для Саллюстия, как и для многих его современников, понятия «государство» и «Рим» были понятиями идентичными. Идея государства воплощалась для него в полисе. Это и есть столь обычная, навеянная греческими образцами, «полисная идеология». Но в данном случае она должна быть определена как идеология консервативная, ибо Саллюстий призывал вернуться к уже пройденному этапу.

Попытаемся также выяснить вопрос о том, интересам какой социальной группировки соответствовал идеал государственного устройства, сформулированный Саллюстием в его первых литературных произведениях.

¹ Ed. Meyer, op. cit., стр. 184.

² R. Heinze. Ciceros Staat als polit. Tendenzschrift, «Herm.», LIX (1924).

³ Более подробному рассмотрению этой проблемы посвящена моя статья «Политические послания Саллюстия к Цезарю» («Ученые зап. Института имени Покровского», Л., 1940). Поэтому здесь я излагаю лишь краткие выводы из высказанных мною ранее соображений.

Саллюстий, как мы можем судить на основании программы политических реформ в данном «Письме к Цезарю» («Ер.», II, 5—8; 10—12), представлял интересы средних слоев римского общества, т. е. промежуточной группы между правящей верхушкой и деклассированными низами. Это была достаточно широкая и довольно пестрая по своему социальному составу прослойка, в политической жизни примыкавшая к различным течениям. Но в целом эта группа, несомненно, была заинтересована в умеренной демократии, в умеренно-республиканской форме правления, ибо она одинаково ненавидела как олигархическую, кастово-замкнутую верхушку нобилитета, захватившую в свои руки всю политическую власть, так и деклассированные низы (*vulgus*). Программа этой группы может быть сформулирована так: политическое равноправие для представителей этой группы, или, говоря языком Саллюстия, «расширение прав народа и ограничение власти аристократии», т. е. опять-таки некое равновесие между сенатом (аристократия) и народом.

Насколько же отвечал ход исторического развития, ход жизни Римского государства и, в первую очередь, направление внутривнутриполитической деятельности Цезаря интересам этой общественной группировки и возможностям осуществления ее консервативного политического идеала? Определение основных тенденций и общего направления этой деятельности не представляет затруднений.

Основной идеей, пронизывающей всю программу реформ Цезаря, была идея организации могущественной римской державы, *imperium Romanum*. Об этом, прежде всего, свидетельствует самый размах этих реформ.

Можно говорить, по крайней мере, о двух тенденциях реформаторской деятельности Цезаря, которые и определяют общее ее направление. Это, во-первых, стремление к объединению государства и к установлению единообразного правового положения всего его населения. Во-вторых, это стремление к переустройству и совершенствованию государственного аппарата, созданию сильной централизованной власти.

Уравнительная тенденция подтверждается такими мероприятиями Цезаря, как дарование прав гражданства транспаданцам (*Dio*, 41, 36; 37, 9; cf. *Tac.*, *Ann.*, 11, 24) и гадитанцам (*Dio*, 41, 24; *Liv. Ep.*, 110), возвращение автономии Фессалии, дарование свободы киддам и сложение части налогов с населения провинции Азия (*Plut.*, *Caes.*, 48; cf. *Dio*, 42, 6; *App.*, *b.c.*, 4, 5). Сюда же можно отнести и *lex Iulia municipalis* (*CIL*, I, 206; *Cic.*, *Ad fam.*, 6, 18, 1), проведение ценза по Италии (*Dio*, 43, 25), а также имеющие не малое значение монетную и календарную реформы.

Стремлением к установлению прочной централизованной власти продиктованы мероприятия по увеличению числа магистратов, членов жреческих коллегий (*Dio*, 42, 51 cf. *Cic.*, *Ad fam.*; 13, 68, 2; *Suet.*, *Caes.*, 41), проведение *lex Iulia de provinciis* (*Dio*, 43, 25; *Cic.*, *Phil.* I, 8, 19; 3, 15, 38; 5, 3.7), и, наконец, меры по ослаблению значения и авторитета сената, которые выразились в проведенной Цезарем *lectio senatus* (*Suet.*, *Caes.*, 41; *Dio*, 42, 51; *Caes.*, *B. afr.* 28).

Эти две тенденции и определяют общее направление всей внутривнутриполитической деятельности Цезаря.

Но это направление, как нам теперь нетрудно убедиться, совершенно чуждо и враждебно политическим чаяниям Саллюстия и представляемой им общественной прослойки.

Если для Саллюстия идеалом, к которому он стремился, было возрождение Римской республики с его умеренно-республиканской формой правления, то политической целью Цезаря было создание мировой римской державы с централизованным государственным аппаратом. «Пописная идеология», идущая от классических греческих образцов, вступила в непримиримый конфликт с идеологией утверждающей себя мировой римской державы.

В самом деле, могли ли реформы Цезаря или само направление его реформаторской деятельности дать хотя бы надежду представителям интересующей нас группировки, что их основные требования (политическое равноправие, участие в деле государственного управления) будут удовлетворены? Конечно, нет. Наоборот, эта общественная

прослойка оттеснялась все больше и больше от руля государственного управления. Положение ее было крайне патким и неустойчивым.

Эти соображения полностью объясняют нам несомненный факт разочарования Саллюстия в Цезаре, установленный нами еще при рассмотрении развития воззрений Саллюстия на идеал государственного деятеля (см. сравнительные характеристики Цезаря—Катона). Следует учесть, что более раннее «Письмо к Цезарю» написано, если придерживаться распространенного теперь взгляда¹ в 50 г., т. е. когда Цезарь был главой партии, но не главой государства, и когда он в поисках поддержки и популярности охотно выдвигал многообещающие лозунги или шел им навстречу. В этот период Цезарь еще мог восприниматься как восстановитель старореспубликанских традиций. Это тем более вероятно, что из всех крупных политических фигур того времени только Цезарь и мог возбуждать подобные надежды, ибо Помпей уже совершенно открыто блокировался с нобилитетом. Самому Цезарю было только выгодно поддерживать подобные чаяния и надежды. Этим и объясняется наличие обширной программы государственных реформ, предлагаемых Саллюстием вниманию Цезаря в его раннем «Письме».

Более позднее «Письмо к Цезарю» написано после битвы при Тапсе, т. е. во второй половине 46 г. В это время Цезарь уже стал во главе государства и уже достаточно ясно определилось изложенное нами выше основное направление его законодательной и реформаторской деятельности. Поэтому в более позднем «Письме» могут быть прослежены первые признаки разочарования Саллюстия в своем герое. И, наконец, монография о заговоре Катилины, в которой Цезарь сопоставлен с его заклятым врагом Катоном, была опубликована после смерти Цезаря, когда Саллюстий имел возможность подвести окончательный итог его деятельности, а заодно и своим обманутым надеждам.

Это разочарование свидетельствует об изменении политической ориентировки Саллюстия. В свою очередь, эта новая ориентировка не могла не оказать обратного воздействия на теоретическую базу его политических воззрений и симпатий. И, действительно, более поздние произведения Саллюстия—«Югуртинская война» и, в особенности, «Истории»—свидетельствуют о сложном процессе выработки новых политических идеалов.

В заключение уместно сказать лишь несколько слов о характере установленного нами влияния Платона на воззрения римского историка.

Это влияние не следует переоценивать. Платон был и остался для Саллюстия «книжным образцом». Влияние его поэтому носило специфически литературный характер и касалось, главным образом, теоретических основ воззрений Саллюстия на идеальное государственное устройство. Нередко «зловбодневные» политические симпатии Саллюстия, обусловленные конкретной действительностью и, как это было только что показано, принадлежностью Саллюстия к определенной социальной среде, шли вразрез с политическими теориями греческого мыслителя и, в частности, с его аристократическими установками.

В ходе общей политической эволюции Саллюстия намечается тенденция изжить подобное «противоречие системы». В силу этого дальнейший процесс развития теоретических воззрений римского историка характерен, в первую очередь, отходом от влияния греческих литературных образцов, в частности Платона, и внесением в политический идеал тех коррективов, которые были продиктованы самой жизнью и конкретной обстановкой этого столь богатого политическими потрясениями периода римской истории.

С. Л. Утченко

¹ С. Н. Dahlmann, Sallusts polit. Briefe, «Hermes», LXIX (1934), стр. 382.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ОГОВОРКИ $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\eta\nu$ $\pi\rho\omicron\sigma\epsilon\chi\eta\nu$ $\theta\omega\pi\epsilon\iota\alpha\varsigma$ $\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\rho\omicron\sigma\kappa\alpha\rho\tau\epsilon\rho\eta\sigma\epsilon\omega\varsigma$ БОСПОРСКИХ МАНУМИССИЙ

В манумиссиях боспорских евреев (IOSPE, II, 52, 53) наиболее любопытна оговорка к формуле о полной свободе отпускаемого: $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\eta\nu$ $\pi\rho\omicron\sigma\epsilon\chi\eta\nu$ $\theta\omega\pi\epsilon\iota\alpha\varsigma$ $\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\rho\omicron\sigma\kappa\alpha\rho\tau\epsilon\rho\eta\sigma\epsilon\omega\varsigma$ ¹. Смысл этих слов очень спорен. Латышев, Шюрер, Эглер, Минна думают, что на вольноотпущенника накладывается обязанность посещать синагогу. Драхман, издатели «Recueil des inscriptions juridiques grecques», Кальдерини видят в этом запрет для вольноотпущенника являться в синагогу².

Начнем с последнего мнения. Драхман приходит к такому пониманию вышеприведенной фразы, исходя из того, что перед оговоркой $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ имеется выражение «обращаться может, где ему захочется, беспрепятственно» ($\tau\rho\epsilon\pi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ δ' $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$ $\delta\pi\omicron\upsilon$ $\delta\epsilon$ $\beta\omicron\upsilon\lambda\eta\tau\alpha\iota$ $\delta\epsilon$ $\alpha\nu\epsilon\pi\iota\chi\omega\lambda\acute{o}\tau\omega\varsigma$). Последняя формула, однако, связана не с $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$, а с предшествующим текстом и выражает полноту свободы, полученной рабом; аналогичная формула хорошо известна из дельфийских манумиссий ($\pi\omicron\sigma\epsilon\iota\nu$ δ $\kappa\alpha\iota$ $\theta\acute{\epsilon}\lambda\eta$, $\alpha\pi\sigma\tau\rho\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ $\omicron\iota\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\theta\acute{\epsilon}\lambda\eta$)³. Но, помимо того, при толковании Драхмана и др. остается непонятным смысл такого запрета. Правда, уже Иосиф Флавий, описывая иерусалимский храм, впоследствии разрушенный Титом, упоминает о каменной ограде, тянувшейся между первым и вторым двором, вдоль которой на одинаковых промежутках стояли столбы с вырезанным на греческом и латинском языках запрещением для не-евреев преступать эту ограду под страхом смертной казни⁴. Одна из этих надписей, найденная в 1871 г., гласит: «Ни один иноплеменик не должен проникнуть через решетку и ограду святилища. Кто будет пойман, сам будет виновен в своей смерти»⁵. Этому запрету придавали большое значение. Он был признан Антиохом Великим, а позже и римлянами⁶. По свидетельству Флавия, в римское время даже римский гражданин за нарушение этого запрета не мог избежать казни⁷. Евреи и то не все могли вступать во внутренний двор иерусалимского храма. Последнее зависело от степени их левитской чистоты⁸, так что эта практика характерна исключительно для Востока

¹ Условие это читалось также в манумиссии IPE, II, 364, 19: [$\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\theta\omega[\pi\epsilon\iota\alpha\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\rho\omicron\sigma[\kappa\alpha\rho\tau\epsilon\rho\eta\sigma\epsilon\omega\varsigma$. Надпись эта не является «языческой», как думал Латышев, а полуеврейской. Ср. дополнения С. А. Жебелева в стр. 8—9: $\tau\omicron\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\Lambda\omicron\upsilon\gamma\iota\omega\nu\alpha$ $\epsilon[\pi\iota]$ $\tau[\eta\varsigma]$ $\pi\rho\omicron\sigma\epsilon\chi\eta\varsigma$ (Архив АН СССР, ф. 729, оп. 1, 34).

² L a t y s c h e v, IOSPE, II, стр. 51 (ромм.). E. S c h ü r e r, Die Juden im bosporianischen Reiche und die Genossenschaften der $\sigma\epsilon\beta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ $\theta\epsilon\omicron\nu$ $\omicron\psi\iota\sigma\tau\omicron\nu$, SPAW, 1897, стр. 202; J. O e h l e r, Epigraphische Beiträge zur Geschichte des Judentums, MGWJ, 53, 1909, стр. 304; A. B. D r a c h m a n n, De manumissione servorum apud Graecos, qualem ex inscriptionibus cognoscimus, «Nordisk Tidskrift for Filologi», VIII, 1887, стр. 25; D a r e s t e, H a u s s o u l l i e r, R e i n a c h, Recueil des inscriptions juridiques grecques, II, 2—3, стр. 299; A. C a l d e r i n i, La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia, Milano, 1908, стр. 418, 420; E. H. M i n n s, Scythians and Greeks in South of Russia, Cambridge, 1913, стр. 622, прим. 1.

³ D r a c h m a n n, ук. соч., стр. 52; D a r e s t e, ук. соч., II, 2—3, стр. 253.

⁴ «Bell. Iud.», V, 5, 2; VI, 2, 4; «Ant.», XV, 11, 5, где в отличие от «Bellum Iud.» говорится только об одной надписи; ср. (русск.) «С. Apion.», II, 8; P h i l o, Legatio ad Gaium, 31.

⁵ S c h ü r e r, II³, стр. 272, прим. 55. Копия надписи, воспроизведенная на стене частного дома в Иерусалиме, была найдена недавно. См. T a y l o r, JPOS, XIII, 1933, стр. 137—9. Вновь найденный экземпляр (фрагментарный) надписи переизд. в SEG, VIII, 169.

⁶ «Ant.», XV, 11, 5.

⁷ «Bell. Iud.», VI, 2, 4.

⁸ Мишна Келим, I, 8, данные которой, кстати, не совсем совпадают с данными Иосифа Флавия (S c h ü r e r, loc. cit., прим. 54).

с его кастовыми, религиозно-племенными и другими предрассудками и не имела никакой аналогии среди евреев в греко-римском мире. Совсем наоборот, античные тексты рисуют еврейские молельни как места, которые часто посещались не-евреями для различных целей. Одни там устраивали свидания, другие искали утешения, третьи приходили из любопытства¹. Именно потому, что еврейские молельни были доступны для не-евреев, отцы церкви запрещали последним посещать религиозные собрания евреев, т. е. еврейские молельни, что при христианских императорах в V в. приобретает силу закона².

По аналогии с дельфийскими манумиссиями, запрещающими вольноотпущеннику жить на определенной территории (город, страна), можно было бы допустить существование чего-нибудь похожего на Боспоре, с той разницей, что здесь это касается еврейской молельни³. Но в таком случае пришлось бы предположить, что на Боспоре существовала специальная молельня для вольноотпущенников или молельня общины вольноотпущенников, наподобие *συγκυρή τῶν Ἀβερτίνων* из «Деяний Апостолов». На это и указывает Кальдерини. Вряд ли, однако, можно принять это предположение, — оно имело бы некоторый смысл, если допустить, что рабы, отпускаемые на волю в этих актах, евреи или язычники, принявшие иудаизм⁴. Но у нас нет оснований считать вольноотпущенников в боспорских манумиссиях евреями, тем более, что они носят языческие имена: Геракл, Герма. Кроме того, что за смысл имело бы запрещать язычникам посещать синагогу, если учесть, что евреи старались вежде пропагандировать свою веру.

Итак, гипотеза Драхмана — Кальдерини лишена, по-моему, правдоподобия. Остается мнение Латышева, Шюрера и др. Оно подтверждается даже поверхностным анализом недавно найденной новой еврейской надписи о манумиссии (ИГАИМК, вып. 104, стр. 66). На самом деле, было бы просто нелепо полагать, что вольноотпущеннику запрещается посещать синагогу (*χωρίς τοῦ προσκχρτερεῖν τῇ προσευχῇ*), если он отпускается при условии почитания бога (*καὶ θεὸν σέβων*). Сравнение этой надписи с известными прежде манумиссиями показывает, что *θεοπία-θεὸν σέβων*. Это значит, что и в манумиссиях IOSPE, II, 52 и 53 выражение *χωρίς κατ.* говорит о служении (см. дальше) молельне, а не о запрещении посещать ее. Что касается термина *προσκχρτερεῖν* с дат. падежом (*τῇ προσευχῇ* в ИГАИМК, 104), то он имеет не только значение «пребывать», но также «служить», который и в этом последнем значении применялся специально к рабам (ср. Dem., 59, 120: *παρὰδοῦναι τὰς θεραπίνας τὰς Νεκίρα τοῦτε προσκχρτεροῦσας*). Повидимому, выражение *προσκχρτερεῖν τῇ προσευχῇ* было образовано по образцу выражения *προσκχρτερεῖν σινί*, взятого из социальных отношений.

В надписях IOSPE, II, 52 и 53, не может быть речи о пребывании вольноотпущенника при самом храме. Там отчетливо говорится о том, что раб имеет полную свободу передвижения (*τρέπεσθαι αὐτὸν ὅπου ἂν βούληται*). Но в манумиссии, найденной в 1928 г. (ИГАИМК, вып. 104, стр. 66), выражение *τρέπεσθαι κατ.* отсутствует. Поэтому издатель переводит имеющееся там условие *χωρίς τοῦ προσκχρτερεῖν τῇ προσευχῇ ἐπιτροπυσσότης τῆς συγκυρής τῶν Ἰουδαίων καὶ θεὸν σέβων* так: «при условии пребывания его (т. е. раба Эльпия. — Б. Н.) при молельне под опекой синагоги иудеев и почитания бога».

Нужно также обратить нам внимание на обломок манумиссии, сделанной в форме посвящения рабыни молельне (ИАК, вып. 37, стр. 74, № 8), где находим следующее условие отпущения: «оставаясь прикрепленной к молельне» (*προσμένουσα τῇ προσευχῇ*). Толковать эту фразу иначе, чем в прямом смысле, невозможно. Здесь ясно и отчетливо говорилось о том, что отпущенница остается при храме. В связи с фрагментарностью

¹ Ovid., *Ars amatoria* I, 75; *Artemidor.*, 3—53. Об этом J. Juster, *Les Juifs dans l'empire romain*, Paris, 1914, I, стр. 413.

² Origen., *Sel. in Exod.* (PG, 12, 285 сл.); Ioh. Chrysosth., *Adv. Iud.*, 4, 7 (PG, 48, 881) и 6, 6 (*ibid.*, 913); C. Theod., 16. 8. 19 (409); об этом J. Juster, I, 279 и 413.

³ Calderini, *ук. соч.*, стр. 287.

⁴ J. Derembourg, *Les inscriptions grecques juives au Nord de la Mer Noire*, JA, VI ser., t. XI (1868), стр. 536; Schürer, *ук. ст.*, стр. 203.

надписи неизвестно, должна была бы рабыня пребывать при молельне пожизненно или временно, но сам факт ее пребывания не подлежит сомнению¹.

Итак, в еврейских манумиссиях предусматривается, что отпущенный на волю раб будет постоянно пребывать при молельне (ИГАИМК, 104) или служить ей (IOSPE, II, 52). Очевидно, что вольноотпущенник должен был работать для молельни².

Нужно сказать, что исследователи (как, например, Леви, Деранбур), которые отрицали возможность использования труда рабов и рабынь в еврейских молельнях, совсем упускали из виду экономическое значение еврейских храмов. Они забывали, что основой существования античного города было земледелие, что храмовое землевладение, особенно в Малой Азии, было очень распространено и что евреи в этом отношении не являлись исключением. Упомянутые ученые, надо полагать, ошиблись не потому, что не знали соответствующего указания, имеющегося у Флавия, а скорее потому, что, допуская вполне мысль о землевладении для иерусалимского храма, они на молельни античной диаспоры распространяли положения, имеющие значение для еврейских синагог только начиная с эпохи средних веков, когда об этом никакой речи быть не могло в связи с закрытием для евреев доступа к земледелию³. Но в античное время положение было иное. Для конца II в. до н. э., согласно Р. Tebt., I, № 86, молельня в Тебтунисе (в Арсинойском номе) имела «священный парк» (*ισρά πρᾶδισος*). Также в Риме молельни имели земельные участки. О таком участке упоминается в надписи CIL, VI, 9821 = Frey, C1J, I, 531: de aggere a proseucha.

Даже для такого позднего времени, как конец VI в., имеется сведение, что молельни имели свои земельные участки. Я имею в виду послание папы Григория Великого папальскому епископу Виктору, датированное октябрём 598 г., в котором папа рекомендует вернуть захваченные у еврейской молельни огороды и постройки (Ep., 9, 38: ... synagogae ipse cum his hospitibus quae sub iis sunt vel earum parietibus cohaerent atque hortis ibi coniunctis etc.)⁴. Жюстэ⁵, хотя и отмечает, что еврейские молельни имели земельные участки, но подходит к этому исключительно с юридической точки зрения. Он даже не ставит вопроса, кто работал на этих храмовых землях. При этом он допускает, что в Пантикапее еврейская община, возможно, имела рабов, так как это в языческое время не было запрещено законом. Нам кажется, что правильнее было бы говорить о рабах или работниках молельни. Но так как сами молельни составляли собственность еврейской общины, то и рабы находились под юридической властью последней.

Конечно, прикрепление раба к храму (*προσκηρτέρισ*) имеет некоторые черты иеродулизма. Это лишь подтверждает установленное в науке положение, что отпуск рабов на волю под видом посвящения божеству явился именно из дарения раба, как иеродула, храму. В архаических манумиссиях под видом дарения богу раб делался свободным, но сохранялась некоторая связь, а может быть, и зависимость его от храма⁶. Обязанности, например, оказывать какие-то услуги храму, исполнять определенные работы и т. п., которые напоминают о том, что вольноотпущенник был когда-то дей-

¹ Эту надпись, как и упомянутую выше манумиссию IOSPE, II, 364, поскольку в ней речь идет об еврейской молельне, но отсутствует всякий намек на этническую принадлежность рабовладельца, надо считать полуеврейской.

² Не совсем точно выражается Коцевалов (Наук. зап. ИМК УАН, 1934, стр. 111), который указывает, что все манумиссии боспорских евреев обязывают вольноотпущенников пребывать при молельне.

³ Строго говоря, сюда не относится свидетельство Иосифа Флавия о том, что Птолемей подарил храму Онии (в Гелиопольском номе) большой участок земли, доходы из которого шли в пользу храма («Bell. Iud.», VII, 10, 3, 430) так как это был храм, а не молельня.

⁴ Juster, ук. соч., I, 428 и 466, прим. 3.

⁵ Juster, ук. соч., I, 428, прим. 6.

⁶ Ср. Drachmann, ук. соч., стр. 32; Phalheim, s. v. Freigelassene, RE, VII, стр. 97—98; Herding, s. v. Hieroduloi, RE, VIII, 2, стр. 1467; Caldérini, ук. соч., стр. 118; ср. P. Koschaker, Abh. d. sächs. Akad., 42, 1, 1931, стр. 69.

ствительно иеродулом, встречаются изредка в греческих манумиссиях. Так, например, в одной надписи с острова Коса имеем дело с примитивной формой манумиссии («Inscr. Cos», № 36—SIG³, 1106). В этой надписи раб посвящается Гераклу таким образом, что он получает свободу, но должен оставаться при храме и помогать при исполнении культа¹. О каких-то работах для храма, которые должен выполнять вольноотпущенник, говорится и в манумиссии из Лебадеи (II в. (?) до н. э.)².

В Северном Причерноморье пока почти не найдены документальные свидетельства существования иеродулии (абстрагируя от надписи IOSPE, II, 353). Во всяком случае, заслуживает внимание херсонесское надгробие, обнаруженное в 1907 г., со следующей надписью: Σωτήριχος θεῷ Περθένοι (IOSPE, I², № 457). Издатель надписи В. Латышев допускал возможность того, что Gen. possessivus вызван или пропуском слова ἱερεὺς, или обозначает, что Сотерих принадлежал богине, т. е. был иеродулом (комментарий Латышева к ук. месту).

Однако надо сказать, что греческие манумиссии с сильными следами иеродулизма ставят на первый план отдельные услуги вольноотпущенника в отношении к храму. В боспорских же документах упор делается на пребывании при храме. К тому же в еврейской молельне из-за несложной обрядовой стороны культа вряд ли требовались бы специально подсобные работники в помощь священнослужителям. Скорее мы имеем здесь пример того, как в старую юридическую форму вкладывалась новая социально-экономическая сущность. Вольноотпущенники, прикрепленные к храму, использовались не столько для культовых, сколько для производственных целей, скажем, для обработки храмовых земель или, вернее, участков, которыми владели молельни евреев и боспорских фиасотов³. Этот труд вольноотпущенников носил в основном непостоянный характер, так как они приходили в молельню от времени до времени, хотя некоторые пребывали при самой молельне.

Б. И. Надель

ГРЕКИ И СКИФЫ В ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

(Доклад, прочитанный в секторе древней истории Института истории АН СССР 27 мая 1947 г.)

Западнопонтийские колонии были основаны греками в VII—VI вв. до н. э. Соседями их вначале были одни фракийцы. Первое засвидетельствованное в истории соприкосновение греков Западного Понта со скифами относится к началу V в. до н. э. Завоевательный поход Дария против скифов вызвал ответную наступательную борьбу последних: по свидетельству Геродота (VI, 40), скифы, собрав войско и пройдя через Фракию, дошли до Херсонеса Фракийского. Переправа в Малую Азию им не удалась, и они ушли обратно. Судя по Геродоту, этот поход имел место в 496/95 гг. Совпадение его во времени с затянувшимся восстанием ионийцев против персов кажется нам не случайным. Можно допустить, что скифы были в курсе всех дел, происходивших в бас-

¹ Calderini, ук. соч., стр. 97, прим. 3.

² Daresté, ук. соч., II, 2—3, 5, стр. 239.

³ Интересную аналогию имеем в боспорской надписи IOSPE, II, 353 (IGRR, I, 883), в которой говорится о прикрепленных к храму земледельцах-пелатах (151 г.). Латышев и Канья считают их колонами, Жебелев («Основные линии экономического развития Боспорского государства», ИАН, ООИ, 1934, стр. 598)—иеродулами, Ростовцев, явно модернизируя, крепостными (ИАК, вып. 49, 1913, стр. 29; «Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich», B. II (1929), 5, 287; САН, VIII, 983; «The social and economic history of the hellenistic world», Oxford, 1941, III, 770 и 1515).

сейне Эгейского моря, получая сообщения от греческих колонистов западного и северного берегов Понта. Благодаря этому они рассчитали наиболее выгодный момент для своего выступления.

На это же приблизительно время падает известие, что скифский царь Ариапейф женился на истриянке (H e r o d., IV, 78). Женидьба скифского царя на гречанке, занявшей как будто первое место среди остальных жен Ариапейфа¹, должна была быть следствием тесных связей истрийцев со скифами. Значение Истрии, как торгового центра, делало для царя скифов союз с ней очень желательным. Можно предположить, что, возвращаясь из похода к Боспору Фракийскому, скифы удержали северную часть Добруджи в своих руках. Вероятно, владения скифского царя непосредственно граничили с городом, и это делало возможными дружественные отношения греков и скифов.

Возвышение фракийского царства одрисов в первой четверти V в. прервало временно эти связи. К середине V в. владения одрисов доходили до Дуная, служившего границей между ними и скифами (H e r o d., IV, 80). Дружественные отношения Фракии и Скифии в это время свидетельствуются тем, что царь скифов Ариапейф был женат на дочери фракийского царя Тереса. Сын его от этого брака Октамасад был возведен на престол скифами после свержения эллинофила Скила. Археологическое исследование погребений фракийской аристократии в могилах Мушовица, Кукува, Лозарската и богатого погребения близ Дълбоки показало, что во всех этих захоронениях, относящихся к концу VI в. и первому десятилетию V в. до н.э., наряду с изделиями греческих мастеров имеются и «скифские» предметы. Они могли быть или сделаны на месте или привезены из Скифии². Последнее показывает, что фракийская аристократия активно воспринимала скифские обычаи. Это обстоятельство, однако, не убеждает нас согласиться с Кэссоном, писавшем о превосходстве скифской культуры над фракийской³. Объяснение ему нужно искать в теснейших, часто родственных, связях фракийской и скифской аристократии.

В течение V в. западнопонтйские греки состояли под верховной властью одрисских царей Тереса, сына его Ситалка и других (Ф у к и д и д, II, 97). Но в IV в. положение в тылу греческих городов Западного Причерноморья изменилось—к середине столетия вся территория Добруджи была занята пришедшими с севера скифами. Известный болгарский ученый Г. Капаров считает, что под напором скифов в IV в. распалось царство одрисов во Фракии⁴. Переселение скифов к югу от Дуная Ростовцев объясняет натиском сарматов, двигавшихся с востока. Это заставило скифов перейти через Дунай и занять территорию вплоть до Гема⁵.

Из рассказов П о м п е я Т р о г а (IX, 2) и С т р а б о н а (VII, 18,4) мы узнаем о существовании большого скифского царства, включавшего и Добруджу, которым в середине IV в. правил царь Атей⁶. Точных границ царства Атея определить нельзя. На севере во владения Атея входила большая часть скифских племен, обитавших между Истром и устьем Меотиды (S t r., VII, 18, 4). На Балканском полуострове Атей, повидимому, далеко продвинулся: он разбил диких и воинственных трибаллов, живших в глубине Фракии (P o l y a e n, VII, 44, 1; F r o n t i n, Stratag., II, 4, 20), а на юге угрожал даже Византию (C l e m. A l e x., Strom., V, 5, 31).

Несомненно, в середине IV в. до н. э. в северо-западных степях Причерноморья существовало могущественное скифское царство, подчинившее себе часть фракийских племен восточной половины Балканского полуострова. Нельзя рассматривать господство скифов в Добрудже в этот период только как единичный эпизод, как недолговечный военный поход. Скифы под предводительством Атея, как показывают археологические

¹ Сын ее, Скил, сразу наследовал власть после смерти Ариапейфа.

² М. И. R o s t o v z e f f, SEHW, стр. 113.

³ S t. C a s s o n, Macedonia, Thrace and Illyria, Oxford, 1926, стр. 196 сл.

⁴ Г. К а з а г о в, Thrace, САН, VIII, стр. 537.

⁵ М. И. Р о с т о в ц е в, Эллинизм и иранство на юге России, II, 1918, стр. 42

⁶ См. K a e r s t, RE, s. v., Atheas.

материалы, не были пришельцами, совершенно чуждыми фракийцам. Распространение скифского могущества на юг от Дуная сопровождалось усилением влияния скифов на фракийцев. Оно иллюстрируется богатыми погребениями фракийской знати в долине реки Гебр¹. Найденные там предметы скифского обихода, частью привезенные из афинских мастерских, частью сделанные местными ремесленниками, обнаруживают удивительное сходство с предметами из южнорусских скифских погребений. Эти материалы дают возможность Ростовцеву говорить о зависимости фракийских князей от скифов, о движении скифов на Балканский полуостров.

Может быть, на основании этих только материалов говорить о зависимости династов центральной Фракии от скифов пока преждевременно. Но в многочисленных «скифских» предметах во Фракии довольно, как нам кажется, видеть свидетельства продолжавшихся еще со времен Ситалка и Октамасада родственных связей между фракийской и скифской аристократиями. Благодаря этому ко времени подчинения части фракийцев Атею верхушка их довольно сильно восприняла скифскую культуру².

Возникновение могучего скифского царства в тылу западнопонтийских городов в середине IV в. и поселение в Добрудже массы скифов должны были вызвать особенный подъем торговли между греками и варварами. Скифы издавна пользовались изделиями греческих ремесленников, и для торговли со скифами работали не только малоазийские и афинские мастерские, но и ремесленники самих причерноморских городов. В западнопонтийских колониях развивается усиленное местное производство, так как, говорит Ростовцев: «греческие колонии Фракии, подобно южнорусским колониям, начали собственное производство, чтобы удовлетворять своих фракийских и скифских потребителей, которые ныне предпочитали эти местные изделия дорогостоящим греческим импортным товарам» (SENW, 118).

Сильная централизованная власть скифского царя облегчала доступ греческим торговцам внутрь страны. Это еще более укрепляло экономику западнопонтийских городов. Рост благосостояния их в IV в. свидетельствуется тем, что Каллатия и Одесса именно в это время начали чекан собственной монеты.

Подробностей о взаимоотношениях западнопонтийских городов с царем Атеем сохранилось очень мало. Можно думать, что помощь Атея дала возможность Одессе устоять против осаждавшего город Филиппа в 342 г. (Iordan, *Getica*, X, где рассказ об этом эпизоде сильно приукрашен фантастическими подробностями). Позднее, когда мощь скифов подверглась угрозе со стороны каких-то «истрианцев»³ (*cum bello Histrianorum premeretur—Iust.*, IX, 2, 1), жители Аполлонии выступили посредниками в переговорах Атея с Филиппом. Из контекста Юстина можно вывести, что аполлонияты были настроены дружелюбно по отношению к Атею.

Мощь скифского царства на Балканах была, однако, скоро сокрушена. Атей не смог отразить натиск Македонии. В 339 г. в жестокой битве скифское войско было разбито,

¹ Публикация раскопок этих погребений принадлежит Г. Кацарову, И. Волюкову и др. в «Изв. Болгарского археологического института», тт. VI, VII и др. Общий анализ их дан М. И. Ростовцевым, *op. cit.*, стр. 112—118.

² Мы не можем согласиться с крупным французским историком Г. Глютцем (G. Glotz, *Histoire Grecque*, III, Paris, 1941, стр. 144 сл.) в его освещении скифских позиций в Добрудже. Противопоставляя «эллинизованных гетов» скифам, Глютц называет Атея предводителем одного из скифских племен, отступавшего под натиском сарматов. Это противоречит источникам, рисующим Атея царем могущественной державы, объединившим под своей властью огромные территории.

³ Кто были «истрианцы»? Ряд ученых (Kaerst в RE; G. Glotz, *ук. соч.*, III, стр. 345 и др.) связывают их с жителями герода Истрии. То, что известно из источников, не позволяет согласиться с данным мнением. Невозможно допустить, чтобы Истрия сумела организовать такое сопротивление Атею. Мы склонны думать, что «истрианцы» были передовыми отрядами кельтов, пришедших с верховьев Дуная и получивших от этого свое название.

сам Атей погиб в сражении. Юстин приписывает поражение скифов хитрости Филиппа (cum virtute et numero praestarent Scythae arte Philippi vincuntur).

Разгром Атея повлек за собой временное ограничение скифской власти на Балканах. Возможно, что границей скифского царства на юге сейчас спят, как и в V в., стал Дунай. Но это не означало ухода скифов из Добруджи. Правда, неудачный поход Эпириона против скифов и греков Северного Причерноморья показал, что центр тяжести скифского царства лежал к северу от Дуная (Iust., XII, 2, 16 и XII, 1, 4; Curt., X, 1, 43, а также В. В. Латышев, Исследования... об Ольвии, стр. 61—66).

Однако какая-то часть скифов осела на жительство в Добрудже и в предпоследнее десятилетие IV в. играла там немаловажную роль. Свидетельством этого является то, что в период упорной борьбы Каллатии с Лисимахом, начавшейся в 313 г. до н. э., греки обратились за помощью и союзом к фракийцам и скифам, жившим по соседству (Diod., XIX, 73).

Мы полагаем, что скифы, вступившие в соглашение с греками побережья, обитали внутри Добруджи. Диодор указывает, что греки призвали скифов τὸς ὁμοῦντας. Нельзя думать, что это скифы, пришедшие из-за Дуная; непосредственно к северу от устьев Дуная в то время обитали геты, скифские земли лежали дальше.

Объединение скифов, фракийцев и греков было столь серьезной силой, что Лисимах постарался отделить их друг от друга. Устранив фракийцев, он убедил их перейти на его сторону. В отношении скифов он не мог применить подобную политику и вступил с ними в сражение. Часть скифов была убита или попала в плен, оставшиеся были вытеснены ἐκ τῶν τῶν ὁρίων.

Это замечание Диодора наводит на мысль о существовании каких-то границ, проходивших в то время между македонскими и скифскими владениями. Пришедшие из-за этих границ скифы были вытеснены обратно. Если бы границей служил Дунай, то вряд ли Диодор упустил бы его назвать. Естественнее предположить, что границы проходили где-то в тылу греческих городов, т. е. македонские владения тянулись вдоль прибрежной линии, а скифы владели внутренней частью Добруджи, по крайней мере на севере.

Таким образом, данный отрывок Диодора свидетельствует о постоянном обитании скифов в Добрудже в 313—312 гг. до н. э. Переселение их туда относится, вероятно, к предшествующему периоду, т. е. ко времени, очень близкому власти Атея на Балканах.

Возможно, что после поражения Атея переселение скифских племен на юг от Дуная не прекращалось. Об этом периоде свидетельствует как будто замечание Страбона о происхождении названия Малой Скифии (VII, 4, 5). Говоря, что вся территория от устья Меотиды до Борисфена называется Малой Скифией, Страбон отмечает, что вследствие множества переселявшихся отсюда за Тир и Дунай скифов и там страна стала называться Малой Скифией. Фракийцы же уступили часть под давлением силы, частью вследствие плохого качества этой области, сильно заболоченной. Деметрий Каллатиец (P s.-S c y t h a n., 756 и 766), живший в середине III в., указывает, что скифы жили близ Дионисополя и занимали всю область вокруг Том. Эти сведения вместе с данными Диодора показывают, что переселение скифов в Добруджу происходило не позже последней четверти IV в. до н. э. А замечание Страбона, что фракийцы должны были уступить силе переселявшихся скифов, позволяет предположить, что это переселение началось еще до поражения Атея в 339 г., т. е. в эпоху наибольшего расцвета скифской державы в IV в. Как мы видели, и в 313 г. скифы были столь мощными соседями, что греки искали у них поддержки. Были ли соседи-фракийцы подчинены скифам в этот период—сказать определенно нельзя. Но упоминание их Диодором на равноправных основаниях заставляет думать, что в то время скифы и фракийцы были независимы друг от друга.

Последующие войны Лисимаха в северной части Балканского полуострова прошли без видимого участия в них скифов. Нашествие кельтов в 280—270 гг. оказало воздействие на судьбы балканских скифов. Ростовцев прямо пишет (SENW, 119) о поглощении кельтами скифского царства в Трансильвании. Но так как у нас нет

данных о пребывании кельтов в Добрудже, то высказывать какое-либо определенное мнение о сношениях их со скифами мы не решаемся. Должно признать, что нашествие кельтов и последней волны их—бастарнов задержало, вероятно, восстановление скифского царства в Добрудже.

Однако уже упоминавшиеся нами сведения Деметрия Каллатийца о том, что скифы обитали вблизи греческих городов, показывают, что в III в. скифы занимали там большую территорию. Интересно отметить, что Деметрий Каллатиец еще не знает повидимому, названия Малая Скифия, которое известно источнику Страбона—Пэсидонию.

О тесных связях греков и скифов в III в. свидетельствует пока что единственный факт: в списке жертвователей на постройку храма в Каллатии¹ имеется некто Аристийон, сын Скифа. Аристократическое эллинское имя сына Скифа показывает, что он происходил из родовитой греческой семьи. Аналогию этому можно найти в Херсонесе, в III—II в. до н. э. Там имя Скиф встречается у представителей ведущих семей города². Употребление имени Скиф можно, как нам кажется, объяснить родственными связями данного каллатийского семейства со скифами. Отец каллатийца Аристийона получил свое имя в честь родственника скифа.

С конца III в. в Добрудже образуется скифское царство. Оно, вероятно, отделено от Скифии северочерноморской бастарнами, жившими между устьями Дуная и Буга. О существовании этого государства не говорит ни один из авторов, и мы знаем о нем только по нумизматическим и эпиграфическим данным. Монеты с именами царей Канита, Хараспа, Акросы, Сарии, Элия и Танусы, найденные в Малой Скифии, были исследованы впервые нумизматами К. Реглингом и А. В. Орешниковым³. Изучение типов показало, что монеты этих царей были чеканены на монетных дворах Том и Одесса (Томы чеканили монеты царей Канита, Хараспа, Акросы, Элия и Сарии, а Одесса—монеты Тануса и Сарии).

Датировка царских монет еще не установлена, точно так же неясно, принадлежали ли эти цари одной или нескольким династиям. Орешников не отвергает датировку Такелы⁴, относящего монеты Акросы к середине III в. до н. э. Однако Ростовцев причисляет все эти монеты ко II в. до н. э.

Также подвергалось сомнению скифское происхождение вышеупомянутых царей. Орешников, следуя Такеле, склонен был видеть в них гетских царей на том основании, что «Геты населяли... местность, где находят царские монеты»⁵. Ростовцев полагает, что эти династы не были чистыми скифами, скорее фрако-скифами, но обоснования своей точки зрения не приводит. Трудно согласиться с доводами А. В. Орешникова. В эпоху Геродота на западном побережье Черного моря, действительно, жили главным образом геты, фракийское племя. Но с тех пор население Добруджи изменилось. Наряду с фракийцами, как показывают источники, там обитали скифы. Неоспоримым свидетельством является декрет из Одесса II в. до н. э. в честь Гермия антиохийца⁶, в котором

¹ Впервые текст был опубликован в RA, 1925, стр. 253 сл. румынским ученым О. Тафрали. Более основательная публикация надписи была сделана Th. Sauciu-Saveanu («Dacia», I, 108—165). Оба издателя датируют декрет III в. до н. э.

² Этот факт был любезно сообщен нам проф. Б. Н. Граковым; см. IOSPE, I², 403.

³ Статья К. Реглинга «Charaspes» в «Corolla Numismatica» осталась нам недоступной. Содержание ее он излагает во вводной статье к монетам Том в «Antike Münzen Nordgriechenlands», I, 2, 590. Однако главная работа была проделана А. В. Орешниковым (см. его статьи в «Нумизматическом сборнике», III: «Экспурсы в области древней нумизматики Черноморского побережья»; в «Изв. ГАИМК», 1921, I. «Этюды по нумизматике Черноморского побережья»).

⁴ Такела, Akrosandre, roi des Gètes?, «Rev. Num.», VII, 1900, 197 (по Орешникову, «Нум. сб.», III, 9).

⁵ «Изв. ГАИМК», 1921, I, стр. 219.

⁶ SIG, II, 2056; Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 251, № 17.

Канит именуется царем скифов. Достоин внимания то, что именно Томы, вокруг которых сплошной массой жили скифы уже в первой половине III в. до н. э. (Р s.-S с. 765), чеканили монеты всех царей, кроме Танусы. Это указывает на большую зависимость Том от названных правителей, которые могли быть именно царями соседних скифов. Можно считать доказанным, что Харасп был царем скифов¹. Эти данные заставляют думать, что Канит, Харасп, Акроса, Элий, Сария и Тануса были скифскими династами, царствовавшими в Малой Скифии в III—II вв. до н. э.

Чеканка монет царей в Томах и Одессе означает включение этих городов в состав скифского царства. Отсюда следует, что владения скифов в Добрудже простирались до хребта Гем, который, видимо, служил границей между скифским и фракийским царствами. Отношение остальных городов—Истрии, Каллатии и Дионисополя—к скифским царям еще неизвестно. Отсутствие чекана этих городов с царскими именами не дает оснований предполагать их полную независимость.

Аналогичную картину мы наблюдаем в Ольвии в III—II вв., как явствует из декрета в честь Протогена² и ольвийских монет. Ольвия платила «дары» скифскому царю Сайтафарну и чеканила монеты царя Скилура.

Возможно, что отношения между западнопонтийскими греками и их скифскими владыками также выражались в уплате определенной дани. Можно полагать, что, как и Ольвия, западнопонтийские города сохраняли свою внутреннюю автономию и свободу внешних сношений. Общее впечатление, которое создается при изучении положения западнопонтийских городов в III—II вв., весьма отлично от той бедственной картины, которую рисует для Ольвии декрет в честь Протогена. В рассматриваемый период наблюдается высокий экономический подъем городов Западного Понта, особенно таких, как ранее отстававшие Томы. Они начинают чеканить монету с середины III в., т. е. приблизительно со времени начала возрождения скифского царства. Распространенность монет Одесса во Фракии именно во II в. до н. э. указывает на наибольшую экономическую активность Одесса в это время.

Более благоприятное положение западнопонтийских греков по сравнению с ольвиополитами можно объяснить спокойствием в тылу их, чего была лишена Ольвия в эпоху Протогена. Царство Малой Скифии было достаточно сильным, чтобы установить мир со своими соседями; территория к югу от Дуная не подвергалась еще натиску переселявшихся племен, как это было в Северном Причерноморье.

Подобно северопричерноморским скифам, скифы в Добрудже стремились подчинить своим интересам эллинские города и получить выход к морю. В их интересах было установление тесных экономических связей и дружественных отношений с греками. Текст декрета из Одесса в честь антиохийца Гермия показывает, что находившийся при царе Каните Гермий относился благосклонно к прибывавшим из Одесса грекам, всячески помогая им. Эта возможность могла у него быть только в том случае, если сам царь скифов Канит покровительствовал эллинам и поощрял к этому своих приближенных. Бесспорно, что цари Малой Скифии стремились использовать греческих торговцев и их флот для вывоза продуктов своего царства³. Это были сельскохозяйственные товары, так как, согласно Плинию, скифы в Западном Причерноморье занимались земледелием⁴. Чекан монеты скифскими царями указывает на значительное развитие торговли в Малой Скифии. Это царство вело торговлю с Северным Причерноморьем—на острове Левке, служившем местом культа Ахилла Понтарха, среди различных даров божеству были найдены монеты царей Элия и Канита⁵, принесенные моряками во время их переходов между побережьями Черного моря.

¹ Как указал А. В. Орешников («Нум. сб.», III, 9).

² IOSPE, I² 34 и подробный анализ его у В. В. Латышева, Ольвия..., 66 сл.

³ Политика Скилура, использовавшего греков для укрепления скифского царства в Крыму, обрисована Ростовцевым, «Pontus and its Neighbours» в САН, IX.

⁴ Plin., NH, IV, 44: Totum eum tractum Scythae Aroteres cognominati tenere...

⁵ М. И. Ростовцев, «Новая книга о Белом острове и Таврике», ИАК, 65, стр. 184. А. Н. Зограф, Находки монет в святилищах на Черноморье.

В Северном Причерноморье одни города, как, например, Ольвии, подчинялись скифам, другие, как, например, Херсонес, вели длительную борьбу с ними, прибегая к помощи понтийских династов, сначала Фарнака I, затем Митридата VI Эвпатора. Города Западного Причерноморья пошли по пути Ольвии, но, повидимому, не проиграла от этого. Подчинившись скифам, они постарались использовать свое положение с наибольшей выгодой для себя.

Можно думать, что скифы Малой Скифии были столь же восприимчивы к эллинской культуре, как их собратья в Крыму, о чем свидетельствуют раскопки в Крыму на месте столицы последних—Неаполя. Монетные изображения наталкивают на мысль о большей эллинизованности владык Малой Скифии, чем крымских скифов. Скилур на монетах сохраняет скифский облик, тогда как Канит представлен в виде эллинистического царя¹.

Подчинение западнопонтийских городов власти царей Малой Скифии не отразилось, как мы пытались показать, отрицательно на их положении. Развитие их шло, не задерживаясь.

Весьма важным было бы для выяснения этого вопроса знать содержание текста декрета из Истрии в честь Агафокла, сына Антифила, тон которого, как пишет Ростовцев (САН, IX, 228), показывает, что греки более или менее примирились со скифами. Однако до сих пор декрет не издан румынами, и это важнейшее свидетельство о пребывании скифов на Балканах во II в. до н. э. остается нам недоступным.

В конце II в. наступил период упадка скифского царства. Натиск бастарнов на северные границы Добруджи должен был сломить мощь скифов².

Сохранившиеся надписи рисуют положение западнопонтийских городов подобным состоянию Ольвии в эпоху Протогена. Прежние покровители—скифы не могли защитить их от нападений пришедших варваров.

Вслед за тем западнопонтийские города между Гемом и Дунаем подпали под власть Митридата Эвпатора, как свидетельствует выпуск ими монет с портретом царя. От этого времени до нас не дошли ни монеты, ни надписи с именами скифских царей, и можно думать, что они также были подчинены Митридату.

Последний раз в автономной истории городов Западного Причерноморья мы встречаемся со скифами в 62 г. до н. э., когда греческие города побережья восстали против угнетений римского наместника Македонии—Гая Антония Гибриды. Опять, как и за 250 лет до того, восставшие греки обращаются за помощью к скифам и новым соседям—бастарнам. Из рассказа Диона Кассия (XXXVIII, 1) мы узнаем, что скифы и бастарны, призванные на помощь, разбили римского полководца и изгнали его из пределов страны.

Это краткое замечание Диона Кассия указывает на продолжение политики союза и дружбы греков прибрежных городов со скифами. С другой стороны, мы узнаем из него, что, несмотря на вторжение новых пришельцев—бастарнов, скифы не уступили своего первенствующего положения в Добрудже. Можно полагать, что окончательно скифская мощь в Добрудже была сломлена в период гетского царства Биребисты и последующих римских походов на западный берег Понта.

Итак, скифы появившись в Западном Причерноморье в начале V в. до н. э., смогли установить там свою власть только в 40-х гг. IV в. до н. э. в эпоху могущественного царя Атея. Распад скифской державы после смерти Атея привел к временному ослаблению скифов. С середины III в. до н. э. возрастает сила скифов, благодаря созданию независимого, вероятно, царства Малой Скифии в Добрудже. Передвижения племен в конце II—начале I вв. до н. э. и натиск готов и римлян ослабили это скифское царство.

¹ На эту особенность нам указал проф. П. Н. Шульд.

² SIG³, 708 рисует трехкратные нападения бастарнов на Истрию и бедствия города.

Взаимоотношения греков Западного Понта со скифами в V в. до н. э., вероятно, были только дружескими. При Атее они приобрели характер союза. Позднее греки вынуждены были признать власть царей Малой Скифии.

Таковы известные нам черты взаимоотношений греков Западного Понта в эпоху их автономного существования со скифами. Они показывают, что власть скифов в Добрудже была долговременной и устояла против многих внешних нападений, что роль скифов в истории Западного Причерноморья, особенно в жизни греческих колоний, была значительна. Скифы не только достигли высокого культурного уровня благодаря связям с греками, но они оказали, в свою очередь, значительное воздействие на фракийцев.

Т. В. Блаватская

О ПОГРЕБЕНИЯХ РОКСОЛАН

Первые достоверные сведения о присутствии сарматов в Европе, т. е. западнее Дона, нам сообщает Полибий, упоминая сарматского царя Гатала (на берегу Понта Эвксинского), примкнувшего к большому союзу государств Малой Азии около 179 г. до н. э. (SC, стр. 444). Это первое упоминание формы «сармат» вместо прежних «савромат» и «сирмат».

Постепенное просачивание отдельных сарматских племен за Дон приводит уже во II в. до н. э. к занятию ими отдельных больших степных районов от Дона до Днепра, если не западнее, и к постепенному оттеснению скифов из этих районов далее на запад и в Крым. Известно, что во времена Цезаря, в момент кратковременного усиления гетов и их владения Ольвией, западной границей сарматов был Днепр. Об этом свидетельствует официальная карта Римского государства, составленная Агриппой на основании источников времен Цезаря. В состав 24 областей римского мира входили, как IX область, *Sarmatia* и *Scythia Taurica*. Сарматия представляется обширной страной от Кавказских гор и Каспийского моря до Днепра. *Scythia Taurica* находилась в пределах Крыма и граничила на севере с сарматами¹.

Таким образом, римлянам, хорошо осведомленным о Северном Причерноморье, в I в. до н. э. известна Сарматия—основная земля старой Скифии, населенная теперь сарматами. С этого времени общее имя для новых пришельцев-сарматов чередуется у античных авторов с названиями отдельных крупных племен или их союзов, среди которых в Европейской Сарматии выделяются языги, затем роксоланы, а за ними идут могущественные аланы.

В языгах-сарматах Страбона E. Minns, вслед за Мюлленгофом, видит более позднюю форму имени яксаматов², живших по соседству с савроматами у Меотиды. Одни античные авторы считали их меотийскими племенами (Деметрий), другие—савроматскими (Эфор)³. М. И. Ростовцев видит в языгах меотов, изгнанных на запад сарматами⁴. Артемидор Эфесский (конец II в. до н. э.), послуживший источником Страбона для его VII книги, указывал, что около этого времени языги дошли уже до степей между Днепром и Дунаем, а роксоланы заняли равнины между Доном и Днепром.

Если языгов не считать сарматской группой, то авангардным сарматским союзом надо признать роксолан. Их появление здесь в конце II в. до н. э. зафиксировано двумя источниками: Артемидором Эфесским и херсонесской надписью в честь Диофанта.

¹ М. И. Ростовцев, *Скифия и Боспор*, стр. 44—45.

² E. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 120.

³ В. Латышев, SC, стр. 2 (сообщает псевдо-Скимн).

⁴ M. Rostovtzeff, *The Sarmatae and the Parthians*. САН, XI, стр. 92—93.

Первый (в передаче Страбона) отмечает участие роксолан во главе со своим царем Тазием в борьбе скифского царя Палака с Диофантом, имевшей место около 109 г. до н. э. (SC, стр. 120). Надпись в честь Диофанта (IOSPE, 1¹, №. 352), отмечая то же событие, указывает, что Палак привлек на свою сторону в борьбе с Митридатом народ ревксиалов.

Роксоланы, занявшие в конце II в. до н. э. определенные степные районы между Доном и Днепром, представляли, повидимому, наиболее могущественную и многочисленную группу сарматских племен.

В период кратковременного усиления гетов и захвата ими Ольвии (в середине I в. до н. э.) продвижение сарматов за Днепр было на время приостановлено. Но уже в начале н. э. сарматы, как свидетельствует Овидий, достигли нижнего Дуная. В 50-х гг. н. э. мы находим языгов между Тиссой и Дунаем, а роксолан за Днепром¹. Тацит сообщает о неудачном набеге роксолан на Мезию около 70 г. н. э. (SC, стр. 284). Во II в. н. э. они воюют с Адрианом на Дунае, и их земля простирается до границ Дакии². При Марке Аврелии языги сносились с роксоланами через Дакию (Дион Кассий, SC, 623).

Повидимому, к Дунаю в I в. н. э. прошла сравнительно небольшая часть роксолан. Их основная масса осталась между Доном и Днепром, разделив свое господство в этих районах с другими не-сарматскими и сарматскими народами, отчасти и с могучими аланами, идущими на запад в арьергарде сарматского движения. Отдельная группа аланов, оторвавшись от своего основного массива в задонских и поволжских степях, пройдя роксоланские районы, при Нероне, по свидетельству Сенеки, появилась на Нижнем Дунае³.

О происхождении роксолан, откуда они пришли—нам ничего не сообщают античные авторы. Плиний связывал роксолан с аланами, называя первых светлыми, белокурыми аланами. Повидимому, роксоланы были близки по языку и культуре аланам. F. Westberg⁴, отождествляя геродотовский Аракс, который перешли скифы, с Волгой, производит имя роксолан от этого названия Волги—араксаланы.

Однако не эти мало убедительные доводы заставляют нас обратиться в степи Поволжья как к родине роксолан. Генетическая связь между 4 стадиями развития культуры ранних кочевников Поволжья и Приуралья (с VI в. до н. э. по IV в. н. э.), как об этом свидетельствует археология, не оставляет сомнений, что основным местом формирования сарматских племен, нахлынувших со II в. до н. э. на украинские степи, были поволжско-уральские степи. Археологический материал показывает, что основная масса украинских сарматов представляла выходцев из Поволжья. Погребальные сооружения и весь погребальный ритуал, материальная культура (керамика, оружие, ритуальные сосудики, украшения, зеркала) украинских кочевников I в. до н. э.—I в. н. э. тождественны одновременным сарматским памятникам Поволжья.

В это время население Поволжья представляло разноплеменной, но тождественный по материальной и духовной культуре массив. Выражением этой многоплеменности являются разнообразные типы погребений (5 основных типов), сосредоточенные на одной территории и даже в одном могильнике (Сусловский могильник). Среди этих погребальных типов особую роль играет группа погребений в широких, часто квадратных могилах с положением погребенных по диагонали могилы—с угла на угол.

Диагональные погребения являются наиболее типичными для Поволжья на средне-сарматской стадии (I в. до н. э.—нач. II в. н. э.)⁵.

¹ M. R o s t o v t z e f f, *Iranians and Greeks in South Russia*, стр. 116; E. M i n n s, *Scythians and Greeks*, стр. 121.

² M i n n s, указ. соч., стр. 211.

³ Ю. К у л а к о в с к и й, *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*, Киев, 1899, стр. 9.

⁴ F. W e s t b e r g, *Zur Topographie des Herodotes*, Klio, Bd. IV, 1904, стр. 182—192.

⁵ Общая характеристика диагональных погребений составлена по данным раскопок П. Д. Р а у (P. R a u, *Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga*,

В целом они отличаются большим богатством инвентаря, чем остальные типы погребений. Могила—грунтовые и не велики по своим размерам: средняя длина каждой стороны 1,80—2 м, глубина—от 0,50 до 2 м, а в среднем немного более 1 м. Могила сторонами, реже углами, ориентированы по странам света. Внутри могилы делали деревянный склеп из плах или досок, поставленных на ребро. Стенки склепа чаще всего плотно прилежали к земляным стенкам могилы, реже они находились на некотором расстоянии от стенок. Доски укреплялись вбитыми кольями. Дно могилы устилалось досками, тонкими плашками, корой, травой, посыпалось желтым песком; подстилалась кошма. Внутреннее оборудование могилы зависело от зажиточности погребенного. Находки под костяком стеблей травы, плотного черного тлена от какой-то подстилки говорят за то, что покойника клали на мягкое возвышенное ложе, часто подгибая ноги в коленях. Руки нередко спали с этого возвышения и раскидывались в стороны, а кости ног, лишившись связок, также распадалась в стороны. Отсюда характерная поза костяков—«танцующая» (руки раскинуты, обе ноги согнуты в коленях ромбом) и «атакующая» (одна нога вытянута, другая согнута в колене). Очень часто покойника завертывали в луб, опутывая его ветвями, или же покрывали его сверху лубом, а также тонкими дощечками, травой, хворостом. Господствующая ориентировка костяков—ю.-в., реже ю.-в. и еще реже—южная, и лишь один случай восточной ориентировки (Суслы, погр. 1 в кург. № 43). Редкие случаи с.-в. ориентировки на среднесарматской стадии относятся к концу этой стадии, когда намечается общая тенденция к северной ориентировке в сарматских могилах Поволжья.

Поблизости от места погребения разводился погребальный костер, совершались жертвоприношения и тризна у открытой могилы. Могила засыпалась землей с остатками погребального костра (угольки в насыпи и в засыпке могилы). В могилу клали кучки горячей золы (чаще в ногах покойника).

Посыпка сплошь или частично ложа покойника мелом встречается довольно редко, но зато очень часто клали мел в кусках (от 1 до 8) в разных частях могилы. Некоторые куски имеют вид неправильных конусов и пирамидок. В погребении № 35 Сусловского могильника кусок мела лежал в цилиндрическом ритуальном сосуде. Такие сосуды-курильницы встречаются очень часто, особенно в женских погребениях. В могилу клали также обломки зеркал.

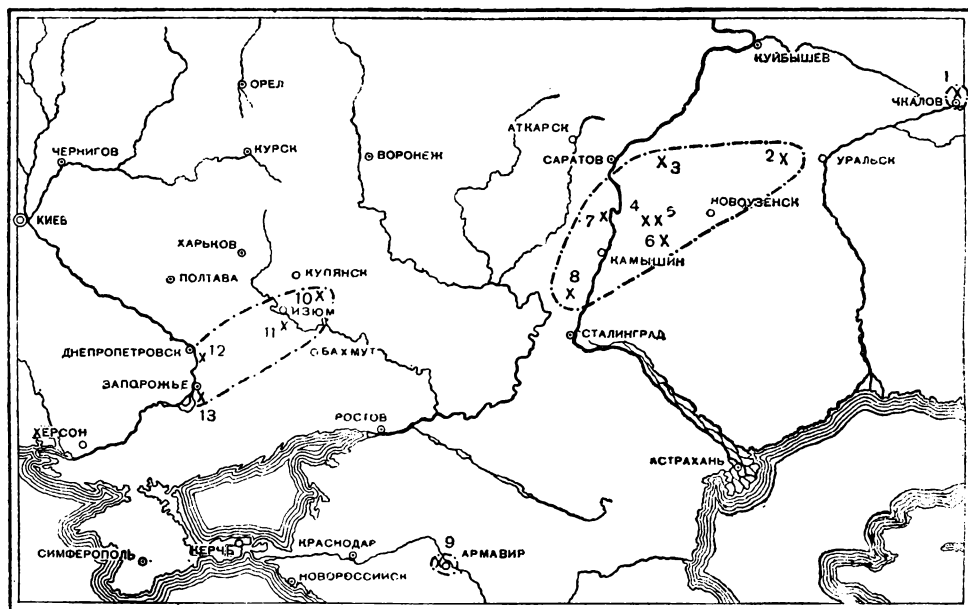
Сверху могилы покрывались досками, плахами, иногда в два ряда—вдоль и поперек, сверху иногда могилу заваливали хворостом. Над могилой насыпали курган до 1 м высотой.

Мной учтено 38 диагональных погребений среднесарматской стадии, что составляет 28% всех сарматских могил Поволжья этого времени.

Центральной областью распространения диагональных погребений (I в. до н. э.—I в. н. э.) являются правобережные и левобережные степи Поволжья от Саратова на севере почти до Сталинграда на юге и несколько западнее Уральска на востоке (см. чертеж). Погребения расположены по степным речкам: Илсвле, Б. Караману, Еруслану, Соленой и Белой Кубе, Торгуну и Деркулу. Эти могилы образуют целые курганные группы. У ст. Шипово на Деркуле и в Сусловском могильнике на Б. Карамане они идут растянутой цепью, располагаясь по возвышенностям, как бы господствуя над другими курганами. По отношению к этому основному району диагональные погребения составляют около 34% всех сарматских погребений.

Pokrowsk, 1927; он же, *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926*, Pokrowsk, 1927; И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, «Советская археология», VIII (1946), стр. 73—95; П. С. Рыкова (П. Рыков, Сусловский курганный могильник, Саратов, 1926; он же, Археологические раскопки и разведки в Н. Поволжье и в Уральском крае летом 1925 г., Саратов, 1926), Б. Н. Гракова (материалы экспедиции ГИМ 1925—26 гг. в районе с. Харьковки Саратовской обл. хранятся в ГИМ'е, не опубликованы).

Крайним восточным пунктом распространения диагональных погребений является район Оренбурга. Здесь мы имеем лишь одно такое погребение с ю.-в. ориентировкой костяка в кургане № 7 у Бердинского поселка¹, причем это единственное погребение— раннесарматской стадии (IV—II вв. до н. э.), судя по круглодонному горшку того типа, который был найден и в самих Прохоровских курганах и в Нежинской курганный группе под Оренбургом. Диагональные погребения по своему ритуалу чрезвычайно близки круглым и овальным могилам, которые существовали в поволжско-уральских степях уже на савроматской стадии, а к началу н. э. они бесследно исчезают. Для обоих типов погребений характерны случаи парных погребений, значительные остатки погребального костра и вообще ярко выраженный культ огня, преимущественно ю.-з. ориентировка. Таким образом, широкие и квадратные могилы среднесарматской стадии, подобно круглым, выражают местную традицию савроматского времени—выкапывать обширные могилы с деревянными конструкциями (Блюменфельдский тип могилы).

Эта традиция в скрещении со стремлением к уменьшению размера могилы на более позднем этапе приводит к образованию небольшой квадратной могилы, где погребенного удобнее положить по диагонали. Круглые могилы II—I вв. до н. э. сосредоточены в саритовском Заволжье, в центре основного района диагональных погребений. Они могут рассматриваться как разновидность диагональных погребений.

Зародившись на раннесарматской стадии (III—II вв. до н. э.) и став характерными нас ледующей, диагональные погребения еще продолжали свое существование в начале позднесарматской стадии, т. е. во II—начале III в. н. э., когда ареал их распространения значительно расширяется на восток и юг, но не они теперь составляют наиболее характерный тип погребений Поволжья. Таковыми становятся глубокие узкие и подбойные могилы. В других районах сарматского расселения, где сарматы представляли пришлое население, диагональные погребения известны на Кубани и в степях левобережной Украины. На Кубани господствующим типом курганных погребений I в. до н. э. и I в. н. э. были погребения в больших подбоях. Единственное диагональное погребение вскрыто Н. И. Веселовским в кург. № 2 у Армавира (ОАК за 1902 г., стр. 87—88).

¹ «Труды Оренбургской ученой архив. комиссии», XVI (1906), Оренбург, рис. 7, стр. 89—90.

На левобережной Украине, несмотря на небольшое в целом количество открытых здесь сарматских памятников, диагональные погребения занимают определенный район, и их распространение здесь совпадает со временем окончательного заселения сарматами степей между Доном и Днепром по показаниям античных авторов. Диагональное погребение, открытое Н. Е. Макаренко в кургане № 11, у д. Вороной, б. Новомосковского у. Екатеринославской губ.¹, представляет наиболее раннее достоверно сарматское погребение поволжского типа.

Под насыпью, высотой в 1 м, находилась почти квадратная могила 3 арш. 10 м. × × 3 арш. 5 в., глубиной 2 1/2 арш. Она была расположена длинными сторонами с в. нав. Дно ямы под костяком было выложено тростником (0.05 м толщиной). Костяк лежал на спине, вытянуто по диагонали могилы, головой на ю.-в. У кисти правой руки лежал точильный брусок, у пальцев левой руки — «бронзовые треугольные стрелки, короткие с втулкой и длинные без нее, с остатками деревянных стерженьков». По бронзовым наконечникам стрел данное погребение должно быть отнесено к раннесарматской стадии и одновременно оренбургскому диагональному погребению у Бердинской горы (кстати сказать, тоже с ю.-в. ориентировкой костяка).

Таким образом, диагональное погребение у д. Вороной должно быть датировано не позже II в. до н. э., т. е. началом активного заселения сарматами степей между Доном и Днепром. К этому времени пришельцы из оренбургско-поволжских степей достигают левого берега Днепра выше порогов.

Большинство известных нам сарматских погребений Украины относятся к I в. до н. э. — I в. н. э. На левобережной Украине в этот период продолжают существовать диагональные погребения, абсолютно тождественные поволжским по устройству могилы и погребальному инвентарю.

У Днепровских порогов, в районе Запорожья, М. А. Миллером в 1930 г. были исследованы 2 диагональных погребения и несколько впускных сарматских узких могил того же времени². Под невысоким курганом № 29 была квадратная могила 2,40 × × 2,40 м и 1,5 м глубиной; костяк лежал на спине с раскинутыми руками, головой на ЮЗ. Погребение по своему инвентарю входит в раннюю хронологическую группу курганов среднесарматской стадии, т. е. конца II—I в. до н. э. Железный кинжал с кольцевым навершьем и прямым коротким перекрестьем, железные мелкие трехлопастные черешковые наконечники стрел, кольцевидная пряжка с острым язычком этого погребения находят точные аналогии в инвентаре сарматских погребений В1 и В2 на Торгуне³. Серолощенный кувшин с шаровидным туловом, лентовидной ручкой и кольцевидным поддоном из этого погребения не имеет точных аналогий в сарматской поволжской керамике, но типичен для позднеэллинистических (II—I вв. до н. э.) погребений из грунтовых могильников Кубани (Усть-Лабинский могильник № 2). Витые бронзовые проволоочки с петельками встречаются в Поволжье и на Кубани.

Второе погребение (в кургане № 21) было разграблено, но, судя по квадратной форме могилы (2,5 × 2,5 м глуб. 1,65 м) и инвентарю (мелкие железные черешковые наконечники стрел, узкий четырехгранный оселок с отверстием), оно относится к тому же типу погребений и современно ему.

Еще одно диагональное погребение было обнаружено на Харьковщине, у ст. Сватова Лучка, б. Куплен. у.⁴. Здесь Е. Трифильев в кургане № 3, высотой 0,50 м, исследовал квадратную могилу, 1,80 × 1,80 м и глубиной 1,50 м. Могила со всех 4 сторон была облицована на высоту 0,30 м лубковыми досками, поставленными перпендикулярно ко дну могилы. «Костяк лежал у W стороны почти вплотную к ней на спине —

¹ ИАК, вып. 43 (1911), СПб., рис. 84, стр. 96.

² С неопубликованными материалами этих раскопок меня любезно познакомил Б. Н. Граков, за что приношу ему большую благодарность.

³ Р. Рау, ук. сог., рис. 33А стр. 28.

⁴ Е. П. Трифильев, Археологическая экскурсия в Курянском у., «Тр. XI Арх. съезда в Харькове», 1902, т. 1, стр. 136—138.

головой к S в вытянутом положении; руки были вдоль туловища, ноги раздвинуты до 0,60 м. между ступнями». Из описания Трифильева не совсем ясно, был ли покойник положен по диагонали могилы. Однако из дальнейшего описания расположения вещей видно, что череп покойника находился в ю.-в. углу могилы. Сам костяк мог быть сдвинут к стенке могилы. Отклонение от строго диагонального положения погребенных мы имеем и в Сусловском могильнике. Среди инвентаря типичные вещи диагональных погребений Поволжья: зеркальца с конической выпуклиной в центре и боковым квадратным ушком, ритуальный цилиндрический сосудец, серолощенный кувшин с биконическим туловом и резным орнаментом по плечу, песчаниковая плитка, тщательно сглаженная с одной стороны. Погребение М. И. Ростовцев датирует по стеклянному сосудику—«слезнице» I в. н. э.¹

К нашему же типу погребений следует отнести погребение № 2 в кургане № 2 у д. Селимовки, б. Изюмского у., исследованное В. А. Городцким в 1902 г.². Могила была вырыта на значительно большей глубине и несколько иных пропорций (около 1,80×1,40). Костяк лежал на спине головой на ЮВ, вдоль продольной оси могилы. Стенки могилы были оборудованы деревом, сверху могила покрыта накатником из голстых плах. На покрытии лежал бронзовый котел. Одежда погребенного была покрыта мелкими сарматскими золотыми нашивными бляшками.

Таким образом, по археологическим данным мы имеем две области распространения диагональных погребений II в. до н. э. — I в. н. э.: основная—поволжско-уральская и западная, охватывающая район левобережья Днепра от Днепропетровска до Запорожья и южные районы Харьковщины (см. чертеж). По свидетельствам античных авторов, эта территория была занята в конце II в. до н. э. (а может быть, и на полвека раньше) роксоланами. Поэтому диагональные погребения с ю.-в. и ю.-з. ориентировкой костяков я считаю возможным считать роксоланскими. Диагональные погребения Украины, как и в Поволжье, сопровождаются одновременными узкими могилами, часто впускными, с бедным инвентарем. Они, повидимому, принадлежали иным сарматским племенам, увлеченным роксоланами в их движении на запад.

Заселение сарматами донских и приднепровских степей, начавшееся как медленный процесс инфильтрации на эту территорию отдельных племен, повидимому, быстро завершается к концу II в. до н. э. Какая причина заставила часть сарматских племен во главе с роксоланами передвинуться с Поволжья к Приднепровью?

На этот вопрос, может быть, будет легче ответить, если мы по археологическим данным представим себе состояние сарматского общества в Поволжье к концу II в. до н. э.

Сарматы Поволжья не были однородны по своему племенному составу. Сосуществование 5 погребальных типов на одной территории свидетельствует о том, что поволжское население состояло из пяти основных родственных этнических групп с одним социально-экономическим укладом, материальной и духовной культурой.

Основной массив поволжской группы сарматов составляли потомки местного населения, которое постоянно здесь проживало, по крайней мере с VI в. до н. э. Эти потомки савроматов оставили нам круглые могилы на Торгуни, Б. Карамане и Еруслане, многочисленные, часто впускные, погребения в узких могилах. Последние занимают в поволжско-уральских степях несколько более широкий район, чем район диагональных погребений. К потомкам древнего местного населения следует отнести и группу диагональных могил. Во всех этих могилах связь с древним местным населением проявляется в ряде черт погребального ритуала (пережиточные формы древнего трупосохранения, культ очистительной силы огня) и инвентаря (ряд форм глиняной лепной посуды, короткий меч с кольцевым навершьем, развившийся из старого скифского акинака, и пр.). На раннесарматской стадии племенной состав населения Поволжья усложняется вследствие большой подвижности населения обширных степных просторов Сибири и Сред-

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 587.

² «Труды XII Арх. съезда», т. I, табл. XIV.

ней Азии. В среду старых поволжских групп населения влились новые группы из более восточных районов, что подтверждается и палеоантропологическими данными Г. Ф. Дебеца¹ и Т. А. Трофимовой²—проникновение брахикранного типа Прикаспия, Приуралья (Прохоровки) и Средней Азии в Поволжье (главным образом по Ахтубе). Это выразилось в появлении могил с заплечиками и подбойных могил, характерных для оренбургских и среднеазиатских степей, а также в появлении среднеазиатских форм кувшинов, краснолошеной посуды, железных наконечников стрел крупных размеров и больших сложных луков с костяными обкладками.

Мирное соседство разноплеменного населения Поволжья свидетельствует о сложении в степях Поволжья к концу II в. до н. э. большого и могущественного племенного союза, руководящую роль в котором заняли наиболее богатые и многочисленные племена роксолан. Создается могучая сила, способная к завоеванию новых земель. С образованием этого мощного племенного союза следует связывать первое крупное перемещение части поволжских сарматов во главе с роксоланами и окончательное занятие ими в I в. до н. э. некоторых степных районов «Европы» вплоть до Днепра. Отныне эта область получила название у римлян—Сарматия.

К. Ф. Смирнов

К ОДНОМУ ФРАГМЕНТУ САФО

Цитируемый Плутархом стих из стихотворения Сафо (σφίχρα μοι παῖς ἔμρεν' ἐραίνεο ἄχαρις³) неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, которые неизменно указывали при этом на его несомненную связь с другим отрывком стихотворения той же поэтессы (ῥάμην μὲν ἔγω σέθεν Ἄττι πάλαι πότμ⁴).

Эдмондс⁵, исходя из цитаты у Теренциана⁶ *Cordi quando fuisse sibi canit Atthida parvam, florea virginitas sua cum foret*, попытался даже восстановить слова, некогда соединявшие, по его мнению, оба эти фрагмента, предложив вставить между Ἠράων κτλ. и σφίχρα κтл. от их: ἄς ἐμ' ἀνδρείεσσ' ἔτι παρθενία, σὺ δὲ, то-есть решил, что слова *florea virginitas sua cum foret* следует относить к самой Сафо. Иными словами, Эдмондс предполагает, что стихотворение это написала Сафо уже в преклонных годах и содержит воспоминание о том, как она в юности (в расцвете своих лет) увлекалась маленькой Аттидой.

Виламовиц⁷ также считает, что оба фрагмента принадлежат одному и тому же стихотворению и думает, что ключ для их понимания находится в слове ἄχαρις. Поскольку Сафо говорит здесь в прошедшем времени (*Imperfectum*) о незрелости Аттиды, то Виламовиц предполагает, что Сафо тем самым, видимо, заявляет о неправильности своего о ней суждения. А что же иное, спрашивает Виламовиц, могло убедить Сафо в ее ошибке, как не свадьба Аттиды. Это стихотворение, так заключает он, содержит Поздравление по случаю выхода Аттиды замуж. Поэтому и неудивительно, что оно начинается с воспоминания о любви поэтессы к Аттиде, любви, которая в противоположность мужской не рассчитана на χαρίζεσθαι.

Боура⁸ считает, что оба фрагмента принадлежат стихотворению, в котором Сафо подводила итог своей минувшей любви к Аттиде.

¹ Г. Ф. Дебец, Материалы по палеоантропологии СССР (нижнее Поволжье), «Антропологический журнал», 1936, № 1, стр. 65—80.

² Т. А. Трофимова, Краниологический очерк татар Золотой орды, «Антропологический журнал», 1936, № 2, стр. 166—168.

³ Reinach 42, Bergk 34, Diehl 41, Lobel β 5 App.

⁴ Reinach 41, Bergk 33, Diehl 40, Lobel β 5 App.

⁵ Edmonds, Cambridge Philol. soc. Proceed., 1916 (цитирую по Рейнаку).

⁶ Terentianus Maurus, De metris, VI 390, Keil.

⁷ U. Wilamowitz-Moellendorff, Sappho und Simonides, Berlin 1913, 55.

⁸ Bowra C. M., Greek Lyric Poetry, Oxford, 1936, p. 211.

Однако интерпретация фрагмента R. 42, даваемая как Виламовицем, так и Эдмондсом и Боура, представляется мне неудовлетворительной по следующим соображениям:

1) Дополнение текста, предложенное Эдмондсом мало убедительно, ибо слова Теренциана Мавра «*floreā virginis suā cum foret*» относятся не к Сафо, как это ошибочно думает Эдмондс, а к самой Аттиде, как это следует, кажется мне, из текста Мария Викторина¹ цитирующего, как образец пентаметра, стих Сафо *cordi laurea virginis mihi cum foret*. В отличие от Теренциана («*suā*») Марий Викторин, как мы видим, дает чтение «*mihi*». Итак, цитата, приводимая Теренцианом, имеет, по моему мнению, вот какой смысл: Сафо поет о том, что когда-то ей была мила маленькая Аттида. Поет об этом она в то время, когда девственная прелесть Аттиды уже получила расцвет.

2) И Виламовиц, и Боура, оба считают, что рассматриваемое стихотворение содержало воспоминание о прошлой любви Сафо к Аттиде.

Однако нельзя согласиться и с этим. Истинный смысл фрагмента раскрывается нам Максимом Тирским, который цитирует его в определенном и ясном контексте. Сравнивая искусство любви (τέχνη ἐρωτική) у Сафо с тем же искусством у Сократа. Максим Тирский² дает три параллели:

1) Оба они, и Сократ и Сафо, шуточно желают радости (χίριον), Сократ Иону, а Сафо—дочери Полианактида.

2) Сократ говорит, что, хотя он и очень любил Алкивиада, он не приближался к нему, пока не признал его способным к философским беседам. Говорит и Сафо: *σέλιος μοι πᾶς ἐστὶ παῖς ἢ σοφὸς ἑστάναι*).

3) Сократ высмеивает одежду и позу софиста; аналогично этому и Сафо подсмеивается над костюмом девушки.

Совпадения в обороте мысли и в самых словах, указываемые Максимом Тирским в первой и третьей из его параллелей, настолько убедительны, что не позволяют нам сомневаться, что и смысл второй его параллели должен отвечать соотношению составляющих ее компонентов: Сократ и Алкивиад, с одной стороны, Сафо и Аттида, с другой. Иными словами, Сафо в рассматриваемом фрагменте говорит о том, что не приближалась она к Аттиде, пока та казалась ей малой девочкой, еще не способной к любви.

Сопоставляя слова Максима Тирского с цитатами из Сафо и Теренциана Мавра и Мария Викторина, мы получаем совершенно иную картину, чем та, какую нарисовали Эдмондс, Виламовиц и Боура³.

Смысл стихотворения был, по нашему мнению, следующий. Оно создано было Сафо тогда, когда Аттида уже достигла зрелости, уже выросла и расцвела: в связи с этим Сафо и воспевает ее, вспоминая, что Аттиду любила она уже давно, но ничего не говорила ей о своих чувствах, так как считала ее тогда еще слишком юной, не доросшей еще до любви.

Иначе говоря, любовь Сафо к Аттиде в момент создания ею стихотворения была не в прошлом, как это думалось Виламовицу и Боура, а, напротив, ее увлечение было в самом тогда разгаре.

Обстановка этого стихотворения свадебной быть, следовательно, не может. Но это также и не стихотворение покинутой, вспоминающей с горечью о минувшем счастье: написано оно тогда, когда Сафо свои чувства уже может открыть Аттиде. По времени оно, стало быть, предшествует ряду других фрагментов, с которыми его до сих пор напрасно, как нам кажется, связывали и, конечно, не имеет никакого отношения к сопернице Сафо—Андромеле.

Н. Гринбаум

¹ Marius Victorinus, VI, 111, Keil.

² Maximi Tyrii, XVIII, 9 (p. 231, Hobein).

³ Следует отметить, что Боура, приведя (стр. 211) параллели 1 (и 3), не обратил внимания на параллель 2) (у Максима Тирского).

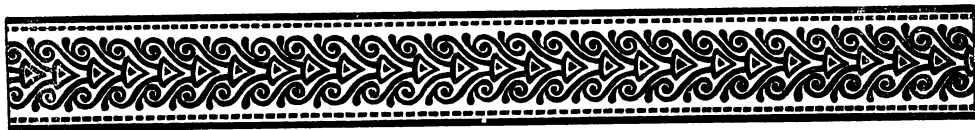

ПРИЛОЖЕНИЕ

BASILIVS LATYSCHEV
SCYTHICA ET CAUCASICA

В. В. ЛАТЫШЕВ
ИЗВЕСТИЯ
ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ

(Продолжение¹)

[ПЛУТАРХ]

«О НАЗВАНИЯХ РЕК И ГОР И ОБ ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ»

(ΠΕΡΙ ΠΟΤΑΜΩΝ ΚΑΙ ΟΡΩΝ ΕΠΩΝΥΜΙΑΣ ΚΑΙ ΤΩΝ ΕΝ ΑΥΤΟΙΣ ΕΥΡΙΣΚΟΜΕΝΩΝ

Эта компиляция, наверное, не принадлежит Плутарху Херонейскому. По мнению Герхера (в предисловии к изданию) она написана другим, неизвестным Плутархом, происходившим, вероятно, из Александрии и жившим при Траяне и Адриане. Текст: Plutarchi libellus de fluviis. Recensuit et notis instruxit Rud. Hercher, Lips., Weidm, 1851.

Перевод П. И. Прозорова

V. ФАСИС

1. Фасис—река в Скифии, протекающая мимо города (πόλις)²; прежде она называлась Арктуром, получив *это* название от того, что течет по холодным местностям, а переименована по следующей причине. Фасис, сын Гелиоса и Окиррои, дочери Океана, убил свою мать, застав ее на месте прелюбодеяния; но после этого он вследствие появления Эриний впал в бешенство и бросился в Арктур, который от него и получил название Фасиса³.

¹ Начало см. ВДИ, №№ 1, 2, 3, 4 за 1947 год.

² Maussaicus, очень вероятно, предположил, что после πόλις выпало Φάσις.

³ [Этот этимологический миф, связывающий Фасис с Северной звездой (Арктуром), подтверждает высказывавшееся на основании других соображений предположение (см. Stengel, De Argonautarum expeditione, 1873, стр. 20) о том, что во времена создания ионийского эпоса об аргонавтах мифическая река Фасис мыслилась на севере и отождествлялась с Доном раньше, чем с Рионом].

2. В этой реке растет лоза, называемая белолиственным; ее ищут во время мистерий Гекаты¹ в самом начале весны, на рассвете при боговдохновенном пении пеана. Ревнивые мужья срывают эту лозу и разбрасывают вокруг брачного покоя, охраняя, таким образом, чистоту своего брака². Дело в том, что если какой-нибудь нечестивец в пьяном виде слишком далеко зайдет в своей дерзости и войдет в *такое* место [где разбросан белолиственный], то лишается здравого рассудка и тотчас же перед всеми признается во всем, что он незаконно совершил или намерен совершить. Присутствующие схватывают его, зашивают в кожу и бросают в так называемые «Уста нечестивых» (Στρίμυ τῶν ἀσεβῶν): это—отверстие круглой формы, похожее на колодезь; спустя 30 дней оно выбрасывает брошенное в него *тело*, полное червей, в Меотийское озеро; тут вдруг налетают во множестве коршуны и растерзывают лежащий труп; так рассказывает Ктесипп во II книге «Описания Скифии»³.

3. [К Фасису] прилегал Кавказская гора, которая прежде называлась «ложом Борея» по следующей причине. Борей, страстно влюбившись в Хлориду, дочь Арктура, похитил ее, принес на один холм, называемый Нифантом⁴, и прижил с нею сына Гирпака, впоследствии наследовавшего престол Гениоха. Поэтому гора стала называться «ложом Борея», а Кавказом была названа по следующему поводу. После борьбы гигантов Кронос, избегая угроз Зевса, убежал на вершину «Бореева ложа» и скрылся там, превратившись в крокодила; [но Прометей], зарезав одного из туземцев, пастуха Кавказа, и исследовав расположение его внутренностей, сказал, что враги недалеки⁵.

Зевс, явившись сюда, отца связал плетеной шерстью и низвергнул в Тартар, а гору в честь пастуха переименовал в Кавказ, приковав к ней Прометея и заставив его терпеть мучения от терзавшего его печень орла за незаконный поступок с внутренностями пастуха⁶, —так рассказывает Клеант в III книге «Теомэхий».

4. На Кавказе растет трава, называемая прометеевой; по рассказу того же Клеанта, Медея, собирая и растирая ее, употребляла для отвращения неприязни отца.

XIV. ТАНАИС

1. Танаис—река в Скифии; она прежде называлась Амазонской, потому что в ней купались амазонки, а переименована была по следующей причине. Танаис, сын Беросса⁷ и одной из амазонок, Лисиппы, будучи

¹ [Оргиастическое хтоническое божество, отождествлявшееся иногда с Артемидой или с Кибелой].

² См. P. s.-Aristot., de mir. ausc., 158.

³ [Этот миф, имеющий на себе налет восточных представлений о загробном возмездии грешникам, видимо, столь же произвольно связан псевдо-Плутархом с Меотидой, как им было придумано имя Ктесиппа, на сочинение которого он ссылается в подтверждение достоверности своего рассказа (о «Ктесиппе» см. введение к его фрагментам)].

⁴ Это наименование, несомненно, идентично с Нифатом других авторов (Strabo, XI, 12, 4; Eust. к Dion. Per., 988)—наименованием горы в Армении, локализуемой между Тавром и Масием у истоков реки Тигра].

⁵ «Последующее показывает, что кое-что здесь выпало» (Hercher).

⁶ [В обоих мифах, объясняющих возникновение наименований «ложе Борея» и «Кавказ», сквозит влияние мифов о Боре и Оригии, с одной стороны, и Прометее—с другой. Их модификация—дело рук псевдо-Плутарха; последним придуман и автор «Теомэхий», на которого он ссылается как на свой источник. О Клеанте см. введ. к его фрагментам].

⁷ [Это мифическое имя и в той же самой связи упомянуто у Плиния (NH, II, 231): его пытались производить от финикийского *ṭān*—«источник» (см. RE, s. v. Berossos), а также связывали с борусками, помещенными Птолемеем (III, 5, 10) у Рипейских гор].

очень скромн, ненавидел женский пол, чтл только Ареса и с презрением относился к браку. Но Афродита вселила в него страстную любовь к его собственной матери; он сначала боролся со своей страстью, но затем, одолеваемый роковым мучением и желая остаться непорочным, бросился в Амазонскую реку, которая по его имени была переименована в Танаис¹.

2. В этой реке встречается растение, называемое алинда², листья его отчасти похожи на капустные; туземцы растирают его, намазываются его соком и, согреваясь от этого, легко переносят холод; на их языке этот сок называется маслом Беросса.

3. В ней находят также камень, похожий на хрусталь и увенчанный короной наподобие человека. Когда умрет царь, туземцы производят выбор нового у реки; кто найдет такой камень, тот сейчас же избирается в цари и получает скипетр покойного. Так рассказывает Ктесифонт³ в III книге сочинения «О растениях»; упоминает об этом и Аристобул в первой книге сочинения «О камнях».

4. К Танаису прилегал гора, на языке туземцев называемая Бриксаба⁴, что в переводе значит «Бараний Лоб» (Κριοῦ μέτωπον). Названа она так по следующей причине: Фрикс, лишившись в Эвксинском Понте своей сестры Геллы и этим, естественно, опечалившись, остановился на вершине одного холма. Когда же заметили его какие-то варвары и стали взбираться туда с оружием в руках, то златорунный баран, взглянув вперед и увидев приближающуюся толпу, человеческим голосом разбудил спавшего Фрикса и, взяв его на свою спину, привез к колхам. По этому-то случаю холм и назван был «Бараньим Лбом».

5. В Танаисе растет трава, называемая на языке варваров Фрикса, что в переводе значит «злоненавистник». Она похожа на руту и обладает тем свойством, что пасынкам, владеющим ею, мачехи не могут принести никакого вреда. Она растет преимущественно у так называемой «Боревой пещеры». Когда ее собирают, она холоднее снега, а когда на кого-нибудь злоумышляет мачеха, то трава вспыхивает пламенем; пользуясь этим признаком, люди, опасющиеся вторых жен, избегают грозящих им бедствий; так рассказывает Агафон Самосский во II книге сочинения «О Скифии».

XXIII. АРАКС

1. Аракс—река в Армении, получившая название от Аракса, сына Нила. Аракс, вступив в борьбу из-за власти со своим дедом Арбелом⁵, поразил его стрелой, но потом, преследуемый Эриниями, бросился в реку Бактр⁶, которая от него и переименована в Аракс, как рассказывает Ктесифонт в I книге сочинения «О Персии». Армянский царь Аракс во время

¹ [Миф скомпанован псевдо-Плутархом по образцу мифов об Ишолите, Адонисе и Таммузе].

² [Наименование это перекликается с топонимическим Halinda, засвидетельствованным для сарматского севера (GGM. II, стр. 653) и, может быть, с наименованием реки Алонта у Птолемея (V, 8, 12)].

³ [Автор, являющийся измышлением псевдо-Плутарха, см. о нем введение к его фрагментам].

⁴ Thomaschek (RE, s. v. Brixaba) не находит параллелей для этого имени в существующих языках. Возможно, что оно связано с упомянутыми у Птолемея (III, 5, 10) бурсками и Боризой (или Бериссой) в Понте (Steph. Byz., s. v.).

⁵ [Имя, известное из восточной мифологии: отец ассирийского царя Нина или сын Эгилта (Abud., fr. 11—12; FHG, IV, стр. 284 сл.)].

⁶ Река в Бактриане, приток Окса (Аму-Дарья), отождествляемая с современной рекой Адирсиах. Из контекста явствует, однако, что, имея в виду реку Аракс, текущую на Кавказе через Армению и Албанию, псевдо-Плутарх, сочетая ее с Бактром, думает об Оксе, также иногда в древности называвшемся Араксом (см. Нег., I, 201 сл.).

войны со своими соседями—персами, когда бой слишком затянулся, получил предсказание, что он одержит победу, если принесет в жертву богам-отвратителям двух знатнейших девиц. Аракс, пощадив собственных дочерей из-за любви к ним, подвел к алтарю и принес в жертву красавиц-дочерей одного из своих подданных. Мнесалк, отец убитых *девиц*, был глубоко поражен этим, но затаил на время обиду, а затем, воспользовавшись случаем, убил из засады дочерей тирана, сам же, покинув родную землю, уехал в Скифию. Аракс, узнав о случившемся, бросился с горя в реку Галм¹, которая по нем была переименована в Аракс.

2. В этой реке растет трава, называемая на туземном языке Араксой, что в переводе значит «девоненавистник», потому что, как только ее найдут девицы, она причиняет им кровотечение и высыхает.

3. Встречается в ней также черного цвета камень, называемый сикпоном. Этот *камень*, когда получится человекоубийственный оракул, две девицы кладут на алтари богов-отвратителей и, когда жрец коснется его пожом, из него в изобилии истекает кровь. Совершив таким образом суеверный обряд, они с громкими воплями идут назад, принеся камень к храму, как рассказывает Дорофей Халдейский² во II книге сочинения «О камнях».

4. К Араксу прилегает гора Диорф, названная так по имени рожденного землею Диорфа³, о котором существует следующее предание. Митра, желая иметь сына и питая ненависть к женскому полу, оплодотворил какую-то скалу, которая, сделавшись беременной, в определенный срок произвела мальчика, по имени Диорфа. Возмужав, Диорф вызвал Ареса на состязание в доблести, но был убит им и по определению богов был превращен в соименную гору.

5. Растет у этой реки дерево, похожее на гранатовое; оно в изобилии производит плоды, имеющие вкус яблок, а *видом* похожие на виноградные гроздья. Если кто сорвет зрелый плод этого дерева и призовет Ареса, то *плод* зеленеет в руках, как рассказывает Ктесифонт в XIII книге сочинения «О деревьях».

АГАФОН САМОССКИЙ

Писатель неизвестного времени.

Отрывки: Müller, FHG, IV, стр. 291. Ср. заметку Berger'a RE, s. v. Agathon, 14.

«О СКИФИИ»

(ΣΚΥΘΙΚΑ)

II, фр. 1 см. Plut., de flav., 14,5.

«ПЕРИПЛ ПОНТА»

(ΠΟΝΤΟΥ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ)

Фр. 3 см. схол. к Apoll. Rhod., II, 1015⁴.

¹ [Наименование этой реки звучит в упоминающемся у Птолемея пункте Альмия или Гальмия (V, 9, 12), локализуемом по верхнему течению реки Вардана (Кубани)].

² [О Дорофее Халдейском, писателе, известном лишь из этого упоминания у псевдо-Плутарха, а потому, может быть, в действительности и не существовавшем, см. введение к его фрагментам].

³ [Как наименование горы, локализуемой где-либо в Армении, так и ее эпоним—вымысел псевдо-Плутарха, но легенда, сопряженная с этими именами, имеет на себе печать мифа о рождении иранского божества Митры (см. Ly d., de mens., III, 26; Firm. Mat., De err. gr. rel., 107, 3)].

⁴ «Я предполагаю самосского автора, если правильно читается его имя; если нет, я бы написал "Αυδρῶν" (см. Andron, fr. 10)» (Müller). [Имеется в виду автор

АРИСТОБУЛ

См. Müller, FHG, IV, стр. 328. По мнению Мюллера, Аристовул, автор сочинения 'Ιταλικά и Περὶ λίθων, без сомнения, не тождествен с историком Александра Великого.

«О КАМНЯХ»

(ΠΕΡΙ ΛΙΘΩΝ)

I, фр. см. Plut., de fluv., 14, 3.

ДОРОФЕЙ ХАЛДЕЙСКИЙ

Писатель неизвестного времени, единственное упоминание о котором сохранилось в нижеуказанном отрывке. Полагают, что он принадлежит к числу писателей, выдуманных лже-Плутархом. Ср. Susemihl, Gesch. d. Alex. Litt., I, стр. 865, пр. 149.

«О КАМНЯХ»

(ΠΕΡΙ ΛΙΘΩΝ)

II, фр. см. Plut., de fluv., 23, 3

[КЛЕАНТ]

Один из числа писателей, повидимому, придуманных автором приписываемого Плутарху сочинения de fluviis, См. Hercher, Plutarchi libellus de fluviis, пред. стр. 17 сл.

«ТЕОМАХИИ»

(ΘΕΟΜΑΧΙΑΙ)

Кн. III, фр. см. Plut., de fluv., 5, 3.

[КТЕСИП]

Собрание отрывков: Müller, FHG, IV, стр. 376.

«О СКИФАХ»

(ΣΚΥΘΙΚΑ)

II, фр. см. Plut., de fluv., 5, 2.

КТЕСИФОНТ

«Мнимые «Георгики» Питокла с Самоса и книги некоего Ктесифонта о растениях и деревьях придуманы автором псевдо-плутарховских Parallela minora и книги «О реках» (ср. Hercher, пред. стр. 17 сл.)» (Susemihl, Gesch. d. Alex. Litt., I, стр. 848, прим. 74).

Собрание отрывков: Müller, FHG, IV, стр. 375.

«О ПЕРСИИ»

(ΠΕΡΣΙΚΑ)

I, фр. 2 см Plut., de fluv., 23, 1.

«О ДЕРЕВЬЯХ»

(ΠΕΡΙ ΔΕΝΔΡΩΝ)

XIII, фр. см. Plut., de fluv., 23, 5.

утраченного порипла Андрон Теосский, упомянутый Arr., Ind., 18, 8 и Эсхол. к Apoll. Rhod., II, 946 (FHG, II, 348 сл.; GGM, I, 330). См. о нем КЕ, s. v. Andron, 14].

«О РАСТЕНИЯХ»¹

(ΠΕΡΙ ΦΥΤΩΝ)

III. фр. см. Plut., de fluv., 14,3.

ТЕОПОМП СИНОПСКИЙ

Писатель неизвестного времени, о котором встречается упоминание только в упоминаемом ниже отрывке Флегонта.

«О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ»

(ΠΕΡΙ ΣΕΙΣΜΩΝ).

Фр. см. Phleg. Trall., de mir., 19.

ГИППОСТРАТ

Писатель неизвестного времени, но во всяком случае раньше Адриана. См. Müller, FHG, IV, стр. 432; Christ, Griech. Litt.³, стр. 680.

«ГЕНЕАЛОГИИ»

(ΓΕΝΕΑΛΟΓΙΑΙ)

Фр. 3 см. Нагросс. s. v. Ἀβάρης.

ДИОН ХРИСОСТОМ

Жил во второй половине I и начале II в. н. э.

«БОРИСФЕНИТСКАЯ РЕЧЬ, ПРОЧИТАННАЯ
В ОТЕЧЕСТВЕ (XXXVI)»

(ΔΙΟΓΕΣ ΒΟΡΥΣΦΕΝΙΤΙΚΟΣ ΟΝ ΑΝΕΓΝΩ ΕΝ ΤΗ ΠΑΤΡΙΔΙ)

Речь произнесена около 100 г. н. э. (ср. наши «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии», стр. 148).

[«Борисфенитская речь» Диона является драгоценным свидетельством человека, побывавшего в Северном Причерноморье и рисующего картину греко-скифских взаимоотношений в области культурной и политической в эпоху значительного упадка причерноморского эллинизма, позволяющую, однако, делать известные заключения и об явлениях эпохи его расцвета. В особенности важна культурная характеристика ольвиополитов с их тягой к эпико-героическому прошлому своего народа, а также картина их отношений со скифскими племенами, оказывавшими покровительство греческим колониям, как центрам торговли и ремесла. См. Ю. В. Готье, Очерки истории материальной культуры Восточной Европы, 1923, стр. 158 сл., а также М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 11].

Текст: Dionis Chrysostomi orationes. Recognovit et praefatus est L. Dindorfius, т. II, Lips., Teubn., 1857. Новое критическое издание Arnim, Berol., 2 тома, 1896.

II, 48, D i n d. Случилось мне летом быть в Борисфене², когда я после изгнания прибыл туда морем, имея в виду, если можно будет, пробраться через Скифию к гетам, чтобы посмотреть, что там делается. И вот я в рыночный час прогуливался по берегу Гипаниса³. Надо знать, что, хотя город и получил название от Борисфена вследствие красоты и величины

¹ Müller думает, что это сочинение едва ли отлично от сочинения о деревьях.

² [Город Ольвия, как это явствует из текста Страбона (VIII, 3, 17), назывался всеми греками (кроме собственных жителей, именовавших себя ольвиополитами и обозначавших свой город на монетах как Ольвию) Борисфеном, а жители его — борисфенитами, по имени реки Борисфена, при устье которой город был расположен].

³ [Город Ольвия был расположен на берегу лимана, образованного совместным устьем рек Днепра и Южного Буга (Гипаниса). О положении города см. Страбон. VII, 3, 17 и прим.]

этой реки, но как ныне лежит на Гипанисе, так и прежде был выстроен там же немного выше так называемого Гипполаева мыса¹, на противоположном от него берегу². Мыс этот представляет собой острый и крутой выступ материка в виде корабельного носа, около которого сливаются обе реки; далее они представляют уже лиман вплоть до моря на протяжении почти 200 стадиев; и ширина рек в этом месте не менее. Большая часть лимана представляет мели, и при безветрии поверхность воды там постоянно гладка, как на озере. Лишь с правой стороны заметно течение воды, и плывущие с моря по течению заключают о глубине; отсюда-то река изливается в море вследствие силы течения; если бы его не было, вода легко могла бы быть задержана сильным южным ветром, дующим в устье.

В остальной части лимана берега болотисты и покрыты густым тростником и деревьями; даже в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты, так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям. Здесь есть также много соли³, и отсюда получается ее покупкой большинство варваров, а также эллины и скифы, живущие на Таврическом полуострове. Реки впадают в море у укрепления Алектора⁴, принадлежащего, как говорят, супруге царя савроматов.

Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как сто пятьдесят лет тому назад: геты взяли и его⁵ и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлоний⁶. Вследствие этого-то дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены; другие—в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров. Много сделано было захватов во многих частях эллинского мира, рассеянного по разным местам. После разгрома борисфениты снова заселили город,—как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькой и непрочной стенкой. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения, и затем

¹ [Гипполаев мыс должен соответствовать современному мысу Станислава. Ольвия располагалась у современного села Парутина на правом берегу бутского берега лимана].

² Ср. Нег., IV, 53,

³ Ср. Нег., там же.

⁴ [Место под этим именем упоминается еще у Равеннского анонима (Geogr. Rav., IV, 5; V, 11: Alectarum, Alecturia, и локализуется на черноморском побережье между Тамиракой и Ольвией. Упомянутого ниже «царя савроматов», может быть, следовало бы исправить на царя Савромата (на Боспоре)].

⁵ [О гетском погроме города Ольвии, происшедшем приблизительно в 50 г. до н. э., упоминает более подробно декрет в честь Никерата, IOSPE, I², 34. Ср. также В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, П., 1888.]

⁶ [Аполлония—милетская колония на западном берегу Черного моря на месте позднейшего Созополя.]

еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках¹.

Итак, я сказал, что мне случилось прогуливаться перед городом. Некоторые из борисфенитов по обыкновению выходили ко мне из города; потом Каллистрат, возвращаясь верхом в город извне, сначала проехал мимо нас, затем, немного опередив, слез с коня и, передав его ехавшему с ним слуге, сам очень вежливо подошел, спрятав руку под плащ. Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов [черноризцев]. Каллистрату было лет восемнадцать, он был очень красив и высок и в наружности имел много ионического. Про него говорили, что он храбр на войне и многих савроматов или убил, или взял в плен; кроме того, он прилежно занимался красноречием и философией, так что даже выражал желание уехать со мной; благодаря всему этому он пользовался хорошей репутацией у сограждан, но особенно славился он красотой и имел много обожателей. Этот обычай любовных отношений к мужскому полу укоренился у них еще из метрополии; повидимому, они научили этому и некоторых варваров, конечно, не к добру, а так, как последние способны были это перенять, с варварской грубостью.

Зная, что Каллистрат—почитатель Гомера, я тотчас заговорил о нем. Почти все борисфениты усердно читают этого поэта, вероятно потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть, вследствие любви к Ахиллу²: они чрезвычайно чтут его, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе³, и кроме Гомера ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто⁴ благодаря тому, что живут среди варваров, но все-таки «Илиаду» почти все знают наизусть. Я шутя сказал Каллистрату: «Как ты думаешь, Каллистрат, который поэт лучше, Гомер или Фокилид?»⁵—«Да, я не знаю и имени другого поэта,—с улыбкой ответил Каллистрат,—да, вероятно, и никто из присутствующих: мы не признаем никого другого за поэта, кроме Гомера, но зато его знает почти всякий». В самом деле, их поэты упоминают только о Гомере в своих стихотворениях, которые читают и в других случаях, но в особенности перед сражением постоянно возбуждают ими сограждан (как в Лакедемоне читались стихи Тиртея⁶. Все они ослеплены и не допускают даже возможности существования какого-нибудь другого поэта. «В этом отношении,—сказал я,—Гомер подействовал на ваших поэтов как глазная болезнь. Вы не знаете Фокилида, говоришь ты, а между тем он принадлежит к числу знаменитейших поэтов.

¹ [О состоянии города Ольвии после гетского погрома по новейшим археологическим данным см. Б. В. Фармаковский, Ольвия, П., 1914, стр. 17].

² [О культе Ахилла Понтарха в Северном Причерноморье и, в частности, в Ольвии см. И. И. Толстой, Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте, П., 1918, а также Гирст, Ольвийские культы, ИАК, вып. 27, 1910, стр. 79, 134].

³ [О храме Ахилла в городе Ольвии см. Латышев, IOSPE, I², стр. 152, введение к циклу посвященных надписей ольвийских стратегов Ахиллу Понтарху].

⁴ [Если судить по надписям, то греческий язык оставался в Ольвии совершенно чистым до конца существования города как центра греческой торговли и культуры, т. е. вплоть до V—VI вв. н. э. Ср. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, стр. 118].

⁵ [Фокилид из Милета—ионийский поэт VI в. до н. э., современник Теогнида].

⁶ [Тиртей—полумифический аттический поэт, по преданию посланный афинянами в Спарту по указанию дельфийского оракула и вдохновивший спартанцев на победу своими гимнами во время второй Мессенской войны (первая половина VII в. до н. э.). Считается распространителем в Пелопоннесе ионийского элегического размера].

Когда к вам приедет какой-нибудь купец, не бывавший у вас прежде, вы не сейчас же распускаете о нем дурные слухи, но сперва пробуете его вино или, если он привезет какой-либо другой товар, берете его образчик и затем уже, если товар понравится, покупаете, а если нет, то оставляете. Так и с поэзией Фокилида,—говорил я,—можно тебе познакомиться по маленькому образчику; он ведь не принадлежит к числу сплетающих длинные и связные стихотворения, как ваш *поэт*¹ рассказывает об одной битве более чем в пяти тысячах стихов,—его стихотворение начинается и оканчивается в двух-трех стихах; поэтому он отмечает свое имя в каждой мысли, принимая ее за нечто серьезное и ценное, не так, как Гомер, который нигде не назвал себя в поэмах. Например, покажется ли тебе, что некстати поставил Фокилид *свое имя* в следующем изречении²: «И это изречение Фокилида: хорошо управляемый маленький городок на утесе лучше необузданной Ниневии». Не стоят ли эти стихи для мыслящих слушателей целой «Илиады» и «Одиссеи»? Неужели вам полезнее было слушать об ахилловых прыжках, нападениях и голосе,—что он одним криком обратил в бегство троянцев? Полезнее ли вам изучать это или то, что маленький городок, лежащий на утесистой скале, если обладает правильным устройством, лучше и счастливее, чем большой город на гладкой и широкой равнине, если он населен безумными людьми, не знающими порядка и закона?» Каллистрату слова мои пришлось не особенно по сердцу: «Гость,—сказал он,—дело в том, что мы тебя любим и очень уважаем: иначе ни один борисфенит не вынес бы подобных нападков на Гомера и Ахилла,—последний, как ты видишь, наш бог, а первый почитается почти наравне с богами». Желая смягчить его и вместе с тем привести к чему-нибудь полезному, я сказал: «Прошу тебя извинить меня за Гомера, если я сказал теперь что-нибудь дурное. Когда-нибудь в другой раз мы похвалим и Ахилла с Гомером, поскольку его речи покажутся нам справедливыми, а теперь разберем лучше изречение Фокилида: по моему мнению, он очень хорошо выразился о городе». «Изволь,—сказал он:—ты видишь, что и все эти люди желают слушать тебя и для этого собрались сюда к реке, хотя на душе у них и не очень спокойно: ты знаешь, конечно, что вчера в полдень скифы³ сделали набег и некоторых зазевавшихся часовых убили, других, может быть, увели в плен: мы еще не имеем определенных сведений вследствие того, что бежавшие забрались слишком далеко, бросившись бежать не *по направлению* к городу». Действительно, все это так и было: ворота были на запоре, и на стене водружено было военное знамя. Однако они так были любознательны и такие эллины по характеру, что почти все собрались в вооружении, желая слушать. С удовольствием заметив их готовность, я сказал: «Не хотите ли пойти куда-нибудь в город и сесть? Теперь, при ходьбе, может быть, не всем одинаково хорошо слушать: стоящие дальше чувствуют неудобство и беспокоят стоящих перед ними, стараясь пробраться поближе. Лишь только я сказал это, все тотчас бросились к храму Зевса⁴, где они обыкновенно совещаются. Старейшие и почетнейшие граждане и должностные лица уселись кругом на ступенях, а остальная толпа осталась на ногах, так как перед храмом был большой простор. Философу очень понравилось бы это зрелище: все они были на древний манер, как говорит Гомер об эллинах, длинноволосые и боро-

¹ [т. е. Гомер].

² [Фр. 9, см. D i e l, Anth. Lyg. Gr., т. I, стр. 58 сл.].

³ [Под скифами Дион разумеет, скорее всего, тех же самых варваров-сарматов, которых он выше называл савроматами].

⁴ [О храме и культе Зевса в Ольвии ср. Г и р с т, Ольвийские культы, стр. 123].

дате, один только между ними был выбрит, и его все поносили и ненавидели: говорили, что он сделал это не по другой какой-либо причине, а из желания польстить римлянам и доказать свою дружбу к ним, так что на нем можно было видеть весь позор такого поступка и крайнее его неприличие для мужей. Когда водворилась тишина, я сказал, что мне кажется справедливым выраженное ими, жителями старинного эллинского города, желание выслушать речь о государстве...

Произнесенная затем Дионом речь не имеет отношения к Ольвии и потому опускается здесь за исключением вставленного в нее разговора оратора с одним из слушателей.

II, 56, Dind. Между тем один из присутствовавших, старейший по летам и пользовавшийся величайшим уважением, возвысил голос и очень вежливо сказал: «Гость, пожалуйста, не сочти за невежество или варварство, что я помешал тебе среди речи. У вас не в обычае такие поступки вследствие большого изобилия философских речей и возможности каждому слышать от многих, что бы кто ни пожелал; у нас же твое прибытие к нам является как бы чудом: обыкновенно сюда приезжают эллины только по имени, а на деле варвары хуже нас, купцы и торгаша, привозящие дрянное тряпье и скверное вино и вывозящие наши товары ничуть не лучше этих. Тебя же, кажется, сам Ахилл прислал сюда со своего острова, и мы с большим удовольствием видим тебя и с не меньшим слушаем все, что ты говоришь. Однако мы не думаем, что это время будет очень продолжительно, да и не хотим этого, а *напротив желаем* тебе в полном благополучии как можно скорее возвратиться домой. Теперь, когда ты коснулся в своей речи божественного мироправления, я сам пришел в чудный восторг и вижу, что все присутствующие напряженно внимают этой речи: все сказанное тобой нам показалось превосходным и достойным предмета речи, как мы именно больше всего желали бы слушать. Мы неопытны в этой точной философии, но любим, как ты знаешь, Гомера, а немногие из нас и Платона; к числу их, как видишь, принадлежу и я, постоянно изучая его произведения, как могу, хотя, быть может, и странно, чтобы наиболее похожий на варвара гражданин восхищался и занимался лучшим представителем эллинства и мудрости, все равно как если бы какой-нибудь полуслепой смотрел только на солнце, отворачиваясь от другого света. Таково наше положение. Ты же, если хочешь всем нам угодить, отложи речь о человеческом государстве, если только соседи на завтра оставят нас в покое и не нужно будет возиться с ними, как это обыкновенно случается, а теперь скажи нам о божественном мироправлении или мироустройстве, называй как тебе угодно,—скажи, как оно составилось и в чем состоит, и придержишься как можно ближе платоновой непринужденности в изложении, что, впрочем, ты и сейчас делал, как нам показалось. Если мы не понимаем в нем ничего больше, то, по крайней мере, благодаря привычке, понимаем его язык, возвышенный и близкий к гомеровскому». Мне очень понравилась эта простота старца, и я с улыбкой отвечал: «Любезный Гиеросонт, если бы вчера, при нападении неприятелей, ты пригласил меня взять оружие и сражаться по-ахилловски, то в первом я послушался бы тебя и постарался бы биться за друзей, во второго, думаю, при всем желании не мог бы исполнить, т. е. сражаться подобно Ахиллу. Так и теперь я исполню одну часть твоей просьбы, именно постараюсь сказать речь, как только позволят мне мои силы, «но не хочу состязаться с мужами, сильнейшими много», ни с Платоном, ни с Гомером: ведь и Эвриту¹, по словам поэта, плохо пришлось, когда он вздумал

¹ [Мифический фракийский царь, состязавшийся с Гераклом в стрельбе из лука. См. A p o l l o d., II, 6].

состязаться с лучшими. Впрочем, в старании, сказал я, у меня недостатка не будет». Так говорил я ему, но тем не менее сам до некоторой степени воодушевлялся и увлекался воспоминанием о Платоне и Гомере.

Дальнейшие отрывки переведены по тексту: *Dionis Prusaensis quem vocant Chryostomum quae exstant omnia*, ed. Arnim, т. I, Berol., Weidm., 1893.

«О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ (РЕЧЬ II)»

(ΠΕΡΙ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ Β')

75—77 (р. 35 М)... Великий царь царей Зевс, как общий попечитель и отец людей и богов... *царя* мужественного, человеколюбивого, благосклонного к подданным, уважающего добродетель и старающегося о том, чтобы не показаться хуже кого-нибудь из хороших людей, а несправедливых заставляющего раскаиваться и помогающего слабым, из уважения к его доблести по большей части до старости, как это мы знаем о Кире, Дейоке Мидийском, Иданфирсе Скифском, Левконе, многих царях лакедемонских и некоторых из прежних египетских.

«ДИОГЕН ИЛИ ИСТМИЙСКАЯ РЕЧЬ (IX)»

(ΔΙΟΓΕΝΗΣ Η ΙΣΘΜΙΚΟΝ <Θ'>)

6 (р. 139 М)... Как неопытные решаются попробовать понтийского меда, но, попробовав, сейчас же с неудовольствием выплевывают, потому что он горек и неприятен¹, так *приезжавшие в Коринф* из любопытства желали познакомиться с Диогеном, но вследствие его обличений отворачивались и убегали.

«РЕЧЬ В АФИНАХ ОБ ИЗГНАНИИ (XIII)»

(ΕΝ ΑΘΗΝΑΙΣ ΠΕΡΙ ΦΥΓΗΣ <ΙΓ'>)

1 (р. 219 М)... Как у скифов есть обычай вместе с царями погребать виночерпиев, поваров и наложниц², так у тиранов в обычае к тем, кого они предают смерти, прибавлять без всякой вины нескольких их друзей.

«МУДРЕЦ СЧАСТЛИВ (РЕЧЬ XXIII)»

(ΟΓΙ ΕΥΔΑΙΜΟΝ Ο ΣΟΦΟΣ <ΚΓ'>)

(р. 277 М)... По такому рассуждению единственно разумными окажутся те, которые произошли в Колхиде из зубов дракона, посеянных Язоном: они, как только почувствовали себя живыми, тотчас стали убивать друг друга, пока не оставили ни одного³...

«О ГЕНИИ (РЕЧЬ XXV)»

(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΔΑΙΜΟΝΟΣ <ΚΕ'>)

(р. 282 М)... [Дарий заставлял своих подданных] вести трудные и опасные войны, как, например, против скифов и против афинян.

¹ [Имеется, быть может, в виду сарт меда, который греки Ксенофонта поели в земле макронов у Трапезунта (Xen., Anab., IV, 8, 20 сл.). О горьком вкусе колхидского меда см. также Strabo, XI, 2, 17].

² [Упоминание о скифском обычае ритуальных захоронений рабов заимствовано Дионом у Геродота (IV, 71), где содержится более подробное его описание. Археологические подтверждения этого обряда см. М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 318, а также Б. Н. Граков, Скифы, 1947, стр. 29 сл.].

³ [Изложение этого мифа в подробностях см. Aroll. Rhod., III, 1225 сл.].

«К АЛЕКСАНДРИЙЦАМ (РЕЧЬ XXXII)»

(ΠΡΟΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΙΣ <ΔΒ'>)

44 (р. 374 М). Смотрите, чтобы их отзывы о вас не были справедливей того, который, как говорят, сделал скиф Анахарсис об эллинах. Он считался в числе мудрецов и прибыл в Элладу, как кажется, с целью ознакомления с ее нравами и людьми. Итак, он говорил, что в каждом эллинском городе есть определенное место, в котором люди ежедневно сумасшествуют (разумей под этим гимнасий): придя туда и раздевшись, они намазываются зельем; оно-то, по его словам, и приводит их в исступление: немедленно после этого одни из них начинают бегать, другие сваливают друг друга с ног, третьи, вытянув руки, борются с воображаемым противником, иные дерутся; проделав это, они, соскоблив с себя зелье, сейчас же приходят в здравый ум и, уже дружелюбно относясь друг к другу, идут с опущенными глазами, стыдясь того, что они наделали...

«ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ НА РОДИНЕ (РЕЧЬ XLVII)»

(ΔΗΜΗΓΟΡΙΑ ΕΝ ΤΗΙ ΠΑΤΡΙΔΙ <ΜΖ'>)

(р. 533 М)... Мы знаем, что сам Геракл овладел Египтом и Либией, а кроме того живущими вокруг Эвксинского Понта фракийцами и скифами...¹

«О ДОБРОДЕТЕЛИ (РЕЧЬ LXIX)»

(ΠΕΡΙ ΑΡΕΤΗΣ <ΞΘ'>)

(р. 619 М)... Например, кочующие скифы не имеют домов и не занимаются ни земледелием, ни садоводством, но это ничуть не препятствует им управляться справедливо и по законам...

ФИЛОН БИБЛСКИЙ

Грамматик Геренний Филон, уроженец финикийского города Библа, по словам Свида, живший от времен Нерона до Адриана (по исследованию N i e s e, De fontibus Stephani, стр. 28, между 64 и 141 гг. н. э.), оставил сочинения Περὶ κτήσεως καὶ ἐκλογῆς βιβλίων βιβλία ιϛ', Περὶ πόλεων καὶ οὗς ἐκάστη αὐτῶν ἐνδόξους ἤνευχε βιβλ. λ'. Περὶ τῆς βασιλείας Ἀδριανοῦ и другие, числом до двенадцати. Орывки из исторических сочинений собраны у Müller'a, FHG, III, стр. 561—576.

«О ГОРОДАХ»

(ΠΕΡΙ ΠΟΛΕΩΝ)

Фр. 15а см. Steph. Byz., s. v. βόσπορος.

МЕМНОН

Уроженец города Гераклеи Понтийской, живший, вероятно, в конце I и начале II в. н. э., написал историю своего родного города, заключающую в себе более 16 книг. Она известна нам только по извлечению из IX—XVI книг, сделанному Фотием (Bibl. cod., 224). Оно перепечатано Müller'ом в FHG, III, стр. 525—558.

¹ [Греческие легенды, связанные с пребыванием Геракла в Скифии, равно как и с происхождением скифов от брака Геракла с местным женским божеством, см. Нег., IV, 8 сл. и прим.; о культе Геракла во Фракии по эпиграфическим данным см. Ростолев, Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, ИАК, вып. 49, 1933, стр. 23].

«О ГЕРАКЛЕЕ»

(ΠΕΡΙ ΗΡΑΚΛΕΙΑΣ)

ИЗ XV КНИГИ

XXX (стр. 541 М). После этого у понтийского царя Митридата завязалась тяжкая война с римлянами¹, видимой причиной которой послужил захват Каппадокии... (2). Митридат подчинил войной также и царей *народов, живущих* по Фасису до областей за Кавказом, возвысил *свое* могущество и сделался в высшей степени надменным. Римляне, вследствие этих причин еще более подозревая его намерения, порешили, чтобы он возвратил скифским царям (Σκυθῶν βασιλεῦσι)² их родовые владения. Он неохотно повиновался этому приказанию и привлек на свою сторону парфян, мидян, армянского *царя* Тиграна, царей скифских и иберийского.

ИЗ XVI КНИГИ

XLIX... (4) [Во время осады Гераклеи Коттой]³ снова отправлено было *гераклийцами* посольство с *просьбой* о помощи к херсонесцам скифским⁴, к феодосийцам и властителям Боспора⁵; и это посольство возвратилось не без результатов...

LIV. (1) Между тем⁶ римский главнокомандующий Лукулл приступил к городу Синопе и энергично повел осаду. Митридатов *сын* Махар⁷ прислал к нему посольство с *предложением* дружбы и союза. Лукулл принял его благосклонно и ответил, что он будет считать договор исполненным, если *Махар* не будет посылать продовольствия синопцам. Последний не только исполнил это требование, но даже переслал к Лукуллу и то, что заготовил для отсылки войскам Митридата. (2) Клеохаровцы⁸, увидев это и совершенно отчаявшись, собрали на суда множество сокровищ, предоставили город на разграбление солдатам (дело было к ночи), а *сами* бежали на судах во внутренние области Понта (заселенные санегам и лазами)⁹, поджегши *предварительно* оставшиеся суда. (3) Когда пламя занялось, Лукулл понял, в *чем* дело, и приказал придвинуть к стенам лестницы; *войны* его перебрались *через* стены, и сначала произошло не малое кровопролитие, но Лукулл из сожаления к несчастию *жителей* прекратил резню. Таким образом взята была и Синопа...

ДЕМАРАТ

Автор неизвестного времени, с именем которого цитируются сочинения: 'Αρχιδιά, Φρούγιά, Περὶ ποταμῶν и Τριγυφιδεύειν.

¹ Зимой 89—88 г. до н. э.

² Φρυγῶν βασιλεῖσι исправил Orelli из App., Mithr., 11; 13 (Müller).

³ В 72 г. до н. э. [Марк Аврелий Котта, консул 74 г., вместе с Луцием Лицинием Лукуллом, был затем правителем Вифинии и потерпел поражение от Митридата под Халкедоном в 73 г. до н. э.]

⁴ [Жители Херсонеса Таврического, близ Севастополя в Крыму, колонии Гераклеи Понтийской, см. о нем Strabo, VII, 4, 1 сл. и прим.].

⁵ [В это время на Боспоре, в пределы которого входила также и Феодосия, пользовавшаяся, видимо, известной автономией, царствовал от имени Митридата Эвпатора его старший сын Махар].

⁶ Весной 70 г. до н. э.

⁷ По словам Мемнона, находившийся в то время в Колхиде (LIII ext.: «...послал к Махару, сыну Митридата, который в это время был в Колхиде»).

⁸ Приверженцы Клеохара, во время осады захватившего тиранию в Синопе (см. Мет п., LIII).

⁹ [Последнее из упомянутых племен отождествлялось у авторов позднеримского времени с именем колхов, и Лазика соответствовала Колхиде. Санегов, может быть, следует сопоставить с упоминаемыми неоднократно у различных авторов, начиная с Гекатея Милетского (fr. 191), саннами, иначе называвшимися макронами. См. о них Xen., Anab., IV, 8, 1 сл.].

Собрание отрывков: Müller, FHG, IV, 378 сл. Ср. Susemihl, Gesch. d. Alt. Litt., II, стр. 53.

«ТРАГОДУМЕНЫ»

(ΤΡΑΓΩΙΔΟΥΜΕΝΑ)

Фр. 6 см. Ps.-Apollod. Bibl., I, 9, 19, 4; ср. схоласт. к Apoll. Rhod., I, 1289.

СОРАН

Знаменитый врач, уроженец города Эфеса, жил в Риме и Александрии при Траяне и Адриане. От него сохранились сочинения: Περὶ σημείων κατὰ κράτος, Περὶ μύτρων καὶ αἰθίου ὑναικείων, Περὶ ὑναικείων παθόντων.

Текст: Sorani gynaeciorum vetus translatio Latina nunc primum edita cum additis Graeci textus reliquiis... rec. a Val. Rose, Lips., Teubn., 1882.

«О ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЯХ»

(ΠΕΡΙ ΓΥΝΑΙΚΕΙΩΝ)

81 (р. 251 R). После отрезания пуповины большинство варваров, как, например, германцы и скифы, а также и некоторые из эллинов опускают младенца в холодную воду ради укрепления и ради того, чтобы младенец, не выносящий охлаждения, но бледнеющий или подвергающийся спазмам, погиб как нестойкий выкармливания...

ПРЕНЕЙ

Александрийский грамматик, носивший также римское имя Minucius Pacatus и живший, по всей вероятности, в первой половине II в. н. э. Свидетель приписывает ему сочинения: Περὶ τῆς Ἀφρικήων προσημίας, Περὶ τῆς Ἀλεξανδρέων διλέκτου, в 7 книгах, Ἀστικῶν νοσημάτων 3 книги, Ἀστικῆς συνθεαίς τῆς ἐν λέξει καὶ προσφάτῃ 3 книги, Κλύονες ἑλληνίσμων в 1 книге и многие другие сочинения, в числе которых известны упоминаемые к Геродоту и Аполлонию Родосскому. См. о нем Maug. Haurtius, Opuscula, II, Lips., 1876, стр. 434—440 с собранием отрывков.

«ЗАМЕЧАНИЯ К «АРГОНАВТИКЕ» АПОЛЛОНΙΑ»

(ΥΠΟΜΝΗΜΑΤΑ ΕΙΣ ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ ΑΡΓΟΝΑΥΤΙΚΑ)

Фр. 21 см. схоласт. к Apoll. Rhod., II, 1015.

ДИОНИСИЙ

«ОПИСАНИЕ НАСЕЛЕННОЙ ЗЕМЛИ»

(ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΠΕΡΙΓΗΓΗΣΙΣ)

Долгое время не было известно с достоверностью, которому из многочисленных писателей, носивших имя Дионисия, принадлежит это стихотворное описание земли и когда оно написано. Лишь недавно немецкий ученый G. Leue («Philologus», XLII, стр. 175 сл.; ср. A. Nauck, «Hermes», XXIV, стр. 325) открыл в двух местах землеописания (ст. 109 сл. и 513 сл.) акrostихи, из которых видно, что автор землеописания был родом из Египта и писал при Адриане. О Дионисиях, которым приписывалось это сочинение, см. C. Müller, GGM, II, стр. XV сл. [Unger, J. f. Rh., 1887, стр. 53 сл. считает, что это произведение написано при Домициане, а имя Адриана принадлежит римскому магистрату. Землеописание Дионисия Пернегета пользовалось большим успехом среди широкого круга читателей в эпоху Римской империи и в средние века. Лишенное утилитарного значения, рассчитан-

ное на то, чтобы служить занимательным чтением, оно объединяло реальные географические сведения с поэтическими и мифико-космографическими представлениями. Поэтому землеописание уснащено различными подробностями об Океане, его заливах, впадающих в него реках, и т. п.; отсюда же и «гомеровские» наименования причерноморских племен: гиппемолги, агавы, гиппоподы и др. Карта расселения племен по Дионисию, восходящая, несомненно, к ионийским стихотворным первоплам типа сочинений Скилака и Скимна, интересна тем, что, наряду с традиционным Боспором Киммерийским, киммерийцы показаны в числе северокавказских племен, что вполне согласуется с локализацией их на основании древневосточных данных. Таким образом, землеописание Дионисия содержит, наряду с обычными для римского времени и сильно олитературенными географическими представлениями, отдельные своеобразные и древние черты, отражающие положение вещей, характерное для времен ионийской колонизации Понта. См. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 74 сл.].

Текст: *Geographi Graeci Minores. E codicibus recognovit Carolus Müllerus*, II, Paris, 1882, стр. 103, сл. Под текстом приводятся соответствующие места из прозаического пересказа (*παραφρασις*), сделанного в византийские времена и изданного Мюллером, там же, стр. 409 сл. Разночтения рукописей не приводятся, так как в случае надобности их легко найти у Мюллера. [Поскольку различие между стихотворным текстом Дионисия и его прозаическим пересказом в переводе почти исчезает, византийская парафраза Периегета в данном издании опущена].

Перевод И. П. Цветкова

14—22. ГРАНИЦЫ МАТЕРИКОВ

Европу от Азии отделяет посредине Танаис, который, катясь через землю савроматов, течет в Скифию и в Меотийское озеро на севере; южной же границей служит Геллеспонт, а более южный предел протянут через устье Нила¹. Другие разделяют землю по материкам. Возвышается некий перешеек, крайний предел азиатской земли, между Каспийским и Эвксинским морями; его-то и приняли границей между Европой и Азией.

27—25. ОКЕАН

Повсюду несется течение неутомимого Океана²—одно и то же, по различающееся многими названиями: находящийся у крайних пределов локрийского Зефира называется западным Атлантом³, а сверху, на севере, где *живут* сыны неистовых аримаспов, он называется Ледовитым и Кронийским морем; другие называли его и Мертвым вследствие слабого солнечного освещения⁴: *солнце* редко светит над этим морем и почти постоянно скрывается в мрачных густых облаках...

47—50. КАСПИЙСКИЙ ЗАЛИВ

Второй залив, небольшой, но важнейший *из всех* прочих,—тот, который, начинаясь с севера от Кронийского моря, несет свои глубокие волны в Каспийское море, которое другие называют Гирканским⁵.

¹ [Этими словами Дионисий обозначает западные границы Азии: с Северной Европой Азия граничит по реке Танаису (Дону), на юге Европы ее границей (у берегов Малой Азии) является Геллеспонт (Дарданельский пролив), и, наконец, с Либией (Африкой) Азия граничит по реке Нилу].

² [Дионисий излагает весьма популярное в древности представление о том, что земля омывается со всех сторон океаном; греки представляли его себе в виде широкой реки, противоположный берег которой находится в потустороннем мире. См. Berger, *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*, 1892, стр. 30].

³ [Или Атлантическим океаном по имени титана Атланта; локрийский, т. е. находящийся за Эпизефирскими Локрами на западном берегу Италии].

⁴ [Наименование северного океана Кронийским или Мертвым связано с представлениями о находящихся в его пределах островах блаженных, где царствовал Кронос. Ср. эти же эпитеты по отношению к Адриатике у Apoll. Rhod., IV, 282 сл.].

⁵ [Представление о Каспийском море как о заливе океана удерживалось вплоть до времен Страбона (II, 5, 18 и прим.), хотя еще Геродот настаивал на том, что оно представляет собой замкнутый бассейн (Her., I, 203). О соотношении наименований моря «Каспийским» и «Гирканским» см. Strabo, I, 2, 17].

142—168. ПОНТ ЭКСИНСКИЙ

Этот пролив [Боспор Фракийский] уже всех прочих, которые находятся в волнистом море. По мифическому преданию, здесь безбожные Кианейские скалы, двигаясь *в море*, с шумом ударяются одна о другую. За ним широко открывается людям обширный Понт, образующий пространственный залив к востоку; в этом море пути имеют косвенное направление, будучи всегда обращены к северу и востоку. А посредине с обеих сторон выдаются в море два мыса, один южный, называемый Карамбисом, другой—северный, возвышающийся над Европейской землей и называемый туземцами Бараньим Лбом; оба эти мыса сближаются друг с другом, хотя и не слишком близко, а на такое расстояние, какое грузовое судно проходит в три дня. Отсюда можно увидеть, что Понт состоит *как бы* из двух морей и по своей округлости похож на стиб согнутого лука: правый берег представляет собой тетиву¹, так как описывает прямую линию, и только один Карамбис выходит за эту линию и смотрит к северу; вид же рогов представляет левый берег, который извивается двумя изгибами, похожий на рога лука. К северу от Понта разлились воды Меотийского озера, вокруг которого обитают скифы, бесчисленный народ; Меотиду называют матерью Понта, так как из нее выходит огромная масса воды Понта прямо через Киммерийский Боспор², по которому живет много киммерийцев у холодной подошвы Тавра³.

298—320. ОПИСАНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

Недалеко от Рейна начинается священный Истр, текущий на восток до Эвксинского моря, в которое он извергает всю пену своих волн, изливаясь пятью устьями у Певки. К северу от него на широком пространстве живет множество племен вплоть до устья Меотийского озера: германцы, саматы⁴, геты и бастарны, неизмеримая земля даков и храбрые аланы, тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла⁵ и далес, живущие до устья самого озера. Выше их живет племя богатых конями агавов⁶, а там—меланхлены, гиппемолги [доители кобылиц]⁷, невры, гиппоподы [коненогие]⁸, гелоны и агафирсы. Здесь вливаются в Эвксин широко разлившиеся воды реки Борисфена перед Бараньим Лбом, прямо против Кианеев. Там же воды Алдеска⁹ и Пантикапа

¹ [Сравнение Черного моря с изогнутым скифским луком отмечается впервые у Гекатея, fr. 163. См. об этом почти в тех же словах, что и у Дионисия, Strabo, II, 5, 22].

² [Ложное представление о том, что Черное море питается за счет Меотиды, разделяет также Полибий (IV, 39, 2 и прим.).]

³ [Дионисий переносит название малоазийского горного хребта Тавра на Крымские горы (современная Яйла) и населяет подножие их киммерийцами (о которых см. Нег., I, 103 и прим.)—и то и другое, несомненно, лишь на основании топонимических данных].

⁴ [Т. е. сарматы, ср. язаматы (по Эфору—савроматы) у Ps. Scyl., 879].

⁵ [Помещая тавров на Ахилловом Беге, Дионисий совершает ту же ошибку, что и составитель страбоновской хрестоматии (из VII книги)].

⁶ [Агавы (ἀγῶσι) в качестве эпитета, характеризующего гиппемолгов («дивных доителей кобылиц»), встречается у Гомера (II, XIII, 5), откуда их, несомненно, и берет Дионисий, обращая эпитет в племенное наименование].

⁷ [О гиппемолгах см. «II», XIII, 5 и Strabo, VII, 3, 3 сл., где доказывается, что под этим именем скрываются скифы].

⁸ [Гиппоподов называют в Сарматии или вообще на севере Европы также и некоторые другие поздние авторы; Plin., NH. IV, 95 и Ptol., III, 5, 10; Томашек хотел видеть в них протофинское племя, названное так за употребление лыж. См. Kießling, RE, XVI, ст. 1913, s. v].

⁹ [Реку Алдеск, ближе неизвестную и упоминаемую лишь Дионисием, называет под именем Ардеск Гесиод (Theog., 345), схолий же к этому месту Гесиода локализует названную реку в Скифии].

шумят в двух местах в Рипейских горах¹. При устьях их, недалеко от ледовитого моря, водится янтарь, приятно блестящий, подобно свету народившейся луны; а вблизи у холодных агафиров² можно увидеть и блестящие алмазы. Столько народов живет к северу от Истра.

541 — 553. ОСТРОВА В ПОНТЕ ЭВКСИНСКОМ

По левой стороне Эвксина против Борисфена лежит в море знаменитый остров героев; его называют Белым, так как водящиеся здесь птицы³—белого цвета. Здесь, говорит предание, блуждают по пустынным долинам души Ахилла и других героев. Такая награда дана Зевсом героям за доблесть: ибо доблесть получила вечную славу. Если же пройти прямо через Киммерийский Боспор, встретится другой обширнейший остров⁴, который лежит внутри Меотийского озера на правой стороне, на нем—Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса, в которых живут выходцы из Ионийской земли.

652 — 710. НАРОДЫ ЗА ТАНАИСОМ И НА КАВКАЗЕ

Вблизи Меотийского озера живут сами меоты и савроматские племена⁵, славный род воинственного Ареса⁶; они произошли от той могучей любви амазонок, которой они соединились некогда с савроматскими людьми, блуждая вдаль от своей родины Термодонта; от них-то родились воинственные потомки, обитающие в необозримом лесу, среди которого катится Танаис, впадающий в угол Меотиды и отрезающий Европу от Азиатской земли, так что на запад лежит Европа, а на восток Азия. Истоки его журчат вдаль в Кавказских горах⁷, он же, широко разлившись повсюду, быстро несется по скифским равнинам; а когда он сильно взволнуется под дыханием Борея, увидишь на нем и лед, сплотившийся от мороза. Несчастны те, которые обитают в этой стране: вечно у них холодный снег и пронизывающий мороз; а когда настанет от ветров страшная стужа, своими глазами увидишь умирающих коней или мулов или пасущихся⁸ под открытым небом овец; даже сами люди, которые остались бы под теми ветрами, не уцелели бы невредимыми; но они, запрягши свои повозки, удаляются в другую страну, а свою землю оставляют на

¹ [Рипейские горы у поздних авторов прочно связываются с Уралом, вследствие чего связь их с названными выше реками, впадающими в Черное море, основана на недоразумении и является плодом мифико-географических измышлений Дионисия, как это показывают отчетливо дальнейшие строки].

² [Помещая агафиров где-то неопределенно на севере, Дионисий отступает от обычной локализации их в области современной Трансильвании].

³ [Греческий текст дает слово *κινώπετα*; у всех греческих писателей (Каллимах, Артемидор, Никандр) оно значит «змеи». Парафраза заменяет это слово словами *θηρία ἢ ὄρεα*—животные или птицы].

⁴ [Представление о современном Таманском полуострове как об острове в дельте реки Кубани, имевшей два устья, из которых одно впадало в Черное, а другое—в Азовское море, отмечается уже у P. s. S u m n., 890 сл. и подразумевается в описании Страбона (см. XI, 2, 9 сл. и прим. к этому месту)].

⁵ [Следовало бы думать, что Дионисий, говоря о племени савроматов во множественном числе, имеет в виду сарматские племена вообще, но, как явствует из дальнейшего, сообщаемые им об этих племенах данные относятся именно к легендам о савроматах. Ср. Нег., IV, 110 сл.].

⁶ [К «роду Ареса» Дионисий причисляет савроматов по женской линии, ибо потомством Ареса греки называли мифическое племя амазонок. См. D i o d., IV, 16].

⁷ [Опровержение взгляда, высказанного еще в ионийскую эпоху греческой географией и основанного в конечном счете на совмещении представлений о Танаисе и Фасисе как границе азиатского и европейского материков, содержится у Strabo, XI, 2, 2].

⁸ [Точнее: ночующих].

волю холодных ветров, которые, неистовствуя страшными порывами, потрясают землю и поросшие соснами горы. Столько-то народов живет по Танаису. С савроматами же, как соседи, живут синды, киммерийцы¹ и живущие вблизи Эвксина керкетии, тореты и сильные ахейцы, которых некогда дуновения Нота и Зефира унесли от Ксанфа и идейского Симоента², когда следовали они с войны за воинственным царем. За ним живут, владея соседней землей, гениохи и зигии, чада земли пеластийской; а по берегам самой дальней части Понта, за страной тиндаридов³ живут колхи, выходцы из Египта, в соседстве с Кавказом, который у Гирканского моря поднимается крутыми горами. Здесь Фасис, катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает в волны Эвксина свои быстрые пенистые воды, получив свое начало у Армянской горы⁴. К северо-востоку от него лежит перешеек между Каспийским и Эвксинским морями. На нем живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами, и большое племя камаритов⁵, которые некогда гостеприимно приняли Вакха после Индийской войны и вместе с ленами⁶ устроили священный хоровод, надев на груди повязки и небриды [накидки из шкур лани] и крича: «эвой, Вакх!»—Бог же возлюбил сердцем это племя и обычаи этой страны. За ними волнуется Каспийское море. Я легко мог бы описать тебе и это море, хотя и не видал его отдаленных путей и не переплывал их на корабле, ибо я не живу на черных кораблях и не занимаюсь переданной отцом торговлей...

718—732. ОПИСАНИЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Фигура всего великого Каспийского моря представляет собой закругляющуюся окружность; его, пожалуй, не переплывешь на корабле в три лунных круга⁷: столь велик этот трудный путь. Устремляясь снова на север, оно соединяется с течением океана⁸. Это море представляет много и другого чудесного для людей, а также производит кристалл и темную яшму, страшную для эмпус и других приведений. Я расскажу *теперь* все о том, какие племена живут вокруг него, начавши с северо-западной стороны. Первые—скифы, которые населяют побережье возле Кроний-

¹ [Локализация киммерийцев между синдами и керкетами—северокавказскими племенами, в противоречии с тем, что о них говорилось ранее (ст. 167 сл.), наводит на мысль, что в данном случае источником Дионисия послужил какой-то перипл, сохранивший отголоски значительно более древних данных об исторических киммерийцах в Северном Причерноморье, которые жили на Кавказе. Ср. сказанное о киммерийцах в прим. к Нот., Од., XI, 14].

² [Ксанф (Скамандр) и идейский (т. е. берущей начало у горы Иды) Симоент—реки в Троаде].

³ [Имеется в виду милетская колония Диоскуриада, на месте нынешнего Сухумп, названная по имени Диоскуров (Кастора и Полидевка), именуемых также Тиндаридами по их отцу Тиндарею (II, III, 236)].

⁴ [Об истоках Фасиса (Риона) в Армении можно заключить также из Strabo (XI, 14, 7), хотя в другом месте (XI, 3, 4) он правильно указывает ее верховья в горах Иберии (Грузии). Ошибка древних объясняется тем, что за истоки Фасиса принимались истоки притока Риона Квирилы, действительно вытекающей из Армении].

⁵ [Наименование образовано по своеобразным морским судам-камарам (ср. схолия Евстафия к этому месту), описанным у Страбона (XI, 2, 12), называемого владельцами этих судов ахеев, зигов и гениохов, которых и следует, очевидно, отождествлять с «камаритами» Дионисия].

⁶ [Т. е. вакханками, по имени которых названо одно из популярных аттических празднеств в честь Диониса—Леней].

⁷ [Т. е. в три месяца].

⁸ [Относительно представлений о соединении Каспийского моря с Северным океаном см. выше, ст. 49 сл.].

ского моря¹, по устью Каспийского моря; потом унны² а за ними каспийцы, за этими—воинственные албаны и кадусии, живущие в гористой стране; вблизи их—марды, гирканы и тапиры...

761 — 774. НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ

Столько народов живет вокруг каспийских волн. Теперь обрати внимание на понтийские народы, *живущие* скученно к западу от колхов и Фасиса, вдоль берега Эвксина до Фракийского устья, где Халкидская земля³. Сначала *живут* бизеры и вблизи их племена бехиров, макроны, филиры, и те, которые имеют деревянные моссины⁴. Вблизи их—богатые стадами тибарены; за этими *последними* населяют бесплодную и суровую землю халибы, искусные в обработке трудного железа; стоя при тяжкозвучных наковальнях, они никогда не прекращают труда и тяжелых забот. За ними расстилается простор Ассирийской земли, где воинственный Термодонт посылает амазонкам с Армянской горы свою белую воду⁵...

ЕВСТАФИЙ

«КОММЕНТАРИИ К «ЗЕМЛЕОПИСАНИЮ» ДИОНИСИЯ»

(ΠΑΡΕΚΒΟΛΑΙ ΕΙΣ ΤΗΝ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΠΕΡΙΓΗΓΗΣΙΝ)

Евстафий, знаменитый митрополит фессалоникский, жил во второй половине XII в. Комментарии к Дионисию изданы между 1170 и 1175 гг.

Текст: GGM, rec. C. Müllerus, III, стр. 201 сл.

Перевод И. П. Цветкова

14. [Сказано], что южная граница Азии и Европы—Геллеспонт, а самая южная—Нил. На севере же Европу от Азии отделяет Танаис, который, катясь через землю савроматов и скифов, впадает в Меотийское озеро. Нужно, однако, знать, что не все *земли*, лежащие к северу от Танаиса, причисляются к Европе, а только те, которые отделяются к западу от него; земли же, лежащие к востоку от Танаиса, причисляются к Азии. Поэтому-то сам Дионисий далее говорит, что Танаис отделяет на запад Европу, а на восток Азиатскую землю, но не говорит, что он отделяет Европу на север, а на юг—Азию; поэтому же он самих меотов и савроматов называет азиатами, так как Танаис отделяет их не на запад. Далее, как он здесь говорит, Танаис течет в Скифию, страну северную, а в другом месте говорит: «течет по скифским равнинам». Но скифы, по Дионисию,—азиаты⁶. Таким образом, не все вообще земли к северу от Танаиса—европейские, но только те, которые ограничиваются им на запад. Нужно заметить, что эта река, называемая по-эллински Τῆλαις вследствие того, что

¹ [Имея в виду так называемую Азиатскую Скифию, т. е. кочевнические племена в низовьях Волги, Дионисий упоминанием о Кронийском море (о значении этого названия см. выше, прим. к ст. 48) расширяет понятие Скифии до пределов Северного океана].

² [Это место является одним из древнейших упоминаний об этом прикаспийском племени, покорившем в IV в. алан и объединившем под своим именем различные кочевнические племена южнорусских степей].

³ [Фракийское устье—Босфор Фракийский (Константинопольский пролив), Халкидская земля—расположенный на севере Эгейского моря полуостров Халкидика, названный так по обилию на нем халкидских колоний].

⁴ [Т. е. моссины, о которых см. Пес., fr. 192—193; Xen., An., V, 4, 1 сл., P s.-S c u l., 86 и P s.-S c u m n., 900, а также прим.].

⁵ [Локализация Дионисием Термодонта на Кавказе перекликается с локализацией Гекатеом Милетским халибов на Термодонте (fr. 195). Ср. относительно этого, а также и об Армянской горе, E u s t. к D i o n., 694; 772].

⁶ [В действительности Дионисий нигде не называет скифов азиатами, напротив, он перечисляет, при описании северноевропейских стран, целый ряд скифских племен (ст. 308 сл.)].

она течет *ταταρεύουσα* [протяженно], у соседних с *ним* варваров, как некоторые говорят, носит название Силиса¹. Известно, что и другие реки, текущие в варварских землях, получают, однако, греческие названия. Таковы Нил, Термодонт, Аракс и многие другие; даже Эридан, по Геродоту², не варварское название, а эллинское, созданное, по его словам, каким-нибудь поэтом. Источники Танаиса, по словам других писателей, неизвестны, а Геродот³ говорит, что он вытекает из большого озера и впадает в еще большее озеро—Меотиду; он говорит также⁴, что Меотида немногим меньше Понта и называется еще матерью Понта. Нужно знать также и то, что Арриан⁵ упоминает и о другом Танаисе—скифском, через который с опасностью переправился Александр.

19. Дионисий три материка: Ливию, Европу и Азию, самые большие части земли, «отделяет» один от другого водами, т. е. отделяет и разграничивает, и границы их определяет по находящимся между ними водам, потому что это заметнее и яснее. Другие же, — с которыми он, повидимому, несогласен, потому что такое деление неопределенно и неясно, — эти три самых больших материка отделяют друг от друга другими, меньшими землями, называя границей Азии и Европы очень большой и широкий перешеек между Каспийским и Эвксинским морями, на каковом перешейке находится, кроме многих других мест, и пресловутый прометеев Кавказ и восточная страна иберов, лежащая между Колхидой и Албанией. Другой же большой перешеек, находящийся между Аравийским заливом и Египтом, они считают границей Ливии и Азии...

31. Аримаспы—скифский народ⁶; Дионисий называет их *ἀρσιμαυεῖς* или *ἀρσιμαύουι* («неистовствующие» от Ареса, «воинственные»), а Эсхил называет их⁷ «одноглазым войском», потому что они, будучи весьма искусными стрелками, для того, чтобы вернее прицелиться, закрывают один глаз. И, может быть, вследствие прилежного упражнения в этом с детства, как говорят и древние, у них один глаз сделался меньше другого. А сверх того, они, естественно, рождаются с этим недостатком от ранее получивших его же отцов, и вследствие постоянного повторения этот недостаток сделался отличительным признаком племени: не иначе, конечно, говорят, произвела природа столь чудовищное племя. И самое название «аримаспов» они получили, как думает и Геродот⁸, вследствие этого недостатка, как, можно сказать, одноглазые: ибо *ἄρσι* по-скифски значит один, а *μασπός*—глаз. Геродот также рассказывает⁹, что выше аримаспов у моря живут стерегущие золото грипы, говоря при этом¹⁰, что, как есть некие гипербореи [живущие на отдаленном севере], так есть и гипернотии [живущие на отдаленном юге], и что сказочный Абарис, который, как говорят, ничем не питался и стрелу обнес по всей земле, был гиперборей.

32. Океан, омывающий землю аримаспов, называется ледовитым, Кронийским и мертвым. Причиной этого названия, по словам Дионисия,

¹ [Источником этого сообщения является для Евстафия, вероятно, Плиний, у которого одного содержится подобное указание (NH, VI, 20; 49). К. K r e t s c h m e r (RE, V, 2, 68, s. v., 2) полагает, что это наименование в действительности должно быть отнесено к реке Яксарту (Сыр-Дарье), с которойистики Александра нередко смешивали Танаис].

² III, 115.

³ IV, 57.

⁴ IV, 86.

⁵ Anab. Al., II, 30, 7, 8.

⁶ [По Геродоту это племя не является скифским].

⁷ Aesch., Prom. vinct., 802.

⁸ IV, 27. У Геродота скифские слова приведены в иной форме: *ἀρσι* и *απὸ*.

⁹ IV, 13. Текст Геродота цитирован Евстафием не вполне точно. Ср. также Негр., III, 116.

¹⁰ IV, 36.

служит слабое освещение солнца, которое не может уменьшить влаги, заставив ее растаять и, обратившись в пары, подняться вверх; «солнце,—говорит он,—хуже светит над этим морем и всегда закрыто мрачными тучами» вследствие сгущения облаков: итак, это место—действительно холодное и поэтому носит название, соответствующее его чрезмерному холоду. Кронийским же называется он вследствие того, что в этих местах, как говорят, господствует звезда Крон, которая, слывя у звездочетов за холодную, располагает к охлаждению, почему ей также приписывается холод. По мифическому преданию, сюда же был брошен половой член, отрезанный у Крона¹. А у поэта Аполлония² название «Кронийское море» встречается в применении к углу Ионийского залива³, получившему это название от одного острова, называющегося Кронией, подобно тому, как и Икарийское море, по некоторым, названо так от острова Икара. А что в этих приокеанских местностях—сильный холод, это доказывают и находящиеся выше аримаспов Рипейские горы, с которых дует холодный Борей и где никогда не сходит снег.

48. Птолемей⁴, описывая Каспийское море в виде болота, говорит, что его можно обойти сухим путем. С ним согласен и Геродот, говорящий⁵, что Каспийское море существует само по себе, не соединяясь с другим морем. Дионисию же кажется, что оно «разливается из Кронийского моря с севера», ибо далее он говорит: «суживаясь на севере, оно сливается с водами Океана». Таким образом, они не согласны *между собой*. Древние же, стараясь согласовать такое разногласие описателей, говорят, что, быть может, Кронийский океан, разливаясь по неизвестным местам, образует Гирканский залив. Таким образом, останется в силе и тот рассказ, по которому Каспийское море можно обойти кругом, и тот, по которому оно берет начало из Кронийского моря⁶.

76... Соседние с этрусками лигуры носят название от реки Лигура. Нужно знать, что есть, повидимому, и колхидские лигийцы, происшедшие от европейских; это показывает Ликофрон, называющий⁷ в земле колхов лигистийский город Китею.

142... Нужно знать, что есть и Киммерийский Боспор около Херсона⁸, и зываемый также Меотийским; в самом узком месте его—двадцать или немного более стадиев ширины⁹. Боспором называется он по той же причине [как и Фракийский], именно от коровы Ио, а Киммерийским—по соседнему одноименному народу, о котором есть много рассказов, как он некогда делал набеги в Азию вплоть до Вифинии...

146. Эвксин, неудобный для плавания и потому некогда называвшийся Негостеприимным (*Ἀξεινόν*) морем, позднейшие переименовали в Гостеприимное (*Εὐξεινόν*) в виде эвфемизма. А Негостеприимным он назывался (то же можно выразить *прилагательным* ἀπρόεινος, по Софоклу) или вследствие того, что не имеет островов с пристанями, или из-за живущих по берегам его скифов, необщительных варваров, которые даже убивали для жертв чужестранцев и ели их мясо, а из человеческих черепов делали чаши. Другие же говорят, что Геракл очистил здешние места

¹ [Ср. об этом прим. к Dion. Per., 32].

² Apoll. Rhod., IV, 327.

³ [Точнее Адриатического моря. См. об этом U. Wilamowitz-Möllerndorff, Die hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos, 1927, II, стр. 191].

⁴ Geogr., II, 2.

⁵ I., 203.

⁶ [Ср. прим. к Dion. Per., 48].

⁷ Lycophr., Alex. 1312.

⁸ [Дионисий называет так Херсонес Таврический (Крымский полуостров)].

⁹ [Ср. Strabo, XI, 2, 6].

и сделал море из Негостеприимного Гостеприимным. Иные этот подвиг приписывают ионянам, которые основали на побережье много городов.

147. Нужно знать, что Эвксинский Понт древним, вследствие незнакомства с ним, казался самым большим из морей, и отправлявшиеся туда считались едущими за край света, как и *ездившие* за *Геракловы Столпы*; тогда принимали *это море* как бы за другой океан, и путешествие туда считалось путешествием в океан. Поэтому, как было сказано, он преимущественно *перед другими морями* назывался специально «Понтом», как называет его и наш поэт в выражениях: «правая часть Понта» или «называют матерью Понта» или «неизмеримые воды Понта». Вследствие же его негостеприимства и опасностей плавания отправиться в Понт значило то же, что итти на великое несчастье, как говорят и древние; это мнение остается в силе и по настоящее время. Об этом свидетельствует и Географ¹, а также и Дейпносифист² говорит, что слова «из великого Понта» по значению равносильны выражению «из верной гибели». А Геродот³ говорит, что Эвксинский Понт представляет замечательное зрелище и более всех морей достоин удивления; он приводит при этом измерения его длины и ширины в стадиях.

148. «Пути Эвксинского Понта идут вкось, всегда смотря к северу и востоку, и с обеих сторон его выдаются две *κολῶναι*», т. е. высокие мысы: один южный—Карамбис, в земле пафлагонов, сохраняющий и до наших дней свое старинное название, а другой северный—Бараний лоб, уже упомянутый выше, где-то в Киммерийской земле. Эти два мыса, лежащие, таким образом, один против другого, высоко поднимаются и далеко вдаются в море и отстоят один от другого на три дня плавания грузового судна; однако и они оба сходятся друг против друга почти так же, как Блуждающие скалы⁴, так что вследствие этого Эвксин, илывущим с обеих сторон представляется как бы состоящим из двух морей, так как этими двумя мысами образуется преграда для зрения, как бы в виде стены, так что едущим и с востока на запад, и с запада на восток кажется, что море оканчивается этими мысами, так как взор их не простирается по ту сторону; но когда те и другие очутятся по середине между мысами, тогда для них становится видимой и остальная часть моря, как бы открывшееся другое море, которого раньше не было видно; ибо вследствие такой противоположности мысов Эвксин смотрящим издали кажется разделенным на два моря, суживаясь с обеих сторон в виде пролива, и, таким образом, оно представляется двойным морем, как говорит где-то и Софокл⁵. Итак это таково. Древние же писатели⁶ говорят об этом короче и резче следующим образом: «Геллеспонт изливается на севере в Пропонтиду, а эта—в Эвксин, который как бы состоит

¹ Strabo, I, 2, 10.

² Athen., Deipnosoph., p. 351 C.

³ IV, 85.

⁴ [Евстафий имеет в виду Планкты, или Киацы, при выходе из Эвксинского Понта, о которых см. выше Dion. Per., 144 сл. Сравнение мысов Карамбиса и Бараньего лба с Планктами, принадлежащее, может быть, не самому Евстафию, объясняется тем, что у многих древних авторов отчетлива тенденция изобразить Черное море как бы разделяющимся названными мысами на две части. Ср. P. s.-Scymn., 953, где говорится, что между обоими мысами не более одного дня пути, а также Strabo, VII, 4, 3. В действительности, такое разделение Черного моря двумя небольшими мысами, лежащими к тому же не строго друг против друга, было бы чрезвычайно неестественным. Нечего и говорить, что подобное впечатление не могло создаться у мореплавателей. Разделение Эвксинского Понта на две части или плод фантазии древнего географа, или результат схематических изображений древних картографов].

⁵ Soph. Ant., 957.

⁶ Strabo, II, 5. 22.

из двух морей, ибо посредине его выдвигаются два мыса, отстоящие один от другого приблизительно на две тысячи пятисот стадиев, суживают находящийся между ними пролив и образуют два больших моря».

157. Поэт сравнивает Эвксин, которого пути только что назвал кривыми, с натянутым скифским луком. Скифскими же луками называются состоящие из рогов. Подобие тетивы он придает правой, для въезжающих, стороне Понта, т. е. южной, «описанной прямо», т. е. тянущейся по прямой линии и миновавшей Карамбис, выступивший вне этой линии, но обращенный не к югу, а к северу; для того чтобы не стала кривой тетива лука, если бы причислить к ней и изгиб Карамбия. Северная же сторона Понта, для въезжающих из Пропонтиды левая, по его словам, имеет вид двух рогов лука, потому что она подобно рогам лука изгибается двойным извивом по обе стороны Бараньего лба.

163. К северу от Эвксина находится Меотийское озеро; скифы его окружают и им ограничиваются их земли. Геродот говорит: «за Танаисом уже не Скифия»¹. Но и меоты—также скифский народ, очень многочисленный и сильный, занимающийся земледелием и войной. Меотийское озеро называют матерью Понта², и от этого, по мнению некоторых, оно получило и свое название: *μαῖα* значит «кормилица». Поэтому и наш Периегет говорит: «огромная масса воды Понта выливается из него прямо через Киммерийский Боспор, у которого живут многочисленные киммерийцы у холодной подошвы Тавра»³. Некоторые говорят, что и по величине немногим уступает Понту эта мать его, т. е. Меотийское озеро. Нужно знать, что у древних встречается как форма *Μαῖωτις* через *ω* как бы от глагола *μαῖω*, *μαῖώω* [повиваю, повью], так и *Μαίητις* через *η* как бы от *μαῖα* [кормилица]. Тавром он здесь называет другую гору, не тот восточный Тавр, о котором будет сказано ниже, а северную часть того Тавра, у подошвы которой живет скифское племя киммерийцы⁴. Здесь же и Таврический полуостров, большой и, по некоторым известиям, похожий на Пелопоннес и по виду, и по величине, прилегающий с запада к устью Меотийского озера. Живущие здесь скифы называются тавроскифами⁵ от тамошней горы Тавра, которую знает и Геродот⁶, упоминающий о горах Таврических в Скифии. Относительно киммерийцев смотри наши заметки к «Одиссее»⁷. Выражение *ὅπδ' οὐχ ῥέ ποδὶ Ταύρου* несколько витиевато и загадочно вследствие двойного значения слов.

298. Недалеко от Рейна *ἐπιτέλλεται* Истр, т. е. появляется откуда-то снизу; его Дионисий называет даже священным и выражает уважение обычным повторением; по его выражению, «Истр изрыгает в Эвксин всю пену своих вод пятью излиями», т. е. устьями, «извиваясь вокруг Певки». Остров Певка имеет вид треугольника и лежит между устьями Истра. Однако Птолемей называет и Истр, подобно Нилу, семиустным⁸. Также и Географ⁹ говорит, что Истр—величайшая из европейских рек, отстоящая от Адриатического залива на тысячу стадиев, и что, получая начало в земле германцев, он течет к югу, затем поворачивает к востоку до самого

¹ IV, 21.

² [Ср. Dion. Per., 165, а также Eust. к Dion. Per., 14].

³ Dion. Per., 164 сл.

⁴ [Ср. сказанное на этот счет в прим. к Dion. Per., 168].

⁵ [О племенном наименовании тавроскифы, употреблявшемся греческими географами применительно к скифскому населению степного Крыма, см. прим. к Strabo, VII, 4, 2].

⁶ IV, 3.

⁷ XI, 14, p. 1670.

⁸ [О количестве устьй (протоков дельты) реки Дуная, известных в древности, см. прим. к Ps.-Scymn., 773 сл.].

⁹ Strabo, VII, 1, 1.

Понта. Самое большое устье его—так называемое священное, через которое Дарий некогда построил мост, как Ксеркс—через узкую часть Геллеспонта¹. Кроме Певки, Истр образует своими рукавами и другие островки.

302. К северу от Истра живут следующие племена: германцы, саматы, т. е. сарматы (*первая форма произошла вследствие выпадения неизменяемого р*), геты, бастарны, неизмеримая земля даков, аланы, тавры или росы², *живущие* около Ахиллова бега³, меланхлены, гиппемолги, о которых написано в *наших* заметках к «Илиаде»⁴ невры, гиппоподы или, по некоторым, хазары⁵, гелоны и агафирсы...

304. Дионисий, как сказано выше, знает гетов к северу от Истра, так же как и сарматов, которые являются племенем скифским. По мнению Геродота⁶, геты составляют часть фракийцев, по словам же Географа⁷, они живут по обе стороны *названной реки*, подобно мисам и фракийцам. Он говорит, что они женолюбивы и религиозны. У них был и Замолксис, который учился у Пифагора и у египтян, многое предсказывал и за это был назван богом и участвовал с царем в государственном управлении⁸...

305. Даков некоторые называли даями. Географ также говорит⁹, что даки некогда назывались даями. Геродот же говорит¹⁰, что даи—персидское кочующее племя, как и марды и некоторые другие. А автор книги «О народах»¹¹, говорит, что Дакия простирается *до местностей* близ реки Борисфена, о котором будет сказано ниже. Он говорит также, что у жителей Аттики имена рабов—большей частью Даи и Геты. Есть также известие, что даки живут южнее Истра: говорят, что Аврелиан, выведя римлян, поселенных в Дакии, из этой страны вследствие опасностей, *которые им грозили* на той стороне Истра, поселил их в середине Мезии, назвав *эту* страну Дакией. Алан—горный хребет в Сарматии, от которого, по видимому, получило название племя аланов, которых Дионисий называет сильными и многоконными¹².

306. Бег Ахиллов, на котором живет племя тавров, представляет собой узкую и длинную косу; по Географу¹³, это низкий полуостров вроде ленты (или перевязи), длиной почти в тысячу стадиев к востоку песчаный, в два стадия наибольшей ширины. Этот бег пробежал эллинский герой Ахилл, преследуя агамемнонову дочь Ифигению, похищенную из Авлиды в Скифию, когда Артемида подменила ее ланью для жертвы. Ахилл, пробыв здесь долгое время, как думает и Ликофрон¹⁴, дал этому месту

¹ [Ср. об этом Нег., IV, 118; 136 сл.].

² [О скифском племени рос или русь (Ρῶς),¹ которого не упоминает Дионисий и которое Евстафий отождествляет с таврами, см. схолии к Aristot., de caelo, II и прим.].

³ [О перенесении наименования Ахиллов Бег на Крымский полуостров см. прим. к Dion. Per., 306].

⁴ XIII, 5.

⁵ [О хазарах, тюркском племени, появившемся в северокавказских стенах в первые века н. э., Дионисий не упоминает].

⁶ IV, 93.

⁷ Strabo, VII, 3, 8 сл.

⁸ [О Замолксисе, или Залмэксисе,—гетском пророке и божестве, см. Нег., IV, 94 сл. а также Strabo, XVI, 2, 39].

⁹ Strabo, VII, 3, 12.

¹⁰ I, 125.

¹¹ Steph. Byz., s. v. Δακίη.

¹² [О горе Алан в Европейской Сарматии, отождествляющейся, вероятнее всего, с возвышенностью в районе среднего течения реки Донца, см. Ptol., Geogr., III, 5, 3].

¹³ Strabo, VII, 3, 19.

¹⁴ Lycophr., Alex., 193.

свое имя. По наиболее распространенному преданию, Ифигения была ранее помолвлена за Ахилла; иные же говорят, что это другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался *здесь* во время ее преследования, от чего *это* место и названо Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слово Алкея: «Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей»¹. По имени Ахилла и Белый остров, о котором будет сказано ниже, назывался Ахилловым островом в Эвксинском Понте, где, как говорят скифы, душа ахиллова увеселяется воспоминанием своих подвигов². Племя же тавров получило название, говорят, от животного—вола, так как там Озирис, запрягши вола, пахал землю³.

У них *есть* большой и замечательный остров Таврический, или Меотийский⁴, к которому прилегает и Фанагория и Гермонасса, как сказано будет ниже. И Артемида называется «Таврополой», как кажется, от этих тавров, к которым она благоволила за то, что они убивали для нее чужестранцев⁵. Упоминаемые же у Географа⁶ норики-тавриски—другое, отличное от этих тавров племя.

309. Меланхлены называются *так* вследствие обычного у них черного и темного *цвета* одежды, как думает и Геродот⁷, который говорит еще, что они едят людей и что к северу от меланхленов находятся озера и ненаселенная земля⁸.

310. Невры, говорят, оставили некогда свою страну из-за змей и считались колдунами. По словам *Геродота*⁹, каждый из неводов раз в год превращается на несколько дней в волка и потом опять становится человеком. Заметь, что *νεῦρος*, молодой олень, пишется через *β*, а название народа *Νεῦροι* или *Νεοῦροι* через дифтонг *εο*. Гелон и Агафирс были сыновья Геракла; от них произошли племена—гелоны и агафирсы, живущие к северу от Истра¹⁰. «У холодных агафирсов,—как Дионисий говорит, водится блестящий алмаз». Гелоны же, по словам других, обрабатывают землю, питаются хлебом и имеют сады. Автор же сочинения *Ἐθικά* говорит следующее¹¹: «Гелоны—сарматское государство от Гелона, брата Агафирса и сына Геракла. У них есть, по Геродоту¹², большой деревянный город, лежащий в стране многочисленного племени будинов. У них, говорят, водится чудесное животное, величиной почти с быка, по форме головы похожее на оленя, называемое тарандом, с трудом ловимое вследствие *его* превращений: он меняет цвет шерсти соответственно месту, в котором находится, и принимает иной вид, подобно хамелеону и полипу». Относительно агафирсов он же говорит¹³, что они так называются или от гераклова сына Агафирса, или от тирсов Диониса:

¹ [Alc., fr. 48b].

² [О культе Ахилла в Северном Причерноморье и в особенности на острове Белом см. И. И. Голстой, Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте, П., 1918].

³ [О следах египетских культов и, в частности, культа Озириса в Северном Причерноморье в эллинистическо-римскую эпоху см. W. Drexler, *Mythologische Beiträge*, I, 1901 (*Der Kultus der ägyptischen Gottheiten in Donauländer*), стр. 83 сл.].

⁴ [Трудно сказать, что именно составляет предмет заблуждения Евстафия; возможно, что он называет Таврическим, или Меотийским, островом современный Таманский полуостров].

⁵ [О культе Артемиды Таврополы в Крыму см. Е и г., *Iph. Taur.*, 36 сл. и прим.],

⁶ Strabo, IV, 6, 9.

⁷ IV, 107.

⁸ IV, 20. О людоедстве меланхленов Геродот не упоминает.

⁹ IV, 105.

¹⁰ Her., IV, 10.

¹¹ Steph. Byz., s. v. Γελωνοί

¹² IV, 108.

¹³ Steph. Byz., s. v. Ἀγάρσοι.

тирсы—это палки, которые носят во время празднеств в честь Диониса. Геродот же называет¹ сыновьями Геракла не только Гелона и Агафирса, но и Скифа, самого младшего и самого славного; Геракл произвел их, придя в скифскую землю в то время, когда гнал быков Гериона и, соединившись, по его словам, с полудевией Ехидной, имевшей верхнюю часть тела от ягодиц женскую, а нижнюю змеиную. Он же говорит², что агафирсы—самые изнеженные люди, носят золотые украшения и сообща пользуются женщинами. Гелоны же, по его словам³, искони эллины и занимаются земледелием.

311. Славная река Борисфен впадает в Эвксин у тамошнего Бараньего лба, о котором было уже сказано, прямо, как бы по линии, против Кианейских скал. Там в Рипейских горах Скифии журчат, говорит он, и реки Алдеск и Пантикап, у устьев которых «в начале месяца растет приятно-блестящий янтарь, как бы некое сияние». Заметь, как на этот янтарь оказывает влияние луна и что здесь должно разуместь под янтарем некий камень, а не «слезу», по распространенному сказанию, горных топселей, как сказано выше⁴. Что в Рипейских горах никогда не сходит снег—об этом написано раньше. За этими горами, как говорят, так называемые гипербореи спускаются до моря. От реки Пантикапа имеет название находящийся там большой город Пантикапей, основанный сыном Ээта, кругом заселенный холм в двадцать стадиев, главный город местных боспорцев⁵. Геродот же об этих реках говорит⁶, что Борисфен—самая большая и самая полезная из скифских рек, с весьма приятной для питья водою, с прекрасным течением, рядом с *другими*, мутными. У его устья осаждается самородная соль, и в нем ловятся для соления большие бескостные рыбы, называемые осетрами. Пантикап же, текущий с севера, под конец сливается с Борисфеном. На пространстве между этими реками живут скифы-земледельцы. От Истра до Борисфена, по его словам, десять дней пути⁷; столько же и от Борисфена до Меотийского озера.

541. Против северной реки Борисфена, впадающей в левую часть Эвксинского Понта, лежит в море славный остров героев, посвященный Ахиллу; против него лежит и вышеупомянутый Ахиллов Бег, названный по его же имени. Этот остров, по словам *Дионисия*, называется Белым, потому что водящиеся на нем *κνίωπτα* или пернатые животные, т. е. птицы,—белого цвета, может быть, чайки, а согласно некоторым—айсты. *Κνίωπτα*—те *животные*, движение которых *состоит* в летании; слово это необычное. «Там,—говорит он,—по преданию движутся по пустынным долинам души Ахилла и *других* героев», так что этот Белый остров называется островом героев, подобно тому, как воспеваемые *поэтами острова* на западном океане *называются* островами блаженных. «И такова,—говорит он,—награда славным мужам за доблесть», т. е. такую почесть получили герои за свою доблесть,—бесечно веселиться на упомянутом острове.

549. Внутри Меотийского озера «утвержден обширный остров», называемый Таврикой, на котором лежат города Фенагора и Гермонасса⁸.

¹ IV, 10.

² IV, 104.

³ IV, 108; 109.

⁴ Dion. Per., 293.

⁵ Описание Пантикапея заимствовано у Strabo, VII, 4, 4.

⁶ IV, 53.

⁷ Her., IV, 101.

⁸ [Как и в схолии к Dion. Per., 306, Евстафий путает Таврику, или Херсонес-Таврический, с Таманским полуостровом (в древности считавшимся островом), на котором были расположены Фанагория и Гермонасса. Ср. прим. к Eust. ad Dion. Per., 306].

колонизованные ионянами под предводительством некоего Фенагора и Гермона, по имени которых и названы *эти* места. Арриан же говорит так: «Фенагория, которую основал Фенагор Теосский, бежавший от насилья персов. Затем Гермонасса, названная по имени Гермонассы, жены некоего митиленца Семандра; он отвел в колонию некоторых эолян, но умер при основании города, и после его смерти жена его овладела правлением в городе и дала ему свое имя»¹. Устье Меотиды называется Киммерийским Боспором, о котором было написано выше; здесь самое узкое место пролива, шириной в 20 стадиев. Живущие вокруг Меотиды воинственны, преданы земледелию и после скифского племени первые по силе; от них-то, как некоторые говорят, дано и название Меотиде². Говорят также, что и все следующие за ними скифы прежде когда-то питались хлебом и занимались земледелием, но потом, переменив образ жизни, сделались кочевниками, стали жить особняком и без городов; о причине этого будет сказано после.

652. Около вышеописанной Меотиды живут сами меоты, получившие, стало быть, имя от Меотиды или, пожалуй, от которых Меотийское озеро получило свое название. Возле него же живут и савроматы, населяющие громадный лес, посреди которого катится Танаис, впадающий в средину Меотиды; он отрезает Европу от Азии, к западу—Европу, а к востоку—Азию. Но об этом сказано, сколько следовало, в предыдущем.

653. Дионисий называет савроматов (скифское племя) славным родом воинственного Ареса или потому, что они воинственны, или потому, что ведут свой род от амазонок, а эти последние—от Ареса. Именно, он говорит, что они воинственны, или потому, что ведут свой род от амазонок, произошли от любви могучих амазонок, которой они некогда соединились с савроматами, зашедшими из отечества от Термодонта в Скифию³. Таким образом, от них родились и мужественные дети. Заблудились же амазонки, говорят, или тогда, когда они, пройдя северные страны и переправившись через Истр, предприняли поход против Эллады (от них, как ведущих род от Ареса, назван и в Афинах Аресов холм, так как они дошли даже сюда)⁴ или когда Геракл прогнал их из Азии, предприняв поход из-за пояса Ипполиты⁵. Геродот⁶ же о них говорит следующее: «Эллины, победив амазонок при Термодонте и захватив в плен, сколько могли, отплыли обратно по Эвкису; но они, напав в море на мужчин, изрубили их. Затем, носимые по воле волн и ветров, они были занесены в Меотиду и, высадившись на берег, стали опустошать Скифскую землю; сначала скифы принимали их за мужчин, но потом, когда узнали, наконец, их пол, подчинили мирным путем; соединившись браком с туземными юношами, они перешли за Танаис и, пройдя на восток три дня пути, остановились в нынешней стране савроматов». Слово Ἀραξονίδες не есть уменьшительное, так как уменьшительным именем он унизил бы храбрых воительниц, а употреблено по фигуре παρασχηματίζω...

663. Источники вышеупомянутого Танаиса «журчат в Кавказских горах, а сам он широко изливается там и сям по скифским равнинам». Под Кавказом теперь нужно разумеать, говорят, самую северную часть

¹ [A r r. Bith., fr. 60].

² [Дионисий имеет в виду племя меотов, (ср. схолия к Dion. Per., 652), имя которых он распространяет и на другие соседние племена].

³ [Ср. сказанное об этих легендах в прим. к Dion. Per., 653 сл.].

⁴ [О походе амазонок против Эллады и, в частности, против Атики см. Isocr., Paneg., 67; относительно Ареопага, который по преданию был стратегическим пунктом атак амазонок, направленных против Афин, см. Aesch., Eum., 680].

⁵ [О походе Геракла в Азию против царицы амазонок Ипполиты см. Apollod., II, 5, 9].

⁶ IV, 110.

вышеназванного Тавра, доходящую до Кронийского моря; часть его составляют и вышеописанные Рипейские горы¹. А такой Кавказ, к которому приурочивается *мифическое* распятие Прометея, по словам древних, не существует на географической карте. Географ же говорит, что он простирается *до земли тибаренов*². Заметь, что по словам Дионисия, Танаис вытекает из этого Кавказа, а Географ³ говорит, что и истоки Танаиса неизвестны, подобно истокам Нила, прибавляя еще, что на Танаисе стоит город, одноименный с рекой. Другие же говорят, что он из какого-то озера, как бы *от истока*, течет в Меотийское озеро и впадает в него двумя рукавами.

666. В местностях у Танаиса и тамошнего северного Кавказа, когда неистовствует Борей, можно видеть образовавшийся от мороза лед. Затем Дионисий с искренним убеждением, как бы сожалея о жителях этих местностей из-за страшного холода и с преувеличением описывая зиму, говорит: «несчастливы те люди, вечно у них холодный снег и холодом веющий лед; когда же настанет от ветров еще большая стужа, тогда можно увидеть своими глазами замерзающих лошадей и мулов, и пасущихся в поле овец»; *последнее* преувеличено, так как, по Гесиоду⁴, на овец не действует холод даже в ленеоне⁵ вследствие густоты *их* шерсти. «И даже сами люди,—говорит он,—живущие там, не остаются невредимыми от холода, но, снарядив телеги (живут там в телегах), перекочевывают в другую страну, оставляя *свою* землю на произвол неистовствующих ветров». Это⁶ обратилось даже в пословицу относительно *местности, прежде* населенной, *а потом* опустевшей: *говорят*, что «такой-то пустынный город ветры продувают». Заметь также, что древние в шутку называют снег шерстевидной водой, по образцу мудрого царя Давида, сказавшего: «когда дает он снег, как шерсть»⁶. Обрати внимание, что *σχήλιος* сказано здесь, очевидно, не в смысле порицания, но для *выражения* сожаления.

669. Всеми признано, что страна этих бродячих кочевников очень холодна, почему в ней нет даже ослов, так как это животное не выносит холода. По рассказам, там зимой трескаются даже медные сосуды и по некоторым проливам ездят на телегах⁷; но летом, по некоторым известиям, здесь бывают сильные жары. Однако Дионисий, повидимому, не так думает, но что в этой стране непрерывные холода; это видно из слов: «вечно у них холодный снег и веющий холодом лед». Подобно этому и Геродот⁸, назвав Скифию холодной страной, прибавляет, что «восемь месяцев там бывают невыносимые морозы; тогда, если нальешь воды, не сделаешь грязи, но, разведя огонь, сделаешь грязь. Море и Киммерийский Боспор замерзают. В течение же остальных четырех месяцев там бывают холода». Может быть, внутренняя Скифия, лежащая к северу, подходит к описанию Геродота, а остальная имеет, вероятно, и жаркие дни. Такова вся земля скифов, о которых Арриан рассказывает, что они прежде питались хлебом и занимались земледелием, жили в домах и имели города, но после нанесенного им фракийцами поражения изменили прежний образ жизни и поклонились великой клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов, не приобретать драго-

¹ [Не трудно убедиться, что Евстафий отождествляет в данном случае, в порядке развития идей мифической географии, представления о Таврических, Кавказских и Рипейских (Уральских) горах].

² В сохранившемся тексте Страбона нет такого указания.

³ Strabo, XI, 2, 2.

⁴ Hes., Lab. diesq., 516.

⁵ Зимний месяц, приблизительно соответствующий январю.

⁶ Psal., 147, 16.

⁷ Cp. Strabo, VII, 3, 18.

⁸ IV, 28.

ценного имущества, но сделать своими жилищами телеги, пищей—звериное мясо, питьем и вместе с тем пищей—молоко, а скота держать не более, чем сколько можно переводить при переселении из одной страны в другую; и вот с этого-то времени они из земледельцев сделались кочевниками¹. Из замечательных людей Скифская земля произвела Анахарсиса, о котором упоминает и Геродот², говоря, что у Эвксина живут очень необразованные племена и что ни из одного из племен, живущих за Понтом, не упоминается замечательный человек, кроме скифского народа, из которого происходил Анахарсис. Говорят, что эти скифы-кочевники некогда, спускаясь на юг по Европе, проникли до самого Херсонеса Фракийского, когда Дарий раздражил их своим походом в Скифию³.

680. Савроматов «ἐπέχουσι» синды, по некоторым называемые также зикхами. Дионисий говорит ἐπέλουσιν вместо διαδέχονται (принимают) или μάτ' αὐτοῦ τῇ γῇ ἐχουσι (после них землю имеют)... Также за савроматами следуют и киммерийцы, о которых подробнее рассказано в «Одиссее»⁴, и ореты—без буквы σ, так как оресты с σ—народ в Европе, молосский, названный по имени агамемнонова сына Ореста⁵. Там же, по словам Дионисия, живут и керкетии, страна которых называется Керкетом и лежит у вышеупомянутого Кавказа; там же и сильные ахейцы, которых, говорит он, южный и юго-западный ветер, отделив (νοσφισίνευσαι), т. е. отдельно от других (ύσφι καὶ ὑφρίς), далеко занеся и отрезав, пригнали туда; они тогда следовали за царем Аретиадом, т. е. Пелопсовым сыном Агамемноном, которого он называет Аретиадом, т. е. ведущим род от Ареса, по дочери Ареса Гипподамии, которую Пелопс, предок Агамемнона, взял в замужество. Другие же говорят, что эти ахейцы следовали за царем Аретиадом, т. е. воинственным Ахиллом, разбойничая под его предводительством, а еще вероятнее, говорят, они последовали за Иалменом, сыном Ареса, царем аспледонцев; были же они орхоменяне. Географ же говорит⁶, что после похода Язона в Колхиду фтиоты-ахейцы заселили азиатскую Фтию, а страну Гениохию заняли лаконцы, которыми предводительствовали Рекас и Амфистрат, возницы Диоскуров; от них-то и получил название живущий там народ гениохи и страна Гениохия. Иные же под царем Аретиадом подразумевали Помпея, который в союзе со скифами, с которыми были заодно и эти ахейцы, вел междоусобную войну с Цезарем⁷.

687. За ахейцами следуют вышесказанные гениохи и зигии, племя очень дикое, по преданию происходящее от пеласгов. Харакс⁸ рассказывает, что аргонавты вошли в Эвксин не на одном корабле, как говорит общераспространенное предание об Арго, а на многих судах, и что некоторые из них сбились с пути; на одном из этих кораблей были возницы Тиндаридов, т. е. Диоскуров, от которых и получили названия племена гениохи и тиндариды, да и самая страна Диоскурида, находящаяся в углу Эвксина, т. е. в самом конце пути у колхидского Трапезунта. Отсюда и пословица: «на Фасис, где судам последний бег»⁹, т. е. в самую Колхид-

¹ [A g r., Bith. fr., 32].

² IV, 46.

³ [Cp. H e r., VI, 40].

⁴ XI, 14.

⁵ [В тексте Дионисия (ст. 682) речь идет не об оретах, но о кавказских торетах, о которых см. прим. к тексту].

⁶ S t r a b o, XI, 2, 12.

⁷ [Евстафий имеет в виду, вероятно, союз Помпея с сыном и наследником царя Митридата Эвпатора Фарнаком, заключенный Помпеем еще в эпоху войны с Митридатом. Cp. P l u t., Pomp., 41].

⁸ [Char., Hell., fr. 15].

⁹ S t r a b o, XI, 2. 15.

скую землю (часть употреблена вместо целого), где крайний предел для плывущих туда; впрочем, говорят, еще много стадиев и продолжительно плавание от Фасиса до крайнего угла Эвксина и до Диоскуриды, с которой в соседстве Трапезунт¹, построенный синопами, большой торговый порт, вокруг которого *лежит* Трапезунтская земля. Также и земля тинпаридов находится у самого внутреннего угла Понта, т. е. Эвксина. О них дообоше и о причине их названия тиндаридами сказано выше.

689. Наш поэт, согласно с Геродотом², полагает, что колхи—пришельцы из Египта, т. е. колонисты или переселенцы. Подтверждением этого мнения *служит то*, что они кудреголовы, т. е. курчавы, подобно египтянам, и чернокожи, кроме того и их египетские обычаи, в том числе обрезание и ношение льняных одежд; самый образ жизни и язык, говорят, у колхов и у египтян совершенно сходны. По словам Географа³, «колхи живут за гениохами у гор Кавказских и Мосхийских». Колхами они называются по имени Колха, сына Фасиса. Выше их, говорят, живут тоаны⁴, по нечистоплотности несколько не стоящие выше своих соседей фтирофагов, но богатые золотом, так как у них потоки сносят золото, которое туземцы собирают на овечьи шкуры, что и послужило основанием мифа о золотом руне, из-за которого состоялся и поход аргонавтов⁵. Харакс⁶, однако, говорит, что золотое руно есть не что иное, как способ добывания золота, записанный на кожах; ради этого-то достойного внимания способа, по его словам, и был предпринят поход на *корабле* Арго. Таковы *существующие* об этом *рассказы*. Дионисий, описывая страну колхов, говорит, что они живут у вышеупомянутого внутреннего угла Эвксинского Понта за выше сказанными тиндаридами, близ вышеупомянутого же Кавказа, который около Гирканского залива возвышается крутыми горами; здесь, говорит он, и Фасис, «катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает пену своих быстрых волн в воды Эвксина». Ибо в Эвксинский же Понт впадает и река Фасис; первый слог ее названия протягивается, а называется она так от Фасиса, сыном которого, по преданию, был Колх. Она вливается в Колхиду бурно и стремительно; по словам Географа⁷, на ней сто мостов вследствие ее извилистого течения. В нее впадают реки Главк и Гипп; на ней стоит также одноименный город. *Лежащие* по ней местности у Диодора⁸ и у других называются Фасианой. Оттуда, кажется, получили название и птицы фазаны, потому что водились там в изобилии. Кавказ туземцами называется также Каспием, по словам Географа⁹, который говорит также, что приморская часть его называется Керавнскими горами, стало быть, одинаково с Иллирийскими¹⁰, и что этот Кавказ возвышается над Каспийским морем, как бы перегораживая стеной перешеек и отделяя к югу албанов и иберов, а к северу—сарматов¹¹.

¹ [Евстафий совершает две ошибки сразу: во-первых, Диоскуриада (у Евстафия Диоскурида; близ нынешнего Сухуми) лежит западнее Фасиса (Поти), во-вторых, она лежит севернее Фасиса, т. е. отстоит от Трапезунта дальше, чем Фасис, действительно являющийся в некоторой степени соседом Трапезунта].

² II, 104.

³ Strabo, XI, 2, 1.

⁴ [О тоанах (соанах), не упоминаемых Дионисием и отождествляемых с позднеjšíми кавказскими сванами, см. Strabo, XI, 2, 14; 19].

⁵ [Ср. Strabo, XI, 2, 19].

⁶ [Char., Hell., fr. 14].

⁷ Strabo, XI, 3, 4, говорит о 120 мостах.

⁸ Diod., XIV, 29.

⁹ Strabo, XI, 2, 15; 4, 1.

¹⁰ [Керавнскими горами в Иллирии называется горный хребет (современные горы Кимара), тянувшийся вдоль побережья Эпира].

¹¹ См. Strabo, XI, 2, 15.

692. Киркейская равнина называется так по имени Кирки, сестры колхидского царя Ээта, собиравшей там травы. Об этой равнине говорит и Географ, именно, что где-то у земли Албанской есть святилище Кирки, в котором показывается чаша Одиссея, и изобилующая кореньями Киркейская гора, образующая *собой как бы* остров среди моря и болот¹. Нужно знать, что, по словам Ликофрона², есть какая-то Киркейская гора и у пределов Рима.

694. Армянская гора, откуда берет начало река Фасис, по мнению автора сочинения «О народах»³, находится там, где начинается Гиркания, а другие принимают Армянскую гору за отрог Тавра, простирающийся до самой Армении, которая получила это название или от сказанной Армянской горы, или от какого-то родосца Армена⁴. По другим, *опять*, эта страна названа Арменией по имени героя Армена, происходившего из фессалийского города Армения и сопутствовавшего Язону в его походе туда [т. е. в Армению]: у древних есть много свидетельств, что Язон во время своего похода за золотым руном побывал и в этих местах. Название Армянской горы употребляется и во множественном числе—*τὰ Ἀρμενία*. Нужно знать, что Геродот⁵ называет армян фригийскими выселенцами, говоря также, что они богаты овцами. И Эвдокс в «Объезде земли» говорит⁶: «Армяне ведут род из Фригии, и в языке их есть много фригийского. У них добывается камень, которым вырезают и просверливают печати»...

695. К северо-востоку от Армянской горы находится перешеек, что между Каспийским и Эвксинским морями; на нем живут восточные иберы, естественные враги гирканов, переселившиеся от западных иберов⁷, живущих у Пирены, которая, как мы знаем, называется также Пиренейской горой⁸. Далее Дионисий опять повторяет упоминание об этом перешейке вследствие его величины и достопримечательности. Это *тот самый перешеек*, который некоторые, как раньше написано, признали границей Азии и Европы⁹. А иберы эти, по словам Географа¹⁰, снаряжаются по-армянски и по-мидийски; горцы между ними, по его же словам, отличаются особенной воинственностью.

700. На сказанном перешейке живет и большое племя камаритов, которые носят это название от употребляемых ими круглых разбойничьих судов, которые у эллинов назывались «камарами». Это были небольшие узкие и легкие ладьи, вмещавшие до 25 и редко до 30 человек. Эти камариты, по словам Дионисия, гостеприимно приняли Вакха *при возвращении его* с индийской войны и участвовали в плясках вместе с ленами, т. е. вакханками, накинув на грудь их одеяния, т. е. пояса и оленьи шкуры, и восклицая «эвое, Вакх»...

718. Дионисий называет фигуру Каспийского моря круглой или колесообразной, со всех сторон извивающейся, т. е. в виде круга, и *говорит*, что *оно* соединяется с Океаном. Вот его слова: «острым углом выдаваясь

¹ По словам Страбона (V, 3, 6), эта гора находится в Лации, в 290 стадиях от города Антия.

² Liscophr., Alex., 1273.

³ Steph. Byz., s. v. Ἀρμενία со ссылкой на это самое место Дионисия.

⁴ [Об истоках реки Фасиса см. прим. к Dion. Per., 695].

⁵ V, 49; VII, 73.

⁶ См. Steph. Byz., s. v. Ἀρμενία.

⁷ [Ср. сказанное в прим. к Dion. Per., 696].

⁸ [Наименование это, позднее распространившееся на весь полуостров, известно было уже Геродоту, как пункт, у которого лежат истоки реки Истра (II, 33)].

⁹ [Ср. прим. к Dion. Per., 694].

¹⁰ Strabo, XI, 3, 3.

к северу, оно соединяется с Океаном». Так думает Дионисий, который, как кажется, обозначает и устье, через которое Океан изливается в это море,—как *это* видно и в начале книги. Однако Птолемей не знает такого устья этого моря, говоря, что его можно обойти кругом по сухому пути¹, и не называет его круглым, но представляет его подобным праще, *т. е. такой фигуре*, в виде какой Дионисий представляет землю. При таком разногласии ученых мнения их относительно фигуры этого моря, может быть, остались у них неодинаковыми, а разногласие, впрочем, как сказано в начале, прекрасно сопоставлено и согласовано древними: ведь если океан выделяет из себя Каспийское море посредством неизвестных протоков, то могут остаться в силе мнения и Птолемея, и Дионисия, как изложено в предыдущем: поскольку вода Каспийского моря *берется* из Океана, прав Дионисий, сказавший, что «Океан изливается туда»; а если протоки неизвестны, и устье не видно, то прав и Птолемей.

721. Каспийское море Дионисий называет трудным для плавания и, сверх того, великим морем. Почему же великим? Потому что, говорит он, его, пожалуй, *не обойдешь* в третий оборот луны, *т. е.* в три месяца, конечно, при круговом объезде. Иначе оно не затруднительно для переправы, так как в длину он простирается на 15 дней плавания на веслах, а в ширину на восемь дней, да и то в самом широком месте, по показанию Геродота². Отсюда следует заключить, что Каспийское море не вполне круговидно, как, повидимому, представляет его Периегет, но продолговато, как говорит и Птолемей.

723. Много и других чудес представляет людям Каспийское море; и производит камни-кристаллы и яшму *ἡρέρεσσα*, *т. е.* похожую по цвету на туман, темную,—страшную для эмпус и других привидений. Камень этот, повидимому, считается защищающим от бед и отвращающим видения, к числу которых относится и Эмпуса, одно из *низишх* божеств из свиты Гекаты.

728. Скифы живут близ Кронийского моря. Об их образе жизни уже сказано выше. Скифами же называются они, говорят, или от кож (*σκύτη*), в которые они одеваются, или от *σκύζεσθαι*, *т. е.* сердиться, так как они раздражительны, или же от имени Скифа, сына Геракла, как уже сказано в другом месте.

730. Унны, или тунны с буквой *θ*,—каспийский народ из племени скифов³. Нужно следовать тем, которые пишут «унны» без *θ*... Как сказанные унны—скифское племя, так и живущие за ними каспии, народ весьма замечательный; от них и море называется Каспийским, как от гирканов—Гирканским; в их земле, по рассказам, из листьев сочится мед, виноградные лозы дают богатый урожай, а смоковница до того, говорят, изобилует плодами, что некоторые деревья дают сбора до шестидесяти медимнов⁴. Там же живет пастушеский и не особенно воинственный народ албаны, между *землей* иберов и Каспийским морем; живут они, говорят, по-киклопски, *т. е.* счастливо и без трудов, так как земля у них во многих местах, будучи раз засеяна, впоследствии дважды и трижды приносит плоды без новых посевов. *Люди* они простые, законов не знают и считать

¹ Ptol., Geogr., VII, 5, 4.

² I, 203.

³ [Скифами гунны по своей этнической принадлежности могут быть названы лишь в самом широком смысле слова, как племя азиатского происхождения. Во времена выступления гуннов на историческую арену, *т. е.* в IV в. н. э., под этим именем фигурировали алано-сарматские, угрские и другие прототюркские и протославянские племена].

⁴ Diod., XVII, 75.

не умеют дальше сотни¹. Наречий у них, по словам Географа², двадцать шесть. Там же живут, по Дионисию, и кадусии в скалистой земле, очень ловкие ходоки по скалам, отличные стрелки из лука, по словам Географа³, и в скалистых местах пешие не уступят в сражении всадникам. В близком соседстве с ними живут марды, гирканы и апиры, которых Географ⁴ называет тапирами, начиная *их название с т* и которые, получив от жены двух или трех детей, затем отдают своих жен другим.

762. К западу от колхов и Фасиса у берега Эвксина скученно живут бизеры, от которых названа и Бизерская гавань⁵, и бехиры, понтийский народ скифского племени, кроме того макроны, мосиники, тибарены и халибы, о которых будет сказано ниже.

765. Макроны — народ понтийский, *живущий* южнее бехиров. Их мы ныне называем саннами или, вульгарнее, цанами... и страну саннов называют Цаникой употребляющие вульгарную форму *имени*.

Перифрастически или этимологически объясняя имя мосиников, Дионисий говорит, что они имеют *ῥίζωμα δορυχείου*, т. е. деревянные башни. Питаются они звериным мясом и орехами. Географ⁶ также говорит, что *их название* происходит от мосинов, т. е. башен. Ксенофонт же рассказывает⁷, что мосиники употребляют сало дельфинов, как эллины масло, и *область их* изобилует плоскими орехами без всякого рубца, т. е. трещины; дети у них, по его же словам, жирны, откормлены вареными орехами, очень нежны и белы, в ширину почти такие же, как и в толщину: есть у них, говорит он, и вино, которое, не будучи смешано *с водой*, имеет острый вкус от терпкости, а смешанное душисто и приятно *на вкус*; все *они*, говорит он, и мужчины и женщины, отличаются белизной, но из всех туземцев имеют наиболее варварские обычаи и делают *открыто* в толпето, что другие совершают наедине, а на пути в одиночку ведут себя так как бы *вели*, идя в обществе других: они и смеялись, по его словам, и разговаривали сами с собой, и плясали, вставая где попало.

767. Тибарены, которых мы называем тибранами, *πολύρρητος*, т. е. богаты овцами, скотом. Живут они, как и халдеи, до Малой Армении, как говорит и Географ⁸. За ними — халибы, населяющие бесплодную и суровую землю, искусные в обработке рудного железа, которые, *как он* говорит, стоя при тяжкозвучных наковальнях, никогда не прекращают труда. Этих халибов другие называли халибоями⁹; они — понтийский народ у Термодонта¹⁰, от них, говорят, вывозится железо, славящееся своей остротой, т. е. закалкой... Ксенофонт говорит¹¹, что они малочисленны, подвластны мосиникам и большая часть их живет разработкой железной руды...

772. За халибами «расстилается простор Ассирийской земли», где и Термодонт, по некоторым, скифская река, протекая от Армянской горы, посылает амазонкам *свою* белую воду¹². От них Термодонт называется и воинственным, не потому, что он сам таков, а потому, что воинственны

¹ Strabo, XI, 4, 3 сл. и прим.

² Strabo, XI, 4, 6.

³ Strabo, XI, 13, 4.

⁴ Strabo, XI, 9, 1.

⁵ Ср. Steph. Byz., s. v. Βόζηρος

⁶ Strabo, XII, 3, 18.

⁷ Anab., V, 4, 28 сл.

⁸ Strabo, XII, 3, 19.

⁹ Нес., fr. 195 и прим.

¹⁰ [О локализации халибов ср. Strabo, XI, 3, 19 сл. и прим. к этому тексту].

¹¹ Anab., V, 5, 1.

¹² [Ср. прим. к Dion. Per., 774].

пьющие его *воду* амазонки, о которых сказано и выше, и будет еще сказано ниже. Он говорит также, что этот самый Термодонт принял и блуждающую Асопиду Синопу, т. е. дочь Асопа, любовницу Зевса..., от которой *получил название* и одноименный с ней весьма известный город Синопа..., колонией которого, по Диодору¹, был Трапезунт, эллинский город, лежащий у страны колхов. Ксенофонт же, также рассказав, что синопейцы живут в Пафлагонской земле и являются колонистами из Милета, утверждает, что котиориты, керасунтцы и трапезунтцы платили дань синопейцам, говоря *при этом*, что Керасунт—эллинский приморский город, колония синопейцев в стране Колхидской². Геродот же рассказывает³, что киммерийцы, бежав в Азию от скифов, заселили полуостров, где ныне стоит эллинский город Синопа...

СХОЛИИ

К «ЗЕМЛЕОПИСАНИЮ» ДИОНИСИЯ

Текст: Geographi Graeci minores, rec. C. Müllerus, II, стр. 427 сл.

Перевод В. Латышева

7... Показав пределы Ливии⁴, Дионисий переходит к другим материкам, отделяя Азию от Европы. Границей обоих *этих материков* он называет скифскую реку Танаис, имеющую истоки на Кавказе⁵, орошающую Сарматию и впадающую в так называемое Меотийское озеро в Скифии. А что он спускается с Кавказа, это говорится в следующих словах: «а истоки его в Кавказских горах», которые являются Рипейскими горами⁶. Некоторые говорят, что его истоки находятся в них и что приведенное выражение употреблено подобно *выражению* «Идейских гор»: Рипейские горы составляют, по их словам, часть Кавказа, как Гаргар и Лект—части Иды. Птолемей же *говорит*, что *эта река* течет из безымянных гиперборейских стран в Скифию и к савроматам, а Эсхил в «Освобождаемом Прометее» и Софокл в «Скифах» говорят, что им разделяются материк⁷.

14. Показав пределы Ливии, *поэт* переходит к другим материкам, отделяя Азию от Европы. Виновником этого он называет *Танаис*, который у туземцев называется Силисом⁸. Танаисом *река* эта названа потому, что течет *τεταμένης* [растянуто]. Артемидор говорит, что два устья Танаиса находятся на расстоянии семи стадиев⁹. Одно из них впадает в Меотиду, а другое в Скифию.

¹ Diod., XIV, 31.

² Anab., V, 5, 10; VI, 1, 15.

³ IV, 12.

⁴ [Точнее—границу Ливии и Азии по реке Нилу. Ср. прим. Eust. к Dion. Per., 14].

⁵ [Ср. прим. к Dion. Per., 643].

⁶ [Посредством отождествления Кавказа с Рипейскими горами схолиаст старается исправить ошибку Дионисия и ориентировать более правильно истоки реки Танаиса].

⁷ [Ср. Ptol., Geogr., V, 8, 1, где, однако, нет приводимых в тексте схолия слов, Эсхил (Prom. lib., fr. 190, 191) имел в виду в качестве границы Европы и Азии не Танаис, а Фасис—имя, которое, вероятно, в начальную эпоху греческой колонизации действительно прилагалось к реке Дону. См. также Soph., Scythae, fr. 504].

⁸ [Ср. прим. Eust. к Dion. Per., 14].

⁹ «ἐπτά» ἐξήκοντα; Strabo, XI, 2, 2. Если всё последующее, т. е., что одно устье реки впадает в Меотиду, а другое в Скифию, т. е., я думаю, в северный океан, взято из Артемидора, то можно думать, что вместо ζ' было, ζ (7000) (Müller). [Представление о существовании северного устья реки Танаиса на Скифском океане относится к мифико-

15... *К северу*], т. е. к северным частям Европы, границей которых от южных служит река. Поэтому *поэт* представляет средней границей Гелеспонт, а южнее лежит Нил¹. Ибо эти реки находятся одна против другой. Танаис, протекая с севера, впадает в озеро...

20. *Перешеек протягивается*]. Этот перешеек одни называют Кавказом, а другие—Тренской (Θρήνη)² равниной; но лучше подразумевать восточную Иберию, которая находится между колхами и Албанией, разделяя Эвксин и Гирканское море. *Поэт* говорит, что этот перешеек, т. е. находящийся между Каспийским морем и Эвксином, отделяет Азию от Европы³, оканчиваясь у Аравии и Египта.

21. *Эвксина*]. Эвксин назывался Аксином [Негостеприимным], потому что был заселен *по берегам* пиратами и туда не приезжал ни один иностранец. Ныне он назван Эвксином [Гостеприимным] по противоположению или, как некоторые говорят, потому, что Геракл, изгнав оттуда пиратов, поселил каких-то гостеприимцев⁴.

30. *А выше к северу*]. Северное море называют Кронийским заливом, может быть, потому, что Крон способствует холоду, или по причине охлаждения: ибо холод приписывается Крону⁵. Некоторые *объясняют название Кронийского залива* тем, что туда брошены половые органы Крона. Но лучше—по причине чрезмерного холода: ибо звездочеты говорят, что Крон холоден; а гиперборейский океан естественно охлаждается, не будучи согреваем близостью круга зодиака. Кронийское море, упоминаемое поэтом Аполлонием⁶, находится в самой внутренней части Ионического залива и называется так от острова Кроний... *А другие опять назвали и Мертвым*]. То и другое по причине холода в этих странах; ибо *море это* замерзает. Кронийским морем называется оно, как некоторые говорят, потому, что Крон иносказательно обозначает холод, а Мертвым—вследствие отдаленности солнца и большей близости его к южным странам; ибо вследствие отсутствия тепла живородящие *животные* перестают существовать; или называется *так* потому, что солнце там слабо бросает свои лучи, ибо оно *лишь* через большие промежутки времени оказывается над этим морем, т. е. приближается к нему...

47. *А второй небольшой*]. Этот залив назван меньшим по сравнению с заливом, начинающимся от Гадир⁷; но сравнительно с Персидским и Арабским заливами больше Гирканский, пополняющийся из Кронийского океана. Может быть, по неизвестным местам Каспийское море к северу должно быть помещено у Скифии, как *говорит* и Аполлоний⁸

географическим сведениям ионийцев, нашедшим поддержку в IV в. до н. э. у массалиота Питей в его «Перипле». Критику фантастических описаний Питей см. Strabo, III, 4, 4; VII, 3, 1, а также прим.].

¹ [Для понимания этих слов ср. прим. к Dion. Per., 18].

² [ThLG, s. v., считает это имя испорченным из ἀνθήνη (пчела). К какой именно равнине или долине Кавказа прилагалось это наименование—неясно, если только схолиаст не имеет в виду Иберию, т. е. долину среднего течения реки Куры, о которой речь идет дальше].

³ «Тут выпало несколько строк, в которых речь шла о втором перешейке, которым отделяется Либия от Азии» (Müller).

⁴ [Это объяснение дословно повторяется в примечании к Dion. Per., 146, Ср. схолий Евстафия к этому месту].

⁵ [Ср. прим. к Dion. Per., 32].

⁶ Apoll. Rhod., IV, 509 [Ср. прим. к Eust. Dion. Per., 32].

⁷ [Т. е. по сравнению с начинающимся от Гибралтарского пролива Средиземным морем, считавшимся в древности заливом Атлантического океана. Ср. о четырех заливах океана: Каспийском, Персидском, Аравийском и Внутреннем (Средиземном), у Strabo, II, 5, 18].

⁸ Apoll. Rhod., III, 859.

о Медее: «собрала в каспийскую раковину». Птолемей же говорит, что *это море* окружено землей наподобие острова¹.

Но наиболее выдающийся]. Разливаясь на небольшом *пространстве*, он все-таки значительнее других: *поэт* говорит это в смысле силы течения, как и в речи о нем говорит [ст. 721]: «так велик этот неумолимый пролив».

74. *Живущие* в Азии галаты—выселенцы из Европы, как и *живущие* в Азии иберы—выселенцы из *живущих* в ней [т. е. в Европе]...

148. Вследствие сужения этого Понта естественно, что видны два лежащих далее широких моря. Направляются они к востоку, но имеют отклонение к северу и Меотиде, которая находится у конца Понта; и море кажется как бы рождающимся из нее. [Посередине же с той и другой стороны выдаются в Понт два высокие мыса, из коих] один внизу, к югу, [который называют Карамбисом], а другой сверху выдается к северу, это Бараний лоб.

156. *Отсюда и*]. Сказано в местном или временном смысле. После того, как приблизится открытый Понт, увидишь отсюда на расстоянии два моря и залива, между которыми лежит Бараний лоб, наподобие лука. Иначе: от того, говорит *поэт*, что эти *мысы* выступают и сближаются друг с другом, Понт представляется состоящим из двух морей, т. е. делится на два залива, подобный луку. *Ἰσχυρὸς* говорит он в смысле окружности, а *ἀμφὶ*: *τὸξοο*—описательно в смысле лука, вследствие того, что к нему привязана тетива. И так он говорит, что *изгиб берега* похож на окружность лука, вследствие того, что таким образом выступают эти мысы. Представь себе, говорит он, что вся правая сторона составляет тетиву лука, кроме Карамбиса, а левая—*часть*, изогнутую к тетиве. Но скажет кто-нибудь: почему же правая сторона, кроме Карамбиса, более похожа на тетиву или левая, кроме Бараньего лба,—на рога? ведь то, что скажешь об одной стороне, подходит и к другой, так что *Понт* похож не на лук, а на противолежащие рога двух луков. Тому следует возразить, что Периегет, предвидя это, прибавил *слова* «а один Карамбис» и потом о другой стороне следующее: «к северу воды Меотийского озера», как бы говоря: не только Бараний лоб, но и озеро, которое, по словам Геродота², немногим уступает по величине самому Понту; так что в сравнении с изгибами левой стороны Карамбис мал и *потому Понт* не может быть похож на два рога двух луков, ибо изгиб по середине обеих сторон не одинаков, но есть только в некоторой части неполное сходство с видом тетивы³.

163. *И к северу от него*]. Речь снова возвращается к Понту, и поэт говорит, что выше его находится Меотида, вокруг которой живут меоты, родом скифы. Затем *говорится*, что у них озеро называется матерью Понта—*вполне* правдоподобно: ибо, пробегая через Боспор, оно щедро прибавляет *воды* в море и наполняет залив. Киммерийцы живут под выступом Тавра⁴, который называется Херсонесом Таврическим и прилежит к устью Меотиды с запада; в соседстве с ним живут многие скифские народы. Аполлоний,

¹ [О Гирканском море ср. примечание к ст. 42: «Вторым же Заливом я считаю Гирканский, наполняющийся из Кронийского залива. Опять-таки и относительно его мнения расходятся: ибо, включая Каспий в материк, Птолемей определял ее природу как природу острова, по противоположности. И, действительно, впадающие туда реки принимают морской вкус из-за качества земли, вследствие дикости места перделав по необходимости вкусовые качества воды. А, может быть, Кроний, продвигаясь невидимыми местами далее, создает Гирканское море»].

² IV, 86.

³ Объяснения уподобления Понта луку даны еще к ст. 157, 158 и 160.

⁴ [О применении названия «Тавр» к Крымскому горному хребту ср. прим. к Dion. Per., 50 и соответствующий схолий Евстафия].

обрисовывая Меотиду, вместе с высотой указывает и на вид ее, говоря: «над ней разрываются бури Борей»¹.

166. *Ибо из нее неизмеримая вода Понта*]. То-есть из нее вытекает вода Понта, или Понта и вода ее.

167. *Через Киммерийский Боспор*]. Ибо вблизи находятся киммерийцы, живущие по перешейку, где Тавр; перешеек он называет тот, который, по некоторым, отделяет Азию от Европы. Киммерийцы названы многочисленными в собственном смысле, благодаря их многолюдству. Севернее острова, по Птолемею, *живут* аланы, гамаксобии и хуны².

168. *Под холодной подошвой Тавра*] сказано вместо: у самого нижнего края Тавра. «Холодным» *поэт* называет Тавр потому, что он высок; ибо высокие местности отличаются стужей. «Подошвой» сказано вместо «нижней частью», как в выражении «и подошвы Иды» вместо: крайние части внизу Иды. Есть киммерийцы и в других *местах*.

300. Истр несется до Эвксинского Понта. Остров не нанесен на карту, так как окружен рекой, как говорит Аполлоний³.

301. Певка—остров, образуемый Истром; о нем упоминает и Аполлоний⁴: «Истром ведь образуется некий остров, именов Певка». Певка—треугольный остров, лежащий между устьями Истра. Птолемей называет и Истр семипустным, подобно Нилу; точно так же и Географ⁵.

303. *До устья Меотийского озера*. До Меотиды, говорит *поэт*, ибо до нее живут скифы, как свидетельствует и Геродот⁶, говоря: «Ибо за рекой Танаисом уже не Скифия». Дионисий говорит это не в виде желания ограничить здесь всю вообще Скифию, а *только лежащую* к северу от Истра. Бастарны, германцы и все эти *народы* живут влево от Истра; тавры—в Скифии, в которой находится Ахиллов бег⁷, скифы—у Белого острова⁸.

304. *Саматы*]. Нужно было сказать сарматы, а не саматы; но сила метра вытолкнула *ρ* как и в предыдущем, в *слове* Бретания по требованию метра *поэт* удалил одно *τ*.

306. Ахиллов бег получил свое название по следующей причине: когда Ифигению намеревались принести в жертву Артемиде в Авлиде, Артемиде похитила ее и послала в Скифию. Тогда влюбился в нее Ахилл и преследовал до некоторого места; и отсюда назван Ахиллов бег.

309. *Здесь меланхлены*]. Это названия народов; и, может быть, они получили названия по фактическим причинам. Об этих упомянул и Поэт⁹, когда говорил о мисийцах. Другие предположили, что *меланхлены* названы так от одежды, иные—от пищи, а *еще*—от цвета кожи].

310. *Агафирсы*]. Агафирс, сын Геракла, брат Гелона, от которых и народы получили названия.

311. Борисфен—река близ Понта, откуда и *припонтийские народы*

¹ Apoll. Rhod., II, 362.

² [Островом в данном случае именуется Таманский полуостров. Названные племена, из которых хуны идентичны, несомненно, гуннам (уннам Дионисиева текста), упоминаются Птолемеем среди прочих племен Европейской Сарматия (Geogr., III, 5, 10].

³ Apoll. Rhod., IV, 309.

⁴ Там же.

⁵ Ptol., III, 10; Strabo, VII, 3, 15.

⁶ IV, 21.

⁷ [Относительно приурочения наименования Ахиллов Бег к южному или западному побережью Крыма см. прим. к Dion. Per., 306].

⁸ [Для понимания возникновения этого представления, см. Eust. к Dion. Per., 306, где речь идет о культе Ахилла, живущего на Белом острове среди скифов].

⁹ Hom., II, XIII, 5 [Имени меланхленов у Гомера нет].

называются борисфенитами, как говорит Менандр: «ибо разделял борисфенит»¹.

314. *Там и воды Алдеска и*. Это имена рек. Пантикап соединяется с Истром². Находится он в Европе. А Рипейские горы, из которых вытекают таковые реки,—в Скифии. *Διάνδρου* значит отделенные друг от друга.

316. *При устьях их*. Рипейских гор, Скифии³. Ледовитого моря, т. е. Кронийского океана, *так* называемого Мертвого (*Νεκρῶς*) моря. Янтарь родится не только в Эридане, но и в Скифии, отличный от кельтского: первый называется *ῥδοφαῖς*, т. е. имеющий приятный блеск, а второй — *χρσοανυῖς*. Поэт говорит: «собирают слезу златоцветного янтаря».

666. Некоторые эпитет «волнующегося» относят к Кавказу, как принимающему большую массу снега, или потому, что, когда Кавказ обвеивается северным ветром, эта река замерзает⁴.

Поэт предполагает Кавказ *находящимся* у Кронийского моря, считает его частями Рипейские горы и *думает*, что Кавказ—отрог Тавра.

672. *Племя ночующих в поле овец*. Желая обрисовать чрезвычайный холод этих мест, поэт сказал «ночующих в поле овец»; ибо мороз не действует на них, если зима не слишком сурова, как говорит Гесиод⁵: «но не овцы, ибо густа их шерсть, и не продувает ее сила ветра Борея».

681. Синды живут по Истру, как говорит Аполлоний⁶.

685. *Аргиаду*. Или ведущему род от Ареса. Разумеет Дионисий Агамемнона; ибо он происходил от Пелопса и Гипподамии, дочери Эномая; а Эномай был сын Ареса. Смысл его слов такой: воинственнейшему Агамемнону, сыну Ареса. Асплелдонцы, разбитые бурей, под предводительством Иалмена заселили эти места, как *говорит* Ферекид⁷. Другие же говорят, что мирмидоны, заблудившиеся *при возвращении* из-под Трои с Ахиллом, поселились там.

687. Харакс говорит, что аргонавты отплыли на многих кораблях, из которых один, заблудившись, был прибит к Меотиде. Плывшие *на нем* Телхис и Амфит, бывшие возницами Диоскуров, остались там и захватили власть; от них-то жившие там получили имя гениохов [возниц]. Оттуда же получил название лежавший там город Диоскуриада, о которой поэт сам говорит: «после земли тиндаридов».

700. Нужно знать, что камариты назывались *так* от круглых судов, называвшихся камарами, на которых они занимались *морским* разбоем.

718. Этот поэт называет *Каспийское море* круглым, а Птолемей [Посидоний?] похожим на пращу. Это Гирканское море и Птолемей⁸ и Аристотель в «Метеорологии»⁹ представляют себе *как бы* островом, окруженным землей].

[Müll., p.457]. До святилища Зевса Урия¹⁰ или устья Понта от так назы-

¹ [Мен., fr. 883. Ср. выше прим. к указанному фрагменту и о Менандре введение к его фрагментам].

² Следовало сказать: с Борисфеном.

³ [Схолиаст не понял, очевидно, что в тексте речь идет о мифических северных устьях названных выше рек, при которых находится янтарь, и отсылает читателя к Рипейским горам и берегу Северного океана вообще. О янтаре ср. прим. к Dion. Per., 317. Эридан в данном случае—Рейн].

⁴ [Речь идет о якобы вытекающей с Кавказских гор реке Танаис. См. об этом прим. к Dion. Per., 663].

⁵ Hes., Lab., diesq., 516.

⁶ Apoll. Rhod., IV, 322 [и прим. к этому месту].

⁷ [Для понимания смысла слов схолиаста ср. Eust. к Dion. Per., 630].

⁸ VII, 5, 4.

⁹ [I, 13, 29; II, 1, 10 и прим.].

¹⁰ [На малоазиатском берегу Босфора, километра в 10 от выхода в Черное море. Святилище Зевса Урия (Попутного) основано по преданию Фриксом (т. е. связано

ваемого Священного пятиустья понтийской реки Истра 3640 стадиев, составляющих 485 миль.

От реки Борисфена, называемого также Днепром, до святилища Зевса Урия 5610 стадиев или 746 $\frac{2}{3}$ мили.

От Херсона¹ до святилища Зевса Урия 8900 стадиев или 1186 $\frac{2}{3}$ мили.

От Портмийской деревни², находящейся в конце европейских частей Понта [и в устье] Меотийского озера или Киммерийского Боспора, до святилища Зевса Урия 11 100 стадиев или 1480 миль.

От святилища Зевса Урия до города Амиса³ 4460 стадиев или 621 $\frac{1}{3}$ мили. От Амиса до реки Фасиса 3802 стадия или 507 миль.

От реки Фасиса до устья Меотийского озера 4150 стадиев или 553 $\frac{2}{3}$ мили. Вся окружность Эвксинского Понта, именно правых азиатских частей Понта и левых, европейских, до Святилища⁴ 20 587 стадиев или 3145 миль. А окружность Меотийского озера, в которое течет река Танаис, 9000 стадиев или 1200 миль.

Стадий имеет длину, равную гипподрому. Семь с половиной таких стадиев составляют одну милю⁵.

«О ПТИЦАХ»

(ΠΕΡΙ ΟΡΝΙΘΩΝ)

Текст: Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis ed. I. A. Cramer, 4 тома, Охон., 1839—41, т. I, стр. 21—43. По предположению Крамера, это сочинение представляет извлечение из поэмы «О птицах» Дионисия, которого он склонен отождествлять с Дионисием Периегетом.

(р. 22)... О грипах ничего нельзя сказать определенного: говорят, что они водятся в болотах богатых аримаспов и собирают золото, выкапывая его из земли; а аримаспы эти, говорят, имеют не по два глаза, а по одному каждый...

ФЛЕГОНТ ТРАЛЛИЙСКИЙ

Вольноотпущенник императора Адриана написал пользовавшееся большой известностью хронологическое сочинение *Ἱστορίαι* в 16 книгах (от 1 до 229 Олимпиады), из которого сохранились отрывки у Фотия и Синкелла и дошедшие до нас небольшие сочинения Περὶ φλογασίων и Περὶ Μικροβίων.

Издание: Westermann, Scriptores rerum mirabilium Graeci, Brunsw., 1839, стр. 139 сл.; Müller, FHG, III, стр. 602—624; *Regum naturalium scriptores Graeci minores*, rec. O. Keller, I, Lips., 1877, стр. 57—105, которому следуем и мы.

«ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЯХ»

(ΠΕΡΙ ΘΑΥΜΑΣΙΩΝ)

XIX (48 Müll.). Теопомн Синопский в сочинении «О землетрясениях» говорит, что на Киммерийском Боспоре при внезапном землетрясении рас-

с милетскими легендами об аргонавтах) и принадлежало византийцам. Оно упоминается также у Arr., PPE, 90].

¹ [Т. е. от Херсонеса, близ современного Севастополя].

² [Под этим названием, перекликающимся с геродотовой «Киммерийской переправой», скрывается какой-либо из небольших пунктов при входе в Боспор Киммерийский (Керченский пролив): Акра на Крымском или Корокондама на Таманском побережье. См. о них Strabo, XI, 2, 8 и прим.].

³ [Древний город на малоазийском побережье, к востоку от Синопы, на месте нынешнего Самсуна].

⁴ [Т. е. до святилища Зевса Урия при устье Босфора].

⁵ [При длине мили—1479 м стадий схолиаста должен быть равен приблизительно 197 м].

секся один холм и выбросил кости огромных размеров, так что сложенный скелет оказался двадцати четырех локтей¹. Он говорит, что окрестные варвары бросили скелет в Меотийское озеро.

«ОЛИМПИАДЫ ИЛИ ХРОНИКА»

(ΟΛΥΜΠΙΑΔΕΣ Η ΧΡΟΝΙΚΑ)

VIII, фр. XI (9 Müll.) см. Steph. Byz., s. v. Κρέμη.

XV, фр. XXII (20 Müll. = Const. Porph., De them., 2, 12)... Свидетельствует и Флегонт в XV книге Олимпиад, когда Боспор находился под властью боспорского царя Котиса², которому Цезарь³ повелел носить диадему и подчинил ему города, в числе которых Флегонт считает и самый Херсон⁴.

АРТЕМИДОР ДАЛДИАНСКИЙ

Артемидор происходил из города Эфеса, но назывался Δαλδινός от лидийского города Δάλδης, в котором жил; он был современником императора Адриана. От него сохранилось сочинение 'Ονειροκρίτικα в 5 книгах.

Текст: Artemidori Daldiani Oneirocriticon libri V ex rec. R. Henschel, Lips., Teubn., 1864.

«О ТОЛКОВАНИИ СНОВИДЕНИЙ»

(ΟΝΕΙΡΟΚΡΙΤΙΚΑ)

I, 8... Некоторые обычаи мы называем частными и народными. Так, например, у фракийцев клеймятся благородные дети, а у гетов—рабы⁵; первые живут к северу, а вторые—к югу. Моссины, живущие в Понтийской земле, открыто сходятся и вступают в сношения с женщинами, как собаки, а у других людей это считается постыдным.

КЕФАЛИОН

По данным Свида, «Кефалион или Кефалон Гергитский, ритор и историк, жил при Адриане, бежав из отечества из-за ненависти к властителям, жил в Сицилии. Написал всеобщую историю в 9 книгах под заглавием Μόβου, на ионическом диалекте, Μελέτι ιστορικῇ и некоторые другие сочинения». По словам Фотия (Bibl. cod., 68), история Кефалиона начиналась царствованием Нина и Семирамиды и доходила до времени Александра Македонского, и каждая книга называлась именем одной из муз; автор, подобно Гомеру, нарочно скрывал свое происхождение и родину. На основании последнего замечания Мюллер предполагает, что указание к Свида, называющее Кефалиона Гергитским,—результат смешения его с другим, более древним, одноименным историком.

Собрание отрывков: Müller, FHG, III стр. 625—631.

¹ [Судя по размерам этого скелета (локоть—около 45 см., т. е. более 10 метров длиной), кости должны были принадлежать мамонту, находки отдельных костей которого нередки в Северном Причерноморье].

² [Имеется в виду, вероятно, Тиберий Юлий Котис II (123—131 гг. н. э.), о котором см. Латышев, Краткий очерк истории Боспорского царства, Почткx, 1909, стр. 114].

³ [Т. е. император Адриан. См. об этом Агг., PPE, 26 и прим.].

⁴ [Херсонес, близ современного Севастополя. О подчинении западного Крыма и в частности Херсонеса Боспору в римское время см. Strabo, VII, 4, 3 и сл.] Фр. XXII см. также Steph. Byz., s. v. Βόσπορος.

⁵ [Под обычаем клеймения у свободных фракийцев надо понимать, повидимому, весьма распространенную во Фракии в древности татуировку—обычай, засвидетельствованный изображениями татуированных менад на аттических краснофигурных вазах. См. об этом G. K a z a r o w, RE, XI, 2, стр. 551. Что касается клеймения рабов, то оно было широко распространено в древности по всему Средиземноморью].

«ИСТОРИИ»

(ΙΣΤΟΡΙΑΙ)

Ι (Клио,) фр. 1 (Sync., p. 167, A). В следующем поколении¹ во время власти Пания², флот аргонавтов отплыл к Фасису и колхидской Медее³.

Е u s., Chron., p. 41 Mai: Затем... говорит [Кефалион] в следующем веке, когда у ассирийцев правил Паний, флот аргонавтов прибыл к реке Фасису и к колхидской Медее.

НИКАНОР АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

По данным Свиды, грамматик Никанор, сын Гермия, александриец, жил при императоре Адриане; он занимался преимущественно учением о знаках препинания, за что и получил шуточное прозвание Στιγματίας. Ему же Мюллер приписывает, хотя и с сомнением, историческое сочинение Περὶ Ἀλεξανδρείας и Μετονομασίαι

Отрывки из этих сочинений собраны во FHG, III, стр. 632—634.

«ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ»

(ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑΙ)

Фр. 10 см. у Steph. Byz., s. v. Τάναϊς.

Фр. 12 см. там же, s. v. Διοσκουρίας.

ГАРПОКРАТИОН

Уроженец города Александрии, составитель дошедшего до нас объяснительного словаря к 10 аттическим ораторам. Время жизни его с точностью неизвестно; быть может, он тождествен с упоминаемым у Капитолина, Vita Veri, 2, учителем Антонина Вера. См. М. Н. Meier, De aetate Harpocratonis (Op. ac., т. II); Nicolaï, Griech. Literaturgesch., II², стр. 387 сл. [Christ, Gesch. d. griech. Lit.,⁴ стр. 802 сл.].

Текст: Harpocratonis lexicon in decem oratores Atticos, ex rec. G. Dindorfii, 2 тома, Oxon., 1853.

«РЕЧЕНИЯ ДЕСЯТИ ОРАТОРОВ»

(ΔΕΚΕΤΩ ΤΩΝ ΔΕΚΑ ΡΗΤΟΡΩΝ)

Абарис: имя собственное. Говорят, что *однажды* во время *распространившейся* по всей земле моровой язвы Аполлон дал обратившимся к его оракулу эллинам и варварам прорицание, чтобы афинский народ совершил моление за всех. Когда многие народы прислали к афинянам посольства, говорят, и Абарис прибыл послом от гипербореев. Время его прибытия сообщается различно: Гиппострат⁴ говорит, что он прибыл

¹ После Персея.

² [Об ассирийском царе Пании (Paninus у E u s., Chron., 61, 26 Schoene), может быть, идентичном мифическому Нину, эпониму Ниневии, у других авторов упоминаний не встречается].

³ Тот же отрывок— E u s., Chron., col. 62.

⁴ «Разумеется Гиппострат, автор сицилийской истории, немногие сохранившиеся фрагменты которой собрал Müller (FHG, IV, стр. 432). Последний предполагает, что Гиппострат был кротониатом, так как Ямблих (Vita Pyth., 32) упоминает его среди пифагорейцев. Этот же писатель и Абариса причисляет к последователям Пифагора (Dindorf).

в 53 (τῇ γγ') олимпиаду¹, Пиндар²—что при лидийском царе Креве, а прочие—что в 21 олимпиаду³.

Февдосия⁴: упоминает Демосфен в речи о беспощинности⁵. Это местечко, лежащее близ скифов, при осаде которого умер Сатир⁶.

Кепос⁷ [Сад]: упоминает Эсхин в речи против Ктесифонта. На Боспоре есть город, называемый Садом.

Длинноголовые (Μακροκέφαλοι): упоминает Антифонт в речи о согласии. Так называется народ, о котором упоминает и Гесиод в III каталоге женщин⁸. Палефат в VII книге «Троянской истории» говорит, что длинноголовые живут в Либии выше колхов⁹.

Нимфей: Эсхин в речи против Ктесифонта говорит: «Нимфей в Понте». Кратер в IX книге «Сборника декретов» говорит, что Нимфей платил афинянам талант [дани]¹⁰.

Скифики: Лисий в речи за Бакхия и Пифагора, если она подлинна. Скифики—некий род обуви. А Алкей в стихотворении VIII: «и подвизав скифики».

ЮСТИН

Уроженец самарийского города Flavia Neapolis, в юности занимался греческой философией, затем принял христианскую веру и сделался известен своими сочинениями, как апологет христианства против язычников и иудеев. Скончался мученической смертью в 166 г. н. э. и причтен к лику святых.

Текст: Justini opera omnia, ed. Mauru, Venet., 1747. [Новейшее издание в берлинском Corpus'e].

«РАЗГОВОР С ТРИФОНОМ ИУДЕЕМ»

(ΠΡΟΣ ΤΡΙΦΩΝΑ ΤΟΝ ΙΟΥΔΑΙΟΝ ΔΙΔΑΛΟΓΟΣ)

М., р. 222. ... Ибо нет вообще ни одного племени людей, ни варваров, ни эллинов, ни каким бы то ни было именем называемых или носящих название «живущих на телегах» или «бездомных»¹¹, или живущих в палат-

¹ τῇ γγ'. Рукописи τῇ γγ' или, как в альдине, τῇ τρίτῃ. И так у Свида также, если бы Kusterus не утверждал, что в «одном парижском манускрипте», неизвестно каком, находится τῇ γγ'. Я это принял как более вероятное, хотя, может быть, это не совсем верно» (Dind.). Ol. 53=568 г. до н. э.

² «Фр. 193» (Dind.); [fr. 270 Christ].

³ «Вся эта путаница, может быть, происходила из хронологии Тимея, так как некоторые мало понимающие настолько путали эпохи, что ошибались на сто пятьдесят лет по сравнению с данными источника» (Dind.). Ol. 21=692 г. до н. э.

⁴ [Т. е. Феодосия].

⁵ [Dom., с. Iept., 33 и прим. О Феодосии см. кроме того Strabo, VII, 4, 3 и прим., а также схолии Ульпиана к этой речи и прим.].

⁶ [Сатир I умер в 387 г. до н. э. О нем вообще см. Lys., pro Mant., 4 и прим., а также Isocr., Trar., 3, 11, 51. Об обстоятельствах его смерти ср. Латышев, Краткий очерк истории Боспорского царства, Понтика, стр. 73 сл.].

⁷ [О локализации городка Кепы см. Strabo, XI, 2, 10 и прим. Ср. об этом же пункте Aesch., с. Ctes., 171, схолии и прим., а также Ps.-Scyl., 72; Ps.-Scymn., 899].

⁸ Ηοισδες]. «Его упоминает также Strabo, I, p. 43; VII, p. 299. Остальное о Μακροκέφαλοι собрал Schneidewin, Conject. crit., стр. 22» (Dind.). О Палефате ср. Dindorf, II, стр. 326 [Об отождествлении макрокефалов с макропогонами и макронами (саннами) см. прим. к Strabo, XI, 2, 1; о макрокефалах вообще см. также Ps.-Scyl., 85 и Plin., NH, VI, 11. Антифонт—аттический оратор V в. до н. э., принадлежавший к олигархической партии и принимавший активное участие в установлении правления совета четырехсот (411 г. до н. э.)].

⁹ [«Либия», названная местом жительства макрокефалов, должна быть отождествлена с Либистикой, Лигией или Левкосирией, т. е. северной Каппадокией; см. Нес., fr. 350 и прим.; Steph. Byz., s. v. Λιβιστικοί и прим.].

¹⁰ [О принадлежности Нимфея к Делосскому союзу см. еще жизнеописание Демосфена и прим. к ним].

¹¹ Имеются в виду причерноморские скифо-сарматы. Ср. соответственную терминологию в эпическом языке (Hom., II, XIII, 1 сл. и древние схолии к Hom.,

ках и занимающихся скотоводством,—у которых не приносились бы моления и благодарения во имя распятого Иисуса отцу и творцу всего мира.

ФЕМИСТАГОР

Уроженец эфесский, жил раньше Афинаея, который цитирует его (XV, р. 681 а).
Фрагменты: Müller, FHG, IV, стр. 512.

«ЗОЛОТАЯ КНИГА»

(ΧΡΥΣΗ ΒΙΒΛΟΣ)

Фр. 3 (Ael. Neg., I, 28). Живущие в Алопе, ныне называемой Ликлей, что у Эфеса, женщины, отказавшись единодушно от обычных женских занятий и надев пояса, исполняли все мужские дела, а сверх прочего и *ῥίσιον* с этими поясами, т. е. жали; поэтому и названы амазонками жавшие в поясах.

АРРИАН

«ОБЪЕЗД ЭВКСИНСКОГО ПОНТА»

(ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΕΥΞΕΙΝΟΥ ΠΟΝΤΟΥ)

Флавий Арриан, уроженец вифинского города Никомедии, жил во II в. н. э., при римских императорах Адриане и Антонине. В 131—137 г. он управлял Каппадокией в звании *legatus Augusti pro praetore* и во время этого управления совершил в 134 г. плавание по Понту до Диоскуриады, о котором представил отчет Адриану в настоящем сочинении, дошедшем до нас в одной только рукописи (Palat., 398). О составе аррианова «Перипла» ср. C. G. Brandis, *Arrians Periplus Ponti Euxini*, RhM, LI, 1896, стр. 109—126.

[Принадлежащий Флавию Арриану перипл представляет собой весьма оригинальное явление среди этого рода литературы. Написанный в виде письма императору Адриану, он содержит, помимо обычных географических и этнографических данных, сведения военно-политического характера, а также значительные мифологические экскурсы. Послужив источником для ряда позднейших географических сочинений, прежде всего для «Перипла безыменного автора», он прекрасно иллюстрирует положение вещей в восточной части Черного моря в эпоху расцвета Римской империи. Значение его ослабляется тем, что некоторые сведения, в особенности те, что касаются западной части Черного моря, ввиду их противоречий с другими данными, относящимися к той же эпохе, заподозрены критикой в отношении их подлинности и признаны позднейшими вставками и дополнениями. С другой стороны, подлинность сведений, касающихся кавказского побережья, подтверждается эпиграфическими данными, в частности, сухумской надписью, упоминающей самого Арриана. См. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1926, стр. 64 сл.: Л. А. Ельницкий, Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1938, № 2, стр. 307 сл.; Patsch, *Arrians Periplus Ponti Euxini*, Klio, IV (1904), стр. 68 сл.].

Текст: *Arriani Nicomediensis scripta minora, iterum rec. K. Hirschner, edenda cur. A. Eberhard, Lips., Teubn., 1885*. В разделении на §§ мы следуем изданию К. Мюллера (GGM, I, стр. 370 сл.), отмечая деление Hirschner'a в скобках.

Перевод П. И. Прозорова

Императору Цезарю Траяну Адриану Августу Арриан желает здравия.

1. (1 Н). Мы прибыли в Трапезунт, по словам известного Ксенофонта¹—город эллинский, лежащий при море, колонию синопцев.

4. (3 Н). Отплыв из Трапезунта, мы в первый день пристали в гавань Гисса² и произвели смотр находящейся там пехоте; ведь тамошний

II, XIII, 6, а также прим.), которой историки и географы пользовались вплоть до Эфора (см. Ps-Schum., 855 сл. и Strabo, VII, 3, 2 сл.).

¹ [См. Xen., Anab., V, 8, 22 сл.].

² [Гисс—речка и одноименное поселение у ее устья к востоку от Трапезунта, на месте нынешнего местечка Сурменех, на речке Сурмени. Ближко этому наименование содержится уже в Anon. PPE, 38 (Сувармия)].

отряд, как ты знаешь, состоит из пехотинцев и имеет только двадцать всадников для услуг; но и им понадобилось упражняться в метании копий.

5. Отсюда мы плыли сначала при помощи ветров, дующих по утрам с рек, *но* вместе с тем и при помощи весел: ветры, как упоминает и Гомер¹, были холодные, но недостаточно сильные для желающих плыть быстро; затем наступил штиль, так что нам *пришлось* плыть только на веслах. Потом вдруг нависшая туча разразилась *бурей* с восточной стороны, принеся с собой сильный и прямо противный нам ветер, который чуть не погубил нас: в короткое время он так взволновал море, что вода в изобилии влилась к нам с обеих сторон, не только со стороны весел, но даже через нос и корму. *Это напоминало* следующий трагический стих: «одну волну мы вычерпывали, а другая вливается»².

Но волнение было не боковое, и поэтому мы, *хотя* с большим трудом, подвигались вперед, на веслах и, вытерпев не мало, прибыли *все-таки* в Афины³.

6 (4 Н). Есть и в Эвксинском Понте местечко, носящее такое название, есть там и эллинское святилище Афины, от которого, мне кажется, получило это название и местечко; есть *там* и какое-то заброшенное укрепление. *Тамошняя* гавань может в летнее время вмещать небольшое число кораблей и давать им защиту от южного и восточного ветра; стоящие на якоре суда могут найти в ней спасение и от борея, но не от апарктия⁴ и не от *того* ветра, который в Понте называется *фраскием*⁵, а в Элладе *скироном*⁶. Под ночь стали слышны глухие раскаты грома, *засверкали* молнии, ветер не *остался* прежним, а изменился в южный и спустя немного из южного в юго-западный; тогда гавань уже не была безопасна для кораблей. Поэтому, прежде чем море совершенно рассвирепело, мы *то количество* кораблей, какое могло вместить самое местечко Афины, вытащили туда на берег, кроме триеры, которая, стоя на якоре под прикрытием скалы, в безопасности покачивалась на волнах (5 Н). Большую же часть судов решено было отправить к ближайшему берегу и *там* вытащить на сушу; и, *действительно*, они были вытащены, так что все держали бурю невредимыми, за исключением одного, который, при причаливании слишком рано повернувшись боком, был подхвачен волной, выброшен на берег и разбит. Впрочем, все было спасено, не только паруса, снасти и люди, но и гвозди; даже воск был выскоблен, так что для постройки *нового судна* нужен был только корабельный лес, а его, как ты знаешь, большое обилие в Понте. Эта буря продолжалась два дня, так что необходимо было *оставаться на месте*. Значит, нам нельзя было миновать даже понтийские Афины, как какую-нибудь заброшенную и безвестную стоянку.

7 (6 Н). Отплыв отсюда, мы под утро испытывали боковую качку, но с наступлением дня легкий северный ветер усмирил море и привел его в спокойное состояние. Мы *еще* до полудня прошли более пятисот

¹ Od., V, 469: Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром [перевод Жуковского].

² [Автор и произведение, из которого заимствован этот (содержащийся также у A t h e n., IV, 154e) стих, неизвестен].

³ [На месте современной Атины, между Трапезундом и Батуми. Между Трапезундом и Атиной расположен ряд речек и стоянок для судов, о которых Арриан упоминает ниже, § 8].

⁴ [Апарктий, так же, как и борея,—северный ветер, дующий, однако, к югу под некоторым углом].

⁵ [Ветер, дующий от фракийских берегов].

⁶ [Имя мифического разбойника, жившего на границе Аттики и Мегариды и убитого Тезеем].

стадиев и *прибыли* в Апсар¹, где поставлены пять когорт... Говорят, что местечко Апсар когда-то в древности называлось Апсиртом, потому что здесь якобы погиб от *руки* Медеи Апсирт (показывают и могилу Апсирта)², а потом-де *это* имя было искажено окрестными варварами, подобно тому, как искажены и многие другие *имена*; так и Тианы в Каппадокии, говорят, назывались тоанами по имени царя тавров Тоанта, который в своем преследовании *спутников* Ореста и Пилада дошел, как гласит молва, до этой страны и умер здесь от болезни.

8 (7 Н). В своем плавании от Трапезунта мы миновали *следующие* реки: Гисс, от которого получила название гавань Гисса, отстоящая от Трапезунта на сто восемьдесят стадиев; Офис—Змей³, отстоящий от гавани Гисса приблизительно на девяносто стадиев и отделяющий страну колхов от Тианники⁴; затем так называемую Холодную (Ψυχρὴν) реку⁵, находящуюся приблизительно в тридцати стадиях от Офиса, далее Прекрасную (Καλὴν) реку⁶, отстоящую также на тридцать стадиев от Холодной. Далее *течет* река Ризий⁷, отстоящая на сто двадцать стадиев от Прекрасной; а в тридцати *стадиях* от Ризия—другая река, Аскур⁸, в шестидесяти *стадиях* от Аскура некая *река* Адиев⁹; от нее до Афин¹⁰—сто восемьдесят *стадиев*. Вблизи Афин, на расстоянии не более семи стадиев, течет река Загатис¹¹. Отплыв от Афин, мы миновали *реку* Пританис¹², на которой находится дворец Анхиала¹³; эта *река* отстоит от Афин на сорок стадиев. За Пританисом следует река Пиксит¹⁴; между ними девяно-

¹ [К западу от Батуми, у устья одноименной реки, отождествляемой с древним Акамписом и с современным Чорохом. Соображения касательно этого отождествления см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 308 сл.].

² [Реку Апсар, без упоминания о связи ее наименования с именем брата Медеи Апсирта, называет еще P s.-S c y l., 81. Однако связь этого пункта с периплом аргонавтов может считаться достаточно древней, поскольку уже ионийская традиция (схол. к A p p o l. R h o d., IV, 228) предполагает, что убийство Апсирта произошло в Понте. Географический пункт (город и остров) Апсирт на Черном море известен Артемидору Эфесскому. См. S t e r h. B y z., s. v. Ἀψήριδες.

³ [Эта река, именуемая в A n o n., P P E, 38 Офиунт, отождествляется с современной речкой Суланлу-Су, у устья которой находится населенный пункт Оф (O r i n t e и O f f e u n t e на Tab. Peut. и у A n o n. R a v.), сохранивший в своем наименовании отзвук древнего названия реки Офиса].

⁴ [Возможно, что следует читать вместо Тианники Санника, от племени сапов (они же—макроны или макрокефалы), которых многие древние авторы помещают между областью Трапезунта и Колхидой. Ср. X e n., Anab., V, 8, 1 сл.; S t e r h. B y z., s. v. Μάκρωνες. См. GGM, I, стр. 373, прим. к §§ 8; 15].

⁵ [Отождествляется по своему положению с современной речкой Валтахис-Су].

⁶ [Сохранила свое наименование (Калапотамос—Керадерс-Сийу) и поныне. В A n o n., P P E, 39, упоминается также одноименный укрепленный пункт].

⁷ [Река Ризий, упоминаемая также многими более поздними авторами (Птолемей и Аноним упоминают к тому же одноименную гавань), отождествляется с современной речкой Рохис-Су, у устья которой расположен значительный населенный пункт Риза. По мнению С. M ü l l e r 'a (GGM, I, стр. 374, 2), Ризию должен соответствовать город Бехириада в стране бехиров, упоминаемый P s.-S c y l., 84].

⁸ [Аскурн в A n o n., P P E, 39, отождествляемая с современной речкой Асфорос-Дере, сохранившей в своем наименовании отзвук древнего имени].

⁹ [У P s.-S c y l., 83—Одений; A n o n., P P E., 39.: «Адиеня, ныне называемого Адизеном»; отождествляется по своему положению с современной речкой Канлу-Дере. См. GGM, I, стр. 374, 4].

¹⁰ [Об Афинах см. выше, §§ 5, 6 и прим.].

¹¹ [Отождествляется по своему положению с современной речкой Суха-Дере].

¹² [Порданис у P s., S c y l., 83; отождествляется с современной речкой Фуртуной (Фуртун-Су), сохранившей в своем наименовании отзвук древнего имени].

¹³ [Об этом Анхиале, которого Арриан называет царем макронов и генихов (ниже, § 15), см. также D i o C a s s., LXVIII, 19].

¹⁴ [Отождествляется по своему положению с современной речкой Витзех-Су].

сто стадиев. От Пиксита до Архабия¹ также девяносто, а от Архабия до Апсара—шестьдесят.

9. Отплыв от Апсара, мы ночью миновали Акампис, отстоящий на пятнадцать стадиев от Апсара. От него отстоит на семьдесят пять *стадиев* река Глубокая (Βαθύς)²; от Глубокой—на девяносто *стадиев* Акинас, и на девяносто же *стадиев* от Акинаса—Исис³. Из этих рек судоходны Акинас и Исис; с них по утрам дуют сильные ветры. За Исисом мы миновали Могр⁴; между Могром и Исисом—девяносто стадиев; эта река [т. е. Могр] также судоходна.

10 (8 Н). Отсюда мы приплыли к реке Фасису⁵, отстоящему от Могра на девяносто *стадиев* и из всех известных мне рек имеющему самую легкую воду и притом необыкновенного цвета. В легкости ее можно убедиться посредством взвешивания, а еще проще из того факта, что она плавает поверх морской воды, не смешиваясь с ней, подобно тому, как, по словам Гомера, Титаресий⁶ «сверху Пеней течет на подобие елей»⁷. Можно было, погрузив *сосуд* в верхний слой воды, зачерпнуть пресной, а если опускали сосуд в глубину, то соленой. Впрочем, весь Понт имеет воду более пресную, чем внешнее море⁸, и причиной этого являются *впадающие в него* реки, неизмеримые по численности и величине. Доказательством ее пресного вкуса, если только нужны доказательства для того, что воспринимается чувством,—*служит то обстоятельство*, что приморские жители водят весь свой скот на водопой к морю, и он пьет с очевидным удовольствием; говорят *даже*, что это питье для него полезнее пресного. По цвету вода Фасиса кажется окрашенной свинцом или оловом, но, устоявшись, она делается очень чистой⁹. Поэтому у впадающих в Фасис нет обыкновения возить с собой воду, но как только вступят уже в его русло, отдается приказание вылить всю воду, какая только есть на судах; в противном случае, по существующему преданию, для неисполнивших этого плавание бывает неблагоприятно. Вода Фасиса не гниет и остается неиспорченной даже более десяти лет, разве только делается еще преснее¹⁰.

11 (9 Н). При входе в Фасис на левом берегу стоит статуя фасианской богини; судя по внешнему виду, эта богиня—скорее всего Рея: в руках она держит кимвал, у подножия ее *седалища* *находятся* львы и сама она сидит так же, как фидиева Рея в Афинах в храме Матери¹¹

¹ [На современных картах Архаве, а также речка Архавех-Су].

² [Наименование этой реки, отождествляемой с одной из современных речек, впадающих в восточную часть батумской бухты, сохранилось в имени города Батуми. Ср. ВДИ, 1938, № 2, стр. 309].

³ [О положении этих речек и их отождествлении с современными наименованиями см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 311].

⁴ [В A n o n., PPE, 43 именуется также Нигром (Nigro на Tab. Peut.); идентифицируется с современной речкой Коголи или Супсой; см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 311].

⁵ [Современный Рион].

⁶ [Река в Фессалии, называвшаяся также Эвропом, приток Пеней, впадающий в него близ Фаланны].

⁷ [H o m., II, II, 734].

⁸ Ср. подобные же утверждения у A r i s t., Hist. an., VIII, 13 и P o l y b., IV, 42.

⁹ [Рионская вода несет в себе большое количество ила, который окрашивает ее в молочно-кофейный цвет].

¹⁰ [На этих рассуждениях Арриана о свойстве воды Фасиса сказались несомненно легенды о чудесных свойствах воды Стикса—реки подземного царства].

¹¹ [Фасианская богиня, судя по ее атрибутам и потому, что Арриан отождествляет ее со статуей Фидия, находившейся в Афинском Метрооне—храме Матери богов (см. об этой статуе E. C u r t i u s, Die Stadtgeschichte v. Athen, 1891, стр. 175), была не что иное, как широко популярная в Малой Азии и в Причерноморье Кибела, культовые и votивные изображения которой в изобилии находимы при раскопках античных поселений. См. G r a i l l o t, Le culte de Cybèle, 1912].

Здесь же показывают якорь *корабля* Арго: железный не показан мне древним, хотя по величине он и не похож на нынешние якоря и имеет несколько отличную форму, *но тем не менее он* показался мне относящимся к более позднему времени; но здесь показывали старинные обломки какого-то другого каменного *якоря*, так что скорее можно эти последние принять за остатки *от якоря корабля* Арго. Никаких других памятников мифов о Язоне здесь не было¹.

12. Самая же крепость², где помещаются четыреста отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности в расположенной на месте очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки. Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь и стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней поставлены военные машины, одним словом, она снабжена всем *необходимым* для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой *находящемуся* в ней гарнизону. А так как и сама гавань должна была представлять безопасное убежище судам, а также и все места, которые вне укрепления населены отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до *самой* реки, который окружит гавань и дома, стоящие вне стены.

13 (10 Н). Отправившись от Фасиса, мы миновали судоходную реку Хариянт [Приятную]³, *расстояние* между ними девяносто стадиев; от Хариянта, *проплыв* еще девяносто стадиев, въехали мы в реку Хоб⁴, где и стали на якоре. А почему *мы остановились* и что здесь сделали, *это* объяснит тебе латинское письмо⁵. После Хоба мы миновали судоходную реку Сингам⁶; она отстоит от Хоба не более чем на двести десять стадиев. За Сингамом следует река Тарсур; между ними сто двадцать стадиев. Река Гипп [Конь] отстоит от Тарсура на сто пятьдесят стадиев, а от Гиппа—*река* Астелеф на тридцать стадиев⁷.

14. Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Севастополь, двинувшись от Хоба, в ста двадцати стадиях от Астелефа. Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, ору-

¹ [Помимо Апсара, о связи которого с именем Апсирта упоминает сам Арриан (см. выше и прим.), на Кавказе с легендой об аргонавтах соединялось представление о целом ряде географических пунктов. См. об этом A p o l l. R h o d., III, 196 сл., соотв. схол. и прим., а также S t r a b o, XI, 2, 12; 14, 12].

² [О положении описываемой Аррианом крепости при устье реки Фасиса, развалины которой видел французский путешественник Д ю б у а д е М о н п е р е (Voyage autour du Caucase, III, стр. 67 сл.), посетивший эти места в 1829 г., см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 312 сл.]

³ [О положении этой труднолокализуемой реки, именуемой у P s.-S c y l., 81, Арием, см. С. M ü l l e r, FNG, V, стр. 176, 6. Ср. ВДИ, 1938, № 2, стр. 314 сл.]

⁴ [Отождествляется с современной рекой Ингуром; о мотивах этого отождествления, в противоречие с обычным отождествлением Хоба с Хопи, принимаемым большинством исследователей, см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 315 сл.]

⁵ [Относительно деятельности Арриана на реке Хобе и содержания латинского письма в свое время было высказано предположение о постройке им нового укрепленного поселения у устья этой реки, ввиду того, что Птолемей упоминает для этих мест трудно локализуемый Неаполис (см. С. M ü l l e r, GGM, I, стр. 377, 1). Не менее вероятно, если вспомнить сообщения Страбона о сванских золотоносных реках (XI, 2, 19), было бы предположить, что Арриан был занят именно организацией добычи золота для нужд римской казны].

⁶ [О положении и отождествлении этой речки (именуемой в A n o n., P P E, также Зиганием), см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 316].

⁷ [Об отождествлении трех вышепоименованных речек см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 316. Река Гипп не должна быть смешиваема с одноименной рекой—притоком Фасиса, о положении и отождествлении которой см. S t r a b o, XI, 2, 17 и прим.].

жие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров. От Хоба до Севастополя шестьсот тридцать стадиев, а от Трапезунта до Севастополя две тысячи двести шестьдесят. Севастополь прежде назывался Диоскуриадой¹, колония Милета.

15. Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт², граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами³, а по моему мнению, это—санны⁴: они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны. Рядом с ними живут макроны и гениохы⁵; у них царь Анхиал. С макронами и гениохами граничат зидриты⁶, они подвластны Фарасману⁷. Рядом с зидритами—лазы⁸; царем у лазов—Малассе⁹, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы¹⁰; у них царь Юлиан¹¹, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски¹²; у абасков царь Ресмаг¹³; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками—саниги¹⁴, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг¹⁵ получил царство от тебя.

16. До Апсара мы плыли на восток по правой стороне Эвксина, Апсар же показался мне крайним пределом длины Понта, так как отсюда мы держали путь уже на север вплоть до реки Хоба и за Хобом до Сингама. От Сингама мы повернули на левую сторону Понта до реки Гиппа. На пути от Гиппа вплоть до Астелефа и Диоскуриады нам были видны Кавказские горы, по высоте ближе всего подходящие к Кельтическим Альпам¹⁶; нам показывали одну вершину Кавказа—имя вершины Стро-

¹ [О Диоскуриаде, греческом городе близ современного Сухуми, см. Strabo, XI, 2, 14 и прим. Город этот был переименован в Севастополь (Σεβαστόπολις), видимо, не ранее эпохи императора Августа, когда он был восстановлен после разрушения его горными племенами].

² Anab., IV, 8, 22; V, 2, 1.

³ [См. Xen., An., V, 2, 1 сл.].

⁴ [О саннах, отождествляемых другими авторами с макронами и макрокефалами (ср. Нес., fr. 191; Ps.-Scyl., 85), но не с дрилами, см. Strabo, XII, 3, 18].

⁵ [В рукописях вместо макронов—махелоны, в которых C. Müller, GGM, I, стр. 378, 25, видит птолемеевых манралов (V, 9, 5)].

⁶ [С этим племенем, имя которого неизвестно из других источников, могут быть сближены вигии (Strabo, XI, 2, 1); с ними же можно сопоставить населенный пункт Задрис у Птолемея (V, 9, 6)].

⁷ [Царь Иберии, см. о нем Dio, LXIX,—15. Имя это не редко среди иберских, колхидских или лазских царьков. См. Procop., Bell. Pers., I, 8, 3].

⁸ Это племенное наименование, появляющееся впервые у римских авторов (Plin., VI, 4, 12), в позднее время (Procop., Bell. Goth., IV, 2) распространяется на всю Колхиду, поглощая все более древние названия обитавших в рионской низменности мелких племен].

⁹ [Ближе не известен, упоминается лишь Аррианом].

¹⁰ [О племени апсильов имеются кроме того упоминания у Plin., VI, 4, 14, локализуемого их близ Диоскуриады-Севастополя и у Steph. Byz., s. v. Ἀψίλται, называющего их скифским племенем, со ссылкой на Арриана].

¹¹ [Судя по имени, адаптированный римлянин; ближе не известен].

¹² [В наименовании этого племени, называемого Steph. Byz., s. v. Σαννίται абасгами, звучит имя современных абхазов].

¹³ [Ближе не известен. Упоминается лишь Аррианом].

¹⁴ [Саниги—у Steph. Byz. s. v. Σαννίται—скифское племя, Плинием упоминаются в числе многоплеменных подразделений племени гениохов (VI, 4, 14) и локализируются между Севастополем (Диоскуриадой) и Питиунтом (Питундой)].

¹⁵ [Именуемый в Apoll., 51, Спадагом, царь санигов (гениохов), был, по предположению Kiessling'a (RE, VIII, стр. 276) объединителем племени гениохов].

¹⁶ [Кельтическими Альпами Арриан называет, в отличие от других многочисленных

бил¹,—на которой, как передают мифы, Прометей был повешен Гефестом по приказанию Зевса.

25 (17 Н).² Расстояния от Трапезунта до Диоскуриады, измеренные по рекам, приведены выше. Сумма расстояний от Трапезунта до Диоскуриады, ныне называемой Севастополем, составляет две тысячи двести шестьдесят стадиев³.

26. ... Крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт⁴. Но когда я услышал о смерти Котиса⁵, царя Боспора Киммерийского, то позаботился описать тебе и путь до Боспора, для того чтобы ты, если бы задумал что-нибудь относительно Боспора, имел возможность обдумывать на основании точного знакомства с этим путем.

27. (18 Н). Итак, если двинуться из Диоскуриады, первая стоянка будет в Пителинте, на расстоянии трехсот пятидесяти стадиев. Отсюда сто пятьдесят стадиев до Нитики⁶, где в древности жило скифское племя, о котором упоминает историк Геродот⁷: он говорит, что этот народ ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени. От Нитики до реки Абаска⁸ девяносто стадиев, Боргис⁹ отстоит от Абаска на сто двадцать стадиев, а от Боргиса—на шестьдесят стадиев Несис, где выдается Гераклов мыс¹⁰. От Несиса до Масайтики¹¹ девяносто стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта¹², каковая река отделяет зилхов¹³ от санигов. Царем у зилхов Стахемфак¹⁴, также получивший власть от тебя.

28. От Ахеунта сто пятьдесят стадиев до Гераклова мыса; отсюда сто восемьдесят до мыса¹⁵, где есть защита от ветров фраския и борея. Отсюда сто двадцать стадиев до так называемой Старой Лазики¹⁶; отсюда

гор, которым в древности придавалось это имя, средневропейский горный хребет, носящий его и поныне].

¹ [Повидимому Эльбрус. См. об этом ВДИ, 1938, № 2, стр. 316].

² §§ 17—24 (12—16 Н), содержащие описание пути от Боспора Фракийского до Трапезунта, выпущены.

³ [О соответствии действительности приводимых Аррианом метрических данных см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 309; 315].

⁴ [Археологические остатки заставляют допустить наличие позднеримского укрепления на месте Страбонова Великого Пителинта (Питунды). О том, что Пителинт находился в сфере римского влияния уже в эпоху Августа, следует, быть может, из данных Плиния (VI, 16) и Аппиана, РРЭ, 55].

⁵ [Речь идет, видимо, о Тиберии Юлии Котисе II, царствовавшем на Боспоре со 123 по 131 гг. н. э.].

⁶ [Пункт из других источников не известный, находившийся, судя по указанному расстоянию, где-либо в районе современных Гагр].

⁷ Нег., IV, 109. Геродот упоминает о том, что будины фдеиотрауеоси, что можно перевести, однако, как «пседают сосновые шишки» (см. выше, ВДИ, 1947, № 2, стр. 279). О племени фтирофагов см. Strabo, XI, 2, 19 и прим. к этому месту].

⁸ [Наименование этой реки не может быть оторвано от имени племени абасков или абасгов, о которых см. выше, § 15 и прим. Ср. С. Müller, GGM, I, стр. 379, 7].

⁹ [Это имя, идентичное, может быть, имени реки Бурки, упоминаемой Птоломеем (V, 8, 8), локализуется близ современной Липапсты].

¹⁰ [Это место должно соответствовать мысу Константиновскому, близ Адлера].

¹¹ [Этот пункт, идентичный, по мнению С. Müller'a, птолемеевой Амписалиде (V, 8, 8; ср. GGM, I, стр. 393, 8), следует искать на месте современной речки Матцы, сохранившей в своем наименовании отзвук древнего имени].

¹² [Локализуется где-либо близ современного Сочи].

¹³ [Вероятно, идентичны страбоновым зигам (XI, 2, 1 и прим.) и птолемеевым зинхам (V, 8, 17—25)].

¹⁴ [Стахемфлас в Аппиана, РРЭ, ближе не известен. Stein, RE, VI a, ст. 1922 сл., опираясь на критику Аррианова перипла Брандисом и Шапо, сомневается в действительной принадлежности этого царя времени императора Адриана].

¹⁵ [По мнению С. Müller'a, идентичен Торетскому мысу Птолемеева (V, 8, 8) и локализуется у гавани Туапсе или где-либо к югу от нее].

¹⁶ [Пункт этот, локализующийся у современного Небуга, связывается (Steph, Вук. з., v. Λαζοί) с племенем лавов и, по мнению Müller'a идентичен городу

сто пятьдесят стадиев до Старой Ахеи¹, а отсюда до гавани Пагр² триста пятьдесят; от гавани Пагр сто восемьдесят *стадиев* до Святого порта³, а отсюда до Синдики триста.

29. (19 Н). От Синдики до так называемого Боспора Киммерийского и боспорского города Пантикапея пятьсот сорок *стадиев*; отсюда шестьдесят *стадиев* до реки Танаиса, которая, как говорят, отделяет Европу от Азии. Она вытекает из Меотийского озера и впадает в море Эвксинского Понта. Впрочем, Эсхил в «Освобождаемом Прометее» границей Азии и Европы делает Фасис⁴. По крайней мере у него титаны с такими словами обращаются к Прометею:

«Пришли мы, Прометей, взглянуть на бедствия
Твои и на страдания от оков»⁵.

Затем перечисляют, какие страны они прошли:

«И двойную земли Европейской
И Азии великую границу Фасис»⁶

30. Говорят, что объезд кругом Меотийского озера *составляет* около девяти тысяч стадиев⁷. От Пантикапея до местечка Казека⁸, лежащего при море, четыреста двадцать стадиев; отсюда двести восемьдесят стадиев до опустевшего города Феодосии⁹; и это был древний эллинский город, ионический, колония милетцев; упоминания о нем имеются во многих литературных памятниках. Отсюда двести стадиев до покинутого порта скифо тавров¹⁰, а отсюда до Лампады¹¹ в Таврической *земле* шестьсот стадиев. От Лампады до порта Символа¹², также таврического, пятьсот двадцать стадиев. Отсюда сто восемьдесят *стадиев* до Херсонеса¹³ Таврической земли; от Херсонеса до Керкинитиды¹⁴—шестьсот стадиев, а от Керкинитиды до Прекрасной Гавани, также скифской¹⁵, еще семьсот.

Таз (Ταζός) Птолемея, наименование которого он предлагает исправить на Αλζός. См. GGM, I, стр. 393, 15].

¹ [Названный Аррианом пункт должен быть идентичен птолемеевой деревне Ахей (V, 8, 8)].

² [Локализуется на месте современного Геленджика].

³ [По своему положению Святой порт должен соответствовать гавани Бата (Ptol., V, 8, 8; Strabo, XI, 2, 14)—Пагус у P. S. Scyl., 72. Наименование это перекликается, кроме того, с одноименным пунктом, упомянутым у Dem., c. Lept., 36 и прим.].

⁴ [О границах Европы и Азии в древности см. Str., XI, 1, 5 и прим.].

⁵ [Aesch., Prom. lib., fr. 190].

⁶ [Aesch., ibid., fr. 191. Подробности мифа о Прометее см. выше Aesch., ibid., fr. 193 и прим.].

⁷ [Эта же цифра содержится и у черпавшего из того же, что и Арриан, источника Страбона (VII, 4, 5)].

⁸ [Пункт этот помимо Арриана упоминает в своем перипле безымянный автор, помещающий Казеку к западу от Киммерика, между последним пунктом и Феодосией. К. Мюллер, в согласии с Келером и Тетбу де Мариньи, помещает Казеку на месте современного Таш-Качика. См. GGM, I, стр. 394].

⁹ [Характеристика Феодосии, как опустевшего города, в противоречии со свидетельствами других авторов первых веков н. э. (Strabo, VII, 4, 3; Plin., IV, 20 и др.) и данными археологии, заставляет думать, что это свидетельство не относится ко времени Адриана].

¹⁰ [Перипл анонимного автора отождествляет названный «порт скифотавров» с Афинеем—пунктом, другими авторами не упоминаемым и искомым на месте позднейшего Судака. См. Latyshev, IOSPE, II, карта № 2].

¹¹ [Пункт, кроме Арриана упоминаемый лишь анонимным периплом, отождествляемый с современным Биюк Ламбатом, где еще Дюбуа де Монпере видел остатки древних сооружений (Voyage autour du Caucase, V, 1839 слл., стр. 453)].

¹² [Отождествляется с позднейшей Балаклавой].

¹³ [Близ современного Севастополя].

¹⁴ [На месте современной Евпатории].

¹⁵ [Прекрасная Гавань должна соответствовать одноименному пункту Птолемея].

31. (20 Н). От Прекрасной Гавани до Тамираки триста стадиев; внутри Тамираки есть небольшое озеро¹. Отсюда еще триста до устья озера; от устья озера до Эионов²—триста восемьдесят стадиев, а отсюда до реки Борисфена³—сто пятьдесят. Если плыть вверх по Борисфену, лежит эллинский город, по имени Ольвия⁴. От Борисфена шестьдесят стадиев до небольшого, необитаемого и безыменного острова⁵, а отсюда восемьдесят до Одесса⁶; в Одессе стоянка для кораблей. За Одессом находится гавань истрианов⁷, до нее двести пятьдесят стадиев; далее гавань исиаков⁸, до которой пятьдесят стадиев. Отсюда до так называемого Узкого устья⁹ Истра тысяча двести стадиев; местности, лежащие между ними, пустыни и безыменны¹⁰.

32. (21 Н). Почти против этого устья, если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, а другие—Бегом Ахилла, а третьи—по цвету—Белым¹¹. Есть предание, что его подняла [со дна моря] Фетида для своего сына и что на нем живет Ахилл. На острове есть храм Ахилла с его статуей древней работы¹². Людей на острове нет; на нем пасется только немного коз; их, говорят, посвящают Ахиллу все пристающие сюда. Есть в храме много и других приношений, — чаши, перстни и драгоценные камни, а также надписи, одни на латинском, другие на греческом языке, составленные разными метрами в похвалу Ахиллу¹³. Некоторые, впрочем, относятся и к Патроклу, потому что все желающие угодить Ахиллу вместе с ним почитают и Патрокла. Много птиц гнездится на острове, — чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром слетают они к морю, затем, омочив крылья, поспешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма.

м е я (III, 5, 2), помещаемому им, однако, между Ахилловым бегом и Тамиракой, и Прекрасной Гавани, упоминаемой в херсонесской присяге (Л а т ы ш е в, *Почтика*, 1909, стр. 142 сл.) и локализуемой у Ак-Мечети, см. Л а т ы ш е в, *ibid.*, стр. 151 сл., а также IOSPE, II, карта № 2].

¹ [Упомянутое озеро следует, вероятно, идентифицировать с озером Бакал на западном побережье Крыма к северо-западу от Евпатории].

² [Собственно до берегов (отмелей), в которых следует видеть вместе с С. М ü l l e r 'ом (GGM, I, стр. 396) выступы Тендеровской косы (Ахиллова Бега)].

³ [Арриан имеет в виду устье Бугско-Днепровского лимана].

⁴ [О положении города Ольвии, находившегося на правом берегу Буга—Гипаниса (при его устье), а не Днепра—Борисфена, см. S t r a b o, VII, 3, 17 и прим.].

⁵ [Нынешний остров Березань, в названии которого звучит древнее имя реки Борисфена. См. о нем S t r a b o, VII, 3, 17; 19].

⁶ [Имеется в виду пункт, именуемый П т о л е м е е м (III, 5) и П л и н и е м (IV, 26; 82) О р д е с с о м, локализуемый близ современного Очакова].

⁷ [Локализуется в районе современной Одессы (см. K o e h l e r, *Mémoires de l'Académie de St. Pétersbourg*, IX, стр. 659)].

⁸ [Этот другими авторами (за исключением анонимного перипла), не упоминаемый пункт, идентифицируется M ü l l e r 'ом с sinus Sangarius П л и н и я (IV, 26; 82) и локализуется у современного Малого Фонтана, близ Одессы. См. GGM, I, стр. 397].

⁹ [Имеется в виду северное устье Дуная].

¹⁰ [По неведению или в силу позднего происхождения этой части текста перипла (ср. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 69) автор опускает реку и город Тиру у устья Днепра, на месте современного Аккермана].

¹¹ [Арриан смешивает в данном случае остров Ахилла или Белый—современный остров Фидониси (Змеиный) перед устьем Дуная—с Тендеровской косой (Ахилловым Бегом) у устья Бугско-Днепровского лимана].

¹² [О культе Ахилла на острове Белом см. прим. к P s. -S y m n., 785 сл.; D i o n. P e r g., 541 сл., а также И. И. Т о л с т о й, Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте, II., 1918].

¹³ [Ср. посвященные надписи в честь Ахилла на острове Белом и Ахилла Понтарха в IOSPE, I, стр. 165 сл., найденные на острове Белом и на Березани].

33 (22 Н). Существуют следующие рассказы: из числа посетителей острова некоторые, приезжающие сюда нарочно, привозят с собою на кораблях жертвенных животных и одних из них приносят в жертву, а других отпускают *живыми* в честь Ахилла; другие пристаю, будучи вынуждены бурей; эти у самого бога просят жертвенного животного, обращая к оракулу вопрос о животных, хорошо ли и выгодно ли принести в жертву *то именно* животное, которое они сами выбрали на пастбище, и при этом кладут достаточную по их мнению плату. Если ответ оракула (в храме есть оракул) будет отрицательный, они прибавляют плату; если и после этого последует отрицание, прибавляют еще, и, когда последует согласие, они узнают, что плата достаточна. Животное при этом само останавливается и уже не убегает. Таким образом много серебра посвящено герою в виде платы за жертвы.

34 (23 Н). Ахилл, *как рассказывают*, является во сне одним после того, как причалит к острову, а другим еще во время плавания, когда они очутятся недалеко от него, и указывает, где лучше пристать к острову и где стать на якорь. А некоторые рассказывают, что Ахилл являлся им наяву на мачте или на конце реи, подобно Диоскурам¹; Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а *Ахилл является только* приближающимся уже к острову. Некоторые говорят, что и Патрокл являлся им во сне. Эти *рассказы* об острове Ахилла я записал, как слышал от лиц, которые или сами приставали к *острову*, или узнали от других; они не кажутся мне невероятными: я считаю Ахилла героем предпочтительно перед другими, основываясь на благородстве его происхождения, красоте, душевной силе, удалении из здешнего мира в молодые летах, прославляющей его поэзии Гомера и постоянстве в любви и дружбе, *дошедшем до того*, что он решился даже умереть после смерти своего любимца.

35 (24 Н). От так называемого Узкого устья Истра шестьдесят стадиев до второго устья, а отсюда до так называемого Прекрасного устья сорок стадиев; от Прекрасного до четвертого устья Истра, так называемого Нарака, шестьдесят стадиев; отсюда до пятого *устья*² — сто двадцать, а отсюда до города Истрии³ — пятьсот стадиев. Отсюда до города Томея⁴ триста стадиев, а от Томея до города Каллатий⁵ еще триста; *здесь есть* стоянка для кораблей. Отсюда до гавани карийцев сто восемьдесят; и земля, *лежащая* вокруг гавани, называется Карией⁶. От гавани карийцев до Тетрисиады⁷ — сто двадцать стадиев; отсюда до безлюдной местности Бизоны⁸ — шестьдесят стадиев. От Бизоны до Дионисополя⁹

¹ [О культе Диоскуров — божеств-охранителей моряков, являющихся им в минуту опасности (ср. позднейшие легенды о «летучем голландце» и об «огнях святого Эльма»), см. D a g e m b e r g - S a g l i o, Dictionnaire des antiquités, I, s. v. sabiri].

² [О пяти устьях реки Истра (Дуная) см. P s . - S c y m n ., 773 сл. и прим.].

³ [Также Истр или Истрополь (см. H e r ., II, 33; S t r a b o, VII, 6, 1) — греческий город, милетская колония, расположенная к югу от дунайской дельты (у Портицкого гирла), современное местечко Истере].

⁴ [Обычно Томис и Тони, греческий город, милетская колония, на месте современной Констанцы. См. S t r a b o, VII, 5, 12].

⁵ [Греческий город, милетская, позднее гераклейская, колония, См. S t r a b o, VII, 5, 12; ныне местечко Каллаты].

⁶ [Об отождествлении этого пункта и окружающей его местности, имя которой связывается с древнейшей карийской (южно-малоазийской) колонизацией (см. R E, XX, ст. 1995), локализуемых к северо-западу от мыса Шабла-бурун, см. C. M ü l l e r, GGM, I, стр. 399].

⁷ [Также Тирисы или Тиризис (A n o n ., P P E, 75), локализуется у современного мыса Калиакра].

⁸ [Локализуется у современной Каварны].

⁹ [Об этом пункте, ранее называвшемся Круны, упоминает P s . - S c y l ., 751. Локализуется у современного Балчика].

восемьдесят стадиев; отсюда до Одесса¹—двести; *здесь есть* корабельная стоянка.

36. От Одесса до подгорий Гема², простирающихся до Понта, триста шестьдесят стадиев; и *здесь есть* корабельная стоянка. От Гема до города Месембрии³ девяносто стадиев; корабельная стоянка. От Месембрии до города Анхиала⁴—семьдесят стадиев, а от Анхиала до Аполлонии⁵ сто восемьдесят. Все это эллинские города, лежащие в Скифии⁶, по левую руку для плывущего в Понт. От Аполлонии до Херсонеса⁷ шестьдесят стадиев; тут корабельная стоянка. От Херсонеса до Авлеевой стены⁸—двести пятьдесят *стадиев*, а отсюда до берега Тиниады⁹—сто двадцать.

37 (25 Н). От Салмидесса до Фригии¹⁰—двести стадиев... От Салмидесса до Фригии¹¹—триста тридцать стадиев, а отсюда до Кианей—триста двадцать. Это те Кианей, о которых поэты говорят, будто некогда они были блуждающими, и будто первым прошел между ними корабль Арго, который привез Язона к колхам¹². От Кианей до святилища Зевса Урия¹³, где устье Понта, сорок стадиев. Отсюда сорок стадиев до гавани так называемой Неистойой Дафны¹⁴, а от Дафны до Византия¹⁵ восемьдесят. Вот, что находится *на пути* от Киммерийского Боспора до Фракийского Боспора и города Византия.

«ПОХОД АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО»¹⁶

(ANABASIS ALEXANDROU)

Текст: Arriani Anabasis. Rec. Carolus A b i c h t, Lips., Teubn., 1882. [Flavii Arriani quae exstant omnia, ed. A. G. Roos, m. I, Lips., 1907].

¹ [Греческий город, милетская колония, локализуется близ современной Варны]

² [Имеется в виду мыс Эменех].

³ [Греческий город, колония Халкедона и Византия, на месте современного Миссиври].

⁴ [Колония города Аполлонии на месте современного Акиали].

⁵ [Греческий город, милетская колония, частично расположенная на острове, локализуется у современного Сизаболи, см. S t r a b o, VII, 6, 1].

⁶ [Понятие Скифии принимается в данном случае настолько расширительно, что выходит значительно за пределы западных границ Скифии (Малая Скифия) по S t r a b o, VII, 4, 5 и прим.].

⁷ [Этот Херсонес (т. е. мыс), у других авторов не упоминаемый, следует искать у мыса Баглар].

⁸ [В A n o n., PPE, 87 отождествляется с крепостью Тера и локализуется M ü l l e r'ом у современного Атеболи, GGM, I, стр. 401].

⁹ [С t r a b o н (VII, 6, 1) называет ее местностью аполлонийцев, локализуется у мыса Кури].

¹⁰ [Фракийский город на месте современного городка Мидии].

¹¹ [Отождествляется A n o n., PPE, 87 с Филлией, упоминаемой также у P s.-S c u m n., 723,—имя, относительно которого С т е ф а н В и з а н т и й с к и й, s. v. Φιλέα замечает, что оно пишется некоторыми «Финел» и связывается, таким образом, с именем мифического провидца—персонажа сказаний об аргонавтах. Локализуется на месте современного селения Филина у мыса Калионджик].

¹² [См. Н o m., Od., XII, 59 сл. и прим.].

¹³ [Принадлежавшее византийцам святилище Зевса Урия находилось на азиатском берегу Босфора близ входа в Черное море].

¹⁴ [Этот пункт, называемый также Амиком и связываемый с легендой о борьбе аргонавтов со знаменитым царем бебриков, отождествляется в A n o n., PPE, 89 с Состеной. Однако последняя, по данным П л и н и я (IV, 18), должна находиться не на азиатском, а на европейском берегу Босфора. См. GGM, I, стр. 401].

¹⁵ [Греческий город, колония мегарцев на месте позднейшей Византии—Константинополя].

¹⁶ [Написан около 166—168 гг. н. э., по мнению Н. N i s s e n'a, 1888, стр. 236 сл., а по мнению С. E. G l e y e, Phil., 1894, стр. 442 сл.—раньше 165 г.].

I, 3, 1—2. На третий день после битвы¹ Александр прибыл к реке Пстру, величайшей из всех европейских рек, протекающей огромное пространство земли и разделяющей воинственные народы, по большей части кельтические, из владений которых и берет свое начало... (2) затем языгов², ветвь савроматов, потом гетов, верующих в бессмертие души, далее большинство савроматов, наконец, скифов вплоть до устья, где она впадает пятью рукавами³ в Понт Эвксинский.

III, 19, 3. Александр, получив на дороге⁴ известие, что Дарий решил встретиться с ним в *открытом* бою и снова попытать счастья (так как к нему пришли на помощь скифы и кадусии),... двинулся вперед с войском, готовым к битве. На двенадцатый день он прибыл в Мидию; здесь он узнал, что у Дария нет достаточных сил, что кадусии или скифы не явились к нему на помощь и что Дарий решил искать спасения в бегстве...

III, 3, 6. Александр... двинулся в Мараканду, столицу Согдианской страны, а оттуда пошел к реке Танаису. Этот Танаис, который, по словам Аристобула, туземные варвары называют и другим именем Яксарт⁵, и он берет свое начало из Кавказских гор и впадает также в Гирканское море⁶. От него отличен, должно быть, тот Танаис, о котором историк Геродот говорит⁷, что Танаис—восьмая из скифских рек и берет начало из большого озера, а впадает в большее еще озеро, называемое Меотийским; этот последний Танаис некоторые считают границей Азии и Европы: по их мнению, значит, от отдаленнейшего угла Эвксинского Понта Меотийское озеро и впадающая в него эта река Танаис отделяет Азию от Европы..

IV, 1, 1. Несколько дней спустя⁸ явились к Александру послы от скифов по прозванию абиев (которых похвалил и Гомер в своей поэме⁹, назвав справедливейшими из людей; живут они в Азии и никому не подчинены, главным образом, вследствие своей бедности и справедливости) и от скифов европейских, которые живут в Европе, *составляя* огромный народ. Александр послал с ними некоторых из своих «товарищей» под предлогом заключения дружественного союза посредством посольства, но *действительной* целью этой посылки было скорее ознакомление с природой страны скифов, с их численностью, обычаями и вооружением, с каким они выступают на битвы...

IV, 11, 9. Если про Кира, сына Камбиза, говорят, что ему первому стали воздавать поклонение и что от него остался у персов и мидян этот унижительный обычай, то нужно помнить, что этого Кира образумили скифы, люди бедные и независимые, а Дария—другие скифы...¹⁰.

¹ [С трибаллами при реке Лигине, в 335 г. до н. э.].

² [О сарматском племени языгов см. Strabo, VII, 3, 17 и прим., который помещает это племя, ранее жившее на Дону, между Днепром и Дунаем. В правление императора Клавдия (41—54 гг. н. э.) языги переселились на территорию Дакии].

³ [О пяти рукавах дунайской дельты см. Агг., PPE, 33 и прим.].

⁴ [Из Персиды в Мидию весной 330 г.].

⁵ [Имеется в виду река Сыр-Дарья, носившая в древности это имя и нередко смешивавшаяся с Танаисом и Араксом. См. Негманн, RE, IX, 1, Nachträge, s. v. Jaxartes, стл. 1181].

⁶ [В представлении древних Аральское море совмещалось с Каспийским (Гирканским), почему и считалось, что Сыр-Дарья (Яксарт) и Аму-Дарья (Окс) впадают в Каспийское море. См. Strabo, XI, 7, 4].

⁷ [Нер., IV, 57 и прим.].

⁸ [Во время пребывания Александра на Яксарт].

⁹ [Ном., II, XIII, 5 и прим. Арриан именует абиями азиатских скифов, известных у других авторов под именами даев, савков и др.].

¹⁰ [Имеется в виду предание, изложенное у Нер., III, 105 сл., о гибели персидского царя Кира старшего (558—529 гг.) во время войны с массагетами, которых Арриан (Anab., IV, 11, 9) называет скифами. О походе Дария (около 512 г. до н. э.) против европейских скифов см. Нер., IV, 83 сл.].

IV, 15, 1. К Александру снова прибыло¹ посольство от европейских скифов вместе с послами, которых сам он отправил в Скифию. Скифский царь, царствовавший в то время, когда Александр посылал их, между тем скончался и престол перешел к его брату. Целью посольства было *заявление*, что скифы согласны исполнять все требования Александра; послы несли ему от скифского царя дары, какие у скифов считаются самыми драгоценными, и *заявили*, что он желает выдать за Александра свою дочь с целью скрепления уз дружбы и союза с Александром; если же ему самому не угодно будет жениться на скифской царевне, то царь желает по крайней мере выдать за вернейших сподвижников Александра дочерей сатрапов скифской земли и других властителей, какие там есть; при этом царь обещал прибыть и сам, если ему прикажут, чтобы лично выслушать приказания Александра. В то же время прибыл к Александру и хорасмийский царь Фарасман с тысячью пятьюстами всадников²; он говорил, что живет рядом с племенем колхов и женщинами амазонками, и на случай, если бы Александр захотел двинуться против колхов и амазонок и подчинить себе соседние с Понтом Эвксинским племена, обещал быть путеводителем и приготовить продовольствие для войска.

(5) Прибывшим от скифов послам Александр дал благосклонный и соответствовавший тогдашним обстоятельствам ответ, отказавшись, *однако*, от брака со скифской царевной; Фарасмана он похвалил, заключил с ним дружественный союз и сказал, что ему самому некогда теперь идти походом к Понту, но рекомендовал его персу Артабазу³, которому было поручено управление Бактрией, и другим соседним с ним сатрапам, а затем отпустил во-свояка.

V, 3, 4... Я не вполне согласен с Эратосфеном Киренейским, по словам которого все, что отнесено македонянами к божеству [Дионису], чересчур преувеличено в угоду Александру. Он говорит ведь и то, что македоняне, увидев в Парапамисадах⁴ одну пещеру и услышав какое-то местное предание, или даже сами сложив его, распространили слух, что это та самая пещера, в которой был прикован Прометей, что туда прилетал орел терзать внутренности Прометея и что Геракл, явившись туда, убил орла и освободил Прометея от оков⁵. Кавказские горы, по словам Эратосфена македоняне в своих сказаниях переносят от Понта в восточные страны и в землю парапамисад, т. е. к индийцам, называя Кавказом гору Парапамис⁶ для *вящего* прославления Александра, что, дескать, Александр перешел через Кавказ...

V, 5, 2. Теперь... достаточно заметить следующее: гора Тавр прорезы-

¹ [Зимой 329—328 гг.].

² [Хорасмий—племя, родственное сакам и массагетам и жившее по нижнему течению реки Окса (Аму-Дарья) на территории позднейшего Хорезма. См. о них Нег., III, 93 и Strabo, XI, 8, 8. Царь хорасмиев Фарасман ближе не известен. имя это, однако, неоднократно засвидетельствовано в Персии, Иберии, Колхиде и Армении в качестве имени царьков и князей. См. Arr., PPE, 15; Procs., Bell. Pers., I, 8, 3].

³ [Правитель Западной Азии при Артаксерксе III, возмущившийся против своего царя в 356 г. до н. э. и нашедший убежище у Филиппа Македонского. По смерти Дария III (330 г. до н. э.) он получил от Александра Македонского Бактрию. См. Diod., XVI, 22; Strabo, XII, 8, 15; Arr., Anab., III, 21].

⁴ [Область к югу от Бактрианы и к западу от Индии, занятая многочисленными мелкими племенами, носившими коллективное имя парапамисады (или парпанисады) от одноименного горного хребта. См. Strabo, II, 5, 32].

⁵ [Приводимый Аппианом рассказ о перенесении на Гиндукуш мифа о Прометее содержится также у Strabo, XV, 1, 8].

⁶ [Наименование, прилагавшееся в древности к горному хребту Гиндукуш, называвшемуся также, подобно Гималаям и Памиру, Индийским Кавказом. См. Strabo, XI, 8, 1].

вает Азию, начиная от Микале...¹ и в Бактрии соединяется с горой Парапамисом, которую участвовавшие в походе Александра македоняне называли Кавказом, как говорят, с целью возвеличения деяний Александра; что, дескать, Александр победоносно перешел на ту сторону Кавказа; а, может быть, этот горный хребет соединяется с другим Кавказом—скифским², подобно тому, как с ним самим *соединяется* и Тавр³... Некоторые замечательные реки в Азии, берущие начало с Тавра и Кавказа, текут на север, и из них опять одни впадают в Меотийское озеро, а другие—в так называемое Гирканское море, представляющее собой залив великого моря.

V, 25,5. [Александр в речи к военачальникам на берегу реки Гифасиса в числе покоренных им стран называет]: ... персы, мидяне, племена, подвластные персам и мидянам и не бывшие под их властью, области за Каспийскими воротами⁴ и по ту сторону Кавказа, *все* что лежит еще впереди Танаиса⁵, бактрийцы, гирканы, Гирканское море; мы прогнали скифов до самой пустыни...

VII, 1, 2. Некоторые *писатели* сообщают также, что Александр задумывал объехать морем большую часть Аравии, землю эфиопов⁶, Ливию и номадов за горой Атлантом⁷ до Гадир⁸ и *затем возвратиться* в наше море... (3) ... Затем, по словам одних, он задумывал плыть в Понт Эвксинский, в Скифию и Меотийское озеро, *а по словам* других—в Сицилию и к мысу Япигии...

VII, 13, 2. Говорят, что мидийский сатрап Атропат⁹ здесь в Нисейской равнине¹⁰ подарил Александру сотню женщин, которых он называл амазонками... Однако об этом не писал ни Аристобул, ни Птолемей, ни какой-либо другой *писатель*, свидетельство которого об этом заслуживало бы доверия. Я не думаю, чтобы тогда существовало еще племя амазонок, и даже еще раньше Александра, ибо иначе об них упомянул бы Ксенофонт, упомянувший о фасианах, колхах¹¹ и других варварских народах, через владения которых проходили эллины на пути от Трапезунта или раньше прибытия в Трапезунт, где они встретились бы и с амазонками, если бы только последние еще существовали. Однако мне не представляется вероятным, чтобы совершенно не существовало это жен-

¹ [Мыс Микале—на западном берегу Малой Азии. Обычно начало Тавра указывают у южных берегов Ликии близ мыса Хелидония. См. Strabo, XI, 12, 2].

² [Скифским Кавказом Арриан называет собственно Кавказ,—горный хребет между Черным и Каспийским морями].

³ [На непосредственное соприкосновение Тавра с Кавказом другие авторы не указывают. Ср. Strabo, XI, 12, 4, о соединении Тавра с горами Армении].

⁴ [В данном случае под Каспийскими воротами (в отличие от горного прохода с Северного Кавказа в Закавказье, также называвшегося Каспийскими, позднее Дербентскими, воротами) следует понимать проход из Мидии в Парфию и Гирканию через Каспийские горы к югу от Каспийского моря, которым прошел Александр Македонский, преследуя Дария III (Agr., Anab., Al., III, 19)].

⁵ [Под Танаисом в данном случае надо разуместь Яксарт. Ср. выше, III, 30, 6 и прим.].

⁶ [Под эфиопами (имя, вообще обозначающее в древности все чернокожие племена от Атлантического до Индийского океана) в данном случае, в ограничительном смысле, следует понимать жителей страны по Нилу, к югу от Египта].

⁷ [Западноафриканские племена, жившие между побережьем Средиземного моря и Сахарой, близ горного хребта Атлас].

⁸ [Речь идет о путешествии вокруг Африканского материка от Аравии до Гадеса (современного Кадикса в Испании). Предания о подобном путешествии, совершенном финикийскими мореплавателями по приказанию фараона Нехо, см. Нег., IV, 42].

⁹ [Персидский сатрап, ставший при Александре Македонском правителем Мидии, северо-восточная часть которой носила впоследствии его имя (Атропатена). См. о нем еще IV, 18 и Diod., XVIII, 3].

¹⁰ [На севере Мидии, близ Раг (Эвропос)].

¹¹ [Хен., Anab., IV, 8, 8; V, 2, 1; 7, 8. Впрочем, Ксенофонт упоминает об амазонках в Anab., IV, 4, 16].

ское племя, прославленное столь многими и столь славными писателями...

VII, 15, 4. При возвращении Александра в Вавилон...¹ тогда же, говорят, прислали посольство карфагеняне, пришли послы от эфиопов и европейских скифов.

VII, 16, 1. Затем [Александр] послал в Гирканию Гераклида, сына Аргея² с кораблестроителями, приказав ему нарубить леса на Гирканских горах и построить длинных кораблей крытых и некрытых по эллинскому образцу: ему хотелось исследовать, с каким морем соединяется и это море, так называемое Каспийское или Гирканское, — с Понтом ли Эвксинским³, или же большое море, обходя кругом от восточного Индийского океана, изливается в Гирканский залив... ведь до тех пор еще не было найдено начало Каспийского моря⁴, хотя кругом его жило не мало народов и в него впадают судоходные реки: именно из Бактрии изливается в это море Окс, величайшая из азиатских рек, кроме индийских, а из Скифии — Яксарт; в него же впадает, по свидетельству большинства писателей, и текущий из Армении Аракс. Это самые большие реки; но кроме того есть много и других их притоков или *таких рек, которые* сами впадают в это море, одни уже известные сподвижникам Александра, обошедшим эти страны, а другие, по всей вероятности, на той стороне залива⁵ [в землях кочевых скифов], которая совершенно не известна.

«ОПИСАНИЕ ИНДИИ»

(ΙΝΔΙΚΗ)

Текст: Arriani Nicomediensis scripta minora Rud. Hercher iterum recognovit, ed. cur. E. Eberhard, Lips., Teubn., 1885.

2, 1... Границей Индийской земли с севера служит гора Тавр. Она называется уже не Тавром в этой земле, но Тавр начинается от моря, что у Памфилии, Ликии и Киликии⁶, и простирается до восточного моря, перерезывая всю Азию⁷. Гора *эта* в разных местах носит разные названия: где Парапамис, где Эмод⁸, в ином месте зовется Имаем⁹, а может быть имеет и другие названия. Македоняне, участвовавшие в походе Александра, называли ее Кавказом, *т. е.* другим Кавказом, не скифским, так что существует предание, что Александр побывал и по ту сторону Кавказа..

3, 9. В Индийской земле находится столько рек, сколько нет во всей *остальной* Азии. Самые большие — Ганг и Инд, по которому названа и страна, оба больше египетского Нила и скифского Истра, даже если их воды сольются воедино. Мне же кажется, что и Акесин¹⁰ больше Истра и Нила...

¹ [Весной 324 г. до н. э.].

² [В 323 г. до н. э. См. об этом Niese, Gesch. d. Griech. u. Mak. Staaten, I, 1893. стр. 182].

³ [См. подобную версию у Arist., Met., I, 13, 29, в труднопонимаемом абзаце, толкующем о подземном протоке около «пучин Понта»].

⁴ [Замкнутость Каспийского бассейна была, тем не менее, известна уже Геродоту, как это явствует из I, 203].

⁵ [Т. е. к северо-востоку от Каспийского моря].

⁶ [Т. е. от Средиземного моря на южном берегу Малой Азии].

⁷ [См. об этом выше, Агг., Anab. Al., V, 5, 2 и прим.].

⁸ [А также Эмода, продолжение хребта Парапамиса к востоку, часть современных Гималаев. См. также Strabo, XI, 8, 1].

⁹ [Наименование, прилагавшееся обычно к северной части Гималайского хребта, но также иногда и к Алтайским горам. См. Strabo, XI, 8, 1].

¹⁰ [Приток реки Инда — современный Ченаб].

4, 13. Истр начинается от истоков незначительной *рекой* и принимает в себя много рек, но неравных по величине индийским рекам, которые впадают в Инд и Ганг, а судоходных даже очень немного...

5, 4 ... Мегасфен говорит... что скифский царь Иданфирс, устремившись из Скифии, подчинил себе много народов в Азии и совершил победоносное нашествие даже на землю египтян...¹

5, 10. ...Македоняне называли Парапамис Кавказом, хотя он не имеет никакого отношения к *настоящему* Кавказу, и даже, найдя какую-то пещеру в Парапамисадах, приняли ее за ту пещеру титана Прометея, в которой он был повешен за похищение огня.

7, 2. [Мегасфен говорит]², что в старину индийцы были кочевниками, подобно скифам не-пахарям, которые, блуждая в повозках, переезжают то в одну, то в другую *область* Скифии, не населяя городов и не почитая святилищ богов.

«ОБ ОХОТЕ»

(ΚΥΝΗΓΗΤΙΚΟΝ)

23, 2... Там, где равнины удобны для скачки, например, в Мисии, в земле гетов и по Иллирии, охотятся на оленей на скифских и иллирийских лошадях. Их вначале трудно разогнать, так что можно отнестись к ним с полным презрением, если увидишь, как их сравнивают с конем фессалийским, сицилийским или пелопоннесским, но зато они выдерживают какие угодно труды; и тогда можно видеть, как тот борзый, рослый и горячий конь выбивается из сил, а *эта* малорослая и шелудивая *лошаденка*³ сначала перегоняет *того*, затем оставляет *далеко за собой* и гонится за зверем; она выдерживает *скачку* до тех пор, пока олень не выбьется из сил...

«ДИСПОЗИЦИЯ ПРОТИВ АЛАНОВ»

(ΕΚΤΑΞΙΣ ΚΑΤ' ΑΛΑΝΩΝ)

Отрывок из несохранившегося сочинения *Ἀλανική ἱστορία*, содержавшего в себе описание войны, которую сам автор в качестве правителя Каппадокии с успехом вел против аланов в 136 г. н. э.

3. ... За этими [т. е. италийцами и киренейцами] пусть идут пешие боспорцы, имея предводителем Лампрокла⁴...

7. За тяжелой пехотой пусть станут союзные войска, те, что из Малой-Армении, трапезунтские гоплиты, колхи и копьеносцы ризианы⁵...

18. За ними девятый отряд должны составлять пешие стрелки номадов⁶, киренейцев, боспорцев и туреев⁷...

31 (*копей*). Скифы, не имея доспехов и имея лошадей без доспехов...

¹ [Fr. 21. То же самое, со слов того же Мегасфена (fr. 20), сообщает и Страбо́н (XV, 1, 6), тогда как у Геродота (I, 103) царь Иданфирс возглавляет оборонительную войну с Дарием, а походом в Азию руководит Мадий, сын Прототия].

² [Fr. 23. О скифах-пахарях см. Нег., IV, 17 и прим.].

³ [Описание Арриана подтверждается тем, что известно о современных степных лошадях Азии—потомках вышеописанных. См. Д. Анучин, К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России (извлечение из ЖМНП за 1896 г.)].

⁴ [Ближе неизвестный префект боспорской когорты].

⁵ [Т. е. жители Ризия, к востоку от Трапезунта; см. об этом пункте Агг., РРЕ, 8].

⁶ [Имеются в виду североафриканские нумидийцы; см. Strabo, II, 5, 33].

⁷ [Жители северо-восточной части Палестины].

«ТАКТИКА»

(ΤΕΧΝΗ ΤΑΚΤΙΚΗ)

Написано в 20-м году царствования Адриана, 137 г. н. э., см. гл. 44.

4, 7. У римлян одни из всадников носят дротики и атакуют на аланский и савроматский манер, другие же имеют копья.

11, 1. Фаланга¹ строится в длину иногда реже, если позволяет местность и будет *признано* полезнее, а в глубину иногда гуще, если нужно будет самой густотой и натиском отразить врагов... (2) или опять, если нужно будет отбить атакующих, как и следует строить против савроматов и скифов.

16, 6. Клинообразный строй больше всего, как слышно, употребляют скифы и фракийцы, перенявшие у скифов...²

35, 3. Скифские военные значки представляют собой драконов, развешивающихся на шестах соразмерной длины. Они шиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. (4) Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на *названных* животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. (5) Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы *разные* отряды не нападали один на другой³.

44, 1. Упоминаются копейщики савроматов или кельтов.

ОТРЫВКИ

«ИСТОРИЯ ПАРФИИ»

(ΠΑΡΘΙΚΑ)

Фр. 1 (P h o t., Bibl. cod., 58)... Арриан говорит, что парфяне при египетском царе Сесострисе и скифском Иандисе⁴ переселились из своей страны Скифии в *занимаемую или ныне область*...⁵

«ИСТОРИЯ ВИФИНИИ»

(ΒΙΘΥΝΙΚΑ)

Фр. 30 (E u s t. к Н о м., II., V, 408). ...Вифинцы, всходя на вершины гор, называли Зевса папой и его же Аттисом.

Фр. 52 (E u s t. к D i o n. P e r., 669)... они, будучи некоторыми образом хлебоедами и земледельцами, живя в домах и имея города, после того, как были разбиты фракийцами, изменили прежние обычаи и покла-

¹ [О построении фаланги см. прим. к X e n., Анаб., IV, 6, 6].

² [О скифско-фракийской тактике см. В. Д. Б л а в а т с к и й, Битва при Фате и греческая тактика IV в., ВДИ, 1946, № 1, стр. 101].

³ [Подобные военные значки, развившиеся из устрашающих врага изображений, известны у римлян, а также в более позднее время. См. H. S c h i l l e r, Römische Kriegsaltertümer, 1893, стр. 257 сл.].

⁴ [Ближе не известен, у других авторов не упоминается].

⁵ [Т. е. Парфию, к юго-востоку от Каспийского моря. О парфянах см. S t r a b o, XI, 8, 1 и сл.]. Ср. M a i l., 26 Bonn.; C y r., 35 a; C e d r., 36 Bonn.; S u i d. s. v. Σωστεις; I u s t., XLI, 1.

лись великими клятвами никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов, не приобретать драгоценного имущества, но сделать жилищами телеги, пищей же—звериное мясо, питьем и вместе с тем пищей—молоко, скота же держать не более, чем сколько можно переводить при переселении из одной страны в другую; и с этого вот времени они вместо земледельцев стали номадами.

Фр. 53 (Eust. к Ном., II, XIII, 1 сл.). Азию населяют абии-скифы, независимые из-за бедности и справедливости.

Фр. 54 (Eust. к Dion. Per., 783, о реке Иресе). Об этой реке [т. е. Иресе] Арриан говорит следующее: у скифского царя Гема¹ был сын Эридий, по имени которого была названа Эридием понтийская река, впоследствии переименованная в более удобное название Ирис².

Фр. 60 (Eust. к Dion. Per., 549). Фенагория, которую основал Фенагор Теосский, бежавший от насилий персов. Еще же Гермонасса по Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра, когда он отвел в колонии некоторых эолян и умер при основании полиса, жена его овладела полисом и дала полису свое имя.

АППИАН

Уроженец города Александрии, современник императора Адриана и Антонина Пия, занимал видные места в римской администрации. Около 160 г. н. э. написал свой известный исторический труд *Ῥωμαϊκά* в 24 книгах, из коих до нас дошли книги VI—IX и XI—XVIII, кроме отрывков. В XII книге, носящей название *Μιθριδάτειος*, описаны войны римлян с Митридатом Эвпатором, а в XIII—XVIII—междоусобия (*ἐμφύλια*).

«Митридатовы войны» Аппиана—книга, при всех ее недостатках, наиболее полно освещающая самый бурный и весьма интересный для нас период истории Северного Причерноморья и, в частности, Боспора, когда он, под властью Митридата и его ближайших преемников, был втянут в круг важнейших событий Средиземноморья и приведен в столкновение с Римом. Среди источников Аппиана, о которых сам он старательно умалчивает, критика выявила сочинения документально-мемуарного характера; пользуясь ими (не из первых рук, а чаще всего через Тита Ливия, Николая Дамасского и Посидония) Аппиан сообщает ряд локальных имен и историко-этнографических подробностей. Ср. Th. Reinach, *Mithridate Eupator*, стр. 443 сл.; О. И. Севастьянова, Введение к Аппиану, Митридатовы войны, Сирийские дела, ВДИ, 1946, № 4 (18), стр. 231—238].

Текст: Appiani Historia Romana, edidit Lud. Mendelssohn, 2 тома, Lips., Teubn., 1879—81 [Новое просмотренное издание Viereck, 1906].⁴

Перевод С. П. Кондратьева⁵

«МИТРИДАТОВЫ ВОЙНЫ»

(ΜΙΘΡΙΔΑΤΕΙΟΥ)

15. [Из речи митридатова посла Пелопида к римским полководцам в 89 г. до н. э., перед началом первой войны с римлянами]: Митридат царствует в своей наследственной стране³, которая в двадцать тысяч стадиев длиной, приобрел же много окрестных земель: и колхов—племя воинственное, из эллинов же, обитающих у Понта, и из варваров, живущих за ними. Он имеет друзей, готовых на все, что только он прикажет, ски-

¹ [Фракийское имя—персонификация горного хребта Гема (Балкан)].

² [Одна из значительных рек Малой Азии, вытекающая из Антитавра и впадающая в Черное море близ Амиса (современный Ешил-Ирмак)].

³ [Т. е. в Понтийском царстве, первоначально занимавшем северо-восточную часть Каппадокии, но при Митридате Эвпаторе значительно расширившемся за счет Пафлагонии, Фригии и других малоазийских областей].

фов, тавров, бастернов¹, фракийцев, сарматов и всех вокруг Танаиса и Истра и еще Меотийского озера.

41. [Во время военных действий в Греции против митридатова полководца Архелая в 86 г. до н. э. Сулла сжег Пирей]. После этого двинулся против Архелая² через Беотию и он. Когда же они подошли близко друг к другу, то те, которые недавно были у Фермопил, перешли в Фокиду; то были фракийцы с Понта, скифы, каппадокийцы, вифинцы, галаты и фригийцы и сколько ни было других стран, которые недавно подчинились Митридату,—всего до ста двадцати тысяч человек; и стратеги у них были над каждой частью свои собственные, над всеми же главнокомандующим был Архелай...

57. [Из речи Суллы к Митридату при личном свидании в Малой Азии при Дардане летом 85 г.].... И доказательством этого служит и то, что, еще не воюя ни с кем, ты заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами, отправлял *посольства* к соседним царям, строил корабли, созывал и штурманов, и кормчих.

64. ... Митридат же, поплыв в Понт³, воевал с отпавшими колхами и боспорцами. Из них колхи просили его, чтобы им был дан царем сын его, Митридат, и, получив его, тотчас подчинились. Царь же, заподозрив, что это произошло *по проискам* сына его, желавшего царства, призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его, во многом бывшего ему полезным в Азии в сражениях с Фимбрией⁴. Против боспорцев же он стал строить суда и готовить большое войско, так что величина его приготовлений сразу распространила молву, что все это собирается не против боспорцев, но против римлян...

67. Пользуясь досугом⁵, Митридат подчинил себе Боспор и дал им царем одного из своих сыновей Махара⁶. Напав же на живших за колхами ахейцев, которые считаются заблудившимися при возвращении из Трои, и, потеряв две трети войска в сражениях, от мороза и засад, возвратился назад и послал в Рим уполномоченных, чтобы подписать договор...⁷

2. Митридат, не раз уже на опыте познакомившись с римлянами и считая, что эта именно война⁸, возгоревшаяся безо всякого повода и так скоро, будет непримиримой, позаботился обо всех приготовлениях, считая, что теперь столкновение будет решающим. Остаток лета и целую зиму он заготовлял лес, строил корабли и готовил оружие и собрал в раз-

¹ [Об отношениях Митридата с северочерноморскими племенами и об его завоеваниях в причерноморских областях см. еще Strabo, VII, 4, 1 сл. Бастерны (бастарны)—германское племя, о котором см. Ps—S u m n., 797 и прим.].

² [Один из полководцев Митридата Эвпатора, возглавивший, первоначально с успехом, действия Митридата против римлян и захвативший значительную часть Греции, вплоть до Пирея в Аттике. Победенный Суллой и заключивший с ним от имени Митридата в 86 г. до н. э. мир, он вынужден был в 81 г. до н. э., перед началом второй Митридатовой войны, перейти на сторону римлян, будучи заподозрен Митридатом в тайных с ними сношениях].

³ Перед началом второй войны с римлянами, в 83 г. до н. э. См. Th. Reinach Mithridate Eupator, roi de Pont., Par., 1890, стр. 301.

⁴ [Один из активных сторонников Мария и Цинны в эпоху гражданской войны, будучи направлен в качестве легата Валерия Флакка, командовавшего посланными на Митридата войсками, в Азию, в 86 г. до н. э., поднял восстание против своего начальника и стал на его место, успешно ведя войну с Митридатом. По заключении мира с последним, Сулла в 84 г. до н. э. выступил против Фимбрии и принудил его к самоубийству].

⁵ По окончании второй войны с римлянами.

⁶ [Находился на боспорском престоле с 79 по 65 г. до н. э., был устранен своим отцом и замещен на престоле братом своим Фарнаком].

⁷ 79 г. до н. э.

⁸ Третья война с римлянами, 74 г. до н. э. Reinach, стр. 318 сл.

ных местах побережья до 2 000 000 медимнов хлеба¹. В качестве союзников к нему присоединились, кроме прежней силы, халибы, армении, скифы, тавры, ахейцы, гениохи, левкосиры и все те, которые живут на земле так называемой Амазонской вокруг реки Термодонта. Такие *силы* присоединились к прежним его *войскам* в Азии, когда же он перешел в Европу, *то присоединились* из савроматов так называемые царские языги, кораллы² и из фракийцев все племена, которые живут у Истра, Родоны и Гема³, а также еще бастерны, самое сильное из них племя...

78. ... [Митридат], плывя из [Синопы] в Амис⁴, отправил послов к *своему* зятю Тиграну Армянскому⁵ и к *своему* сыну Махару, правителю Боспора, побуждая и того и другого оказать *ему* помощь. А к соседним с *ним* скифам он велел Диоклу⁶ отнести золото и многие дары. Но тот с этими дарами и с этим золотом перебежал к Лукуллу...

79. ... В это время некий начальник, скиф родом, по имени Олкаба⁷, давно уже перебежавший к Лукуллу, спасший во время этой конной битвы⁸ многих и за это награжденный Лукуллом допущением к столу полководца, правом высказывать суждения и участвовать в тайных совещаниях, подошел к палатке Лукулла, когда тот в полдень отдыхал и потребовал, чтобы его впустили. На поясе у него, как всегда, висел обычный короткий кинжал. Так как его не допустили, он вознегодовал и сказал, что крайне важное дело заставляет его разбудить полководца; но слуги Лукулла ответили, что для Лукулла самое важное сейчас быть здоровым; тогда он тотчас же вскочил на коня и ускакал к Митридату—потому ли, что он покушался на Лукулла и ему показалось, что его подозревают, или под влиянием гнева, считая, что с ним поступили дерзко. Митридату он сообщил о другом скифе, по имени Собадаке⁹, что тот собирается перебежать к Лукуллу. Собадак был схвачен.

83. ...Так опустошил и вновь заселил Лукулл Синопу и Амис¹⁰; а с Махаром, сыном Митридата, царствовавшим над Боспором и приславшим ему венок из золота, он заключил дружбу; от Тиграна же он стал требовать *выдачи* Митридата.

88. ... Ухаживали за Митридатом агары¹¹, скифское племя, использующие змеиный яд для лечения и для этого всегда бывшие при царе¹².

[Последние деяния и смерть Митридата Эватора]

101. Митридат, оттесненный с одними гипаспистами на обрывистые скалы¹³ и бежавший, оказался с несколькими наемными всадниками и пехо-

¹ [Медимн—52 литра; таким образом, около двух миллионов мешков].

² [О кораллах (по Аппиану—сарматское племя), одном из диких и разбойничьих фракийских племен западного побережья Черного моря у подножья северозападных отрогов Балканского хребта, см. Strabo, VII, 5, 13].

³ [Родопскими горами называлась юго-западная цепь Гема (Деспото-Планина) сохраняющая это наименование и поныне].

⁴ После потери Вифинии в 72 г. Reinach, стр. 334 сл.

⁵ [96—56 гг. до н. э.].

⁶ [Диокл—ближе неизвестный посол Митридата к скифам в 72 г. до н. э.].

⁷ [Видимо идентичный с названным ниже (§117) властителем колхов Олтаком, см. прим. к этому месту].

⁸ [Речь идет о сражении в долине реки Лика, в 71 г. до н. э.].

⁹ [Имя это встречается в одной из посвячительных надписей Танаисского синода (IOSPE, II, 451) в форме Σαβοδακος и таким образом засвидетельствовано для Боспора].

¹⁰ 70 г. до н. э.

¹¹ Об этом племенном наименовании ср. прим. к Dioid., XX, 24].

¹² [Митридат был ранен стрелой под глаз и камнем в колено в стычке с Марком Фабием, офицером Лукулла, осенью 68 г. См. Reinach, стр. 370.

¹³ [После поражения, нанесенного ему Помпеем при Дастире, в 66 г. до н. э. Ср. Reinach, стр. 387 сл.].

тинцами в количестве до трех тысяч, которые тотчас последовали за ним в укрепление Синореги¹, где у него было спрятано много денег; он дал подарки и плату за год тем, которые бежали вместе с ним. Захватив же до шести тысяч талантов, он устремился к истокам Евфрата, чтобы оттуда перейти к колхам. Двигаясь безостановочно, он уже на четвертый день перешел Евфрат, в течение же трех других, остановившись и вооружив бывших с ним или подходивших к нему, вторгся в Армению Хотену², там он прогнал хотенов и иберов, хотевших помешать ему стрелами и пращами, и вышел к реке Апсуру³. Иберов же, которые в Азии, одни считают предками, другие же—колонистами европейских иберов, иные же—только одноименным с ними племенем. Ибо у них нет ничего сходного ни по нравам, ни по языку⁴. Митридат же, зимую в Диоскурах⁵, каковой город колхи считают доказательством путешествия Диоскуров с аргонавтами, задумал не малое дело, и не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегстве, но, обойдя кругом весь Понт и скифов на Понте и Меотийское озеро, напасть на Боспор, и, отобрав область сына своего Махара, оказавшегося по отношению к нему неблагодарным, вновь очутиться перед римлянами и воевать из Европы с ними, находящимися в Азии, поставив посередине пролив, который, как считают, был назван Боспором⁶, потому что его переплыла Ио, когда она, ставшая короной из-за ревности Геры, должна была бежать⁷.

102. Занявшись столь невероятными планами, Митридат все-таки решил их выполнить и прошел через земли скифских народов, и воинственных, и враждебных, договариваясь с ними или принуждая их силой. Так, и будучи беглецом и в несчастьи, он вызывал еще к себе почтение и страх. Так он прошел через земли гениохов, дружески принявших его, ахейцев же обратил в бегство и преследовал; говорят, что они, возвращаясь из-под Трои, бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров как эллины; послав же в родные города за кораблями и не получив ответа, они, говорят, рассердились на весь эллинский род, и всех тех эллинов, которых брали в плен, стали убивать по обычаю скифов, сначала всех от гнева, со временем же одних красивейших из них, потом же тех, на кого падет жребий. Вот что рассказывают о скифских ахейцах⁸. Митридат же, вступив в область Меотиды, над которой много династов, когда все они, ввиду славы его деяний и его власти, а также потому, что военная сила, бывшая еще при нем, была значительна, приняли его, пропустили и обменялись взаимно многими подарками, заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы—вторгнувшись

¹ [Иначе Синория. Об этой крепости и ее местоположении ср. Strabo, XII, 3, 28 и прим.].

² [Местность в Северной Армении у верховьев Евфрата, быть может, идентичная с Таохеной, от племени таохов, тождественных в свою очередь с хотенами].

³ [К юго-западу от Батуми, идентичен реке Акампису, отождествляется с современной рекой Чорох, при устье которой позднее существовало одноименное римское укрепление. См. ВДИ, 1938, № 2, стр. 308].

⁴ [Европейскими иберами Аппиан называет жителей Пиренейского (Иберийского) полуострова].

⁵ [Т. е. в Диоскуриаде, милетской колонии на месте современного Сухуми, названной по имени Диоскуров—Кастора и Полидевка, божественных братьев, сыновей Зевса (или Тиндарея) и Леды, участников похода аргонавтов].

⁶ [Т. е. «путем короны»].

⁷ [Об этом мифе см. подробнее Aesch., Prom. vinct., 729 сл. и схол.].

⁸ [Сказания о принесении абхазцами в жертву эллинов по скифскому обычаю несомненно навлены содержанием мифа об Ифигении и таврах. См. Eur., Iph. Taur., 28 сл.].

через Фракию—в Македонию и через землю македонян в Пеонию¹, перейти в Италию через Альпийские горы; для *укрепления этого* союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них *своих* дочерей. Сын его Махар, узнав, что он совершил столь огромный путь в короткое время через дикие племена и так называемые «скифские запоры», никогда никому не бывшие доступными, отправил к нему послов, чтобы оправдаться *перед ним*, якобы он по необходимости служит римлянам; но, узнав про крайний гнев Митридата, он бежал на полуостров², находящийся в Понте, сжегши корабли, чтобы отец не мог его преследовать. Когда же Митридат послал против него другие *корабли*, он, предупредив его, лишил себя жизни³. Митридат же казнил всех его друзей, которых он сам дал ему, когда тот уходил управлять этой страной, друзей же *своего* сына он отпустил невредимыми, как служивших своему другу.

103. Так обстояли дела с Митридатом, Помпей же тотчас после его бегства преследовал его до колхов, после же, считая, что тот никогда не обойдет кругом ни Понт, ни Меотиду и что, даже ускользнув, он уже не попытается предпринять что-либо важное, отправился к колхам, интересуясь рассказами о пребывании здесь аргонавтов, Диоскуров и Геракла и особенно желая увидеть место страданий, где, говорят, на Кавказских горах страдал Прометей. Многие источники, *вытекающие* с Кавказских гор, несут незаметный золотой песок; окрестные жители, положив в воду длинношерстные шкуры овец, собирают пристающий к ним золотой песок. Таково, вероятно, было и золотое руно Ээта⁴. Итак, когда Помпей ходил по этим историческим местам, одни племена, которые были соседними с царством Митридата, пропускали его; Ороз же, царь албанов, и Арток, *царь* иберов, с семьюдесятью тысячами *воинов* подстерегли его около реки Кирна⁵, которая двенадцатью судоходными устьями изливается в Каспийское море после того, как в нее впадает много рек и величайшая из всех—Аракс⁶. Заметив же эту засаду, Помпей построил мост через реку и, загнав варваров в густую чащу (они же очень искусны сражаться в лесах, скрываясь и появляясь незаметно), поставив войско вокруг этой чащи, поджег ее и стал преследовать выбегающих, пока все *они не прислали* заложников и не принесли даров. В Рим он вступил в триумфальном шествии *между прочим* и за это. Среди же этих заложников и пленных было много женщин, имевших не меньшие раны, чем мужчины; и считали,

¹ [Область к северу от Македонии, между Иллирией и Фракией, неотделенная, однако, от, Македонии строго определенными границами].

² [Т. е. из азиатской части Боспора переправился в европейскую его часть, на Керченский полуостров].

³ В 65 г. до н. э. См. Reinach, стр. 397.

⁴ [Ср. аналогичный текст Страбона (XI, 2, 19), откуда—или из непосредственного источника Страбона (Феофан Митиленский)—заимствует Аппиан эти сведения].

⁵ [Т. е. у современной Куры—Кир или Кирн (в некоторых переводах Кури) Страбона; названные цари Албании и Иберии ближе неизвестны. Что касается количества войск, то, по данным Страбона (черпавшего, видимо, из того же источника, что и Аппиан), одни лишь албаны выставили против Помпея 72 000 пехоты и конницы, иберы же несколько менее их; на основании чего приводимая Аппианом цифра могла бы быть удвоена. Ср., впрочем, Plut., Rom., XXXIV, где албанское войско исчисляется всего в 40 000 человек].

⁶ [По Страбону (XI, 4, 2), Аракс и Кура впадают в Каспийское море раздельно. Надо полагать, что отличная версия Аппиана объясняется не изменением течения реки Аракса (разделение устья Куры и Аракса показывает также и Птолемей—V, 11, 2; V, 12, 6), а неверным толкованием Аппианом своего источника. Река Кир (Кура) принимает в числе своих притоков реку Арагон (Ἀρ.γών—Strabo, XI, 3, 2); она отождествляется с современной Арагвой, которую Аппиан и путает с Араксом. Такую же ошибку совершает и Ф. Г. Мищенко в указателе к своему переводу Страбона (стр. XLI и сл. s. v. Аракс)].

что это амазонки, то ли потому, что есть некий народ амазонки, соседний с ними, оказавшийся призванным тогда на помощь, или потому, что вообще некоторых воинственных женщин здешние варвары называют амазонками¹.

107. Вот, чем он был занят тогда; Митридат же закончил свой обход Понта и, захватив Пантикапей, эмпорий европейцев при устьи Понта, убивает у пролива *одного* из *своих* сыновей, Ксифара, за следующее преступление его матери. У Митридата было одно укрепление, где в тайных подземных хранилищах было скрыто большое количество денег в медных, обтянутых железом сундуках. Стратоника же, одна из наложниц или жен Митридата, которой вверена была тайна и охрана этого укрепления, когда Митридат еще обходил Понт, передала укрепление Помпею и указала никому не известные сокровища, со следующим единственным условием, — чтобы Помпей сохранил ей сына Ксифара, если возьмет его. А тот, овладев деньгами, обещал ей *сохранить* Ксифара и разрешил взять *ее* собственные *вещи*; узнав же о случившемся, Митридат убивает Ксифара у пролива, причем мать смотрела на это с другого берега², и бросил *его тело* непогребенным. Так он надругался над сыном для того, чтобы причинить мучение погрешившей *против него*, затем он отправил послов к Помпею, бывшему еще в Сирии и не знавшему, что тот еще жив, которые обещали, что он будет платить дань римлянам за отцовскую область. Когда же Помпей приказал, чтобы Митридат явился и сам просил об этом, подобно тому, как пришел Тигран, он сказал, что он никогда на это не согласится, будучи Митридатом, пошлет же некоторых из *своих* сыновей и друзей. Сказав это, он вместе с этим стал спешно собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военные машины, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для *изготовления* тетив³ и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных. Служители же его обижали многих без ведома Митридата, ибо, страдая какой-то болезнью — нарывами на лице, он обслуживался тремя евнухами, которые *только* и могли его видеть.

108. Когда же прекратилась болезнь и войско у него уже собралось, шестьдесят отборных отрядов по шестьсот человек в каждом, много же и прочего войска и корабли и укрепленные места, сколько их ни взял *его* стратеги за время *его* болезни, — он направил часть *своего* войска в Фанагорию, другой эмпорий около устья, с тем, чтобы и с той и с другой стороны держать вход в своих руках⁴, пока Помпей был еще в Сирии. Фанагориец же Кастор, подвергнутый некогда телесному наказанию царским евнухом Трифоном, напав на Трифона, входившего в *город*, убил его и стал призывать народ к свободе. Они же, хотя *их* акрополь был уже занят Артаферном и другими сыновьями Митридата, обложив возвышенность деревом, подожгли его, пока Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр и Эвпатра, дети Митридата, испугавшись огня, сдались *в плен* и *позволили* увести *себя*. И был из них один Артаферн примерно сорока лет, остальные же были красивыми юношами. Но другая дочь Митридата, Клеопатра, оказывала сопротивление; и ее отец, восхищенный смелостью ее духа, послав много бирем, вырвал *из рук врагов*. Сколько же поблизости не

¹ [Ср. о воинственности савроматских женщин Н е г., IV, 117; Н и р р., De aër. aq., loc., 24].

² [Фактическая несообразность: Керченский пролив нигде не узок настолько, чтобы через него можно было увидеть что либо подобное даже с помощью оптических приборов].

³ [Из их жил].

⁴ [Фанагория расположена на берегу Таманского полуострова. Захватом этого города Митридат обеспечивал себе обладание обоими берегами Керченского пролива (Боспора Киммерийского), нередко именовавшегося у древних писателей устьем Меотийского озера (Азовского моря), а в данном случае устьем Понта (т. е. Черного моря)].

было укреплений, которые были недавно захвачены Митридатом, все они, подражая смелому поступку фанагорийцев, отложились от Митридата, а именно Херронес, Февдосия, Нимфей и сколько их ни было вокруг Понта, *очень* удобных для войны. Он же, видя частые отпадения и имея войско в подозрении, что оно некрепко из-за необходимости похода и тяжести податей и постоянной неверности войск к потерпевшим неудачу полководцам, послал при посредстве евнухов *своих* дочерей к скифским правителям в жены, прося возможно скорее прислать к нему войска. Сопровождали же их пятьсот человек из войска; они, немного удалившись от Митридата, убили везших *девушек* евнухов, будучи всегда враждебными к евнухам, имевшим силу у Митридата, а девушек отвезли к Помпею.

109. Митридат же, лишившись стольких детей и укреплений и всей власти, уже являясь совершенно небоеспособным и не рассчитывая получить помощь от скифов, все-таки даже тогда не стремился к чему-либо ничтожному или достойному его несчастий, но задумывал, перейдя к кельтам, с которыми он для этой цели давно уже заключил дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию, надеясь, что многие в самой Италии присоединятся к нему из-за ненависти к римлянам; он знал, что так поступил и Ганнибал, когда *римляне* объявили ему войну в Иберии, и вследствие этого стал особенно страшен римлянам. Знал же он, что и недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к *ним* и вела с ними ожесточеннейшую войну, вступив в союз *против них* со Спартаксом—гладиатором, не имевшим никакого достоинства. Замышляя это, он двинулся к кельтам. Но хотя *этот* план, может быть, оказался бы для него наиболее блестящим, *его* войско колебалось вследствие, главным образом, самой грандиозности *этого* предприятия, а также потому, что его вели в *столь* длительный поход в чужую землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей *земле*. Думая, что сам Митридат, отчаявшись во всем, предпочитает умереть, совершив что-либо *значительное*, как прилично царю, а не в бездействии, они пока сдерживали себя и сохраняли спокойствие: ведь даже в несчастиях царь не был ничтожным и презренным.

110. Когда таково было положение всех дел, Фарнак¹, которого он из *всех своих* детей ценил выше всех и часто заявлял, что он будет преемником его власти, составил заговор против отца, то ли испугавшись этого похода и возможности потери всей власти—так как теперь еще римляне пошли бы на соглашение; если же отец пойдет походом на Италию, то власть будет потеряна везде и совершенно,—то ли по другим причинам и соображениям. Когда его соучастники были схвачены и отправлены на пытки, Менофан убедил Митридата, что *тот* не должен, уже отплывая, казнить еще *так недавно* столь ценимого им сына; он сказал, что подобные перемены—дело войн, с прекращением которых и это устроится. Убеденный им, Митридат согласился на прощение сына; тот же, испугавшись какого-либо *нового проявления* гнева *отца* и зная, что войско боится этого похода, ночью пришел прежде всего к перебежчикам из римлян, стоявшим лагерем ближе всего к Митридату, и, преувеличив ту опасность для них, которая будет, если они пойдут на Италию, о которой они и сами хорошо знали, и дав им много обещаний, если они останутся с ним, довел *их* до решения отпасть от отца. А как только были убеждены эти, Фарнак той же ночью разослал *своих сторонников* в другие ближние лагеря. Когда же он договорился и с этими, первые вместе с зарей подняли военный клич перебеж-

¹ [Второй из сыновей Митридата Эвпатора, правивших на Боспоре. Занимал боспорский престол в годы 63—47 до н. э.].

чики, за ними же подхватили этот крик те, которые стояли близко. И флот ответил им, причем, может быть, и не все знали, в чем дело, но они были склонны к переменам, презирая возможное несчастье, но рассчитывая всегда на выгоду от переворота. Другие же, не зная о заговоре и полагая, что все уже изменили и что, будучи уже одни, они будут презираемы большинством, стали кричать вместе с *другими* скорее из страха и необходимости, чем по доброй воле. Митридат же, проснувшись от их крика послал кое-кого спросить, чего хотят кричащие. Они же, не скрываясь сказали: «Пусть будет царствовать сын, молодой вместо старого, отдавшего евнухам и убившего уже многих своих сыновей, полководцев и друзей».

111. Узнав об этом, Митридат вышел, чтобы переговорить с ними. *Вместе с тем* некоторое количество из его личной гвардии присоединилось к перебежчикам. Те же сказали, что не допустят их *к себе*, прежде чем они в *доказательство* своей верности не сделают что-либо непоправимое, указывая вместе с тем на Митридата. Те успели убить коня Митридата, когда тот бросился бежать, и, как уже овладевшие властью, объявили Фарнака царем; и кто-то, вынеся из святилища плоский стель, увенчал им его вместо диадемы. Видя это с высоты с открытого места, *Митридат* стал посылать к Фарнаку одного за другим *вестников*, требуя *для себя* безопасного выхода. Так как никто из посланных не возвращался, то боясь, как бы его не выдали римлянам, и воздав похвалу своим телохранителям и друзьям, еще остававшимся *при нем*, он отпустил их к новому царю; некоторых из них войско по недоразумению убило; сам же, открыв тот яд, который он всегда носил с собой в мече, стал его смешивать. Две же его дочери, еще девушки, жившие с ним, Митридатилы и Нисса, сосватанные царям Египта и Кипра, заявили, что они раньше выпьют яд, и настойчиво *этого* требовали и мешали ему пить, пока, получив, не выпили *сами*; яд тотчас подействовал на них, на Митридата же, хотя он нарочно усиленно ходил взад и вперед, яд не действовал вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался для предотвращения отравлений; и ныне еще называются они «митридадовыми средствами». Увидав некоего Битита, начальника кельтов, *Митридат* сказал: «Большую помощь получал я от твоей десницы в *борьбе* против врагов, но самая большая будет помощь, если ты теперь прикончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, *мне*, бывшему столь долгое время самодержцем и царем такой страны, который не может умереть от ядов вследствие глупых *моих* предохранительных мер при помощи других ядов, ибо тяжелейшего и столь обычного царям яда—неверности войска, детей и друзей—я не предвидел, я, который предвидел все *яды* при принятии пищи и *от них* сумел уберечься». Битит, почувствовав жалость, помог царю, нуждавшемуся в *такой помощи*.

112. И умер Митридат¹, в шестнадцатом колене потомок Дария Гистаспа, царя персов, в восьмом же—Митридата, отпавшего от македонян и захватившего власть над понтийским царством². Он прожил шестьдесят восемь или шестьдесят девять лет и из них пятьдесят семь лет царствовал ибо власть перешла к нему, когда он был сиротой. Он подчинил себе соседние варварские народы и из скифов покорил многих....

¹ Весной 63 г. до н. э.; см. Reinach, стр. 406 сл.

² [Имеется в виду Митридат II, сын понтийского сатрапа Ариобарзана II, царствовавшего в Понте с 337 по 302 г. до н. э. и считавшегося основателем независимого Понтийского царства].

113. Так умер Митридат, прозванный Эвпатором и Дионисом, и римляне, узнав *об этом*, отпраздновали это событие, как освободившиеся от очень тяжелого врага; Фарнак же послал на триере труп своего отца Помпею в Синопу, а также тех, кто взял в плен Мания¹, и многих заложников, сколько у него ни было эллинских и варварских, прося *разрешения* царствовать или над отцовским царством, или над одним Боспором, каковое царство и Махар, брат его, получил от Митридата². Помпей же устроил пышные похороны телу Митридата и его слугам поручил похоронить *его* в царской гробнице и положить в Синопе среди царских гробниц, восхищаясь им за великие подвиги, как лучшим из живших при нем царей; Фарнака же, избавившего Италию от многих затруднений, он сделал другом и союзником римлян и дал ему царствовать над Боспором кроме фанаторийцев, которых он сделал свободными и автономными, так как первыми именно они, когда Митридат стал крепнуть и имел корабли, и другое войско и укрепленные пункты, решились восстать против него и оказались предводителями восстания для других и виновниками гибели Митридата.

114. Сам же Помпей, одной этой войной уничтожив шайки разбойников и низложив великого царя и вступив в борьбу, не считая Понтийской войны,—с колхами, албанами, иберами, армениями, мидийцами, арабами, иудеями и другими восточными народами, раздвинул власть римлян до Египта. В самый же Египет он не пошел, хотя там происходило восстание против царя и царь Египта призывал его, посылая ему подарки, деньги и одяние для всего войска. Не пошел он, или боясь силы еще процветающего царства, или остерегаясь зависти врагов, или предостерегающего указания прорицания, или по другим основаниям, которые я изложу, рассказывая об египетских делах. Из завоеванных народов он одних оставил автономными ради союза; другие же сразу оказались под *властью* римлян, иных же передал под власть царей, *отдав* Тиграну Армению, Фарнаку Боспор, Ариобарзану Каппадокию и все другие области, о которых я сказал раньше...

116. ... С блеском и славой, как никто до него, имея *от роду* тридцать пять лет, он в течение двух дней подряд совершил триумф над многими народами из Понта, Армении, Каппадокии, Киликии, из всей Сирии и из албанов и гениохов, и ахейцев, *живущих* в Скифии, и из восточной Иберии.

117. Впереди же самого Помпея шли все те, которые были сановниками, детьми или военачальниками побежденных царей, одни будучи пленниками, другие, данные в заложничество, до 324 человек. Тут были и сын Тиграна Тигран, и пять сыновей Митридата: Артаферн, Кир, Оксатр, Дарий и Ксеркс, и его дочери Орсабариды и Евпатра. Шел же и скиитроносец колхов Олтак³, и иудейский царь Аристобул, и правители киликийцев, и царственные женщины скифов, и три предводителя иберов и два—албанов, и Менандр из Лаодикеи, бывший гиппархом Митридата. Тех же, которых тут не было, несли в изображениях, представлявших Тиграна и Митридата, как они сражались, были побеждены и бежали. Было изображено, как был осажден Митридат и как он в тиши ночной бежал.

¹ [Маний Аквиллий, сын одноименного проконсула Азии, известного своими жестокостями, посланный в 89 г. для восстановления на престоле царей Вифинии и Каппадокии и захваченный Митридатом в 88 г. до н. э.].

² [См. выше А р р., Mithr., 67].

³ [Повидимому, то же самое лицо, что и названный выше (§ 79), скиф, по имени Олаб; упомянут также у Плутарха, именующего его Олтаком, властителем дандариев (Plut., Luc., 16). См. Reinach, стр. 76, прим. 4].

А в конце было показано, как он умер, и были нарисованы его дочери-девушки, которые предпочли умереть вместе с ним; были нарисованы и его сыновья и дочери, умершие раньше его, тут же были изображения варварских богов в их местных одеяниях. Несли также и плакат со следующей надписью. «Кораблей медноносых захвачено восемьсот; городов основано у каппадокийцев восемь, у киликийцев же и в Келесирии двадцать, в Палестине же—ныне называемая Селевкида. Побеждены цари: Тигран Армянский, Арток Иберийский, Ориз Албанский, Дарий Мидийский, Арета Nabateйский, Антиох Коммагенский». Вот что гласила эта надпись¹.

119. [У Митридата] собственных кораблей было часто более четырехсот, всадников иногда до пятидесяти тысяч и пехотинцев—двести пятьдесят тысяч, и машины и метательные орудия—соответственно этому; сражались же вместе с ним цари и династы армянский и скифов, *живущих* вокруг Понта, у Меотийского озера и от него по берегам к Фракийскому Боспору.

120. Фарнак же стал осаждать фанагорийцев и соседей Боспора, пока не одолел в битве фанагорийцев, вступивших в битву из-за голода, и, не причинив им никакого вреда, но сделав друзьями и взяв заложников, удалился. Немного же спустя он взял и Синопу и, задумывая захватить Амис, вступил в войну с римским военачальником Кальвином, в то время, как Помпей и Цезарь воевали друг против друга² пока, *наконец*, Асандр³, его личный враг, не изгнал его из Азии, так как римляне были заняты в других местах. Он вступил в войну и с самим Цезарем,—когда тот, победив Помпея, прибыл из Египта⁴,—около горы Скотия⁵, где его отец одолел римлян, бывших под начальством Триария⁶; побежденный, он бежал с тысячей всадников в Синопу⁷. Так как Цезарь, не имея времени, не преследовал его, но послал за ним Домиция, то *Фарнак*, передав Синопу Домицию и заключив мир, был отпущен *со своими* всадниками. Он велел убить коней к большому неудовольствию всадников, взойдя же на корабли, бежал в Понт и, собрав каких-то скифов и савроматов, захватил Феодосию и Пантикапей. Когда же Асандр по вражде к *нему* вновь напал на него, то всадники Фарнака из-за недостатка в лошадях и неумения сражаться пешим строем были побеждены, сам же Фарнак один сражался хорошо, пока, не будучи ранен, не умер, пятидесяти лет от роду и процарствовав над Боспором пятнадцать лет⁸.

121. Так вот и Фарнак лишился власти, и его царство Гай Цезарь дал Митридату Пергамскому, ревностно помогавшему ему в Египте⁹; ныне же у [жителей] Боспора *свои* туземные цари, а в Понт и Вифинию ежегодно посылается сенатом кто-либо в качестве претора...

¹ [Ср. описание триумфа Помпея у Plut., Pomp., XLV].

² [В 49 г. до н. э.].

³ [Военачальник Фарнака, возмущившийся против своего властителя и ведший против него (см. ниже) и против его преемника Митридата Пергамского победоносную войну за боспорский престол, на котором он и был утвержден императором Августом. Царствовал на Боспоре с 47 по 17 г. до н. э.].

⁴ [В 47 г. до н. э.].

⁵ [Близ крепости Зелы, расположенной в Понте, к югу от Амасии, в бассейне верхнего течения реки Ириса].

⁶ [В 67 г. до н. э. Гай Валерий Триарий, легат Лукулла, в 72 г. до н. э. разбивший понтийский флот в битве у Тенедоса].

⁷ [Об этой победе Цезарь рапортовал сенату знаменитыми словами: *veni, vidi, vici*. См. Hirt., Bell. Al., 77].

⁸ [47 г. до н. э.].

⁹ Ср. Strabo, XIII, 4, 3; Hirt., Bell. Al., 26; 78.

«О МЕЖДОУСОБНЫХ ВОЙНАХ II»

(ΕΜΦΥΛΙΩΝ Β')

92. После этого¹ Фарнак, не делая дальнейших попыток, бежал в Боспорское царство, переданное ему Помпеем, а Цезарь, не имея времени заниматься пустяками ввиду стольких ожидавших его войн, пошел в Азию...

ГЕРМОГЕН ТАРСИЙСКИЙ

Ритор Гермоген, уроженец города Тарса, по прозвищу ῥητορ, жил во II в. н. э.
Текст: Rhetores Graeci ex rec. Leon. S p e n g e l, II, Lips., 1854.

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ»

(ΠΡΟΓΥΜΝΑΣΜΑΤΑ)

«2. О РАССКАЗЕ»

(ΠΕΡΙ ΔΙΗΓΗΜΑΤΟΣ)

Есть пять видов рассказов: прямой повествовательный, косвенный повествовательный, вопросительный, бессоюзный и сравнительный. Вид прямой повествовательный, например: Медея — дочь Ээта; она выдала золотое руно. Прямым называется *этот вид* потому, что во всей речи или в большей ее части сохраняется именительный падеж. Косвенный повествовательный, как например: *есть* рассказ, что Медея, влюбившись в Язона и т. д. Он называется косвенным потому, что допускает и другие падежи. Вопросительный вид следующий: каких ужасов не совершила Медея? не влюбилась ли она в Язона? не выдала ли золотого руна? не убила ли брата Апсирта? и т. д. Бессоюзный вид получается так: Медея, дочь Ээта, влюбилась в Язона, выдала золотое руно, убила брата Апсирта, и т. д. Сравнительный вид — следующий: Медея, дочь Ээта, вместо целомудренной жизни влюбилась, вместо охранения золотого руна выдала его, вместо спасения брата Апсирта убила его.

ФЕРЕНИК ГЕРАКЛЕЙСКИЙ

Эпический поэт, живший во II в. н. э. См. о нем D ü n t z e r, Fragmente der epischen Poesie, II, стр. 103.

Фр. (схол. к P i n d., Ol., II, 28). И вокруг гипербореев, которые населяют крайние *области земли*, под храмом Аполлона, неопытные в войне; говорят, что они, выросши из крови первейших титанов, заселили Борею землю царя Аримаспа².

ЛОНГ

Один из числа греческих романистов, живший, может быть, во II в. н. э. См. о нем C h r i s t, Gesch. d. Griech. Litt.⁴, стр. 852.

[Текст: Erotici scriptores Graeci, rec. R. H e r c h e r, т. I; L o n g u s, Pastorales, par D a l m e y d a, «Les belles lettres», Paris, 1934].

«О ДАФНИСЕ И ХЛОЕ» (4 КНИГИ)

(ΤΩΝ ΚΑΤΑ ΔΑΦΝΙΝ ΚΑΙ ΧΛΟΝ ΔΟΓΜΩ Δ')

III, 5,... «Любовь все преодолевает—и огонь, и воду, и скифский снег»³.

¹ Т. е. после поражения при Зеле [см. выше A p p., Mithr., 120].

² Ср. T z e t z., Chil., VII, 680 сл. «сюда же относится упоминание у A t h e n., III, р. 78 б.: Φερηνίκος ὁ ἐποποιὸς Ἱππιδώτης, где приведено одно место из одного прозаического труда последнего» (Düntzer).

³ Это выражение было, повидимому, пословицей.

КЛЕМЕНТОВСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

[Клемент Римский один из так называемых «мужей апостольских». По Liber Pontificalis (изд. Дюшена, I, 1886, стр. 123 сл.) четвертый, а по Иренею (цитированному у Евсевия, Hist. Eccl., V, 6, 2) третий епископ Рима. Приводимая Евсевием в «Хронике» и в «Церковной истории» традиционная дата его епископства (92—101 гг. н. э.) является более, чем сомнительной, ибо в указанную эпоху в Риме еще не существовало единого епископата]. Клементу приписываются следующие произведения: 1) Послания, 2) Беседы и 3) Воспоминания. Ученые считают подлинным лишь «Первое послание к коринфянам». «Воспоминания» (Recognitiones) в 10 книгах и 20 «Бесед» (Ὁμιλίαι) составляют так называемые «Clementina» (Κλημεντίναι), по всей вероятности, обзаванные своим происхождением какому-либо сирийскому еретику второго века. [Сохранившиеся под именем «Клементовых» сочинения (названные выше Nomilia и Recognitiones) представляют собой древнейший христианский роман, в котором, в качестве главного действующего лица, от чьего имени и ведется повествование, выступает сам Клемент, рассказывающий историю своей жизни и своих полных чудесных приключений странствований. Сочинения эти содержат многочисленные еретические (гностические и иудеистические) положения. Этот антикатолический элемент, а также и факт знакомства с Клементовыми сочинениями Оригена, определяет их начальную дату как конец II столетия н. э.]. См. о них Preuschen Harnack, Die Ueberlieferung und der Bestand der altchristlichen Litteratur, Leipzig, 1843, стр. 212—231: Pseudoclementinische Schriften; Vardenhewer, Patrologie, стр. 44 сл. [Из русских работ: Приисклов, Обзор посланий Климента Римского, СПб., 1888].

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, mm. I и II; [Gehardt, Harnack, Zahn, Patrum apostolicorum opera, Berl., 1906].

Извлечения и перевод С. А. Селиванова

«ВОСПОМИНАНИЯ»

(RECOGNITIONES)

IX, 24 (Patr., I, 1412). У сарматов, скифов и всех народов, обитающих в северной части понтийского побережья, равным образом, на острове Хрисее (Chrysea¹) никогда не встречаются ни трапезит, ни ваятель, ни живописец, ни зодчий, ни землемер, ни трагический актер, ни поэт...

X, 25 (Patr., I, 1434). Неразумные люди воздают поклонение тем, которые, по собственному их признанию, умерли или даже более того — были наказаны, как, например, сирийцы поклоняются Адонису, египтяне — Осирису, илионцы — Гектору, на Левконессе — Ахиллу², в Опунте (Pontum)³ — Патроклу, на Родосе — Александру Македонскому.

¹ Был не один остров, который носил это имя (Χρυσή, Χρῆση — расположенный около Крита, Χρυσή νῆσος — древнее название Фасоса), но из этих островов ни один не был расположен у понтийского берега, о жителях которого тут идет речь; по этой причине вместо «Chrysea», может быть, должно читать «Achillea», тот знаменитый остров Левка, о котором очень часто упоминают древние писатели (Селиванов). [Наименование νησιῶν Χερρώνησος (Ptol., I, 13, 9; VII, 2, 5) прилагалось в древности к полуострову Малакке в Западной Индии, равно как наименование Χρυσή νῆσος (Ptol., VII, 2, 17) относилось к части внутреннего Индостана (Арракан). Таким образом, под островом Хрисеей Клемент мог понимать Индию или какую-либо ее часть. Кроме того, так как наименование Хрисея прилагалось к той или иной местности вследствие ее золотистости, можно предположить, что Клемент именует так юго-западную часть Кавказа (Колхиду) и что остров Хрисея равнозначен в данном случае «Эйскому острову» (Hom., Od., X, 133 сл. и соотв. схол.).]

² Речь идет об острове Белом при устье Дуная, о котором, равно как и о культе Ахилла на нем, см. Ps.-Scymn., 785; Strabo, VII, 3, 16; Agr., PPE, 32 и прим.].

³ Обычно читается «Pontum», но из сопоставления с Ps.-Clem. Hom., VI, 22, (Patr., II, 213) Πατροκλὸν Ὀπουντίαν (προσκλυνοῦσαν), думаю, должно читать «Opuntum», относительно чего ср. Patr., I, 1434, прим. 52 (Селиванов).

«БЕСЕДА V»

(ΟΜΙΛΙΑ Ε')

XXIII (Patr. II, 192)... В самом деле, показывают в Кавказских горах, не на небе, но на земле, какую-то могилу Кроноса, человека жестокого и пожиравшего детей¹...

«БЕСЕДА VI»

(ΟΜΙΛΙΑ Ζ')

XXI (Patr., II, 213)... Как и в другом месте я сказал, в Кавказских горах показывают могилу какого-то человека Кроноса, царя жестокого и пожиравшего детей²...

XXII (Patr. He., ibd.). i удивляйся, что поддались обману те, которые жили во времена Асклепия и Геракла, или современники Диониса, или кого-либо другого из живших тогда, если и Гектору в Илионе и Ахиллу на острове Белом местные жители воздают поклонение, а также Патроклу — опунтийцы, Александру Македонскому — родосцы.

«О ДЕЯНИЯХ, ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПРОПОВЕДЯХ СВЯТОГО И ВЕРХОВНОГО ИЗ АПОСТОЛОВ ПЕТРА СОКРАЩЕНИЕ, В КОТОРОМ ВКЛЮЧЕНО И ЖИЗНЕОПИСАНИЕ САМОГО [КЛЕМЕНТА], К ИАКОВУ ЕПИСКОПУ ИЕРУСАЛИМСКОМУ»

(ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΠΡΑΞΕΩΝ, ΕΠΙΛΗΜΙΩΝ ΤΕ ΚΑΙ ΚΗΡΥΓΜΑΤΩΝ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΚΑΙ ΚΟΥΡΥΦΑΙΟΥ ΤΩΝ ΑΠΟΣΤΟΛΩΝ ΠΕΤΡΟΥ ΕΠΙΤΟΜΗ, ΕΝ ΗΙ ΚΑΙ Ο ΑΥΤΟΥ ΣΥΜΠΕΡΙΕΛΑΜΒΑΙΝΟΥΣ, ΠΡΟΣ ΙΑΚΩΒΟΝ ΕΠΙΣΚΟΠΟΝ ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΩΝ)

Patr., II, стр. 469—604. О составе эпитомы ср. «Monitum» издателя, стр. 469.

Перевод В. В. Латышева

CLXVI (Patr., 542 сл.). Городской профект Марментин³... доносит о нем [Кlemente] императору Траяну. И царь в ответ на его донесение объявляет ему решение, чтобы Кlement или принес жертву отеческим [языческим] богам, или удалился из Рима в вечное изгнание за Понт в какой-либо покинутый город из числа лежащих около Херсона⁴.

CLXVII ...За Кlementом последовали многие из благочестивых [т. е. христиан]. Прибыв на место ссылки, они застают в мраморной каменоломне около тысячи⁵ или даже более христиан, долгое время содержащихся там за благочестие. Последние, еще раньше слышавшие о патриархе и о том, что он, изгнанный из города, отправляется к ним в ссылку, получили не малое утешение от его прибытия.

¹ [Могилы (и горы) Кроноса известны в Элиде, в Сицилии, но не на Кавказе. Возможно, впрочем, что Кlement имеет в виду какое-либо местное божество плодородия, почитаемое на горах, отождествляемое им с Кроносом, подобно латинскому Сатурну, сиро-финикийскому Баалу и другим].

² [Ср. прим. к предшествующему отрывку. Представление о Кроносе, как о человеке и царе, указывает на то, что Кlement имеет в виду культ некоего героя-ротона-чальника и племенного вождя, подобно древнеиталийским богам-царям (индегета́м) типа Сатурна].

³ [Он же в Mart. S. Clem., 17 (Patr., II, стр. 625) называется Μάρκετινς].

⁴ [Т. е. города Херсонеса в Крыму. О развалинах древнего Херсонеса и их раскопках, в частности, о памятниках, связанных с житием святого Кlementа, см. К. И в а н о в, Херсонес Таврический, 1912].

⁵ Иначе δισχίλιους ср. Mart. S. Clem., 20 (Patr., II, 628).

CLXVIII. Когда он прибыл к ним, они, бросив свои работы и приблизившись к нему со слезами, обнимали его святые ноги, целовали его чистые руки и оплакивали постигшие их бедствия,—изгнание из отечества, неприятное пребывание на чужбине, нужду в предметах *первой* необходимости и, что было тяжелее всего, недостаток даже воды. «Если кто-нибудь, говорили они, целый день занимаясь тяжелой ручной работой, захотел бы выпить ничтожную каплю воды, чтобы освежить усталость от труда, то он может добыть воды не иначе, как пройдя не менее сорока пяти стадиев. Патриарх, соболезнуя им в этом и пролив слезы вместе с ними, а затем возблагодарив бога и довольно утешив их души, сказал: «Не просто и не бесцельно бог соизволил, чтобы я стал соучастником ваших страданий и в особенности примером терпения и выносливости».

CLXIX. Затем он начинает молиться и просить вместе с ними бога открыть своим исповедникам источник воды. И ударивши скалу в пустыне, и потекли воды¹, сам доставляет и им изобильную воду. Именно, когда все уже были заняты молитвой, патриарх, оглянувшись туда и сюда, видит агнца, поднимающего правую ногу и как бы указывающего ею на лежащую под ним почву; ибо никому другому агнец не был видим. Поняв видение, патриарх, вместе с присутствующими становится на указанном месте и говорит: «Во имя господина нашего Иисуса Христа здесь копайте, чада». И когда вскопали самое место, на котором стоял агнец, и все кругом, патриарх, взяв лопату, ударяет место, где указывал агнец, легким и поверхностным ударом; и тотчас земля испускает светлую и приятную для питья воду, которая, излившись с силой, образует большую реку. Когда все радовались воде, патриарх сказал: «Речные потоки веселят град божий»².

CLXX. После этого к нему стекался весь город и он всех приводил в истинную веру сладостью этого духовного учения, так что ежедневно многие крестились, число их возросло до пятисот и благочестие с каждым днем возрастало. Еще не прошло и года ссылки, как уверовавшими строятся церкви в числе семидесяти пяти, капища и храмы идолов уничтожаются, огонь истребляет выросшие вокруг них рощи, занимавшие большие *пространства* земли, и все безумие демонов низвергается.

CLXXI. Тогда до ушей царя доходит завистливая и тяжкая молва, свидетельствующая, что число христиан возрастает паче меры и ежедневно увеличивается. Вследствие этого он немедленно высылает *туда* гегемона Авфидиана с тем, чтобы он не только не позволял распространяться *христианскому учению*, но и просвещенных уже им возвратил и заставил отступить от благочестия. Когда он, прибыв в Херсон и подвергнув многих христиан многим разнообразным мучениям, увидел, что все они добровольно сделались мучениками и готовы были на тысячу смертей, то что он делает? Он отказывается от *преследования* толпы, чтобы не сделать больше мучеников и из властей, а наказывает одного виновника и устремляет всю свою ярость на блаженную главу Клементя. А так как для него все было легко и незначительно и от того, что он сам переносил, он доставлял другим большую безопасность, то *Авфидиан* придумывает для него короткий и скорый конец жизни: привезя мученика на середину моря и привязав к его шее железный якорь, он бросает его в бездну, чтобы, как он говорил, даже останки его не достались христианам.

CLXXII. Таким образом он был брошен в море; множество христиан, стоя на берегу, жалобно рыдали, стонали и самыми плачевными голосами призывали патриарха. Ученики его, Корнелий и Феб, также взывая голосами, каких требовало мучение, и не зная, чем утешить себя в этой скорби,

¹ Num., XX, 6; Psal., LXXVII, 20.

² Psal., XLV, 5.

сказали: «Помолимся все единодушно, чтобы нам были показаны хотя останки мученика». И когда они молились,—о, велики чудеса твои, владыко,—бог совершает и здесь чудо, более удивительное, чем моисеево¹: море отступает далеко не меньше, чем на двадцать стадиев, и толпа, подойдя по сухому дну—это также дело твоей удивительной силы, Христе,—находит камень, устроенный твоей таинственной мудростью в виде храма, и велелепно возлежащее в нем тело мученика и тот тяжелый якорь, также лежащий весьма близко к камню.

CLXXIII. Но Корнелию и Фебу было открыто, чтобы не переносили оттуда останков, прекрасно лежащих в пучине, и что по прошествии каждого года во время кончины мученика море в течение целых семи дней будет отступать для приходящих, предоставляя им доступ к останкам сухим путем и медленным шагом. Это *чудо* с тех пор ежегодно совершается доселе, имея наступление его памяти как бы пределом и сроком. Вследствие этого у них уничтожилась всякая ересь и идолопоклонство, так как совершаемые там в дни памяти мученика знамения и чудеса всех приводят к познанию и прямо ведут к истине. Ибо никому из страдающих какой-либо неизлечимой болезнью не нужно было ничего, кроме принятия этой воды и окропления ею, для избежания от одержавшего его страдания.

ТАТИАН

Христианский апологет, написавший около 152 г. н. э. речь к грекам (Λόγος πρὸς Ἑλληνας) в 42 главах.

Издание: Tatiani oratio ad Graecos. Recensuit Ed. Schwarz (Leipz., 1888) в серии «Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur von O. Gebhard und A. Harnack, IV.

Извлечение А. И. Маленна

XII (стр. 14). И вы, если не пренебрегаете вовсе скифом Анахарсисом, и теперь не считайте недостойным учиться у последователей варварского законодательства.

XXI (стр. 23). Прометей, прикованный к Кавказу, подвергся наказанию за благодеяние людям.

XXXII (стр. 33). Кто не посмеялся бы *над тем*, что вы признаете существование амазонок, Семирамиды и каких-нибудь других воительниц, а дев, бывших у нас, поносите?

XL (стр. 41)... Аристея Прокопнесца, написавшего «Аримаспии».

АРИСТОКРИТ

Собрание отрывков: Müller, FHG, IV, стр. 334. О жизни и произведениях ср. Schwartz, RE, s. v. Aristokritos.

«ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ МНЕНИЯ»

(ANTIΔΙΘΕΟΥΜΕΝΑ)

I, фр. 4 (Clem. Al., Strom., V, 5, 31 p.) Аристокрит в первой книге, посвященной Гераклеодору «Противоположных мнений», упоминает об одном письме следующего содержания: «Царь скифов Атий демосу византийцев: не вредите моим доходам, чтобы кобылицы не пили вашей воды».

ЭЛИЙ АРИСТИД

Знаменитый ритор, родился в 117 г. н. э. в мисийском городе Адрианах, получил весьма тщательное образование, очень много путешествовал, но преимущественно жил в Смирне; умер около 185 г.

¹ Ех., XIV.

Главное издание его многочисленных сочинений: Aristides ex rec. Guil. Dindorfii, Lips., 1829, 3 тома, из коих последний заключает в себе схолии. [Новое, неоконченное, издание: Keil, Berl., Weidm.].

Извлечения и перевод А. И. Маленна

«13. ПАНАФИНЕЙСКАЯ РЕЧЬ»

(ΠΑΝΑΘΗΝΑΙΚΟΣ)

Dind., I, 183... И теперь дети ваших детей живут у обоих пределов земли, одни, занимая пространство от Массалии до Гадир, другие—отделенные у Танаиса и *Меотийского* озера¹...

«14. ХВАЛЕБНАЯ РЕЧЬ РИМУ²»

(ΡΩΜΗΣ ΕΓΚΩΜΙΟΝ)

Dind., I, 330... Некоторые цари переселялись с *места* на *место* и разнились от скифов-кочевников лишь тем, что ездили не в кибитках, а на колесницах...

Dind., I, 334... Красное море, катаракты Нила и Меотийское озеро, представлявшиеся прежним *людям* на краю света.

«38. ПЕРВАЯ СОЮЗНИЧЕСКАЯ РЕЧЬ»

(ΣΥΜΜΑΧΙΚΟΣ Α')

Dind., I, 713. [Филипп]... взявший тридать два города и устроивший фракийским эллинам «Скифскую пустыню»³.

«45. О РЕТОРИКЕ»

(ΠΕΡΙ ΡΗΤΟΡΙΚΗΣ)

Dind., II, 74... Кир, перейдя Аракс, сразился с массагетами, а Дарий, наведя мост на Боспоре, переправился в *Европу* против скифов...

«46. ЗА ЧЕТЫРЕХ МУЖЕЙ»

(ΥΠΕΡ ΤΩΝ ΤΕΤΤΑΡΩΝ)

Dind., II, 225... *Персы* в походе на скифов, как казалось, потерпели неудачу, потому, что не могли найти их...

Dind., II, 278... Не говорю о скифах, как они победили бегством [персов]...⁴

¹ «Озером он называет или Меотийское или Понт Эвксинский» (Reiske) [Берега южной Франции и Испании от Марселя (Массалии) до Кадикса (Гадир) и Скифии у Танаиса и Меотиды (Азовского моря) рассматриваются Элием как крайние пределы обитаемого мира].

² Написана в 160 г. н. э.

³ [Имеется в виду поход Филиппа II Македонского во Фракию в 342—40 гг., во время которого он подчинил себе местные племена и прибрежные греческие города. О местности на западном берегу Черного моря, именовавшейся в древности «Скифской пустыней»,—понятие, возникновение которого Элий ошибочно приписывает деятельности Филиппа,—было известно, и это выражение вошло в поговорку еще во времена Аристофана (см. выше схол. к Arist., Ach., 704). Ср. Strabo, I, 3, 4 и прим.].

⁴ [О скифской военной тактике см. Нег., IV, 118 сл. и прим. Ср. ниже схол. к Arist., pro IV vir., II, 278].

«48. ЕГИПЕТСКАЯ РЕЧЬ»

(ΑΙΓΥΠΤΙΟΣ)

Dind., II, 439... Если бы пассатные ветры, дующие к югу, отгоняли назад течение Нила, то, конечно, и ветры, дующие к северу, должны были бы производить такое же действие на находящиеся там реки, т. е. на Танаис, Фасис и текущие за ними...

Dind., II, 454... Ничто не препятствует лету в Скифской земле и на Понте быть гораздо холоднее нашего лета...

Dind., II, 472... Есть приблизительно четыре отделения внешнего моря¹. Одно из них вдается с запада в Фасис через Гадиры и ближнюю Либиию; этот залив и есть наше море², которое делит надвое землю, присоединив к себе Меотийское озеро и находящуюся выше его реку Танаис, делает из того и другого отрезка остров, окруженный морем, если только не захочешь сказать, что Фасис и Танаис являются границами материков...

(II, 473)... Четвертое море вдается в наши страны от Борея и Каспийских ворот и называется Каспийским или, если хочешь, Гирканским.

СХОЛИИ К АРИСТИДУ

Dind., III, стр. 92 (к Panath., I, 183). *Другие—отделенные у Танаиса и озера*. Танаис—река в Скифии, а под озером автор разумеет Меотиду, также находящуюся в Скифии и образующуюся из этой реки. Танаис есть граница Европы и Азии, как говорит Дионисий³: «Европу от Азии отделяет по средине Танаис». Здесь поселились милетяне⁴.

Dind., III, 107 (к I, 190) *Амазонкам*. Геракл, посланный Эврисфеем, овладел поясом Ипполиты, предводительницы амазонок. Последние, придя в негодование, отправились походом на Элладу и, разрушив много городов, дошли до Аттики, но здесь были разбиты афинским царем Тезеем⁵. Он, взяв в плен Ипполиту и сойдясь с ней, родил Ипполита. Амазонки живут в Скифии у реки Термодонта.

Dind., III, 145. Фасис—река в Скифии⁶.

Dind., III, 302 (к Panath., I, р. 294). *И не к Боспору, которому хочешь*. Ибо есть два Боспора, Киммерийский, или Скифский, посредством которого Меотийское озеро соединяется с Понтом, и Фракийский на Геллеспонте, где Левкон⁷.

Dind., III, 553 (к pro IV vir., II, р. 225). *Ибо не могли их найти*... потому что скифы, живя в кибитках и не имея городов, легко переезжали с места на место.

Dind., III, 642 (к pro IV vir., II, р. 278). *Не говорю о скифах, как они победили бегством*. Автор нашел у скифов неожиданный пример того, что и убегающие побеждают, т. е., что бегство является способом победы. О скифах говорится, что они бегством побеждали неприятелей;

¹ [«Внешним» морем Элий, подобно многим другим древним авторам, называет омывающий землю Океан].

² [Т. е. Средиземное и соединяющееся с ним Черное море, которые Элий представляет себе в виде одного бассейна от Гадеса (Кадикса) до Кавказа (Фасиса). О четырех отделениях (или заливах) Океана см. Strabo, II, 5, 18 и прим.].

³ Dion. Per., 14. [Ср. ниже прим. к Arist., Aegypt., II, 472].

⁴ [Схалиаст имеет в виду одноименное реке поселение—милетскую колонию].

⁵ [О походе амазонок в Аттику см. еще Isocr., Paneg., 68 и прим., а также Diod., II, 44, 2 и прим.].

⁶ [О Фасисе (Рионе), как о скифской реке (отождествляемой с Танаисом), см. схол. к Pind., Isthm., II, 61 (41) и прим.].

⁷ [Схалиаст ошибочно помещает боспорского царя Левкона I (387—347 гг.) на Боспоре Фракийском].

или, как говорит Геродот в четвертой книге¹, что тут они видели более сильных неприятелей, забирая из страны все необходимое, а остальное сжигали, чтобы оно было непригодно врагам. Дарий некогда воевал со скифами. Живя в кибитках и будучи преследуемы им, они убегали внутрь страны; далеко преследуя их, Дарий пришел в смущение. Скифы посылали ему в тыл людей, чтобы сжигать хлеб и деревья. Это послужило Дарию и к добру и к худу: к добру потому, что, когда все было сожжено на дороге, он, следуя по этим признакам, нашел место, где были его корабли; а к худу потому, что, возвращаясь из погони за скифами, он не имел съестных припасов или места, где мог бы остановиться, и боскиды все выжгли.

Кроме того, что мы выписали, у Аристиды и в схолиях упоминаются: «гиперборей» (I, 82); «Фасис» и «Гирканское (море)» (I, 208); «Фасис» один (I, 83, 356, 385); «местность между Гадирями и Фасисом»; «Истр или Фасис» (II, 485); «саки» (I, 334); «Эвксинский Понт» (I, 384); «Понт» (I, 562; II, 12, 45, 227); «объезд Кавказа» и «Каспийские ворота» (I, 333); «Танаис» и «Меотийское озеро» (I, 395); «скифы» (II, 306, 383; III, 404); «скиф Анахарсис» (II, 432); «Каспийское море» (III, 145).

АНТОНИН ЛИБЕРАЛ

Жил во II в. н. э. при Антонинах. От него сохранился до нас «Сборник превращений» (*Μεταμορφώσεων συλλογή*), главнейшими источниками для которого служили Евтропиев Никандра Колофонского и *Ὁνειδουόγῳ* Боя, затем Дидимарх, Парфений и др.

[Текст: Myth. Graeci, II, ed. Martini, Lips., 1896].

Отрывки см. выше у Симмия Родоского в «Аполлоне» (фр. 2) и у Никандра в книге IV «Превращений» (фр. 58); ВДИ, 1947, № 3, стр. 257 и 302.

ЛУКИАН САМОСАТСКИЙ

Знаменитый сатирик, родился около 125 г. н. э. в Самосатах, главном городе Сирийской области Коммагены на Евфрате, много путешествовал, долго жил в Афинах и умер в глубокой старости в Египте. Наибольший расцвет его таланта приходится на время Антонинов. Под его именем сохранилось 82 сочинения, но между ними есть не мало подложных или сомнительных. [Касаясь «скифской» темы, Лукиан подчеркивает ее морализующее значение. Однако его «Токсарис» наполнен именами и бытовыми подробностями такого свойства, что они, несмотря на их полную изоляцию от остальной традиции, в частности от Геродота, не могут быть признаны выдумкой Лукиана, а должны быть рассматриваемы как литературная обработка скифских и фракийских преданий, почерпнутых из неизвестных нам большей частью источников. Таков прежде всего образ самого Токсариса, не менее колоритный и не менее «мифологичный», чем геродотовский образ Анахарсиса; таковы же и сообщаемые Лукианом предания о скифском обычае родовой (кровной) мести за сородича, испрашивающего ее на шкуре принесенного им в жертву быка. См. Б. Богаевский, Лукиан, его жизнь и произведения, I, М., 1915; Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 106 сл.].

Текст: Luciani Samosatensis opera ex rec. C. Jacobitz, Lips., Teubn., 3 тома; Lucianus. Rec. I. Sommerbrodt, Berl., Weidm., 1886 сл. [Новое, незаконченное издание: Lucianus ed. Nils Nilen, Lips., 1907].

«НИГРИН»

(ΝΙΓΡΙΝΟΣ)

§ 79 [Nil., 37]... Скифские стрелы намазываются ядом...².

¹ Нег., IV, 120.

² [Ср. об отравленных скифских стрелах и об яде для них Arist., de mir. ausc., 141, а также схол. к Nicand., Alexiph., 207].

«ПРОМЕТЕЙ ИЛИ КАВКАЗ»

(ПРОΜΗΘΕΥΣ Η ΚΑΥΚΑΣΟΣ)

1. Г е р м е с. Вот, Гефест, и Кавказ, к которому придется пригвоздить этого несчастного титана. Поищем же какого-нибудь подходящего утеса,—нет ли где не покрытого снегом, чтобы крепче прибились цепи и *сам* он, вися *на них*, был на виду у всех.

Г е ф е с т. Поищем, Гермес: его не следует распинать низко и близко к земле, чтобы не помогли ему его создания, люди, но и не на вершине, потому что он не будет виден снизу. Если хочешь, распнем его где-нибудь здесь, посредине, над этим ущельем, растянув руки от этого утеса до противоположного.

Г е р м. Правда твоя,—скалы здесь круты, отовсюду неприступны и слегка наклонны. На утесе есть *лишь* этот узенький выступ для ноги, так что едва можно стоять на цыпочках, одним словом, самое удобное место для распятия. Не мешкай же, Прометей, восходи и дай приковать себя к горе.

2. П р о м е т е й. Но хоть вы-то, Гефест и Гермес, сжальтесь надомной, невинным страдальцем!

Г е р м. Ты говоришь, Прометей, «сжальтесь» вместо «будьте распяты сейчас же, за неисполнение приказа»? Или Кавказ, по твоему, недостаточен и для двух других пригвожденных? Протягивай правую руку! А ты, Гефест, прибей ее, вколачивай гвозди и крепче ударяй молотком! Давай и другую! Захвати и ее хорошенько! Отлично! *Скоро* уже прилетит и орел клевать твою печень, чтобы ты получил все за свое прекрасное и искусное изобретение¹.

3. П р о м. О Кронос, Иапет и ты, мать, что я терплю, несчастный, не совершив никакого преступления!

Г е р м. Ты, Прометей, не совершил никакого преступления? Во-первых, ты, получив поручение разделить мясо, сделал столь несправедливый и мошеннический *делег*, что себе отобрал лучшие куски, а Зевса надул, «прикрыв кости блестящим туком»; я помню, что Гесиод сказал именно так². Затем ты создал людей, гнуснейших тварей, и особенно женщин.

Наконец, ты украл драгоценнейшее сокровище богов—огонь и дал его людям. И, совершив столь страшные деяния, ты *еще* говоришь, что прикован без всякой вины!

4. П р о м. Кажется, и ты, Гермес, «обвиняешь безвинного», как говорит Гомер³: ты ставишь мне в вину то, за что я потребовал бы себе содержания в притане⁴, если бы *на свете* была правда. Если у тебя есть досуг, я с удовольствием бы высказался в защиту против взводимых *на меня* обвинений, чтобы доказать, что Зевс неправильно решил мое дело; ты же, как адвокат—краснобай, защищай его, что он правильно присудил распять меня вблизи этих Каспийских ворот на Кавказе, на печальное зрелище всем скифам.

Г е р м. Твоя апелляция, Прометей, просрочена и ни к чему не поведет. Впрочем, все-таки говори: ведь все равно надо ждать, пока прилетит орел позаботиться о твоей печени...

¹ [Имеется в виду изобретение или вернее кража огня. См. ниже слова Гермеса. Ср. Hes., Theog., 562 сл.].

² Hes., Theog., 541.

³ Il., XIII, 565.

⁴ Вероятно, намек на слова Сократа в Plato, Ap., 37a.

«РАЗГОВОРЫ БОГОВ»

(ΘΕΩΝ ΔΙΑΛΟΓΟΙ)

1. ПРОМЕТЕЙ И ЗЕЕС

(ΠΡΟΜΗΘΕΥΣ ΚΑΙ ΖΕΥΣ)

Пром. Освободи меня, Зевс! Я уже вытерпел страшные *муки*.

Зевс. Мне тебя освободить, говоришь? Да тебя надо бы заковать в более тяжкие цепи, целый Кавказ навалить на голову и повелеть шестнадцати коршунам не только терзать твою печень, но выклевывать и глаза зато, что ты сотворил нам таких тварей—людей, похитил огонь и создал женщин. А что сказать о том, как ты меня надул при дележе мяса, предложив *мне* прикрытые жиром кости и оставив себе лучшую часть?

Пром. Да разве я не достаточное уже понес наказание, будучи столько времени прикован к Кавказу и кормя своей печенью *этого* орла,—чтобы ему погибнуть хуже всех птиц!...

16. ГЕРА И ЛАТОНА

(ΗΡΑ ΚΑΙ ΛΗΤΩΥΣ)

Гера (Латоне)... А из твоих детей одна¹ ведет себя хуже мужчины, носится по горам, и, наконец, удалилась в Скифию, и все знают, что она там есть, убивая иностранцев и подражая самим скифам—людоедам...²

23. АПОЛЛОН И ДИОНИС

(ΑΠΟΛΛΩΝΟΣ ΚΑΙ ΔΙΟΝΥΣΟΣ)

1. А п... Мы³ похожи друг на друга и занимаемся одним и тем же: мы оба стреляем из лука.

Дион. Насчет лука действительно одно и то же, Аполлон; но разница в том, что Артемида убивает иностранцев в Скифии, а ты предсказываешь и лечишь больных.

Ап. Значит, ты думаешь, что сестре нравится *пребывание* у скифов? Да она уже готова, если только когда-нибудь приедет в Таврику какой-нибудь эллин, отплыть с ним,—*до того* ей отвратительна эта резня⁴.

Дион. Вот это хорошо с ее стороны...

«РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХ»

(ΝΕΚΡΪΚΟΙ ΔΙΑΛΟΓΟΙ)

12. АЛЕКСАНДР, ГАННИБАЛ, МИНОС И СЦИПИОН

5. [Слова Александра]... я дошел до Индии, сделал Океан границей своих владений... и, перейдя через Танаис⁵, победил в большой конной битве скифов, далеко не ничтожных противников...

¹ Т. е. Артемида.

² [О культе Артемиды Таврополы в Северном Причерноморье и о легендарном обычае убийства в жертву ей иностранцев (эллинов), см. Е u r., I р h. Та u r., 28 сл. и прим.]

³ Аполлон говорит про себя и Артемиду.

⁴ [Намек на легенду о похищении статуи Артемиды из Тавриды Орестом и о перенесении ее в Браврон в Аттике. См. Е u r., I р h. Та u r., 85 сл. и прим.]

⁵ [Имеется в виду Иксарт (современная Сыр-Дарья)].

14. ФИЛИПП И АЛЕКСАНДР

3. Алекс. Но скифы, отец, и индийские слоны не совсем-то пустое дело, однако, я одолел их, не сея между ними раздора и не покупая победы изменой...¹.

«О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ»

(ΠΕΡΙ ΘΥΣΙΩΝ)

§ 6 extr... Кто не знает, какому наказанию подвергся Прометей за то, что был чересчур человеколюбив? Ведь и его Зевс, отведав в Скифию, распял на Кавказе, приставив к нему вдобавок орла ежедневно терзать его печень.

§ 13... Скиф, отменив все другие жертвы, как слишком ничтожные, представляет Артемиде самих людей и таким способом убажает богиню.

«СКИФ ИЛИ ГОСТЬ»

(ΣΚΥΘΗΣ Η ΠΡΟΞΕΝΟΣ)

1. Анахарсис не первый прибыл из Скифии в Афины, руководимый желанием познакомиться с эллинской образованностью: раньше его прибыл Токсарис², муж мудрый, отличавшийся любовью к прекрасному и стремлением к благороднейшим знаниям, но происходивший не из царского рода и не из «колпаконосцев»³, а из толпы простых скифов, каковы у них так называемые «восьминогие», т. е. владельцы пары быков и одной повозки. Этот Токсарис даже не возвратился в Скифию, а умер в Афинах и немного спустя даже был признан героем; афиняне приносят ему жертвы как иноземному Врачу⁴: это имя получил он, будучи признан героем. Быть может, не лишним будет объяснить причину этого наименования, а также включения в число героев и признания его за одного из Асклепиадов⁵, чтобы вы узнали, что не одним скифам свойственно превращать людей в бессмертных и посылать к Замолксису, но что и афинянам можно обоготворять скифов в Элладе...

3. Вспомнил я о нем вот почему. Токсарис был еще жив, когда Анахарсис, только что высадившись, шел в Афины из Пирея; как иностранец и варвар, он испытывал еще сильное смущение, ничего не зная, пугаясь малейшего шума и не зная, что с собой делать; он понимал, что все видевшие его смеются над его убранством, не находил никого, кто бы знал его язык, и вообще уже раскаивался в своем путешествии и решил, только взглянув на Афины, немедленно отправиться назад, сесть на корабль

¹ Намек на способы деяний Филиппа.

² [Скифский мифический мудрец и врач, прибывший, как и Анахарсис, в эпоху Солона в Афины. Упоминается лишь у Лукиана в нескольких диалогах (в том числе в специально ему посвященном: «Токсарис или дружба», см. ниже), однако вряд ли им вымышлен; следует допустить, что о нем, так же, как и об Анахарсисе, существовала определенная традиция, основанная на каких-либо местных легендах, связанных с его аттическим культом, которую и использует Лукиан. Ср. Helm, RE, XXVI, ст. 1762].

³ [Буквально «носитель пилоса» — головной убор, отличавший на востоке прежде всего служителей Великой Матери — Кибелы, культ которой широко засвидетельствован и в Северном Причерноморье (ср. P. Paris y D a r e m b e r g et S a g l i o, Dictionnaire des antiquités, IV, стр. 479 сл.). Речь идет, очевидно, о представителях жречества — геродотовых энареях].

⁴ [В отличие от широко почитавшегося в Греции Аполлона врача].

⁵ [Т. е. потомков бога Асклепия — фракийского божества с целительными функциями, культ которого распространился в Греции уже в историческую эпоху. Возможно, что культ Токсариса был занесен в Аттику вместе с культом Асклепия].

и ехать обратно в Боспор, откуда для него уже не далек был путь домой в Скифию. При таком настроении Анахарсиса встречается с ним, по истине как добрый гений, Токсарис уже в Керамике¹. Сначала его внимание привлекла одежда его родины, а затем ему уже не трудно было узнать и самого Анахарсиса, происходившего из знатнейшего рода, одного из первых в Скифии. А Анахарсису откуда можно было бы признать в нем земляка, когда он был одет по-эллински, с выбритой бородой, без пояса и без оружия, уже владея языком и вообще казался одним из туземных жителей Аттики? Так преобразило его время. (4) Но Токсарис, обратившись к нему по-скифски, спросил: «Не ты ли Анахарсис, сын Давкета?»². Анахарсис прослезился от радости, что встретил человека, говорящего на его языке и притом знавшего, кто он был в Скифии, и спросил: «А ты, друг, откуда знаешь нас?»—«Да ведь и сам я, отвечал Токсарис, происхожу оттуда, из вашей земли, а имя мое—Токсарис, но я не настолько знатного рода, чтобы мог быть тебе известен».—«Неужели ты, сказал Анахарсис, тот самый Токсарис, о котором я слышал, что некто Токсарис из любви к Элладе покинул в Скифии жену и маленьких детей, уехал в Афины и живет там, уважаемый лучшими людьми?»—«Да, сказал Токсарис, я тот самый, если обо мне еще говорят у вас». «Итак, сказал Анахарсис, знай, что я сделался твоим учеником и соревнователем овладевшей тобою страсти—видеть Элладу... Но ради Меча³ и Замолксиса, наших отеческих богов, возьми меня, Токсарис, будь моим руководителем и покажи все лучшее в Афинах...»

«АЛЕКСАНДР ИЛИ ЛЖЕПРОРОК»

(ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ Η ΨΕΥΔΟΜΑΝΤΙΣ)

57. Высадив нас в Эггиалах⁴, ... *кормчий* отправился в обратный путь. Здесь я встретил проезжавших боспорских послов, отправлявшихся от царя Эвпатора⁵ в Вифинию с установленной ежегодной данью⁶, объяснил им угрожавшую нам опасность и, благодаря их любезности, был принят на корабль и благополучно приехал в Амастриду⁷...

«ЗЕВС ТРАГИЧЕСКИЙ»

(ΖΕΥΣ ΤΡΑΓΙCΙOΣ)

42 ... разные *народы* имеют разные верования: скифы приносят жертвы Мечу, фракийцы—Замолксису...

«ИКАРОМЕНИПП ИЛИ ЗАОБЛАЧНЫЙ»

(ΙΚΑΡΟΜΕΝΙΠΠΟΣ Η ΥΠΕΡΝΕΦΕΛΟΣ)

16. ... Обращая взоры на Гетскую землю, я⁸ всякий раз видел гетов воюющими, переходя же от них к скифам, можно было видеть их переезжающими на повозках...

¹ [Квартал в Афинах].

² [Ср. Нег., IV, 76, где Анахарсис назван сыном Гнура, внуком Лика, правнуком Спаргапита].

³ [О культе меча у скифов см. Нег., IV, 62 и прим.].

⁴ [Местечко в Пафлагонии].

⁵ [Тиберий Юлий Эвпатор]. Царствовал от 154 до 170 г. н. э. Сочинение Луккиана написано уже после 180 г.

⁶ [См. об этом Латышев, Краткий очерк истории Боспорского царства, Почтк., стр. 116, по мнению которого эта дань предназначалась римскому наместнику императора в Малой Азии].

⁷ [Город на пафлагонском берегу Черного моря на месте современной Амоверы].

⁸ Менипп рассказывает о том, что он видел на земле во время своего воздушного путешествия.

«АНАХАРСИС ИЛИ О ГИМНАСИЯХ»

(ΑΝΑΧΑΡΣΗΣ Η ΠΕΡΙ ΓΥΜΝΑΣΙΩΝ)

6. Солон. Совершенно естественно, Анахарсис, что такого же рода занятия [т. е. гимнастические] кажутся тебе чуждыми и далеко не похожими на скифские обычаи, все равно как и у вас, должно быть, есть много предметов обучения и занятий, которые показались бы странными нам, эллинам, если бы кто-нибудь из нас присутствовал при них, как ты теперь присутствуешь при наших занятиях.

11. Анах. ... А у нас, скифов, если кто ударит кого-либо из равных или, напав, повалит на землю или разорвет платье, то старейшины налагают за это большие наказания, даже если обида будет нанесена при немногих свидетелях, а не при таком множестве зрителей, какое, по твоим словам, бывает на Истме и в Олимпии.

14. Анах. ... Однако, Солон, я прибыл к вам из Скифии, проехав такое пространство суши и переправившись через обширный и бурный Эвксинский Понт, именно с той целью, чтобы изучить эллинские законы и познакомиться с вашими обычаями...

16. Анах. ... Кроме того, я не могу, уже выносить знойных и пламенных лучей солнца, падающих на обнаженную голову; свой колпак и решил снять еще дома, чтобы не казаться одному среди вас иностранцем по внешнему виду.

18. Анах. ... Откуда бы мне, блуждающему кочевнику, жившему на повозке и переезжавшему из одной земли в другую, а в городе никогда не жившему и даже доньше его не видавшему, рассуждать о государственном устройстве и учить оседлых жителей, уже столько времени благоустроенно живущих в этом древнейшем городе?...

34. Сол. ... Вам простительно жить постоянно с оружием: жизнь в открытых местах легко допускает злоумышления, а врагов у вас очень много, и неизвестно, когда кто-нибудь, напав, стащит спящего с повозки и убьет; затем недоверие друг к другу людей, живущих по своему произволу, а не по законам, также делает постоянно необходимым оружие, чтобы близок был защитник в случае насилия...

«О ПЕЧАЛИ ПО УМЕРШИМ»

(ΠΕΡΙ ΠΕΝΘΟΥΣ)

21. ... Эллин сжигает своих покойников,... а скиф съедает их...¹

«ДОЛГОВЕЧНЫЕ»

(ΜΑΚΡΟΒΙΟΙ)

10. ... Скифский царь Атей², сражаясь с Филиппом у реки Истра³, пал, имея более девяноста лет от роду.

17. ... Асандр, получивший от бога Августа вместо титула этнарха титул царя Боспорского⁴, в девяностолетнем возрасте никому не уступал в конной

¹ [Имеется в виду предание, дошедшее до нас через Геродота (I, 216; IV, 20) и сообщающее об обычае исседонов и массагетов поедать трупы убитых ими стариков из своего племени, сваренные вместе с мясом животных].

² [Об Атее, жившем в середине IV в. до н. э., объединившем под своей властью ряд скифских племен и расширившем владения в юго-западном направлении, см. Strabo, VII, 3, 18; Iust., IX, 2].

³ [В 339 г. до н. э. Об этой битве см. Front., Strat. II, 4, 20; Pol., VII, 44, 1].

⁴ [Полководец Фарнака II, возмущившийся против своего царя и захвативший боспорский престол, на котором он впоследствии и был утвержден императором Августом. Царствовал на Боспоре с 47 по 17 г. до н. э.].

и пешей битве; когда же он увидел *своих*, переходивших во время битвы на сторону Скрибония¹, то, воздержавшись от пищи, умер, прожив 93 года².

«ПИР ИЛИ ЛАПИФЫ»

(ΣΥΜΠΟΣΙΟΝ Η ΛΑΠΗΡΑΙ)

13. ... И после этого Алкидамант³, обходя вокруг *стола*, обедал, подобно скифам переселяясь на более обильные пастбища и путешествуя вместе со *слугами*, обносившими кушанья.

«ЭККЛЕСИЯ БОГОВ»

(ΘΕΩΝ ΕΚΚΛΗΣΙΑ)

9. ... Поэтому-то скифы и геты, ... не обращая на нас никакого внимания, сами раздают бессмертные и выбирают в боги, кого захотят, тем же самым способом, каким и раб Замолксис⁴, как-то тайком пробравшись сюда, приписался к числу богов.

«ТОКСАРИС ИЛИ ДРУЖБА»

(ΤΟΞΑΡΙΣ Η ΦΙΛΙΑ)

Перевод П. И. Прозорова

1. Мнесипп. Что говоришь ты, Токсарис? Вы, скифы, приносите жертвы Оресту и Пиладу и считаете их богами?

Токсарис. Приносим, Мнесипп, приносим, но вовсе не считаем их богами, а *просто* хорошими людьми.

Мн. *Значит*, у вас есть обычай и хорошим людям после их смерти приносить жертвы, как богам?

Токс. Не только *это*, но мы даже чтим их праздниками и торжественными собраниями.

Мн. Чего же вы ищете от них? Ведь, конечно, вы приносите им жертвы не ради *спасения* их благосклонности, раз они мертвы?

Токс. Быть может, не худо *было бы*, если бы и покойники были к нам благосклонны. Но мы полагаем, что и для живых полезнее будет, если мы будем помнить о лучших людях, и *потому* чтим умерших: мы думаем, что в таком случае многие захотят у нас сравняться с ними.

2. Мн. Этот взгляд совершенно правилен. Но за что же именно вы приравнили к богам Ореста и Пилада, тем более, что для вас они пришельцы и, что всего важнее, *даже* враги? Ведь когда тогдашние скифы после крушения корабля схватили их и отвели для принесения в жертву Артемиде, они, напав на тюремщиков и одолев стражу, убили царя, захватили жрицу и, похитив даже самую статую Артемиды, отплыли назад, насмеявшись над скифской общиной⁵; если вы за это почитаете их, то, пожалуй, многих заставите подражать им. Обратитесь теперь сами к древнему вре-

¹ [Претендент на боспорский престол, появившийся, однако, по свидетельству Кассия Диона (LIV, 24), уже после смерти Асандра, в 14 г. до н. э. См. об этом Латышев, Краткий очерк истории Боспорского царства, Повторя, стр. 98 сл.].

² [Об Асandre см. IOSPE (Latyschew), II, пред., стр. 35 сл.; V. Voigt, De Asandro Bospori rege, Киев, 1894].

³ [Киник, явившийся без зова на описываемый пир].

⁴ [Замолксис называется здесь рабом по чисто этническому признаку (племенное наименование гет в эпоху Римской империи было синонимом раба)].

⁵ [Подробности мифа об Оресте и Пиледе в Тавриде и о похищении ими статуи Артемиды см. Е и г., Iph. Taug., Нур. и прим. Култ этих героев другими источниками в Северном Причерноморье не засвидетельствован].

мени и рассудите, хорошо ли будет для вас, если в Скифию придет много Орестов и Пиладов? Мне кажется, что таким образом вы сами очень скоро можете сделаться нечестивцами и безбожниками, если и остальные боги таким же способом удалятся из вашей страны. Затем, вероятно, вместо всех бсгов вы обоготворите людей, являющихся с тем, чтобы их вывезти, и святотатцев будете чтить жертвами, как богов. (3) Если же вы не за это чтите Ореста и Пилада, то скажи же, Токсарис, какое другое добро сделали они вам, за которое вы, прежде не считавшие их богами, теперь, напротив, принесением жертв признали богами и приводите жертвенных животных к тем, которые тогда сами чуть-ли были принесены в жертву? Ведь это может показаться смешным и противным древним обычаям.

Токс. Даже и те деяния этих мужей, которые ты привел, Мнесипп, заслуживают похвалы. В самом деле, они вдвоем решились на такое смелое предприятие и, удалившись на такое расстояние от своей страны, приплыли в Понт, который тогда был еще не известен эллинам, кроме тех, которые на корабле Арго совершили поход в Колхиду¹; они не были поражены страшными рассказами о нем, не испугались его прозвания — он назывался «негостеприимным», вероятно, потому, что кругом его жили дикие племена — и, будучи захвачены, оказались столь мужественными и не удовольствовались только своим спасением, но сначала отомстили царю за оскорбление и захватили Артемиду, а затем уже поплыли назад. Разве все это не заслуживает удивления и божеских почестей у всех, кто только прославляет доблесть? Однако мы не эти подвиги Ореста и Пилада имеем в виду, почитая их как героев.

4. Мн. Так скажи же, пожалуйста, какой другой славный и божественный подвиг совершили они? Что касается плавания и путешествия, то я мог бы указать тебе многих торговых людей, имеющих больше права на божеские почести, чем они, и, главным образом, финикиян, которые ездят не только в Понт или до Меотиды и Боспора, но плавают по всем местам эллинского и варварского моря. Ведь они ежегодно поздней осенью возвращаются домой, обрыскав, так сказать, все берега и все побережья. Считай же их богами на том же основании, несмотря на то, что большая часть их — торгоши и при случае, продавцы соленой рыбы.

5. Токс. Выслушай же, чудак, и посмотри, насколько мы, варвары, умнее судим о хороших людях: у вас в Аргосе и в Микенах нельзя увидеть даже славной гробницы Ореста и Пилада, а у нас построен даже храм им обоим вместе, как это и следовало, потому что они были товарищи; у нас приносятся им жертвы и воздаются все прочие почести. А то обстоятельство, что они были чужеземцы, а не скифы, насколько не мешает им считаться славными; ведь мы не исследуем, откуда происходят доблестные люди, и не завидуем, если они сделали добро, не будучи нашими друзьями; воздавая хвалу их деянием, мы считаем их своими по делам. А всего более поразило нас и считается достохвальным в этих мужах именно то, что, по нашему мнению, они были самыми лучшими в мире друзьями и как бы установили прочим людям законы о том, как следует делить с друзьями всякую судьбу и пользоваться почетом со стороны лучших из скифов. (6) Наши предки записали на медной доске все, что они совершили вместе или один ради другого, поставили ее в храме Ореста и установили закон, чтобы эта доска была первым предметом изучения для их детей и чтобы они выучивали на память написанное на ней. Таким образом, каждый из них скорее мог бы забыть имя своего отца, чем не знать деяний Ореста и Пилада. Кроме того, в ограде храма можно видеть нарисованные древними картины, изображающие то же самое, что написано на доске: как Орестплы-

¹ [Т. е. аргонавтам].

вет со своим другом; как затем, когда его корабль разбился о скалы, он схвачен и приготовлен к жертвоприношению, и как Ифигения приступает уже к священнодействию; напротив, на другой стене, нарисовано, как *Орест*, освободившись уже от оков, убивает Тоанта и многих других скифов и, наконец, как они отплывают с Ифигенией и богиней; скифы тщетно хватаются за находящийся уже в движении корабль, цепляются за руль и пытаются взобраться *на палубу*; но после напрасных усилий одни из них израненные, другие из боязни ран вплавь направляются к земле. Здесь-то именно лучше всего можно видеть, какую великую любовь обнаружили они друг к другу при столкновении со скифами: живописец изобразил, что ни тот, ни другой не обращает внимания на врагов, нападающих на него самого, а отражает устремляющихся на друга, старается подставить себя под стрелы впереди его и пренебрегает опасностью умереть, лишь бы спасти друга и собственным телом принять предназначаемые другу удары. (7)... Итак, знай, что скифы не признают ничего выше дружбы, что скиф ничем так не гордится, как участием в трудах и опасностях друга, а равно и нет у нас большего позора, как показаться изменником в дружбе. Поэтому-то мы и чтим Ореста и Пилада, оказавшихся лучшими *в том, что у скифов считается* благом и отличившихся дружбой, *т. е.* тем, что мы ставим выше всего; за это мы дали им название *Кораков*¹, что в переводе на ваш язык приблизительно значит «божества—покровители дружбы».

8. Мн. Следовательно, Токсарис, скифы были не только искусными стрелками и превосходили других в военном деле, но, кроме того, отличаются наибольшим умением говорить убедительно: по крайней мере, и мне до сих пор думавшему иначе, самому теперь кажется, что вы вполне справедливо воздаете Оресту и Пиладу божеские почести. Не знал я также, друг мой, что ты прекрасный художник: ты очень живо изобразил нам находящиеся в храме Ореста картины, борьбу и раны, полученные одним ради другого. Я только никогда не думал, что у скифов так высоко ценится дружба, потому что на основании как остальных слухов о них, так и того, что они поедают своих умерших родителей², я предполагал, что они, как люди негостеприимные и дикие, постоянно пребывают во вражде, гнев и распри, а дружбы у них не бывает даже между самыми близкими людьми.

9. Токсарис. Я не стану спорить теперь с тобой о том, превосходим ли мы эллинов справедливостью и почтением к родителям; но что скифские друзья гораздо вернее эллинских и что дружба имеет больше почта у нас, чем у вас,—это легко доказать... Насколько мы уступаем *вам* в рассуждениях о дружбе, настолько превосходим в требуемых ею обязанностях. (10) Поэтому, если *тебе* угодно, сделаем теперь таким образом: древних друзей, каких нам или вам можно было бы указать в старые *времена*, оставим в покое, так как в этом отношении вы, пожалуй, одержите верх, выставив много достойных доверия свидетелей в лице поэтов, ... а выберем на удачу по несколько человек из наших современников, расскажем их деяния, я—скифские, а ты—эллинские, и кто из нас одержит в этом верх и укажет лучших друзей, тот и сам будет победителем и свою *страну* провозгласит *победительницей* по окончании прекраснейшего и почетнейшего состязания; я, кажется, гораздо охотнее согласился бы потерпеть поражение на поединке и дать на отсечение правую руку (что служит у скифов наказа-

¹ [Следует предположить, что речь идет о каких-то, ближе неизвестных, скифских родовых божествах, которых Лукиан, вероятно, на основании совершенно определенной традиции, отождествляет с Орестом и Пиладом—героями, также пользовавшимися в Греции (и даже в Италии) культом, как божества-родоначальники. См. Hoffe у Roscher'a, Ausf. Lexikon d. Gr. u. Röm. Mythol., III, ст. 113 сл.].

² [Ср. выше, Лукиан, περὶ πένθ., 21 и прим.].

нием)¹, чем быть признанным относительно дружбы ниже другого, а тем более эллина, будучи сам скифом.

11—34. Собеседники решают, чтобы каждый рассказал по пяти подвигов дружбы. Первым рассказывает Мнесипп подвиги эллинов.

35. Токсарис... Итак я начну сейчас же, нисколько не заботясь подобно тебе об изяществе выражений: это не в обычае скифов, особенно когда дела говорят громче речей...

36. Я расскажу тебе о многих убийствах, войнах и *случаях* смерти за друзей, чтобы ты знал, как ничтожны ваши подвиги в сравнении со скифскими... У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи; а тут-то именно и нужны хорошие друзья. Поэтому мы и заключаем самую крепкую дружбу, считая ее единственным непобедимым и не-сокрушимым оружием.

37. Сначала я хочу рассказать тебе, каким образом мы приобретаем себе друзей: не на пирушках, как вы, и не потому, что *известное лицо* является нашим ровесником или соседом; но, увидев какого-нибудь человека хорошего и способного на великие *подвиги*, мы все устремляемся к нему и то, что вы *делаете* при браках, мы делаем при приобретении друзей: усердно сватаемся за него и во всем действуем вместе, чтобы не опийтаться в дружбе или не показаться неспособным к ней. И когда какой-нибудь избранник сделается уже другом, тогда *заключается* договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе и в случае надобности умрут один за другого. И мы *действительно* так и поступаем; с того времени, как мы, надрезав пальцы, накаплем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем *этой крови*, взявшись вместе *за чашу*, ничто уже не может разлучить нас². В союзы дозволяется вступать, самое большее, трем *лицам*, потому что, кто имеет много друзей, тот кажется нам похожим на публичных блудниц, и мы думаем, что дружба такого *человека*, разделенная между многими, уже не может быть столь прочной.

38. Я начну с недавних *подвигов* Дандамиса. Именно Дандамис, когда друг его Амизок³ в схватке с савроматами был уведен в плен... впрочем, сначала я поклянусь тебе нашей клятвой, так как я условился об этом вначале. Итак клянусь Ветром и Мечом⁴, что не скажу тебе, Мнесипп, ничего ложного о скифских друзьях.

Мн. В твоей клятве я не очень нуждался; впрочем, ты хорошо сделал, что не поклялся ни одним из богов.

Токс. Что ты говоришь? Разве Ветер и Меч, по твоему, не боги? стало быть ты не знаешь, что для людей нет ничего выше жизни и смерти? Поэтому, когда мы клянемся Ветром и Мечом, то клянемся именно потому, что Ветер есть виновник жизни⁵, а Меч причиняет смерть.

¹ [Обычай, не подтверждаемый другими источниками].

² [Этот обычай побратимства у скифов может быть иллюстрирован известным изображением на золотой пластинке из кургана Куль-Оба с фигурами двух сидящих и тесно прижавшихся друг к другу людей, пьющих из одного ритона].

³ [Имена исторически не засвидетельствованные].

⁴ [О клятве мечом и о культе меча у скифов ср. выше, L u c., Scyth. sive host. 3 и прим. Клятва божеством ветра, равно как и культ его в Скифии, другими источниками не подтверждается].

⁵ [Лукиан развивает представления, свойственные фракийцам, среди которых культ ветров был широко распространен. Хтонические культы ветров и жертвоприношения Анемону, как жизненному дыханию, известны и в разных местах Греции. См. схол. к A p o l l. R h o d., I, 826; см. также E. R o h d e, Psyche, II, 1910, стр. 121 сл.].

Мн. Если таковы причины *клятвы*, то у вас наберется, пожалуй, немало и других таких богов, как Меч, например, стрела, копье, цикута, петля и т. п.; ведь этот бог—смерть—многообразен и представляет бесчисленное множество путей, ведущих к нему.

Токс. Видишь, к каким судейским уловкам при твоём искусстве спорить прибегаешь ты, перебивая и искажая мои слова; а *ведь* я хранил молчание во время твоей речи.

Мн. Я больше не сделаю этого, Токсарис: ты вполне основательно упрекнул меня; поэтому продолжай спокойно говорить, как будто бы меня и не было при *твоих* речах,—так я буду молчать.

39. Токс. Шел четвертый день дружбы Дандамиса и Амизока с тех пор, как они выпили крови один другого. *Вдруг* напали на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше этого. А так как их нападение было непредвидено, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми, кроме тех, кому удалось спастись вплавь на другую сторону реки, где у нас была половина войска и часть телег; так стояли мы тогда, не знаю, вследствие какого плана наших вождей, на обоих берегах Танаиса. И вот сейчас же стали они угонять добычу, хватать пленных, грабить палатки, захватывать телеги, большая часть которых попала в их руки вместе с людьми, стали на наших глазах позорить наших наложниц и жен, а мы горевали *при виде этих* бедствий.

40. Когда повели Амизока, также попавшего в плен, то он, будучи крепко связан, стал громко звать по имени своего друга, напоминая ему о крови и чаше. Услышав это, Дандамис немедленно на глазах всех переплывает к неприятелям; савроматы с поднятыми дротиками бросились, чтобы пронзить его; но он закричал: «зирин», а кто произнесет это слово, того они не убивают, но принимают как пришедшего для выкупа. И вот, будучи приведен к их начальнику, он стал просить выдачи друга, а тот требовал выкупа и *сказал*, что не отпустит *Амизока*, если не получит за него большого *выкупа*. Дандамис ответил ему: «все, что у меня было, разграблено вами; но если я, обобранный до нага, могу уплатить что-либо, то я готов вам подчиниться; приказывай, что хочешь; а если желаешь, возьми меня вместо него и делай со мной, что тебе угодно». Савромат ответил ему: «нет нужды удерживать всего тебя, тем более, что ты пришел *со словом* «зирин»; поэтому уплати нам часть того, что у тебя есть, и уводи *с собой* друга». Дандамис спросил, что же *он* хочет получить, а тот потребовал *его* глаза. Дандамис тотчас же позволил выколоть их; когда они были выколоты, и савроматы *таким образом* получили уже выкуп, тогда он взял Амизока и пошел назад, опираясь на него; переплыв вместе реку, они беспрепятственно возвратились к нам.

41. Это происшествие ободрило всех скифов, и они перестали считать себя побежденными, видя, что неприятели не отняли величайшего из наших благ, что у нас оставался еще благородный образ мыслей и верность друзьям. В то же время оно сильно напугало савроматов при мысли о том, с какими людьми придется им сражаться в правильном бою, хотя они тогда и одолели при неожиданном нападении; поэтому с наступлением ночи они, покинув большую часть скота и предав огню телеги, быстро отступили. Однако Амизок не захотел долее оставаться зрячим при слепоте Дандамиса и ослепил самого себя; они оба живут спокойно и со всякими почестями получают пропитание от скифской общины...

43. Выслушай *теперь* и о другом не менее достойном *лице*, Белитте, родственнике этого Амизока. Когда он увидел, что лев стащил с коня его друга Баста (они вместе охотились), уже обхватил его, впепился в горло и терзает когтями, то он, также соскочив с коня, напал сзади на зверя

и старался отвлечь его *от друга*, раздражая его против себя, оттаскивая, просовывая пальцы между его зубами и пытаясь, насколько это было возможно, спасти Баста от укусов; наконец, лев, оставив последнего уже полумертвым, бросился на Белитта, надел и умертвил его; но он, умирая, успел, по крайней мере, так сильно ударить льва мечом в грудь, что они умерли все вместе. Мы похоронили их и насыпали два кургана *один к другому*, один над друзьями, а другой, напротив *первого*, над львом.

44. В-третьих, я расскажу тебе, Мнесипп, о дружбе Макента, Лонхата и Арсакома. Этот Арсаком влюбился в Мазею, дочь боспорского царя Левканора¹, будучи отправлен к нему послом по поводу дани, которую постоянно платили нам боспорцы², а тогда просрочили почти на три месяца. Увидев за обедом Мазею, высокую и красивую девушку, он полюбил ее и начал грустить. Поручение относительно дани было уже исполнено, царь дал ему ответ и уже устроил для него прощальный пир; а в Боспоре есть обычай, чтобы женихи за обедом сватались за девушек и объявляли, кто они такие и почему просят быть принятыми в брачное свойство. Так и на этом обеде случилось много женихов, царей и царевичей: был Тиграпат, властитель лазов³, Адирмах, правитель земли махлиев⁴, и многие другие. Каждый из женихов должен объявить, что он приехал свататься, и потом обедать, спокойно возлежа среди остальных; по окончании же обеда он должен потребовать чашу, сделать возлияние на стол и свататься за девушку, осыпая себя *при этом* похвалами, насколько каждый может похвастать или благородством происхождения, или богатством, или могуществом.

45. Итак, когда многие сделали по этому обычаю возлияние, попросили *руки девицы* и перечислили свои царства и богатства, тогда Арсаком после всех потребовал чашу, но не сделал возлияния, — потому что у нас не в обычае выливать вино, а напротив это считается кощунством, — выпил ее залпом и сказал: «Царь, отдай мне в замужество свою дочь Мазею, потому что я далеко превосхожу этих и богатством и владениями». Левканор, зная, что Арсаком беден и *происходит* из простых скифов, удивился и спросил его: «А сколько у тебя, Арсаком, стад или телег? Ведь в этом заключается ваше богатство». «У меня нет ни телег, ни стад, отвечал *Арсаком*, но есть два верных и добрых друга, каких нет ни у кого из скифов». Тут подняли его на смех за эти *слова* и с презрением решили, что он пьян. Адирмах, получивший предпочтение перед прочими *соискателями*, на другое утро должен был отвезти свою невесту в страну меотов к махлиям⁵.

46. Между тем Арсаком, возвратившись домой, рассказал своим друзьям, как он был опозорен царем и осмеян на пиру за то, что показался бедняком. «А ведь я, сказал он, объяснил *ему*, каким великим богатством

¹ Имена Левканора и упоминаемого ниже Эвбиота, без сомнения, вымышлены Лукианом, так как не встречаются ни в надписях, ни на монетах [Царей этих причисляли к Спартокидам. После того как Бек обратил внимание на упоминание в лукиановом диалоге об аланах, их пытались поместить в середине II в. н. э. (см. Латышев). Краткий очерк истории Боспорского царства, *Полтика*, стр. 93; 117). Нельзя не задуматься над тем, что имя Левканор представляет собой видоизменение царского боспорского имени Левкон, а Эвбиот образовано по примеру гомеровых абиев].

² [Уплата дани скифским царям и временное политическое им подчинение засвидетельствованы для Ольвии и Херсонеса, а стало быть не исключены и для Боспора].

³ [О племени лазов, во II в. н. э., известных еще только лишь в северном углу Колхиды, см. Агг., PPE, 15 и прим.].

⁴ [Эти, неизвестные из других источников, махлии должны быть сопоставлены с арриановыми махелонами, названными им рядом с лазами (Агг., PPE, 15). Создается впечатление, что Лукиан черпал свою эрудицию оттуда же, откуда и Арриан].

⁵ [В действительности махлии-махелоны должны быть локализованы не в стране меотов, т. е. на Северном Кавказе, а значительно юго-восточнее — в Закавказье (на севере Колхиды)].

обладаю, именно вами, Лонхат и Макент, и вашей дружбой, которая гораздо лучше и прочнее могущества боспорцев. Но когда я доказал ему это, он издевался и смеялся над нами, а невесту отдал увезти Адирмаху махлию, потому что у него, как говорили, есть десять золотых чаш, восемнадцать четырехместных колесниц, множество овец и быков. Таким образом, он предпочел хорошим людям стада животных, бесполезные кубки и тяжелые колесницы. Я вдвойне опечален, друзья мои,—и потому, что люблю Мазею, и потому, что обида, *нанесенная* среди стольких людей, глубоко поразила меня; я думаю, что и вы обижены одинаково *со мной*, потому что на долю каждого из вас приходится третья часть обиды, если только мы со времени нашего союза живем как один человек и делим как горести, так и радости». — «Этого мало, возразил Лонхат: каждый из нас оскорблен всецело, если тебе нанесена такая обида».

47. «Итак, сказал Макент, как же нам поступить в настоящем случае?» «Разделим между собой дело мести, ответил Лонхат: я обещаю Арсакому принести голову Левканора, а ты должен возвратить ему невесту». — «Пусть будет так, сказал тот: А между тем ты, Арсаком, ввиду того, что после этого нам, вероятно, понадобится войско и придется воевать, останься здесь, собирай и заготовляй оружие, коней и военную силу в возможно большем количестве. Тебе очень легко будет набрать много *войска*, так как ты и сам *муж* доблестный, да и у нас не мало родственников, а в особенности, если ты сядешь на воловью шкуру». Так решили они, и Лонхат сейчас же, как был, отправился к Боспору, а Макент — к махлиям, оба верхом; Арсаком же, оставшись дома, стал подговаривать сверстников, вооружать войско, *составляемое* из родственников, а наконец, сел и на шкуру.

48. Обычай *садиться* на шкуру заключается у нас в следующем: если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить *за нее*, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен *для этого*, то он приносит в жертву быка, разрезывает на куски его мясо и варит *их*, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на нее, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям. Это считается у нас самой сильной мольбой. Родственники *сидящего* и вообще все желающие подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают, сообразно со своими средствами, один — доставить бесплатно пять всадников на своих харчах, другой — десять, третий — еще больше, иной — тяжеловооруженных или пеших, сколько может, а самый бедный — только самого себя. Таким образом, иногда у шкуры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве¹. Так поступил и Арсаком; у него собралось около пяти тысяч всадников, а тяжеловооруженных и пеших вместе двадцать тысяч.

49. *Между тем* Лонхат, никому не известный, прибыл в Боспор, явился к царю, занятому каким-то государственным делом, и объявил, что пришел от скифской общины, а *кроме того* имеет и личное важное дело. Получив *от царя* разрешение говорить, он сказал: «Скифы просят о том, что всякому известно и ежедневно *повторяется, именно*, чтобы ваши пастухи не переходили на равнину, а пасли стада в пределах каменистой местности; относительно разбойников, которых вы обвиняете в том, что они делают набеги на вашу страну, *скифы* отвечают, что они не высылаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх ради прибыли; если кто-нибудь *из них* попадется, то ты сам властен наказывать его. Вот, что поручили мне скифы».

¹ [Описанный обычай не может быть целиком отвергнут, как выдумка Лукиана поскольку он находится в соответствии с подобными же обычаями других примитивных племен, у которых действует закон кровной мести].

50. *А от себя я сообщу тебе, что против вас готовится сильное нападение со стороны Арсакома, сына Марианта, который недавно был у тебя в качестве посла и теперь, как кажется, негодует на тебя за то, что не получил от тебя руки дочери, которой просил; вот уже седьмой день, как он сидит на шкуре и у него собралось не мало войска.* «Я и сам слышал, ответил Левканор, что собирается войско при помощи шкуры, но не знал, что оно составляется против нас и что ведет его Арсаком». — «Да, продолжал Лонхат, оно готовится против тебя, но Арсаком мне враг и досадует на меня за то, что наши старейшины предпочитают меня ему и что я во всех отношениях кажусь лучше его. Итак, если ты обещаешь мне другую свою дочь, Баркетиду, — ведь я ничем не окажусь недостойным вас, — то я вскоре принесу тебе его голову». — «Обещаю», сказал царь, чрезвычайно испугавшийся, потому что узнал причину арсакова гнева, да и вообще всегда побаивался скифов. «Поклянись же, сказал тогда Лонхат, что ты исполнишь условие и не откажешься от него? Когда тот после этого поднял руку к небу и хотел дать клятву, Лонхат возразил: «Не здесь, чтобы кто-нибудь из зрителей не догадался, в чем мы даем клятву; войдем в этот храм Ареса¹, запрем двери и произнесем клятву так, чтобы никто не услышал нас; ведь если Арсаком узнает что-нибудь об этом, то он, чего доброго, убьет меня раньше войны, уже имея вокруг себя не малый отряд». — «Войдем, сказал царь, — а вы станьте как можно дальше и пусть никто не входит в храм, кого я не позову». Когда они вошли туда, а телохранители отошли в сторону, тогда Лонхат, обнажив меч, а другой рукой зажав рот царю, чтобы он не мог крикнуть, ударил его в грудь, а затем, отрубив его голову и держа ее под плащом, пошел из храма, как бы продолжая разговор с царем и крича ему, что скоро возвратится, как будто бы тот за чем-то послал его. Придя таким образом к тому месту, где оставил на привязи коня, он вскочил на него и ускакал в Скифию. Погони за ним не было, потому что боспорцы долгое время не знали о случившемся, а когда узнали, то подняли спор из-за престола.

51. Таким образом Лонхат исполнил данное Арсакому обещание, принес ему голову Левканора. А Макент, услышав на пути о случившемся в Боспоре, прибыл к махлиям и, первый сообщив им известие об убийстве царя, сказал: «Адирмах, государство призывает тебя, как царского зятя, занять престол; итак, ты отправляйся вперед и возьми в руки власть, явившись среди их неурядиц, а девица пусть следует за тобой на колеснице; таким образом, ты легче привлечешь на свою сторону большинство боспорцев, когда они увидят дочь Левканора. Я родом алан и прихожусь ей родственником с материнской стороны, потому что Левканор взял за муж Мاستиру из нашего рода. И вот теперь я прибыл к тебе от братьев Мастеры, живущих в Алании, с советом как можно скорее отправиться в Боспор и не допустить, чтобы власть перешла к незаконнорожденному брату Левканора Эвбиоту, который к скифам постоянно питает сочувствие, а к аланам — вражду». Так говорил Макент, по одежде и по языку похожий на алана, потому что и то и другое у аланов одинаково со скифами, только аланы не носят таких длинных волос, как скифы². Но Макент и в этом уподобился им, подстригши волосы настолько, насколько они

¹ [О культе Ареса на Боспоре свидетельствует его изображение на монетах Пантикапея. О храме Ареса в Пантикапее свидетельствует посвяtitельная надпись, IOSPE, II, 47].

² [См. длинные волосы у скифов на изображениях ваз из курганов Куль-Обы и Чертомлыка (Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, 1918, стр. 62, табл. IX; сарматскую (аланскую) одежду и головной убор см. на фресковых изображениях черченского склепа, открытого в 1872 г.: Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, атлас, табл. LXXVI сл.].

у алана должны быть короче, чем у скифа; поэтому то и поверили, что он родственник Мاستиры и Мазеи.

52. «И теперь, Адирмах, продолжал он, я готов или ехать вместе с тобой на Боспор, если тебе угодно, или остаться здесь, если *это* нужно, и сопровождать молодую девушку». — «Я именно это и предпочел бы, ответил Адирмах, чтобы ты, как родственник, вез Мазею; ведь если ты вместе с нами отправишься на Боспор, то нас будет только одним всадником больше, а если бы ты повез мою жену, то заменил бы мне многих». Так они и сделали: Адирмах уехал, поручив Макенту везти девственную еще Мазею; Макент днем вез ее на колеснице, но с наступлением ночи посадил на коня (он устроил так, что за ними следовал еще один всадник), вскочил на него и сам и продолжал путь уже не вдоль Меотиды, но повернул внутрь страны, оставив Митрейские горы¹ вправо, дал в это время девице отдохнуть и на третий день прискакал из *страны* махлиев в Скифию. Конь его по окончании скачки постоял немного и издох.

53. Вручив Мазею Арсакому, Макент сказал: «Прими и от меня обещанное!» Когда же тот, пораженный этим неожиданным зрелищем, стал изливать свою благодарность, Макент ответил: «Перестань отделять меня от себя: благодарить меня за то, что я сделал, было бы все равно, как если бы моя левая *рука* стала благодарить правую за то, что она лечила ее раненую и нежно заботилась о ней во время ее страданий. Поэтому смешно было бы и с нашей стороны, если бы мы, издавна соединившись и слившись, насколько возможно было, в одно *существо*, стали бы еще считать великим *делом*, что часть нашего *существа* оказала какую-нибудь услугу всему телу; ведь она, как часть целого, получившего услугу, действовала ради самой себя». Так ответил Макент Арсакому на выражение его благодарности.

54. Адирмах, услышав об обмане, не явился уже на Боспор, потому что там уже царствовал Эвбиот, призванный от савроматов, у которых он жил, — а возвратился в свою страну, собрал большое войско и через горы вторгнулся в Скифию. Немного спустя напал и Эвбиот, ведя с собой поголовное ополчение эллинов и приглашенных на помощь аланов и савроматов в *количестве* двадцати тысяч. Когда Эвбиот и Адирмах соединили свои войска, то всего оказалось девяносто тысяч, в том числе одна треть конных стрелков. А мы (я тоже участвовал в этом походе, обещав тогда на шкуре сотню своекоштных всадников), собравшись в числе немногим меньше тридцати тысяч вместе со всадниками, под предводительством Арсакома выжидали нападения. Заметив их приближение, мы двинулись *им* навстречу, выслав вперед конницу. После долгого и упорного сражения наши стали подаваться, фаланга начала расстраиваться и, наконец, все скифское войско было разрезано на две части, из которых одна обратила тыл, но так, что поражение не было явным и ее бегство казалось отступлением; да и аланы не осмелились далеко преследовать; другую часть, меньшую, аланы и махлии окружили и стали избивать, бросая отовсюду тучи стрел и дротиков, так что наш окруженный отряд оказался в очень бедственном положении и многие стали уже бросать оружие.

55. В этом отряде оказались и Лонхат и Макент; они сражались в первых рядах и оба были уже ранены: Лонхат — копьем в бок, а Макент — секирой в голову и дротиком в плечо. Заметив это, Арсаком, находившийся в другом нашем *отряде*, счел постыдным уйти, покинув друзей; он при-

¹ [Митрейские горы из других источников не известны. Речь идет, очевидно, о Μιτρίδατος ὄρη, находящейся за Гиппийскими горами (Pto l., Geogr., V, 8, 17—25), которую считают идентичной отсутствующей у Птолемея земле дандариев, служившей последним местом убежища Митридата. В таком случае, Митрейские горы следовало бы отождествить с Гиппийскими].

шпорил коня, вскрикнул и понесся с поднятым мечом сквозь неприятелей, так что махлии даже не выдержали стремительного порыва, но расступились и дали ему дорогу. Добравшись до друзей и призвав всех остальных, он бросился на Адирмаха и, ударив мечом около шеи, разрубил его до пояса. Когда он пал, разбежалось все махлийское войско, немного спустя—аланское, а за ними *побежали* и эллины, так что мы вновь одержали победу и прошли бы большое пространство, избивая их, если бы ночь не прекратила дела. На следующий *день* пришли от неприятелей послы с мольбой о заключении *с нами* дружбы, причем боспорцы обещали платить двойную дань, махлии—дать заложников, а аланы взяли за это нападение подчинить нам синдианов, издавна враждовавших *с нами*. Мы согласились на эти *условия*, потому что прежде всех так решили Арсаком и Лонхат, и таким образом был заключен мир, причем они распоряжались всем делом.

Вот, Мнесипп, на какие *подвиги* решаются скифы ради своих друзей!

§§ 56—60, содержат рассказ Токсариса о благородном поступке его друга Сисинна в Амастрия. Затем Токсарис продолжает.

61. Я расскажу тебе еще пятый подвиг, совершенный Абавхом, и этим кончу. Этот Абавх однажды пришел в город борисфенитов¹ с женой, которую очень любил, и двумя детьми, *из которых* один был мальчик, еще грудной, другая—семилетняя девочка. Вместе с ними путешествовал друг его Гиндан, страдавший от раны, полученной во время пути от напавших на них разбойников: во время борьбы с ними он был поражен в бедро, так что не мог даже стоять от боли. Ночью во время их сна—а им случилось остановиться в верхнем этаже—вспыхнул сильный пожар; все *выходы* были отрезаны, и пламя охватило дом со всех сторон. Проснувшийся в это время Абавх оставил своих плачущих детей, оттолкнул уцепившуюся за него жену, приказав ей спастись самой, и, схватив друга, спустился вниз и успел прорваться *в таком месте*, где еще не все было уничтожено огнем; жена его с ребенком на руках бросилась за ним, приказав девочке идти за собой, но, наполовину обгорев, выронила из рук ребенка и едва перескочила через пламя, а вместе с ней и девочка, также насилу спасаясь от смерти. Когда впоследствии кто-то упрекнул Абавха за то, что он бросил жену и детей, а вынес Гиндана, он ответил: «детей мне легко снова приобрести, да и неизвестно еще, будут ли они хороши, а другого такого друга, как Гиндан, который много раз доказывал мне свою любовь, я не нашел бы в течение долгого времени».

В § 62 Мнесипп, выслушав рассказ Токсариса, предлагает ему свою дружбу.

63. Токс. Хорошо. Так и сделаем.

Мн. Но, Токсарис, нам не надо ни крови, ни меча для закрепления нашей дружбы: настоящее слово и одинаковость стремлений гораздо надежнее той чаши, которую вы пьете, ибо подобные *связи*, по моему мнению, основываются не на принуждении, а на доброй воле.

Токс. Я одобряю это. Итак, будем друзьями и кунаками, ты для меня здесь в Элладе, а я для тебя, если ты когда-нибудь приедешь в Скифию.

Мн. Будь уверен, что я не задумаюсь заехать еще дальше, если буду надеяться встретить таких друзей, каким ты, Токсарис, показался нам из твоих слов.

¹ [Т. е. в Ольвию, называвшуюся прочими греками Борисфеном. См. Strabo, VII, 3, 17 и прим.].

ЯМБЛИХ ДРАМАТИК

(ΔΡΑΜΑΤΙΚΟΝ)

Автор жил во II в. н. э. при императоре Марке Аврелии. Из сочинения его, состоящего из 35 книг и описывавшего чудесные приключения Синониды и Родана, сохранилось лишь несколько отрывков у Свида и изложение первых 16 книг у Phot., Bibl. cod., 91.

Текст: Erotici scriptores Graeci, recogn. R. Hercher, т. I.

9. Итак Ямблих говорит как бы в виде эпизода о святилище Афродиты¹ и об установлении, чтобы посещавшие его женщины публично возвещали виденные ими в храме сны. Здесь же он подробно рассказывает о Фарнухе², Фарсирисе³ и Танаисе⁴, от которого получила название и река Танаис, говорит, что мистерии Афродиты у жителей этой местности и области Танаиса суть мистерии Танаиса и Фарсириса⁵.

АЛКИФРОН

Вероятно, младший современник Лукиана. До нас дошло от этого автора 118 писем (в 4 книгах), представляющих тонко очерченные эскизы различных сторон греческой жизни эллинистического периода.

Издание: Epistolographi Graeci. Recensuit Rudolphus Hercher, Par., 1873. [Alciphronis rhetoris epistularum libri IV, ed. M. A. Schepers, Lips., 1905].

Извлечения А. И. Маленна

III, 25 (61, Herch., p. 89). Пишет некий Σχορβοφράγης⁶. (Чесноков).

Я сын Антемиона, богатейшего *музиса* в Афинах, и Аксиотея, происходящей из рода Мегакла, а сделавший нам это [т. е. противник] *происходит* от неизвестного отца и чужеземной матери, я полагаю, скифянки или колхидянки, купленной в новолуние.

¹ О культе Афродиты-Аргимпасы у скифов свидетельствует Геродот (IV, 59): культ Афродиты, кроме того, широко засвидетельствован на Боспоре. См. Strabo, XI, 2, 10 и прим.; возможно, что известие Ямблиха относится к святилищу Афродиты Анапурты на Таманском полуострове].

² [Это имя, как теофорное, отождествляется с эпитетами некоторых переднеазиатских солнечных божеств—Мен Фарнаку и Баал Фарнак (или Фарнук)].

³ [Фарсири (персидский оригинал грецизированного имени Парисатис—«с блестящим ликом»), отождествляется предположительно Höfer'ом (Roscher Ausf. Lexicon f. Gr. u. Röm. Mythologie, III, ст. 2286) с местным наименованием реки Танаиса—Σίλις, засвидетельствованным у Eust. к Dion. Per., 14].

⁴ [О Танаисе, как о божестве массагетов, сообщает Максим Тирский (Diss., XIII, 8). Это божество, по праиницированной мифологической версии, переданной Псевдо-Плутархом (de flux., 14, 1), было потомком Беросса и амазонки Лисиппы].

⁵ [Под мистериями в данном случае надо понимать массовые празднества в честь упомянутых выше богов, имевшие, вероятно, как и многие другие празднества солярных божеств, оргиастический характер].

⁶ [У Латышева Σχορβοφράγης] (Трюфелев)].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В ВДИ № 1/23/

AA—Archäologischer Anzeiger
AM—Athenische Mitteilungen
AJA—American Journal of Archaeology
АрмФАН—Армянский филиал Академии Наук СССР
АзФАН—Азербайджанский филиал Академии Наук СССР
AZ—Aegyptische Zeitschrift
BASOR—Bulletin of American Schools of Oriental Research
BEFEO—Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient
BH—A. Moberg, The book of Himyarites.
BSOS—British School of Oriental Studies
BZ—Byzantinistische Zeitschrift
CAH—Cambridge Ancient History
CGF—Comicorum Graecorum Fragmenta
CIA—Corpus Inscriptionum Atticarum
CIG—Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL—Corpus Inscriptionum Latinarum
CJ—Classical Journal
CRAI—Comptes-Rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres.
CSCO—Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium
ДАН—Доклады Академии Наук СССР
DP—Allotte de la Fuye, Documents Présargoniques
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua
FHA—Fontes Hispaniae Antiquae
FHG—Fragmenta Historicorum Graecorum
ГИМ—Государственный исторический музей
GGM—Geographi Graeci Minores
ГМИИ—Государственный музей изящных искусств
ГрузФАН—Грузинский филиал Академии Наук СССР
ИАК—Известия археологической комиссии
ИАН(ООН) Известия Академии Наук (Отделение общественных наук)
ИГАИМК—Известия Государственной академии истории материальной культуры
IG—Inscriptiones Graecae
IOSPE—Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
ИТОИАЭ—Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК—Известия Таврической Ученой Археологической Комиссии
ИВАН—Институт Востоковедения Академии Наук
ИЖ—Исторический журнал
JA—Journal Asiatique
JAOS—Journal of American Oriental Studies
JASB—Journal of the Asiatic Society of Bengal
JBL—Journal of Biblical Literature
JDAI—Journal des deutschen archaologischen Instituts
JEA—Journal of Egyptian Archaeology
JfPh—Jahrbuch für Philologie
JHS—Journal of Hellenic Studies
JNES—Journal of Near Eastern Studies
JPOS—Journal of Palestine Oriental Society
JRS—Journal of the Royal Asiatic Society
JRS—Journal of Roman Studies
КирФАН—Киргизский филиал Академии Наук
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК—Материалы по археологии Кавказа
МАР—Материалы по археологии России
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
MVAG—Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft
NJCPH—Neue Jahrbücher für Classische Philologie

- NJWJ—Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung
 ОАК—Отчет Археологической комиссии
 PG—Patrologia Graeca
 PhW—Philologische Wochenschrift
 ПИДО—Проблемы истории доклассовых обществ
 ПИМК—Проблемы истории материальной культуры
 PLG—Poëtae Lyrici Graeci
 PPE—Periplus Ponti Euxini
 RAA—Revue des arts asiatiques
 RA—Revue archéologique
 RAs—Revue assyriologique
 RE—Pauly—Wissowa—Kroll, Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REp—Revue épigraphique
 REJ—Revue des études juives.
 RhM—Rheinisches Museum
 RTC—F. Thureau-Dangin, Recueil des Tablettes Chaldéennes
 СА—Советская археология
 SBAW—Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 СВ—Советское востоковедение
 SC—B. Latyschew, Scythica et Caucasica
 СЭ—Советская этнография
 SEG—Supplementum Epigraphicum Graecum
 SENHW—M. I. Rostovtzeff, Social and Economic History of Hellenistic World
 SHA—Scriptores Historiae Augustae
 SIG—Sylloge Inscriptionum Graecarum
 СЯ—Советское языкознание
 SPAW—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
 STH—M. I. Hussey, Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum
 TGF—Tragicorum Graecorum Fragmenta
 ThLG—Thesaurus Linguae Graecae
 ТОИКИВ (ТОВЭ)—Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа
 TSA—H. Genouillac, Tablettes sumeriennes archaïques
 ТурФАН—Туркменский филиал Академии Наук СССР
 УзФАН—Узбекский филиал Академии Наук СССР.
 ВДИ—Вестник древней истории
 ВСОРГО—Вестник Среднеазиатского отделения Российского географического общества.
 ЗВОРАО—Записки Восточного отделения Российского археологического общества
 ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Против низкопоклонства перед иностранщиной в области древней истории	3
<i>Акад. А. И. Тименев.</i> Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины	12
<i>Проф. И. М. Дьяконов.</i> Еще о термине guguš (kal) в шумерском языке	31
<i>Проф. С. И. Ковалев.</i> Заговор «пажей»	34
<i>Акад. Р. Ю. Виппер.</i> Этические и религиозные воззрения Сенеки	43
<i>Проф. А. В. Мишулин.</i> Иберийский род и его эволюция в древней Испании	64
<i>Н. В. Пигулевская.</i> Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-римской империей	87

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Я. А. Ленцман.</i> Вопросы древней истории в «Ученых записках» университетов и педагогических институтов	98
<i>Р. М. Джантоладян.</i> Статьи по истории древнего мира в изданиях АН Арм. ССР	107
<i>Проф. И. Н. Бороздин.</i> Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии. Часть I	110
<i>Проф. А. Абрамян.</i> Я. А. Манандян, Критический обзор истории армянского народа. Т. I	115
<i>Проф. Н. Ф. Дератани.</i> Проф. И. М. Тронский, История античной литературы	120
<i>О. Н. Юлкина.</i> А. В. Мишулин, Спартак	126
<i>Б. И. Надэль.</i> Раскопки в Арикамеду	128
<i>И. С. Кацнельсон.</i> Т. Sève-Söderbergh, Aegypten und Nubien	130
<i>Л. А. Ельницкий.</i> Этруски и греки	133

ХРОНИКА

<i>Акад. В. В. Струве.</i> Творческий путь Ф. Шамполлиона	139
<i>Д. Г. Капанадзе.</i> Новые материалы к изучению статов царя Аки	150
<i>Г. Д. Белов.</i> Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи	155
<i>Р. В. Ахмеров.</i> Клейменные черепицы древнегреческого Херсонеса	163
<i>Проф. С. В. Киселев.</i> К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири	169
<i>Проф. С. И. Ковалев.</i> Исторический научно-исследовательский институт ЛГУ	177
<i>Н. М. Постовская.</i> Сектор древней истории Института истории АН СССР в 1947 г.	179
<i>О. В. Кудрявцев.</i> Кафедра истории древнего мира МГУ	181
<i>З. А. Мишина.</i> Кафедра истории древнего мира МГПИ им. В. И. Ленина	183
<i>Проф. Н. Ф. Дератани.</i> Кафедра классической филологии МГПИ имени В. И. Ленина	184
<i>А. П. Иванова.</i> Керченский государственный историко-археологический музей им. А. С. Пушкина	185
<u>Ю. С. Н. Джанашиа</u> (некролог)	188

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>С. Л. Утченко.</i> Воззрения Саллюстия на идеальное государственное устройство	190
<i>Б. И. Надэль.</i> Об экономическом смысле оговорки $\chi\alpha\rho\iota\varsigma\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\eta\nu\ \pi\rho\alpha\sigma\chi\eta\nu\ \theta\omega\pi\iota\alpha\varsigma\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\sigma\chi\alpha\rho\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma$ боспорских манумиссий	203
<i>Т. В. Блаватская.</i> Греки и скифы в Западном Причерноморье	206
<i>К. Ф. Смирнов.</i> О погребениях роксолан	213
<i>Н. Гринбаум.</i> К одному фрагменту Сафо	219

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>В. В. Латышев.</i> Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	221
---	-----

Подписано в печать 19.11.1948 г.
А 00373. Заказ № 1019. Печатных
лист. 20. Уч.-издат. лист. 34,5
Тираж 6000. Цена 30 руб.

16-я типография треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Ссвете
Министров СССР.
Москва, Трехпрудный, 9.

Редакционная коллегия:

{ Проф. Н. А. Машкин
Проф. А. В. Мишулин (редактор)
Проф. А. Б. Рансвич (зам. редактора)
Акад. В. В. Струве
Акад. И. И. Толстой

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР.
Телефон К-3-75-69.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ, т. 24, 1947 г., цена 25 руб.

(Имеются в продаже тт. 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23)

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Вып. 17, 1947 г., цена 14 руб.

Вып. 18, 1947 г., цена 5 руб.

(Имеются в продаже вып. 12, 13, 14, 15, 16).

***КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ
ПЛАТЕЖОМ***

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б. Черкасский пер., 2, Контора «АКАДЕМКНИГА»

Книги продаются также в магазинах «АКАДЕМКНИГА»:

Москва, ул. Горького, 6, корпус «Б»

Ленинград, Литейный проспект, 58а

Киев, Владимирская, 53

Ташкент, ул. К. Маркса, 29

Свердловск, ул. Малышева, 58